СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Доклады в О-ве историков-марксистов

Преподавание истории

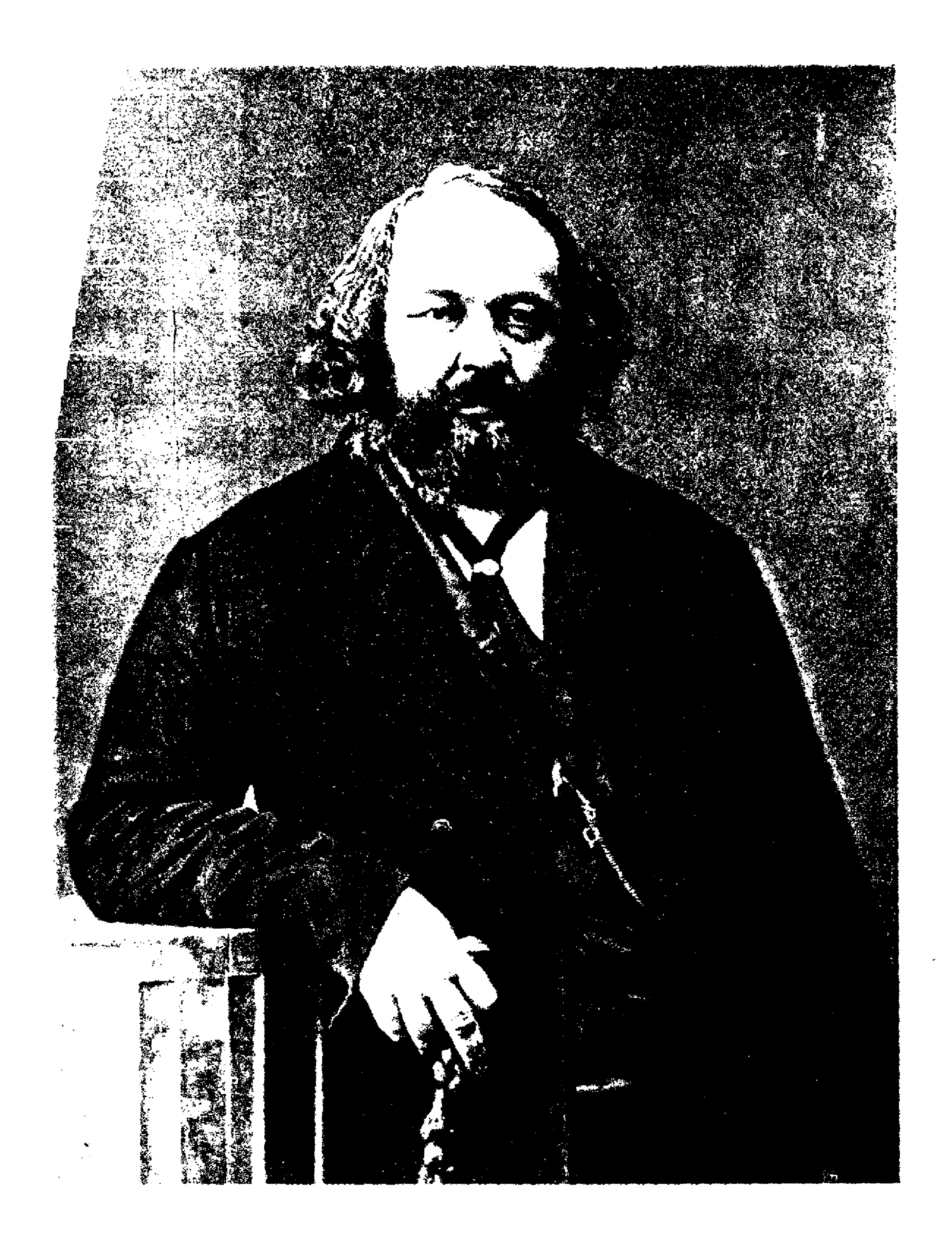
Библиография

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Обзор исторических журналов

Рецензии

Хроника

М. А. Бакунин

(1814—1876 г.)

Вяч. Полонский

Бакунин в Первом Интернационале [1]

I

Вопрос о взаимоотношениях Бакунина и Маркса еще не потерял исторического интереса. Это утверждение в особенности правильно для русского читателя, который лишь в последние годы получил возможность познакомиться с Бакуниным. Но именно в области отношений Бакунина и Маркса представления русского читателя недостаточно ясны. Исследования, которое обстоятельно рассмотрело бы и осветило этот вопрос, еще не существует. С одной стороны, анархистская литература, переведенная на русский язык [2], изображает эту историю с пристрастием, лишающим ее серьезного научного значения; мастера создавать легенды, анархистские писатели немало потрудились в этом смысле именно вокруг взаимоотношений Бакунина и Маркса. Марксистских же работ, касающихся проблемы «Маркс—Бакунин», до смешного мало. Кроме Меринга, затрагивающего этот вопрос в «Истории жизни Карла Маркса», и Г. Иекка, подобно анархистам чрезвычайно далекого от научного беспристрастия, следует назвать статью Э. Бернштейна [3], затем статью Ю. Стеклова «Маркс и Бакунин» [4] и, наконец, Д. Рязанова, о которой ниже. Работы Бернштейна и Стеклова, при значительном богатстве фактами, дают, тем не менее, поверхностную картину борьбы, не обнажая ее наиболее существенного пункта. Обоим авторам, в особенности же Бернштейну, присуща некая адвокатская поза, заставляющая их искать какого-то примиренческого решения, при котором обоим противникам по возможности был бы вынесен оправдательный приговор. Поза эта, оппортунистическая по существу, уменьшает, разумеется, научную ценность исследования, которое не ставит себе задач обвинения или защиты, а единственно точное и документальное восстановление того, что было, и выяснение причин, обусловивших неизбежность того, что было.

Значительно большую историческую ценность имеет критическое исследование Д. Рязанова «Анархистский товар под флагом марксизма» [5].

---

1) Из книги „Маркс и Бакунин". Готовится к печати.

2) Д. Гильом—„Карл Маркс и Интернационал"; „Интернационал", т. т. 1 и 2; М. Неттлау—„Жизнь и деят. Бакунина"; Н. К. Лебедев—„К истории Интернационала"; В. Черкезов—„Вступительный очерк в собр. соч. Бакунина": все—издания „Голоса Труда".

3) „Минувшие годы", 1908 г., январь—февраль, „Карл Маркс и русские революционеры".

4) Сборник „Борцы за социализм" ч., I. Госиздат. 1923 г.

5) „Очерки по истории марксизма", изд. „Моск. рабочий". М. 1923 г.

Оно посвящено книге Фрица Бруппбахера «Маркс и Бакунин» и больше чем какая-нибудь другая работа сделало для освещения подлинной картины взаимоотношений Бакунина и Маркса. Целый ряд анархистских легенд Д. Б. Рязанов превратил в прах своей острой и, главное, документальной критикой. В ряду работ, посвященных Бакунину и Марксу, работа Рязанова занимает самое видное место. Но, преследуя по пятам анархистского «историка», Рязанов не ставил своей задачей нарисовать полную картину. Поэтому ее создание стоит еще в порядке дня наших исторических работ. И настоящая статья, небольшой и сжатый отрывок задуманной работы, является лишь фрагментом, ни в малой степени не претендующим на сколько-нибудь полное освещение конфликта. Она должна представить интерес для нашего читателя, во-первых, потому, что в центре ее будет стоять основной, по мнению автора, вопрос, сделавший невозможным совместное пребывание в Интернационале Бакунина и Маркса и бывший конкретным и непосредственным поводом к борьбе; во-вторых, в основу статьи положена переписка Бакунина, до сих пор не опубликованная на русском языке и поэтому неизвестная русскому читателю.

II

Мы не будем здесь подробно характеризовать легенды о причинах ненависти Маркса к Бакунину. По этому вопросу в анархистском стане царит удивительное единодушие: Неттлау и Гильом, Бруппбахер, Черкезов, Виктор Дав и М. П. Сажин, Бенуа Малон и Н. К. Лебедев и др.—все они сходятся в приписывании Марксу завистливой злобы, ревнивой зависти и проистекавшего отсюда желания убить конкурента, лишить его влияния, дискредитировать, уничтожить. Корни такого единодушия нам известны: это, главным образом, рукопись Бакунина «Мои личные отношения с Марксом», его письма к друзьям, в которых он, воздавая как будто должное учености Маркса, вместе с тем систематически хулил его и чернил в глазах своих учеников, награждал всеми пороками, подозревал в черных замыслах, и нет ничего удивительного в том, что внушения Бакунина в конце концов посеяли в бакунистах глубокое убеждение, будто истинным двигателем Маркса в его отношениях к Бакунину были именно злоба, тщеславие, ревность. Порочащие и дискредитирующие Маркса определения, которыми награждал его Бакунин, ни на иоту не уступают, но во многом превосходят резкие и порочащие Бакунина замечания, которые рассыпал по его адресу в своей переписке Маркс.

Анархистские историки (а вслед за ними и Э. Бернштейн) подчеркивают, как Бакунин высоко ценил Маркса и как он заслуги Маркса отмечал в своих печатных выступлениях. Они не замечают только, что Бакунин выступал с этими оценками в качестве чрезвычайно тонкого и хитрого политика. Еще в своем знаменитом письме Герцену [1]) от 28 октября 1869 г., в ответ на удивление последнего о причинах похвал по адресу

---

[1]) См. „Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву". Драгомановское издание. Женева. 1896 г., стр. 233.

Маркса, Бакунин раз'яснял ему, что он «пощадил и превознес» Маркса не только из «справедливости», но и из соображений политических и тактических. «Тактика» и «личная политика»—а Бакунин считал себя отменным тактиком и политиком—заставляли его расточать похвалы Марксу в тех именно письмах, которые имели целью его совершенно дискредитировать. О! Бакунин был слишком умен, чтобы не понимать, что дискредитировать Маркса—задача нелегкая. Хотел он или не хотел, но отказывать Марксу в признании заслуг, в необычайной учености, в преданности делу пролетариата было совершенно невозможно. Оттого-то Бакунин постоянно, перед тем как пустить в Маркса отравленную стрелу, начинал с похвал. Таким приемом он убивал двух зайцев: с одной стороны, в глазах своих последователей и даже противников он приобретал репутацию страшно об'ективного человека, с другой стороны, такая завидная репутация повышала удельный вес его подозрений и обвинений, рисовавших Маркса лицемерным, завистливым и беспощадным чудовищем. «Я считаю Маркса весьма серьезным, хотя и не всегда вполне искренним революционером», ехидно бросает Бакунин в одном из своих писем [1]). Весьма тонко, прикрываясь похвалами, он сеет недоверие к Марксу. «Маркс не охотник до того, чтобы делить с кем-нибудь власть». В том же письме, предназначенном для публикации, он говорит о «тайной и реальной власти г. Маркса. Г. Маркс до корней волос проникнут пангерманистскими настроениями». «Г. Маркс слишком умный и в то же время слишком тщеславный и честолюбивый немец», он «мистифицировал» английских членов Ген. Совета, «злоупотреблял» их доверием, действует «без зазрения совести», у него «дар интриги и решимость не останавливаться ни перед какой низостью», торжество Бисмарка после Франко-Прусской войны жестоко обескуражило Маркса— «кто то другой, а не он прошумел и достиг высоты». Маркс движим «политическим честолюбием» [2]), «инстинкты Маркса менее бескорыстны чем инстинкты Мадзини», «он заражен стремлением к власти, любовью к господству, жаждой авторитета», он «пангерманист до мозга костей», «он никогда не простит погрешности в отношении к его собственной личности», «с той минуты, как он прикажет начать преследование, преследование это уже не останавливается ни перед какими низостями и подлостями», он одушевлен часто «мелочной ненавистью» и т. д. и т. п. Мы опускаем ряд язвительных уколов, подчеркивающих еврейское происхождение Маркса— как известно, интернационалист Бакунин был вместе с тем отчаянным антисемитом,—но и без них картина «справедливого«, «рыцарского» отношения Бакунина к своему противнику делается ясной. А мы привели лишь небольшую часть отрывков всего из двух работ Бакунина. А такие и подобные определения рассеяны в изобилии по страницам бакунинских писем и некоторых его опубликованных работ. До чего доходила неприязнь Ба-

---

[1]) Lettre au Journal „La Liberté de Bruxelles"; Oeuvre, tome IV, Paris, 1910, p. p. 350 и дальше.

[2]) „Persönliche Beziehungen zu Marx". Michael Bakunin, Gesammelte Werke, Band III, Verlag „Sindikalist", 1924 г. Berlin S. 207 и дальше. Цитируем по этой новейшей немецкой публикации. Оригинал этой рукописи—на французском яз.

кунина к Марксу и марксистам, можно заключить хотя бы по его письму в газету «Le Rèveil»; Герцен, прочитав письмо, решительно не советовал Бакунину печатать это произведение; другого примера такого бешеного и слепого антисемитизма не знает революционная литература.

Нет поэтому никаких оснований признавать за Бакуниным положение стороны, менее. чем его противники, стеснявшейся в выборе средств борьбы. Дело не в этих средствах, а именно в борьбе, в тех позициях, которые поставили Бакунина и Маркса лицом к лицу и сделали примирение невозможным.

III

Фридрих Энгельс в недавно опубликованных письмах к Т. Куно, председателю комиссии на Гаагском конгрессе, рассматривавшей вопрос об Альянсе и Бакунине[1]), четко и ясно подчеркнул самую суть отношений, существовавших между Бакуниным и Марксом. Это были отношения борьбы. Личная неприязнь, отражавшаяся в переписке и взаимных оценках, была лишь случайным и поверхностным отражением их глубокого и непримиримого, не личного, столкновения. Личной неприязни. вообще говоря, могло и не быть. Она была несущественным, привходящим моментом. Но если бы даже ее не было, взаимоотношения Бакунина и Маркса от этого не сделались бы более добрыми. Быть может, смягчилась бы некоторая резкость выражений, но жестокость самой борьбы оставалась бы прежней. Ибо вопрос шел не о пустяках. которые можно было бы принести в жертву личным отношениям. Вопрос шел о судьбе Интернационала. о том, в какую сторону поворачивать рычаг мировой революции. Не в том была сила, что Бакунин хотел влиять на повороты этого рычага. Сила была в направлении: куда он думал его двигать. И когда обозначилось, что судьба Интернационала зависит от того, в чьих руках окажется рычаг,—с этого момента борьба сделалась беспощадной.

Самый вопрос о том, имел ли Бакунин намерение вырвать «рычаг» из рук генерального совета, были ли у него какие-нибудь агрессивные планы или не были, этот вопрос—основной в истории отношений Бакунина и Маркса—недостаточно освещен. Анархистская легенда продолжает же настаивать на том. что Бакунин оказался невинным и оклеветанным, прекраснодушным и доверчивым энтузиастом. А ведь эта легенда покоится на таких «авторитетах» анархистской историографии, как Макс Неттлау и Джемс Гильом. «Мы встречаем в разных формах стремление подменить программу Интернационала программой Бакунина и его компании», — писал Энгельс Теодору Куно,—а ведь такое определение намерений Бакунина неизмеримо далеко от анархистского определения Бакунина, как мирного и безобидного идейного противника Маркса, лишь защищавшего свободнические, анти-авторитарные тенденции от централистских посягательств Маркса.

Не только характер воззрений Бакунина, к которым Маркс относился весьма пренебрежительно, вызвал вражду Маркса. Бакунин со своим «свобо-

[1]) См. „Печать и Революция". 1926 г. Книга третья.

дническим» направлением мог ужиться в Первом Интернационале, который в ту эпоху не был созданием одной политической партии, мог вмещать в себе и вмещал представителей различных политических и теоретических школ. Но Бакунин был человеком дела; немедленно, тотчас, не откладывая ни на минуту, он применял свои теории на деле, превращая их в революционный факт, искал им организационное выражение. С его теорией социальной революции можно было спорить. Но споры прекращались, лишь только эту свою теорию он пытался осуществить. А такая именно попытка в недрах Интернационала, за спиной Ген. Совета, создать тайный аппарат для руководства Интернационалом ставила его в положение человека, опасного для Международного Товарищества Рабочих.

И Маркс, и Бакунин превосходно понимали, что на карту поставлена судьба мирового рабочего движения, ближайшее будущее социальной революции. Кто из них мог отказаться от своего взгляда на мир, от своих организационных принципов? Мог ли это сделать Маркс? Нет. Мог ли это сделать Бакунин? Также не мог. Оба они не уступали друг другу в «одержимости» революционной идеей. Суб'ективно, психологически оба были правы, оба защищали свои революционные планы. Но ведь речь идет не о суб'ективных оценках, а об об'ективном смысле этого столкновения.

IV

Необходимо отметить, что вокруг имени Бакунина скопилось много обвинений и подозрений. Клевета преследовала его по пятам. Но подозрительность, которую питали к нему противники отчасти по вине этой клеветы, не имела своим источником борьбу в Первом Интернационале. Если бы Бакунин такой борьбы не вел, если бы в полном согласии с Марксом осуществлял он задачи МТР—подозрительное отношение к Бакунину вряд ли исчезло бы без остатка: ряд несчастных обстоятельств его биографии оставил некоторую тень в сознании его современников. С другой стороны, если бы этих подозрений не было, то и без них борьба между Бакуниным и Марксом разгорелась бы с неменьшей яростью. Вопросы о недоверии к Бакунину—вопросы случайные, лишь усложнившие обстановку борьбы, но ни в какой мере ее не обусловившие. Борьба с Бакуниным подогревала старые обвинения, но не создавала их. Это обстоятельство упускается из виду анархистами. Для них все недоверие к Бакунину было результатом интриги Маркса и Марксовой «шайки». Так ославил Маркса Герцен, и ложная версия сделалась господствующей в анархистской литературе. «Слепая ненависть к Бакунину», по выражению Макса Неттлау [1]), в изображении анархистов сделалась главным руководителем Маркса и Энгельса в их отношении к основателю международного альянса социалистической демократии.

---

1) Bakunins Gesammelte Werke, в. III, S. 177, указанн. изд.

V

Центральное место в этой истории занимает вопрос о тайной организации, созданной Бакуниным. Чтобы сделать более ясным дальнейшее изложение, мы позволим себе одно необходимое отступление.

После неудачи польского восстания 1863 г. Бакунин уехал в Италию и до 1867 г.,—исчез с политического горизонта Европы. Годы 1864—1867 были эпохой радикальной переоценки его мировоззрения. В эти годы анархизм делается его исповеданием, и вместе с тем начинается деятельность Бакунина—конспиратора, организатора тайных обществ. В Италии и был основан тот тайный международный союз революционных социалистов, с которым позднее Интернационалу пришлось иметь дело.

В средине 1864 г. Бакунин совершает поездку из Италии в Швецию, откуда через Лондон возвращается обратно. В Лондоне он встречается с Марксом в начале ноября 1864 г., вслед за учреждением Интернационала. Инициатива свидания исходила от Маркса. Бакунин находился под впечатлением ошибочных росказней Герцена об участии Маркса в клеветах, которыми преследовали Бакунина в то время, когда он находился в Сибири [1]). На этом свидании Маркс не только попытался выяснить истинное отношение свое к Бакунину, далекое от неприязни (он ведь публично защищал его от клеветников в лондонских газетах), но и предложил Бакунину вступить в Интернационал, оформил это вступление, снабдил его учредительным адресом и статутами Интернационала, получив от Бакунина обещание способствовать распространению МТР в Италии. 4 ноября, в день от'езда Бакунина, Маркс сообщил об этом свидании Энгельсу, передавая ему поклон Бакунина: «Я вчера опять увидел его, впервые после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне понравился, и лучше прежнего... В общем, он один из немногих людей, которого я, по прошествии шестнадцати лет, нашел ушедшим не назад, а вперед» [2]).

Но отправившись в Италию, Бакунин как в воду канул. Он не только ничего не делал для «Интернационала», но упорно отмалчивался, ответив лишь на третье письмо Маркса; два предшествовавших остались без ответа. И в письме от 7 февраля 1864 г., отвечая Марксу, Бакунин, говоря о разных вещах и оправдывая свою медлительность ссылкой на Гарибальди, который-де задерживает ответ, по существу не сообщил ни слова о своей подлинной деятельности и о том, что для Интернационала он ничего не сделал и делать не намеревался. После этого письма Бакунин с головой ушел в дела своего тайного общества.

Интернационал тем временем вырастал в мощную организацию. В 1867 г. в Лозанне собрался его второй конгресс, и вот в этом-то году появился на горизонте Бакунин, но не на конгрессе Интернационала, в члены которого он был принят в 1864 г. и развитию которого обещал содействовать, а среди буржуазных пацифистов «Лиги Мира и Свободы».

---

[1]) См. об этом в указанн. работе Д. Рязанова, а также нашу работу „Бакунин", том I (2-е изд.). Госиздат, 1925 г., стр. 236, и примечания 91 и 126 (стр. 416 и 443).

[2]) Д. Б. Рязанов, „Очерки по истории марксизма" указанн. изд. (стр. 211).

Как известно, на первом же конгрессе Лиги он был избран в ее центральный комитет, перебрался в Швейцарию и лишь в июле 1868 г. вступил в женевскую секцию Интернационала, оставаясь членом центрального комитета Лиги Мира и Свободы.

Ни Гильом, ни Макс Неттлау, ни другие исследователи не дали нам ясного и убедительного истолкования всех этих происшествий. Джемс Гильом об'ясняет все это тем, что Бакунин еще имел веру в буржуазных демократов, что Лига Мира и Свободы представлялась ему более революционной и боеспособной, чем МТР [1]).

Нам думается, что «бакунисты» недооценивают здесь всего размаха стратегических замыслов Бакунина.

Бакунин вошел в Лигу не спроста; его целью был захват в свои руки этой организации. Ведь он со своими сторонниками (а вслед за ним в Лигу вошли его друзья) представлял то самое инициативное организованное меньшинство, которое, по его убеждению, могло руководить массами. Члены же Лиги Мира представляли собой весьма рыхлое, неорганизованное собрание многоречивых людей, среди которых можно было найти немало охотников вообще пойти за красным словцом. Нет поэтому ничего невероятного в следующем предположении: подготовляя ко второму с'езду Лиги обширное. оставшееся незаконченным «Мотивированное предложение Центр. Комитету Лиги Мира и Свободы», Бакунин намеревался на этом с'езде дать бой буржуазному большинству, оторвать от него некоторую часть, увлечь ее за собой,организовать с помощью своей фракции перевес и провести в Центральный Комитет Лиги свое большинство. Если бы такой план удался—а говорить о том, что это было абсолютно невозможно не приходится,—Бакунин оказался бы во главе международной организации, которая плохо ли — хорошо ли, но была способна на некоторые весьма полезные функции под руководством и контролем его тайного альянса. Ведь по его проекту 1866 года, «альянс» должен был состоять из двух частей: явной, не возбуждающей подозрений, и тайной, тщательно законспирированной. А став во главе Лиги, Бакунин получал в свои руки весьма сильное орудие для воздействия на Интернационал. Вопрос заключался лишь в том, чтобы связь с Интернационалом была установлена возможно более крепкая. Политика, которую проводил Бакунин в Лиге Мира по отношению к Интернационалу, была политикой чрезвычайно предупредительной. Неслучайно именно Бакунин был вдохновителем предложения, внесенного на Женевском конгресе Лиги Густавом Шоде, которое сводилось к тому, чтобы об'единить деятельность Лиги и Интернационала на основе

---

[1]) Д. Гильом.—„Карл Маркс и Интернационал", изд. „Голос Труда". Москва, 1921 г., стр. 18—19. Не раз'яснил нам пока этого вопроса и Ю. М. Стеклов. Касаясь непонятного поведения Бакунина, он пишет: „Делал ли он это потому, что в нем продолжали действовать старое недоверие и антипатия к Марксу, побудившие его искать самостоятельной работы вне Интернационала, где Маркс играл руководящую роль, или же потому, что он сам хотел играть первую скрипку, не желая ограничиться подчиненной ролью, все это—вопросы, которых мы здесь не хотим касаться" („Маркс и Бакунин" в сборнике „Борьба за социализм", ч. I, тр. 272. 2-е изд. Госуд. издат-ва, 1923 г.).

взаимных уступок: рабочие обязуются помогать буржуазии своими голосами, буржуазия будет помогать рабочим в их экономической борьбе.

Но Бакунин получил удар со стороны, откуда он, пожалуй, его не ожидал. Брюссельский конгресс Интернационала, собравшийся в сентябре 1868 года, за несколько дней до конгресса Лиги Мира, в ответ на приглашение центрального комитета Лиги прислать своих представителей на ее второй конгресс, также инспирированное Бакуниным [1]), ответил резолюцией, отрицавшей право на существование этой международной организации при наличности Международного Товарищества Рабочих. Это постановление Генерального Совета выбило почву из-под ног Бакунина, для которого огромное революционное значение Интернационала сделалось совершенно ясным. При таком отношении Интернационала к Лиге, он, даже если бы оказался во главе последней, становился в положение человека, враждебного Интернационалу. Захват власти в Лиге, таким образом, был не только бесполезным, но вредным; рассчитывать на какую-нибудь унию, на какие-нибудь условия совместного существования было безнадежно. Рушился его замысел сблизить Лигу с Интернационалом. Бакунин с шумом выходит из Лиги, внеся на конгресс ряд революционных предложений, смысл которых мог вызвать только отрицательное отношение буржуазных радикалов. Вместе с Бакуниным из Лиги организованно вышла и фракция бакунистов в числе 18 человек,—имена их будут встречаться в дальнейшей борьбе, но уже в пределах Интернационала.

В тот же самый день, 25 сентября 1868 г., выступившие из Лиги бакунисты организовали Международный Альянс социалистической демократии, принявший программу Интернационала и пожелавший войти в Интернационал как самостоятельная часть, со своим центральным комитетом и даже с сепаратными конгрессами. Генеральный Совет отклонил это предложение.

Инцидент с попыткой ввести внутрь Интернационала самостоятельную организацию с обособленным центральным комитетом и с'ездами, во главе с Бакуниным, можно было бы считать законченным, если бы он не осложнился следующим обстоятельством.

«Альянс», основанный в 1868 г. в Швейцарии, был лишь легальной частью бакунинского плана. За этим альянсом существовала тайная организация, более узкая, имевшая особый устав. Эта организация была ветвью того всемирного тайного альянса, который заложен был Бакуниным в Италии. В противовес Интернационалу, основанному в Лондоне в 1864 году, Бакунин задался дерзкой мыслью осуществить грандиозный план тайного интернационала, всемирного заговора с центральной директорией во главе, с «интернациональной семьей» законспирированных, подчиненных железной дисциплине братьев, с «национальными семьями», т.-е. с целой сетью тайных организаций, основанных в отдельных странах и подчиненных организационно руководящему тайному интернациональному центру.

---

[1]) Guillaume, L'Internationale, v. I, p. 72.

Таков был в нескольких словах план Бакунина, детально разработанный им в огромном, еще не опубликованном на русском языке, проекте [1]). Деятельность Бакунина в Италии, его равнодушие к «явному» Интернационалу, его появление в Лиге Мира и Свободы, его дальнейшие шаги,— все это получает стройность и ясность в свете основного, чудовищно-смелого замысла организовать социальную революцию с помощью тайного всемирного союза централистически об'единенных революционеров разных стран и наций.

«Тайный Альянс», скрывавшийся за явным, возникшим в день выхода бакунистов из Лиги Мира и Свободы, и был швейцарской ветвью осуществлявшегося по частям плана Бакунина.

VI

Ген. Совет и Маркс, его главный руководитель, могли мириться с бакунизмом, прудонизмом, бланкизмом и другими направлениями в Интернационале. Но Ген. Совет, как и всякий иной руководящий орган любой революционной организации не мог терпимо отнестись к попытке в недрах руководимой им организации создать другую, тайную организацию, которая, под покровом конспирации, за его спиной, будет осуществлять цели, ему неведомые, толкать движение на путь непредвиденный. Совершенно очевидно, что если тайный Альянс в пределах Интернационала был создан, если у Ген. Совета, у Маркса в частности, имелись основания считать действительными такие подозрения,—тогда сам собой разрешается вопрос о справедливости или несправедливости жестокой борьбы, которую вел Маркс с Бакуниным в Интернационале. Борьба была неизбежна, необходима, целесообразна: этого требовали интересы революции. Но вот этот именно вопрос: существовал или не существовал тайчый бакунинский Альянс в недрах МТР, и требует освещения.

Макс Неттлау, наиболее авторитетный знаток биографии Бакунина, а вслед за ним и Джемс Гильом, соратник Бакунина и вождь Юрской федерации, и признают, и отрицают существование тайного Альянса.

Джемс Гильом в своей истории Интернационала признает, что, появившись на конгрессе Лиги Мира и Свободы с мандатом от итальянского Альянса, Бакунин имел намерение внедрить в Лигу программу своего революционного общества. Год спустя, порвав с буржуазными демократами, Бакунин «предложил революционно-социалистическому меньшинству (т.-е. своим друзьям, членам Альянса, вместе с ним бывшим членами Лиги. *Вяч. П.*) выйти из Лиги и войти всем вместе в Интернационал, сохраняя в то же время между собой интимную связь, т.-е. сохранив альянс революционных социалистов в форме тайного общества и расширив его» [2]) (курсив мой. *Вяч. П.*).

---

[1]) Подробнее см. об этом в нашей статье „Тайный Интернационал Бакунина“, „Каторга и ссылка“, 1926 г., июль.

[2]) D. Guillaume — L'International. Documents et souvenirs (1864--1878). Paris, 1910 г., 4 тома, т. I, стр. 78—79.

«Предложение вступить в Интернационал было принято единодушно,— продолжает Гильом.—Что же касается до Альянса, то французы и итальянцы желали, чтобы, сохраняя свой секретный интимный характер тайного общества, он появился в то время на свет как публичная организация, под названием Международного альянса социалистической демократии».

Бакунин возражал против создания открытого альянса, указывая на нежелательность существования его рядом с Интернационалом. Он, однако, должен был уступить. Открытый альянс об'явил себя существующим. Так говорит Гильом, но завесы над тайным альянсом не приподнимает: он обходит его, ограничившись глухой фразой, напечатанной нами курсивом.

Рассказ этот ни в чем не противоречит точке зрения М. Неттлау.

Да это и понятно, так как Гильом составлял свой труд в значительной мере по материалам М. Неттлау и не мог не усвоить точку зрения последнего. В своей новейшей работе—в предисловии к «Нескольким документам международного братства и тайного альянса» [1])—Неттлау в след. выражениях говорит об этом предмете:

«На Бернский конгресс Лиги Мира и Свободы прибыли ближайшие товарищи Бакунина, международные братья разных стран; вместе с ним они, заявив коллективный протест, 25 сентября 1868 г. вышли из Лиги и были готовы продолжать свою деятельность в рамках Интернационала. Бакунин (судя по его русским запискам 1873 г.) предложил им вступить в Интернационал, сохраняя свой «Союз социалистов-революционеров», который должен был быть расширен и превращен в тайное общество. Члены союза французские и итальянские пожелали, чтобы союз получил одновременно открытую организацию, как международный Альянс социальной демократии, существующий независимо от Интернационала, к которому члены Альянса принадлежали бы персонально. Бакунин возразил против этого, что такой новый интернационал повел бы к совершенно нежелательному соперничеству в деле организации трудящихся. Было решено основать открытый международный Альянс и сделать его органической составной частью Интернационала, программа которого была бы обязательна для каждого члена; далее была выработана особая программа Альянса; по словам Жуковского она представляла собой в сокращенном виде более обширный проект Бакунина.

«Об этом было заявлено 25 сентября при выходе из Лиги. Затем, в начале октября, часть членов собралась на неделю в Женеве, где и получила более или менее временное разрешение организационная задача, совершенно напрасным образом осложненная учреждением открытого международного Альянса, последовавшего против желания Бакунина. К этому времени относятся проекты Бакунина, частью вследствие злоупотребления доверием попавшие в руки Маркса, который в сентябре 1873 г. опубликовал их в лондонской брошюре, направленной против Альянса,

---

[1]) Michael Bakunin. Gesammelte Werke. Verlag Syndikalist. Berlin, 1924 г., в. III, SS. 79—80.

частью сохранившиеся в наследии И. Ф. Беккера (напечатаны Д. Рязановым в «Архиве» проф. Грюнберга, т. V. 1914), частью найденные мною в бакунинских бумагах (см. «Биографию»); сюда надо добавить некоторые другие следы этих документов или другие документы, к ним относящиеся. Проектов организации я здесь не привожу; примером их может служить проект 1886 г. о национальных и международных братьях; целью всех их было—под руководством постепенно суживающихся кружков самых убежденных революционеров вести широкие, менее сознательные круги навстречу их революционному пробуждению. Конечно, в те времена неоднократно приходили к определенным соглашениям, что еще не доказывает их осуществления; во всяком случае при этом возникали разногласия между большинством членов, живших в то время в Женеве и окрестностях, с одной стороны, и Бакуниным—с другой; по этому вопросу имеются подробные документы от конца января 1869 г., рисующие точку зрения обеих сторон, далее, декларация о роспуске «Международного братства», которая должна была быть опубликована в феврале—марте, но в действительности имела, повидимому, целью чистку этого кружка, другими словами, она исключала из организации целый ряд лиц, между тем, как другие снова вернулись к Бакунину или никогда от него не отделялись. Около того же времени подтвердилась совершенно логическая невозможность, с точки зрения Интернационала, существования международного Альянса внутри Интернационала, и весной 1869 г. эта организация была распущена. Поэтому можно сказать, что все известные организационные документы относятся к тому времени, когда все это происходило вне Интернационала, так как международный Альянс никогда не был принят в Интернационал [1]; в период же с весны 1869 г. можно проследить сношения Бакунина с его ближайшими товарищами, которых он считал «союзниками» или «братьями», и существование и деятельность которых представлялась ему безусловно необходимой, но никак не существование среди них определенной организации; создание такой организации было предположено в Цюрихе в сентябре 1872 г., т.-е. после Гаагского конгресса, а это доказывает, что раньше она не существовала или была распущена».

Из приведенных выдержек явствует, что ни Неттлау, ни Гильом не отрицают, во-первых, существования тайного Альянса и, во-вторых, перенесения его в Швейцарию. Но, признавая это, они обставляют свое признание целым рядом оговорок. Так, Неттлау замечает, что проект тайного Альянса был собственно проектом, быть может, даже неосуществленным, хотя эта оговорка противоречит самому признанию факта существования тайного общества; если же тайный Альянс существовал, то существовал вне Интернационала, так как открытый Альянс никогда в Интернационал принят не был. Эти оговорки сильно затемняют рассматриваемый вопрос и говорят о том, что авторитетные биографы Бакунина не считают доказанным существование тайного Альянса

---

[1]) Курсив мой. *Вяч. П.*

в недрах Интернационала. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что Ю. М. Стеклов, новейший биограф знаменитого анархиста, в одной из своих последних работ пишет: «Даже и теперь, когда опубликована масса документов, относящихся к деятельности Бакунина, вопрос об Альянсе нельзя считать достаточно выясненным» [1]).

VII

После выхода бакунистов из Лиги события протекали следующим образом. В приеме Альянсу Интернационал отказал по мотивам, которые нам уже известны. Решение это, принятое Ген. Советом 22 декабря 1868 г., вскоре было доведено до сведения Альянса. Центральное Бюро последнего протестовало против такого решения, но, видя полную безнадежность протеста, обещало Генеральному Совету распустить свою международную организацию, если отдельные секции Альянса будут приняты в Интернационал. В ответ на это предложение Ген. Совет в марте того же года вынес новое постановление, по которому отдельные секции Альянса могли превращаться в секции Интернационала. В июне в 1869 г. открытый Международный Альянс социалистической демократии прекратил свое существование. Несколькими же месяцами ранее было об'явлено о роспуске тайного международного братства Бакунина. История, казалось бы, имела вполне благополучный конец. На самом же деле она только начиналась. Прежде всего: действительно ли было распущено тайное общество? Не был ли фиктивным этот роспуск?

VIII

В Женеве в январе 1869 г. происходил с'езд членов бакунинского тайного братства. Документом, свидетельствующим о том, что происходило на этом с'езде, служит письмо Бакунина от 26 января 1869 г. «всем этим господам», опубликованное Драгомановым и включенное Максом Неттлау в первый том его рукописной биографии. Из письма этого явствует, что между Бакуниным и «братьями» произошел конфликт и что братья пожелали совещаться в отсутствии Бакунина. Раздраженное письмо Бакунина начинается такими строками: «Господа, Вы сегодня отправились, чтобы держать конгресс, из которого Вы сочли удобным исключить меня» [2]). Вслед за этим конфликтом, Альянс особым манифестом об'явил себя распущенным. Гильом, в согласии с Максом Неттлау, причиной роспуска тайного общества считает то обстоятельство, что в него проникли люди, которые не сумели достаточно хорошо держать в секрете его существование и сделали некоторые его тайны достоянием гласности. Такие мотивы, по крайней мере, были об'явлены в особом, не подписанном оповещении о роспуске Альянса.

Этому роспуску предшествовал выход из Альянса Бакунина, который в том же письме, о котором мы только что говорили, сообщал о своем

---

[1]) См. „Первый Интернационал“, Госиздат. 1923 г., стр. 278.

[2]) Письма, указанн. изд., стр. 222.

решении «выступить из Центральной Директории интернационального братства» до ближайшего конгресса. Несмотря на неясность того, что произошло на с'езде, из письма можно заключить, каков был характер столкновения. «После того, как я, словно негр, проработал четыре года подряд и почти всегда один-одинешенек»,—писал обиженный Бакунин в одном месте, а в другом заявлял, что именно это «одиночество» создало ему положение диктатора; с той же минуты, как «все эти господа, наскучившись спать и резонерствовать сквозь сон, вздумают действовать, то и они в свою очередь окажутся диктаторами» [1]. «Диктаторство», вероятно, было одним из поводов к столкновению. Выход Бакунина из Директории сопровождался его требованием «чистки» общества от некоторых членов. Перечислив ряд имен, он пишет далее: «Все остальные не внушают мне никакого доверия в том смысле, что я не могу верить их прямодушию и искренности их отношений ко мне». Выходя из Центральной Директории до ближайшего конгресса, он вместе с тем заявлял, что если «окончательный результат» дебатов с'езда без него не будет гармонировать с «практическими взглядами нашей старой братской ассоциации», то он выступит из всякого нового общества или, скорее, не вступит в него совсем.

В результате дебатов тайное братство об'явило себя распущенным. Роспуск этот произошел после примирения с Бакуниным членов братства, т.-е., вероятнее всего, после удовлетворения его ультиматума. Можно думать, что решение распустить Альянс было также продиктовано Бакуниным: циркуляр о роспуске был написан именно им—мы разделяем в этом вопросе предположение Гильома. В этом циркуляре, после жестких обвинений большинства «братьев» в том, что они считали себя в праве действовать вопреки обязанностям, налагаемым на каждого брата принципами и статутами тайного общества, что они забыли цели, преследуемые обществом и т. д., Бакунин писал: «Тайны нашей работы были разглашены, мы сделались об'ектом сплетен, и наша деятельность, которая, чтобы быть сильной, должна быть тайной, сделалась поэтому не только бесполезной, но и смешной». Таковы были главные мотивы роспуска тайного братства [2]. С этого момента в истории его существования наступает период совершенно темный. Именно с этого момента Макс Неттлау, а вслед за ним Джемс Гильом и все анархистские историки, до Фрица Бруппбахера включительно, отрицают существование тайного Альянса, почитая его распущенным и всерьез прекратившим свое существование. Но это отрицание, несмотря на всю его решительность, вызывает целый ряд сомнений.

Так, например, М. П. Сажин в своих воспоминаниях писал следующее: «Я отправился к Бакунину, который в это время жил в Локарно. Мой приезд как раз совпал с тайным с'ездом сторонников Бакунина. Как известно,—добавляет он,—Бакунин устроил в Интернационале свой собственный тайный Интернационал, так наз. Альянс. Сюда входили его приверженцы из анархистов самых различных стран» [3].

---

[1]) Там же, стр. 224—225.

[2]) James Guillaume.—L' Internationale, vol. I, p. 131.

[3]) „Голос Минувшего", 1915 г., № 10.

Поездка эта относится к концу 1872 г., т.-е. ко времени после исключения Бакунина из Интернационала. Это как будто подтверждает версию Неттлау о тайном Альянсе, организованном лишь после сентября 1872 г. Но она опровергается заключением Сажина, что тайный Альянс был Бакуниным устроен в Интернационале, т.-е. *до* исключения его из МТР. Правда, в отдельном издании своих воспоминаний М. П. Сажин всю последнюю часть фразы, начиная словами «как известно», из'ял [1]. Но значит ли это, что позднейшие размышления М. П. Сажина заставили его отказаться от первоначального утверждения, содержащегося в этой фразе?

В других местах своих воспоминаний М. П. Сажин подчеркивает, что тайный Альянс Бакунина существовал действительно. Вскоре по приезде в Швейцарию из Америки (первая половина 1870 г.) Сажин познакомился с Бакуниным и быстро сблизился с ним. Вот что пишет он по этому поводу: «Гораздо больший след (чем С. Нечаев. *Вяч. П.*) на всю мою жизнь наложило знакомство с Бакуниным, с которым я встретился по приезде в Женеву. Здесь я увидел не бутафорию, а действительные организации, которые были у Бакунина среди различных наций» [2].

Другой сподвижник Бакунина, Замфир Ралли, в воспоминаниях своих, напечатанных в сборнике «О минувшем», также совершенно определенно указывает на существование тайного Альянса, в который в 1872 г. были приняты он, А. Эльсниц и В. Гольстейн. Ралли опубликовал даже сохранившийся у него устав Альянса, переписанный с итальянского экземпляра. Воспоминания З. Ралли вполне подтверждаются зашифрованным письмом к нему самого Бакунина, которое было написано 28 мая 1872 г., т.-е. когда Бакунин был еще членом МТР [3].

Неттлау и Гильом настаивают, что после роспуска тайного Альянса в 1869 г. тайной организации Бакунина не существовало; что, распустив Альянс, Бакунин сохранил лишь интимную связь с некоторыми единомышленниками, которых он называл «союзниками» или «братьями», но эта связь не была связью организационной. Неттлау утверждает далее, что создание такой организации Бакуниным было предположено в Цюрихе, в сентябре 1872 г., т.-е. после исключения его из Интернационала Гаагским конгрессом. Неттлау полагает, что это является доказательством, что до конца 1872 г., т.-е. в промежуток времени между январем 1869 г. и концом 1872 г., тайной организации не существовало.

Все это в корне противоречит целому ряду свидетельств, устанавливающих факт существования тайного Альянса внутри Интернационала. Сам Неттлау в кратком послесловии к названным выше «нескольким документам» говорит, что Кропоткин располагал незаконченной рукописью Бакунина, одним из вариантов тайной организации, который сам Неттлау относит к весне 1871 года. Другими словами, вопреки своим заявлениям,

---

1) „Воспоминания". Изд. журн. „Каторга и Ссылка", 1925 г., стр. 40.

2) Там же, 34. Курсив мой. *Вяч. П.*

3) Оно опубликовано М. П. Драгомановым в указанной „Переписке" Бакунина. Женевское изд., стр. 328.

он подтверждает предположение, что в промежутке между 1869 г. и 1872 г. Бакунин все-таки занимался со своими друзьями разработкой каких-то тайных организаций. Или Бакунин платонически, просто от нечего делать, занимался этими уставами?

Обратимся к переписке Бакунина в рассматриваемую эпоху. То, чего не дают нам сохранившиеся документы—как известно значительная часть их была в разное время уничтожена М. П. Сажиным и Д. Гильомом,—мы сможем извлечь из личных показаний самого Бакунина, авторитет которого вряд ли будут оспаривать его уважаемые биографы.

Мы остановим наше внимание только на письмах Бакунина к испанским альянсистам, т.-е. членам действительно существовавшего тайного общества бакунистов в Испании. Для нашей ограниченной задачи этого будет пока совершенно достаточно.

IX

Макс Неттлау, отрицающий существование тайного Альянса в Швейцарии в промежуток времени между 1869 и 1872 г.г., признает, что в Испании тайный Альянс был действительно организован и что этот тайный Альянс входил в Интернационал между 1869 и 1872 г.г. Но, признавая его существование, Неттлау утверждает, что эта тайная организация «ф о р м а л ь н о не имела ничего общего с Бакуниным, который косвенно поддерживал с ней связь только через своих личных ближайших товарищей в Барселоне, которых он вообще называет союзниками».

Что означает: «ф о р м а л ь н о» не имела ничего общего с Бакуниным? О каких «формальностях» в истории тайной деятельности знаменитого конспиратора говорит его биограф? Вопрос следует поставить так: был ли испанский Альянс филиалом бакунинского международного братства? Был ли он организован именно бакунистами и по организационному плану Бакунина? А на эти вопросы иного, кроме утвердительного, ответа нет и быть не может. Да, испанский тайный Альянс был организован б а к у н и с т о м Фанелли п о п о р у ч е н и ю Бакунина. Этот испанский Альянс был ветвью международного бакунинского Альянса; переписка Бакунина с испанскими друзьями и была ведь перепиской руководителя всего Альянса в целом с руководителями местной ветви. Не случайно в первых же строках своего письма к Мораго от 21 мая 1872 г. Бакунин рекомендует себя как одного из старейших братьев - учредителей Альянса и подчеркивает, что является «истинным братом», «ближайшим другом» Кристофа (зашифрованное имя Джузеппе Фанелли), который по нашему поручению прибыл в конце октября 1868 г. из Женевы в Испанию и был фактически первым основателем Интернационала и Альянса сперва в Мадриде, затем в Барселоне» [1]).

---

[1]) Michael Bakunin. Gesammelte Werke, в. III, S. 101. Подробно история организации и развития Альянса в Испании рассказана Максом Неттлау в его работе „Bakunin und die Internationale in Spanien 1863—1873“ в „Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung“ Карла Грюнберга, Vierter Jahrgang 1914 г. Leipzig.

Самый смысл письма Бакунина к Мораго[1]) говорит о том, что Бакунин пытается воздействовать «с полным авторитетом брата» на положение дел в испанском Альянсе. Известие о распадении Альянса в Мадриде, и Барселоне «мы считаем большим несчастием с точки зрения революционной солидарности всех стран»,—сообщает Бакунин. Виновников этого распада и опубликования секретов Альянса он называет «большими преступниками». «Организация,—пишет он,—по существу своему должна всегда оставаться тайной и невидимой, и никто из нас не мог бы предать ее, не обесчестив себя и не нарушив высшего долга, исполнять который мы взаимно обязались».

Бакунин говорит от имени «мы», от некоего коллектива. Это обстоятельство и позволяет ему напомнить Мораго, что у испанских альянсистов имеются какие-то обязательства перед коллективом, «взаимные обязательства». Он подчеркивает, что «настоящие виновники», предавшие Альянс, должны быть удалены из него навсегда, а «добрые, т.-е. энергичные, интеллигентные, преданные, усердные, самоотверженные, стремящиеся не к личной славе, а к победам революции, могущие отказаться от своего личного я во имя общей идеи, общего действия, люди, с воодушевлением готовые итти на смерть и при всем том умеющие хранить тайну, эти люди должны воссоздать Альянс, следуя при этом высшему правилу: допускать в него только очень серьезных людей, серьезных в смысле ума и революционной страстности, а главное, в смысле испытанной силы характера», другими словами — предлагает проделать испанским альянсистам то самое, что, вероятнее всего, было проделано в Женеве в январе 1869 г.

Дальше Бакунин старательно и точно перечисляет своему корреспонденту правила, которыми следует руководствоваться при воссоздании Альянса. Он сообщает Мораго, что «мы приняли за правило не допускать в наше святое святых, в наш тесный товарищеский круг и братское общение, честолюбивых и тщеславных людей, как бы близки они ни были нам по мысли и революционному настроению». Он напоминает затем, что цель Альянса, «наша цель» — «создание мощного, но всегда невидимого (курсив наш. *Вяч. П.*) революционного сообщества, которое должно подготовлять революцию и руководить ею».

Если М. Неттлау не может дать ни отрицательного, ни утвердительного ответа на вопрос—был ли действительным или фиктивным роспуск тайного Альянса в Швейцарии, то ни он сам и никто из исследователей не смогут отрицать того, что перед нами секретная инструкция, нечто вроде «конфиденциального сообщения», которые в изобилии рассылал своим друзьям, «братьям» и «союзникам» Бакунин. Какие были у Бакунина основания пересылать такие инструкции испанцам? От лица какого «мы» говорил он? Или он выступал в роли «самозванца», словоохотливого человека, которому делать было нечего и он лез с непрошенными советами к руководителям тайной революционной организации? Но почему, в таком случае, последние-то эти советы принимали как долж-

[1]) Оно напечатано вслед за этой статьей в наст. книге нашего журнала.

ное? На этот вопрос мы от М. Неттлау утвердительного ответа не получим, ибо биограф М. Бакунина превосходно знает, что испанские альянсисты, бывшие в то время членами Интернационала, видели и признавали в Бакунине своего вождя, что испанский Альянс был делом рук Бакунина, ибо Фанелли был лишь его агентом, не совсем удачно выполнившим поручение. И вся переписка Бакунина с Альбером Ришаром в Лионе, с испанскими альянсистами, с интернационалистами в Романье была именно *инструктивной перепиской*, если и не руководившей систематически тайной деятельностью его друзей, то ставившей себе именно такую задачу. За неимением других возможностей об'единять и руководить деятельностью своих сторонников в разных странах, Бакунин пользовался этими инструктивными сообщениями, руководящее и организующее значение которых не подлежит сомнению. Другой вопрос—насколько выполнение этой задачи было успешным. Но удачи и неудачи бакунинских конспираций нас в данном случае не интересуют: мы говорим о самом *факте* конспираций.

К какой же цели направлял Бакунин деятельность тайного альянса? В какое отношение к Интернационалу ставит он эту организацию? В том же письме к Мораго Бакунин говорит об этом весьма обстоятельно. Организации эти отнюдь не враги,—уверяет он в противовес утверждениям лондонской синагоги Маркса. «Напротив,— Альянс является необходимым дополнением к Итернационалу, дополнением, без которого последний превратился бы в своего рода чудовищное международное государство под диктатурой Маркса»... Конечная цель едина,—пишет Бакунин,—различны лишь ближайшие цели обеих организаций. «Интернационал имеет целью об'единить трудящиеся массы, миллионы трудящихся, невзирая на национальные и местные особенности, в единый огромный компактный организм; *назначение Альянса—придать этим массам действительно революционное направление*» (курсив наш. *Вяч. П.*).

X

Эти строки возвращают нас к исходным организационным замыслам Бакунина. Они вскрывают пружины, которые заставили Бакунина, в конце концов, войти в Интернационал, и обнаруживают его скрытую цель: *подчинить деятельность Интернационала руководству своего тайного Альянса*. Одного Интернационала, по его убеждению, было «недостаточно для руководства революцией»; Интернационал является огромной средой, благоприятной для революционной организации масс, но он «еще не сама организация», всех успехов и всей мощи Интернационала недостаточно, чтобы «дать стихийной силе масс революционную организацию». Такую организацию может дать народам только «настоящее тайное общество». Вот этой именно организацией и является Альянс,—сообщает он. Эти именно цели Альянс и преследует. «*Он представляет собой тайное общество, образовавшееся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную орга-*

низацию, чтобы превратить его и все не входящие в него народные массы в достаточно организованную силу, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические и политические установления государства» (курсив мой. *Вяч. П.*).

Таково свидетельство лица, которому никак нельзя отказать в авторитете. Что приведенные курсивом слова не были маневром, совершенным с целью поощрить усердие итальянских друзей, можно заключить еще и по фразе, которая следовала за только что приведенными словами.

«Последняя Лондонская конференция, — пишет Бакунин, — провозгласила анафему против всякого тайного общества, которое захотели бы образовать внутри Интернационала. Этот удар, очевидно, — добавляет он, — направлен против нас».

Вот эти-то последние слова Бакунин никак не мог написать, если бы прав был его биограф, утверждающий, что тайного общества в недрах Интернационала между 1869 и 1872 г. г. не существовало. Не нужно быть глубоким психологом, чтобы по одной этой фразе понять, прав ли был Ген. Совет, настаивавший на том, что Бакунин «организовал» или, может быть, «пытался организовать» тайное общество с уставом, совершенно противоречащим уставу МТР. О, каким гневом разразился бы Бакунин, как негодующе зазвучали бы его обвинения Ген. Совета в клевете, в напраслине, взводимой на него и его друзей, если бы тайное общество было создано не Бакуниным, а воображением Маркса и марксистов. Но у Бакунина не было оснований для гнева: он, ведь, разговаривал с «союзником», и «братом», с членом испанского филиала того самого тайного общества, которое он упорно и неутомимо насаждал в разных странах. И скрывать от «союзника» и «брата», кривить душой, быть неискренним у Бакунина не было никаких деловых оснований.

Постановления Лондонской конференции и Гаагского конгресса вызвали со стороны Бакунина целый ряд энергических протестов. Но ни в одной рукописи, предназначавшейся для печати или для узкого круга друзей, — никогда Бакунин не протестовал против обвинения в организации тайного Альянса, никогда не обвинял Маркса и марксистов в клевете именно по этому поводу. Здесь Бакунин молчал, и его молчание было классическим выражением согласия: обвинение было справедливо.

Не лишено еще значения следующее обстоятельство: Бакунин был убежден, что в Интернационале, кроме явной организации, возглавлявшейся Ген. Советом, существовала еще организация тайная, душой которой был Карл Маркс. В том же самом письме, которое мы только что цитировали, он убежденно говорит о «тайном обществе» Маркса, которое, по мнению Бакунина, существовало с 1848 г. Ему представлялось, что Маркс потому-то и стремился разгромить бакунинский Альянс, что желал расчистить путь для торжества своего собственного «заговора». При свете этой веры становится понятным появление в одной из рукописей Бакунина легендарного воспоминания о том, как Маркс, еще в 1848 г., при встрече с Баку-

ниным хвастал ему, будто стоит во главе так хорошо организованного тайного общества, что если он скажет кому-нибудь из его членов «поди и убей Бакунина», тот пойдет и убьет. Но подозрение Бакунина на счет существования «тайного заговора» Маркса вызывает возражение даже со стороны его биографа. М. Неттлау поясняет, что Бакунин заблуждается. «Выше приведенное утверждение, как мы теперь знаем, — пишет он. — не соответствует истине и об'ясняется суб'ективными причинами» [1]).

В свете этого заблуждения делается понятной еще одна ошибка Бакунина. Одно место конфиденциального сообщения, говорившее о «незаметной», «невидной» работе, в противоположность шумной, со «звоном и громом рекламы» [1]), было понято Бакуниным в смысле «подпольной» т.-е. тайной, деятельности внутри Интернационала. Ошибку эту разделял с Бакуниным его друг Гильом, лишь спустя тридцать лет узнавший об этом [2]). Это заблуждение Бакунина не находит себе защитников даже среди анархистских историков. Неттлау замечает по этому поводу: «Нет никаких доказательств, ни даже вероятий, что между ними (т.-е. между Марксом и окружавшими его сторонниками. *Вяч. П.*) существовала формальная связь».

Вот это убеждение Бакунина в существовании внутри Интернационала еще одного «заговора» подогревало его упорство, убеждало еще более в необходимости этому заговору марксистов - государственников противопоставить внутри Интернационала заговор «свободников», антиавторитаристов. Он сам открыто свидетельствует об этом: «То, что я говорю, — пишет Бакунин, — не предположение, а факт, известный многим лицам и несколько раз выплывавший в Германии на различных политических процессах. Итак, если откинуть некрасивые личные отношения, в которых наши мстительные неутомимые противники не брезгали самыми позорными грязными приемами, следует признать, что внутренняя борьба, возникшая ныне в Интернационале, является ничем иным, как борьбой двух тайных обществ, противоположных как по принципам, так и по системе организации: одно из них—а в т о р и т а р н ы е к о м м у н и с т ы—существует, как я уже сказал, с 1848 г., а другое—а л ь я н с р е в о л ю ц и о н н ы х с о ц и а л и с т о в—хотя и возникло в 1864 г., но в Интернационал вступило лишь с 1868 г.» [3]).

---

[1]) См. „Письма К. Маркса к Л. Кугельману“. Гос. изд. 1920 г., стр. 94.

[2]) Вот что писал Бакунин в редакцию „Либерте“ (5 октября 1872 г.) по поводу „конфиденциального сообщения“, отрывки из которого были прочитаны прокурором на процессе Бебеля-Либкнехта, так как „сообщение“ послужило обвинительным материалом. „В этом меморандуме,—пишет Бакунин,—направленном, повидимому, исключительно против меня, и которого подробностей я не знаю и поныне, г. Маркс, между прочим, советует своим друзьям вести п о д п о л ь н у ю работу в Интернационале“. Бакунин, так же как и Гильом, пал жертвой неправильного перевода. См. об этом у Рязанова—„Очерки“, стр. 275—6.

[3]) Здесь Неттлау делает примечание: „Насколько мне известно, со времени большого процесса коммунистов в Кельне в начале 50-х г. г., таких процессов в Германии не было“. Ges. Werke, в. III, S. 114.

XI

Ни Марксу, ни Энгельсу, никому из марксистов не была известна цитированная нами переписка Бакунина. Исключение представляет письмо Бакунина к Франческо Мора, попавшее в руки Энгельса: оно фигурировало в комиссии в Гааге и вошло в брошюру об Альянсе, изданную после конгресса. Но Ген. Совет был в курсе бакунинских конспираций. В руках Маркса был также один из вариантов устава тайного Альянса, переданного ему либо Н. Утиным (об этом говорит Замфир Ралли в своих воспоминаниях), либо И. Ф. Беккером: и Беккер, и Утин, некоторое время бывшие людьми, близкими Бакунину, могли оказаться в курсе его тайных замыслов и послужить позднее, в эпоху борьбы с Бакуниным, источником информации для Ген. Совета. Бакунин не был идеальным конспиратором. В записках и воспоминаниях его учеников и друзей имеется множество фактов, рисующих его как человека, недостаточно скрытного, слишком увлекавшегося и нередко своими руками разрывавшего паутину своей собственной конспирации: чаще других он сам выдавал свои секреты. К тому же Бакунин был доверчив и плохо разбирался в людях. Нет поэтому необходимости в документальном материале, чтобы предположить, что не все секреты Бакунина оставались в узких пределах его интимного кружка. Не осталась тайной и его тайная деятельность. А если принять во внимание, что кроме заговора Бакунин вел еще открытую борьбу, мобилизуя против Ген. Совета мелкобуржуазные и отсталые элементы (мы оставляем в стороне связь его с Нечаевым, бросившую на него густую тень, и ряд других обстоятельств), перед нами возникает обстановка, которая делала неизбежным враждебно-подозрительное отношение к Бакунину: иначе и быть не могло при тех об'ективных личных и общественных условиях, которые создавались вокруг его деятельности.

XII

Мы чрезвычайно кратко наметили тайную деятельность Бакунина в Интернационале, не использовав и десятой доли материалов, относящихся к этому периоду. Мы не касались глубочайших теоретических и организационных разногласий, оставили в стороне вопрос о диктатуре, не рассматривали разногласия тактические, — нас интересовал всего лишь один вопрос о тайном Альянсе, который является центральным вопросом в истории взаимоотношений Бакунина и Маркса в МТР.

Бакунин мог бы ужиться в МТР со всеми особенностями своих теоретических воззрений. И кроме Бакунина в МТР были люди, не разделявшие воззрений Маркса, имевшие свои собственные взгляды и точки зрения. Маркс не ставил задачей, по крайней мере в 70-х г.г., создать Интернационал единомыслящих людей: для той ступени развития, на которой находилось международное рабочее движение, это было делом невозможным. Но, допуская возможность существования в пределах МТР различных мнений, Маркс настаивал на сохранении единства воли и действия, которое обеспечивалось единством централистически проведенной органи-

зации. И вот здесь-то и наносил Бакунин Интернационалу удар, разрушая единство его воли и организации. Борьба с Бакуниным была борьбой за спасение Интернационала от его заговорщицкой деятельности.

Все, что отрицал Бакунин в организационной системе Маркса,—все это переносил он в свое тайное общество. Демагогически выступая против централизма Ген. Совета, в своем тайном обществе он был централистом; протестуя против «диктатуры» Ген. Совета,—стремился к тайной диктатуре своего Альянса. Отрицая подчиненность низших организаций высшим, он не мыслил тайного революционного общества иначе, как в виде строгой иерархии на основе безусловной подчиненности и строжайшей дисциплины. Разрушая единство воли и действия в Интернационале, он превосходно понимал, что без этого не может быть речи о каких-нибудь организованных международных выступлениях революции. Другими словами, он старательно разрушал Интернационал, как международную боевую организацию рабочего класса, стремясь превратить его в такое состояние, при котором автономные национальные федерации могли бы все-таки быть подчинены единой воле, но исходящей не из среды Ген. Совета, марксистского в своем большинстве, а из той тайной революционной организации, которая, по его замыслам, призвана была невидимо руководить Интернационалом и которая была бакунистской на все 100%[1]).

В его попытке построить тайную организацию не было, разумеется, ничего антиреволюционного. Беда была лишь в том, что бакунистские конспирации, во-первых, не вытекали в то время из насущных потребностей развивавшегося рабочего движения, и, во-вторых, были механическим перенесением в международное рабочее движение старых заговорщицких традиций допролетарского периода. В основе организационных взглядов Бакунина лежало поэтому неискоренимое противоречие: совершенно правильно полагая, что без участия в революции широких народных масс города и деревни победа революции немыслима, ожидая эту победу в самом ближайшем будущем, Бакунин вместе с тем не видел в широких народных массах никаких реальных сил для реальной победы, кроме «революционной страсти», отчаяния и нищеты. Этот недостаток действительных возможностей он и пытался восполнить созданием тайного общества, которое должно было оставаться изолированной от народных масс интеллигентской верхушкой, по принципу своего строения отрицавшей возможность вовлечения в нее даже наиболее передовых, наиболее сознательных слоев деревни или

---

1) В письме „Интернационалистам Романьи“, только в 1924 году впервые полностью увидевшем свет (Gesammelte Werke, указ. изд., стр. 176—203; напечатано нами в июльской книге журнала „Каторга и ссылка“ за этот год), Бакунин подробнейшим образом рассказывает, как совершил он „большую ошибку“, внеся на Базельском конгрессе Интернационала предложение о расширении власти Ген. Совета. Но об'яснения его не убеждают. В таких „ошибках“ есть свой смысл. Во всяком случае борьба против Ген. Совета началась лишь после того, как выяснилось, что влияние в Ген. Совете марксистов крепчает год от году. Вот в этой недооценке марксистского влияния в эпоху Базельского конгресса и заключалась „ошибка“ Бакунина.

города. Это было тайное об'единение интеллигентских кружков, ставившее задачей сверху, с помощью раскинутых своих щупальцев толкнуть массы на революцию, вызвать революционный взрыв, захватив в свои руки нити руководства и дальнейшего направления движения. В организационном смысле Бакунин продолжал обеими ногами стоять на почве старых принципов мелкобуржуазной революционности, которая еще должна была пройти сквозь чистилище рабочего движения, чтобы найти применение в методах пролетарской борьбы. В эпоху, когда на сцене появился сам рабочий класс, выдвигая уже не изолированные, верхушечные, интеллигентские организации, но массовые организации класса, применение старых заговорщицких приемов, да еще в недрах международной организации рабочего класса, при всей своей ультра-революционной оболочке, об'ективно могло играть реакционную роль, ибо мешало выполнению очередной исторической задачи, какая стояла перед международным рабочим движением: на место социалистических и полусоциалистических сект поставить действительно боевую организацию рабочего класса.

Тайная деятельность Бакунина была именно таким столкновением старого типа организационных принципов, имевших корни в революционном движении мелкой буржуазии до выхода пролетариата на международную сцену, с новыми условиями, требовавшими преодоления этих организационных принципов и нового их применения, но уже не в мелкобуржуазной, а в пролетарской форме, т.-е. в такой, которая сочетала принцип подпольной работы с вовлечением в нее передовых слоев рабочего класса и крестьянства. Конспиративная организация теряла свой характер «заговора», тайного общества и приобретала характер «подпольной», «партийной», т.-е. классовой, организации, существующей не изолированно от класса, но в недрах самого класса, и питающейся силами этого класса. Огромна поэтому разница между постановкой тайной деятельности у Бакунина и, скажем, у Ленина.

Мелкобуржуазный, интеллигентский характер бакунинской системы подчеркивается еще и тем, что он, стремясь к созданию тайных организаций, отрицал целесообразность организации рабочего класса в политическую партию, отрицал политическую борьбу со всеми ее следствиями: стремлением к диктатуре рабочего класса и т. п. Старая заговорщицкая вера в интеллигентское меньшинство, неверие в силу класса, отрицание, в конце концов, классовой точки зрения,—все это с разных сторон дорисовывает позицию мелкобуржуазного революционера, появившегося на стыке двух эпох и пытавшегося в новых условиях вести борьбу с помощью старых методов.

Здесь лежал корень всех неудач Бакунина, несмотря на то, что необычайная сила революционной страсти, одержимость революционной идеей были в нем исключительны. Это противоречие и придает величественность его трагической фигуре. Бакунин был не зачинателем нового, каким его считали и продолжают считать анархисты, но завершителем старого; он был самым крупным, самым ярким и выда-

ющимся представителем ушедшей в прошлое мелкобуржуазной революции допролетарского периода, подошедший к пролетарской революции чрезвычайно близко, но не сумевший до конца покинуть «старую» точку зрения. Это, конечно, не вина его, а беда его. Вскрыть социальные причины этой «беды», указать ее зависимость от условий эпохи, дать ей классовую характеристику — это и будет означать сделать правильную и беспристрастную оценку роли великана Бакунина в истории международной революции.

Приложение

Фрагменты испанских писем Бакунина об Интернационале и Альянсе [1])

Адресованы Пауло *)

21 мая 1782 г. Локарно.

Дорогой брат!

Я имею право называть Вас так, во первых, как один из старейших, братьев-учредителей Альянса, а затем как ближайший друг, истинный брат того, кого мы называем Кристофом**), который по нашему поручению прибыл в конце октября 1868 г. из Женевы в Испанию и был фактически первым основателем Интернационала и Альянса, сперва в Мадриде, затем в Барселоне.

Если Вы услышите обо мне дурное — а я знаю, что самовластная, правящая, скажу просто, реакционная клика (Koteria) Маркса, который пользуется своим официальным положением в лондонском Генеральном Совете и средствами, полученными им не для интриг против своих противников и не для захвата диктатуры, к которой он стремится, побуждаемый своим честолюбием, — я знаю эта клика самым возмутительным образом клевещет на меня и на моих друзей, — словом, на всех, которые не хотят признать ни его системы, ни этой диктатуры; что он распространяет о нас самую отвратительную и смешную ложь не только в Испании, но и в других странах; я знаю, что зять Маркса и чрезвычайный комиссар в Испании, господин Лафарг [2]), которого послали туда, повидимому, для того, чтобы внести раздор и дезорганизацию, я знаю, что он описал меня испанским товарищам в самых черных красках. Но у меня слишком высокое представление о Вашем здравом человеческом разуме, революционном чутье и Вашей личной преданности нашему великому принципу и нашему великому делу, о Вашей справедливости и, наконец, о Вашей проницательности, чтобы не быть уверенным, что Вы поймете, что люди, которых оскорбляют такие господа, как Лафарг и его покровители и руководители, не могут быть дурными. — Наконец, если Вам нужны еще рекомендации, то я уверен, что друзья, которые перешлют Вам это письмо, не откажутся дать их. — Итак, я обращаюсь к Вам с полным доверием и всем авторитетом брата.

*) Т. Г. Мораго.
**) Джузеппе Фанелли.

Мы получили очень печальное известие: Альянс в Мадриде, как и в Барселоне, распадается и уже отчасти распался. Это распадение мы считаем большим несчастием с точки зрения революционной солидарности всех стран, а виновников этого распадения и опубликования секретов Альянса — большими преступниками; организация, по существу своему, должна всегда оставаться тайной и невидимой, и никто из нас не мог бы предать ее, не обесчестив себя и не нарушив высшего долга, исполнять который мы взаимно обязались.

Но, дорогой брат, я пишу Вам это письмо не для того, чтобы выражать напрасные сожаления, а чтобы сказать Вам, что настоящие виновники, предавшие Альянс из злобы или неизлечимого слабоволия, должны быть навсегда удалены из него, а добрые, т.-е. энергичные, интеллигентные, преданные, усердные, самоотверженные, стремящиеся не к личной славе, а к победе революции, могущие отказаться от своего личного я во имя общей идеи, общего действия, люди, с воодушевлением готовые итти на смерть и при всем том умеющие хранить тайну (diskret),—эти люди должны воссоздать Альянс, следуя при этом высшему правилу: допускать в него только очень серьезных людей, серьезных в смысле ума и революционной страстности, а главное — в смысле испытанной силы характера.

В этом отношении распад, происшедший в некоторых испанских центрах, можно считать, до известной степени, счастьем, ибо он позволяет воссоздать у Вас Альянс на новых, гораздо более серьезных основах. Если Ваши группировки могли распасться, это доказывает, как легкомысленно набирались их члены и как плох был их состав. Поэтому я предлагаю Вам в будущем придерживаться правила, которое вошло в практику групп Альянса во всех странах и благотворное действие которого эти группы постоянно на себе испытывают [3]). Правило это заключается в том, чтобы впредь каждая группа, каждая секция групп принимала новых членов только единогласно, а не просто по большинству голосов членов, входящих в секцию. Если вас двое, то третьего вы можете принять только в том случае, если вы оба вполне согласны между собой и одинаково уверены в его полезности, силе духа, преданности, энергии и скромности. При этом выборе вы должны руководствоваться только программой Альянса, тем, насколько новый член принимает чувством и умом эту программу, и его действительной способностью проводить эту программу с энергией, сохранением тайны, постоянством и умом, а главное, навсегда отказаться от разрозненных личных выступлений по собственному почину и в своей деятельности всегда подчиняться коллективной воле; последняя способность всегда отсутствует у тщеславных и честолюбивых людей, которые, часто бессознательно, ищут во всех тайных обществах лишь пьедестала для собственной личности, ореола личной славы, или личного возвышения. Поэтому мы приняли за правило не допускать в наше святое святых, в наш тесный товарищеский круг и братское общение, честолюбивых и тщеславных людей, как бы близки они ни были к нам по мыслям и революционному настроению и несмотря на их ум, познания и ту пользу, которую они могли бы принести нам своими связями и своим влиянием. Мы предпочитаем отказываться от них скорее, чем принимать их в нашу среду, так как их честолюбие или тщеславие рано или поздно посеяло бы среди нас семена раздора и дезорганизации. Они захотели бы сделаться вождями, руководителями, господами, а таких мы в своей среде не признаем и признавать их революционными социалистами не можем. Только тот может и имеет право быть нашим, кто способен вполне раствориться в братской солидарности и коллективной деятельности членов Альянса, не для того, чтобы сделаться рабом, а, наоборот, для того, чтобы закалиться и сделаться сильным, свободным и умным благодаря силе, свободе, уму и вечно и повсюду действенной помощи всех.

Наша цель — создание мощного, но всегда невидимого революционного сообщества, которое должно подготовлять революцию и руководить ею; но даже во время открытой революции, оно, ни в совокупности, ни в лице отдельных своих членов, не займет официального, общественного правящего положения, так как в действительности не имеет иной цели, как уничтожить все правительства и повсеместно, навсегда сделать их существование невозможным; оно представляет полную свободу революционному движению масс и их социальной организации снизу доверху на основах добровольной федерации и безусловнейшей свободы, но оно следит за тем, чтобы при этом никогда не могли вновь возникнуть власти, правительства и государства; со всяким проявлением честолюбия, коллективного (как у клики Маркса) или индивидуального, оно борется путем естественного, никогда не принимающего официальную форму, влияния всех членов нашего Альянса, рассеянных по всем странам и сильных только той солидарностью своей работы и тем единством принципов и целей, которые всегда должны существовать среди них.

Вы понимаете теперь, что для того, чтобы быть достойным членом Альянса, человек должен обладать большим характером и серьезным революционным пылом, главное, ничего не бояться и иметь черта в теле (den Teufel im Leib besitzen), а кроме того, безусловно и раз навсегда отказаться от всякого личного интереса тщеславия, честолюбия, карьеры и жажды славы. Чувствуете ли Вы себя способным на это? Если да, то протяните нам руку.

У меня есть очень милые друзья, которых я люблю от всего сердца и очень уважаю, как честных людей и даже как общественных деятелей, но которых я никогда не принял бы в члены Альянса, так как они не удовлетворяют тому или другому из перечисленных условий.— Что же касается честолюбивых и тщеславных людей, то многие из них могут сослужить нам большую службу, и надо уметь их использовать. Но знаете ли Вы, каким образом? Оказывая на них желаемое влияние через одного из наших братьев, получившего специальное поручение в этом смысле; иногда ему можно поручить создание особой явной или тайной организации, в действительности руководимой и управляемой этим братом, фактически подчиненной Альянсу, но в которой брат играл бы второстепенную по внешности роль под началом честолюбивого и тщеславного человека; это очень трудное дело, на которое способны очень немногие и на которое можно решаться лишь в редких, исключительных случаях, когда это действительно стоит труда и когда располагают людьми, способными играть эту двойную роль, не подвергаясь деморализации.

Для того, чтобы с пользой воздействовать на влиятельных, блестящих людей, сильных своим положением или талантом, существует верное средство всегда предоставлять им кажущуюся инициативу, честь первого начинания, блестящую, почетную роль, довольствуясь, не для себя, а для всего Альянса, фактической деятельностью и властью. Уговорить человека которому вы внушили хорошую мысль, что он сам напал на нее и передал ее вам — это вообще хороший способ и, вместе в тем, отличное практическое испытание личного самоотречения. Но, повторяю, это чрезвычайно трудно и может быть выполнено без опасности для себя лишь такой группой, которая настолько хорошо и крепко спаяна и обладает такой нравственной силой, что может не опасаться за моральную стойкость всего коллектива и отдельных его членов. — А первым условием этой моральной стойкости каждого и всех является полное знание всеми каждого отдельного члена, охватывающее как общественную, так и частную жизнь. Все члены Альянса, на всех ступенях организации, по крайней мере все те, которые знают друг друга и должны жить вместе и всегда мыслить

и действовать сообща,—все они должны стать действительно братьями. верить и доверять друг другу и всему братству. Этого можно добиться лишь действительным, постоянным осуществлением совместной работы. Можно с самого начала обещать себе это и желать этого, но достигнуть этого можно лишь ежедневным служением общему делу, которое учит нас узнавать и любить друг друга, доверять и помогать друг другу, мыслить и действовать только сообща; каждый приносит коллективу свои лучшие мысли, так что мысль, раз высказанная и принятая коллективом, немедленно превращается из личной мысли в общую. Оставаясь непреклонными во всем, что касается нашего принципа, нашего высшего закона, нашей нравственности, взаимного знания и солидарности во всех предприятиях и делах, мы должны быть очень снисходительны друг к другу, ибо, как отдельные люди, мы полны слабостей, глупости, недостатков и ошибок, почему мы и признаем необходимость жить и действовать сообща. Наш ум, наша сила, заключается не в каждом из нас в отдельности, а в нашем братстве, в нашем коллективе. Итак, мы должны признать многое, конечно, при условии, чтобы от этого не страдал Альянс. И если мы находим, что один из братьев поступил дурно, мы не должны сплетничать об этом за его спиной, а должны сказать ему об этом в присутствии всех братьев, без всякой злобы, задней мысли и эгоистического злорадства. Лишь привыкнув к этому высшему правилу—необходимому условию постоянного и настоящего братства, мы станем братьями, и тогда с нашей программой, этим справедливейшим и полным выражением истинных и глубочайших инстинктов и стремлений народа, мы создадим[1]) . . . мы будем силой, как бы мало нас ни было.

Но для того, чтобы начать осуществлять это братство в нашей среде, мы должны сперва произвести надлежащий отбор и не принимать никого, кто был бы неподходящим по той или иной причине. Мы больше не имеем права ошибаться и для того, чтобы сделать эти ошибки при выборе трудными, редкими или совершенно невозможными, мы должны принять правило о единогласном выборе. Ясно, что такой способ пополнения очень затруднителен и очень замедлит распространение У *), но он обеспечивает его солидарность, надежность, серьезный характер, т.-е. три условия, без которых У был бы только очень скверной и очень опасной шуткой. Но так как мы стремимся только к народной революции, которая делалась бы не для народа, а исключительно самим народом, то нашей армией является народ, и нам нужно лишь организовать генеральный штаб, который помог бы народу организоваться. Поэтому мы будем стремиться не к увеличению числа братьев, а к улучшению их качеств и к прочности и искренности их братского союза (Альянса).

Помогая Вам закладывать в 7896 **) первые основы А ***) и У, Кристоф допустил организационную ошибку, последствия которой вы теперь испытываете. Он смешал Интернационал с Альянсом и тем дал повод друзьям в 3521 ****) основать Интернационал с программой Альянса. На первый взгляд это могло казаться большой победой, на деле же это было для обоих причиной беспорядка и дурной организации.

Интернационал и Альянс отнюдь не враги, как старается доказать всему миру лондонская синагога Маркса. Напротив, Альянс является необходимым дополнением к Интернационалу, дополнением, без которого последний, превратился бы в своего рода чудовищное международное го-

*) Альянс.
**) Испания.
***) Интернационал.
****) Мадрид.

сударство, под диктатурой Маркса, — чего, повидимому, и добивается ныне клика Маркса — и сделался бы послушным орудием для проведения планов, честолюбивых и потому противоречащих истинному освобождению народных масс. Но при единой конечной цели, ближайшие цели обеих организаций различны. Интернационал имеет целью об'единить трудящиеся массы, миллионы трудящихся, невзирая на национальные и местные особенности, в единый огромный, компактный организм; назначение Альянса — придать этим массам действительно революционное направление. Программы обеих организаций, отнюдь не противоречащие друг другу, различаются степенью развития. Программа Интернационала, если рассмотреть ее серьезно, содержит в зародыше, но только в зародыше, всю программу Альянса. Программа Альянса — это конечное об'яснение программы Интернационала.

Если бы основатели Интернационала дали этому великому обществу определенную и положительную политическую, социалистическую и философическую доктрину, они сделали бы большую ошибку. Они создали бы лишь небольшую ассоциацию, секту, а не укрепленный лагерь пролетариата всего мира против господствующих эксплоататорских классов. Какая социалистическая, политическая и философская идея могла бы в наши дни об'единить под их знаменем миллионы пролетариев всех стран? С положительной доктриной удалось бы собрать, самое большее, несколько тысяч человек, да и то навряд ли. Маццини сказал когда-то: «Интересы раз'единяют, идеи соединяют». Что интересы раз'единяют буржуа между собой — это совершенно справедливо. Но не правда, что идеи соединяют их сколько-нибудь заметным образом. Что же касается пролетариев, то, наоборот, только интересы или, вернее, один великий интерес к хлебу и освобождению, интерес, общий во всех странах, на всех ступенях цивилизации и умственного и нравственного развития может об'единить их в сплоченную массу. Что касается идей, как таковых, т.-е. теоретического развития, то мы только признаем, дорогой мой, что, за исключением нескольких очень редких моментов в истории, когда массы поднятые взрывом революционных страстей, возвышались до уровня идей, те же массы в своей ежедневной жизни, под гнетом лишений, принудительного труда и подавляющих забот каждого дня абсолютно равнодушны к идеям, если только не враждебны им. Им нельзя поставить этого в упрек: все правительства держат их в полном невежестве, систематически культивируемом во благо привилегированным классам; они подавлены отупляющей работой и голодом, — и я думаю, глубокое равнодушие, проявляемое ими ныне по отношению к политическим и философским идеям, и их исключительная забота о том, что буржуазные идеалисты с всегда сытыми желудками и телом, погруженным в сладкую дремоту, называют «презренными материальными интересами», — я думаю, что безразличие и забота, господствующие ныне в массах, и не могут быть поставлены им в упрек; наоборот, в них следует видеть доказательство безошибочного инстинкта и большого природного здравого человеческого разума. Ибо материальное или экономическое освобождение фактически является единственной и первой основой всех прочих свобод.

Большая заслуга основателей Интернационала и деятелей Женевского конгресса (сентябрь 1866 г.) заключается в том, что они это поняли и положили в основу всей программы нашей великой ассоциации. Если бы в программу они внесли атеизм и материализм, то это, наверное, оттолкнуло бы миллионы очень серьезных, т.-е. очень подавленных, нуждающихся, трудящихся. Не то, чтобы народ был действительно религиозен, наоборот, я с радостью констатирую, что с каждым днем религиозность во всех странах падает. То, что народ еще называет религией или считает за свою религию, есть, с одной стороны, продукт механической, рутиноподобной

традиции, дурная привычка его коллективного духа, а с другой, еще в большей степени, это — инстинктивный, энергичный и вполне практический протест против узости и нищеты его теперешнего существования. Достаточно будет социальной революции дать ему более широкий взгляд на земное — и он перестает думать о небе. Итак, массы в сущности не религиозны, но считают себя таковыми, и ясно выраженный атеизм отпугивает их воображение. Так же обстоит дело и с господствующими еще в воображении народа реакционными политическими и социалистическими [5]) идеями. Пролетариат испытывает инстинктивное отвращение к власти и государству, но если вы нападаете на церковь и государство, он не понимает вас и часто по традиции даже восстанет против вас; он держится за идеи, противоречащие его собственным инстинктам. Народ привык к авторитету церкви или государства, жертвой которых он всегда является, и часто любит их, как во многих браках жена любит побои от мужа. Это рабская привычка, и, к сожалению, массы сохраняют еще много следов этой отвратительной привычки... Существует только одно средство излечить его: социальная революция, истинное освобождение масс. Только тогда массы поймут те идеи, семена которых созревают в их инстинктах, и со всей страстностью примут всю программу Альянса, как вернейшее выражение их собственных стремлений. Но если навязать программу Альянса Интернационалу, то он наберет во всей Европе каких-нибудь 2.000—3.000 членов. Правда, это были бы очень ценные члены, самые развитые, энергичнейшие, искреннейшие революционные социалисты Европы. Но что такое 3.000 человек против об'единенной мощи богатых классов и государства всех государств? Они были бы совершенно бессильны. Эта огромная коалиция реакции и эксплоатации может быть сломлена лишь организованной силой масс, всех миллионов пролетариев а в настоящее время эти миллионы, конечно, не примут социалистической и философской программы Альянса.

Они также не примут и программы Маркса [6]). . . . .

. . . .

. . . .

II

Братья! [7])

Я—старый и близкий друг, могу сказать, брат Кристофа, друга и брата, память о котором многие из вас, наверное, сохранили. С ним вместе я был одним из первых основателей А. И на основании этого двойного звания я обращаюсь к вам, братья А.

Злополучная распря, вызванная эгоистической борьбой между братьями, которые повидимому принесли в жертву своему личному тщеславию и честолюбию нашу великую цель—победу всемирной социальной революции, привела в конечном итоге к распадению мадридского Альянса.

Я не навязываюсь в судьи над кем бы то ни было, но во имя наших принципов и во имя всех наших братьев я должен сказать, что те, которые способствовали этому распадению, которые выдавали тайну А., тайну, хранить которую мы обязались под честным словом, взяли на себя тяжкую вину.

Предать А.—значит предать революцию. Ибо А. не имел иной цели, как только служить революции. Мы не представляем собой теоретического или исключительно экономического учреждения. А.—не академия и не мастерская, он по существу своему боевая ассоциация, цель которой—организация народных масс для уничтожения государства и всех ныне существующих религиозных, поли ческих, судебных, экономических и со-

циальных учреждений, для полного освобождения всех превращенных в рабов, эксплоатируемых трудящихся всего мира.

Цель нашего содружества—побудить массы сделать tabula rasa (чистую доску), чтобы земледельческое и промышленное население могло реорганизоваться и составить федерацию, основанную на принципах справедливости, равенства, свободы и солидарности, от низу до верху, непринужденно, свободно, без всякой официальной реакционной или так называемой революционной опеки.

Тем, кто спросит нас, какая польза от Альянса теперь, когда ведь существует Интернационал, мы ответим: конечно, Интернационал великолепное учреждение, он, несомненно, прекраснейшее, самое полезное, самое благодетельное создание нашего столетия. Он создал основу солидарности трудящихся всего мира. Он дал им начатки организации, выходящей за границы всех государств, вне мира эксплоататоров и привилегированных. Он сделал больше: он уже ныне содержит первые семена организации будущего единства и в то же время пробуждает в пролетариате всего мира сознание собственной силы. Все это, конечно, огромные улуги, оказанные великому делу всемирной социальной революции. Но этого учреждения недостаточно для организации и руководства революцией.

Все серьезные революционеры, которые так или иначе принимали деятельное участие в трудах Интернационала с 1864 года, года его основания, должны были убедиться в этом. Итернационал подготовляет элементы революционной организации, но он не осуществляет ее. Он подготовляет их путем открытой и легальной борьбы солидарно об'единенных рабочих трудящихся всех стран против эксплоатирующих труд капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но дальше этого он не идет. Единственное, чем он занимается, кроме этой весьма полезной работы, это—теоретическая пропаганда социалистических идей среди рабочих масс, также очень полезная работа, необходимая для подготовки массовой революции, но еще очень далекая от революционной организации масс.

Одним словом, Интернационал является огромной средой, благоприятной и необходимой для этой организации, но он еще не сама организация. Интернационал принимает в свое лоно всех честных работников без различия политических и религиозных убеждений при единственном условии признания солидарности борьбы трудящихся против эксплоатирующего труд буржуазного капитала со всеми вытекающими из этого последствиями. Это единственное положительное условие, которое достаточно для того, чтобы отделить мир трудящихся от мира привилегированных классов, но оно недостаточно, чтобы дать первым революционное направление. Программа Интернационала так широка, что в него могут вступать даже монархисты и католики. И эта ширина программы безусловно необходима для того, чтобы Интернационал мог охватить сотни тысяч трудящихся, только при таком количестве членов он сделается реальной силой. Если бы Интернационал выработал себе более подробную программу и более определенную в политических, религиозных и социальных вопросах; если бы он признал обязательную и, так сказать, официальную доктрину; если бы он, например, требовал для вступления в него принятия атеистических принципов в религии или коммунизма[8]) в политике,—он собрал бы каких-нибудь несколько тысяч членов и оттолкнул бы от себя миллионны промышленных и земледельческих рабочих, которые по своему положению и инстинктам являются революционерами, атеистами, социалистами, но которые еще не избавились от долгой привычки к реакционному мышлению. Он образовал бы довольно посредственную партию, которая насчитывала бы во всей Европе едва несколько тысяч членов. И та партия сама неминуемо раскололась бы на много различных фракций. Ибо где есть официальная теория,

там неминуемо возникают отличные от нее и противоположные теории. Появились бы буржуазные социалисты, мирные социалисты, кооператоры (genossenschaftler), авторитарные (autoritäre) социалисты, которые надеятся на освобождение путем реформы государства, и революционные социалисты, которые ждут его только от уничтожения государства.

Все эти теории с еще многими другими оттенками уже существуют ныне в Интернационале, но пока ни одна из них не провозглашена официальной доктриной, до тех пор эти различия в учении и вытекающая из них мирная борьба внутри самого Интернационала далеко еще не являются злом; наоборот, в них заключается много хорошего, поскольку они способствуют развитию мышления и непринужденной умственной работе каждого; они не могут подорвать солидарность, связывающую трудящихся всех стран, так как эта солидарность носит не теоретический, а чисто практический характер. Это, повторяю,—солидарность экономической борьбы труда против капитала со всеми вытекающими из нее практическими последствиями. Например, рабочие Юрской федерации, отрицающие всякую организованную власть и принявшие за программу уничтожение государства, глубоко отличаются в этом отношении от германских рабочих, в значительном большинстве принимающих, повидимому, теорию власти, созданную Марксом; и все же, если в Германии вспыхнет забастовка, то рабочие Юры будут первыми, которые всеми средствами поддержат ее. Я не уверен, но надеюсь, что и рабочие Германии поступили бы так же. Это истинная, единственная солидарность, создаваемая Интернационалом. Он носит вполне практический характер и продолжает существовать, сохраняя свою силу, несмотря на все теоретические разногласия, могущие возникнуть среди различных групп трудящихся.

Но эта солидарность может существовать лишь при том условии, что никакая политическая, социалистическая или философская теория никогда не станет официальной, обязательной теорией Интернационала. До поры до времени всякая официальная теория была бы бессмысленной (nonsens). Чтобы иметь мужество и повод навязать ее, ее пришлось бы провозгласить абсолютной, а время абсолютного прошло, по крайней мере, в лагере революции,—для сторонников свободы и человечества абсолютное абсурдно. Далее, так как опеределенная теория никогда не была и не может быть произведением индивидуального мышления всех, так как теории, поскольку они являются обстоятельными и законченными теориями, всегда вырабатывались и будут вырабатываться небольшим числом людей, то так называемая абсолютная теория в действительности никогда не будет ничем иным, как мыслью нескольких человек, деспотически навязываемой всем,—теоретическим деспотизмом, который неминуемо вырождается в практический деспотизм и эксплоатацию.

Именно это, как мы видим, самой собой происходит в лоне Интернационала. Всемогущая в Генеральном Совете клика Маркса пользуется разгромом французских революционных социалистов, которые до сих пор боролись с ней, но теперь зверски убитые, рассеянные, сосланные, высланные или приведенные к молчанию, не могут возвысить своего голоса, и, повидимому, старается навязать Интернационалу, в качестве официальной доктрины, политическое и социалистическое учение Маркса об освобождении трудящихся классов властью большого централизованного государства. Попутно с этой целью и как логическое последствие ее клика преследует другую цель—преобразовать Генеральный Совет, всегда лично руководимый Марксом, и сделать Совет правительством, официальным руководителем, диктатором Интернационала; в настоящее время она, щедрой рукой рассыпая клевету, ведет обширную работу и интригу, чтобы подготовить Конгресс, который, провозгласив обязательный характер доктрины и замаски-

рованную, конечно, диктатуру Маркса для всех секций Интернационала, об'явил бы еретическими те секции, которые не пожелали бы принять эту доктрину и склониться перед этой диктатурой.

Вот неизбежное последствие официальных доктрин.

Если Интернационал не хочет изменить своему призванию, он не должен принимать никакой официальной доктрины. Что же случится тогда? Различные идеи, все ярче освещаемые борьбой и свободной пропагандой, направляемые собственным инстинктом и все глубже проникающие в революционное сознание, будут под влиянием самой практики и неизбежных последствий всемирной борьбы труда против капитала, медленно, но верно, вырабатывать свои собственные мысли, теории, которые будут прокладывать себе дорогу снизу вверх, а не будут навязаны сверху вниз[9]).

Я сказал, что эта работа будет происходить и происходит медленно. Но не так медленно, как можно было бы подумать. Люди, по опыту знакомые с развитием Интернационала, знают огромные успехи, которые за очень немного лет сделало самосознание трудящихся, благодаря полной свободе, существовавшей до сих пор в Интернационале,—свободе пропаганды и организации.

По моему мнению, эти успехи неизмеримы. Но я признаю, что их еще недостаточно, чтобы дать стихийной силе масс революционную организацию, а пока такой организации не будет, массы, каково бы ни было численное превосходство их над привилегированными классами, всегда будут угнетаться этими последними.

Я с радостью замечаю, что во всех странах привилегированные классы в значительной степени утратили прежнюю силу. Они, безусловно, лишились моральной силы; они больше не верят в свое право, они знают, что они несправедливы, ненавистны, они презирают самих себя. Этого уже много, и вместе с моральной силой они очевидно и неизбежно теряют и умственную силу. Они гораздо ученее пролетариата, что не мешает им становиться все глупее. Они потеряли всякое умственное и моральное мужество. Они уже не осмеливаются смотреть вперед, а только оглядываются назад, Все это неизбежно означает для них смертный приговор. Пролетариат, который еще при их жизни наследует их умственную и моральную силу, в настоящее время уже готовится штурмовать их последние политическое и экономическое укрепления.

Все это так; но нельзя делать себе иллюзий—укрепления очень еще сильны; имя им—государство, церковь, буржуа, полиция, армия и, далее, тот большой международный и публичный, легальный, откровенный заговор, который называется дипломатией.

Все это умно организовано и сильно, благодаря своей организации; и перед лицом этой страшной организации пролетариат, об'единенный, сгруппированный и сплоченный в Интернационале и благодаря ему, остается еще неорганизованным. Что значит его численность? Народ, даже целый миллион, несколько миллионов, отступает в страхе перед несколькими десятками тысяч солдат, которые содержатся на его счет, на деньги буржуазии, добытые его собственным трудом, и направлены против народа.

Самая многолюдная, самая передовая, наилучшим образом организованная секция Интернационала организована ли для борьбы? Вы хорошо знаете, что это не так. Было бы уже много, если бы вы из тысячи рабочих могли в день борьбы собрать сто, самое большее—двести. Для того, чтобы организовать силу, недостаточно общности интересов, чувств и мыслей; необходимо об'единить волю и характер. Наши враги организуют свои силы при помощи денег и государственной власти. Мы можем организовать свои силы лишь при помощи убеждения и пылкости.

Мы не можем и не хотим иметь никакой другой армии, кроме народа, массы. Но для того, чтобы вся эта масса восстала—а только при этом условии она может победить—что должно случиться? Что нужно для того, чтобы наэлектризованные восставшие массы не страдали от внутренних противоречий и не парализовали друг друга движениями по противоположным направлениям?

Существует только одно средство: именно, обеспечить себе содействие всех народных вождей. Я называю народными вождями людей, в большинстве вышедших из народа, живущих его жизнью и пользующихся в народе большим влиянием, благодаря своему умственному и нравственному превосходству. Многие из них злоупотребляют этим влиянием в своих личных интересах. Это—очень опасные люди, которых надо избегать, как чумы и, где только можно, бороться с ними и уничтожать их. Надо отыскивать хороших вождей, таких, которые свой собственный интерес видят только в общем интересе. Но как найти и узнать их, и кто достаточно умен, проницателен и силен, чтобы сначала не ошибиться в их выборе, а затем, найдя их, суметь их убедить и организовать без посторонней помощи?

Очевидно, эта работа не под силу одному человеку, а может быть предпринята и доведена до благоприятного конца лишь многочисленной группой союзников. А для этого они должны сначала сговориться между собой, обещая друг другу взаимную поддержку в совместной работе. Но так как эта работа имеет практическую революционную цель, то взаимное соглашение—необходимое условие ее—не может состояться открыто, иначе инициаторы подверглись бы преследованиям официального и официозного мира и были бы уничтожены прежде, чем чего-нибудь добились бы.

Это соглашение и вытекающее из него об'единение могут, следовательно, произойти только тайно, т.-е. потребуют устройства заговора, настоящего тайного общества.

Таковы идея и цель Альянса. Он представляет собой тайное общество, образовавшееся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную организацию, чтобы превратить его и все не входящие в него народные массы в достаточно организованную силу, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические, религиозные и политические установления государств.

Последняя Лондонская конференция [10]) провозгласила анафему против всякого тайного общества, которое захотели бы образовать внутри Интернационала. Этот удар очевидно направлен против нас. Но клика Маркса, руководившаяся этой конференцией, как она ныне руководит Генеральным Советом, не решилась сказать большинству участников конференции то, что она сказала только своим ближайшим друзьям и доверенным, а именно, что она вела все дело только к тому, чтобы, произнося приговор над нами, расчистить дорогу для собственного заговора, для тайного общества, существующего под руководством Маркса с 1848 г., основанного Марксом, Энгельсом и покойным Вольфом и являющегося ничем иным, как почти исключительно германским обществом авторитарных коммунистов [11]).

То, что я говорю, не предположение, а факт, известный многим лицам и несколько раз выплывавший в Германии на различных политических процессах [12]). Итак, если откинуть некрасивые личные отношения, в которых наши мстительные неутомимые противники не брезгали самыми позорными, грязными приемами, следует признать, что внутренняя борьба, возникшая ныне в Интернационале, является ничем иным, как борьбой двух тайных обществ, противоположных как по принципам, так и по системе организации; одно из них, авторитарные коммунисты, существует, как

я уже сказал, с 1848 г., а другое, Альянс революционных социалистов, хотя и возникло в 1864 г., но в Интернационал вступило лишь с 1868 г.

Начнем с того, что воздадим нашим противникам должное там, где они этого заслуживают. Маркс необыкновенный человек. Это выдающийся ум, человек очень ученый, особенно в области экономических вопросов, к тому же человек, который, насколько мне известно со времени моей первой встречи с ним в Париже в 1845 г.[13]), всегда был искренно, целиком и без остатка преданным делу освобождения пролетариата; этому делу он оказал неоспоримые услуги, никогда сознательно не изменяя ему, но теперь он невероятно компрометирует его своим ужасным тщеславием, ненавистническим, злобным характером и стремлением к диктатуре даже в социал-революционной партии. Его тщеславие, настоящее тщеславие еврея, фактически не знает границ, и это очень жаль. Это излишняя роскошь, ибо тщеславие понятно в ничтожном существе, которое, не представляя собой ничего, хочет казаться всем. Маркс обладает очень положительными, очень высокими качествами, большой силой ума и энергией, которые, как мне кажется, могли бы избавить его от труда прибегать к жалким средствам тщеславия. Это, уже от природы очень большое, тщеславие значительно усилилось под влиянием низкопоклонничества друзей и учеников. Очень личный (persönlich), ревнивый, обидчивый и мстительный, как бог своего народа — Иегова. Маркс не терпит, чтобы кого-нибудь признавали богом, кроме него, — мало того, он не терпит, чтобы в его присутствии отдавали должное другому социалистическому писателю или деятелю движения. Прудон, который не был богом, но конечно был великим революционным мыслителем, оказавшим огромные услуги делу развития социалистических идей, именно по этой причине сделался предметом неприязни со стороны Маркса. Хвалить Прудона в его присутствии значило нанести ему смертельное оскорбление и навлечь на себя его вражду со всеми последствиями, а эти последствия—сперва ненависть, затем самая грязная клевета. Маркс никогда не брезговал самой отвратительной и коварной ложью, если он считал, что может без большой опасности для себя использовать эту ложь против человека, имевшего несчастье навлечь на себя его гнев. Я сказал, что Маркс крайне личен. Вот доказательство этому: он еще верит в частную собственность на идеи. После смерти знаменитого агитатора и основателя социал-демократии в Германии, Лассаля, бывшего в очень значительной степени учеником Маркса, авторитетным коммунистом и проводником освобождения трудящихся классов через посредство государства, и т. д.—после его смерти, говорю я, Маркс выпустил первый, и пока единственный, том своего большого труда «Капитал». В предисловии он с горечью обвиняет[14]) Лассаля в том, что тот украл у него, Маркса, идеи и даже форму идей; обвинение несправедливое уже потому, что Лассаль, полемизируя в одном из своих сочинений с Шульце-Деличем, после развития некоторых мыслей добавляет: эти мысли и употребленные мною выражения придуманы, собственно, не мною; я позаимствовал их из одного прекрасного еще не изданного труда Маркса. Маркса это об'яснение не удовлетворяет. Итак, мы уличили Маркса в собственнических инстинктах, да еще в области идей, менее всего могущих считаться частной собственностью. Его друзья так хорошо знают эту манию своего учителя, что, например, его ближайший и старейший друг Энгельс, тоже очень интеллигентный человек, издавая довольно значительный труд о восстании немецких крестьян в XVI столетии[15]), не преминул заявить во введении, что главные мысли, положенные в основу этого труда, принадлежат не ему, а Марксу.

Далее, надо признать, что Маркс очень серьезный, очень глубокий мыслитель-экономист. Он имеет то огромное преимущество перед Прудоном.

что он реалист, материалист. Несмотря на все усилия стряхнуть с себя традиции классического индивидуализма, Прудон оставался всю свою жизнь неисправимым идеалистом, который, как я говорил ему за два месяца до его смерти*), вдохновлялся то библией, то римским правом и всегда оставался метафизиком до кончиков ногтей. Его величайшим несчастьем было, что он никогда не занимался естественными науками и не усвоил себе их методов. У него был гениальный инстинкт, часто подсказывавший ему правильный путь, но увлекаемый дурными или идеалистическими привычками своего ума, он постоянно впадал в старое заблуждение, вследствие чего превратился в ходячее противоречие—мощный гений, революционный мыслитель, вечно возившийся с призраками идеализма и никогда не имевший сил победить их.

Маркс, как мыслитель, стоит на правильном пути. Он выставил, основное положение, что все религиозные, политические и юридические процессы (Entwicklungen) в истории являются не причинами, а следствиями экономических процессов. Это—великая и плодотворная мысль, честь изобретения которой принадлежит не исключительно ему; многие другие издали видели ее и даже отчасти выразили, но на долю Маркса выпала честь дать ей прочное обоснование и положить ее в основу всей своей экономической системы. С другой стороны, Прудон гораздо лучше понимал и чувствовал свободу. Когда Прудон не предавался доктринерству и метафизике, он обладал истинным чутьем революционера, он поклонялся сатане и провозглашал анархию. Очень возможно, что теоретически Маркс может дойти до более рациональной системы свободы, но ему недостает чутья Прудона. Как немец и еврей, он с ног до головы властен (Autorität).

Отсюда—две противоположные системы: анархическая система Прудона, которую мы расширили, развили и очистили от всех метафизических, идеалистических, доктринерских надстроек, четко и ясно положив в основу всякого дальнейшего развития материю в науке и социальную экономию в истории, и система Маркса — главы немецкой школы авторитарных коммунистов.

Основы этой системы—следующие. Как и мы, авторитарные коммунисты стремятся к упразднению частной собственности. Они отличаются от нас, главным образом, тем, что проповедуют всеобщую экспроприацию государством, мы же добиваемся ее путем упразднения государства и естественно охраняемого государством юридического права. Поэтому мы провозгласили на Базельском Конгрессе (1869 г.) отмену права наследования, между тем, как они протестовали там против этого, говоря, что этой отмены не потребуется, раз государство будет единственным собственником. Государство, говорят они, должно быть единственным землевладельцем и в то же время единственным банкиром. Государственный банк, заменив ныне существующие частные банки[16], имеет право снабжать деньгами только народный труд, так что все трудящиеся—земледельческие и промышленные рабочие — фактически сделаются наемными рабочими государства. Английские коммунисты этой же школы заявили на Базельском Конгрессе, что земля должна обрабатываться под руководством государственных инженеров.

Мы отвергли эту систему по двум соображениям: во-первых, потому, что вместо того, чтобы ослабить государственную власть, она усиливает ее, сосредоточивая всю полноту власти в руках государства. Правда, они говорят, что государство будет народным государством, управляемым собраниями и чиновниками, которые будут непосредственно избираться народом и подлежать народному контролю. Это—та же парламентарная, представительная система, система всеобщего избирательного права, исправленная

*) В ноябре 1861 г. в Париже проездом из Лондона во Флоренцию. (Н.).

введением референдума и прямого всенародного голосования всех законов. Но мы знаем, что можно ждать от такой системы представительства. Ясно, что система Маркса, как и система Мацции, ведет к созданию очень сильной, так называемой народной власти, т.-е. к господству интеллигентного меньшинства, которое одно в состоянии справиться со всеми сложными вопросами, неизбежно вытекающими при централизации, а следовательно, к порабощению масс и их эксплоатации этим интеллигентным меньшинством. Вот система революционных авторитетов свободы, навязанной и управляемой сверху, т.-е. вопиющая ложь.

Вторая причина, почему мы отвергаем эту систему, заключается в том, что она ведет прямо к созданию новых больших национальных государств, отдельных, а потому неизбежно соперничающих и враждебных друг другу, т.-е. к отрицанию интернационализма, человечества. Ибо, если они не претендуют на создание единого, всемирного государства—а это было бы нелепым замыслом, давно осужденным историей — они неизбежно должны основывать большие национальные государства или, что еще вероятнее, большие государства, в которых одна раса, самая сильная и развитая, будет порабощать, угнетать и эксплоатировать другие, таким образом марксисты, сами не сознавая этого, неизбежно приходят к пангерманизму.

* * *

. . . является [17]) фактически религией, религией человечества.

Вот мысль, цель и конституция Альянса. Это — общество братьев, солидарных до смерти и не знающих другой цели, кроме победы нашей революции. Мы должны относиться друг к другу очень бережно и вместе с тем быть очень откровенными и всегда правдивыми. Никто из нас не совершенен и не может пред‘являть такой смешной претензии. Мы полны ошибок, слабости и часто, к сожалению, очень часто, дури. Все это не имеет значения, если только мы будем верны друг другу и нашей программе и приобретем хорошую привычку взаимно дополнять друг друга при нашем совместном мышлении и действиях.

Так ли вы организованы? Повидимому, не так, если вы могли распасться и разойтись? Истинный Альянс нерасторжим, братья, а какую минуту выбрали вы, чтобы разойтись? Минуту, когда ставится вопрос о жизни или смерти пролетариата всей Европы. Разве это не измена революции?

В Испании слышны раскаты революционной грозы, а вы разошлись накануне великой борьбы? И по какой причине? Не из принципиальных соображений, а для удовлетворения личного тщеславия, личного честолюбия!

Об‘единенные, вы, как бы мало вас ни было, будете сильны не для себя, а для победы революции; раз‘единенные, вы будете безвольными и бессильными обломками тащиться на буксире событий. Подумайте о том, что время индивидуальных побед прошло. Наше время — время больших народных об'единений, которые все влекут за собой и захлестнут в своем потоке отдельные индивидуальности, как бы последние ни были сильны в действительности или в своем воображении.

Именем всех наших братьев, именем социальной революции, именем нашей религии, нашей страсти, именем вас самих, вашей чести, вашей совести, вашего долга, я заклинаю тех из вас, которые не солгали сами себе и друг другу, когда вы захотели вступить в Альянс, как братья, воссоздать Альянс среди себя, забыв все жалобы и ошибки прошлого, простив друг другу и растворив все мелкие личные страсти в великой революционной страсти, в нашей общей мысли и деятельности.

Михаил Бакунин, член-учредитель Альянса.

5 апреля 1872 г. Локарно.

Дорогой союзник и товарищ![18])

Наши барселонские друзья просили меня написать Вам, что я исполняю с величайшим большим удовольствием, тем более, что я узнал, что я и мои друзья, члены Альянса в Юрской конфедерации, как в Испании, так и в других странах сделались мишенью для клеветы со стороны Генерального Совета. Поистине очень печально, что в это время, время ужасного кризиса, когда на много десятилетий решается участь пролетариата всей Европы, и когда все друзья пролетариата, человечества и справедливости должны были бы братски соединиться, чтобы оказать сопротивление общему врагу — миру привилегированных классов, организованных в виде государства, — очень печально, повторяю, что люди, в прошлом оказавшие большие услуги Интернационалу, ныне побуждаемые дурной жаждой власти снисходят до лжи и сеют семена раздора вместо того, чтобы повсюду создавать свободный союз, который один может дать силу.

Чтобы дать правильное представление о наших стремлениях, мне нужно сказать только одно. Наша программа та же, что ваша, провозглашенная на вашем прошлогоднем Конгрессе [19]), и если вы останетесь верны ей, то вы — с нами по той простой причине, что мы — с вами. Мы презираем принцип диктатуры, правительственной власти и авторитета, как презираете его и вы. Мы убеждены, что всякая государственная власть является источником развращения правящих и причиной порабощения управляемых. Государство означает господство, а природа человека устроена так, что всякое господство превращается в эксплоатацию. Как враги государства во всех случаях, во всех его проявлениях, мы не можем потерпеть государства в лоне Интернационала. Мы считаем Лондонский с'езд [20]) и принятые им резолюции честолюбивой интригой и государственным переворотом и поэтому мы протестовали и будем протестовать до конца. Я не касаюсь личных вопросов, которыми, к сожалению, будет слишком полон ближайший всеобщий конгресс, если только этот Конгресс состоится, в чем я лично сильно сомневаюсь, ибо если события будут развиваться так, как теперь, на европейском материке скоро не останется ни одного места, где делегаты пролетариата смогут собраться для свободного обсуждения своих дел. А теперь все взоры обращены на Испанию на исход вашего Конгресса [21]). Что из него выйдет? Если это письмо вообще дойдет до Вас, Вы получите его после Конгресса. Застанет ли оно Вас в разгаре революции или в разгаре реакции? Все наши друзья в Италии, Франции и Швейцарии в мучительном напряжении ждут известий о вашей стране.

Вы, без сомнения, знаете, что в Италии Интернационал и наш дорогой Альянс получили очень большое развитие [22]). Народ в деревне и городах находится в совершенно революционном состоянии, т.-е. в отчаянном экономическом положении, и массы начинают серьезно организовываться, их инстинкты начинают превращаться в идеи [23]). До сих пор Италии недоставало не инстинктов, а именно организации и идеи. Обе начинают вырабатываться, так что в настоящее время Италия, быть может, является самой революционной страной после Испании, вместе с Испанией. В Италии есть то, что отсутствует в других странах, — пылкая, энергичная, совершенно деклассированная [24]), лишенная всяких видов на карьеру и на будущее молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена морально и умственно, как буржуазная молодежь других стран. Ныне она, очертя голову, бросается в революционный социализм со всей нашей программой, программой Альянса. Наш гениальный и мощный противник Маццини умер; маццинистская партия совершенно дезорганизована, а Гарибальди все больше и больше увлекается этой молодежью, ко-

торая называет себя его именем, но заходит или забегает гораздо дальше, чем он. Я послал барселонским друзьям один итальянский адрес и скоро пошлю еще несколько. Важно и необходимо, чтобы члены Альянса в Испании вступили в непосредственные сношения с итальянскими. Получаете ли Вы итальянские социалистические газеты? Рекомендую Вам, главным образом, Equalianza (Равенство), в Джирдженти в Сицилии — Compana (Колокол), в Неаполе — Fascio Operaio (Рабочий союз), в Болоньи — Il Gazrettino Rosa, а лучше всех Jl. Martello (Молот) в Милане, который, к сожалению, конфискован и все сотрудники арестованы.

В Швейцарии рекомендую Вам двух членов Альянса: Джемса Гильома (Швейцария, Невшатель, 5, rue de la Place d'Armes) и гравера Адэмара Швицгюбеля—члена и секретаря-корреспондента Юрской федерации (Швейцария, Бернская Юра, Сонвилье, граверу Адэмару Швицгебелю).

Союз и Братство.

М. Бакунин.

Пожалуйста, поклонитесь от меня брату Мораго и попросите его прислать мне свою газету.

Получаете ли Вы Бюллетень Юрской федерации?

Прошу Вас сжечь это письмо, так как оно содержит имена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Настоящие письма, дополняющие нашу статью «Бакунин в первом Интернационале», являются частью той секретной зашифрованной переписки, которую Бакунин вел со своими «интимными друзьями», членами тайного «содружества», как Макс Неттлау называет организованный Бакуниным круг своих единомышленников. Характер писем делается ясным с первых же страниц: это «конфиденциальные» сообщения, исходящие из центра тайного общества, организованного в самом «лоне» Интернационала, как замечает Бакунин, имеющие целью организовать внутри Международного товарищества рабочих силы, враждебные господствующему в Генеральном Совете марксистскому ядру. Письма эти всецело подтверждают обвинение, выдвинутое против Бакунина на Гаагском конгрессе, смысл которого заключался в том, что Бакунин «пытался основать» и, «может быть, основал в Европе общество под названием Альянс с уставом, совершенно отличным в социальном и в политическом отношении от устава Международного товарищества рабочих».

Письма Бакунина вызваны были распадением тайного Альянса, основанного по его поручению итальянцем Джузеппе Фанелли.

2) Борьба между марксистами и бакунистами в Испании разгорелась вскоре после появления в Мадриде Поля Лафарга (конец 1871 г.).

3) Макс Неттлау, равно как и Джемс Гильом, не обращает достаточного внимания на эти и подобные заявления Бакунина, которые нельзя же в самом деле считать легкомысленными заявлениями с целью «втереть очки» уважаемым «союзникам и братьям». Говоря о «правиле», «которое вошло в практику групп Альянса», Бакунин, вероятнее всего, имел в виду роспуск швейцарского Альянса в 1869 г. и новый состав его после соответствующего «отбора» достойных. Во всяком случае «игнорировать» подобные заявления Бакунина никак невозможно. Это могло бы иметь смысл лишь в том случае, если бы исследователи доказали, что все бакунинские разговоры о конспирациях, тайных организациях, Альянсе и т. п. были сплошным «блефом». Но ведь такого отношения ни со стороны друзей,

ни со стороны врагов Бакунин еще не встретил. Поэтому приходится всерьез принимать все те практические замечания, которыми Бакунин помогал своим друзьям наладить порвавшиеся нити конспираций.

4) Здесь рукопись обрывается. В месте, обозначенном пропуском, следует вставить «силу». Дальнейший текст по другому отрывку, который представляет собой более краткую редакцию того же письма. Первые 16 строк этой краткой редакции, передающие сжато все изложенное выше, Максом Неттлау опущены.

5) Неттлау делает пояснение: вернее «социальными».

6) Здесь обрывается рукопись первого письма.

7) Рукопись без конца, который потерян.

8) Речь идет о системе общинной, коммунальной организации на основе федерации автономных общин. После Парижской Коммуны это направление носило имя «коммунизма».

9) Неясно написанный абзац: «идеи... будут... вырабатывать свои собственные мысли и теории» и т. д.

«Immer mehr durch den Kampf und die Freie Propaganda aufgeklärt, werden verschiedenartige Ideen, von ihrem eigenen Instinkt geleitet und immer mehr zum revolutionären Bewusztsein erhoben, durch die Praxis selbst und die unvermeidlichen Folgen der universellen Solidarität des Kampfes der Arbeit gegen das Kapital, zwar langsam, aber unfehlbar ihre eigenen Gedanken ausarbeiten» (B. III, s. III). Весьма возможно, что некоторая неясность произошла при переводе с французского, хотя следует заметить, что переводы М. Неттлау отличаются большой точностью.

10) Одним из своих постановлений Лондонская конференция, состоявшаяся в сентябре 1871 г., безусловно воспрещала образование международной секции Интернационала в виде тайного общества.

11) Это одно из крупнейших заблуждений Бакунина вызвало следующее примечание Макса Неттлау:

«Бакунин так же мало был осведомлен в подробностях о делах Маркса, как этот последний — о делах Бакунина. Выше приведенное утверждение Бакунина, как мы теперь знаем, не соответствует истине и об'ясняется суб'ективными причинами. Летом 1848 г. Маркс, по словам самого Бакунина, рассказал Бакунину о Союзе коммунистов, а систематическая злобная травля Бакунина лицами, которых он считал товарищами или орудиями Маркса, укрепила в нем предположение о существовании около Маркса тесной группы или тайного общества. Отсюда — вышеприведенное утверждение, которое об'ясняет нам также, почему Бакунин так долго держался вдали от Интернационала: он хотел сначала противопоставить авторитарной группе, действовавшей, по его мнению, внутри Интернационала вокруг Маркса, сильную анти-авторитарную группу, которая начала создаваться лишь в 1864 г.».

12) И этому утверждению, неправильному в корне, М. Неттлау посвящает следующее примечание:

«Насколько мне известно, со времени большого процесса коммунистов в Кельне в начале 50-х годов, таких процессов в Германии не было. Кажется, только один Лассаль в Дюссельдорфе поддерживал некоторые сношения с бывшими членами союза, но и у него произошел с ними конфликт. При пробуждении рейнского рабочего движения в дни расцвета Лассаля и впоследствии кое-где снова работали старые члены союза; но о их связи с прежней организацией не было и речи».

13) Ошибка. Бакунин познакомился с Марксом в Париже, вернее всего, в конце 1844 г.

14) Слово «обвиняет», отсутствующее в рукописи, вставлено М. Неттлау.

15) F. Engels. Der deutsche Bauernkrieg. Русск. издание Госиздата, 1926 г., «Крестьянская война в Германии», с пред. Д. Рязанова и примеч. Ц. Фридлянда.

16) Бакунин говорит о «феодальных Банках» («Banques féodales»), Неттлау, полагая, что это описка, переводит «Privat banken».

17) Отсюда начинается третий отрывок, являющийся по замечанию Неттлау, проектом окончания предшествующего письма.

18) Письмо к Франческо Мора, посланное через Алерини, вместе с словарем, шифром, оказалось переданным Лафаргу или Марксу. Письмо это фигурировало в комиссии Гаагского конгресса и было опубликовано в 1873 году в брошюре об Альянсе. Подобно предыдущим отрывкам, оно на русский язык переведено не было, краткие извлечения из него встречались. М. Неттлау это письмо считает доказательством того, «что в то время не существовало формальной организации вне пределов Испании, что союзники и ближайшие, интимные товарищи были почти одно и то же».

19) С'езд в Валенсии 10—18 сентября 1871 г.

20) Речь идет о лондонской конференции.

21) В Сарагоссе, в апреле 1872 г.

22) См. примеч. 18. М. Неттлау упорно не хочет верить утверждениям М. Бакунина. Последний настойчиво заявляет о существовании в Италии (значит — «вне пределов Испании») «нашего дорогого Альянса», а его биограф столь же настойчиво не желает соглашаться с руководителем этого самого Альянса.

23) Неттлау вносит здесь поправку в текст, опубликованный в указанной брошюре: в тексте напечатано «интересы».

24) Здесь большая неясность, которую может разрешить только исследование подлинника письма. Последний, очевидно, не был в руках Макса Неттлау. В брошюре напечатано «déplacée». Неттлау задает вопрос: «но разве возможно здесь значение находящегося не на своем месте»? Поэтому он, полагая описку, восстанавливает слово «деклассированный» «déclassée». Рассмотрение оригинала выяснило бы прежде всего подлинную транскрипцию слова. Если же Бакунин написал «déplacée», то не хотел ли он выразить именно «сдвинутый с места», «лишенный места», безместный, безработный?

Воспроизводим письма с новейшего немецкого издания (указанное изд. Gesammelte Werke, Berlin, Band III), проредактированного и снабженного примечаниями Макса Неттлау. Все существенное, содержащееся в его примечаниях, нами использовано для настоящей публикации.

Ю. М. Стеклов

Бакунин и подготовка нечаевского дела [1])

1. Кто был Нечаев

В настоящей статье мы касаемся Нечаева и его дела лишь постольку, поскольку они имеют непосредственное отношение к Бакунину и его деятельности. Поэтому мы естественно опускаем ряд деталей, хотя и весьма интересных с точки зрения истории русского революционного движения, но не связанных с прямою темою нашей работы [2]).

Имя Нечаева сделалось известным в связи со студенческими волнениями 1869 года.

Среди массы студентов, настроенных хотя и оппозиционно, но не имевших определенного политического миросозерцания, действовали люди, настроенные более революционно и готовые придать студенческому движению, вызванному чисто корпоративными интересами, определенно политическое направление. Подобно тому, как впервые студенческие волнения 1861 года доставили тогдашним революционным кружкам («Молодой России», «Земле и Воле» и т. д.) рядовых членов и руководителей, точно так же и движение, связанное с именем Каракозова, не прошло бесследно, оставив после себя и яркие воспоминания, и революционную традицию, и активных людей. Они-то и возглавили студенческие волнения, вспыхнувшие весною 1869 года, но подготовлявшиеся уже с конца предыдущего года.

Осенью 1868 года начались студенческие сходки, на которых обнаружилось существование двух течений в студенческой массе: умеренного под предводительством Езерского, ставившего себе чисто студенческие, корпоративные задачи, и радикального, стремившегося расширить студенческий протест до общеполитического, революционного протеста. Во главе второго течения стал Нечаев.

---

1) Из подготовляемого к печати третьего тома биографии М. А. Бакунина.

2) О Нечаеве см. Сватиков—„Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев)“, в сборнике „Наша Страна“, Спб. 1907; Козьмин—„П. Н. Ткачев“. Москва, 1922, глава VIII; Л. Никифоров—„Мои Тюрьмы“, „Голос Минувшего“, 1914, № 5; В. Засулич—„Нечаевское дело“, в № 2 сборника „Группа Освобождение Труда“, Москва, 1924; Ралли—„С. Г. Нечаев“, „Былое“, 1906, июль; А. Успенская—„Воспоминания шестидесятницы“, „Былое“, 1922, № 18; Базилевский (Богучарский)—„Государственные преступления в России в XIX веке“, том I, Штуттгарт, 1903 (перепечатано в России, 1906; Богучарский—„Активное народничество“, Москва, 1912; Волков—„Христо Ботев“, Москва, 1923; (Ралли и Тихомиров)—„Нечаев в Алексеевском равелине“, „Вестник Народной Воли“, Женева, 1883, т. I; „С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине“, „Былое“, 1906, июль; Щеголев—„Нечаев в Алексеевском равелине“, „Красный Архив“, №№ 4, 5, 6. Только что вышла книжка А. Гамбарова—„В спорах о Нечаеве“, Москва, изд. „Моск. Раб“.

Какое настроение господствовало на этих сходках, видно из воспоминаний С. Чудновского [1]. По его словам, лозунг «В народ!» был популярным и почти всеобщим лозунгом этих сходок. Вопрос, служивший предметом горячих споров, ставился так: следует ли, хотя бы временно, отдаваться науке или же нужно, отрекшись от привилегированного положения, помнить долг свой перед тем народом, на счет которого молодежь получила свое образование, бросить учебные заведения и слиться с народом? [2]).

Бросается в глаза, что в этой постановке вопроса слышится отголосок тех идей, которые как раз в это время развивал в «Народном Деле» Бакунин. Именно такие мысли развивал и Нечаев не столько на общих сходках, где он избегал выступать, а в частных беседах с намеченными людьми. Но знал ли в этот момент Нечаев о писаниях Бакунина? По-видимому, знал. В своих показаниях на суде над нечаевцами в 1871 году В. Черкезов [3]) сообщил, что он слыхал на сходках речи Нечаева, в которых он высказывался в пользу программы «Народного Дела», рекомендуя приступить к ее осуществлению, в частности, к насильственному революционному перевороту. Тот же Черкезов сообщил Максу Неттлау еще более определенные сведения. По его рассказу, передаваемому Неттлау в своей статье о Бакунине и русском революционном движении в годы 1868—1873 [4]), в 1868 году в Петербурге образовалась революционная группа (первая после разгрома ишутинского кружка, происшедшего в связи с покушением Каракозова), в которую кроме него входили П. Ткачев, братья Аметистовы и др. Один из членов этой группы, Бочкарев, отправился в Женеву для того, чтобы завязать сношения с тамошними эмигрантами: Жемановым, Элпидиным и другими, участвовавшими в деле «Казанского заговора» в 1863 году [5]). О принадлежности их к Интернационалу было известно, хотя в то время в России сведения о Международном Товариществе Рабочих не отличались особенной отчетливостью, что впоследствии дало Бакунину и Нечаеву возможность выдать Альянс за Интернационал. Случайно Бочкареву не пришлось встретиться с Бакуниным, но зато он привез в Россию первый номер «Народного Дела», произведший на группу сильнейшее впечатление. Отдельные статьи этого номера были по тогдашнему обычаю переписаны и разосланы в разные города [6]). Нечаев был восхищен статьями

---

[1]) Кстати, он сообщает о многолюдных сходках по несколько сот человек „(Былое", 1907, № 9, стр. 284), но другие мемуаристы о таких обширных сходках не упоминают.

[2]) По его словам, некоторые тогда же так и поступили.

[3]) В. Черкезов (теперь известный анархист) уже ранее нечаевского процесса привлекался по процессу каракозовцев.

[4]) Max Nettlau.—„Bakunin und die russische revolutionare Bevegung den in den Jahren 1868—1873" в „Архиве" Грюнберга, т. V, стр. 376.

[5]) Такую же поездку совершил в 1865 году И. Худяков, один из главных идейных руководителей движения, связанного с именами Ишутина и Каракозова. Худяков, познакомившийся в Швейцарии с А. Серно-Соловьевичем, привез в Россию первые сведения об Интернационале и его работе.

[6]) То же, только без упоминания фамилии Бочкарева, рассказывает Черкезов в своем предисловии к первому тому „Избранных Сочинений" Бакунина: „Легко... понять, с какою радостью приветствовали мы программу Бакунина и весь первый номер его журнала „Народ-

«Народного Дела» и на сходках повторял высказанные там мысли Бакунина. Таким образом, Бакунин, сам того не ведая, оказывал уже известное влияние на самое начало нечаевского дела, в котором вскоре ему суждено было сыграть такую крупную роль.

Далее, по рассказу Черкезова, около того же времени Е. Аметистов предложил ему познакомиться с учителем Нечаевым, который, дескать, является типом настоящего революционера, вышедшего из простонародной среды и проникнутого органической ненавистью к барам. Таким образом Нечаев был приобщен к революционной группе, стремившейся придать студенческому движению политический и социалистический характер.

Несколько позже через того же Е. Аметистова Нечаев познакомился с З. Ралли, вокруг которого группировался кружок студентов разных учебных заведений[1]). Нечаев заинтересовался этим кружком, в котором имелись старые номера герценовского «Колокола» и другие издания революционного направления. Впоследствии Нечаев свел Ралли с кружком Ткачева.

«Собираясь по вечерам (в декабре 1868 года. *Ю. С.)* в квартире Нечаева,—рассказывает Ралли[2]),—я, Орлов, братья Аметистовы и вскоре еще несколько других студентов, между которыми был и Чубаров, повешенный много позже Тотлебеном[3]), мы читали «Lanterne» Рошфора, книжонку, изданную полицией об Иосафате Огрызке[4]), старые «Отечественные Записки» со статьями о Роберте Оуэне и, наконец, добытую нами книгу Буонаротти о заговоре Бабэфа. Эта последняя книга произвела на некоторых из нас потрясающее впечатление, и мы заговорили об организации политического общества в России (курсив мой). История декабристов, петрашевцев и воспоминания о Худякове и его рассказах о существовании какого-то тайного (?) общества за границей были излюбленными сюжетами разговоров наших на этих вечерах. Нечаев знал очень плохо по-французски, а потому при чтении приходилось делать дословный перевод, что в особенности было обременительно при чтении французской революции Луи Блана; ее пришлось бросить на втором томе и взяться за Карлейля по-русски».

Повидимому, к этому моменту Нечаев был уже человеком определенно революционных убеждений. Сын бывшего крепостного, а затем мещанина-ремесленника, С. Г. Нечаев родился в 1847 году в селе Иваново, Владимирской губернии. Сначала он учился в сельской школе, а затем сдал

ное Дело" (1868). Получив один экземпляр в Петербурге, мы целый месяц сентябрь переписывали и распространяли его; рассылали в Москву и в провинцию. Мы нашли, „наконец, в печати ясно формулированными наши мысли, наши заветные стремления" (цит. по заграничному изданию, стр. XXXV. Эта книга переиздана в Петербурге в 1919 г.).

1) В том же доме, что и Ралли, жила тогда 15-летняя В. И. Засулич, тоже познакомившаяся тогда с Нечаевым.

2) Ралли—„С. Г. Нечаев", „Былое", 1906, июль, стр. 137—138.

3) В 1879 году в Одессе (по процессу Лизогуба, Чубарова и других).

4) Это книжка муравьевского следователя Н. Гогеля (изд. 1866).

экзамен на звание учителя и, по переезде в Петербург, где поступил вольнослушателем в университет, сделался преподавателем в приходском Сергиевском училище. Через своего земляка, тоже учителя, Вл. Орлова он познакомился с Ив. Аметистовым, а через последнего с его братом Е. Аметистовым, который ввел его в революционные кружки. Когда и как Нечаев сделался революционером, трудно установить. Во всяком случае к рассматриваемому моменту ему было всего 21 год, и тот факт, что он мог среди людей, превосходивших его и летами, и образованием, занять такое выдающееся положение, свидетельствует о его незаурядной натуре.

По рассказу Ралли, на собрании у Ткачева в начале февраля (на самом деле в январе) 1869 г. поднят был вопрос о создании временного комитета для руководства студенческим движением. Ралли предложил составить его из представителей существовавших студенческих кружков; Нечаев же находил более удобным составить комитет из студентов, уже намеченных движением, без обращения к кружкам. Но тем временем комитет уже составился из среды самого студенчества, при чем избраны были даже делегаты для поездки в другие университетские города с целью привлечения и тамошнего студенчества к петербургскому движению. В Москву посланы были Л. Никифоров и З. Ралли.

Впоследствии Нечаев снова внес предложение об образовании комитета на централистических началах. По словам Ралли («Былое», 1906, июль, стр. 140—142), комитет образован тогда не был. Но позже на одном из собраний «принято было решение сплотиться в один кружок всем тем, которые уже поняли, что студенческое движение поднято для того, чтобы перезнакомить людей между собой и таким образом составить кружок из людей, имеющих целью поднять восстание в России и уничтожить существующий порядок вещей».

Существовал ли когда-либо такой комитет? Судебный процесс по делу нечаевцев не выяснил этого вопроса. В напечатанных по-русски воспоминаниях Ралли о существовании комитета ничего определенного не говорится. Но Неттлау цитирует изданные по-румынски мемуары Ралли «Temnita si Exil» и «In Exil», где упоминается о существовании «комитета действия» (Ткачев, братья Аметистовы, Орлов, Ралли, Нечаев и еще трое), который, по инициативе Ткачева и Нечаева, был преобразован в «Комитет русской революционной партии» (Ткачев, Нечаев, Ралли, оба Аметистова, Сиряков, Никифоров, Орлов и Л.). Надо полагать, что окончательной организации комитет не получил, а под таким названием фигурировала та инициативная группа, которая пыталась внести единство в студенческое движение и придать ему политический и революционный характер. Эта группа вскоре была разгромлена арестами, но возможно, что, когда Нечаев в марте 1869 г. прибыл за границу и впервые встретился с Бакуниным, он не знал еще о полном разгроме этого «комитета». Сам Бакунин в известном письме к Таландье писал, что в тот момент комитет еще существовал, но при этом он опирался на слова Нечаева, а кроме того хотел ослабить

свою ответственность утверждением, что в начале нечаевского дела была не одна только фикция, а и нечто реальное [1]).

Какова была программа этой группы? Об этом можно только догадываться. Но существует документ, точное происхождение которого, правда, не установлено, но который, повидимому, исходил от этой группы и, вероятно, отражает взгляды если не всех ее участников, то, по крайней мере, наиболее сознательных из них. Это рукопись, найденная в бумагах Ф. Волховского и фигурировавшая на процессе под названием «Программа революционных действий» [2]). Принадлежала ли она Ткачеву, Нечаеву или же была продуктом коллективного творчества, судить трудно. Во всяком случае в ней, видимо, нашли выражение взгляды, которыми руководствовалась инициативная группа, активным членом которой был Нечаев.

Решительно отрицая существующий строй, как основанный на эксплоатации и угнетении, документ выражает уверенность в неизбежности народного восстания против этого строя. Народ поймет, что сила и право на его стороне, а тогда победа непременно останется за ним. Все дело в том, чтобы ускорить переворот, выясняя народу его силу и необходимость восстания. Экономический переворот невозможен без политического. «Единственный выход—это политическая революция, истребление гнезда существующей власти, государственная реформа. Итак, социальная революция, как конечная цель, и политическая, как единственное средство для достижения этой цели».

Как видим, эта мысль очень далека от анархических взглядов Бакунина. Судя по общему ее тону и по логическому развитию основной идеи, можно предположить, что автором программы является скорее всего Ткачев, к тому времени успевший выработать определенное политическое миросозерцание. А отсюда следует, что Нечаев, повидимому, разделявший тогда эти взгляды, был в тот момент не анархистом, а бланкистом [3]). Тем более это верно в том случае, если программа принадлежала самому Нечаеву (что, впрочем, сомнительно). Отсюда следует, что тогдашняя революционная молодежь, верная традиции каракозовцев, не разобралась сразу в программе Бакунина. Если «Народное Дело» привело ее в восторг, то не своим требованием уничтожения всякой государствен-

---

[1]) Впрочем, эти слова Бакунина можно понять и в том смысле, что комитет существовал и в первое время после второго приезда Нечаева за границу, т.-е. в конце 1869 года.

[2]) Она перепечатана в „Историко-революционной хрестоматии“, изд. „Новой Москвы“, 1923, т. I.

[3]) Вспомним рассказ З. Ралли о сильном впечатлении, произведенном на членов кружка книгою Буонаротти. Ралли в своих воспоминаниях о Нечаеве („Былое“, июль, 1906 г., стр. 144) рассказывает, что когда Нечаев приехал в 1871 году из Парижа, у него были с собою две книги: „Исповедь“ Руссо и „Мемуары“ Робеспьера. Это, несомненно, свидетельствует о его „якобинских“, а по-тогдашнему бланкистских симпатиях или интересах. Новые материалы по поводу бланкистских тенденций Нечаева дает статья Б. Николаевского „Памяти последнего „якобинца“ - семидесятника (Гаспар-Михаил Турский)“ в „Каторге и Ссылке“ 1926 г., № 2/23. В этой статье между прочим высказана довольно правдоподобная мысль, что начало кружку русских якобинцев за границей, впоследствии „набатчиков“ положено было именно Нечаевым в 1871—1872 г.г.

ности и отрицанием политических переворотов, а своим крайним революционным духом и своим призывом к революционной активности. На сторону анархизма Нечаев стал склоняться уже после своего знакомства с Бакуниным, да и то это увлечение анархическими воззрениями не было у него глубоким и оказалось чисто временным (как показывают 6 номеров нечаевского «Колокола», № 2 «Народной Расправы» и «Община», изданные без Бакунина).

Далее «Программа революционных действий» доказывает необходимость создания революционной организации. «Для достижения этого,—говорится там,— мы должны распространять известного рода листки в известном духе, устраивать сходки и частные протесты, как предварительную пробу, как практический прием для выработки революционных типов, наконец, как средство сближения между собою как отдельных лиц, так и многочисленных, но разрозненных кружков; вербовать людей и образовывать повсеместно частные кружки в том же направлении и с той же единственной целью революции; устраивать кассы для устройства революционного фонда; стараться вступать в сношения с европейскими революционными организациями и поддерживать постоянную связь с ними».

В плане организации, развитом в этом документе, надлежит отметить два пункта, от которых потом Нечаев отказался (если предположить, что он был автором программы или целиком разделял ее положения). Это, во-первых, положение, что вся организация строится на принципе децентрализации в смысле ослабления главного центра и предоставления большей инициативы провинциальным центрам. А, во-вторых,—на ряду с требованием от членов организации отказа от собственности, обычных занятий и привязанностей, поскольку последние способны мешать их революционной работе,— заявление, что требовать полного отречения от них организация не считает себя в праве, так как это было бы ненужным стеснением свободы личности.

Самый план революционных действий сводился к тому, чтобы до мая (1869 г.) сосредоточить деятельность революционеров в столицах и частью в университетских городах. За это время должен быть проведен протест студенчества за право сходок и положено начало пропаганды и организации среди г о л ы т ь б ы. Затем деятельность должна быть перенесена в губернские и уездные центры и сосредоточена главным образом в среде разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы. С октября пропаганда переносится в народные массы, при чем не менее трех четвертей революционеров отправляется из столиц в провинцию. Оставшаяся в столице литературная группа вырабатывает устав русской революционной организации, составляет *катехизис* (курсив мой), правила которого обязательны для членов организации, и намечает план местных выступлений на 1870 год, форму будущего устройства государства и время революции. В октябре происходит с'езд, который должен обсудить и принять все намеченные мероприятия. «С этого времени должна начаться систематическая, захватывающая всю Русь, революционная деятельность организации». Моментом восстания предполагалась весна 1870 года.

Именно этот план Нечаев впоследствии пытался осуществить на практике. За исключением «государственного» элемента, содержащегося в этой программе, основные положения ее во многом совпадают со взглядами, изложенными Бакуниным в № 1 «Народного Дела» [1]). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что идея «революционного катехизиса», устанавливающего правила для членов организации, возникла в России до встречи Нечаева с Бакуниным.

В разгар подготовительной работы среди студенчества начались аресты. Положение Нечаева, деятельность которого уже обратила на себя внимание полиции, стало опасным. Он решил уехать из Петербурга. Полиции сделалось известно участие Нечаева на одной из сходок (на квартире студента Любимова). Участники сходки были переписаны, а устроители приглашены в полицию для об'яснений. Был ли Нечаев задержан или только вызван в полицию для допроса, трудно установить. В первом полицейском документе определенно говорится, что Нечаев «уже арестован». Но в следующих сообщается только о том, что за ним установлен надзор [2]). Как бы там ни было, понял ли Нечаев, что ему предстоит близкий арест или же он был временно действительно задержан и скрылся из полицейского участка, но он решил бежать. Однако, бежать не просто, а с церемонией.

В. Засулич, бывшая тогда 15-летней девушкой, получила по городской почте конверт с двумя записками. На одной было сказано: «Идя сегодня по Васильевскому острову, я встретил карету, в которых возят арестантов, из ее окна высунулась рука и выбросила записку, при чем я услышал слова: «Если вы студент, доставьте по адресу». Я — студент и считаю долгом исполнить просьбу. Уничтожьте мою записку». Подписи не было. На другой записке рукою Нечаева было написано: «Меня везут в крепость, какую—не знаю. Сообщите об этом товарищам. Надеюсь увидаться с ними, пусть продолжают наше дело».

---

1) Вероятно, именно этот документ имел в виду Бакунин, когда в прокламации к „Офицерам русской армии" (январь 1870 г.) писал, что „около года тому назад Комитет, найдя полезным известить меня о своем существовании, прислал мне программу с изложением общего плана революционного действия в России". По этим словам выходит, что программа была прислана Бакунину из Петербурга еще до приезда Нечаева за границу. Но в виду общего мистификаторского тона брошюры полагаться на точность ее указаний трудно. Более вероятно, что Нечаев привез эту программу с собой.

2) По обозрении всей относящейся к этому делу переписки, Александр II, которому эти события лично докладывались, сделал вывод, что Нечаев никогда арестован не был. Но возможно, что он из участка сбежал, и полиция затем старалась загладить свой промах, сообщая в следующих документах, что Нечаев не подвергся личному задержанию. (См. Дело 3 экспедиции III Отделения 1869 г. № 112, ч. I, листы 1, 3—4, 15, 16—17). За сообщение выписок из этого дела приношу свою благодарность т. Гамбарову. В рапорте руководившего захватом Нечаева в Цюрихе жандармского майора Николича-Сербоградского П. Шувалову от 7/19 августа 1872 года имеется место, подтверждающее версию о действительном аресте Нечаева в 1869 году. „Князь (Горчаков) спросил меня, не имею ли средство удостоверить швейцарскому правительству, что имеющее быть указанным лицо действительно будет Нечаев. Тут я предложил его светлости телеграфировать в Петербург и просить о присылке действительного статского советника Колушкина (Колышкина), знавшего Нечаева по случаю арестования его и допросов о сходках в 1869 году во время студенческих беспорядков" (Р. Кантор — „В погоне за Нечаевым", изд. 2, Лен., 1925, стр. 131).

Несмотря на явную вздорность обеих записок, им придали веру, и студенты даже требовали освобождения Нечаева из-под ареста.

Этой проделкой начинается та система мистификаций, к какой прибег Нечаев для создания централизованной и дисциплинированной революционной организации.

Зачем Нечаеву нужна была эта мистификация? Дело ясно. Лично он не пользовался особым авторитетом, революционного стажа у него не было, по молодости лет он не мог влиять на окружающих, среди которых были люди, стоявшие выше его в смысле образования и влияния. И Нечаев задумал на время исчезнуть для того, чтобы вернуться уже другим человеком, со славою борца, пострадавшего за свои убеждения. Для этого и придумана была легенда с крепостью, побегом и т. п. В русской революционной истории это был первый случай такого обмана.

Но этого мало. Нечаеву нужно было еще прикрыться более громким именем, чем его собственное. Ему нужно было заключить союз со старым революционером, пользующимся большой популярностью среди молодежи, и выступить в роли его союзника и поверенного. Таким человеком был Бакунин. И Нечаев, после короткого пребывания в Москве и неясной поездки на юг России, весною 1869 года двинулся за границу для встречи с Бакуниным.

2. Нечаев и Бакунин

Первая встреча Нечаева с Бакуниным состоялась в конце марта 1869 года в Женеве, при чем Нечаев произвел на Бакунина весьма выгодное впечатление [1]). Новые союзники быстро столковались, при чем каждый из них рассчитывал использовать своего контрагента в своих собственных интересах.

Часто ставился вопрос, кто же из них двоих сыграл главную роль в так называемой «нечаевщине». Мы думаем, что сыграл ее Бакунин. Друзья последнего, да и он сам в первую голову, позже старались представить Бакунина в виде жертвы нечаевских обманов и плутней, при чем Бакунин изображается в виде невинного и наивного добряка, введенного в заблуждение ловким обманщиком, а Нечаев—в виде какого-то коварного Яго, опутавшего и запутавшего доверчивого и благодушного старика. Этому, разумеется, трудно поверить.

В момент их первой встречи Нечаев был 21-летний юноша, правда, весьма энергичный, но неопытный, без связей, без влияния, без средств, без имени. Бакунин дал ему и то, и другое, и третье. Можно сказать, что только после сближения с Бакуниным Нечаев стал более или менее заметной фигурой. Тот Нечаев, которого мы знаем по процессу, был в значительной

[1]) Герцену он решительно не понравился, и тот уклонялся от встреч с ним. Напротив, на Огарева он возымел влияние через посредство Бакунина. Надо сказать, впрочем, что решительный характер Нечаева действовал и на Герцена. В письме к Огареву от 2 июля 1869 г. он пишет: „Бакунин тяготит массой, юной страстью, бестолковой мудростью. Нечаев, как абсент, крепко бьет в голову“.

мере создан Бакуниным, да и сама организация, впоследствии созданная Нечаевым, была бы невозможна без патроната Бакунина.

Правда, Нечаев отличался выдающейся энергией и преданностью революционному делу, о чем согласно свидетельствуют все знавшие его люди, даже те, которые пострадали от его бесцеремонных приемов. Но этого было мало для того, чтобы целиком захватить Бакунина и заставить его принять участие в задуманном предприятии. Если даже допустить, что он поверил Нечаеву, когда тот представился ему в качестве представителя или делегата от какого-то таинственного русского революционного комитета [1]), то и тогда нельзя об'яснить той энергии, с какою Бакунин ринулся в нечаевские предприятия. Секрет заключался в том, что если Бакунин тогда нужен был Нечаеву, то *и Нечаев в тот момент не менее нужен был Бакунину*.

Впоследствии Бакунин, как сообщает Ралли, уверял, что он искренно верил всем сообщениям относительно организации, переданным ему и Огареву Нечаевым: «Конечно,—говорил Бакунин,—я не верил в окончательный успех дела так, как его мне представлял Нечаев, который убеждал меня, Герцена и Огарева, что Россия мужицкая готова восстать, что комитет имеет глубокие связи в войске, и что власть будет захвачена людьми комитета. Я тоже был убежден, что товарищи Нечаева по всему вероятию очень скоро попадут в лапы Третьего Отделения, и что разыграется старая русская история с ее каторгой, а может быть, и виселицей. Все это однако не умаляло моего интереса к делу, и я был уверен, что *мне удастся провести через Нечаева и его товарищей наши идеи и наш взгляд на вещи в России*, а также я думал серьезно, что *Нечаев будет способен стать во главе ветви революционного союза моего*. Этим он и был дорог мне» (курсив мой).

В этом и кроется разгадка того слепого доверия Бакунина к Нечаеву, которое всех поражало (если было такое слепое доверие!), и того тесного сотрудничества, которое установилось между этими двумя людьми. *Бакунин хотел использовать Нечаева в интересах своего Альянса*. Это было, разумеется, совершенно естественно. Но того же нельзя сказать о том легкомыслии, которое было Бакуниным проявлено в этом деле, и о той системе всесторонней мистификации, которую оба они применяли в дальнейшем. Эта система была вполне в духе Бакунина. Здесь они с Нечаевым быстро столковались. Конечно, Нечаев уже самой обстановкой своего от'езда из России показал свою склонность к такому методу работы, но если бы Бакунин на первых порах остановил скромного юношу и выяснил ему, что обманом никакого прочного революционного дела не создашь, возможно, что тот бы поостерегся и не пошел бы до конца по избранному им пути. Но Бакунин не только этого не сделал, но напротив раздул эту систему и довел ее до конца, как мы сейчас увидим.

---

[1]) По рассказу Ралли, Бакунин из сообщенных ему фамилий членов комитета слышал только о Ткачеве. Какие именно фамилии сообщил ему Нечаев, мы не знаем („Мин. Годы“, 1908, № 10, стр. 187).

По рассказу Ралли, Нечаев познакомился в Женеве также с Утиным, с которым не поладил. «Относительно несогласия между Утиным и Нечаевым,— говорит Ралли,—следует заметить здесь, что заявление Н. Утина, будто в это время он получил из Петербурга обстоятельные предостережения по поводу новоприбывшего, абсолютно ложно (?). Таковых сведений в то время не могло (?) быть, так как сам Нечаев еще не имел никакого плана действия и много позже (?) стал рассказывать о своем псевдо-бегстве из Петропавловской крепости [1]), а также о существовании какого - то комитета партии в России. *Нечаев, познакомившись с М. А., на первых порах был почти что совершенно правдив* (курсив мой) и только преувеличивал количественно круг своих связей в России, относительно же существования какой-либо партии не говорил ничего определенного, что, однако, Бакунину казалось похвальной тактикой хорошего конспиратора» («М. Годы», ц. ст., стр. 153).

Из подчеркнутых нами слов Ралли вытекает вполне определенный вывод, а именно, что система мистификации, если не была полностью подсказана Нечаеву Бакуниным, то во всяком случае обдумана и пущена в ход обоими ими совместно, по взаимному соглашению. Так оно, как мы увидим, и было. Но пока остановимся на утверждении Ралли, что в первый момент насчет Нечаева якобы не раздавалось да и не могло раздаваться предостерегающих голосов. Это неверно. В брошюре об Альянсе (стр. 61) определенно рассказывается, что сообщения Нечаева сразу вызвали подозрения: «Некоторые эмигранты положительно знали, что никакой делегат из Петербурга не посылался; другие, поговорив с мнимым делегатом, приняли его за шпиона. В конце концов он назвал свое настоящее имя—Нечаев; он рассказывал, что бежал из Петропавловской крепости, куда был заключен в качестве одного из главных деятелей студенческих беспорядков, вспыхнувших в столице в январе 1869 г. Многие эмигранты, отбывавшие продолжительное заключение в этой крепости, по опыту знали о невозможности всякого бегства оттуда; таким образом, они знали, что по этому пункту Нечаев лжет... Но Бакунин с большим треском выступил в защиту Нечаева. Он повсюду заявлял, что тот является «чрезвычайным посланцем крупной тайной организации, существующей и действующей в России». Тогда Бакунина просили не сообщать этому человеку имена своих знакомых, которых он мог скомпрометировать. Он обещал, и документы процесса показали, как он сдержал свое слово» [2]).

Не забудем, что как раз в то время (с февраля по май 1869 г.) в Женеве находился участник студенческого движения, Негрескул. Он тоже обличал Нечаева как лгуна и самозванца. Повидимому, именно его имеет в виду брошюра об Альянсе, когда продолжает: «Во время свидания, которого Нечаев добился от одного эмигранта, он принужден был признать, что он не

---

1) На самом деле, как мы знаем, Нечаев уже своей запиской к Засулич еще до отъезда за границу пустил в ход эту выдумку.

2) Здесь брошюра ошибается: никаких адресов в России Бакунин Нечаеву не давал да и не мог дать.

делегирован никакой тайной организацией, но у него были, по его словам, товарищи и знакомые, которых он хотел сорганизовать, прибавив, что необходимо забрать в руки старых эмигрантов, для того чтобы воздействовать их именами на молодежь и воспользоваться их типографией и деньгами» [1]).

Приведем, кстати, другое свидетельство, правда, относящееся к более позднему времени, но также показывающее, что Бакунин и позже прикрывал Нечаева и его плутни. Речь идет о сообщении, которое сделал Марксу Лопатин, также обличавший обманные действия Нечаева. В письме от 5 июля 1870 года («Briefwechsel», т. IV, стр. 292—293) Маркс пишет Энгельсу: «Он рассказывал мне, что вся история о Нечаеве (23 лет) выдумана и лжива от начала до конца. *Никогда* Нечаев не сидел в русских тюрьмах, никогда русское правительство не пыталось его убить [2]) и т. д. Дело обстоит так: Нечаев (один из немногих агентов Бакунина в России) принадлежал к *тайному обществу* [3]). Другой юноша X., богатый и восторженный, поддерживал это общество деньгами через Нечаева. В один прекрасный день X. заявил Нечаеву, что не даст больше ни копейки, так как не знает, куда эти деньги идут. Тогда г. Нечаев (может быть потому, что не мог дать отчета в этих деньгах) предложил своим сотоварищам по тайному обществу убить X., так как он может-де *в будущем* изменить свои убеждения и сделаться предателем. *И он действительно его убил*. Таким образом, русское правительство преследует его как простого убийцу [4]).

«В Женеве Лопатин прежде всего потребовал у Нечаева об'яснения (по поводу его лживых росказней); тот в оправдание ссылался на пользу этих политических сенсаций для так называемого дела. Тогда Лопатин рассказал всю историю Бакунину, который заявил, что он, «добродушный старик», всему этому поверил. После этого Бакунин потребовал, чтобы Лопатин повторил все это в присутствии Нечаева. Лопатин сейчас же отправился с Бакуниным к Нечаеву, где сцена повторилась. Нечаев молчал. Пока Лопатин оставался в Женеве, Нечаев держал себя весьма скромно, тише воды, ниже травы. Но как только Лопатин уехал в Париж, эта нелепая комедия началась снова. Вскоре после того Лопатин получил по этому поводу ругательное письмо от Бакунина. Он ответил ему в еще более ругательном тоне. В результате Бакунин написал покаянное письмо (оно *здесь* в руках у Лопатина), но ведь он—добрый, доверчивый старик».

Почему же Бакунин так ухватился за Нечаева, почему он так тесно связался с ним, несмотря на то, что ему с разных сторон делались предостережения насчет его нового союзника?

Во-первых, его прельстила решимость Нечаева, его горячая преданность делу революции, его глубокая любовь к угнетенному народу. Об этих чер-

[1]) Последнее могло относиться только к Герцену (и отчасти к Огареву).

[2]) Позже Нечаев, как мы увидим, распространял и такой слух.

[3]) Речь идет о последующем периоде деятельности Нечаева и о тайном обществе, созданном им в России осенью 1869 года.

[4]) Русское-то правительство действительно добивалось выдачи Нечаева как простого уголовного преступника, но, как бы ни относиться к убийству Иванова, совершенно очевидно, что это был политический акт.

тах Нечаева единогласно свидетельствуют все, кто с ним встречался. И Бакунин действительно был им очарован. 13 апреля 1869 г. он писал Гильому:

«Сейчас я по горло занят событиями в России. Наша молодежь, в теоретическом и практическом отношении, пожалуй, самая революционная в мире, сильно волнуется, так что правительству пришлось закрыть все университеты, академии и многие учебные заведения в С.-Петербурге, Москве и Казани. У меня теперь находится один такой образец этих новых фанатиков, которые не знают сомнений, ничего не боятся и принципиально решили, что много, много их погибнет от руки правительства, но что они не успокоятся до тех пор, пока не восстанет народ. Они прелестны, эти юные фанатики, верующие без бога и герои без фраз! Папаша Мерон, и ты тоже испытал бы удовольствие при виде того, который гостит у меня».

В таком же восторженном духе он писал Альберу Ришару 7 февраля 1870 года, т.-е. уже после возвращения Нечаева из России. Замечательно, что в этом письме Бакунин не только восхищается организационными приемами Нечаева, которые он ставит в пример европейскому рабочему движению (!), но и выступает в качестве соучастника лживой легенды о мнимом аресте, избиении и страданиях Нечаева.

«Ах, мой милый,—писал он,—как эти ребята там работают, какая у них дисциплинированная и серьезная организация и какая мощь коллективного действия, где все личности стерты, отрекаются даже от своего имени, своей репутации, от всякого тщеславия, от всякой славы, беря на себя только риск, опасности, жесточайшие лишения, но питая вместе с тем сознание, что они сила и действуют! Ты не забыл моего юного дикаря? [1]). Так вот он вернулся. Он наделал таких дел, что у вас этому не поверили бы. *Он много выстрадал, был арестован, избит до полусмерти, освободился и начал все сначала* (курсив мой). И все они таковы». (И дальше идет известное место о бессмертном незримом «легионе»).

И даже позже, уже после разрыва с Нечаевым, Бакунин продолжал признавать в нем крупную революционную силу, неукротимую энергию и горячую преданность народным интересам. В известном письме к А. Таландье от 24 июля 1870 г., имеющем целью дискредитировать Нечаева в глазах адресата и его друзей, Бакунин тем не менее признает его недюжинную энергию и преданность интересам народа. То же он говорит и в письме к Огареву от 2 ноября 1872 г., уже после ареста Нечаева.

Мы видим, что увлечение Бакунина Нечаевым вначале было искренне. Но одним этим нельзя об'яснить той интимной близости, которая сразу установилась между Нечаевым и Бакуниным и толкнула последнего на ряд весьма опрометчивых и даже гибельных для него шагов. Насколько Нечаев одно время овладел волею рыхлого и, несмотря на свою революционную фразеологию, благодушного Бакунина, видно из факта, сообщаемого со слов старых эмигрантов М. Драгомановым (в комментариях к «Переписке Бакунина», Женева, 1896, стр. 343). По его словам, Бакунин выдал Нечаеву расписку, в которой обязывался во всем подчиняться Нечаеву, как представителю русского рево-

[1]) Ришар встретился с Нечаевым у Бакунина.

люционного комитета, даже если бы ему приказано было делать фальшивые деньги, при чем в знак полного отречения Бакунин подписался женским именем «Матрена». Можно было бы счесть это анекдотом, но воспоминания Ралли подтверждают этот невыгодный для репутации Бакунина, как серьезного человека, факт [1]).

Здесь действовал и другой мотив, на который мы уже выше указывали: если Нечаев хотел использовать Бакунина в своих интересах, то и *Бакунин хотел сделать Нечаева своим орудием и агентом*. Чтобы понять действительную причину увлечения Бакунина Нечаевым, нужно вспомнить то положение, в котором находился Бакунин, когда встретился с юным «дикарем», «тигренком» и «благородным авантюристом», как Бакунин называл своего нового союзника.

Предоставим слово Ралли. «В тот момент,—рассказывает он,—Бакунин разошелся со всеми (членами русской эмигрантской колонии в Женеве) кроме Огарева и Н. Жуковского, будучи совершенно один, он уже собирался покинуть Женеву и переехать куда-либо поближе к Италии, где имел искренних прозелитов среди итальянской молодежи. Нечаев увлек Бакунина своим темпераментом, непреклонностью своей воли и преданностью революционному делу. Конечно, Бакунин сразу увидел и те крупные недостатки и отсутствие какой-либо эрудиции в новом эмигранте, но как М. А., так и все те, которые в те времена встречались с Нечаевым, прощали ему все ради той железной воли, которой он обладал».

И дальше Ралли, в цитированном нами выше месте, говорит о намерении Бакунина попытаться провести через Нечаева в России программу Альянса и поставить его во главе русской его ветви. *Тут-то и начинается колоссальная мистификация, в которой на этот раз повинен* был уже не Нечаев (который, по словам Ралли, в то время вел себя скромно и правдиво), а *именно Бакунин*.

«Увлеченный необычайной энергией новоприбывшего,—в эпическом тоно повествует Ралли,—Бакунин решил сделать его представителем русской ветви всемирного своего революционного союза. Вот что рассказывал мне по этому поводу М. А.: «Ввести Нечаева в Альянс я не хотел сразу уже потому, что в то время еще не предполагал открыть в нем и русский отдел. Поэтому-то я и решил сделать его представителем особого (!) революционного общества, в которые вошли бы, с одной стороны, все его товарищи в России, а вне России связующим звеном был бы я со всеми моими из Международного Общества Рабочих (?). Поэтому-то и была заказана особая печать с надписью «Alliance révolutionnaire européenne», и полномочие, которое я дал Нечаеву, было подписано лично мною. С этим полномочием, собственно говоря—*личным от меня* (курсив мой), он и уехал в Россию»...

[1]) В письме В. Гольстейна к Ралли от 2 октября 1873 г. имеется следующая фраза: „Нам по-нечаевски наплюют в рожу; скажут, что мы мерзавцы, с которых пришлось взять расписку, ее будут показывать, как показывает бедный Нечаев расписку, подписанную Матреной“, и т. д. (сборник „О Минувшем“, стр. 342). Значит, Нечаев не делал даже из этой расписки особенного секрета! Факта выдачи такой расписки не отрицает и Неттлау.

«Это об'яснение,—продолжает Ралли,—ясно доказало мне, что как русский революционный комитет был фантазией Нечаева, так точно и «революционный европейский союз» был измышлен М. А. для его личной связи с С. Г. (т.-е. Нечаевым), которого, однако, Бакунин серьезно считал делегатом от какого-то комитета в России. *Мандат, данный Бакуниным,* а также рекомендации к Любену Каравелову [1]) в Бухарест, *много послужили Нечаеву* (курсив мой). В Москве в особенности этот мандат произвел большое впечатление на Успенского и других».

Здесь мы пока прерываем цитату из воспоминаний Ралли. Но и того, что мы привели, достаточно, для определенного вывода. Мысль об использовании того авторитета, которым пользовался Интернационал среди русской молодежи, хотя и имевшей о нем самое поверхностное и неполное представление, принадлежит Бакунину. Но использовать это обаяние Интернационала Бакунин хотел для своего Альянса, который он, конечно, искренно считал лучшей и самой передовой частью Интернационала. Однако, верный своей манере конспирировать и интриговать даже в своей ближайшей интимной среде, он не хотел подчинить будущую русскую организацию непосредственно Альянсу, а решил держать все нити этого нового дела в своих собственных руках. С этой-то целью он и придумал несуществовавший «Европейский Революционный Союз», который являлся новой пристройкой к Альянсу, но оставался для него секретом и вместе с тем был для него недосягаем; с этой целью он и дал Нечаеву полномочие, которое он суб'ективно мог толковать как данное лично от себя, но которое, разумеется, теми, кому его пред'являли, понималось как мандат от могучей тайной международной организации, смешиваемой с Интернационалом, известным этим людям по смутным и отрывочным слухам [2]); с этой целью он и назначил Нечаева представителем несуществующей ветви этого несуществующего «Европейского Революционного Союза», а себя—единственным посредником между этой будущей русской ветвью и Альянсом. *В основу нечаевского дела лег таким образом второй обман, перед которым первая нечаевская выдумка о мнимом побеге из крепости сразу побледнела, и который естественно сыграл более решительную роль во всем дальнейшем ходе событий, чем наивная выдумка Нечаева.*

Мандат, выданный Бакуниным Нечаеву, был датирован 12 мая 1869 года и гласил: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза, 2771» [3]), он был подписан «Михаил Бакунин», а на печати были выгравированы слова: «Alliance révolution-

---

[1]) Каравелов, Любен (1839—1879) болгарский писатель и революционер; был знаком с Бакуниным, который одно время возлагал на него большие надежды, но впоследствии разочаровался в революционных методах борьбы; брат известного болгарского политического деятеля Петко Каравелова, стамбуловца (1840—1903).

[2]) Впрочем, смешивали не только русские студенты, но и такой европейский историк, как Тун, который в своей известной „Истории революционных движений в России" (Гиз. 1920, стр. 89) сообщает, что „Бакунин принял Нечаева в Интернационал, снабдил членской картой за № 2771 и назначил организатором русского отдела своего интернационального Альянса". В Интернационал Бакунин сам и не имел права никого принимать.

[3]) Эта цифра также преследовала специфические цели: она должна была вводить в заблуждение и вызывать мысль, что таких агентов, как Нечаев, было очень много.

naire Européenne. Comité général» (Европейский Революционный Союз. Главный Комитет).

Как видим, здесь сколько слов, столько и лживых утверждений. Не было никакого «Всемирного Революционного Союза» (если, впрочем, не разуметь под ним тайного Альянса Социалистической Демократии), не было во всяком случае «Европейского Революционного Союза», а тем паче его «Главного Комитета»; не было и «русского отдела» этого союза; не было и его представителей кроме Нечаева. И с такой сплошной лжи и мистификации Бакунин начинал организацию тайного общества для подготовки «всесокрушающей» народной революции в России! Таким образом *инициатором того колоссального обмана, каким было все «дело Нечаева», явился не кто иной, как М. Бакунин.* Дальше мы увидим продолжение этой системы.

Но те благородные юноши, которые рвались в России к служению родному народу, принимали все эти развязные выдумки за чистую монету. Отрезанные царской цензурой от европейской жизни, питаясь обрывками сведений о ней, они сделались легкой жертвой этого систематически задуманного и проводимого обмана. Где им было знать, что «Главный Комитет Европейского Революционного Союза», составляющего в свою очередь лишь часть «Всемирного Революционного Союза», есть плод измышления Бакунина? Они верили в его существование и наивно смешивали его с Международным Товариществом Рабочих. Кто кроме маленькой кучки посвященных знал тогда о тайном Альянсе? Зато Интернационал был на виду, действовал гласно, наполнял мир шумом своих выступлений, отголоски которого доходили и до наглухо законопаченной России, и возбуждал смелые надежды в сердцах угнетенных всего мира. Ведь в своих писаниях, предназначенных для публики, Бакунин тоже говорил всегда об Интернационале, верным членом которого он себя выставлял и на который возлагал главные надежды в смысле полного освобождения трудящихся. И когда Нечаев, после первых встреч с Бакуниным, писал в Россию 4 апреля 1869 года, что «здесь дело кипит: варится такой суп, что всей Европе не расхлебать», то читатели этого письма (если не он сам) могли понимать эти слова только как указание на работу Интернационала [1]).

Но на этом задуманная Бакуниным мистификация не остановилась. Нужно было создать новому агенту Бакунина еще больший ореол. Подпись Бакунина под мифическим мандатом признавалась им, видимо, недостаточной. Надо было вовлечь в дело мистификации и другое славное имя старого эмигранта—Огарева. Последний в тот момент находился под сильнейшим

[1]) Правда, в том же письме Нечаев говорит, что „настоящее вино без подмесей здесь только у Б[акунина] и можно достать". Но эти слова могли означать не предпочтение программы Альянса программе Интернационала, а могли относиться к чисто русским делам и указывать на то, что из русских эмигрантов наиболее решительным и крайним является Бакунин. Об Интернационале Нечаев мог тогда иметь самое неопределенное представление; вряд ли Бакунин посвятил его в тайны Альянса. Но что Бакунин по своему об'яснял Нечаеву характер происходившей в недрах Интернационала борьбы, это более чем вероятно. И когда Нечаев в № 1 „Общины" говорит о „белоручках" в Интернационале, о рабочей аристократии и в частности о „часовщиках", он несомненно повторяет слова Бакунина.

влиянием Бакунина и хотя по своей натуре не был склонен к таким маккиавелическим приемам, но был, очевидно, в достаточной мере в этом направлении обработан. И вот Бакунин убедил Огарева посвятить Нечаеву стихотворение «Студент», написанное Огаревым в память своего друга юности С. И. Астракова [1]). Стихотворение это, сильно идеализировавшее Астракова и в сущности говорившее не о нем, а о самом авторе его, Огареве, изображало этого «студента» в виде борца за народ, погибшего на сибирской каторге.

Получив это стихотворение, Бакунин на оригинале его сделал следующую приписку: «Великолепно, а лучше бы, *полезнее для дела* было бы, если бы заместо памяти Астракова ты посвятил это стихотворение «молодому другу Нечаеву». Огарев так и сделал. Стихотворение было отпечатано отдельным листком и впоследствии распространялось в России. Таким образом первый обман Нечаева о побеге из-под ареста возводился в куб. Надо полагать, что отсюда и возникла позже у Нечаева мысль создать добавочную легенду о своей смерти [2]).

После этого друзья решили, что почва отчасти подготовлена, и принялись за литературную кампанию. Средства для нее доставил «общий» (иначе «бахметьевский») фонд [3]).

В 1858 году к Герцену в Лондон явился молодой человек, некий Бахметьев (личность, до сих пор не вполне выясненная). Покинув навсегда Россию и уезжая на Маркизские острова, где он собирался основать какую-то коммуну, Бахметьев оставил Герцену 800 фунтов стерлингов (около 8.000 р. или 20.000 франков) на нужды русской революционной пропаганды. Деньги эти были положены в банк на имя Герцена и Огарева и до 1869 года, несмотря на неоднократные требования молодой эмиграции, вследствие сопротивления Герцена лежали без употребления. Когда Нечаев появился за границей, Бакунин через Огарева начал настаивать на передаче этих денег в распоряжение Нечаева, как представителя русского революционного комитета. Герцен, не относившийся к Нечаеву серьезно, категорически против этого возражал.

---

[1]) Этот Астраков, приятель Герцена и Огарева, умер в 1867 г. от чахотки, но не в Сибири, а у себя дома в Москве, где он был учителем.

[2]) В связи с этим инцидентом Драгоманов, повидимому, со слов семьи Герцена, рассказывает еще про следующий случай: „Подобным же образом Бакунин хотел добыть признание Нечаева и со стороны Нат. Ал. Герцен. Для этого он просил последнюю нарисовать виньетку, мужика (великорусского) с топором, и подписать свое имя, но ни за что не соглашался сказать, какое употребление он сделает из этой виньетки. Н. А. Герцен отказала. Вообще надо сказать, что пробы маккиавелизма, как и конспираторства, у Бакунина отличались большой наивностью: видно, что добродушная, русско-помещичья натура Мих. Ал-ча не имела в себе ни зерна натуры хитрого венецианца Яго!“ (Введение к переписке Бакунина, стр. XCVI заграничного издания).

[3]) Историю этого фонда Герцен рассказал в главе XII шестой части „Былого и Дум“. Впервые она была опубликована в сборнике „Посмертных статей“ Герцена его наследниками в 1870 году за границей. Напечатана в т. XIV „Сочинений“ Герцена под ред. М. Лемке, стр. 411—421. Со слов сына Герцена (А. А.) в № 46 „Вольного Слова“ за 1882 год, редактировавшегося Драгомановым, помещена была заметка, рассказывавшая о судьбе этого фонда. Об этом же рассказывается в „Воспоминаниях“ Тучковой-Огаревой, стр. 127—130 и 264—266, а также в „Воспоминаниях“ Т. Пассек, т. III, стр. 129—133. Материалы по этому вопросу имеются и в переписке Бакунина, изданной Драгомановым.

Но Огарев, побуждаемый к тому Бакуниным, столь же твердо стоял на своем, находя вместе с Бакуниным, что такое бесплодное хранение фонда бессмысленно. Тогда по предложению Герцена фонд разделен был на 2 части, и одну из них получил Огарев [1]), немедленно передавший ее Нечаеву. Таким образом, последний получил средства на дело [2]).

3. Литературная подготовка нечаевского дела

а) Произведения, авторство которых Бакунину не принадлежит или всеми оспаривается

За время, протекшее с марта по август 1869 г. (то-есть до возвращения Нечаева в Россию), выпущен был целый ряд листовок и брошюр, из которых часть подписана Бакуниным, а другая часть вышла анонимно. Последняя приписывалась и многими (напр., М. Неттлау, В. Черкезовым, А. Карелиным и т. д.) до сих пор приписывается одному Нечаеву. Мы постараемся разобраться в этом вопросе [3]).

Обладал ли Нечаев достаточным образованием и литературным талантом? Современники его, даже те, которые дают самый лестный отзыв о его энергии и преданности народному делу, единодушно отрицают за ним как образование, так и литературные способности. А. И. Успенская приводит слова своей сестры В. И. Засулич: «Где ему (Нечаеву) стихи писать—он и прозой-то плохо пишет». Допустим даже, что здесь имеется некоторое преувеличение, что Нечаев умственно вовсе не был таким беспомощным человеком, каким изображают его многие свидетели, но совершенно ясно, что во всех вопросах (кроме чисто практических и организационных) он должен был пасовать перед Бакуниным и поддаваться его влиянию. Особенно это можно сказать о *первом периоде* пребывания Нечаева за границей: впоследствии он оперился и даже начал показывать Бакунину когти, но в то время он несомнен-

---

1) В письме от 29 июля 1869 г. Герцен, сообщая о выделении 7.950 фр. (остальные Огарев забрал до того), писал: „Ты знаешь, что я протестую. Ты должен взять на свою полную единичную ответственность все подобные траты“. Остальные 10.000 фр. Герцен хотел вложить в типографию, чтобы составить капитал, „не легко убакуниваемый“, и советовал так же поместить 5.000 фр. Огареву. В письме от 11 августа 1869 г. Герцен, говоря, что у Бакунина „дурной глаз“, и что в деле фонда он действует на Огарева и через Огарева, прибавляет: „Вообрази, что будет, когда он унесет десятую тысячу, и нужны будут 100 фр. на дело, не ясное для меня“. И дальше он снова советует Огареву вложить часть полученных им денег в типографию: „Вот и центр пропаганды, и обеспеченье хотя вполовину Б[акунину]“.

2) Вторая половина денег тоже попала после смерти Герцена в руки вернувшегося в начале 1870 г. из России Нечаева благодаря настояниям Бакунина.

3) По этому поводу Меринг („Карл Маркс“, стр. 374) замечает: „Бакунин несомненно разделяет с Нечаевым ответственность за эту литературу, и нет особого интереса (?) в том, чтобы исследовать, написаны ли были некоторые наиболее злостные памфлеты им или Нечаевым. Бесспорно во всяком случае, что он автор воззвания, которое требовало от русских офицеров оказывать „комитету“ такое же безусловное повиновение, к какому он обязал самого себя (?), а также брошюр, которые идеализировали русское разбойничество, и революционного катехизиса, отразившего до чрезмерности склонность Бакунина к страшным представлениям и словам“.

но вдохновлялся и руководился своим более старым, опытным и сведущим товарищем. Совершенно немыслимо, чтобы даже те издания, которые действительно принадлежали вполне или главным образом ему самому, Нечаев решался печатать и выпускать в свет без одобрения, просмотра и исправления их Бакуниным. Вот почему уже a priori можно думать, что *в рассматриваемый период главным автором «нечаевской» литературы, даже анонимной, был Бакунин.* Относительно некоторых неподписанных прокламаций того времени это более или менее уже установлено. Впрочем, если бы это даже было и не так, то тем не менее совершенно очевидно, что Бакунин в полной мере должен нести морально-политическую ответственность за все литературные произведения этого периода, связанные с делом Нечаева.

За это время ими выпущены были следующие издания: 1) прокламация «Русские студенты», датированная «Женева, апрель 1869». До сих пор она приписывалась Бакунину; теперь установлено, что она принадлежит Огареву [1]); 2) «Студентам Университета, Академии и Технологического Института», подписанная Нечаевым [2]); 3) прокламация «Несколько слов к молодым братьям в России», датированная «Женева, 1869», написанная в мае и подписанная Бакуниным (перепечатана в брюссельской «Liberté», и в либкнехтовском «Volksstaat'е» [3]); 4) листовка «Постановка революционного вопроса», относящаяся к тому же времени, без подписи, но, несомненно, принадлежащая Бакунину, что видно и по стилю, и по содержанию [4]); 5) листовка «Начала революции», недатированная и неподписанная, но относящаяся к августу 1869 г. и по тем же соображениям тоже принадлежащая Бакунину [5]); 6) так называемый «Катехизис Революционера», недатированный и неподписанный, но относящийся к тому же времени и принадлежащий тому же Бакунину [6]); 7) «Издания общества «Народной Расправы», № 1, лето 1869 (местом издания указана Москва, на самом деле напечатано в Женеве). Две содержащиеся здесь статьи подписаны «От русского революционного Комитета». Если бы мы даже допустили, что автором обеих этих статей является Нечаев (а это совершенно невероятно), то во всяком случае мы должны были бы признать, что, во-первых, редактировались они, несомненно, Бакуниным, во-вторых, ничем по существу они не отличаются от бесспорно принадлежащих Бакунину писаний, относящихся к этому периоду, а, в-третьих,

---

[1]) Она напечатана в изданной Драгомановым переписке Бакунина, Женева, 1906 г., стр. 461—463. Принадлежность этой прокламации Огареву устанавливается письмами к нему Герцена („Соч.", т. XXI, стр. 365). Богучарский („Активное народничество", стр. 137) без всякого основания приписывает ее Нечаеву.

[2]) В этой прокламации Нечаев уже публично пускает в ход выдумку о своем побеге из крепости: „Выбравшись, благодаря счастливой удаче, из проклятых стен Петропавловской крепости" и т. д. Она опубликована в отчете о процессе нечаевцев („Правительственный Вестник", 1871, № 163).

[3]) У Драгоманова, стр. 463—468.

[4]) У Драгоманова стр. 469—474.

[5]) У Драгоманова, стр. 477—483.

[6]) Первоначально напечатан в „Правит. Вестнике", 1871, № 162, у Драгоманова' стр. 490—498; в исправленном виде напечатан А. А. Шиловым в „Борьбе Классов", 1924, № 1—2, стр. 262—272.

что Бакунин-то не мог не знать автора статей, а значит, не знать, что Нечаев подписывается от имени «русского революционного комитета»; но, как мы докажем, статьи эти тоже принадлежат Бакунину; 8) прокламация «Благородное российское дворянство!», подписанная «Потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства» [1]).

Итак, из всей этой литературы Нечаеву может, самое большее, принадлежать только участие в 1-м номере «Народной Расправы» и составление прокламации «Студентам Университета и проч.». Все остальное принадлежит отчасти Огареву (воззвание к студентам и стихотворение «Студент»), но, главным образом, Бакунину, который, впрочем, является вдохновителем и других, не ему принадлежащих, писаний. Таким образом *идейная сторона нечаевского дела первого периода почти целиком представляет достояние Бакунина*. То, что Нечаеву и его друзьям в России мерещилось в самой смутной и зачаточной форме, здесь, на женевской почве, было логически развито, систематизировано и литературно выражено М. А. Бакуниным.

Сначала скажем несколько слов о том документе, который наверное не принадлежит Бакунину. Это прокламация Огарева.

Обращение Огарева к студентам резко отличается от всей другой литературы, относящейся к нечаевскому движению. Почему-то непонравившееся Герцену своим беспардонным и «нигилистическим» стилем, оно в сущности написано чрезвычайно сдержанно, не содержит никаких советов или указаний и выражает веру в студенческое движение в виду того, что молодежь «для себя ничего не ищет и ничего не хочет помимо народных потребностей и движения народного». Для других нечаевско-бакунинских прокламаций это воззвание не типично.

Иной характер носит подписанное Нечаевым воззвание к студентам. Это воззвание является уже спорным документом, в котором отдельные выражения и общий стиль выдают уже если не авторство, то сотрудничество Бакунина. Оно проникнуто резко революционным духом, глубокою ненавистью к умеренным оппозиционным элементам, с которыми автор рекомендует своим единомышленникам порвать все связи и которых он называет сволочью, баричами, паркетными франтами, прикрывающимися маскою дешевого либерализма и оправдывающими свое поведение словами спятившего с ума немца, сказавшего, что действительное разумно, а разумное действительно [2]). Изложив историю студенческого движения 1868—1869 г.г. и указав на допущенные ошибки, воззвание призывает студентов продолжать борьбу и указывает им на возможных союзников в лице угнетенных масс. «У нас есть товарищи,—говорится там,—есть люди, у которых нет никаких прав кроме фиктивных, положение которых самое худшее в Европе, и ожесточение которых тем сильнее, что слепо и не имеет прямого исхода, не зная своего врага. Укажем же *рабочим* [3]) (курсив мой) этого врага, распол-

[1]) В июле 1869 г. Бакунин написал еще брошюру „Наука и насущное революционное дело", но она вышла только в начале 1870 г. и потому относится к следующему периоду (вместе с прокламацией к офицерам).

[2]) Нечаев приводит эти слова Гегеля по-немецки. Не выдает ли это сотрудничества Бакунина?

[3]) В „Программе революционных действий" говорится не о рабочих, а о „голытьбе". Этот новый термин также ведет нас к Бакунину, деятелю европейского Интернационала.

куем всем сильным и здоровым рукам, отчего голодают и холодают они, изнемогая под непомерным трудом. Обобщим... еще более наш вопрос—и из вопроса русской молодежи сделаем вопрос Русской Земли, к разрешению которого будем горячо и энергично готовиться». Молодежь должна завоевать доверие масс, давно рвущихся к свободе и часто поднимающихся в отдельных местах поголовно. «Но знайте, друзья, что ждут они не говорунов, не проповедников во фраке, а деятелей, которые сумели бы доказать им фактически свою преданность. Только таким людям они поверят, только за ними пойдут и постоят крепко» [1]).

К категории спорных до сих пор документов относится первый номер «Народной Расправы». Можно согласиться с тем, что не в самих писаниях, но в духе их здесь есть кое-что чисто нечаевское. Нечаев только что прибыл, так сказать, с поля битвы, и ему естественно принадлежал, правда, не решающий, но во всяком случае влиятельный голос. Но что Бакунин к *этому* номеру руку приложил и приложил основательно, не может подлежать никакому сомнению. Логически невозможно допустить, чтобы в составлении первого номера журнала, открыто выступающего от имени русского революционного комитета, Бакунин не принял самого деятельного участия. В литературе Нечаев был тогда совершенным новичком, тогда как Бакунин был старым и опытным литератором. Наконец, самое содержание номера обнаруживает у автора его такие сведения из истории русского общественного развития, которых у 21-летнего самоучки Нечаева в то время просто не могло быть. Внимательное чтение главной статьи этого номера «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела» должно убедить всякого в том, что если Бакунин даже не был ее единственным автором, то во всяком случае она главным образом принадлежит именно его перу.

Наконец, у нас имеется в подтверждение авторства или, условно скажем, сотрудничества Бакунина еще один аргумент—уже не внешнего, а внутреннего характера. Нечаев по всему своему умственному складу был не анархистом, а скорее бланкистом (насколько можно вообще говорить о еще неуспевшей тогда окончательно сложиться его политической физиономии). И когда он выступал более или менее самостоятельно (напр., в выработке лично или вместе с Ткачевым «Программы революционных действий» или в составлении №№ 1—6 возобновленного «Колокола», второго номера «Народной Расправы» и первого номера «Общины»), он высказывал взгляды, имевшие весьма мало общего с анархизмом [2]). Между тем первый номер «Народной

[1]) Это место напоминает следующее место из несомненно принадлежащей Бакунину „Постановки революционного вопроса“: „Для народа слово ничего не значит, дело—все. Братство с ним возможно потому только на деле, и только увидев нас в своем деле, признает он нас за своих“. Это сходство, не являющееся единичным, также наводит на мысль о том, что в составлении прокламации, подписанной Нечаевым, Бакунин, по крайней мере, принимал участие.

[2]) Недаром Неттлау (цит. ст., стр. 394) характеризует статью „Главные основы будущего общественного строя“, помещенную в № 2 „Народной Расправы“ (где Нечаев пытается перепереть на свой язык принципы „Коммунистического Манифеста“), как „ультра-авторитарную“, а статью „Наша общая программа“, напечатанную в № 1 „Общины“, называет изложением „чисто авторитарного коммунизма по старому образцу 40-х годов“.

Расправы» выдержан в духе более или менее последовательного анархизма и анти-государственности. Во всяком случае даже тот, кто отрицает авторство Бакунина, должен признать, что редакторскую руку Бакунин к этому номеру несомненно приложил, хотя мы глубоко убеждены, что ему принадлежит здесь не только редакторская роль. Указание же Неттлау на то, что «нечаевский стиль» выдают встречающиеся в этом номере ругательные выражения, представляются нам решительно неубедительными. Бакунин вообще не был стыдливой институткой, а в писаниях нечаевского периода он особенно развернулся и щегольнул своей «беспардонностью», хотя мы готовы допустить, что в отдельных местах Нечаев, быть может, подкреплял бакунинский слог, уснащая его кое-где более энергичными выражениями.

Мало того, мы думаем, что не только вторая, но и первая программная статья № 1 «Народной Расправы» принадлежит перу Бакунина.

«Мы хотим народной мужицкой революции»,—восклицает автор статьи, выражая при этом уверенность, что «всенародное восстание замученного русского люда неминуемо и близко». Редакция ставит себе задачу «соединить в одно неразрывное дело все разрозненные революционные усилия в России». Отвергая современную науку, прогресс, цивилизацию, как орудие эксплоатации масс, автор статьи заявляет: «Для нас мысль дорога только, поскольку она может служить великому делу радикального и повсюдного всеразрушения [1]). Ни в одной из ныне существующих книг нет такой мысли. Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником. Мысль, способная служить революции народной [2]), вырабатывается лишь из народного революционного дела, должна быть результатом ряда практических опытов и проявлений, стремящихся всеми средствами и всегда неуклонно к одной и той же цели беспощадного разрушения. Все, что не идет по этому пути, для нас чуждо и враждебно. Мы не позволим себя закупить никакими революционными фразами, на которые ныне так щедры доктринерствующие поборники бумажной революции. Мы потеряли всякую веру в слова, слово для нас имеет значение только, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело. Но далеко не все, что ныне называется делом, есть дело. Например, скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ без всяких внешних практических проявлений в наших глазах не более, как мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающее народному освобождению».

Только человек, незнакомый с писаниями Бакунина и с его литературной манерой, может сомневаться в принадлежности этих фраз Бакунину. В «Письмах к французу», в «Кнуто-Германской Империи», в «Государственности и Анархии», в бесчисленных письмах Бакунина к друзьям,

---

1) Обращаем внимание читателя на свойственную бакунинскому стилю повторения и тавтологии, служащие к усилению выраженной мысли („повсюдное всеразрушение").

2) Оборот, заключающийся в постановке прилагательного-определения (эпитета) после существительного-определяемого, также характерен для Бакунина и для Герцена, воспитавшихся на французской литературе и злоупотреблявших галлицизмами.

в его статьях и брошюрах излагаются те же мысли и, главное, теми же словами, теми же оборотами. Здесь, в писаниях, предназначенных для русской публики и вдобавок анонимных, автор только отбрасывает в сторону лишние церемонии и заговаривает более определенным и обнаженным языком. Но это тот же Бакунин, который уже известен нам, и с которым мы в дальнейшем познакомимся еще ближе. Просто странно, что люди, писавшие об этом до сих пор, этого не замечали. И если еще нужно внешнее, формальное доказательство принадлежности этой статьи Бакунину, если еще нужен аргумент от стиля, сверх доказательств внутренних, сверх аргументов от содержания, то достаточно привести следующую фразу, идущую вслед за цитированной выше.

«Не щадя живота,—продолжает автор передовой статьи,—и не останавливаясь ни перед какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны рядом личных действий и жертв, следующих одна за другой, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны **рядом смелых, да дерзких попыток** (курсив мой) ворваться в народную жизнь и, возбудив в народе веру в нас и себя, веру в его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его к торжественному совершению его же собственного дела».

Подчеркнутые нами слова содержат оборот, свойственный **только писательской манере Бакунина**. Это соединение двух эпитетов-синонимов частицей «да» для усиления их значения встречается у **одного** Бакунина [1]). Мы не найдем его ни у Герцена, ни у Огарева, ни у Нечаева в тех немногих писаниях, которые можно признать принадлежащими лично ему. И этим «да» Бакунин невольно выдал свое авторство следующим поколениям (которые, впрочем, до сих пор этого не замечали).

В заключительной части статьи автор хвалит первый (бакунинский) номер «Народного дела», в котором де изложена «сущность нашей общей программы», и решительно отмежевывается от содержания следующих номеров журнала, сделавшегося «доктринерствующим» [2]). И далее автор дозво-

---

[1]) Приведем пару примеров. „Великорусскую общину, от которой мистически, *да* с мистическою верою и теоретическою страстью вы ждете спасения“ (письмо к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 г.). „Все это не должно заслонять от нас серьезных, *да* великих качеств нашего молодого поколения“ (письмо к Герцену от 23 июня 1867 г.). Что это у Бакунина была манера застарелая, видно из письма его к Герцену от 7 ноября 1860 г., из Сибири: „Я... готов попрежнему, *да* с прежней страстью удариться в старые грехи“. И еще раньше: „Простившись с ним (с братом Павлом), я еще раз, *да* в последний раз простился с вами, с Премухиным, с Россиею, со всем прошедшим“ (письмо к родным от 4 ноября 1842 года из Дрездена). Словом, **оборот типично бакунинский** и в этом смысле предательский.

[2]) У нас имеется еще одно, правда не совсем определенное свидетельство в пользу принадлежности этой статьи Бакунину. Дело вот в чем. В своем „Докладе об Альянсе“, написанном в 1871 году и напечатанном в томе VI „Oeuvres“ Бакунина, между прочим говорится (стр. 272): „Летом 1869 года в двух русских прокламациях, одной подписанной моим именем, а другой анонимной, я напал на смешные мысли или, вернее, фразы его „Русского Журнала“. Речь идет об Утине и журнале „Народное Дело“. Подписанное воззвание это „Несколько слов молодым братьям в России“, что видно из указания Бакунина, что оно было напечатано во французской газете „La Liberté“. Ну, а что это за анонимная прокламация? Неттлау в при-

ляет себе роскошь критики бакунинских писаний! «Мы, — говорит он, — вполне согласны с программою, высказанной в статье № 1 «Народного Дела», но далеко не согласны с его умеренным тоном, с его литературными формами и вообще со всею абстрактно-теоретической постановкой. Нам нужна та же мысль, но высказанная просто, на языке общенародном, в форме, доступной для всех, и потому без всякого ученого или ложно-ученого хлама. В числе листков, вышедших за последнее время за границей, рекомендуем мы почти безусловно воззвание Бакунина к учащейся бессословной молодежи [1]). Вещь дельная, хотя и далеко не высказывающая всего, что, вероятно, должно приписать обстоятельствам, его окружающим, и положению [2]). [К этому месту сделано примечание: «Мы надеемся, что теперь все честные, деятельные люди русской эмиграции (как-то: Бакунин, издатели «Колокола) и неизвестный (!) автор № 1 «Народного Дела»), составив одно общее, стройное тело, начнут дружно работать для общего движения». Наивная попытка Бакунина и Нечаева повлиять на Герцена!].

Далее в статье говорится: «Бакунин прав, уговаривая нас бросить академии, университеты и школы и итти в народ. Это мысль справедливая, но далеко не новая. Дело в том, как итти в народ и что делать в народе. Бакунин не сказал об этом ни слова (?), а в этом-то и состоит ныне главная задача всех честных революционеров в России, которые, не довольствуясь словами и требуя дела, нуждаются не в туманных, а точных и определенных советах. Поэтому мы рекомендуем гораздо более листки, в которых этот практический вопрос поставлен прямее и решается откровенней и дельней, — таковы: «Постановка революционных вопросов», «Начала революции» и «Прокламация к студенчеству» Нечаева» [3]).

Можно было бы думать, что это место статьи говорит против авторства Бакунина и доказывает авторство Нечаева. Стал ли бы Бакунин хва-

---

мечании к 221 странице второго тома немецкого издания сочинений Бакунина высказывает предположение, что речь идет о „Постановке революционного вопроса“, которую он, скрепя сердце, соглашается с оговорками приписать Бакунину. Но мы думаем, что Неттлау в данном случае ошибается. В „Постановке революционного вопроса“, ровно как и в „Началах революции“, несомненно тоже принадлежащих Бакунину (см. ниже), о „Народном Деле“ прямо не упоминается, хотя там, правда, в общей форме с неодобрением говорится о русских эмигрантах и о взглядах революционеров-доктринеров (то и другое без более точного обозначения). Но в рассматриваемой статье первого номера „Народной Расправы“ об утинском „Народном Деле“ говорится совершенно определенно. Вот почему в цитированной выше фразе из „Доклада об Альянсе“ можно, пожалуй, усмотреть признание Бакунина в авторстве этой статьи. При прочих косвенных доказательствах и это приобретает некоторое значение.

[1]) „Т.-е., несколько слов молодым братьям в России“.

[2]) Вероятно, намек на сдерживающее влияние Герцена и Огарева, а может быть, на то, что прокламация эта была подписана, а потому обязывала автора к некоторой сдержанности.

[3]) Из этого места статьи М. Неттлау („Биография“, стр. 454) делает тот вывод, что все эти вещи принадлежат Нечаеву: „Ему кажется невозможным безоговорочно одобрять то, что он сочинил не сам, а потому он критикует Бакунина“. Святая простота! Неттлау исходит из убеждения, что статья в „Народной Расправе“ написана Нечаевым, который дескать вследствие самовлюбленности хвалит сам себя и слегка разделывает Бакунина. Если бы даже Нечаев и был автором статьи, решительно непонятно, почему бы он не мог расхвалить некоторых сочинений Бакунина, особенно написанных (допустим) под его влиянием. Но что, если автором статьи был не Нечаев, а, как мы уверены, Бакунин? Какие тогда выводы можно было бы сделать, следуя психологическому методу Неттлау!

лить сам себя, хотя бы под покровом анонима? Но такое рассуждение было бы более чем наивно и свидетельствовало бы о полном непонимании характера Бакунина. Мы не говорим уже о том, что на основании такого рассуждения следует отвергнуть и авторство Нечаева, ибо, если Бакунин хвалится здесь условно, с оговорками (и то по поводу одного только воззвания к молодежи, ибо оно одно появилось за его подписью), то Нечаев восхваляется безусловно и безоговорочно за свое письмо к студентам. Выходило бы, что автором статьи не мог быть ни Бакунин, ни Нечаев, и надлежало бы искать какого-то третьего, неизвестного автора. Все это пустяки.

Статья безусловно принадлежит Бакунину, но не исключена возможность того, что он при составлении ее советовался с Нечаевым и считался с его указаниями, так как тот мог, опираясь на свой приезд из самой России, представлять в желательном ему духе психологию и настроение революционной молодежи. Вполне возможно поэтому, что, полагаясь на него, Бакунин решил заговорить менее «туманным», менее «абстрактным» и более «прямым» и «откровенным» языком, уверенный в том, что уж Нечаев-то, прямо прискакавший с поля битвы, лучше всякого другого знает, как нужно теперь говорить с революционной бессословной молодежью, рвущейся в народ. Отсюда и самокритика, перемешанная с самовосхвалением.

Но при этом у Бакунина было и другое соображение. Он почему-то хотел во что бы то ни стало продолжать мистификацию и скрыть от публики принадлежность ему как этой статьи, так и других его писаний, в том числе даже статей «Народного Дела», автор которого об'является «неизвестным» [1]). Зачем нужно было скрывать это авторство? Отчасти, быть может, по соображениям безопасности в виду содержащихся здесь террористических призывов: вернее же всего делалось это для пущей конспирации и для придания большей важности мистическому «русскому революционному комитету», от имени которого и составлен первый номер «Народной Расправы». Но Бакунин и здесь не удержался и нечаянно выдал себя с головой в мелочи, незаметной для неопытного глаза, но весьма характерной. А именно свою безыменную листовку «Постановка революционн*ого* вопро*са*» он по рассеянности назвал «Постановка революционн*ых* вопрос*ов*», а последнее заглавие носила именно статья Бакунина в первом номере «Народного Дела»! Такую ошибку мог сделать не Нечаев, а только сам Бакунин, как автор и той, и другой статьи. На это обстоятельство до сих пор тоже никем не было обращено внимания.

---

[1]) Впрочем, в написанной несколько позже брошюре „Наука и насущное революционное дело" (составлена, вероятно, в июле—августе 1869 г., вышла весною 1870 г.). Бакунин сознается в авторстве первого номера „Народного Дела". Возможно, что он в этот момент уже не считал нужным скрывать эту великую тайну. Но возможно и другое. Ведь он с Нечаевым пытались выдать первый номер „Народной Расправы" за изданный в России, ну, а русским революционерам, отрезанным от эмиграции, позволительно было не знать авторов заграничного „Народного Дела". Это даже придавало их незнанию своеобразный оттенок couleur locale!

Вторая статья «Взгляд» и пр., по нашему мнению, также принадлежит Бакунину [1]). Она содержит критику оппозиционных течений в России до каракозовского дела, с которого, по словам автора, началась «новая эра революционного понимания». Интересно в ней только принципиальное отрицание государственности, в отсутствии каковой статья и обвиняет все предшествовавшие течения, в том числе и декабристов. Анархия представляется автору идеалом общественного устройства, при чем он, ничтоже сумняшеся, отожествляет казацкий круг с анархией. «В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского» [2]).

«Мы из народа,—заявляет автор статьи,—со шкурой, прохваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятий о нравственных обязанностях и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем кроме зла [3]). Мы имеем только один отрицательный неизменный план

---

[1]) Неттлау отвергает авторство Бакунина на том замечательном основании, что в этой статье имеются стихотворные цитаты в качестве мотто и в тексте, чего мол никогда Бакунин не делал. Если бы это даже было верно (а это не совсем верно: в письмах Бакунина и нередка в его сочинениях такие цитаты имеются), то в лучшем случае могло бы говорить в пользу сотрудничества Нечаева, но не более того. Для успокоения г. Неттлау мы готовы допустить, что стихотворные цитаты принадлежат в этой статье Нечаеву (а почему бы не Огареву? Такое предположение было бы более основательным).

[2]) Как видим, те, кто приписывает авторство этой статьи Нечаеву, должны допустить, что за месяц своего пребывания в Женеве Нечаев, не знавший тогда иностранных языков, успел изучить не только историю русской общественной мысли, но и всю старую социалистическую литературу, о которой автор трактует с такою уверенностью! Совершенно очевидно что Нечаев не мог быть автором этой статьи. Далее там же цитируется стихотворение К. Аксакова, сохранившееся „в рукописях того времени“ (40-х годов): и это, видите ли, было известно Нечаеву. Ему же известна история Бецкого, мартинистов, декабристов (в деталях)! Ему же известна деятельность Потебни, который вместе с товарищами „удивил своей преданностью революционному делу самих поляков“. Нечего и говорить, что ему известна в подробностях деятельность современных ему Адлерберга, Мезенцева, Трепова и других царских опричников. Это просто смешно! Статья явно принадлежит Бакунину. Нечаев мог разве доставить ему пару подробностей относительно некоторых названных в конце статьи профессоров, да и то Бакунин мог знать об этом и без него. Достаточно сравнить эту анонимную статью с написанной около того же времени и подписанной брошюрой Бакунина „Наука и насущное революционное дело“, чтобы убедиться в принадлежности обеих одному автору. Здесь совпадают целые абзацы (о декабристах, об их преемниках и т. п.), а общее содержание приблизительно одно и то же. Удивительно, как этого до сих пор не замечали! Перечисление главных царских опричников в обоих произведениях также почти совпадает.

[3]) Угодно параллель? Вот выписка из письма Бакунина к Герцену от 28 октября 1869 года: „Ты меня судил и судишь по моим действиям в цивилизованном обществе, в буржуазном мире, и в самом деле я обращаюсь в этом мире без всякого расчета и без малейшей церемонии с ругательною, беспардонною откровенностью. Но знаешь, почему я с ним так поступаю? Потому, что я не ставлю его в грош, не признаю в нем более никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что материальных средств и организованной государственно-рутинной силы у него еще достаточно... Но с этой силой надо бороться, ее надо разрушить: с ней невозможны ни примирения, ни сделки“ и т. д.

беспощадного разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий, как несовместной с нашей деятельностью, и потому считаем бесплодной всякую исключительно теоретическую работу ума. Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаем ему все наши силы, и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание. А потому мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя; созидать не наше дело, а других, за нами следующих».

Единственным новым (сравнительно с прежними взглядами Бакунина) моментом в этой статье является признание индивидуального, хотя и систематического, террора, целую систему которого намечает статья. Мы знаем, что Бакунин прежде не придавал значения этому методу борьбы и в частности цареубийству. В этом пункте на него, возможно, оказал известное влияние Нечаев, принесший с собой из России дух крайнего озлобления и напряжения революционной страсти. Но этому террору не приписывается самодовлеющего значения. Террор, предлагаемый автором статьи, должен послужить к «уничтожению всех тех ясно бросающихся в глаза препятствий, которые могут особенно помешать восстанию и затруднить его ход». И дальше идет известное перечисление высших, богатых и влиятельных лиц, подлежащих истреблению, экспроприации и другим карам (вплоть до «лишения языка» литераторов-доносчиков). Исключение делается для царя, которого оставляют в живых до народного суда. Вообще же в первую голову террор направляется на тех, кто больше всего будет мешать сближению с народом и подготовительной работе.

К числу спорных документов относится еще возвание к «благородному российскому дворянству». Содержание его чисто крепостническое. В нем напоминаются «блестящие страницы», вписанные в историю государства российского дворянством, усмирение бунтовщиков, собирание земли, защита самодержавной монархии, разгром революции 1848 года, подавление Польши, подвиги «сиявшего доблестями» М. Н. Муравьева (вешателя) и т. д. Что же за все эти «рыцарские» заслуги получило благородное дворянство, какие права были ему за это предоставлены? Никаких! В виду этого подписавшие прокламацию «потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства» заявляют, что «наступила пора выступить с открытым забралом перед изумленными глазами немецкой безродной челяди, которая с конца прошлого столетия теснилась около престола, занимая наше место, она марала его холопским служением этому ничтожному потомку голштинского князька, случайно попавшего в российские венценосцы». Далее, чувствуя силу в своем праве, они смело бросают «перчатку в лицо деспота, немецкого князька Александра II Салтыкова-Романова», и вызывают его на «благородный рыцарский бой» в наступившем 1870 году [1].

[1]) Мы цитируем эту прокламацию по тексту, приведенному у Неттлау (прим. 4008). Судя по последним словам („наступившем 1870 году“), это второе исправленное издание прокламации, написанной в 1869 г. Но возможно, что здесь мы имеем дело с новой мистификацией, и что прокламацию отпечатанную в 1869 г., предполагалось распространить только в 1870 г., когда ожидалось восстание в России; Нечаев же поторопился и начал распространять ее уже осенью 1869 г. Наконец, возможно, что у Неттлау просто описка, и что в оригинале стояло: „в наступающем 1870 году“.

Эта прокламация прежде всего столько же бесстыдна, сколько и глупа. Рассчитывать на то, что она подействует на дворянство, было просто нелепо. Да и распространялась-то она не среди дворян, а среди студентов, что было особенно глупо. В виду слишком явной бесцеремонности этой мистификации даже Драгоманов колеблется приписать ее Бакунину, хотя и сообщает (стр. 489), что Нечаев распространял ее как сочинение Бакунина, а Неттлау на основании ее бесстыдно-мистификаторского характера без обиняков приписывает ее Нечаеву. И все-таки мы думаем, что это маловероятно. Нечаеву, органически ненавидевшему бар, вряд ли могла притти в голову мысль об обращении к «благородному дворянству» во имя его аристократических и олигархических вожделений. Здесь и мысль, и исполнение несомненно принадлежат хитроумному, но вместе с тем глубоко-наивному Бакунину, этому блудному сыну российского дворянства. Это видно, впрочем, и по стилю прокламации, и по проникающему ее славянофильскому и антинемецкому душку. Если она и имела какой-либо смысл, то лишь тот, что в ожидании предстоящего народного восстания автору или авторам ее хотелось внести побольше смуты в ряды господствующего класса и, если удастся, восстановить одну его часть против другой. А обман по отношению к врагам Бакунин считал вполне дозволительным и даже похвальным. Над вопросом же о том, что такими приемами рискуешь скорее обмануть друзей, чем врагов, Бакунин, повидимому, не особенно задумывался.

Как бы там ни было, все говорит за принадлежность и этой прокламации Бакунину. Противники этого взгляда должны доказать, что автором ее является Нечаев. Но и в этом случае на Бакунина ложится ответственность за нее, ибо тогда он действовал вполне солидарно с Нечаевым, и уж если кто влиял сильнее на другого, то Бакунин на Нечаева, а не наоборот. И без Бакунина вся нечаевская мистификация была бы невозможна.

б) Произведения, принадлежащие Бакунину и более часто ему приписываемые

Первой из этого цикла является подписанная прокламация «Несколько слов к молодым братьям в России», относящаяся к маю 1869 года.

«Вы встали опять,—так начинает Бакунин.—Значит, вас похоронить не успели. Значит, противогосударственный, всеразрушительный (?) дух молодого бессословного поколения — не мимолетная вспышка юношеского легкомыслия и тщеславия, а выражение настоящей жизни и страсти. Значит, он коренится глубоко в потребностях и во всем настроении народа».

От студенческих волнений до вывода, что, «значит, приходит конец этому поганому государству«, — дистанция огромного размера. Но Бакунин увлеченный своим темпераментом; да еще подогретый рассказами Нечаева о революционном настроении студенчества и о близости народной революции, закусывает удила и, по выражению Герцена, шагает через годы и поколения.

«Приближаются времена Стеньки Разина,—пророчествует он.— ...Теперь, как и тогда, *волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь,* ...ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу... Явно готовится и приближается... новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россией казенною. Кто победит на этот раз? Народ, без сомнения... Теперь... не будет, вероятно, народного богатыря Стеньки Разина... Но будет зато легион бессословной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченной крепко между собой одной мыслью и целью. Соединение этой молодежи с народом—вот залог народной победы. Русская грамотная молодежь... хочет не своего, а народного торжества. Стенька Разин, на этот раз не одинокий, а коллективный и тем самым непобедимый, у ней за плечами. Вот настоящий смысл ее нынешних, еще невинных движений».

Вскрыв смысл волнений молодежи, в которых отражается невыносимое положение крестьянских масс и их глухое брожение, Бакунин обращается к ней с горячим призывом уйти из обреченного на гибель мира, бросить школы и двинуться в народ. «Ступайте в народ! Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука... Грамотная молодежь должна быть не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальною бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтоб приобресть способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа».

И далее Бакунин указывает на просыпающийся во всем мире рабочий класс, который во имя общей победы зовет русскую молодежь на крепкий союз.

Быть может, уступая настояниям Нечаева, Бакунин в следующей прокламации «Постановка революционного вопроса» заговаривает более определенным тоном и пытается дать молодежи конкретные указания относительно работы в народе [1]). Сначала он доказывает, что единственный спасительный путь—это путь анархии, путь «беспощадного разрушения всего государственного строя, коренного уничтожения всех порядков общественных, сил, средств, вещей и людей, на которых зиждется крепость империи».

---

[1]) Даже Неттлау принужден признать, что брошюра эта принадлежит Бакунину (цит. ст., стр. 388): „Это одно из наиболее резких произведений, в котором повторяются бакунинская идеализация русского разбоя и другие его мысли. Но только по стилю можно решить, принадлежит ли ему окончательная редакция“. Кому же другому? Неужели Нечаеву? Смешное предположение. Можем успокоить г. Неттлау, что стиль прокламации совершенно бакунинский. В своей биографии Бакунина (стр. 451) Неттлау, как это делали и другие, правильно указывает на совпадение этой листовки с „Прибавлением А“ к книге Бакунина „Государственность и Анархия“ (по непростительной небрежности выпущенным в издании „Голоса Труда“ 1919 г.).

Решительно отвергаются им как «республиканский либерализм», т.-е. буржуазная республика, так и мысль о возможности «устроить экономическое благо народа... без совершенного разрушения всех государственных условий и форм». Он издевается над тайными кружками, состоящими из «молодых, доктринерно-образованных конспираторов-социалистов и революционеров по книжкам, ... кабинетных революционеров-государственников и будущих диктаторов, ... играющих в революцию, но лишенных способов делать ее». Это «университетское развращение» погубило бы молодежь, но, к счастью, правительство, закрывшее высшие школы, указало молодежи ее «настоящую школу—народ».

Что же делать в народе? Учить его было бы глупо, ибо он сам лучше знает, что ему надо. Его нужно не учить, а бунтовать или, вернее, объединить его разрозненные и потому бесплодные бунты. Молодежь может и должна дать народу «единство повсеместного движения посредством сплочения его же собственных бунтующих и до сих пор разрозненных сил». А для того, чтобы суметь выполнить эту задачу, нужно самим принимать участие в народных бунтах.

В России существует два вида народного бунта: бунт мирного сельского населения и разбойничий бунт. Частные крестьянские бунты происходят ежегодно и иногда охватывают целые уезды, но вследствие своей разрозненности легко подавляются. Однако из среды подавленной массы беспрестанно выделяются лихие ребята, бегущие в лес и становящиеся разбойниками.

«Разбой—одна из почетнейших форм русской народной жизни. Он был, со времени основания московского государства, отчаянным протестом народа против гнусного общественного порядка, не измененного, но усовершенствованного по западным образцам... Разбойник—это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации. Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории. Кто не сочувствует (!) ему, тот не может сочувствовать русской народной жизни, и нет в нем сердца для вековых неизмеримых страданий народных, тот принадлежит к лагерю врагов-государственников...

«Прекращение разбоя в России значило бы или окончательную смерть народа, или полнейшее освобождение его. Разбойник в России—настоящий и единственный (!) революционер, революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный... Когда оба бунта, разбойничий и крестьянский, сливаются, порождается народная революция. Таковы были движения Стеньки Разина и Пугачева... И ныне... разбойники, ... разбросанные по целой России [1], и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один нераздельный, крепко связанный мир—мир русской революции. В нем и в нем только одном существует

[1]) Чисто бакунинский оборот (галлицизм) вместо „по всей России“.

издавна настоящая революционная (!) конспирация. Кто хочет конспирировать не на шутку [1]) в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир».

На основании того, что «разбойничий мир пободрел и оживился» (да и верен ли этот факт?), Бакунин умозаключает, что «времена приближаются» [2]), и что учащаяся молодежь должна «броситься дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский, и, храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотить все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную» [3]).

Таково было «последнее слово науки», которое Бакунин преподносил русской революционной молодежи от имени международного рабочего движения! Идеолог крестьянского бунтарства отсталых стран, он не находил в тогдашней реальной русской действительности других более революционных и активных элементов, чем разбойничий мир. Таким образом, якобы по соображениям реальной политики, на место революционного пролетариата, возглавляющего движение передовых групп крестьянства, подставлялся продукт отброса низших общественных слоев, свойственный начальному периоду социального развития, эпохе образования полицейского государства и первых шагов буржуазного строя. К идеализации разбоя Бакунина привело его преклонение перед всяким мятежом, всяким бунтом. Но идеал Бакунина коренился в XVII и XVIII веках и уже не соответствовал современной ему эпохе. Желая быть великим реалистом, он фактически выступает перед нами в качестве величайшего идеалиста и фантазера. Никакого разбойничьего мира, якобы выражающего социальный протест угнетенного крестьянства и способного возглавить его массовое движение, во время Бакунина уже не существовало. И те, кто пытался последовать его советам, принуждены были скоро разочароваться в наставлениях учителя [4]).

---

[1]) Тоже одно из бакунинских выражений.

[2]) Эта же фраза встречается и в брошюре „Русским польским и пр. друзьям“.

[3]) Вариант на известные слова Пушкина: „русский бунт, бессмысленный и беспощадный“ (по поводу пугачевщины).

[4]) Повидимому, в минуту освобождения от умственного угара Бакунин с Нечаевым соображали, что идеальных разбойников вроде Карла Моора в российской природе не существует. В „Правилах сети для отделений“ (устав нечаевской организации) программа-максимум слияния с разбойничьим миром на практике заменяется программой-минимум „знакомства с городскими сплетниками(!), публичными женщинами“ и „заведением сношений с так называемой преступной частью общества“. Виргилием несчастной молодежи, прислушивавшейся к этому романтическому вздору, был пожилой писатель Прыжов, увлекшийся Нечаевым (см. его „Исповедь“ в „Мин. Годах“, 1908, февраль). В качестве автора ряда брошюр и книг, посвященных исследованию жизни низших слоев народа, в частности „Истории кабаков в России“, он считался знатоком преступного мира и был поставлен Нечаевым во главе кружка, задачей которого были „непосредственные сношения с народом“. О каком „народе“ там шла речь, видно из того, что Прыжов направил студентов Римана и Энкуватова на Хитров рынок, Дербеновку и тому подобные места. Здесь им удалось познакомиться с „несколькими публичными женщинами и так называемыми жуликами“, но знакомство это не привело ни к каким результатам и не двинуло социальной ликвидации ни на шаг вперед. Энкуватов, правда, пытался поступить на фабрику рабочим, но этого не добился. Да, повидимому, на т а к о е сближение с народом обращалось мало внимания. Засулич рассказывает

Нужно при этом заметить, что свое увлечение преступным миром Бакунин не ограничивал одной Россией. Альбер Ришар, стоявший в то время близко к Бакунину, рассказывает по этому поводу следующее (цит. статья «Bakounine et l'Internationale à Lyon»). В 1870 году Бакунина сильно занимал вопрос о деньгах, необходимых для его революционных предпирятий. «Чтобы раздобыть их, он не отступал перед самыми маккиавелистическими комбинациями. Через своих русских друзей он состоял в сношениях с болгарскими разбойниками [1], которые, якобы, готовы были время от времени делиться своими безгрешными доходами с революционерами. Он охотно рассчитывал на помощь с этой стороны. В сущности не было более щепетильного и честного человека. Если он и оправдывал чужие грехи, то сам был решительно неспособен на какой-либо низкий поступок и не мог бы отступиться от своих убеждений. Он иногда отказывался от довольно крупных сумм, формально завещанных ему умершими в Швейцарии русскими эмигрантами, дабы не пользоваться деньгами, которые, по его мнению, принадлежали всем русским революционерам, а не ему одному [2]. Но по отношению к бандитским деньгам он не проявлял такой щепетильности [3]. Он относился к разбойникам весьма сочувственно, «так как они на свой риск и страх борются со всеми силами общества, закрывающего им все выходы, желающего дисциплинировать и экплоатировать в своих интересах их личную энергию, желающего укротить их и низвести до положения наемных рабочих—низость, которую всякий мужественный человек в праве и обязан отвергать. Если им недостает принципов, зато у них имеется, по крайней мере, инстинкт». В его глазах это была все та же борьба слабого с сильным, законный бунт раба против тирана».

в своих воспоминаниях, что Прыжов отговаривал Энкуватова от его намерения поступить на фабрику. „Во время работы разговаривать некогда,— убеждал он его,—а если вам и удастся поговорить с товарищами, то только в кабаке во время отдыха; так не лучше ли прямо начать с кабака?“ Но кабак произвел на софистицированных студентов самое тяжелое впечатление: не только разговаривать, но и прислушиваться они не смели, замечая на себе недоверчивые, враждебные взгляды, а от водки и духоты кружилась голова. Наконец, одна проститутка, которую Рипман накормил обедом, сообщила ему, что его хотят ограбить, и он перестал туда ходить, а Энкуватов прекратил посещения после первого же раза (сборник „Группа Освобождение Труда“, № 2, стр. 58). Неудачно кончались и другие попытки сближения с преступным миром, предпринимавшиеся бакунистами (южно-русскими бунтарями) в 70-х годах, особенно в Киеве. Одни из привлеченных „жуликов“ оказывались предателями или провокаторами, другие—неустойчивым в моральном и политическом смысле элементом, и вообще кроме конфуза вся эта чисто кабинетная затея ничего не дала.

[1]) Речь идет, вероятно, о болгарских бандах. Вряд ли здесь действовали русские друзья. У Бакунина были тогда некоторые болгарские связи (Райнов, Л. Каравелов и пр.), через которые он рассчитывал проводить влияние своего Альянса на Балканах. Таким образом, и в данном случае бандитизм, разбой являются выражением протеста крестьянства отсталых стран.

[2]) Нам такие факты неизвестны. Быть может, Ришар рассказывает здесь в извращенном виде историю „бахметьевского фонда“.

[3]) Это плохо выражено. Смысл тот, что Бакунин готов был взять бандитские деньги на революционные цели, а не для себя лично.

И если некоторые поклонники Бакунина [1]) отрицают принадлежность ему прокламации «Постановка революционного вопроса» на том основании, что она содержит скандализирующее их восхваление разбойничьего мира, то из свидетельства А. Ришара выясняется, что Бакунин из своего взгляда вовсе не делал секрета и что он делился им и с некоторыми европейцами, по крайней мере, принадлежавшими к числу альянистов.

Следующей брошюрой, отнсеящейся к рассматриваемому циклу, является листовка «Начала революции» с многознаменательным мотто из Гиппократа: «Чего не излечивают медикаменты, излечивает железо; чего не излечивает железо, излечивает огонь». Она излагат основные принципы программы Альянса и Интернационального Братства. Отвергая революционную диктатуру, сохраняющую государство, автор утверждает, что «для настоящей революции нужны личности, не во главе толпы стоящие и ею повелевающие, а скрытые незаметно в самой толпе и незаметно связывающие посредством себя одну толпу с другой, дающие также незаметно одно и то же направление, один дух и характер движению. Такой только смысл имеет ведение тайной подготовительной организации, и настолько она необходима. Деятели настоящей народной революции, как только вырабатывает их жизнь, заявляют о себе фактически, сплачиваются и организуются во время самого дела». Читатель узнает здесь обычные мысли Бакунина, поскольку они выражены в документах, относящихся к тайному Альянсу и Интернациональному Братству.

Далее, Бакунин переходит к обоснованию террористических действий. По мере приближения народного восстания, говорит он, наиболее страстные личности переходят к уничтожению врагов революции. Эти факты все умножаются и, наконец, переходят во всеобщее восстание. «Дела, инициативу которых положил Каракозов, Березовский и пр., должны перейти, постоянно учащаясь и увеличиваясь, в деяния коллективных масс вроде деяний товарищей шиллерова Карла Мосра (!), с исключением только того идеализма, который мешал действовать, как следует, и с заменой его суровой, холодной, беспощадной последовательностью [2]). Все таковые коллективные деяния молодежи быстро должны принимать все более и более народный характер от прилива озлобленных, ничего не щадящих народных сил» [3]).

Вторая и большая часть листовки посвящена обоснованию разрушительной деятельности, впоследствии (во второй половине 70-х годов) получившей среди революционеров название «дезорганизаторской».

---

[1]) Вслед за своим учителем, который в письме в редакцию „Journal de Genève“ от 25 сентября 1873 г. отрекался от этой брошюры и от других анонимных прокламаций, требуя, чтобы его судили только по подписанным его именем сочинениям. Но если в свое время это подсказывалось интересами политической борьбы, то теперь отрицать очевидное не имеет никакого смысла.

[2]) Здесь мы имеем как бы предварительное благословение таких актов, как расправа Нечаева с Ивановым. Впоследствии Бакунин пытался оправдать этот акт после его совершения (в воззвании к офицерам).

[3]) Возможно, что в этом террористическом уклоне, которого прежде у Бакунина не замечалось, сказалось влияние Нечаева и его преувеличенных рассказов о настроении молодежи. К Каракозову, Березовскому и т. п. Бакунин и раньше относился сочувственно, но он не усматривал пользы в индивидуальных покушениях и не возводил их в систему.

Понятие революции, говорит Бакунин, заключает в себе два совершенно различные факта: начало, время разрушения существующих общественных форм, доведение их до аморфности, и конец, созидание, т.-е. образование совершенно новых форм из этого аморфизма. Сначала необходимо разрушать, а затем создавать [1]. «Данное поколение должно начать настоящую революцию, начать полное изменение всех условий общественной жизни, т.-е. данное поколение должно разрушить все существующее сплеча, без разбора, с единым соображением «скорей и больше». И так как данное поколение само подвергалось влиянию тех отвратительных условий жизни, против которых восстает, то этому поколению не может принадлежать дело созидания, дело тех чистых сил, которые выработаются в дни обновления». Рассуждения о будущем преступны, потому что «они мешают чистому разрушению, задерживают ход начала революции, а следовательно отдаляют ее конец... Мы должны отдаться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, пока не останется ничего из существующих общественных форм для разрушения. Не конспирация—наша задача, а борьба фактическая с первого же шага» [2].

Формы, в которых должна выразиться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. «Яд, нож, петля и т. п.!.. Революция все равно освящает в этой борьбе [3])... Жертвы указываются нескрываемым народным негодованием!.. Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!». Говоруны, трусы и уклоняющиеся от дела предупреждаются, что они рискуют пострадать при этом заодно с обреченным на истребление миром. Эмигрантам предлагается немедленно вернуться в Рос-

---

[1]) Могут заметить, что Бакунин не ставил так упрощенно вопроса о взаимоотношении творческого и разрушительного момента, и сослаться на слова Жюля Элизара, что страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть. Это верно, но не всегда Бакунин углублялся в этот вопрос, особенно когда перед ним стояла практическая революционная задача. В письмах к Гервегу он выпячивал разрушительную сторону революции, считая ее первоочередной. Вспомним, что он говорит по этому поводу в „Исповеди“, описывая свое тогдашнее настроение: „Не раз (я) говаривал немцам и полякам, когда в моем присутствии они спорили о будущих формах правления: „Мы призваны разрушать, а не строить: строить будут другие, которые и лучше, и умнее, и свежее нас“. Того же самого надеялся я для России: я думал, что из революционного движения выйдут люди, новые, сильные, и что они овладеют им и поведут его к цели“. Но ведь это буквально то же самое, что говорится в брошюре „Начала революции“. Сходство прямо бьет в глаза.

[2]) Исходя из этого принципа, Бакунин и Нечаев внесли в „Общие правила организации“ пункт 7-й, где говорилось, что ее цель „не убеждать, т.-е. не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые есть уже налицо“.

[3]) Вероятно, эта террористическая декламация побуждает последователей Бакунина отрицать его авторство. Так, Неттлау в цитированной статье (стр. 388) уверенно заявляет, не приводя тому никаких доказательств, что эта листовка принадлежит Нечаеву. В своей книге (стр. 454) он старается это доказать указанием на сухость, механичность, отвлеченность этой прокламации, на отсутствие в ней порыва, глубины и т. п. Напрасные старания! Эта брошюра написана обычным бакунинским стилем этого периода и логически представляет дальнейшее развитие мыслей, изложенных в „Постановке революционного вопроса“, а отчасти в программе Альянса и Интернационального Братства. Кто сказал „а“, должен сказать „б“. Кто признал „Постановку“ бакунинской, должен признать и продолжение ее—„Начала“—тоже бакунинским.

сию и стать там в ряды активных борцов. Впрочем, для себя Бакунин, по собственному решению или с дозволения Нечаева, делает из'ятие: «исключения для тех эмигрантов, которые уже заявили о себе как о работниках европейской революции»! И кончается прокламация призывом к молодежи. «Пусть же все здоровые молодые головы принимаются немедленно за святое дело истребления зла, очищения и просвещения русской земли огнем и мечом, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе» [1]).

в) „Катехизис революционера"

Среди документов рассматриваемой категории наибольшей известностью пользуется так называемый «Катехизис революционера», в котором широкая публика и в то время, и после того усматривала самую сущность «нечаевщины», т.-е. то, что отличало движение, связанное с именем Нечаева, от других аналогичных подпольных движений, ставивших себе целью вызвать в России насильственный переворот в интересах народного освобождения.

Мы уже знаем, что в кругах, в которых вращался Нечаев до своего от'езда за границу в конце 1868 г. и в начале 1869 г., возникла мысль о составлении такого катехизиса, в котором определялись бы правила поведения революционера. Мы знаем также, что форма революционного катехизиса была излюблена Бакуниным еще до того и что уже в 1866 году он составил два документа («Революционный Катехизис» и «Организация»), приблизительно соответствовавшие по содержанию плану, намеченному в «Программе революционных действий». После встречи Нечаева с Бакуниным план этот был, наконец, осуществлен, и «Катехизис революционера» был написан летом 1869 года. В виде небольшой зашифрованной книжечки Нечаев привез его с собою в Россию. Содержание этого документа оставалось, впрочем, тайной для большинства участников движения. По поводу этого катехизиса Прыжов показал, что на вопрос о том, что произойдет в случае успеха революции, Нечаев показал ему эту зашифрованную книжечку, об'яснив, что в ней заключается конечная цель всякого революционного движения, так что знакомство с нею должно быть искомою целью всякого агитатора, прибавив тут же, что книжечка эта есть знак, по которому узнают членов комитета»·

Книжечка эта была найдена при обыске у Успенского, расшифрована и оглашена на суде, а затем целиком напечатана в № 162 «Правительственного Вестника» за 1871 год. Опубликованием этого «Катехизиса» правительство явно стремилось скомпрометировать революционеров и запугать «общество», показав ему, что действия революционеров направлены не только против властей, но и против обывателей. Реакционная и либеральная пресса в таком духе и использовала «Катехизис», при чем Катков в передовой статье «Московских Ведомостей» от 25 июля 1871 г. доказывал, что в виду замыслов революционеров общество не может оставаться нейтральным

---

[1]) Нужно ли снова напоминать, что оборот „в целой Европе" есть чисто бакунинский?

в борьбе правительства с крамолою. Особенно использовались, понятно, призывы итти в разбойничий мир и связаться с ним в интересах революции.

Но опубликование «Катехизиса» тяжело подействовало не только на обывательскую публику, но и на самих революционеров. А. И. Успенская, сестра В. И. Засулич и жена подсудимого нечаевца Успенского, рассказывает в своих воспоминаниях («Былое», 1922, № 18, стр. 37 и след.): «Среди отданной Нечаевым моему мужу на хранение литературы была небольшая книжечка, напечатанная шифром, и в нерасшифрованном виде она была забрана при аресте мужа. Нечаев сказал мужу, что она заключает в себе «Исповедь революционера». На суде эта книжечка, уже расшифрованная, была прочитана, и она произвела как на подсудимых, так и на публику удручающее впечатление... Эта программа, как называет (ее) Ралли, ...служила и служит до сих пор главным (?) пунктом обвинений и нападок на Нечаева. Составилось убеждение, что эту программу написал сам Нечаев, он же распространял ее среди молодежи и неуклонно действовал по этому катехизису. Таким образом, получилась «нечаевщина», синоним всего мерзкого, безнравственного, отталкивающего. В действительности же в России Нечаев этой программы не распространял, никто из подсудимых ее не читал, даже мой муж, ближе всех стоявший к делу. Как человек, несомненно, умный, знавший русскую молодежь, Нечаев понимал, что подобной программой он не привлечет, а скорее оттолкнет ее от себя».

Не во всем можно согласиться с А. И. Успенской [1]), но последнее ее замечание, несомненно, верно. Написать эту программу мог только человек, стоявший очень далеко от русской революционной молодежи, совершенно не знакомый с ее действительной психологией и смотревший на нее через кабинетные очки из далекой революционной абстракции. Только этим и можно об'яснить тот факт, что на ряду с пунктами, правильно исходившими из предположения о духе героического самопожертвования и преданности народным интересам, обуревавшем тогдашнюю революционную молодежь, «Катехизис» включает положения, резко противоречившие ее моральной высоте и революционному чутью. Именно эти пункты «Катехизиса», в свое время возбудившие негодование революционной молодежи и до сих пор производящие крайне неприятное впечатление, и составили ту ложку дегтя, которая испортила его содержание и сделала его синонимом всего отрицательного, что связывается с именем «нечаевщины» [2]).

В «Катехизисе революционера» Бакунин (а что это именно он был автором «Катехизиса», мы сейчас увидим) попытался на практике применить

---

[1]) Так, например, маловероятно, чтобы даже Успенский не был до ареста знаком с содержанием „Катехизиса". Нечаев же в своей деятельности, несомненно, руководствовался изложенными в нем правилами, но, разумеется, широко оглашать их считал нецелесообразным, вероятно, по правилу: „такие вещи делают, но о них не говорят".

[2]) Отобранный у Успенского экземпляр „Катехизиса" погиб, вместе с другими документами по нечаевскому делу, во время пожара Петербургской Судебной Палаты в феврале 1917 года. Но при разборе секретного архива б. III Отделения в 1924 году найден был другой (?) его экземпляр, который после новой расшифровки и опубликован А. Шиловым в № 1—2 журнала „Борьба классов" 1924 г.

свои организационные принципы. Совершенно очевидно, что первые два раздела («Отношения революционера к самому себе» и «Отношения революционера к товарищам по революции») содержат изложение тех принципов, которые Бакунин развивал и в своих аналогичных произведениях, предназначавшихся для европейских революционеров анархического толка, в частности для членов своего «Интернационального Братства». Можно не соглашаться с анархическим мировоззрением, положенным в основу этих правил, можно оспаривать целый ряд выставленных здесь положений о целях и задачах революционного социализма, но ничего такого, что возмущало бы моральное чувство и компрометировало бы революцию, здесь не имеется. Напротив, все содержание этих двух первых разделов проникнуто такой революционной страстью, таким высоким пониманием задач профессионального революционера (а именно его имеет в виду «Катехизис»), что способно пробудить в слушателе только самое возвышенное настроение и дух героического самоотречения. Повидимому, Нечаев обрисовал Бакунину своих сотоварищей по студенческому движению в столь преувеличенно ярких красках, что Бакунин признал их стоящими на такой высоте, какая и предполагается требованиями, пред'являемыми «Катехизисом» к революционеру. Требования эти настолько высоки, что им, разумеется, могли полностью следовать только немногочисленные, совершенно исключительные личности. По рассказу М. Сажина в личной беседе с М. Неттлау (см. цит. ст. последнего, стр. 389), «решимость Нечаева произвела на Бакунина такое впечатление, — это был первый увиденный им русский этого рода, — что он написал «Катехизис», которому Нечаев всецело следовал, для молодежи, которую он представлял себе по Нечаеву *его первой поры*. Но вскоре Нечаев заметил, что сам Бакунин уже не в силах оставаться на такой высоте энергии и самоотречения, и обратил «Катехизис» против него самого, позволяя себе обманывать его так же, как и прочих».

Неттлау выражается не совсем точно. Бакунин, по передаваемым им словам Сажина, не оказался на высоте требований, пред'являемых к революционеру в *первых двух* разделах «Катехизиса». И Нечаев применил к нему не «Катехизис» вообще, а *третий* раздел его, провозглашающий принципы иезуитизма, которые, впрочем, применял и сам Бакунин [1]). Эта-то часть «правил» и вошла в понятие «нечаевщины», сделавшей это имя ненавистным для русских революционеров и надолго скомпрометировавшей самую мысль о создании централизованной и дисциплинированной революционной организации. Но можно ли возмущаться действиями Нечаева, впоследствии применившего в России эти наставления учителя, когда последний вместо того, чтобы удержать пылкого юнца, уже явившегося к нему с основательными задатками авантюриста и мистификатора, на наклонной плоскости, на которую тот вступил, напротив, принялся дурачить вместе с ним всех и вся,

---

[1]) Четвертый раздел содержит обычную анархическую фразеологию Бакунина. Компрометантными в нем являются §§ 25 и 26, об'являющие единственной задачей русской революции об'единение с разбойничьим миром и его организацию в революционную силу. Но это, как мы знаем, говорилось Бакуниным и в других случаях.

составил для него руководство в духе чистейшего иезуитизма, выдаваемого за последнее слово науки и международного рабочего движения, и, таким образом, заранее освятил все те недопустимые приемы, с помощью которых ничего прочного, разумеется, создать было нельзя, а можно было только в сильнейшей степени скомпрометировать революционное дело?

Но является ли действительно Бакунин автором «Катехизиса»? В этом не может быть никакого сомнения. И это известно было уже давно. Правда, анархистам это чрезвычайно неприятно, и, например, у В. Черкезова [1]) мы еще в 1915 году встречаем следующие строки: «Самая поразительная нелепость у Драгоманова — печатание возмутительного (!) «Катехизиса» Нечаева среди писем и статей Бакунина под предлогом, что дикие (!) измышления несчастного и малообразованного Нечаева напоминают Бакунина». Правда, Драгоманов («Переписка», стр. 490) ссылается на то, что «юристы процесса [2]) и Н. Утин считают этот «Катехизис» за сочинение Бакунина, который не отрицал этого мнения», и осторожно прибавляет, что «вопрос требует проверки, но в «Катехизисе», во всяком случае, много сходного с писаниями Бакунина». Однако В. Черкезов, в котором южная горячность и ненависть к марксистам перевешивают все остальные духовные способности, попал здесь пальцем в небо и, думая употреблением резких эпитетов «возмутительный», «дикие» и т. п. отговориться от принадлежности «Катехизиса» Бакунину, только неосторожно бросил запоздалым комком грязи в своего любимого учителя, ибо авторство Бакунина в данном случае может почитаться твёрдо установленным.

Если бы у нас даже не было никаких других доказательств, то не говорим внимательное, а просто беглое ознакомление с «Катехизисом» должно было бы убедить всякого добросовестного человека в авторстве Бакунина. Мы уже указывали выше на то, что те немногочисленные писания, которые действительно можно признать принадлежащими Нечаеву и которые были им составлены, главным образом, после разрыва с Бакуниным, не свидетельствуют об особом литературном таланте (об отсутствии такового у Нечаева говорят и его современники). Между тем, «Катехизис» написан с большим

[1]) Участник нечаевского дела, доживший до наших дней. Цитату в тексте мы берем из его предисловия к I тому „Избранных сочинений“ Бакунина, вышедшему в Лондоне в конце 1915 года, стр. XXIII (перепечатано в 1919 году в России).

[2]) В. Спасович, защищавший на процессе нечаевца Кузнецова, определенно намекал на то, что „Катехизис“ принадлежит Бакунину. По его словам, Нечаев был человеком дела, между тем как автором „Катехизиса“ является, несомненно, революционер мысли, теоретик, который у себя в кабинете сочиняет революцию, графит бумагу, делит людей на разряды и т. д., словом, строит чисто отвлеченную теорию. „Я полагаю,—говорил Спасович,—что „Катехизис“ есть эмиграционное сочинение, произведшее на Нечаева известное впечатление и принятое им во многих частях в руководство. Я не смею приписывать его Бакунину, но во всяком случае происхождение его эмиграционное“. Спасович угадал правильно. Но вот вопрос: *гадал ли он, или же среди подсудимых ходили разговоры о действительном авторе „Катехизиса“*? Думать, что Спасович хотел своими словами выгородить Нечаева, не приходится. Ведь Нечаев тогда не был еще арестован и даже находился за границей: выдан он был русскому правительству только в ноябре 1872 г., а Спасович произнес свою речь в июле 1871 г.

талантом, с необыкновенной силой и экспрессией, и притом, несомненно, опытным литератором[1]). Но не просто литератором, а именно Бакуниным. В этом нас убеждает как содержание «Катехизиса», так и форма его и стиль. «Сословно-образованное общество» (§ 5), «обыденность, ежеминутность» и «революционерная страсть» (§ 7), «милым человеком» (§ 8), «не совсем посвященных» и «вполне посвященных» (§ 10 и § 21), «сословный и так называемый образованный мир» (§ 13), «отнюдь не..., ни даже» (§ 16), «государственные честолюбцы» (§ 20), «безфразного» (§ 21), «чернорабочего люда» (§ 22) — ведь все это типично-бакунинские словечки и обороты, бросающиеся в глаза каждому, знакомому с его письмами, сочинениями и писательской манерой. Мы уже не говорим об общем стиле и содержании документа. Достаточно посмотреть на §§ 23 и 24, чтобы сразу безошибочно узнать Бакунина с его анархическими фразами, употребляемыми им с 1865 года. В общем же «Катехизис» по своей анархической программе и способу ее изложения представляет комбинацию и повторение мыслей, содержащихся во всех известных нам писаниях Бакунина, начиная с неаполитанского «Революционного Катехизиса» и кончая изложенными выше прокламациями нечаевского периода. При желании можно было бы добрую половину «Катехизиса» составить из фраз, содержащихся в воззвании к «Молодым Братьям», «Началах революции», «Постановке революционного вопроса» и т. д.

Сам Бакунин впоследствии, видимо, избегал откровенных разговоров о принадлежности ему «Катехизиса» и других анонимных, но, несомненно, им написанных произведений этой поры. По крайней мере, он, хотя и был весьма откровенен с Ралли, с которым познакомился в 1872 году (т.-е. уже после своего разрыва с Нечаевым), никогда, однако, прямо не признавался ему в авторстве «Катехизиса» [2]). О последнем Ралли мог только догадываться. Рассказывая о попытках Бакунина снова создать в 1872 г. русскую ветвь Альянса, Ралли (в сборнике «О минувшем», стр. 335—336) сообщает: «Относительно всех параграфов нашей тайной программы, т.-е. о неимении политической тайны друг от друга, о взаимной прозрачности и искренности, о всех этих романтических и сентиментальных взаимных отношениях на этот раз не было более речи. Напротив, М. А. откровенно на этот раз перешел целиком на сторону таких отношений революционера к товарищам, которые мне прекрасно были известны из старой нечаевской программы, без ее, однако, цинической формулировки: для этого [3]) он был слишком хорошо воспитан-

---

1) Эту сторону вопроса отмечает и Б. Козьмин (цит. соч., стр. 194—195).

2) Замечательно, что и М. Сажину, выручившему увезенные Нечаевым бумаги Бакунина и бывшему в то время его доверенным лицом, Бакунин, видимо, не признался прямо в том, что „Катехизис“ принадлежал ему. Так, по крайней мере, мы понимаем следующие слова Сажина: „При личном свидании с Бакуниным я ему сообщил, что „Катехизис“, писанный его рукой и найденный в бумагах Нечаева, был нами (т.-е. Сажиным, Ралли, Гольстейном и Эльсницем) сожжен. Он отнесся к этому совершенно пассивно, не придавая никакого значения и не разговаривая об этом“ („Воспоминания“, стр. 74).

3) Для чего „для этого“? Для того, чтобы вообще разделять взгляды „Катехизиса“, или для того, чтобы открыто излагать в их личной беседе (а не анонимно)?

ный человек. В заключение нашего разговора М. А. признал нужным задать мне головомойку относительно моего желания организовать освобождение Нечаева при его аресте в Цюрихе [1]), указывая мне на тот факт, что он прекрасно знает обо всем этом моем участии и что именно поэтому и постарался удалить меня тогда из Цюриха, давши мне поручение на другом конце Европы — в Яссах.

«— Когда революционер стремится спасти кого-нибудь из беды, он должен сообразоваться, взвесить пользу, приносимую спасаемым, с одной стороны, а с другой — взвесить ту трату революционных сил, которые нужны для спасения, — заявил мне М. А. — В этом-то ты и виноват перед нами, так как за спасение Нечаева ты готов был тогда пожертвовать столькими, сколькими не имел права жертвовать.

«Формулировка этого обвинения поразила меня своей тождественностью с текстом старой нечаевской программы. Я ясно видел перед собой автора этой программы, которая, конечно, позже была перередактирована по-своему (на семинарский язык) Сергеем Геннадьевичем (т.-е. Нечаевым)... Переубедить Бакунина я не думал, так как это было невозможно мне, молодому человеку 23 лет, не прошедшему через огонь и медные трубы, — путь-дороженька, которая уже давно была пройдена от конца до конца этим застарелым революционером».

Где и когда «перередактировал» Нечаев «Катехизис» Бакунина, да еще на семинарский язык, об этом Ралли не говорит, да и сказать не сможет. Этого не было и не могло быть. Нечаев был перед Бакуниным маленьким человеком, особенно в литературном отношении. На это правильно указывает А. И. Успенская, когда замечает: «Нечаеву было всего 21 год в апреле 1869 года, когда он познакомился с Бакуниным... Он еще меньше мог переубедить Бакунина, чем Ралли, более взрослый, более развитой, посидевший уже 2 года в Петропавловской крепости, побывавший в ссылке и бежавший оттуда за границу».

Впрочем, впечатление, вынесенное Ралли из беседы с Бакуниным, само по себе неубедительно. При желании он мог бы найти более доказательные аргументы в пользу авторства Бакунина. Для нас, знакомых теперь с большинством писаний Бакунина, дело ясно.

Но оказывается, что о принадлежности «Катехизиса» Бакунину знали уже народовольцы. Узнать об этом они могли от самого Нечаева, с которым находились тогда в сношениях через распропагандированных им солдат Петропавловской крепости [2]). Во всяком случае, А. И. Успенская прямо заявляет: «Что программа, читанная на суде, авторство которой приписывалось Нечаеву, была написана Бакуниным (речь идет о «Катехизисе».—*Ю. С.)*, я узнала в первый раз от Перовской, с которой виделась несколько раз по возвращении

---

[1]) Речь идет о попытке отбить Нечаева от швейцарских жандармов после его ареста в 1872 году.

[2]) Хотел ли таким путем Нечаев реабилитировать себя в глазах нового революционного поколения, энергия которого ему импонировала, или сообщил об авторстве Бакунина в чисто информационном порядке, об этом можно только гадать. Судя по приводимым А. Успенской словам С. Перовской, Нечаев сделал это именно в целях своей реабилитации.

из Сибири, в январе и феврале 1881 г. На первом же свидании, при разговоре о Нечаеве, она сказала, что в революционных кругах взгляд на него сильно изменился, что многое[1]) из того, что приписывалось Нечаеву, делали другие, главным образом, Бакунин (курсив мой), написавший программу, за которую так много нападали на Нечаева; эта же программа была распространена Бакуниным в Италии»[2]).

Имеется, наконец, и свидетельство М. Сажина, который в начале 70-х годов стоял очень близко к Бакунину и, в частности, выручал его бумаги, захваченные Нечаевым. Известны два устные его сообщения о принадлежности «Катехизиса» Бакунину: одно, сделанное им в 1904 году Максу Неттлау и оглашенное последним в цитированной выше статье, и другое, сделанное им в 1921 году в Исторической секции Дома Печати в Москве во время обмена мнений по докладу Б. Козьмина о Ткачеве (см. цит. книгу Козьмина, стр. 193). Наконец, в своих «Воспоминаниях», вышедших в 1925 году в Москве, Сажин впервые в печати признал, что автором «Катехизиса» является Бакунин[3]), и рассказал, что он, Сажин, при разборке оставшихся после Нечаева бумаг нашел среди них экземпляр «Катехизиса», целиком-написанный рукою Бакунина. Таким образом, теперь и Неттлау принужден согласиться, что вопрос об авторстве «Катехизиса» надлежит признать разрешенным в смысле принадлежности его Бакунину.

Мы видим, таким образом, что в деле литературной подготовки нечаевского дела Бакунину принадлежала главная, чтобы не сказать—исключительная, роль. Настоящим идеологом «нечаевщины» был вовсе не Нечаев, именем которого окрещено это движение, а Бакунин, попытавшийся впервые применить свои принципы на девственной почве отсталой России.

---

[1]) Это слово наводит на мысль, что Нечаев рассказал народовольцам и о принадлежности Бакунину других анонимных брошюр того периода и статей в № 1 „Народной Расправы“.

[2]) Здесь Перовская, повидимому, ошиблась. Но эти слова показывают, что у народовольцев (вероятно, отчасти тоже со слов Нечаева) имелись кой-какие неопределенные сведения о неаполитанском периоде литературной деятельности Бакунина и в частности о „Революционном Катехизисе“ который по сходству они могли смешать с „Катехизисом революционера“.

[3]) „Революционный катехизис Бакунина“ (стр. 70).

А. В. Шестаков

Восстание в Средней Азии в 1916 г.

(К десятилетию событий)

25 июня 1916 года русским царским правительством был подписан указ о наборе населения окраин, до сих пор не служившего в армии, в особые тыловые дружины для окопных и других работ в помощь действующей армии. По одному Туркестану предполагалось набрать до 200 тыс. человек молодежи из коренного населения. В начале июля 1916 года этот указ был опубликован всеми местными властями. В ответ на него население Туркестана и Степного Края ответило единодушным и бурным протестом. Местами движение проявилось в форме демонстраций, подачи заявлений об отмене набора, об его отсрочке и т. д. Но в ряде районов оно вылилось в стычки с полицией, с войсками, в выступления против сельских властей и, наконец, в вооруженные выступления против полиции и воинских отрядов, в нападения на железную дорогу, телеграф, почту и другие правительственные учреждения. В других местах движение вылилось в форму нападения на поселки русских переселенцев, которые громились и сжигались, население убивалось или уводилось в плен в качестве заложников.

Это крупнейшее из массовых выступлений в Средней Азии охватило район от Красноводска до Бийского уезда, т.-е. нынешние Туркменистан, Узбекистан, Казакстан и часть Сибири.

Отклики движения наблюдались среди калмыков Астраханской губ. и среди отдельных народностей Сев. Кавказа.

Наиболее острые формы движение приняло в сельских местностях, и его ликвидация затянулась до февральской революции 1917 года.

Такова общая картина событий. Почему мы останавливаем на них внимание читателя, какой урок мы считаем возможным извлечь из их изучения?

Прежде всего, мы считаем необходимым подвергнуть критическому разбору некоторые взгляды ряда авторов, исследовавших вопрос о восстании в Средней Азии в 1916 году. Эта критика поможет также установить и социальную значимость данного исторического явления.

Начнем с разбора статей Г. И. Бройдо[1]) и Т. Рыскулова в № 6 «Нового Востока» за 1924 год. В этих статьях авторы держатся того мнения, что восстание туземного населения было спровоцировано представителями царского правительства в целях физического уничтожения «туземцев» и за-

---

[1]) Ответ т. Г. И. Бройдо будет помещен в третьем томе „Историка-Марксиста“.

Редакция.

хвата земель в пользу переселенцев русских и казаков. Эту же мысль подчеркивает Т. Рыскулов и в позднейшей своей работе «Восстание Туземцев Туркестана в 1916 году», вышедшей в 1926 г. [1]). Кроме того, Рыскулов в статье 1924 г. указывал еще, что восстание было спровоцировано царизмом для того, «чтобы на основе подавления захватить еще больше земельные площади» в приграничных районах и с них начать продвижение в Персию, Афганистан и Китай.

Так ли это? Нам кажется, что оба почтенных знатока истории Средней Азии в данном вопросе ошибаются.

Начнем с теории «провокации». Какова была общая обстановка в метрополии и можно ли было царскому правительству в условиях военной разрухи и назревающей революции продолжать свою политику сгона коренного населения с лучших земель в пользу переселенцев-крестьян, в интересах русских помещиков, как об этом заявляет Г. И. Бройдо?

Мы должны определенно заявить, что положение дел в метрополии было таково, что правительство Николая II не могло и думать о такой «провокации». Статистика переселения в годы войны указывает, что оно в этот период времени совершенно сошло на-нет. Каждая пара рабочих рук в метрополии была на учете, и за нее цеплялись и помещики, и фабриканты. К середине 1916 г. всякого рода хозяйственные, военные и политические кризисы в метрополии так осложнили всю политику правящих классов, что вызывать восстание в Ср. Азии для них было бы безумием. Противоположные утверждения Г. И. Бройдо и Т. Рыскулова упираются в ряд возражений: 1) в истории классовых катаклизм не было случаев подобных провокаций в колониях в период военного разгрома и полнейшего хозяйственного и политического развала метрополий, 2) против восстания были «ситцевые империалисты» с московской биржи, требовавшие скорейших мер к обеспечению нормального хода жизни в хлопковых районах, так как Туркестан в то время являлся единственным поставщиком хлопка. Разрушение хлопкового хозяйства вело к раздеванию и без того плохо одетой армии, 3) помещики в поисках за рабочими руками выписывали «желтых» рабочих из Китая, Монголии, требовали обеспечения за ними военнопленных и беженцев... Они могли быть заинтересованы не в провокации восстания, а в выводе из Ср. Азии рабочих для их имений, но для этого были другие пути, чем провокация восстания; 4) восстание произошло не только в Киргизии с преобладающим скотоводческим хозяйством, где больше всего практиковались захваты земель, но и в оседлых земледельческих районах с высокими техническими культурами, где всякого рода передвижка населения могла бы погубить эти культуры; 5) думать, что хорошо знающий Туркестан ген.-губ. Куропаткин не учтет этого обстоятельства, было бы такой же ошибкой, как предполагать, что Куропаткин не предвидел размаха восстания.

По вопросу о колониальных захватах в Афганистане, Персии и т. д., нам кажется, что Т. Рыскулов неправильно приписывает Куропаткину такого рода широкую завоевательскую политику. О захватах в Китае, Пер-

[1]) Очерки революционного движения в Ср. Азии. Сборн. 1926 г., стр. 45—122.

сии и пр. Куропаткин стал говорить не до, а после подавления восстания. Переброска войск в Туркестан была сравнительно невелика, так как заниматься в момент военного краха на главном фронте завоеваниями новых земель было бы такой же глупостью, как и провоцировать восстание.

Таким образом, на этом примере мы видим, как неправильно отвлекать внимание от «общих дел» в метрополии и не считаться с изменениями ее колониальной политики в связи с этими «общими делами».

Следует подчеркнуть еще один неправильный методологический уклон критикуемых авторов. При изучении такого исторического явления, как массовое движение, мы должны определенно ограничить его рамками времени и территории. Мы имеем далее право на некоторого рода статистический метод «наложения» для сравнений и сопоставлений с более или менее одновременными или однотипичными явлениями. Но мы должны быть крайне осторожны в перенесении выводов из небольшого числа фактов на все явления. Между тем, некоторые из авторов по истории восстания в Средней Азии в 1916 г. проделывали такую операцию. Выводы на основании наблюдаемых ими фактов в период упадка движения или его начала и в очень ограниченных территораильно условиях они распространяли на всю страну, где хозяйственная, и социальная структура была совсем иная, чем в том месте, где наблюдение производилось. Такой способ анализа событий применен Г. И. Бройдо [1]) и не может быть признан правильным. Отсюда в значительной мере проистекает и его ошибка в оценке движения, как провокации царского правительства. Наблюдая отдельные моменты расправы с мирными киргизами в Семиречье, Г. И. Бройдо, «ничтоже сумняшеся», заявил, что все восстание киргиз—«провокация».

При изучении массовых выступлений, кроме экономических и социальных, так сказать, причин и поводов движения, приходится учитывать и идеологические надстройки—организованность, сознательность в постановке целей, отражение этих явлений в программах, требованиях и т. д. К сожалению, с этой стороны восстание в 1916 г. в Средней Азии освещено слабее всего, и здесь необходима еще дальнейшая проработка архивов.

Попытка осветить восстание со стороны его «идеологии» сделана А. Миклашевским в его статье «Социальные движения 1916 г. в Туркестане» («Былое», № 27—28, 1924 г.). Но автор увлекся «идеологией», признав роль движущего и чуть ли не решающего фактора в движении за «панисламизмом», чего по существу не было. Не дав более или менее четкого анализа хозяйственных различий в отдельных районах Туркестана, А. Миклашевский не выявил особенностей движения по каждому из них. Затем им не разработан вопрос о методах проникновения и эксплоатации колоний той или иной формой «империалистического» капитала, не освещен вопрос о трансформации отсталых общественных форм в том же Туркестане в их историческом развитии под влиянием капиталистического воздей-

[1]) Г. И. Бройдо. Восстание киргиз в 1916 г. „Новый Восток“ № 6, 1924 г., где наблюдения автора охватывают небольшой район Семиречья и относятся больше к периоду подавления восстания.

ствия со стороны метрополии. В результате работа А. Миклашевского нуждается в ряде коррективов.

В нашем дальнейшем изложении и освещении событий 1916 г. в Средней Азии мы решительно отвергаем выводы упомянутых авторов и, забегая несколько вперед, утверждаем, что в данном случае мы скорее всего имеем пример восстания колониальных народов против ига империалистов, восстания против той дани кровью, которую требовала русская буржуазия в Государственной Думе от народностей Средней Азии.

Мы считаем необходимым изучение этого движения именно под этим углом зрения. Это важно для изучения не только русского империализма. Это имеет прямое отношение к империализму и других стран. Нельзя забывать, что «колонизаторы» не только грабят население колоний, что эти колонии для них не только рынки сбыта товаров и рынки сырья, дешевой рабочей силы и пр. Этого им мало. Колонии для них, кроме того, являются поставщиками пушечного мяса.

Колониальные войска для империалистов—одно из средств обуздания колоний. Эти же войска употребляются ими и в таких случаях, как массовые бойни, вроде войны 1914—1918 г.г., ими же они «оккупируют» те или иные «зоны», эти же войска из туземцев колоний являются орудием империалистов для подавления классовой борьбы пролетариата и крестьянства. Проблема о колониальных армиях в руках империалистов еще ждет своего исследователя.

На примере событий 1916 г., когда в рядах русской армии уже были колониальные войска («дикая дивизия», «Текинский полк» и др.), мы видим, как реагируют массы колониальных народов на эти призывы дани кровью, как осторожно вынуждены были действовать империалистические хищники России в своей погоне за «человеческим мясом».

В заседании от 13 декабря 1916 года русская буржуазия в лице прогрессистов, выдвинувших запрос о событиях в Туркестане, заявила: «Гос. Дума неоднократно указывала правительству на ненормальность того положения, при котором инородцы Средней Азии и Кавказа не несут воинской повинности... Государственная Дума требовала, чтобы в эту войну и инородцы, наравне со всеми гражданами русского государства, несли тяжелую и почетную повинность крови»... Гос. Дума выразила свое неудовольствие издыхающему царизму по поводу того, что он не справился с мобилизацией в Средней Азии даже в такой форме, как набор в тыловые дружины. Думские заправилы из «прогрессивного блока», однако, не учитывали сложности обстановки военного набора среди мусульманского населения, все симпатии которого были на стороне Турции, вся ненависть которого была сосредоточена на хищной своре эксплоататоров края. Начиная с переселенческих учреждений, отбиравших землю и у оседлых земледельцев-киргиз, и у кочевников-скотоводов, и кончая целой системой кабальных отношений в хлопководном хозяйстве Ср. Азии, где росли нищета и разорение, с одной стороны, где вырастали богатейшие банки и конторы по скупке хлопка—с другой,—во всей обстановке разлагающихся родовых и феодаль-

ных отношений под воздействием торгового и финансового капитала царские власти считали возможным проводить «набор» лишь постепенно. Население, выступая против набора в тыловые дружины, прекрасно понимало, что это лишь первый шаг для мобилизации в боевые части. Конфликт и разгорелся именно на этой почве. Туземное население к нему было подготовлено, конечно, всей системой эксплоатации края. Набор же был тем трагическим моментом, когда восстание прорвалось огромным стихийным взрывом и выявило огромное напряжение ненависти угнетенных народов.

Все это должно быть учтено и взвешено. Подобные конфликты с угнетателями всегда возможны в тех или иных местах земного шара, особенно теперь, при быстро растущем сознании масс колониальных народов. Изучение событий 1916 г. в Средней Азии имеет, таким образом, помимо всего прочего, еще и специфический интерес «использования опыта». При дальнейшем изучении фактического материала мы будем все время иметь в виду и эту «целевую установку». Она связывает нашу работу с задачами современности, она в значительной степени «осмысливает» труд историка-ленинца.

А теперь мы переходим к самому исследованию событий, при чем необходимо отметить, что наша работа в значительной мере основана на материалах департамента полиции и некоторых документах из архивных фондов г. Ташкента.

Восстание в узбекских районах

К 1916 г. области, входившие в состав теперешнего Узбекистана, значительно отличались от всех других районов Туркестана по быстрому развитию в них технических культур и в первую очередь посевов хлопка. На первом месте—Ферганская область—один из главных центров восстания 1916 года. Из других районов восстания следует отметить Ташкент и Чимкентский у., бывшей Сыр-Дарьинской области. В соседней Самаркандской обл. движение наблюдалось опять-таки сильнее всего в районах интенсивного сельского хозяйства—Котта, Курган (хлопок), Самарканд, Джизак (виноградарство, садоводство и др. посевы на поливных землях). Таким образом, здесь движение в своей экономике упиралось в те общественные отношения, которые создались в 1916 г., главным образом, на почве развития хлопкового хозяйства. В развитии хлопководства в Туркестане был в первую очередь заинтересован «ситцевый империализм» текстильных фабрикантов. По его настоянию всеми мерами форсировалось расширение площади посевов хлопка даже в ущерб производству хлеба, которого часто нехватало на этой окраине из-за занятия земель под культуру хлопка. В годы войны площадь посевов хлопка возросла с 567 тыс. десятин в 1914 г. до 714 тыс. дес. в 1916 г. [1]). В рекордный год хлопководства Туркестана—1915—текстильщикам удалось получить с этой окраины до 20½ млн. пудов хлопка. В 1916 году из-за плохого урожая сбор волокна понизился, не-

[1]) „Сел. хоз. России в XX в.“ стр. 203. Мы берем общие цифры всего б. Туркестана, так как для нас здесь важны не абсолютные цифры, а динамика хозяйственного процесса.

смотря на расширение площади посевов, до 15 млн пудов. Параллельно с этим площадь посевов хлебов естественно сокращалась, несмотря на явно обнаруживавшийся недостаток из-за неурожая и из-за слабого подвоза хлеба из России и Сибири. Над хлопководами-декханами властвовал банковский капитал метрополии, который создал целую сеть эксплоатации в виде тучи агентов, раздававших декханам задатки под будущий урожай хлопка и на почве этой задолженности державших хлопководов в кабале и зависимости. В крае происходила быстрая дифференциация населения, осложнявшаяся системой испольщины и других феодальных пережитков. Свыше 60% хозяйств велось наемными рабочими с натуральной оплатой их труда, частью из $^1/_3$—$^1/_4$ доли урожая. Кулаческие элементы деревни, по мере роста хлопковых площадей, всеми мерами обезземеливали бедноту. Огромная масса декханства попадала в безвыходное положение и превращалась в кабальных «каранда» и «чайрикеров». Интересы баев тесно увязывались с хищнической экспоатацией края русским капиталом и его агентом—русской администрацией.

Число рабочих в фабрично-заводских заведениях в указанных трех областях едва превышало 20 тыс., при чем большая половина из них была занята на хлопкоочистительных заводах, раскиданных по разным районам и с общим числом рабочих на каждом около 40 чел. Большинство рабочих вербовалось из местных бедняков-декхан, тесно связанных с общей массой кишлачного населения, задавленного баями и духовенством. Среди них к 1916 г. еще не успели созреть ни классовое сознание, ни политическое понимание событий. Но все же эти небольшие группы рабочих вместе с батрачеством и кишлачной беднотой явились в хлопковых центрах наиболее активной силой в восстании.

Участие состоятельных групп населения в восстании 1916 года в областях теперешнего Узбекистана, по имевшимся в нашем распоряжении материалам, выявляется очень слабо.

Заинтересованные в своевременной уборке урожая хлопка и других культур ростовщики-баи и купцы в ряде случаев просили администрацию об отсрочке набора в тыловые дружины. Многие из них возбуждали ходатайства о замене повинности «крови» денежной повинностью, так как набор угрожал им потерей возможности получения долгов с мобилизованных и доли урожая, которая с них причиталась. Кроме того, такая замена освобождала бы и их сыновей от мобилизации. Администрация в этом последнем шла им навстречу, и в конце июля 1916 г. было издано распоряжение о праве призываемого откупаться от мобилизации, нанимая за себя другого, который должен итти, как мобилизованный. Этим возрождалась система старой русской рекрутчины.

Чтобы полнее выявить отношение социальных групп населения хлопковых районов к восстанию 1916 г., дадим краткую справку о ходе событий и отметим в них некоторые наиболее характерные моменты.

Но прежде два слова о предшествовавших событиям 1916 г. явлениях социального брожения в массах.

Т. И. Хидыралиев в «Правде» (от 30 VII 1924 г.) красочно описывает нарастание событий.

«От кишлака к кишлаку, меж хлопчатниками и рисовыми полями, тряслись на таратайках, метались верхами на бойких степных лошадях царские пристава и полицейские, присматривались, прислушивались, искали крамолу и измену,—не находили, потому что глубоко, в тайниках сердец схоронили темные, забитые, обворовываемые и ограбляемые массы смутную надежду:

— А ведь, может быть, освобождение несет гермон [1]) нашей земле. Может быть, станет свободной наша в конец измученная долина!..».

Далее описывается мобилизация лошадей, всякого рода поборы под видом «добровольных пожертвований», сопровождаемые арестами избиениями. Били и арестовывали по подозрению в сочувствии Турции, за старое, сдаваемое в порядке реквизиции седло, на котором, будто бы, «не будет сидеть русский солдат и офицер, потому что на нем ездил поганый мусульманин», били за вопрос: «Когда кончится война?».

«К шестнадцатому году,—рассказывает тов. И. Хидыралиев,—цены на хлопок были «нормированы» [2]), цены на предметы первой необходимости выросли неимоверно; мобилизации лошадей следовали одна за другой; в горах находили трупы декхан, умерших от голода; по ночам на кишлаки налетали банды кулацких сыновей, грабежи и насилия творились открыто и безнаказанно... Число декхан, разорившихся от поборов, мобилизаций, кабальной зависимости, достигает нескольких сот тысяч. По краю бродят, выпрашивая милостыню, погибая от голода и эпидемий, толпы нищих. Над родиной хлопка носится призрак кровавых восстаний...».

Хлеба вследствие засухи дали пониженный сбор, в особенности в Сыр-Дарьинской области, зачинщице восстания.

По материалам бывш. департамента полиции, на основании которых дается дальнейшее изложение, видно, что в некоторых хлопковых районах еще в 1915 году туркестанским охранным отделением были обнаружены следы революционной агитации. Экономический развал края вызывал и соответствующие политические отклики. Так, в сентябре 1915 года в Андижанском уезде были обнаружены гектографированные прокламации, написанные на туземном языке, в которых указывалось на своевременность освобождения от русской власти, и население призывалось к поддержке Турции путем вступления в ряды ее армии и сбора пожертвований на нужды войны с Россией.

О такой же помощи Турции говорилось и в другом таком же воззвании, обнаруженном полицией в Фергане в 1915 году.

Но такого рода призывы были сравнительно немногочисленны. Охранное отделение в своих донесениях подчеркивает, что в общем местная

---

1) Германия.

2) 30 р. пуд хлопка франко промышленный район и 6 р. 50 к. — 7 р. 75 к. сырец „разочаровали производителей“, как об этом осторожно говорит официальный источник (1916 г. в с.-х. отношении, 225 стр.).

интеллигенция: прогрессивисты, новометодники и учащиеся стоят на стороне России. Широкая масса населения не смогла выдвинуть из своей среды нужных ей руководителей, которые помогли бы разобраться в создавшемся положении, дать нужные лозунги, организовать движение. Нужен был внешний толчок, который и явился в виде царского указа от 25 июня 1916 года о мобилизации на тыловые работы в действующих армиях.

По «краткому обозрению событий» исполняющего должность ген. квартирмейстера подполковника Маккавеева [1]), «первые дни по всеобщем оповещении туземцев (о мобилизации) протекли при наружном спокойствии населения, но все же среди них было заметно глухое брожение: опустели базары, сборища для вечерних увеселений во время бывшего тогда мусульманского поста почти прекратились, масса народа собиралась лишь на молитвы в мечети...; появились признаки общей согласованности между главными центрами мусульманства в крае, и возникли даже слухи о предстоящем будто бы 18 июля [2]) общем восстании мусульман в первый день праздника Айди-Фитр. Должностные и почетные лица из туземцев хотя и признавали необходимость приступить к наряду рабочих, но не скрывали, что население волнуется и относится враждебно к требованиям о наряде; было заявлено несколько ходатайств о замене натуральной повинности денежной... Состоятельные туземцы Ташкента и Самарканда стали на случай беспорядков вывозить свои семьи из города и прятать наиболее ценные вещи в садах и окрестностях. По сведениям политического агента в Бухаре, 7 июля из Самарканда выехали в Афганистан посланцы с просьбой о помощи...».

Первое выступление, по данным Маккавеева, произошло 4 июня [3]) в Ходженте, где большая толпа напала на караульную команду, пытаясь отобрать у нее оружие. В толпу было произведено 15 выстрелов, и она «рассеялась».

7 июля отмечено убийство толпой в селении Дагбит, Самаркандского уезда, волостного управителя, писаря и джигита, с уничтожением волостных списков лиц, намеченных к мобилизации. 9 июля выступили г. Коканд, где движение продолжалось 3 дня, и г. Андижан. В андижанскую молодежь—учеников медрессе — устроивших демонстрацию против набора, войска стреляли и 10 человек тяжело ранили. Это вызвало всеобщее возмущение, и толпа вступила в схватку с полицией и казаками, бросая в них камни и палки. 1 казак и несколько чинов полиции были ранены. «Огнем казачьей команды ранено также 12 туземцев», сообщает официальный документ. Движение разрасталось и захватило и уезды. В ряде селений были

---

1) Туркестанский архивный фонд (в Ташкенте).

2) Всюду даты старого стиля.

3) Интересно отметить, что приказ о наборе в тыловые дружины по краю был опубликован 8 июля 1916 г., меж тем как вспышки движения начались раньше, что указывает на осведомленность населения о царском указе от 25 июня до местного приказа. Это обстоятельство косвенно указывает, что население Туркестана внимательно следило за указами из Петрограда, и этим самым опровергается мысль о полном политическом индифферентизме масс (см. у Г. И. Бройдо — „Нов. Вост." № 6, 1924, стр. 434).

убиты волостные управители, писаря, джигиты, сожжены дома старшин. В кишлаке Гази-Яглы войсками было арестовано 328 чел. 11 июля движение захватило Ташкент и ряд других городов и уездов Ферганской области.

В старом городе Ташкенте толпа напала на полицейское управление, произошла стычка с полицией, в результате которой 4 человека было убито и 6 ранено. В помощь полиции пришлось вызвать ташкентский гарнизон, который и «рассеял бунтовщиков». На другой день к генерал-губернатору явились должностные и почетные лица от туземцев с из'явлением «полной покорности». В тот же день произошла кровавая расправа с толпой в гор. Намангане, где было убито 12 и ранено 38 туземцев. В соседнем г. Старом Маргелане во время беспорядков, продолжавшихся 2 дня, «толпою убиты 1 русский стражник, 1 туземец-полицейский, 2 аксакала и 4 туземца». В Скобелевском уезде толпа убила народного судью, жену волостного управителя, «дом которого был разграблен», и т. д. Движение всюду сопровождалось вызовом воинских частей, арестами и избиениями вплоть до расстрелов безоружных толп.

К 13 июля движение охватило всю Фергану. Власти перетрусили. Военный губернатор Ферганы ген. Гиппиус 13 июля переоделся в халат и чалму и в Намангане выступил перед толпою с кораном в руках, вычитывая из него соответствующие случаю изречения и целуя «священную» книгу. Ссылаясь на коран, он говорил, что в «этой святой книге сказано о необходимости помогать белому царю в войне с немцами». По документам охранного отделения этот маскарад губернатора будто бы произвел на население сильное впечатление.

Ген. Гиппиус, однако, видел, что на одном коране, пожалуй, далеко не уедешь и 16 июля об'явил отсрочку исполнения указа до 15 сентября с тем, чтобы население могло управиться с полевыми работами. Он вынуждался к этому еще и давлением со стороны московского биржевого комитета, указывавшего на необходимость принятия мер к спасению урожая хлопка. Ген. Гиппиус послал биржевому комитету телеграмму следующего содержания:

«Вследствие об'явления Туркестанского военного округа на военном положении, прошу успокоить торговопромышленный класс относительно состояния Ферганской области: вспышка беспорядков, вызванная превратным толкованием высочайшего повеления о наборе рабочих, быстро, под влиянием моих устных и печатных раз'яснений, потухает, жизнь входит в обычную норму, и я вскоре войду с ходатайством о снятии с Ферганской обл. военного положения».

Но военное положение, введенное во всех областях Туркестана по распоряжению ген.-губернатора Куропаткина, снять оказалось не так просто. Положение с хлопковыми операциями затруднялось добавочными распоряжениями о введении особого контроля над передвижением по железным дорогам грузов и людей. Военные власти перевернули всю хозяйственную систему района вверх ногами. Банки и фирмы прекратили в Фергане выдачу задатков, обычную перед очередной окучкой хлопка. Это угро-

жало не только реализации урожая хлопка текущего года, но срывало кампанию и для последующего.

Ген. Гиппиус в контакте с московским биржевым комитетом 3 раза возбуждал ходатайства об отмене военного положения на железных дорогах, о зачислении хлопкового района Ферганы в последнюю очередь при наборе рабочих. Но так как восстание не падало, а развертывалось, его заявления успеха не имели, и дело кончилось тем, что ген. Гиппиусу было предложено подать в отставку, как не сумевшему проявить «твердости власти».

Впрочем попутно нажимались и другие кнопки, что видно из следующей секретной телеграммы дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе:

«Ген.-губернатор вполне одобряет мысль использовать Ишана-Сияха путем обращения им воззвания к мюридам Ферганы и прочих областей края. Можно дать понять Ишану, что лойяльное его отношение к нашим государственным интересам не останется неотмеченным».

Подкуп духовного главы мусульман также был пущен в ход.

Это приходилось делать, так как от демонстраций и мелких стычек с полицией и войсками движение переходило в более резкие формы.

Подполковник Маккавеев особо выделяет события в г. Джизаке и его уезде, называя их формой «открытого восстания». Вот как он их описывает в своем обзоре:

«Джизакское восстание началось 13 июля. Накануне в туземную часть города Джизака были вызваны выборные от общества для составления списков рабочих. На это собрание явился только что прибывший из Ташкента влиятельный ишан Назыр Ходжа и сообщил присутствовавшим о беспорядках в Ташкенте, уверяя что Ташкент решил восстать и не давать рабочих. 13 июля уездный начальник и пристав с джигитами отправились в туземный Джизак, где толпа набросилась на приехавших и зверски всех убила, после чего направилась в русский город, но, встреченная залпами караульной команды, бежала к железнодорожному пути. Здесь под руководством примкнувших к толпе ремонтных рабочих-туземцев стала разрушать путь, мосты и телеграфные провода по направлению к ст. Ломакино. Был испорчен весь путь на перегоне Джиза-Обручево, на протяжении 65 верст. Бунтовщиками были убиты 13 железнодорожников-служащих и совершено нападение на поезд. Русское население Джизака укрылось в крепость».

По получении известия о происшедшем в Джизаке, восстали узбеки долины р. Санзара, Зааминского и Богданского районов. В последнем был провозглашен ханом туземец Абдурахман Дживачи, призывавший население, судя по найденным впоследствии его письмам, к об'явлению священной войны. Образовались значительные, хотя и плохо вооруженные, шайки, об'единенные желанием открытой силой воспротивиться набору рабочих, а при удаче и совсем освободиться от подчинения русской власти. Как вскоре

выяснилось, бунтовщики, под влиянием агитаторов, надеялись на помощь Афганистана и Германии. В Зааминском участке во главе движения стал ишан Касым Ходжа, об'явивший «газават».

Жертвами этого восстания, кроме убитых в Джизаке и его окрестностях, явились Зааминский пристав, русское население Заамина, лесная стража Зааминского лесничества и партия статистиков министерства земледелия. Всего по Джизакскому уезду погибло от рук мятежников 83 человека, 20 человек оказались ранеными, и, сверх того, было захвачено и уведено в неволю до 70 человек.

По получении известия о Джизакском восстании, из Ташкента и Самарканда были немедленно высланы в Джизакский уезд войска в составе 13 рот, 6 орудий, 3 сотен казаков и ¾ роты саперов, из которых был сформирован особый карательно-охранительный отряд. При пехотных частях образованы были большие конные команды, для которых лошади с седлами добывались путем реквизиции.

Часть этого отряда заняла для охраны участок вдоль пути от ст. Малютино до ст. Урсатьевской, оставив небольшой гарнизон в Джизаке, а другая часть образовала пять подвижных колонн для рассеивания и наказания бунтовщиков. К 16 июля железнодорожный путь и телеграфное сообщение во всем Джизакском уезде были восстановлены, а с 16 июля началось сообщение между Джизаком и Ташкентом, хотя утром того же числа на перегоне между Ломакино—Джизак при следовании почтового поезда была перестрелка с шайками туземцев, и поезд два раза останавливался. Близ ст. Урсатьевской одновременно было произведено покушение на порчу полотна железной дороги. Ближайшее к железнодорожному пути мятежное селение Заамин было занято нашим отрядом, а скопившаяся в окрестностях Джизака, в горах Балыкты, тысячная шайка мятежников рассеяна высланными из Джизака казаками. Для преследования укрывшихся в горах бунтовщиков были высланы три колонны, которые рассеяли их скопища и привели к покорности население, выдавшее главарей и согласившееся выставить рабочих. 26 и 27 июля мятеж был окончательно подавлен.

Из всего отряда полк. Иванова [1]) мятежниками были захвачены и убиты 1 казак и один ратник, 1 казак был ранен.

Надежды, возлагавшиеся на помощь Афганистана, сочувствие и поддержку единоверной Бухары, не оправдались. Как Бухарское правительство, так и **крупное купечество Бухары**, всеми мерами препятствовали развитию восстания. Быстрая перегруппировка войск, принявших под охрану русские поселения и железные дороги, решительный отпор, данный отдельным бунтовщическим выступлениям, и сильное впечатление от разгрома активно выступивших скопищ джизакских мятежников отрезвили население края и внесли «успокоение».

Восстание одновременно с Джизакским перекинулось в Катта-Курганский район, где были убиты волостные управители, народные судьи, являвшиеся сторонниками сдачи рабочих в набор. В г. Катта-Курган 21 июля

[1]) Военный министр Колчака в Сибири в 1918 г.

пятидесятники отказались составлять списки рабочих. Военные власти приказали арестовать наиболее влиятельных туземцев. Всего было взято заложниками 91 чел., при чем при аресте произошла перестрелка с войсками, после которой оказались убитые и раненые со стороны восставших.

К концу июля почти во всех крупных центрах хлопководства теперешнего Узбекистана восстание было подавлено, и начался набор рабочих.

Как видно из краткого описания событий, действующими лицами в них оказалась широкая масса как городского, так и сельского населения. За небольшими исключениями, верхи туземной буржуазии вели политику подчинения правительству, и мы видим их в первых рядах исполнителей распоряжений власти, на ряду с волостными управителями, крупными земельными владельцами и эксплоататорами масс декханства, которых население убивало без всякой пощады. Городская торговая буржуазия и духовенство, выступая перед властями от имени масс, дают торжественные клятвы подчиняться приказам властей, устраивают торжественные патриотические богослужения и т. п. вплоть до целования сапог местных сатрапов.

Отмеченные выше случаи вовлечения в восстание Джизакского ишана и одного из влиятельных землевладельцев Богданского района свидетельствуют, что восстание поднималось так высоко, что эти представители остатков феодализма, примыкая к движению, видели в нем возможность возврата к старым формам общественности и, боясь потерять влияние на массы, спешили стать во главе их. Но таких случаев, как мы видели, в хлопководных центрах района было очень мало. По свидетельству андижанского уездного начальника, наблюдался явственный отход масс от состоятельных слоев, резко подчеркивавших в период восстания свое «патриотическое» настроение. А. Миклашевский приводит следующую выдержку из одного доклада ферганскому губернатору: «Почтенные туземцы, которые когда-то пользовались большим влиянием на народ, теперь это влияние утратили настолько, что открыто боятся даже говорить с народом на темы о призыве рабочих...» [1]). Эту политику верхов массы учли в дальнейшем ходе революции 1917 г., и для классового сознания масс это обстоятельство имело немаловажное значение. «Измена верхов», их продажность в событиях 1916 г. стала очевидной для всякого декхана и городского ремесленника.

Затем следует отметить факт активного участия в востании туземцев железнодорожных рабочих, разрушавших пути сообщения (Джизакское восстание).

Восстание в киргизских районах

Если рассмотреть карту пунктов, где произошли наиболее крупные и длительные выступления киргизского населения в 1916 г., то прежде всего бросается в глаза, что эти выступления связываются с железнодорожной линией от Чикмента до Семипалатинска [2]). Это не случайно и об'ясняется

---

[1]) А. Миклашевский. Социальные движения 1916 г. в Туркестане. „Былое“ № 27—28, 1925 г., стр. 258.

[2]) Часть ж.-д. линии достраивалась.

тем, что в полосе влияния железной дороги на прилегающие к ней районы шла наиболее интенсивная борьба оседлого земледелия с кочевым. Реально эта борьба выражалась в захвате киргизских земель в пользу переселенцев, главным образом, русских и украинцев. Земли отнимались у киргиз-кочевников также и в пользу казаков, этого оплота колонизаторов в Средней Азии. Экспроприация киргизских земель, не только служивших, как пастбище для скота, но и земель, где вводилось самими киргизами земледелие, велась царской властью самым беззастенчивым образом. По данным депутата I Гос. Думы Т. Седельникова [1]) «за 14 лет существования временных партий по образованию переселенческих участков в степных областях у киргиз фактически было изъято около 3½ млн. дес.».

«Колонизационной политикой,—говорит тов. Сафаров,—русский царизм задержал переход киргиз в оседлое состояние. Он буквально выбросил их в пустыню, устроил для них из пустынных пространств и гор «черту киргизской оседлости» и создал из их разорения выгодную статью дохода для русских переселенцев и казаков [2]). Из 31 млн. дес. пригодной для сельского хозяйства земли в одной только Семиреченской обл. к 1913 г. было захвачено у киргиз 4.193.520 дес., при чем «это земли по преимуществу культурные или пригодные для культуры без особо дорогих мелиораций, в пользовании же киргиз остались преимущественно полупустынные степные пространства и горы» [3]).

«Русское переселенческое крестьянство, — рассказывает тов. Т. Рыскулов [4]),—к 1916 г. обладало большей частью поливной земли и являлось господствовавшей частью населения. Вода, захваченная переселенцами, также служила в их руках орудием закабаления. Бедняк-киргиз превращался в вечно задолженного батрака у казака, переселенца, крестьянина или же у своего же богатого киргиза.

Беднота росла очень быстро. К 1910 г., по данным А. Букейханова [5]), бедняцкий слой киргизского населения исчислялся в 60,52%, а число богатеев определялось в 21,95%.

Киргизы, как могли, протестовали против этой политики царизма. В 1906 г. в Петропавловском уезде произошли памятные вооруженные столкновения киргиз с переселенцами. С обеих сторон оказались убитые и раненые. Киргизы боролись за свою землю. В том же 1906 г. их верхушечные слои внесли к программе конституционно-демократической партии, к которой они примыкали, следующее весьма характерное добавление: «В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью по переселению на них русских, мужиков должны быть

---

[1]) Борьба за землю в Киргизской степи. СПБ. 1907 г.

[2]) Г. Сафаров. Колониальная революция (опыт Туркестана). Стр. 44.

[3]) Там же.

[4]) Очерки рев. дв. в Ср. Азии. Стр. 90.

[5]) Формы нац. движ. в современном государстве. Ред. Костеляневого, стр. 580.

отменены, уничтожены. Без позволения самих киргиз русские не должны отбирать землю ни во временное пользование, ни на вечность» [1]).

Но такого рода заявления, как и выступления киргизских депутатов в Государственной Думе, протестовавших против захватнической политики царизма, были «гласом вопиющего в пустыне». По закону 3/VI 1907 г. $4^1/_2$ млн. киргиз были лишены права посылки депутата в Государственную Думу как «неблагонадежные». Годы войны очень тяжело отразились на сельском хозяйстве киргиз как скотоводов, так и земледельцев. Так, по официальным данным «в Среднеазиатских областях площадь посева озимых хлебов еще в 1915 г. подверглась весьма сильному сокращению, в отдельных нередких случаях определяемому в $^1/_3$, $^1/_2$ и даже до $^2/_3$ ее обычных размеров» [2]). Несколько лучше обстояло дело с посевами яровых хлебов, но неурожай 1915 г. для всего этого района в значительной степени ухудшил положение населения. Огромный недород 1916 г. в Оренбургской, Тургайской и Уральской областях также обострил вопрос о продовольствии в крае, тем более, что и в Акмолинской и Семипалатинской губ. урожай был ниже среднего.

Выкачка киргизского скота для нужд армии чрезвычайно усилилась с 1915 г. и в 1916 г.; с этой стороны положение населения значительно ухудшилось. Таким образом на общем фоне разорения киргизских масс происходило дальнейшее ухудшение, обусловливаемое войной. Все это было связано, как и в других районах Средней Азии, с постоянно увеличивающимися вымогательствами «пожертвований» для армии, разного рода поборами и налогами, шедшими в карманы администрации русской и туземной. Набор в тыловые дружины рабочих явился искрой, брошенной в пороховой погреб недовольства широких масс. Восстание 1916 г. среди киргизских масс началось в различных пунктах Киргизии в начале и в середине июля, т.-е. почти одновременно с начавшимся движением в Узбекистане. Так, еще 8 июля киргизами был избит волостной управитель в Уральском уезде. Затем в Лбищенском уезде произошло столкновение киргиз с казаками из-за избиения одного из туземцев.

Кроме этих случаев, отдельные вспышки волнений против набора в тыловые дружины за 14 июля отмечены в официальных донесениях по Тургайскому и Петропавловскому уездам и Зайсанскому району. Во второй половине июля события участились и охватили ряд пунктов той же Тургайской области, в районе Уральского уезда и Темира и некоторых селений Акмолинской области, где между прочим агентами полиции был отобран красный флаг с полумесяцем, который несла толпа восставших киргиз. В конце июля началось крупное движение в районе Баян-аул и, наконец, в Семиреченской (Джетысуйской) области в районе Верного, при чем последнее движение приняло весьма резкие формы.

Некоторые детали о движении в Степном крае заимствуем из данных департамента полиции.

---

[1]) Т. Седельников. „Борьба за землю в киргизской степи", стр. 61.

[2]) „1915 г. в с.-х. отношении"... вып. V, стр. VI.

Так, в Коробolинской волости, Тургайской области, 14 июля восставшие киргизы убили управителя, сожгли все канцелярии управителя и аульных старшин. В Актюбинском уезде 300 вооруженных туземцев ограбили почту и пассажирский автомобиль. По Тургайской области отмечены за 28 июля огромное скопление киргиз (до 15 тыс.) вблизи Ташкентской ж. д., высылка войск для их «рассеяния» и «пассивное» неподчинение властям по всем уездам (телеграмма директору департамента полиции от 30 июля); 13 же августа произошло столкновение киргиз с отрядом войск в Дамбарской волости, где был убит один из киргиз.

Из Петропавловского уезда за 14 июля доносили, что киргизы грозят русским поселенцам сжечь их села и посевы. Были случаи нападения на полях на женщин, которых якобы раздевали догола, рвали одежду и голыми отпускали домой. Особенно возмущались киргизы тем, что «у них взяли массу лошадей на войну, а кроме того хотят еще и людей забирать».

Местные власти Акмолинской области сообщали в Петроград: «21/VIII—киргизы ведут себя крайне вызывающе, ездят только большими партиями, угрожают населению русских поселков выжечь и вырезать отовсюду и в особенности из крайних новых поселков. Защищаться русские не могут, так как мужчины взяты на войну. На работавших в поле русских киргизы нападали и отнимали весь рабочий скот, машины, брички, упряжь... Вместо обычных 25—40 кибиток киргизы стали группироваться по 300—400 кибиток. Около озера Кургаладжина киргиз скопилось до 15 тыс.».

Несомненно, что движение очень быстро разросталось в связи с вызывающим поведением русских властей. В этом отношении характерна телеграмма одного интеллигентного киргиза военному министру.

«26/VII 1916 г. в Баяне были собраны киргизы уездным начальником Каменьщиковым для об'яснения и раз'яснения высочайшего повеления. При раз'яснении население избито казаками по приказанию Каменьщикова, есаула Шестакова, пристава Лоскутова; есть аресты. Дамы в обмороке, население 10 волостей в ужасе—от раз'яснения, перепугано. Прошу расследовать. Киргиз Карамолинец Нурджанов».

В эти же дни впервые в Степном крае поднимается восстание киргиз против русского населения.

Один из старост доносил: «В окружности нашего поселка собралась масса киргиз, которые сторожей разогнали, собак поубивали, бахчи и хлеб травят и предлагают примкнуть к их восстанию, угрожая, что иначе мы вас всех разобьем и истребим».

Священник М. Угниненко доносил Атбасарскому уездному начальнику о готовящемся восстании киргиз и предлагал доставить в Атбасар побольше оружия и вооружения или казаков. «Мобилизацию,—писал он,—задержите дня на два для того, чтобы за это время секретно уведомить жителей отдаленных поселков».

Губернатор Масальский распорядился не пропускать «бунтовщикам» арбакешей с мукой до полного усмирения.

Степной генерал-губернатор Сухомлинов одобрил предложение Масальского—заморить киргиз голодом. Требования последних были: «отсрочить набор в дружины до апреля 1917 г., иначе и мы, и скот наш погибнут».

Отсрочка набора до 15/IX для уборки покосов и посевов подействовали благотворно, движение как будто стало затихать, но к концу сентября оно опять приняло угрожающие размеры. Начались карательные экспедиции и кровавые усмирения.

25 октября в Акмолинском уезде произошла массовая порубка в Кендерлинской лесной даче, где киргизы «беспощадно» вырубили лес. Вооруженные самодельными пиками, киргизы, увидав казаков, вскочив на лошадей, бросились на них, но встреченные ружейным огнем отступили врассыпную. Убито киргиз 42 чел., число раненых неизвестно. Преследуя убегавших, казачий раз'езд наткнулся в ауле Акийракульской вол. на скопище вооруженных киргиз и перерубил здесь еще до 20 чел. «бунтовщиков».

О том же факте военные власти сообщали—«в Омском военном округе у с. Алексеевского при разгоне киргиз из леса убито более 100 чел. киргиз. В верховьях Терсакана отряд сжег 20 аулов и 30 чел. убил, ниже сжег 18 зимовок и убил 10 киргиз.

Атбасарский отряд 29 октября убил еще 50 киргиз, кроме того много убитых и раненых увезено восставшими. Сожжено 20 зимовок и становище в 70 кошей».

17 ноября продолжался разгром Атбасарского района. Из Омска директору департамента полиции сообщали, что снова убито 50 киргиз, потом еще 28, ограблен киргизский обоз с продовольствием из 40 арб. На участке Шопан произошло целое сражение—пострадали и солдаты, и киргизы, при чем последних было убито 20 человек.

Далее в телеграммах департамента полиции отмечены следующие факты: 23/XI в Акмолинском районе убито 35 киргиз. «Беспорядки» закончились здесь около 30/XI 1916 г. В Семипалатинской области киргизское восстание тянулось почти полгода. Вот характерные даты по тем же телеграммам: 14/VII — беспорядки в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах. 16/VII—развитие беспорядков в Зайсанском уезде. Убиты волостные управители. Киргизы уходят за границу (в Китай). 25/VIII—в Семипалатинском уезде совершено нападение на стражника. Сборище у о. Балык-Тыкуль. 7/VIII—волнения в Павлодарском уезде. 13/VIII охвачено волнением 5 уездов. Три случая столкновения с казаками. С 15/VIII—18/VIII—выражение киргизами покорности. Часть бежит в Китай. 29/VIII—киргизы в Павлодарском и Каркаралинском уездах травят хлеб, угоняют скот и угрожают разгромить поселки. 12—13/IX—в Павлодарском уезде у завода Эккибастус огромное скопище киргиз. Из Зайсанского уезда переходят в Китай, настроение всюду приподнятое. 25/IX—в южной части Павлодарского уезда замечено усиление киргизских волнений. Павлодарская полу-

сотня окружена киргизами в числе 4.000. Дано 5 залпов. Число раненых киргиз не выяснено. Кругом Барнаула киргизы начали поджоги лесов и сена. В Усть-Каменогорском районе усиление волнений. Киргизы южных уездов, не подчинившиеся требованию призыва, продвигаются к китайской границе в Зайсанском районе.

10/I 1917 г. в Зайсанском районе беспорядки среди киргиз прекращены. Начало сбора среди рабочих назначено на 15/I 1917 г.

В январе 1917 г. среди бежавших в Китай киргиз, русских подданных, начался тиф.

В Томской губернии движение киргиз отмечено по Бийскому уезду с 27 июля, при чем оно выразилось в массовой перекочевке со стадами в Монголию. Чтобы задержать этот поток эмиграции, были посланы войска, встреченные на границе Монголии вооруженными монголами. Между прочим отмечают, что богатые киргизы почти не уходили с массами, скупая за бесценок у бедноты шерсть и наживая на этом большие деньги.

Но центром движения в киргизских районах явилось Семиречье (Джетысуйская область). Их характеристику мы заимствуем из уже упоминавшегося нами официального источника [1]) с небольшими поправками, которые нами сделаны на основании материалов департамента полиции.

«В большей части Семиреченской области,—говорит этот источник,—произошли весьма серьезные беспорядки, имевшие характер открытого мятежа».

Восстание киргиз, охватившее обширный горный район южных частей Пишпекского, Верненского и Джанкеринского уездов и почти всего Пржевальского и взволновавшее киргиз части Копальского и Лепсинского уездов, повлекло много жертв, как из рядов участвовавших в подавлении мятежа войск, так и среди безоружных жителей многочисленных поселков, рассеянных по территории, сделавшейся ареной восстания.

По племенному составу мятежники принадлежали к киргизам, каракиргизам, а в Пржевальском уезде и к дунганам, однако в прочих местах области дугане и тарачинцы к восстанию не примкнули и даже принимали участие в борьбе с бунтовщиками на стороне русского населения. Среди киргиз быстро распространился слух о том, что рабочих собираются отправить на боевую линию, поставить между русскими и немецкими войсками, всех перебить, а их землю отдать русским поселенцам.

Уже с самого начала восстания в действиях мятежных шаек были заметны признаки известной организованности: в горах были устроены мастерские для выделки холодного оружия и пороха; в некоторых бандах имелись особые значки-знамена; на шапках многих бунтовщиков были надеты однообразные металлические бляхи; скопища их управлялись, применялась оптическая сигнализация для передачи сведений о движении наших отрядов, заметно было стремление прервать сообщения между городами и поселками порчею дорог, мостов и телеграфа.

---

[1]) Ташк. Гос. Арх. фонд.— Краткий обзор событий, вызв. набором рабочих туземцев в Туркестанском крае за август 1916 г. подполк. Маккавеева.

В начале восстания киргизами захвачен был транспорт оружия из 170 берданок и 40.000 патронов, направлявшийся в Пржевальск на вооружение чинов сформированного там отделения конского запаса. Часть же вооружения доставлена была мятежниками из пограничных местностей Китая.

Вырученные из киргизского плена пржевальские крестьяне утверждали, что в числе мятежников находились молодые люди в форме русских учебных заведений; самый мятеж именовался киргизами войною.

Первые сведения о мятеже в Семиречьи были получены 6 августа: в восточной части Верненского уезда в долине р. Асы (3 августа) две волости оказали вооруженное сопротивление прибывшему для составления списков рабочих помощнику уездного начальника и скрылись в горах Алатау, в долине Чилик, куда для их усмирения вызван был из Верного небольшой отряд. Того же числа, в районе Самсу, скопища киргиз испортили телеграф, ограбили почту, захватили чиновника, 2 женщин с детьми и угнали лошадей; к 9 августа были уже разгромлены все почтовые станции от Курдая до Верного; в районе ст. Сюгаты появились большие шайки киргиз, частью вооруженные.

В окрестностях Пишпека и Токмака взбунтовались 6 волостей и прервали телеграфное сообщение с Пржевальском; близ селения Беловодского (Пишпекского уезда) появились первые жертвы мятежа: было убито два крестьянина. В целях самозащиты в Беловодском и Токмаке были сформированы дружины из русских поселенцев и дунган.

В районе Кастекских гор, а также в районе рек Сусамыра, Большой и Малый Кабень и в верховьях Таласа образовались большие скопища мятежников, делавшие набеги на русские селения.

Для рассеяния мятежных шаек и восстановления сообщения по почтовому тракту из Пишпека и Верного через Кастак были высланы навстречу два отряда местных войск, соединившиеся в Токмаке и очистившие окрестности этого города от мятежных киргиз.

13 августа получено было известие об убийстве в Пишпекском уезде пристава Загорных волостей и всего его конвоя.

В Джаркентском уезде между 14 и 15 августа были разгромлены все русские поселки от Каркары до Охотничьего, при чем погибло много русских.

О положении дел в Пржевальске и его окрестностях долгое время не имелось никаких известий, так как весь Пржевальский район был в то время переполнен шайками мятежников, и лишь по мере прибытия (с 15 августа по 1 сентября) ополченских частей, высланных к Пржевальску из г.г. Верного и Джаркента, стали получаться сообщения о происходивших там событиях. В Пржевальском уезде мятеж начался 9 августа нападением киргиз на селение Григорьевку (на северном берегу Иссыкуля в 87 верстах от Пржевальска) и на следующий день распространился к востоку, при чем мятежники стали угрожать Пржевальску. 11 августа к бунтовщикам примкнули дунгане района селения Мариинского, перебившие крестьян селения

Иваницкого. Сообщение Пржевальска с другими пунктами было прервано до 20 августа, когда отрядами войск окрестности города были очищены от мятежников.

С появлением войск бунтовщики удалились на Сырты, куда конными отрядами было совершено несколько карательных экспедиций.

В Копальском уезде 11 августа был случай нападения киргиз на нижних чинов и угон казенных лошадей. Незначительные беспорядки произошли в глухих местах Аулиэ-Атинского и Казалинского уездов: в первом из них 50 киргиз разгромили дом лесообъездчика, а во втором толпа напала на рыболовный надзор, обезоружила и избила его, а начальника надзора покушалась утопить.

11 августа на границе Пишпекского и Аулиэ-Атинского уездов появились большие скопища киргиз, наводя панику на железнодорожных рабочих строящейся линии Марке-Пишпек: 13 августа были случаи грабежей и угона скота в окрестностях селений Карабалты и Николаевки; Маркенские киргизы также стали держать себя вызывающе и получены были сведения о заготовлении ими холодного оружия: 29 августа мятежные банды угнали трех лошадей и 500 баранов у жителей сел. Каменки; между ст. Малдыбай и Акыр-Тюбе было совершено нападение на семейство железнодорожного служащего, а близ ст. Муньке — и на воинский раз'езд; в ночь на 30 августа скопище киргиз напало на окраины селений Марке и Каменки, жгло дома и угоняло скот.

По материалам департамента полиции, восстание киргиз в Семиреч. обл. выражалось главным образом в форме нападений на русские селения. Киргизы разгромили ряд больших сел и в некоторых из них почти все население было перебито (напр., Кольцовка) [1]), и сами села сожжены (с. Ивановка и др.). В казачьем сел. Каркара киргизы убили 24 казаков, в Джалаке—6 и ранили 2. Имели место убийства крестьян на покосах в горах (с. Краснореченское и Дмитровское) и т. п.

Ген. Куропаткин в своем донесении о жертвах восстания со стороны русского населения в Семиречье сообщил, что киргизами было «убито до 2.000, около 1.000 уведено в плен, преимущественно женщин, сожжено 1.300 усадеб и разграблено около 100 усадеб». По другим более поздним данным в Семиречье, главным образом в Пржевальском уезде, русских переселенцев пострадало 3.244 чел. (убито 1.998 чел.).

Об усмирении восставших киргиз цитированный ранее доклад подполк. Маккавеева сообщает следующее:

— «В начале восстания киргиз, войск в пределах Семиреченской области оказалось слишком недостаточно для подавления мятежа: в гарнизонах всей обширной области находились лишь три дружины — Верненская, Джаркентская и Копальская, одна ополченская рота, третий Семиреченский казачий полк и одна запасная сотня. Для усиления войск экстренно были сформированы 3 сотни из казаков запасных разрядов и

[1]) А. Миклашевский сообщает, что в Пржевальском у. киргизами было **уничтожено** русское село Кольцовка с населением в 650 чел., из которых осталось в живых 35, взятых в плен. („Былое“ 27 — 28, 1924 г.).

4 ополченских казачьих сотни, которые вместе с постоянными войсками области были назначены как для охраны городов и селений, так и для образования действовавших против мятежников подвижных отрядов. Кроме этого, для подавления быстро разраставшихся беспорядков были командированы из Ташкента на Пишпек отряды пулеметчиков и казаков с батареей и саперами. Затем были переброшены войска из Самарканда, также с орудиями и пулеметами, из Термеза — через Оренбург, Омск и Семипалатинск на Копал и из действующей армии два казачьих полка с кольтовскими пулеметами и казачья батарея».

С этой массой войск слабо вооруженные киргизы, конечно, справиться не могли, и с начала сентября восстание удерживается лишь местами, в наиболее отдаленных районах. Однако отдельные партизанские группы портят телеграф (между Пишпеком и Верным), нападают на мелкие отряды, на железную дорогу, на отдельные русские поселки, напр., Новотроицкое, где было большое количество потерь с обеих сторон, сожжено много крестьянских усадеб, угнан скот и т. п.; но значительная масса восставших отходит в степи и горы, а часть перекочевывает в Китай во главе с руководителем семиреченского восстания Шабданом, внуком Джантая. Расправа с восставшими, не успевшими во-время уйти, носила характер жесточайшего истребления местного населения. Так, одним из воинских отрядов на южном берегу озера Иссыкуля было вырезано до 1.000 чел., отобран почти весь скот. Около Токмака было убито 200 киргиз, взято в плен 338, из которых 200 убито, якобы при попытке бежать. В Беловодске арестовано свыше 100 чел., при чем часть убили по дороге, а остальных — в Пишпеке. В одной из телеграмм карательных отрядов значилось: «пока убито около тысячи киргиз», в другой — «потери бунтовщиков значительны». Ген. Покровский доносил, что он «сжег стойбища около 800 юрт», другой ген., Берг, телеграфировал об уничтожении «800 отчаянных киргизских борцов» и отбитии огромного количества скота и баранов. Семиреченская сотня казаков около с. Краснореченского убила до 200 киргиз, другая войсковая часть захватила 1.000 лошадей. Ген. Фольбаум доносил Куропаткину — «в окрестностях Пржевальска скопилось свыше трехсот тысяч голов скота, на Кочкорне... около ста тысяч... Более умеренная добыча имеется еще у Токмака... Дальнейшие действия отрядов еще умножат количество скота»... Ген. Фольбаум в конце концов чувствует, что зарвался, и не знает, что делать с отобранным у киргиз скотом: «скот сдается администрации, но последняя без помощи войска не в силах его ни содержать, ни охранять, скот может расхищаться и гибнуть от недостатка ухода и корма. Войска же, связанные стадами, теряют подвижность».

В конце сентября движение, кроме Зайсанского и Джаркентского районов, где оно продержалось до 1917 г., можно было считать ликвидированным, за исключением небольших групп, перешедших на положение «басмачей». Одна из таких групп, во главе с Каблан-Кашкимбаевым, доставила много хлопот «усмирителям». «Покоренных» киргиз заставляли убирать поля дунган, усмирявших восстание вместе с русскими войсками. 16 октября властям удалось захватить в плен среди восставших Пишпекского и Пржевальского районов киргиза Канаат Абукина и его сына Исхака.

С китайским правительством начались переговоры о возврате пленных, захваченных восставшими киргизами, перекочевавшими в Китай, и об условиях их возвращения в родные места.

Т. Рыскулов приводит следующие данные о потерях киргиз в восстании 1916 г. в Семиреченской обл.

Уезды и волости.	Число кибиток (семей).		
	До восстания.	К янв. 1917 г.	Убыло.
Верненский	4347	2415	1932
Джаркентский	10096	4378	5718
Пишпекский	27831	11518	16313
Пржевальский	34509	8847	25662
Лепсинский	7071	3629	3442
Всего по области .	83354	30787	53067 [1]

Общее число кибиток в области, по переучету на трехлетие 1916/18 г.г., определено было в 182.255. Следовательно, убыль их составила 29,12%. Число убылого населения, считая по 5,1 души на кибитку, выражается в 273.322 души обоего пола. Значительная часть из бежавших в Китай киргиз вернулась на родные места лишь после февральской революции 1917 г. Положение возвращавшихся беглецов было плачевное: посевы и запасы корма для скота погибли, зимние жилища разорены, юрты расхищены или сожжены, домашнее имущество разграблено китайцами, а угнанный скот погиб. Беженцы возвращались в буквальном смысле голыми и босыми. Обратный путь их был усеян могилами умерших от голода. Не лучше было положение киргиз, бежавших в горы.

Из потерь царских войск мы имеем цифры: офицеров убито 3, рядовых — 53 и пропало без вести — 77 чел., при чем большинство этих потерь связано с восстанием в киргизских и узбекских районах. Точно так же в этих районах было больше всего потерь и среди русских переселенцев. Кроме упоминавшихся ранее фактов, из отчета губернатора Семиреченской обл. видно, что нападению киргиз подверглось 94 русских селения, сожжено ими и разрушено 5.373 двора, ранено 684, убито 1.905 чел. и без вести пропало до 1.105 чел., главным образом, женщин и детей, часть которых была обнаружена уведенными в Китай. Потери переселенцев были особенно велики в районе оз. Иссыкуля, где, по данным подполк. Маккавеева, среди одних только новоселов было: убитых — 1.803 чел., пропавших без вести — 1.212 чел., сожжено 964 русских дома, разграблено имущество и живой инвентарь.

Таким образом, на примере восстания в киргизских районах мы видим, что восставшие были правы, когда называли эти события «войной», и не правы те историки, которые все дело сводят к «провокации» мирно на-

[1]) Очерки рев. движения в Ср. Азии, стр. 76. Цифры у т. Рыскулова в печати напутаны. Мы их исправили в итогах и в графе „убыло“.

строенных масс, чуть ли не насильственно втянутых в эту национально-аграрную схватку туземцев с колонизаторами.

Мы допускаем, что официальные сообщения администрации края несколько преувеличивали события, что ими раздуты цифры потерь русского населения и т. д. Несомненно, что действия администрации, может быть, в значительной степени раздули пожар восстания, что задней мыслью местных сатрапов действительно являлась задача «хорошо проучить взбунтовавшихся колониальных рабов» и в результате еще больше их взнуздать и ограбить. Все это не требует особого подчеркивания. Но что восстание киргиз было выступлением широчайших народных масс, этого отрицать никоим образом нельзя. Оно было стихийным, неорганизованным «бунтом», потопленным в крови. Но все же это — массовое движение протеста, протеста активного, а не «бунта» на коленях, как это пытается изобразить Г. И. Бройдо в своих «показаниях прокурору». Что в движении были элементы организации, это мы уже видели из целого ряда замечаний в донесениях подполк. Маккавеева. Приведем из них еще одно. Было ли у киргиз оружие? Мы утверждаем, что оно у них имелось. Его получали из Китая, его добыли при захвате транспорта около Пржевальска, его частично доставали при обезоружении полицейских, русских переселенцев и т. д. В одном из сообщений из Семиреченской обл. говорится, что при захвате карательным отрядом 360 кибиток, отступавших в Сырты, было обнаружено 100 ружей. Имеется ряд других сообщений, что киргизы вели перестрелку и с войсковыми частями, и с переселенцами в разных районах. Вполне возможно, что оружие имелось у них вообще и до восстания на случай защиты от нападений на стада и т. п. Изображать киргиз каким-то забитым, разложившимся, в условиях остатков родового строя, человеческим стадом, как это делает Г. И. Бройдо в не раз упоминаемой статье в «Новом Востоке», является совершенно неправильным, так как все, что можно было сделать при имевшихся условиях, ими было сделано и сделано совсем неплохо. Протест против дани «кровью» был заявлен. Он обошелся недешево для восставших, но все же он явился хорошим уроком для колонизаторов вообще и для русских в частности.

Необходимо в заключение отметить, что в восстании киргиз мы видим несколько иную картину расположения социальных группировок, чем мы это имели по Узбекистану.

— Богатеи степей Семиречья шли вместе с массой, вместе с батраками и даже ими руководили, — говорит А. Миклашевский. «Когда был об'явлен приказ о мобилизации, богатеи и манапы, — продолжает он, — видя недовольство массы и боясь потерять свою роль и влияние на нее, становятся во главе восставших. При победном исходе они, как предводители, должны были получить еще бо́льшую власть. Таким образом, в Семиречье на местах получается одна общенародная картина восстания... Так, в Пржевальском у., сплошь охваченном восстанием, «в бой» население ведут «манапы»[1].

---

[1] А. Миклашевский. Соц. движ. 1916 г. в Туркестане. „Былое“ № 27—28. 1925 г., стр. 256.

Далее следует отметить, что туземная администрация в Семиреченской обл. не всюду так энергично выступала против движения, как это мы видели по Узбекистану. Были случаи, о которых рассказывает и т. Бройдо, когда волостные управители в Семиречье отказывались от составления списков подлежащих набору в тыловые дружины. Одного из таких управителей губернатор приказал заковать в кандалы и представить в Верный. Большинство семиреченских управителей, если и не выступало прямо против администрации, то саботировало ее распоряжения и этим косвенно поощряло движение против мобилизации в тыловые дружины. Были и единичные случаи, когда в Семиречье толпа убивала волостных управителей на почве неправильного составления списков, но это не являлось таким массовым явлением, как среди районов, населенных узбеками.

Влияния духовенства на движение среди киргиз почти совершенно не заметно. Между тем, в узбекских районах духовенство, будучи теснее связано с массами, решительно эти массы поддерживало. Кроме того, в начавшемся движении муллы и ишаны видели осуществление тех заветов мусульманства, которые прикрывались идеями панисламизма, газавата и т. п. В ряде случаев в узбекских районах движением руководили ишаны (Джизак, Андижан и др.); в киргизских же районах во главе оказывались чаще всего «манапы», родовые начальники и аксакалы (старшие), которые не всегда были царской администрацией, а именно старейшими, более опытными житейски людьми, которым массы доверяли. Случаи, когда родовые руководители и даже волостные оказывались в рядах и во главе повстанцев, т. Рыскулов об'ясняет тем, что «в виду широкого размаха восстания масс данного района, родовые старшины не могли оторваться от масс или рода, ибо в противном случае последние разгромили бы их, как изменников, а переход открыто на сторону царской администрации все равно не спас бы их» [1]).

В итоге мы можем подчеркнуть не только массовость киргизского восстания, но и его, так сказать, «общенародность», национально-аграрный характер, направленный как против аграрной политики царизма, так и против военных тягот. В узбекских районах аграрный характер движения почти совершенно отсутствовал. Этого различия не заметили ни Г. И. Бройдо, ни Т. Рыскулов.

Восстание в Закаспийской области

Закаспийская область, теперешний Туркменистан, в движении 1916 г. приняла активное участие в двух основных районах: хлопководном — Тедженд-Мервском—и скотоводческом—на границе с Персией по р. Атреку. Об экономической обстановке районов восстания к сказанному в двух предыдущих главах остается добавить немного. Закаспийская область несколько позднее вступила в сферу влияния русского капитализма, но в 1916 г. «под Мервом хлопок составлял уже 44,6% общей площади посевов и 39,2% площади пашни, доходя на «мюльках» (право личной земельной собственности) в среднем до 49,5%, а иногда до ¾ и выше всей площади пашни (хлеба на мюльках занимали 17,5%, а на общинных — 91%, составляя в среднем 38%

[1]) Т. Рыскулов. Оч. рев. дв. в Ср. Азии, стр. 118.

всей площади. Хозяйство кочевников-туркмен все более и более превращается из натурального хозяйства кочевника-земледельца в денежное хозяйство промышленника-хлопковода» [1]). Разница между узбекскими хлопководными районами и туркменскими сводилась к тому, что насаждение хлопководства среди первых происходило на стадии широко развитого торгового капитализма, тогда как в Туркмении хлопководство возникло в более ранний период распада феодально-родовых отношений. Переход на оседлое хлопковое хозяйство в условиях разложения родового строя и связи туркменского хозяйства с злейшими формами эксплоатации хлопководов, монополистическим капиталом метрополии в обстановке военных поражений — все это вместе взятое обусловливало несколько иную форму революционного движения в Закаспийской области. Здесь прежде всего имели место аграрно-водные столкновения (типичные и для киргизских районов) между туземцами и русскими переселенцами. Первым приходилось покупать воду у захватчиков-колонизаторов. Недоразумения на этой почве, в связи с требованиями на хлопок и расширением запашек, к 1916 г. чрезвычайно возросли.

На этой-то основе, усложненной внутри-родовой и внутри-классовой борьбой, движение туркмен вылилось в несколько иную форму протеста против набора рабочих в тыловые дружины. Рабочих рук в хозяйстве нехватало. Не явились в 1916 г. на работы рабочие из Персии, обычно нанимавшиеся на весь сезон. Нехватало работниц-женщин, обычно нанимавшихся в русских селениях, туркменки же и текинки на хлопковых полях не работали.

Население сначала пыталось сговориться с администрацией края. Недаром текины — главная масса туркмен — дань «кровью» уже заплатили, выдав своих сыновей в особый полк, известный под именем текинского и особенно прославившегося во время контр-революционного выступления ген. Корнилова в августе 1917 г. Давать еще новых работников на окопные тыловые работы они не хотели. Бывшая ханша турмен Гюль-Джемаль по этому поводу написала начальнику Мервского уезда следующее послание (28/VII 1916 г.) (приводим выдержки по переводу, сделанному департаментом полиции):

...«Работы в тылу армии, главным образом устройство окопов и дорог, сами по себе относятся к категории труднейших работ. В крае, по обычаю, существующему века, текины сами этих работ не выполняют, нанимают для этой цели рабочих из Персии и Афганистана. Земляные работы — черные работы, исполнение которых своими руками для текин унизительно.

Неподходящий климат северного края. Текины Мервского уезда все сплошь хлопководы. Явка назначена на конец июля, тогда как уборка хлопка начинается в августе. Во время уборки хлопка в крае всегда ощущается острая нужда в рабочих руках, а уход из числа работников 5.000 самых сильных и молодых невольно наводит на опасение, что после их ухода сбор хлопка останется незаконченным из-за недостатка рабочих рук.

Всех кибиток в Мервском оазисе 25 тысяч, с общим числом душ 180 тысяч, из расчета 12% общего числа несколько более 20 тысяч чел.,

---

[1]) В. В. Русинов. Поземельные отношения и община у туркмен 1918 г.. стр. 12 — 13.

а, следовательно, призывается (5 т.) ¼ всех взрослых мужчин, самых молодых и сильных работников.

Призыв обременителен и для текин, и для хлопководства.

Предлагают заменить работой по добыче серы в крае, деньгами, натуральными поставками скота для транспорта и продовольствия армии».

Т. Рыскулов сообщает, что многие туркменские общества «выражали желание давать сыновей на фронт в качестве солдат», но в делах департамента полиции мы указаний на это не нашли. Интересно, однако, отметить, что, по сводке Маккавеева, в декабре 1916 г. в Ташкент были привезены из Закаспийской области два эшелона туркмен-стражников, которых срочно обучали стрельбе и строю. Таким образом, к этому моменту администрация уже переходила к набору не только в тыловые части, но и для фронта, хотя, вероятно, скорее внутреннего, потому что мобилизованные были «стражниками».

В этой обстановке в хлопковых районах Туркменистана движение происходило без особо бурных взрывов и столкновений с войсками. В июле были отмечены «брожения» в Тедженском районе, в августе — в Мешедском и Асхабадском, в октябре — в Мервском, Тахта-Базарском и др.

По официальным донесениям Маккавеева некоторые детали событий рисуются так: «В октябре в Тедженском у., в ночь на 6-е, в 5 верстах от ст. Теджен к Мерву, повреждены железнодорожные путь и телеграф, убиты путевой сторож, его дочь и рабочий, другой железнодорожный сторож с семьей пропал без вести. В ту же ночь был испорчен путь из Теджена на Асхабад и сожжен на этом пути железнодорожный мост. В 4 ч. утра вооруженная шайка туркмен пыталась произвести нападение на г. Теджен, но была отбита караульной командой, встретившей мятежников на мосту через р. Теджен; во время перестрелки у нас убиты 3 нижних чина и тяжело ранен мостовой сторож; нападавшие туркмены потеряли 6 чел., в числе которых был убит и их главарь Каумуков.

Для восстановления пути и телеграфа и наказания мятежников из Асхабада и из Мерва высылались в Теджен карательные отряды. Представители населения Тедженского у. выразили глубокое возмущение действиями отдельных безумцев-мятежников, принадлежавших, по уверениям этих представителей, к одной лишь Отамышской вол., и обещали выдать преступников, после чего населением было задержано 5 главарей и 67 участников мятежа: был даже случай выдачи отцом своего виновного сына. Помимо выдачи преступников, население немедленно представило 954 стражника. После из'явления жителями Тедженского у. покорности отдельные выступления, однако, продолжались: 15 октября ранен у железнодорожной будки нижний чин; 24 октября 10 вооруженными туркменами было произведено нападение на почту. В Серахсе ранен часовой у дома пристава. Во время формирования партии стражников, в окрестностях Серахса произведено было нападение с целью отбить эту партию, но она благополучно проследовала в Теджен. В ноябре в Серахском приставстве арестовано 37 туркмен и отправлен 1-й эшелон туземцев-стражников» [1]).

[1]) Турк. арх. фонд в Ташкенте.

Таким образом, выступления носили партизанский, скрытый, характер (по ночам, «из-за угла»), и форму открытого «мятежа» не принимали. Важно отметить, что хивинские выступления туземцев в этот же период времени носили характер такого же рода партизанщины.

Совсем иной тип движения мы наблюдаем в другом углу Туркменистана, а именно в районе Красноводска, р. Атрека, Гюргеня и в приморской полосе Прикаспия среди туркмен-иомудов, ведших скотоводческо-земледельческое хозяйство. У них так же, как и в других районах Туркестана, лучшие для хозяйства земельные площади захватывались переселенцами, при чем усиление переселения здесь должно быть отнесено на время революции 1905 г., т.-е. наиболее позднее из всех «заселений» Средней Азии пришельцами из России. На почве захватов земель и воды между новоселами и туркменами происходила все время ожесточенная вражда, осложнявшаяся тем, что русское правительство использовало ее для посылки военных отрядов, фактически занимавшихся оккупацией соседних персидских земель. Туркмены-иомуды в области общественных отношений стояли еще ближе к родовым формам социального бытия, чем их соседи туркмены-хлопководы, при чем эти «пережитки» сплетались с феодализмом Персии, пытавшейся в свою очередь «закрепостить» свободолюбивых иомудов-кочевников. В русских владениях родовые отношения иомудов к 1916 г. в значительной степени все же были уже пронизаны капиталистическими отношениями, и право собственности на землю («мюльк») пустило глубокие корни, несмотря на религиозные запрещения. Элементы классового расслоения у иомудов выражались в выделении руководящей богатой верхушки, которая по существу и возглавляла восстание 1916 г. В этом отношении между восстанием в киргизских районах и в районах туркмен-иомудов было много общего, с той лишь разницей, что захват переселенцами киргизских земель начался значительно раньше, чем у иомудов. Кроме того, руководство движением иомудов находилось в руках не случайных «вождей», выдвинутых событиями, как это имело место в киргизских или узбекских районах, а велось теми лицами, которые руководили всей хозяйственной и общественной жизнью иомудов в то время. Воинственные иомуды до 1916 г. не раз выступали против своих угнетателей. Историками национально-освободительного движения в Ср. Азии после революции 1905 г. указываются восстания иомудов, подданных хивинского хана, в 1912 г. и в 1915 г. В 1915 году иомуды организовали нападение на г. Хиву и были разбиты лишь с помощью войск русского ген. Галкина. По сведениям Маккавеева, брожение среди иомудов и недовольство русским правительством как раз усилилось после действий карательной экспедиции ген. Галкина. Маккавеев в связи с этим указывает, что депутация иомудов тогда же «искала защиты в Афганистане».

Восстание 1916 г. началось с начала августа в виде партизанских налетов вооруженных групп иомудов на русские патрули и раз'езды на границе с Персией, при чем были убитые и раненые с обеих сторон. Около 20 чисел августа иомуды в разных местах пограничной полосы разрушают телеграф, но еще большие группы кочевников, отказываясь давать рабочих в тыловые дружины, уходят со стадами из русских пределов в Персию. За ними в по-

гоню и для расправы с партизанами высылаются войска с пулеметами и пушками, что продолжается в течение всей осени. Местами происходят стычки с войсками. Так, в сентябре иомуды захватили крепость Аккала и оттуда открыли сильный огонь против русских, которым пришлось брать крепость при помощи артиллерии. Бомбардировка продолжалась 2 часа. Иомуды, понеся большие потери, бежали к морю.

25—29 сентября иомуды напали на пос. Романовский, Михайловский и на два русских имения в районе Гюргеня, разграбили их и сожгли. Жители из этих селений были эвакуированы под охрану русских войск в соседние поселки Крещенский и Донской.

Телеграфное сообщение с Гумбет-Кабузом и Астрабадом иомудами было прервано.

Восставшие концентрировали свои силы за пределами русских владений, нападая на русские войска из-за персидской границы. Одно из таких нападений, 30 сентября, весьма характерно для понимания соотношения боровшихся сил. В этот день из Чатлы вышел отряд русских войск в 150 сабель, 100 штыков, с 3 пулеметами и 2 орудиями, сопровождавший обоз и продовольственный транспорт. Иомуды два раза делали набеги на отряд, при чем они были уже вооружены скорострельными винтовками, и воинственные племена джафарбайцев и ак-атабайцев из аулов Мергена и Учмана нанесли отряду некоторый урон, убив ротмистра Пожарского и убив и ранив несколько офицеров и солдат из пограничников и ратников. Подобного рода набеги иомудов носили весьма упорный характер. В своем обзоре Маккавеев так рисует развитие событий. Сначала, в октябре 1916 г. идут такого же рода аванпостные стычки. По официальным донесениям дальнейшее развитие событий представляется в таком виде: 8 октября убит телеграфный чиновник Егоров, высланный для исправления поврежденного телеграфа. 18 октября вооруженные иомуды в 17 верстах от Курбанказа захватили транспорт из 7 верблюдов с припасами и фуражом, следовавший в Чатлы. 24 октября, близ поста Курбанказ, большая шайка иомудов напала на возвращавшийся из Чатлов в Караташ раз'езд из 14 конных разведчиков, при чем иомудами убит один рядовой. С прибытием из Курбанказа подкреплений, иомуды рассеялись, но ночью, в течение трех часов, обстреливали пост Курбанказ: во время перестрелки ранен 1 рядовой. В тот же день иомудами обстрелян пост Караташ: высланные с поста с донесениями 5 конных рядовых были захвачены и убиты. 28 октября, на пути из Астрабада в Карасу, произведено было нападение на сильный наш раз'езд с пулеметом: наша потеря—1 казак. 30 октября мятежные скопища появились в окрестностях Ходжа-Нефеса, в устьях Гюргеня, возбуждая против нас доселе мирных туркмен приморского района. 31 октября 200 вооруженных иомудов перешли границу у поста Нарли, на р. Чандырь, в стычке убит один пограничник.

Из русских поселков неоднократно подвергались нападениям: пос. Донской, жители которого с их имуществом были эвакуированы, пос. Саратовский, охранявшийся отрядами, и Молеканский, при чем иомуды угнали из его

окрестностей крестьянский скот. Был случай нападения в окрестностях Дашверды на следовавший в Чикишляр гурт верблюдов, при чем мятежники ранили джигита и верблюдовожатого и угнали 100 верблюдов. Иомуды разгромили пос. Нимердан, убив нескольких жителей поселка, и т. д.

В ноябре события обостряются. Войска проникают в районы расположения повстанцев, и начинается полоса серьезных столкновений. Первым из них надо считать бой у Чатлы, в котором иомуды понесли большие потери, успев разрушить телеграфное сообщение между Чатлы и Гумбет. При попытке нападения иомудов на рыбные промысла Лианозовых в приморском районе, против них была выдвинута артиллерия с судов Ашур-Адинской морской станции, кроме того на берег высадился десант. В новом бою под сел. Саратовским иомуды потеряли 14 убитых и 17 раненых. В стычках под Гумбет-Камбузом они понесли еще большие потери людьми, скотом и имуществом. Русские войска потеряли всего лишь 4 убитыми и 1 раненым и 1 пропавшего без вести пограничника.

В конце ноября иомуды разогнали обозный отряд у Кизыл-Имам, нанеся потери 1 убитым и 18 ранеными нижними чинами.

Наконец, против иомудов был двинут особый 10-тысячный «Гюрденский экспедиционный отряд» ген. Мадритова с пушками, пулеметами и автомобилями, высадившийся в персидском порту Карасу и устроивший там штаб и базу против мятежников. Партизанские налеты иомудов должны были вскоре прекратиться, так как к началу декабря 1916 г. ген. Мадритов уже сумел подготовиться к нападению на главные силы повстанцев в долине Гюргена. Военные действия отрядов ген. Мадритова начались с захвата крепости Аккала, которую, как уже отмечалось, иомуды вынуждены были бросить еще в сентябре и которую им потом удалось захватить снова.

С 8 декабря произошло несколько стычек. У сел. Михайловского в бою иомуды потеряли 60 убитыми и 80 винтовок. 11 декабря западной колонной было отобрано у мятежников до 1.000 штук разного оружия и 200 арб с лошадьми.

18 дек. произошло большое сражение иомудов с колонной войск ген. Нарбута на перевале Сегирим-Даг. По словам этого генерала, иомуды обнаружили умение применяться к местности, большую храбрость и меткость. В этой стычке отряд потерял 8 убитыми и 11 ранеными нижних чинов, а отступавшие туркмены оставили на месте стычки неподобранными 10 трупов. Загнав повстанцев в горы (их было до 3 тыс. вооруженных—половина пиками и шашками и половина берданками, трехлинейными и иностранными винтовками), ген. Нарбут в конце декабря вместе с главными колоннами отряда Мадритова нанес иомудам окончательное поражение. В этих последних боях у повстанцев было отнято до 3.200 верблюдов и свыше 25 тыс. баранов.

В январе 1917 г., по словам того же источника, «в Астрабадском районе продолжалось преследование мелких шаек, на которые разделились скопища мятежных иомудов, разбитых в декабрьских боях.

Главная масса иомудов прекратила всякое сопротивление и выразила полную покорность: около 5 января джафарбайцы обратились к ген. Мадрито-

ву с просьбой разрешить им вернуться в пределы России. 11 января племена Диведжи, Игдырь и Карау прислали своих представителей в Гумбет-Кабуз, обещав выдать оружие и верно служить «белому царю»: им приказано было сдать оружие и впредь до дальнейших распоряжений поселиться в 20 верстах западнее Морава-Тепе. Один из главных вождей мятежников, Эссен-хан, около 15 января был захвачен отрядом в Морава-Тепе, а прочие главари: Шихи-хан Диведжи, Баба-Клыч и Мерген явились с повинной сами.

К 20 января у иомудов было отобрано 2.433 винтовки, 315 шашек и 61 кинжал».

Так шла ликвидация восстания иомудов на юге. На севере в районах Ташуза и Куня-Ургенч (хивинское ханство) небольшие группы повстанцев-иомудов «рассеивались» казачьей сотней.

Тукмен Х. И. К. Х. О., описывая действия карательной экспедиции ген. Мадритова [1], говорит следующее: «Экспедиция истребляла мирных жителей, сжигала кибитки, уничтожала посевы, захватывала скот и имущества и бесстыдно грабила. Были случаи, когда казаки поднимали на пику живых детей, зарывали в ямы живых людей и вырезывали из чрева беременных женщин детей. Ген. Мадритов отнял у иомудов до 5.200 кровных заводских лошадей, несколько сот тысяч баранов и другого скота... иомуды бежали в Персию» и т. д.

Масса обездоленных, разоренных и ограбленных людей, словом, та же картина, что и в киргизских районах после усмирения. Официальный источник этой картины усмирения, конечно, не дает. Возмутительные насилия над населением прекратились лишь с победой февральской революции. Потери войск по данным Куропаткина в Туркменских районах таковы: убитых 2 офицера и 59 солдат, раненых 2 офицера и 59 солдат и пропавших без вести 3 солдата.

Итоги и выводы

Итак, восстание местами затянулось почти до февральской революции, продолжалось более чем полгода. В огромном большинстве случаев в городах оно продолжалось не дольше нескольких дней. Войсковые части справлялись с туземцами городов сравнительно быстро. Гораздо труднее им было усмирять восстания в сельских местностях и особенно в степных и горных районах. Длительнее восстания проходили в районах скотоводческого хозяйства, чем оседлого земледелия. Упорнее отбивались от войск иомуды, наносившие больше вреда противнику, чем киргизы. Киргизы дольше сопротивлялись «карателям», чем население узбекских районов. Движение иомудов и киргиз было резче окрашено протестом против захвата их земель и набором в тыловые дружины, чем узбеков, протестовавших почти исключительно против набора.

Общие итоги движения таковы. Больше полугода огромнейший край был охвачен восстанием, крайним возбуждением населения против угнетателей. О хозяйственных потерях колонизаторов можно судить по цифре разорен-

[1] А. Мелькумов. Матер. рев. движения в Туркмении 1904 — 1919 г. Т. 1924. стр. 92.

ных русских хозяйств по всему Туркестану. Их насчитывается до 9 тысяч. А. Миклашевский сообщает, что по Туркестану русских было убито 2.325, пропало без вести 1.384. Количество туземцев, погибших в восстании, А. Миклашевский определяет в несколько десятков тысяч. К ним надо добавить еще десятки тысяч арестованных, из которых сотни были приговорены к смертной казни, к каторжным работам, в тюрьмы и т. п.

По набору всего было взято в тыловые дружины 120 тыс. и значительная часть вывезена в Россию. О потерях в хозяйствах туземцев уже говорилось выше. Однако, несмотря на огромные потери и поражение восстания, оно тем не менее имело огромное политически-воспитательное значение для масс. Невольно напрашивается сравнение с революцией 1905 года.

Такого сравнения, может быть, и нельзя делать, так как здесь революционные явления различного порядка. Но все же, когда мы говорим, что революция 1905 г. широко раздвинула политические горизонты пролетариата и крестьянства, повысила их политический уровень, то эти итоги выпукло вырисовываются и в результате восстания 1916 года, раздвинувшего политические горизонты местного населения. Может быть, 1916 г. явился для него своеобразным «пятым» годом и тем самым подвел эти массы к революции 1917 г. Мы этого вопроса пока еще не исследовали с достаточной полнотой, чтобы подтверждать свое умозаключение с должной настойчивостью, но по тем материалам, которые уже нами проработаны, мы видим, что к «1917 г.» массы населения подходили с некоторым опытом от «1916 г.».

Период деятельности Временного Правительства в Туркестане не ознаменовался для массы коренного населения никакими мерами серьезного улучшения его экономического положения. Ни Керенский, ни Чернов, ни их комиссары в Туркестане не проявили даже более или менее четкой линии в вопросе «экспроприации» туземных земель в пользу русских переселенцев. Из материалов, опубликованных Е. Федоровым [1]), мы знаем, что сопартиец Керенского—Чернова, некий Шкапский—переселенческий чиновник царского правительства—под прикрытием лозунга «земля и воля» ухитрялся проводить ограбления земель у местного населения в пользу переселенцев, как самый заправский «колонизатор». Такого рода Шкапскими был наполнен весь Туркестан эпохи Временного Правительства, при чем и такие «зубры» империализма, как ген. Гиппиус, ставший либералом после февраля 1917 г., оказались комиссарами этого правительства в крае, т.-е. теми же правыми губернаторами. Туземное население могло видеть лишь некоторое смягчение политического режима, и то больше на словах, чем на деле.

Тот экономический узел, который был завязан в Ср. Азии царским правительством, пришлось разрубать лишь после Октябрьской революции. Это была нелегкая работа. Широкие массы коренного населения не сразу поняли сущность и значение Советской власти, пытаясь по-своему разрешить наболевшие вопросы. Отсюда новая борьба с переселенцами, отсюда шли и некоторые элементы «басмачества» и т. д. Но эта тема выходит за пределы нашей работы и требует особого исследования.

[1]) „Очерки нац.-освоб. движения в Ср. Азии“. 1925 г. Ташкент.

В заключение мы должны еще раз подчеркнуть, что восстание коренного населения Ср. Азии в 1916 г. было широким массовым движением против колониальной политики русского империализма. Оно заострялось на вопросах аграрном и на мобилизации населения в тыловые дружины на помощь армии, ведшей войну в интересах того же империализма. Движение против мобилизации чрезвычайно поучительно. Если оно и было раздавлено, то все же результаты восстания имели огромное значение. Оно показало империалистской буржуазии России, что с «азиатами» вовсе не так просто справиться, как им казалось. Оно подчеркнуло, что население Ср. Азии вовсе не хочет быть «пушечным мясом» для военных целей буржуазии. Из опыта восстания русское правительство неизбежно должно было сделать вывод, что использовать «колониальных рабов» для своих целей не так-то легко. Кое-что, правда, ему удалось сделать в направлении использования одной части населения для усмирения другой. Ярким примером могло служить в этом отношении использование дунган и туркмен против восставших киргиз, но таких явлений было немного. Огромная же масса населения выступила против угнетателей, не считаясь с тяжелыми жертвами. И это выступление должно быть занесено на страницы истории такими же большими буквами, как и те революционные движения, которые мы видели не раз в истории России. Совершенно неправильно лишать его того революционного характера, какой оно носило на самом деле, и характеризовать его, как провокацию властей для того, чтобы отнять у коренного населения землю и передать ее русским переселенцам.

Восстание в Ср. Азии в 1916 г., как опыт колониального восстания против империалистической политики, должно быть изучено и использовано колониальными народами Востока в их текущей борьбе.

11/V 1926 г.

В. А. Гурко-Кряжин

Английская интервенция 1918—1919 г.г. в Закаспии и Закавказье [1])

1. Английские об'яснения причин интервенции

В июле и августе 1918 г. англичане, опираясь на анти-советские партии эс-эров, меньшевиков, дашнакцаканов и др., произвели интервенцию в Закаспии и Закавказье. Интервенция вызвала падение Советской власти в Асхабаде и в Баку, расстрелы 9 закаспийских и 26 бакинских комиссаров и пр. эксцессы.

Каковы же были причины и цели английской интервенции, почти на два года отрезавшей Туркестан и Закавказье от Советской России?

Английские официальные и неофициальные источники дают в этом отношении совершенно определенный и притом стереотипный ответ. Они утверждают, что «когда после большевистского переворота в ноябре 1917 г. русские войска стали уходить из Северной Персии, то сделалось очевидным, что на правом фланге британской месопотамской армии образуется брешь на пространстве почти 450 миль, сквозь которую турецкие и немецкие агенты и войска смогут беспрепятственно наводнять Центральную Азию [2]). В Туркестане к прорвавшимся турко-немецким отрядам должны были присоединиться десятки тысяч интернированных там германских и австрийских военно-пленных, после чего вся эта лавина, увлекая по пути антиантантовские элементы (вроде «лесных братьев» Кучик Хана и персидских демократов), покатилась бы в сторону Афганистана и далее в Индию. Английский генерал, дипломат и историк Перси Сайкс заявляет: «110.000 немецких и австрийских военнопленных были интернированы в русском Туркестане; я видел сотни их в Ташкенте в 1915 г., и в случае установления сообщения было бы сравнительно легко реорганизовать этих испытанных ветеранов в грозную силу и итти маршем на Кабул, пригласив афганцев принять участие в богатой добыче при грабеже Индии» [3]). «Кровь стынет в жилах,—патетически восклицает ген. Денстервиль, — при мысли о том, как близки они (т.-е. немцы) были к этим гигантским успехам» (стр. 152).

Необходимо разобраться, насколько основательны были опасения англичан и насколько именно они подсказали план интервенции в Закаспии и Закавказье.

Несомненно, что вплоть до 1917 года указанные страхи действительно влияли на английские политические и военные круги. В течение первых трех лет мировой войны существовала реальная опасность прорыва

---

[1]) Статья написана, главным образом, на основании следственных материалов Верховного Суда СССР, к которым автор получил доступ в качестве историка-эксперта по делу Ф. Фунтикова.

[2]) Gen. Dunsterville. The Adventures of Dunsterforce. 1920. На русском языке книга ген. Денстервиля вышла под заглавием „Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918 г.г“. Изд. „Советский Кавказ“.

[3]) P. Sykes. A History of Persia. 1921., т. II, стр. 487.

войск и агентов центральных держав в Индию через Афганистан, который придерживался чрезвычайно двусмысленной и ненадежной политики по отношению к Англии. Эмир-Хабиб-улла почти открыто заявлял, что он готов выступить против Англии, если на его территории окажется хотя бы один турецкий корпус. В соседних западных областях Индии (гл. обр. в Пенджабе) уже в 1915 г. развернулось массовое революционное движение, имевшее несомненную связь с Афганистаном [1].

С целью предотвратить эту грозную опасность англичане во все время войны, ценою огромных усилий, поддерживали два военных заслона, один на западной, другой на восточной границе Персии. Северные участки этих кордонных линий оборонялись русскими войсками, которые, таким образом, по словам П. Сайкса, «препятствовали Германии, Австрии и Турции приблизиться к границам Индии» [2].

Однако оставалась ли в течение 1918 года эта угроза Индии настолько реальной, чтобы обусловить активные операции англичан в этом году? Необходимо отметить, что, благодаря указанным фактам, падающим на первые три года мировой войны, английская концепция интервенции, как «защиты Индии от германско-турецкой опасности», приобретает кажущееся правдоподобие [3]. Однако если мы внимательно проанализируем английское утверждение, то мы убедимся, что оно является лишь искусной ширмой, прикрывающей истинные цели британского империализма.

В самом деле, прежде всего если разложение русской армии после февральской революции вызвало крушение западного персидского кордона, то в течение всего 1917 и 1918 г.г. оставался совершенно несокрушимым восточный английский заслон, идущий от Мешхеда (через Бирджан) к персо-белуджистанской границе, соединенной, кстати, вновь отстроенной железной дорогой — с англо-индийской базой в Нушки. К началу 1918 г. успехи английских войск в Месопотамии вообще сделали невозможными сколько-нибудь широкие операции турецких войск в сторону Персии. 17 марта 1917 г. англичане берут Багдад, спустя месяц (23/IV) г. Самарру на Тигре, 9 мая 1918 г. Керкук, оттесняя к северу оперировавший в этом районе 18 турецкий корпус и вызывая, таким образом, отход 13 турецкого корпуса, оперировавшего в северо-западной Персии.

Материальное и моральное состояние турецких войск к началу 1918 г. исключало всякую возможность такой грандиозной операции, как движение их через все Иранское плато на Индию. Утомленные бесконечной войной, понесшие только что ряд поражений от русских и англичан, голодные и полуодетые турецкие войска были совершенно неспособны к сколько-нибудь серьезным наступательным действиям. Занятие Тавриза (1 мая 1918 г.), оставленного русскими войсками, и Урмии, покинутой айсорами (31/VII—18 г.), в течение 3 месяцев успешно отражавшими натиск турок и курдов, таковы были единственные успехи турок в Персидском Азербайджане.

Ничто так ярко не рисует полного разложения турецких войск, как их отношение к экспедиции героя бакинской интервенции ген. Денстервиля. В начале 1918 г. этого типичнейшего колониального офицера-авантюриста, кстати изображенного Киплингом в одном из его патриотических рассказов в качестве «твердого как ствол» (stalky) британца, спешно напра-

---

1) В. Гурко-Кряжин. Революционное движение в Индии. Сборн. „Индия в борьбе за независимость“. Изд. Научной Ассоц. Восток. при ЦИК СССР. М. 1925. Стр. 65—69.

2) Несмотря на эти меры, небольшим немецким партиям все же удавалось пробраться в Афганистан, но благодаря их малочисленности, пребывание их в Кабуле имело лишь агитационный характер (см. недавно вышедшую книгу начальника немецкой миссии в Афганистане кап. О. Нидермейера. Unter der Glutsonne Irans. 1925).

3) Благодаря этому на „английской“ точке зрения еще недавно стоял и автор настоящей статьи в книге „Краткая история Персии“. Изд. Прометей. М. 1925, стр. 72—77.

вляют во главе военной миссии через Зап. Персию в Закавказье, чтобы реорганизовать распавшиеся единицы русской, грузинской и армянской армий и тем самым восстановить фронт против турок. Первая попытка Денстервиля пробиться в Закавказье оканчивается неудачей, благодаря сопротивлению со стороны военно-революционного комитета в порту Энзели, действующего по директивам из Баку. После этого Денстервиль решает перезимовать в Северной Персии, заполнив, кстати, своим незначительным отрядом тот прорыв, который образовался после ухода русских войск. Несмотря на то, что его отряд, укрепившийся в Хамадане, состоял всего из 12 офицеров, 41 солдата и 1 бронированного автомобиля, турки, находившиеся от него всего в 100 милях, в течение 3 месяцев не делали никаких попыток к нападению. Перечисляя опасности, угрожавшие ему, Денстервиль упоминает о кочующих племенах, о профессиональных грабителях, о жителях города, одним словом о всех... кроме турок. Впрочем он сам дает исчерпывающую характеристику внутреннего состояния турецкой армии. «Во все время нашей стоянки в Хамадане, — пишет он, — в каких-нибудь ста милях от нас находился турецкий консул с военной силой, достаточной для того, чтобы стереть нас с лица земли. Но после падения Багдада воинственный дух окончательно покинул турок, а гиперболические сведения о моих силах (?) заставляли консула бояться меня больше, нежели я боялся его». Позже, описывая операции турок против Баку, Денстервиль принужден признать, что «плохое моральное состояние турецких войск и разногласия между турками и немцами дают нам большое преимущество» [1]). Впрочем, не только заявления тех или иных английских генералов, но и реальные факты доказывают, как они на деле относились к «германо-турецкой опасности Индии». В конце июня 1918 г., т.-е. как раз накануне бакинской операции Денстервиля (против 12.000 турок), несмотря на то, что англичане располагали в то время в Северной Персии ничтожными силами, он перебрасывает из Энзели отряд сипаев в Закаспий (29/VII 1918 г.), где никогда не было ни одного турецкого или германского солдата.

Что касается участия немцев в турецких авантюрах, то, как известно, оно было совершенно исключено происшедшим в то время отвлечением всех сил Германии на западный французский фронт, а также резко отрицательным отношением германского командования к пан-тюркистским фантазиям Энвер-паши и его единомышленников. Мемуары Людендорфа и Гинденбурга ярко рисуют картину тех трений, которые происходили в 1918 году между немцами и турками из-за империалистических стремлений последних в Закавказье. Турецкое командование, под предлогом реализации Брест-Литовского договора, действительно предприняло в то время энергичную оккупацию Закавказья. Легко преодолев бутафорское сопротивление Закавказской Республики, разбив ее на три «самостоятельных государства: Грузию, Армению и муссаватистский Азербайджан, турки стремились к захвату Баку, где в то время укрепилась Советская власть [2]). Дальше им мерещилось восстание мусульман Средней Азии и образование огромного пан-исламистского государства, в масштабе старинных турецких империй сельджуков и Тамерлана.

Германское командование, однако, не только резко осуждало безбрежные фантазии младотурок [3]), но оно активно боролось против турец-

[1]) Денстервиль. Ук. кн., стр. 160.

[2]) Подробности о событиях в Закавказье в эпоху 1918 г. см. в моих статьях: „Азербайджан“ (историч. очерк) и „Армянский вопрос“ в Большой Советской Энциклопедии; там же приведена библиография вопроса.

[3]) „Панисламистское движение грозило отвлечь Турцию на ложный военный путь. После революции в России панисламизм стремился распространиться в направлении к Кав-

кого наступления на Баку. Последний, по дополнительному соглашению к Брест-Литовскому договору, был оставлен за Советской Россией, и немцы предпочитали мирно получать от нее обусловленное количество нефти, нежели передавать мировой город в руки своего непослушного и чересчур зарвавшегося «союзника». Знали ли впрочем об этих трениях англичане? Несомненно. «Турки устали от войны, устали от немцев и у них нет денег. Немцы же постоянно ссорятся с турками, и доставка войск у них встречает больше затруднений, нежели у нас. Турки стремятся захватить Баку, тогда как немцы не хотят позволить им этого». Но если это так, то легко увидеть, как без остатка рушится все построение «немецко-турецкой угрозы Индии», идущей через Закавказье и Закаспий к Афганистану.

Особенно фантастической представляется угроза вражеского нашествия через территорию Закаспия. Любопытно, что английские военные авторитеты не могли договориться даже по вопросу о размерах этой опасности. В то время, как «Британская Энциклопедия» [1]) определяет число пленных германо-австрийцев, интернированных в Туркестане, свыше ста тысяч, П. Сайкс точно фиксирует цифру в 110.000 чел., а Денстервиль совершенно неожиданно определяет количество их в 30.000 чел.

Но независимо от количества этих мифических «ветеранов» и для немцев и для англичан невозможность переброски турецкой армии через Каспийское море была, конечно, совершенно очевидной по той простой причине, что для этого нехватало главного орудия, а именно дессантного флота. Не говоря о том, что наличного Каспийского флота вообще нехватало для подобной операции, легко можно было предугадать, что в случае взятия Баку турками вся флотилия заблаговременно скроется в различных портах Каспийского моря. Как известно, так и случилось в сентябре 1918 г. при взятии турками Баку, и поэтому весь план турецкого дессанта в Красноводске является неловкой выдумкой, рассчитанной на панический страх английского обывателя.

2. Истинные причины интервенции

Как мы видим, «германо-турецкая опасность Индии» уже к началу 1918 года являлась для самих же англичан совершенно нереальной угрозой, той идеологической ширмой, которая должна была скрыть действительный смысл их операции в Баку и Закаспии. Для того, чтобы понять события этого важного и загадочного периода, мы должны рассматривать их не в узко-локальном окружении, а на фоне тех политико-экономических факторов, которые тысячью нитей всегда связывали и связывают Закавказье и нашу Среднюю Азию с пограничными восточными странами, в особенности с Персией и Афганистаном (характер и направление морских и сухопутных путей, экономическое взаимодействие, наличие таких естественных ресурсов, как нефть, географическая конфигурация и т. п.). Чтобы выяснить истинный характер английской интервенции, мы должны поэтому исходить не от дутых страхов, усиленно культивируемых самими же англичанами, а от той реальной, военно-политической обстановки, которая к этому моменту сложилась в указанном комплексе территорий.

Вкратце эта обстановка сводилась к следующему. Уже до войны, как известно, Англия ожесточенно боролась с царской Россией из-за Персии, при чем в результате мировой сделки между ними (соглашение

казу; он стремился даже в Закаспий и, наконец, потерялся в огромных пространствах Центр. Азии, куда проник в фантастическом желании присоединить тамошних единоверцев к османскому государству". Ген. Гинденбург: „Воспоминания". О немецко-турецких трениях в конце мировой войны см. Людендорф: „Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г.". Изд. ГВИЗ, т. II.

[1]) Encyclopedia Britannica. 32. „Persia".

1907 г.) страна оказалась поделенной на зоны влияния: русскую, английскую и нейтральную. С началом мировой войны последняя, заключающая всю центральную Персию, была закреплена за Англией, взамен компенсаций, полученных Россией в проливах. В течение всей мировой войны мы видим, как Англия, не ограничиваясь чисто бумажным закреплением за собой части персидской территории, производит беспрерывную оккупацию ее своими войсками. В течение трех лет (1916—1918) небольшой англо-индийский отряд Перси Сайкса «умиротворяет» южные и центральные провинции Персии, изгоняя антианглийские элементы, подчиняя непослушные племена, всюду размещая английские гарнизоны, а также создавая англо-персидские отряды, так наз. южно-персидских стрелков. Одновременно, как указывалось выше, англичане доводят индийскую железнодорожную магистраль до персидской границы (до пункта Дузбад), прокладывая отсюда авто-шоссейную дорогу до Мешхеда, обеспечивая таким образом свою экспансию в восточной Персии.

Февральская и особенно Октябрьская революция открыли для английского империализма совершенно неожиданные, можно сказать, неслыханные перспективы. В добавление к уже оккупированным южным и центральным провинциям они могли теперь легко присоединить и наиболее богатые северные провинции, в течение десятков лет находящиеся в частичной русской оккупации. Вся Персия становилась, таким образом, достоянием английского империализма, и несомненно, что именно в этот период был задуман англо-персидский договор, заключенный в августе 1919 г. и юридически оформляющий это положение вещей.

Но на пути фактического присоединения Персии к своей империи, англичане встретили очень серьезного врага, а именно персидского националиста-революционера Кучик-хана, ведущего из своей базы, гилянских лесов (по-персидски «дженгель»), борьбу против тегеранского правительства и иностранного вмешательства в дела страны. Как раз в 1918 г. Кучик-хан значительно усилился, получив от немцев и турок военное снаряжение и нескольких инструкторов, а также скупив за бесценок оружие у уходящих русских войск. Несмотря на тенденцию англичан описывать движение Кучик-хана, как чистейшую бутафорию, на самом деле оно представляло весьма серьезную опасность для их планов.

Как раз в начале 1918 г. Кучик-хан делал попытки наступать на Казвин и далее на Тегеран для низвержения продавшегося англичанам центрального правительства. «Если бы Кучик-хан сумел это сделать,— принуждены признаться сами англичане, — то Тегеран поднял бы знамя дженгелийцев (т.-е. гилянских «лесных братьев»), и на следующий день вся Северная Персия ускользнула бы от нас. На Востоке маленькие успехи разростаются подобно пламени, а к тому же сторонники дженгелийцев имеют за собой часть персидского кабинета. Успех окончательно склонил бы на их сторону всех колеблющихся, и в Персии началась бы новая революция».

Всего же опаснее для англичан представлялась наметившаяся в этот период связь между Кучик-ханом и Советским Баку, осуществляемая через уже упоминавшийся Энзелийский военно-революционный комитет. Эта связь, возобновленная два года спустя после окончательной советизации Баку, действительно существовала, и для англичан она представлялась грозным симптомом поддержки революционной Россией антианглийских движений в Персии. Именно этот реально-политический «бакино-персидский фактор», а не искусственно раздуваемые опасения «угрозы Индии», явился одной из причин английской интервенции в Закавказье и Закаспии.

Англичанам надо было во что бы то ни стало изолировать облюбованную ими Персию от России, ставшей еще более грозной после того,

как она стала распространять большевистские лозунги, «отравляющие» сознание народов Востока и в частности Персии. Достигнуть же этого можно было лишь путем насильственной ликвидации советской власти во всех территориях, имеющих выход к Каспийскому морю и, таким образом, географически связанных с Персией. Работа англичан в Персии не оставляет сомнения в существовании у них этого плана. В августе англичане, накопив силы, ликвидируют энзелийский военно-революционный комитет, «который сделался уже анахронизмом». Членов ревкома обвиняют в сношениях с дженгелийцами и отправляют под конвоем, повидимому, в Багдад. Незадолго до этого Советское правительство пытается устроить дипломатическое представительство в Тегеране, направив туда, через посредство С. Шаумяна, тов. Коломийцева. Вокруг советской миссии ведется неслыханная по ожесточенности борьба. Персидское правительство, под давлением англичан, отказывается признавать миссию. В ноябре (3) 1918 г. шайка персидских казаков, под предводительством царского консула Гильдебрандта, нападает на советскую миссию и громит ее; сам Коломийцев бежит, но секретаря его Караханяна арестовывают и отправляют в Багдад, а оттуда в Индию. Когда т. Коломийцев делает вторую попытку обосноваться в Персии, англичане, совместно с белогвардейцами, бросают его в тюрьму, а затем расстреливают (в авг. 1919 г. [1]). Эта систематическая неумолимая борьба с агентами Советской власти на территории Персии достаточно доказывает, какое значение англичане придавали полной изоляции последней от революционной России. Недаром Британская Энциклопедия, указав на «опасность Индии», в дальнейшем вынуждена заявить: «В действительности угроза оказалась неосуществленной, но бригада британских войск была оставлена в Казвине з а щ и щ а т ь П е р с и ю п р о т и в б о л ь ш е в и к о в и препятствовать закрытию главной дороги в Персию» [2]).

Второй территорией, которую англичане стремились изолировать от революционной России, был Афганистан. Несомненно, что уже в 1918 г. здесь складывалась та политическая обстановка, которая в следующем году вызвала политический переворот (свержение Хабиб-уллы-хана прогрессивно настроенным Амман-улла-ханом) и последующее об'явление войны Англии, сопровождавшееся попыткой вторгнуться в Индию. Мало того, репрессии, которые в конце мировой войны были применены британской администрацией против неспокойных мусульман Индии, вроде запрещения им собираться на моления, вызвали оживленный отклик во всей Средней Азии. В Туркестане необычайно развивается панисламистская пропаганда. В Ташкенте образуется тайный исполнительный мусульманский комитет (из 24 чел.), преследующий цель об'единения всех правоверных под властью эмира Афганистана. Агенты последнего, а также указанного комитета, начинают оживленную пропаганду в Персии, Индии, Бухаре, Фергане и др. местах. Чрезвычайно важным фактом, с которым мы встречаемся в донесениях этих агентов, представляется вполне осознанная необходимость координировать силы панисламистов и Афганистана с Советской властью. «Время не терпит,—пишет один агент,—и во имя долга об'единения нужно крепко, хотя и на время, об'единиться с могущественным пролетариатом (бедняками) и большевиками, а дальше также необходимо об'единиться с Персией». Намечается даже следующая практическая программа ближайших действий: 1) преградить путь на Мешхед со стороны Асхабада для англичан; 2) дать большевикам небольшую помощь для занятия Красноводска; 3) дать знать туркменам, при помощи воззвания, о планах англичан и их приготовлениях в Мешхеде, Баку и в других местах и вслед за тем послать

[1]) Подробности у С. Иранского. Страничка из истории красной дипломатии. Ж. „Новый Восток“ № 8/9.

[2]) Т. 23, ук. статья, курсив мой.

1—2 тысячи регулярных войск под девизом освобождения и охранения мусульман Туркестана и особенно священной Бухары [1]).

Сближение, намечавшееся между Советским Туркестаном и возрождающимся Афганистаном, совершенно недвусмысленно готовящимся к войне против Англии, не могло не встревожить сильнейшим образом последнюю. Можно без преувеличения сказать, что в 1918 и особенно 1919 г. перед англичанами внезапно появился призрак единого революционного фронта, идущего от Баку на Энзели, Закаспий, Туркестан и Афганистан, целиком охватывающего с севера британский империалистический фронт, простирающийся от Багдада до границ Индии. С этой точки зрения, операции англичан в Баку и Закаспии имели целью разорвать этот фронт, разбить его на разрозненные, ослабленные звенья.

Помимо главного стимула: стремления к полному подчинению Персии и изоляции ее, так же, как и другой «опасной» территории — Афганистана, от революционной России, были и другие второстепенные мотивы, обусловившие английские операции в Закаспии и Закавказье.

Совершенно несомненно, что англичане боялись, что захват бакинской нефти турками значительно усилит обороноспособность центральных держав, как известно, хронически переживавших нефтяной голод. Наблюдалось в этот период и усиление турко-немецкого влияния в Закавказье (особенно в Грузии и Азербайджане), представлявшее весьма опасное явление при неизвестности исхода войны. С этой точки зрения первая миссия Денстервиля, как мы видели, представляла попытку мобилизации всех «здоровых» антантофильских сил Закавказья, под эгидой Англии, для преграждения сюда доступа туркам и немцам. Здесь мы встречаемся с «закавказским» на ряду с вышеуказанными «персидским» и «афганским» аспектами английской интервенции 1918 года. Помимо указанных факторов, в дальнейшем, в особенности в связи с успехом интервенции в Закаспии, появился целый ряд новых импульсов, с которыми мы познакомимся позже.

3. Ход интервенции в Баку

Вышеуказанные общие тенденции английского империализма не только вызвали интервенцию 1918—1919 г.г., но и придали ей однородный характер в Закаспии и Закавказье. Одновременность английских операций (16/VII—переворот в Асхабаде, 31/VII—переворот в Баку), применение тех же военно-политических методов, полное тождество преследуемых целей — все это превращает действия англичан в Персии, Закавказье и в Закаспии в сущности в одну общую, внутренне об'единенную операцию. С этой точки зрения необычайно интересен подготовительный период английской интервенции.

Правда, в воззваниях, манифестах и вообще в официальных документах англичане всегда усиленно подчеркивали исключительно военный характер экспедиции, исключающий всякую возможность «вмешательства во внутреннюю жизнь» Закавказья и Закаспия. Однако с характерным цинизмом истинный характер этого невмешательства разоблачает сам же герой интервенции Денстервиль: «Для того, чтобы быть любезными Баку, мы должны были придерживаться исключительно платформы невмешательства во внутренние дела революционеров» [2]). Там же, где любезничать не приходилось, истинный характер английских операций проявлялся с полной очевидностью.

---

[1]) Дембо. Религиозно-политические взаимоотношения в сопредельных с Туркестаном странах в 1918—1919 г.г. Ж. „Военная Мысль". Орган Реввоенсовета Туркфронта. 1921. Кн. 3.

[2]) Денстервиль, указ. кн., стр. 181, 9, 66, 110.

Характерно, что, отправляясь в свое авантюристическое путешествие в Закавказье, Денстервиль включает в свой небольшой отряд русских белогвардейских офицеров, вряд ли необходимых для намечавшейся борьбы с германо-турками. «К назначенному кадру английских офицеров причислены были еще и отличные русские офицеры, присланные из Лондона, а также и другие русские беженцы из революционной России, которые присоединились ко мне позднее и чьи услуги были для меня очень ценны [1]). Указанные «беженцы» являлись тоже офицерами, «бежавшими» от бакинских большевиков. Последнее обстоятельство помогало нам быть в курсе бакинских событий; двое из офицеров были сейчас же отправлены с секретным поручением... Они мне нужны на случай нашей будущей интервенции на Кавказе. А пока что они мне полезны для целей налаживания связи с Баку и собирания нужных сведений».

Мы можем прекратить наши выписки, так как для нас совершенно ясна первая группа помощников Денстервиля: это русское, контрреволюционное офицерство, занимавшееся политическим и военным шпионажем, по указке английского штаба, в предвидении, говоря словами самого Денстервиля, грядущей интервенции в Закавказье.

Не менее интересна была вторая сила, на которую опирался Денстервиль, а именно, полковник (а впоследствии английский генерал) Бичерахов. Типичный ландскнехт, командир сводных казачьих частей в Персии, спасшихся от разложения, Бичерахов оказал совершенно неоценимые услуги англичанам. Получив от них финансовую помощь, он в течение всей зимы 1918 г. оборонял северную Персию от турок, затем разбил отряды Кучик-хана и, таким образом, открыл для экспедиции Денстервиля путь к Каспийскому морю. Однако он явился преданным союзником Англии не только в Персии, но, что для нас чрезвычайно важно, и в Закавказье. Даже при наличии тех скудных данных, которыми мы располагаем, все же является возможность установить, что именно Бичерахов являлся в течение 1918 и отчасти 1919 г. г. главным рычагом британской политики в Закавказье. Уже договор, заключенный в марте 1918 г. Денстервилем с Бичераховым, содержит следующий многозначительный пункт (§ 5): «Если Бичерахов окажет мне должное содействие в Персии, то мы совместно выработаем план позднейших действий на Кавказе, где моя помощь будет ему не менее ценна, чем его мне» [1]). Спустя насколько месяцев это обещание было действительно выполнено обеими сторонами: «Мы выработали с Бичераховым дальнейший план совместных действий». Наконец, несколько позже Денстервиль едет в Энзели (в начале июля), где он приходит с Бичераховым к полному соглашению относительно планов дальнейших совместных действий, «на которые я возлагаю большие надежды и о которых я здесь умолчу». Несмотря на скрытность, проявленную здесь вообще болтливым Денстервилем, мы можем отчасти проникнуть в те планы, которые разрабатывались им совместно с Бичераховым. Последний должен был тем или иным способом вернуться на Кавказ, чтобы ликвидировать дезертирское настроение среди своих казаков и начать борьбу против советской власти. В этом его интересы действительно вполне совпадали с задачами англичан. С этой целью он решает прикинуться большевиком, не видя, по собственному признанию, другого способа добраться до Кавказа. Этот план не только не встретил противодействия, но был с энтузиазмом воспринят английским генералом.

«Он (Бичерахов) вызвал большое изумление и ужас среди местных русских, присоединившись к большевикам, но я уверен, что он поступил совершенно правильно; это был единственный путь на Кавказ, а раз он

[1]) Денстервиль, указ. кн., стр. 67, 150, 164.

только там утвердится, то дело будет в шляпе» [1]). Секрет этого энтузиазма становится совершенно ясным в свете тех событий, которые развернулись в Баку в течение последующего месяца.

Выработав свой предательский план, Бичерахов обращается с письмами в Бакинский Совнарком, в которых он заявляет о своем признании бакинской советской власти, одобряет политику Баксовета и предлагает свою военную поддержку. Находясь в безвыходном положении, под угрозой наступающей турецкой армии, поддерживаемой грузинскими меньшевиками [2]), при наличии провокаторской политики, проводимой дашнаками и эс-эрами внутри города и на фронте, Бакинский Совнарком принужден был принять услуги Бичерахова, «у нас получилось впечатление,—заявляет С. Шаумян,— что Бичерахов свое заявление делает честно и искренне» [3]).

Это было неудивительно. С целью замаскировать свои истинные цели, Бичерахов обращался к Баксовнаркому с письмами, содержащими разные выпады против англичан, с которыми, как мы видели, вплоть до от‘езда он вел тайные переговоры о совместных действиях. «Я советую Бакинскому совету не вешаться англичанам на шею,—писал он,—напротив, нужно принять все меры, чтобы англичане не появились в Энзели» [3]).

В результате между ним и Советской властью заключается условие, по которому Бичерахов признает Советскую власть, как всероссийскую, так и бакинскую, взамен он назначается командующим одной из частей Красной армии.

Лишь только Бичерахов появился в Баку, кстати в сопровождении 5 английских офицеров и отряда броневиков, как дело англичан действительно оказалось «в шляпе». В течение месяца (июля) он сражается против турок, но затем под фиктивным предлогом опасности, угрожающей со стороны недоверяющей ему Советской власти, он отходит сначала на Сумгаит, а затем к Дербенту, обнажая таким образом оборонительную линию Баку (30 VII 1918 г.). Несомненно, что этот маневр являлся чисто провокационным, заранее обдуманным, так как на следующий день после этого падает советская власть, и англичане получают приглашение прибыть в Баку. В дальнейшем, уже оккупировав Баку, Денстервиль делает попытку вновь наладить связь с Бичераховым, но она рушится, благодаря удачным действиям красного астраханского флота. О характере предполагавшихся совместных действий англичан и Бичерахова мы можем судить по следующей фразе самого Денстервиля: «Большевики, конечно, достигли большого успеха, помешав моей встрече с Бичераховым, которая могла иметь для них самые серьезные последствия» [4]).

Наконец, третьим союзником англичан являлись бакинские соглашательские партии, в особенности эс-эры и дашнакцаканы. Деловые сношения с этими группами начались, повидимому, очень давно, возможно, через посредство упоминавшихся выше белогвардейских офицеров. По крайней мере, достигнув в первый раз Энзели в средине февраля 1918 года, Денстервиль уже ждет «признаков помощи с того берега». В дальнейшем англичане устанавливают с эс-эрами регулярные сношения. «Связь у меня была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров, и наши друзья, социал-революционеры, казалось, были в состоянии произвести в скором времени coup d‘état, т. е. свергнуть большевиков, установить новую форму

---

[1]) Там же, стр. 164.

[2]) Грузинское меньшевистское правительство откомандировало в распоряжение мусаватистов 500 офицеров-инструкторов для борьбы против Советского Баку. Когда последний был взят турками, в обстановке армянского погрома грузинский военный министр Георгадзе поздравил Нури-пашу с изгнанием узурпаторов-большевиков.

[3]) С. Г. Шаумян. Статьи и речи. Изд. „Бакинский Рабочий“. 1925. Стр. 205.

[4]) Денстервиль, ук. кн., стр. 221, 159, 163—164.

правления в Баку и пригласить на помощь англичан» [1]. Целый ряд фактов доказывает насколько тесными были сношения англичан с «их друзьями» эс-эрами. Они знали, например, об их планах свержения Советской власти в Астрахани, об их отказе работать в Баку с Советской властью и т. п. Совершенно несомненно, что руками эс-эров англичане собирались, конечно, на ряду с другими агентами, низвергнуть советскую власть. «Я неоднократно вел переговоры с представителями партии с.-р., программа которых гораздо больше соответствует нашим целям и по своему существу она созидательна, тогда как программа советской власти чисто разрушительная. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные отношения с с.-р., и они знают, что смогут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки» [1].

Такими же тесными и интимно-дружественными были отношения англичан с дашнакцаканами. Уже за 3 месяца до падения советской власти к Денстервилю приезжает из Баку армянин-доктор, по поручению Армянского Национального Совета, «просящего английской помощи и советующего немедленно двинуться на Баку». Вся тактика дашнакцаканов накануне падения советской власти может быть понята лишь при условии согласования их действий с англичанами, как это имело место с Бичераховым. Стремясь низвергнуть советскую власть, они, как известно, прибегали к своеобразному военному саботажу. Под совершенно фиктивными предлогами (отсутствия обмундирования и т. п.) они отказывались занимать назначенные им позиции, совершенно самовольно покидали их и т. п. Недаром С. Шаумян в одной из своих речей заклеймил эту тактику, как «безусловное предательство армянских частей, вернее, их руководителей из Армянского Совета». В назначенный английским командованием час, одновременно с уходом Бичерахова, командующий войсками Аветисов требует посылки к туркам мирной делегации, указывая, что город не может продержаться более нескольких часов. Эта двойная провокация Бичерахова и дашнакцаканов, на ряду с агитацией эс-эров и меньшевиков, вызывает падение советской власти. Не проходит и нескольких суток после этого, как вождь дашнакцаканов, известный четник Амазасп, гонит своих зенворов на позиции и отбрасывает атаки турок...

При наличии такой необычайно благоприятной ситуации неудивительно, что англичане до 31/VII руками своих агентов пытаются ускорить низвержение советской власти, устраивая заговоры, организуя шпионаж и т. п. В центре этих интриг находится английский консул в Баку Мак Донель, беспрерывно снабжающий Денстервиля секретными сведениями о положении дел в городе. В середине июня советская власть раскрывает заговор, несомненно, подстроенный англичанами и имеющий своей целью арест С. Шаумяна, роспуск Баксовета и заключение соглашения о военной помощи с англичанами, «которые на днях прибывают в Баку». Документы, захваченные при раскрытии заговора, обнаружили участие в нем английского консула, крупного царского чиновника Джунковского и других лиц. Как выяснило следствие по делу Ф. Фунтикова, один из инициаторов заговора, эс-эр Кириченко, ездил к англичанам в Энзели, вел с ними письменные сношения и т. п. Недаром С. Шаумян указывал в своем воззвании к бакинским рабочим (опубликов. 18/IX) на предательство со стороны наемников английского империализма, которые «проникли во флот, убеждая двинуть пароходы в Энзели для доставки английских войск».

В ночь с 31/VII на 1/VIII 1918 г. Советская власть в Баку пала и была заменена диктатурой Центрокаспия, состоящей из представителей соглашательских партий. «Едва только новое правительство успело взять бразды правления в свои руки, как согласно выработанному уже плану

[1]) Денстервиль, ук. кн., стр. 221, 159, 163—164.

послало к нам гонцов о помощи» [1]. Действительно, буквально в тот же вечер, когда Совнарком сложил свои полномочия, возложив всю ответственность за падение советской власти на национальные и противосоветские партии, в Энзели было послано 40.000 пудов бензина для англичан, а также особая делегация [2]. Официальная Британская Энциклопедия с эпической простотой и лаконичностью описывает английские операции в Баку в 1918 г. «Около этого времени большевистское правительство в Баку было низвергнуто и заменено диктатурой Центрокаспия, которая просила британской помощи. Денстервиль перебросил свои силы в Баку, оборонял его в течение нескольких недель против преобладающих турецких сил, препятствуя врагам эксплоатировать нефтяные колодцы, не подпуская их также к Каспийскому морю, но в конце концов эвакуировал Баку и вернулся в Энзели, закончив, таким образом, этот доблестный эпизод войны» [3].

Приведенные выше факты рисуют несколько иную картину английской операции в Баку в течение 1918 года. Они неопровержимо доказывают, что: 1) действия английских войск под командой Денстервиля являлись почти неприкрытой интервенцией во внутреннюю жизнь Советской России; 2) совершая ее, англичане блокировались с белогвардейским офицерством, провокатором и предателем Бичераховым и антисоветскими партиями эс-эров, дашнакцаканов и меньшевиков; 3) падение советской власти произошло не в результате внутренней политической борьбы в Баку, а было совершенно планомерно подстроено англичанами через посредство собственных агентов, а также через указанных помощников; 4) приглашение англичан в Баку фактически произошло не после переворота, а задолго до него, в результате беспрерывных сношений с антисоветскими партиями; 5) организуя низвержение советской власти, англичане обещали взамен своим сторонникам в лице соглашательских партий военную, а также финансовую поддержку; 6) оккупация Баку являлась одним из этапов борьбы с советской властью, которую предполагалось вести на территории всего Кавказа при помощи Бичерахова и чехо-словаков, пропуска которых через Астрахань требовало правительство Центрокаспия и др. контрреволюционных сил.

4. Ход интервенции в Закаспии

Интервенция в Закаспии совершилась совершенно по тому же рецепту, как и в Закавказье. В этом нет, разумеется, ничего случайного: ведь как мы указывали выше, обе эти интервенции были внушены одними и теми же тенденциями английского империализма и могут рассматриваться, как одна общая операция.

Чрезвычайно любопытно, что для об'яснения причин и целей Закаспийской интервенции, англичанам явно нехватает трафаретного аргумента о «германо-турецкой опасности Индии», и они дают гораздо более откровенную версию.

Британская Энциклопедия описывает операции ген. Вильфреда Маллесона в 1918—19 г.г. в Закаспии в следующих словах: «Не довольствуясь противодействием туркам в Баку, вторая миссия была послана по только что отстроенной железной дороге Дуздаб—Нушки и затем через Сеистан и Мешхед в Закаспий, чтобы оказать помощь туркменам и русским, которые под именем меньшевиков пытались остановить поток большевизма... Много подвигов (galant deeds) было совершено маленькими британскими отрядами, сражавшимися вдоль Средне-Азиатской ж. д., а также командой

[1] Денстервиль., ук. кн., стр. 184.
[2] Сборник „Из прошлого Баку". Истпарт. Аз. К. П. 1924.
[3] Encyclopedia Britannica. 32. „Persia".

командора Д. Т. Норриса, который оперируя от Красноводска прогнал большевистский флаг на Каспийском море» [1]). Высоко-официозный источник— генерал П. Сайкс дает совершенно аналогичную картину: «Русские и туркмены, именующие себя меньшевиками в противоположность большевикам, обратились к Великобритании за помощью для отражения общего врага и взамен согласились передать нам Красноводск» [2]). Опуская ряд вкравшихся неточностей, вроде приписывания инициативы переворота почему-то одним меньшевикам (опуская дашнакцаканов и особенно эс-эров), а также заведомое искажение фактов (что будет указано в дальнейшем), мы все же можем отметить, что в обоих английских авторитетных источниках задача англичан в Закаспии сформулирована не как противодействие немцам или туркам, а как совершенно не прикрытая борьба с «общим врагом», т.-е. с большевиками. Ход этой борьбы происходил, повторяем, совершенно так же, как и в Закавказье, хотя, благодаря крайней скудности материалов и несообщительности ген. Маллесона (в противоположность его коллеге ген. Денстервилю), мы не можем его проследить во всех подробностях и с исчерпывающей очевидностью.

Как указывают факты, заключающиеся в об'яснительной записке Фунтикова, представленной им в «Асхабадский Комитет Спасения», в пользу англичан работали те же три силы, что и в Баку: дашнакцаканская дружина, союз фронтовиков и организация эс-эров. Разница заключалась лишь в степени активности этих трех групп. В отличие от Баку, в Закаспии инициатива и руководящая роль почти целиком находились в руках эс-эров, которые не только сорганизовали антисоветский июльский переворот в Асхабаде, но и монополизировали сношения с англичанами. Последние, к сожалению, не могут быть прослежены с достаточной полнотой, хотя общая картина их совершенно ясна. Официозная версия эс-эровских воротил из состава закаспийского правительства, а также самих англичан, конечно, утверждает, что сначала произошел переворот, вызванный «большевистскими эксцессами», а затем уже, спустя почти месяц, эс-эры надумали пригласить англичан. Помимо приведенных английских источников, такую же картину дает и В. Чайкин, преследуя, разумеется, определенную цель реабилитировать своих асхабадских товарищей по партии: «В начале августа для руководителей восстания и возглавлявшего его Временного Исполнительного Комитета Закаспийской Области стало ясно, что собственными небольшими силами, при расстроенных финансах и усиливающихся продовольственных затруднениях, они скоро окажутся не в состоянии продолжать борьбу. Тогда среди членов Исполнительного Комитета возникла поддержанная советом управляющих делами (Закаспийским Кабинетом Министров) мысль о заключении военного соглашения с великобританским правительством, в лице его мешхедского резидента генерала Маллесона» [3]). Однако даже те явно недостаточные данные, которыми мы располагаем, целиком уничтожают эту англо-эс-эровскую версию. Как указывает главный автор переворота, организатор асхабадского стачечного комитета Фунтиков, уже в начале переворота (а не к августу, как у Чайкина) «мы прекрасно знали, что у нас этот под'ем духа не надолго, а местные большевики пока только притихли». Но в этот тяжелый момент на сцену появляется лидер асхабадских эс-эров Алексей Доррер, «который был где-то в отлучке», как неопределенно указывает Фунтиков: «Благодаря Дорреру мне удалось завязать переговоры с англичанами в Персии», продолжает Фунтиков и несколько ниже повторяет: «с момента приезда Доррера к нам,

[1]) Encyclopedia Britannica, 32. „Persia".

[2]) P. Sykes. History of Persia, т. II, стр. 496.

[3]) В. Чайкин. К истории Российской революции, вып. I. Казнь 26 бакинских комиссаров. М. 1922, стр. 25.

т.-е. к двум группам (союз фронтовиков и дашнакцаканская дружина), присоединилась еще группа «Туркестанский союз против германо-большевиков». Благодаря этой группе мы живо сговорились с англичанами, которые успели дать нам двадцать сипаев с пулеметами»...

Даже из этих не совсем определенных указаний мы видим, что сношения с англичанами были начаты не в августе, а буквально на другой день переворота («почти первым ко мне появился Алексей Доррер»...), что в первоначальной стадии велись они не закаспийским правительством, а эс-эровской организацией «Туркест. союз против германо-большевиков» (очевидно то-же, что боевая дружина с.-р.), которая уже до этого имела какие-то связи с англичанами, при чем в центре переговоров стоял лидер партии А. Доррер.

Но мы можем несколько прояснить эту картину подготовки английской интервенции. Прежде всего совершенно несомненно, что А. Доррер был накануне восстания не «где-то в отлучке», а в Мешхеде у ген. Маллесона, с которым, как признанный лидер эс-эров, он, очевидно, вел переговоры об оказании помощи в случае переворота. Тов. Сазонов в воспоминаниях «об асхабадском фронте» указывает по этому поводу следующее: «Еще в начале восстания Доррер был в Персии, в Мешхеде, и там, как представитель асхабадского правительства (?), вел переговоры о вмешательстве англичан и о помощи» [1]). Однако даже помимо А. Доррера в распоряжении Фунтикова еще до переворота было прекрасное орудие связи с англичанами, а именно—прямой провод. Указывая на ту толчею, которая царила в первые дни после переворота, Фунтиков в уже цитированной записке замечает: «и вот изволь бросать переговоры по прямому проводу с Ташкентом, Чарджуем и англичанами» и т. д. Здесь необходимо кстати упомянуть, что уже до переворота состав закаспийских телеграфистов и телефонистов был целиком на стороне антисоветских партий. Как мы видим из этих разрозненных фактов, представляется почти очевидным, что, как и в Баку, асхабадский переворот был спровоцирован англичанами, опиравшимися на соглашательские партии и на чисто белогвардейские элементы (союз фронтовиков, вожди туркмен).

Что касается до английской интервенции на территории всего Закаспия, то она вообще предшествовала асхабадскому перевороту. Последний произошел, как известно, 16 июля, заключение договора с англичанами 19 августа, но уже весной прибывает в Энзели в распоряжение Денстервиля, отряд морской пехоты под командой командора Норриса, о котором мы будем подробно говорить в дальнейшем, а также полковник Баттин, «который, благодаря своему знанию русского языка, был назначен командовать красноводским отрядом» [2]). Несколько дальше указывается, что красноводское правительство, возглавляемое в это время «очень способным железнодорожным инженером Куном, придерживалось твердой антибольшевистской позиции и пользовалось репутацией англофилов... полковник Баттин работал в тесном контакте с Куном и поддерживал действия ген. Маллесона »[2]). Мне не удалось выяснить точное время прибытия полк. Баттина в Красноводск, но несомненно, что самое назначение его начальником красноводского отряда произошло до асхабадского переворота, и, наконец, нам известно, что уже до последнего в этом городе находились переодетые англичане.

Сопоставляя все эти факты, мы неизбежно приходим и для английской интервенции в Закаспии к тем же выводам, которые сделаны были выше для экспедиции Денстервиля в Баку, и которые в силу этого не стану

---

1) „Красная Летопись Туркестана". № 1—2. ЦК КПТ. 1923 г.

2) Денстервиль, указ. книга, стр. 156.

здесь повторять. Наиболее важным представляется установление того факта, что приглашение англичан в Закаспий произошло не после асхабадского переворота, а до него, в результате сношений с ген. Маллесоном, а возможно через Куна и с ген. Денстервилем, которые велись антисоветскими партиями. К сожалению, архив закаспийского правительства был предусмотрительно вывезен в 1919 г. куда-то на Северный Кавказ и там, очевидно, пропал; однако историк и непосредственный участник революционного движения в Закаспии 1918—1919 г. г. А. Мелькумов, на основании имеющихся фактов и непосредственных впечатлений, приходит к следующему выводу: «фактически, повидимому, соглашение с англичанами было достигнуто еще до закаспийского переворота, и англичане, несомненно, принимали участие в перевороте через своих агентов. Теперь шло (в августе 1918 г.) лишь оформление договора... Иначе не осмелились бы эс-эры взяться за такое рискованное дело» [1]).

Зато, что касается до истинных целей английской интервенции в Закаспии, то они были полностью разболтаны незадачливыми компаньонами англичан—эс-эрами. Уже возникший из недр Стачечного Комитета Исполнительный Комитет (в составе Фунтикова, А. Доррера и др.) торопится выбросить лозунг «Ташкент—Москва». В августе 1918 года при поддержке англичан формируется временное закаспийское правительство, которое обращается к населению с большой декларацией, указывающей на значение образования правительства, на методы борьбы с большевизмом и с советской властью и т. п. Полностью разоблачает политическую кооперацию англичан и соглашательских партий, направленную против Советской России, передовица в правительственном официозе «Голос Средней Азии» от 17 августа 1918 г.: «Мы твердо верим, что англичане отнюдь не удовлетворятся скромной ролью освободителей Закаспия. У них имеются безусловно более широкие задания. Наиближайшие сходятся с нашими. Наша общая задача—это уничтожение Ташкентского гнезда, освобождение дороги Самара—Красноводск от всяких пробок. Стратегическое значение этой колоссальной магистрали огромно. Ею замыкаются багдадско-английский фронт с волжско-чехословацким и уральским» [2]). Что эта программа англичан и антисоветских партий не осталась на бумаге, свидетельствуют связи закаспийского правительства с Дутовым и Деникиным, к которому был отправлен ген. Савицкий с просьбой об оказании военной поддержки.

Практика английской оккупации Закаспия полностью оправдала надежды, возлагаемые на англичан антисоветскими партиями. Фактическим диктатором являлся, как известно, не Фунтиков и даже не С. Дружкин, а кап. Реджинальд Тиг Джонс, главный виновник расстрела 26 комиссаров. Особенно важные вопросы, впрочем, выделялись в особый список для «совместного разрешения с ген. Маллесоном», при его регулярных наездах в Асхабад. Дружеское участие англичан выражалось прежде всего в беспощадной борьбе с коммунизмом. Именно по их инициативе с этой целью был организован, напр., специальный орган, как это выясняется из официального отношения одного из членов правительства Худоложкина в Исполнительный Комитет: «Я имел беседу, через переводчика, с командным составом английской армии, имеющим достаточный опыт в этой области, и получил совет, что необходимо организовать особый секретный орган специально по борьбе с большевизмом, ибо он с каждым днем все более и более усиливается, с пунктами в Красноводске и на линии фронта... Из беседы с комиссаром по иностранным делам Зиминым выяснилось, что английское командование обещало притти к нам на помощь». Опуская

[1]) А. Мелькумов. „Материалы революционного движения в Туркмении 1904—1919 г.г.“ Ташкент. Истпарт ЦК КПТ. 1924. Стр. 139.

[2]) Мелькумов. ук. кн., стр. 140.

детали этой повседневной борьбы с большевизмом, укажу, что, когда он принял угрожающие размеры, англичане не остановились перед государственным переворотом. В конце декабря 1918 г. асхабадские рабочие, давно уже разочаровавшиеся в соглашательских партиях, устраивают большой митинг (31/XII), на котором высказываются за советскую власть и прекращение войны. Власти вызывают сипаев для ареста большевиков и ликвидируют митинг. На другой день, 1/I 1919 г., он, однако, возобновляется, и тогда начальник милиции Алания разгоняет его от имени английского командования, которое публикует воззвание, запрещающее устройство собраний без ведома и разрешения английского командования, при чем за всякое нарушение порядка Тиг Джонс угрожает применением военной силы. Убедившись, что правительство Фунтикова бессильно подавить ненавистный большевизм, англичане устраивают переворот; во все правительственные учреждения вводятся караулы сипаев, члены прежнего правительства частично арестовываются, и формируется новая власть в виде «Комитета Общественного Спасения», иначе Директории, в состав которой англичане насильственно вводят палача 26 комиссаров, провокатора и шпиона С. Дружкина и черносотенного вождя туркмен Ораз Сардара. После этого водворяется та «мексиканская» эра политического террора, которую застал и описал В. Чайкин.

Если во внутренней жизни Закаспия англичане распоряжались, как в завоеванной стране, ведя, главным образом, борьбу с большевизмом, то ту же борьбу они проводили и на внешнем фронте. В отличие от ген. Денстервиля, который хотя несколько недель сражался против турок, здесь англичане за отсутствием таковых так же, как и мифических германо-австрийцев, все свои операции, кстати вначале наступательного характера, вели против туркестанских красных войск. По авторитетному указанию Фунтикова, «только благодаря сипаям у нас не получилось панического бегства из Мерва, только благодаря англичанам мы выдержали дальнейший натиск противника вплоть до отхода на Каахкинские высоты».

Лучшей проверкой этих слов является то обстоятальство, что стоило англичанам эвакуироваться из Закаспия (в конце июня 1919 г.), как тотчас же начался решительный военный разгром закаспийских войск Красной армией; уже через несколько дней пала Каахка, до этого, в течение года, преграждавшая дорогу к Асхабаду и Красноводску.

Эта открытая борьба против Советской России не мешала, впрочем, англичанам при случае лепетать, что они не желают, чтобы в Туркестане был германский сапог, и берутся отразить его, требуя лишь, чтобы им не вонзили штык в спину... (заявление английского представителя кап. Джарвиса).

Суммируя все вышесказанное, мы неизбежно приходим к выводу, что операции англичан в 1918—19 г.г. в Закаспии представляли самую циничную интервенцию в жизнь страны, внутри сводясь к свирепому, беспощадному подавлению большевизма, вовне представляя вооруженную наступательную борьбу против Советского Туркестана, с тенденцией распространить эту борьбу в сторону Самары и далее — Центральной России на соединение с уральским контрреволюционным казачеством и чехо-словаками. Лишь недостаток сил и осложнения в других пунктах Ближнего Востока помешали англичанам до конца выполнить эту программу. Характерно, что за несколько месяцев до своей эвакуации Закаспия они намеревались осуществить указанный план. Как явствует из доклада начальника действующих британских войск в Закаспии полк. Ноллиса (Knollys) в конце декабря 1919 г. на фронт прибыл ген. Битти со штабом, «в каче-

стве предвестников более крупных сил, которые было сначала предположено послать, но от чего впоследствии отказались» [1]).

5. Завоевание Каспийского моря

Мы уже имели случай отметить и в дальнейшем приведем новые доказательства внутренней связанности и взаимо-обусловленности тех событий, которые почти одновременно развертывались в Персии, Баку, Афганистане и в Закаспии. Несомненно, что ни одно действие англичан не имело в то время чисто локального значения, и потому его невозможно правильно оценить, исходя лишь из местного политико-географического окружения.

Если исходить из единичных фактов, то попытка Денстервиля защитить Баку от турок получает совершенно непонятный характер, представляясь в виде какой-то бесцельной военной авантюры. В самом деле несомненно, что сам Денстервиль совершенно не верил в возможность и, быть может, целесообразность защиты Баку наличными английскими войсками. За полмесяца до посылки британских войск он обзаводится в Энзели судами «на случай эвакуации Баку». Мало того, обладая явно недостаточным числом войск, около 1.000 чел., при 2 горных орудиях и 8 бронированных автомобилях, он, как мы видели, отряжает небольшой отряд в Красноводск, и это опять-таки накануне бакинской экспедиции. Наконец, великолепно зная низкий боевой уровень бакинских (гл. обр., дашнакцаканских) войск, он, будучи опытным офицером, конечно, никогда не мог допустить возможности серьезного сопротивления наступающей двенадцатитысячной турецкой регулярной армии в том случае, если к ним будут присоединены 900 англо-индийских пехотинцев. И тем не менее Денстервиль систематически обманывал антисоветские партии обещаниями значительной военной помощи и в результате решился на авантюру, которая окончилась крахом и бесславным ночным бегством из Баку английских войск.

События, происходящие в Баку, так же, как и в Красноводске, получат, однако, совершенно иной облик, если мы поставим их в связь с одной тенденцией британского империализма, которая как раз властно проявилась в этот период. Анализируя относящиеся сюда факты, мы приходим к убеждению, что операции англичан в Баку и даже в Асхабаде преследовали задачи, соподчиненные одной главной цели, а именно установлению британского господства на Каспийском море, единственном «не вспаханном» британским флотом. Эта сторона английской интервенции до сих пор мало освещена, между тем, как именно она дает ключ ко многим событиям. Приведем довольно длинный отрывок из уже неоднократно цитированного труда П. Сайкса, дающего, насколько я знаю, единственное связное описание английских операций эпохи 1918—1919 г.г. на Каспийском море.

«Чтобы закончить отчет о британских предприятиях на северной границе Персии, необходимо отметить работу командора Д. Т. Норриса. Этот флотский офицер, с небольшой группой младших офицеров и незначительным морским снаряжением, достиг Энзели весной 1918 г. и принялся за вооружение нескольких пароходов. После эвакуации Баку он передвинулся в Красноводск и был горячо встречен меньшевиками. Он устроил из этого порта базу и продолжал вооружать коммерческие суда, так что в конце октября 1918 г. он имел 4 судна, вполне экипированных и годных к действиям. Тем временем он вступил в сношения с ген. Бичераховым, который и побудил флот Центрокаспия, бывший таким ненадежным союзником для Денстервиля, соединиться с англичанами. Соединенный флот появился

[1]) Military operations in Transcaspia 1918—1919 (Near East and India. 1925. 24 XII.

перед Баку 17/XI 1918 г. и завладел оставленными доками; турки эвакуировали город, который и был вновь занят британскими войсками. Вскоре после этого флот Центрокаспия, который превратился в фокус большевистских интриг и источник угроз, сделал попытку скрыться, но принужден был сдаться британцам.

«Норрис, усилившись, благодаря нескольким береговым моторным лодкам, воздушной эскадре и нескольким вооруженным коммерческим судам, начал устанавливать свое господство над Каспийским морем. Весной 1919 г., когда оттепель освободила большевистский флот в Астрахани, большая часть неприятельских судов двинулась к Александровску. Норрис появился там (21/V), и его флот, сильно поддержанный гидропланами, напал на 30 неприятельских судов, из которых 14 было выведено из строя. Большевистский флот был окончательно разбит, и до эвакуации англичан в августе и передачи флотилии русским (Деникину), задачу которых Норрис облегчил, еще более разрушив неприятельскую базу на острове Ашур-ада, британское верховенство на Каспийском море оставалось никем не оспариваемым, и блестящая страница была вписана в историю британских достижений» [1]).

Пополним и попутно исправим ту картину, которую дает официальный историк английской политики на Востоке. Первыми задачами, которые должны были разрешить англичане, когда Норисс с 180 матросами и несколькими четырехдюймовыми орудиями прибыл к Денстервилю устанавливать Rule Britania на Каспийском море, было приобретение теми или иными путями нескольких судов, а также захват портов для превращения их в морские базы. Англичане выполнили оба эти задания с большой ловкостью и крайней бесцеремонностью.

Если мы соединим на карте те три порта (Энзели, Баку и Красноводск), которые стремились захватить англичане, мы получим треугольник, обращенный своим острием к Персии. Свои операции на Каспийском море англичане начали с захвата вершины треугольника — Энзели, выбранного ими в качестве исходной базы. Как мы видели, там долгое время удерживалась власть Ревкома, подчиненного Баку и крайне неудобного для англичан. В виду этого Денстервиль решает увеличить там постепенно свои силы, чтобы в ближайшем будущем «сделаться господином положения». После ликвидации мешавшего англичанам Ревкома англичане приступают к овладению портом. Однако и тут мешала подозрительность моряков Центрокаспия, которыми, сокрушается Денстервиль, «захват судов и порта, при помощи военной силы, был бы истолкован в смысле политики «бронированного кулака», каковую мы за отсутствием войска проводить не имели возможности». Англичане, однако, нашли выход в виде договора, заключенного ими с портовыми властями (кстати не утвержденного Центрокаспием), в силу которого в Энзели появился английский комендант порта, и вообще «через несколько дней Энзели стал походить по своим задачам и целям на настоящий английский порт и оставался таким все время» [2]). Следующим шагом было получение судов, из которых можно было создать, вооружив их, военную флотилию для «господства на водах». Это было выполнено в порядке самой настоящей экспроприации. Сначала было захвачено 3 судна: «Президент Крюгер», «Або» и «Курск». «Нет необходимости описывать все подробности нашего овладения этими судами, — предусмотрительно замечает Денстервиль,—достаточно будет сказать, что центрокаспийская директория заподозрела нас в намерении дать этим судам нежелательное для них применение». Однако для осуществления «нашего глав-

---

[1]) P. Sykes. History of Persia. Гл. Британский флот на Каспийском море. Стр. 497—498.
[2]) Денстервиль, ук. книга. Стр. 187, 186.

ного задания—господства над Каспийским морем», как без обиняков замечает Денстервиль, этих 4 судов, из которых два вдобавок находились в ненадежном Баку, было явно недостаточно. Военная экспедиция в Баку представляла для этого прекрасный случай. Немедленно по прибытии сюда Денстервиль, которого, кстати, все время торопил Норрис, обращается к директории с требованием предоставить ему несколько коммерческих судов для превращения их в боевые единицы, оперируя при этом совершенно фиктивными аргументами. Несмотря на ожесточенное противодействие со стороны каспийских моряков, соглашательское правительство все же уступило и предоставило англичанам в добавление к уже имеющимся, еще два судна: «Удача» и «Игнатий». Правда, впоследствии делались неоднократные попытки отнять эти суда, но англичане приставили к ним бессменный караул и сохранили их в своем распоряжении. Решив, наконец, покинуть Баку, англичане ночью ускользают на украденных или, по их терминологии, «захваченных судах» «Крюгере» и «Армянине», испытав артиллерийский обстрел со стороны сторожевого судна Центрокаспия, пытавшегося задержать пиратов.

Конечно, было бы известным упрощением событий об'яснить английскую экспедицию в Баку одним лишь намерением захватить несколько судов Центрокаспия, хотя этот мотив и играл весьма важную роль. Проделывая эту авантюру, англичане, несомненно, учитывали и огромное стратегическое значение самого Баку, делающее его важнейшим портом в Каспийском море. В случае неоказания ими той или иной военной поддержки Баку, несомненно, вновь оказался бы под советским влиянием, так как в это время происходили переговоры с ненавистными большевиками, которые предлагали директории Центрокаспия образовать коалиционное правительство и снабдить город необходимыми военными материалами и воинскими силами, но при условии, что английские войска уйдут из Баку и его районов. В этом случае в бакинской гавани неизбежно появился бы астраханский красный флот, в то время неизмеримо сильнейший английского, и мечта об их супрематии на Каспийском море рушилась бы бесповоротно. Экспедиция Денстервиля, таким образом, в случае успешного, хотя и мало вероятного, исхода превращала Баку в английскую военную базу и отдавала флот Центрокаспия в их полное распоряжение; в случае неудачи, в Баку утверждались турки, которые в тот момент, несмотря на всю болтовню об «опасности Индии», были гораздо менее опасными для англичан, чем Советская власть. Что касается до флота Центрокаспия, то, как легко можно было предположить, в случае победы турок, он должен был уйти из города и рано или поздно все равно достаться англичанам, если, конечно, исключить такую маловероятную тогда возможность, как присоединение его к красному астраханскому флоту. Как мы знаем, события пошли по первому пути, и англичане, при любезном содействии Бичерахова, получили в фактическое владение всю флотилию Центрокаспия.

С точки зрения каспийских планов англичан мы должны пересмотреть и события, происходившие в то время в Закаспии. Ведь на ряду с Энзели и Баку Красноводск являлся третьим стратегическим ключом к Каспийскому морю, третьей вершиной каспийского треугольника. Англичане с большой охотой всегда подчеркивали необычайно выгодное положение этого порта, превращающее его в «ворота Центральной Азии». Неудивительно, что, как мы уже отмечали выше, английская интервенция в Закаспии началась как раз с фактического овладения Красноводском. Заключив 19 августа 1918 г. соглашение с Асхабадским правительством, англичане торопятся юридически закрепить свое положение в этом порте. Один из пунктов этого секретного соглашения указывает, что «в виду морского и специально-технического значения защиты его англичане получают здесь особые

права сравнительно с прочей территорией Закаспия»: они получают привилегию иметь свои войска, «под исключительным командованием старшего английского офицера», и т. п. В дальнейшем они получили здесь полный контроль, и ген. Маллесон неоднократно настаивал на праве англичан «распоряжаться Красноводским портом в военном отношении».

Фактически Красноводск превратился в такой же чисто английский порт, как и Энзели. Здесь безраздельно владычествовал Норрис, заставляя рабочих через посредство послушного председателя «Правраскома» (Правительственного Распорядительного Комитета) Куна работать по 12 часов, 8 на транспорт и 4 на вооружение судов. Здесь, употребляя немного избитое выражение, был устроен «Каспийский Гибралтар». Против кого же была направлена эта английская гегемония на Каспийском море — этом Средиземном море для стран Средней Азии? Разумеется, не против немцев и турок, которые никогда не имели здесь ни одной фелюги, а единственно и всецело против Советской России. Главное операционное направление шло на Астрахань, и мы уже видели—англичанам удалось нанести поражение красному флоту и таким образом надолго изолировать берега Персии, Закавказья и Закаспия от большевистской опасности с моря. Недаром асхабадский орган эс-эров «Голос Средней Азии» с восторгом констатировал 23/X 1918 г., что «в Баку нет ни большевиков, ни турок, на море царствует дружественный нам английский (?) флот, угрозы со стороны Астрахани не существует; наоборот, астраханские большевики с опасением смотрят на нас и на наших союзников».

Подводя итоги вышесказанному, мы можем констатировать, что 1) англичане в 1918—1919 г.г. стремились утвердить свою военную супрематию на Каспийском море, относясь к этому, как к своей основной задаче; 2) для осуществления этого плана они насильственным путем оккупировали Энзели и по секретному договору с антисоветскими партиями превратили Красноводск в чисто имперский порт; 3) свой флот они создали путем обманного присвоения судов Центрокаспия, угона их и тому подобными типично-пиратскими способами; 4) целью этой морской интервенции являлось уничтожение, или во всяком случае максимальное ослабление, астраханского красного флота и насильственное изолирование Советской России от зон, тяготеющих к Каспийскому морю, а именно: восточного Закавказья, северной Персии и Закаспия. Недаром и Британская Энциклопедия, и П. Сайкс указывают, что одной из задач миссии Денстервиля являлось «открыть доступ к кавказским республикам».

6. Английские комбинации в Средней Азии

Чрезвычайно любопытная страничка английских операций эпохи 1918—1919 г.г. имеет отношение к Бухаре. В период военной борьбы Закаспия с Советским Туркестаном последняя получила чрезвычайно важное стратегическое значение. Несмотря на постоянное изменение фронта, можно все же принять, что с конца августа 1918 г. базой красных войск был Чарджуй. Линия снабжения их проходила, таким образом, через Бухару. Выступление последней против Советской власти отрезало бы красную армию, укрепившуюся в Чарджуе, от Ташкента, что, несомненно, не только изменило бы в благоприятном смысле положение Закаспия, но и вызвало бы падение Советской власти в Ташкенте. Кроме того, доброжелательный нейтралитет Бухары был необычайно важен для возможности получать продовольствие красной армии. Неудивительно, что англичане принимали все меры к тому, чтобы перетянуть Бухару на свою сторону. Несмотря на тайну, окутывающую сношения англичан с бухарским эмиром, мы все же знаем, что агенты Англии пытались заключить с ним друже-

ственный договор, опираясь на подкупленных сановников. Афганский посол в своем донесении в Кабул определенно указывает: «Так как прибытие англичан в Бухару и нахождение вообще Бухары под протекторатом Англии приносит большой вред для всего ислама и в особенности для Афганистана, то мною принимаются все меры к тому, чтобы помешать этой дружбе... и к тому, чтобы искоренить всякую мысль у государственных людей Бухары о возможности дружбы с англичанами» [1]).

Помимо дипломатических переговоров, чтобы облегчить военное выступление Бухары против советской власти, англичане снабжают ее военным снаряжением. Другой афганский агент сообщает: «Англия уже прислала 78 верблюдов, а не 200, как думали, с ружьями для Бухары. Но вместе с этим караваном прибыло десять англичан, из которых два все время находятся у эмира. Необходимо во что бы то ни стало отклонить бухарский народ от союза с англичанами, так как в противном случае это обстоятельство принесет большой вред Афганистану». Т. Сазонов в статье «Асхабадский фронт» также указывает, что эмир получил 13.000 винтовок и ящики с патронами и за это обязался выставить 40.000-ое войско и отрезать красный фронт от Ташкента [2]). Стремясь заручиться симпатиями населения Бухары, англичане прибегали к различным мерам. Так, например они об'явили, что будут менять всевозможные денежные знаки (керенки, советские) на николаевские в любом размере, если же кто пожелает, то будут выдавать чеки на банки Индии. Пытаясь спровоцировать разрыв Бухары с Советским Туркестаном, англичане побудили Закаспийское правительство сделать попытку обойти красные войска через восточную Бухару: именно эту цель преследовал налет на Керки, за которым должна была последовать попытка захвата Термеза [3]).

Планы англичан в Бухаре окончились полным крахом. Эмир занял выжидательную, хотя и крайне двусмысленную, позицию. Он охотно принимал от англичан оружие и деньги, но одновременно продолжал продавать продовольствие красной армии, не открывая против нее открыто враждебных действий.

Тем не менее настойчивые попытки англичан создать из Бухары буферное государство под своим протекторатом, а также снабжение ее оружием для борьбы против советской власти заслуживают всяческого внимания. Ряд данных заставляет предполагать, что англичане стремились превратить весь Туркестан в вассальное государство, типа Египта или Ирака. По крайней мере, в нескольких источниках мы имеем указание, правда, глухое, о какой-то аренде, которую англичане пытались навязать закаспийскому правительству на 10—15 лет, о приезде в Асхабад агента Нобеля и пр.

7. Английская интервенция и расстрел 26 комиссаров

В предыдущем уже неоднократно указывалось на тесную связь всех контр-революционных организаций и образований, поддерживаемых англичанами. Мы уже видели тесную связь Денстервиля с Бичераховым. Опираясь на него, англичане пытались создать контр-революционное «кавказо-каспийское правительство» (в октябре 1918 г.), которое, правда, в виде чисто бутафорской организации, просуществовало вплоть до 1920 года. Чрезвычайно характерна поздравительная телеграмма ген. Маллесона, посланная по поводу образования этого правительства «в целях об'еди-

[1]) Стембо. Указ. статья.

[2]) „Красная Летопись Туркестана", 1—2.

[3]) Этот любопытный эпизод подробно описан в статье Волжского: „Возникновение и ликвидация Керкинских событий" („Красная Летопись Туркестана", 1—2).

нения всех сил, борющихся против германо-большевиков». Во время вторичной оккупации Баку англичанами кавказо-каспийское правительство, возглавляемое агентом Бичерахова эс-эром Мерхелевым, помогало англичанам при расчетах с рабочими, получая деньги с парохода «Эвелина» по визе Бичерахова. В дальнейшем, когда англичане почувствовали себя прочнее, они довольно бесцеремонно ликвидировали это кукольное правительство, выдав Мерхелеву за услуги 40.000 рублей николаевскими. Несколько забегая вперед, укажу, что две недели спустя англичане таким же путем «рассчитали» и Бичерахова, отправив его под охраной в Батум и далее в Англию. Однако в конце мировой войны, когда турки овладели Баку и Дагестаном и заставили Бичерахова пересесть на пароход, обе эти силы были нужны англичанам. С другой стороны, и Бичерахов и, разумеется, кавказо-каспийское правительство были тесно связаны с асхабадским правительством и в особенности с Красноводском. Отсюда англичане везли на Северный Кавказ снаряды и оружия, получая взамен зерно.

Еще теснее была, разумеется, связь Красноводска с Баку. Все деятели английской интервенции постоянно обменивались деловыми визитами. В начале августа 1918 г. приезжает в Баку Тиг Джонс, которого диктаторы Центрокаспия чествуют банкетами и речами. Мы уже знаем, что полковник Баттин был направлен в Красноводск Денстервилем и являлся посредствующим звеном для связи с Маллесоном. 29 августа он приезжает в Баку на совещание с Денстервилем, который в это время обдумывал план двинуться, после предвиденного им уже тогда падения Баку, на Красноводск, «дабы возобновить свои дальнейшие операции в Туркестане, базируясь на Красноводске». Несомненно, что на этих совещаниях вырабатывалась программа ближайших действий в Баку и Закавказье. Деловая связь между Баку и Красноводском была настолько тесна, что они даже обменивались «политическими преступниками». Тотчас же после образования диктатуры Центрокаспия красноводский правраском, Кун, кстати, сам часто наезжавший в Баку, потребовал от нее выдачи для «народного суда» трех большевиков, посланных еще при Советской власти для различных закупок; диктатура Центрокаспия, конечно, без колебаний выполнила это требование.

Все эти факты весьма важны для понимания некоторых обстоятельств, сопровождавших убийство 26 комиссаров.

Та версия, которую по этому поводу сообщает Денстервиль, отличается необычайной лаконичностью и крайней неточностью: «Шаумян и Петров были посажены в городскую тюрьму (после попытки прорваться в Астрахань). Они были отпущены на свободу в день падения Баку, после чего отправились с небольшой группой своих приверженцев в Красноводск. К несчастью для них, в то время большевики были очень непопулярны в этом городе и вся их партия была расстреляна» [1]). При чтении этих строк сразу бросается в глаза подчеркнутая искусственная неосведомленность автора, который не мог, конечно, не знать, что 26 были расстреляны вовсе не в Красноводске и не по почину властей этого города, а по директивам англичан и Асхабада. Наоборот, представляется вполне вероятным, при наличии отмеченной постоянной кооперации между Баку и Красноводском, что 26 комиссаров были провокационным образом отправлены англичанами в Красноводск, где уже имелись инструкции относительно расправы над ними. Несмотря на показное равнодушие Денстервиля, С. Шаумян и его товарищи были слишком крупными и опасными фигурами в той игре, которую в то время вел английский империализм, чтобы он решился выпустить их из своих когтей. Ликвидировать их в Баку англичане не решались, боясь реакции со стороны бакинских рабочих, которые уже

[1]) Денстервиль, ук. кн., стр. 216.

в период диктатуры Центрокаспия несколько раз выбирали С. Шаумяна и др. в Совет, несмотря на то, что они сидели в тюрьме. Предать же их военному суду, как мы знаем из показаний следователя тогдашней чрезвычайно-следственной комиссии Жукова (сделанных на процессе Фунтикова), не удалось, хотя соответствующая попытка и была сделана (в сер. сентября). Денстервиль не мог не знать, что именно С. Шаумян являлся наиболее убежденным противником английской интервенции, предсказывавшим, как раз накануне ее наступления, что «Баку будет собственностью англичан с того момента, когда английские технические силы будут представлять здесь значительную величину», что англичане непременно попытаются низвергнуть советскую и пролетарскую власть, опираясь на антисоветские силы и т. п. [1]). Выпускать такого опасного врага на свободу явилось бы отступлением от испытанной тактики английского империализма.

Тактика англичан и заключалась в том, что они подстроили отправление 26 именно в Красноводск, где уже имелись инструкции на будущее. Неслучайно, накануне падения Баку, здесь оказался Кун, который вернулся в Красноводск незадолго до привоза 26 комиссаров. На пароходе «Туркмен», который вез последних, ехали почему-то два английских офицера, разумеется прекрасно знавшие маршрут «Туркмена». Всему вышесказанному вполне соответствует обстановка прибытия 26 в Красноводск. Согласно показаниям бывшего начальника красноводской милиции Алания, едва «Туркмен» вечером прибыл в порт, как было отдано приказание усиленно охранять весь берег, чтобы комиссары не могли скрыться; охрана состояла из чинов милиции, солдат и туркмен. На берегу Уфры были расставлены пулеметы и береговая английская батарея. После этого на катере Бугас отправляется на «Туркмен» Алания с известным уже нам Баттиным производить аресты комиссаров [2]). Все эти приготовления были бы совершенно непонятны, если бы красноводские власти не знали, кто прибыл. Совершенно исключительная по размерам мобилизация вооруженных сил получает смысл лишь при предположении, что англичане прекрасно знали заранее о прибытии парохода с комиссарами, а также об огромном политическом значении последних.

Наконец, в следственных материалах по делу Фунтикова имеется телеграмма Куна Бичерахову, предлагающая предать бакинских комиссаров военно-полевому суду.

8. Размах и общий характер английской интервенции 1919 г.

Мы уже имели немало случаев убедиться в огромном размахе английской интервенции, которая в 1918 г. происходила на Кавказе, в Средней Азии и на Каспийском море. Особенно усилилась английская интервенция в 1919 г., после окончания мировой войны, когда эвакуация турецких войск дала возможность англичанам вновь вернуться в Баку. Как известно, свое появление в Закавказье англичане официально об'ясняли желанием обеспечить эвакуацию турецких и немецких войск. Однако уже первая прокламация ген. Томсона (19/XII 1918 г.), превратившегося в генерал-губернатора Баку, возвещала, что «союзники не могут возвратиться к себе домой, пока не восстановят порядка в России».

После этого мы видим фактическую военную оккупацию всего Закавказья, но, и это очень характерно, исключительно по линии транскавказской ж. д. магистрали.

---

[1]) С. Шаумян, ук. кн., стр. 218.

[2]) Каэм. „Английская политика в Туркестане в эпоху гражданской войны в России“. „Военная Мысль“. (Ташкент, 1921. Кн. 3).

В этот период (1919 г.) величайшего под'ема английского империализма мы видим, как радикально меняется, расширяется самое содержание их интервенции. Если мы соединим на карте пункты, занятые в то время англичанами, а именно: Константинополь, Батум, Тифлис, Баку, Красноводск, Асхабад, то мы убедимся, что они стремились создать в то время великую имперскую магистраль, ведущую из Средиземного моря вглубь Средней Азии. Уже отмеченные операции англичан в Бухаре, с этой точки зрения, преследовали цель создания буферного государства, призванного охранять новую имперскую магистраль с востока.

Не останавливаясь на подробностях, укажу, что английская оккупация носила черты самого беззастенчивого колониального режима. Первым шагом, проведенным ими в Баку, было введение военного положения, телесных наказаний, смертной казни, запрещение стачек, собраний, требование выдачи оружия и т. п. Лишь героическое сопротивление бакинского пролетариата, ответившего на английские эксцессы трехдневной забастовкой, заставило их отменить или значительно смягчить перечисленные меры. В дальнейшем мы видим самое бесцеремонное хозяйничанье в жизни Азербайджана. Для управления судами организуется английское морское транспортное управление, при чем под шумок каспийское пароходство «Кавказ и Меркурий» покупается лондонской финансовой группой. Нефтяная промышленность, разумеется, денационализируется, создается «Британская нефтяная администрация», после чего начинается бешеный вывоз нефтепродуктов через Батум. Если прежде этот вывоз равнялся 3—6 млн. в год, то в 1919 г. англичане догнали его до 20,6 млн. пудов. Характерно, что, вывозя за бесценок огромное количество нефтепродуктов, англичане ни за что не хотели оплачивать акциз и вывозные пошлины. Зато «у себя» в Батуме, они установили специальную ввозную пошлину, уплата которой являлась предварительным условием на право получения склада для нефти. Всякую оппозицию своим требованиям англичане подавляли чрезвычайно оригинальным способом: они временно приостанавливали работу керосинопровода, нанося таким образом огромные убытки бакинской промышленности. Если мы присоединим сюда присвоение всех ценностей Бакинского отделения Русского Государственного Банка, мы получим общую картину экономики английской оккупации [1].

Аналогичную картину мы видим в Батуме. Весной 1919 г. английский крейсер «Тезей» высаживает в Батуме три английских батальона по 500 человек каждый, а также выгружает артиллерию. Генерал-губернатором делается ген. Кук Коллис, после чего в городе водворяется полная доминация англичан, продолжающаяся больше года (до 7/VII 1920 г.). Выбросив лозунг «no autority to stay in Batoum» [2], англичане начинают всецело хозяйничать в городе. Они визируют паспорта, досматривают приходящие, даже французские суда и т. п. На мирной конференции они подымают, но неудачно, вопрос о превращении Батумской области в свободное государство, с правом пользования портом для трех закавказских республик. С населением англичане поступали, понятно, самым бесцеремонным образом: через своих агентов они создали совет, фиктивно представляющий все группы населения и призванный помогать английскому ген. губернатору. Когда жители Кобулет отказались принять уполномоченных этого совета, то туда был назначен комиссаром белогвардейский полковник, пришедший вместе с ротой сипаев.

Даже после эвакуации войск из Закавказья (в ноябре 1919 г.) англичане остались в Батуме. «В видах пользы и благосостояния города

[1]) А. А. Попов. Из эпохи английской интервенции в Закавказье. Журн. „Пролетарская Революция". 1923. №№ 6—9.

[2]) E. Lesueur. „Les anglais en Perse", 1924.

Батума» они даже распустили городскую думу и назначали управу под председательством английского офицера.

В политической жизни остального Закавказья период английской оккупации означал эпоху резкого обострения национальных противоречий и необычайного развития государственного партикуляризма [1]). Выступая охотно в благородной роли третейских судей, англичане передавали Армении заведомо мусульманские территории и обратно, вызывая в результате кровавые столкновения и целые войны. Всякое действие населения, противоречащее английским планам, тотчас же свирепо ликвидировалось. В начале 1919 г. была сделана попытка создать самостоятельное государство Юго-Западного Кавказа с центром в Карсе. Англичане немедленно посылают в Карскую область английского офицера в качестве губернатора, когда же самочинно образуется парламент (шура) Юго-Западного Кавказа, то англичане вооруженной рукой распускают его, арестовывают 35 человек и отправляют их на Мальту.

Политика англичан в этот период в Закавказье носит совершенно обдуманный характер, притом направленный против Советской России. Искусственно обостряя национальные противоречия, они усиливали раздробление Закавказья на ряд мелких шовинистически настроенных государств, больше всего противящихся обратному воссоединению с Россией, да еще вдобавок революционной. Попутно с этим англичане организовали на этой территории и прямую вооруженную борьбу против Советской России. В Баку под их крылышком устроился штаб русских белогвардейцев, возглавляемых ген. Эрдели, Пржевальским и др., открыто занимавшихся вербовкой офицеров в Деникинскую армию. Совершенно аналогичную картину мы видим в Батуме, превратившемся при англичанах в гнездо добровольческой армии, а также в Эривани.

Крайние северные петли английской интервенционистской сети лежали на Северном Кавказе. Денстервиль указывает, что майор Роландсон, прикомандированный сначала к Бичерахову, был отправлен затем «со специальным поручением на Северный Кавказ». Позже аналогичные английские агенты имели «специальное поручение» всячески поддерживать Деникина в его борьбе против горцев Северного Кавказа и Дагестана. На заседании в марте 1919 г. деникинцев с представителями Чечни начальник британской военной миссии Бригс дает чеченцам добрый совет «помочь Деникину в его борьбе с большевиками, прекратить междоусобицу, дать возможность исправить железную дорогу и т. п. и не верить ложной пропаганде» [2]). Когда Деникин вторгается в Дагестан и захватывает Петровск, то английский представитель при горском правительстве успокаивает последнее, что Деникин на Дагестан не пойдет, но добровольческая армия «временно» будет пользоваться пунктом Шамиль Кале (Петровск), как базой для переброски войск на Астраханский фронт для подавления большевиков.

Если мы добавим, что при содействии англичан были налажены связи между закаспийским правительством и Дутовым, мы получим представление о грандиозном размахе английской интервенции 1918—1919 г.г.

В заключение остается ответить на один вопрос, который до сих пор в литературе не получил удовлетворительного разрешения. Под давлением каких обстоятельств англичане, добившись с таким трудом политической и военной супрематии в Закавказье, на Каспийском море и в Закаспии, во второй половине 1919 года почти целиком покидают эти

---

[1]) См. мои статьи в Больш. Сов. Энцикл.: „Азербайджан" и „Армянский вопрос", а также P. G. Chasnais. Les peuples de la Transcaucasie pendant la guerre et devant la paix. 1922.

[2]) В. Апухтин. Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. „Новый Восток". № 8—9.

территории? Несомненно, что для об'яснения этого феномена мы должны привлечь ряд причин. Необходимо помнить, что именно этот период ознаменовал высшую точку британского влияния на Ближнем Востоке. С Персией Англия заключила в августе 1919 г. договор, превращавший эту страну фактически в британскую колонию. В Турции Англия накапливала силы для разгона парламента и военной оккупации Константинополя, что и было сделано в начале 1920 года. Наконец, с Афганистаном был заключен договор в Равваль Пинди (1919 г.), окончательно ликвидировавший угрозу Индии с этой стороны. Английское дело на Востоке казалось консолидированным, и угроза со стороны Советской России уже не представлялась такой реальной, как в 1918 году.

Дальнейшая, дорого стоящая оккупация Закавказья и Закаспия была бы для Англии целесообразной, если бы она могла в той или иной форме установить над ним свой протекторат. Мы знаем, что на Парижской конференции Англия действительно добивалась получения мандата на все Закавказье, но наткнулась на сопротивление Франции и других держав, испугавшихся перспектив столь грандиозного усиления своего «союзника».

Наконец, одной из главных же причин ухода Англии из оккупированных территорий было то обстоятельство, что она считала их достаточно обеспеченными от большевистской заразы, благодаря добровольческой армии, которая как раз в это время достигла крупных успехов. Вместо того, чтобы самой проделывать дорогостоящую интервенцию, она предоставила выполнять это Деникину, продолжая ему, конечно, оказывать материальную и военную помощь. Великая имперская магистраль, созданная Англией, явилась одновременно как бы гигантской осью для всей южной контрреволюции. Опираясь на нее, получив Каспийский флот, заняв на Кавказе те позиции, которые были заранее приготовлены англичанами, Деникин со своей армией казался тем надежным барьером, который отгородит навсегда революционную Россию от стран Ближнего Востока. Телеграмма союзного верховного комиссара Деникину (2/XII 1919 г.), в связи со слухами о его наступлении на Баку, хорошо знакомит нас с этими английскими настроениями: «Мирные условия уже установлены на Кавказе, большевизм подавлен, и существующие правительства разрешают свои разногласия мирным путем и арбитражем».

Тов. Чичерин, подчеркивая эту причину эвакуации англичанами Закавказья, указывает, что осенью 1919 г. Ллойд Джордж на одном банкете утверждал, как аксиому, что в России проходит черта между Южной и Центральной Россией, и ни та ни другая не могут перейти ее и завоевать одна другую; по словам Ллойд Джорджа, для Англии это очень хорошо, потому что это означает ослабление того векового врага, с которым Англия всегда боролась, и осуществление того, о чем мечтал Биконсфильд [1]). Разгром добровольческой армии смыл этот барьер, на который возлагала такие упования Англия, а советизация Закавказья и Закаспия вновь приблизила ненавистную для нее Советскую Россию к заповедным границам Турции, Персии и Афганистана. Интервенция 1918—1919 г.г. оказалась битой картой.

---

[1]) Тов. Чичерин. Речь на праздновании 25-летия бакинской организации РКП („Известия ЦИК СССР“, 7/V, 1924 г.).

С. Д. Куниский

Жорес—историк

I. Философские основы исторического метода Жореса

Исторические взгляды Жореса тесно связаны с его миросозерцанием вообще и с его философской концепцией в частности. Именно в этой области следует искать истоков исторического метода Жореса, туда уходят глубокие корни его.

Все мировоззрение Жореса было насквозь пропитано дуализмом, который порой переходил в грубый эклектизм. В особенности резко это проявилось в его философских взглядах, в которых он долго и тщетно пытался примирить два вечно враждующих направления философской мысли: материализм и идеализм. Как всегда бывает в подобных случаях, Жорес, в конце концов, скатился к идеализму, ибо тот, кто раз вступает на скользкую дорогу его, хотя бы держась одной рукой за опорную нить материализма, неизбежно соскальзывает по наклонной плоскости идеализма. Материализм принадлежит к числу тех философских направлений, которые в наибольшей степени требуют последовательности. Идеализм же, будучи соединен с другим философским элементом, неизбежно поглощает его целиком. Именно поэтому всякий философский эклектизм так или иначе, прямыми или окольными путями приходит к идеализму. И в таком же положении volens nolens оказался и Жорес. Не говоря уже о молодом Жоресе, который вынес из Ecole-Normale чистокровный и самый ординарный философский идеализм, сильно отдававший реакционностью, но и в более поздний период, когда он сделался социалистом, у него можно найти страницы, наполненные банальными и совершенно поверхностными рассуждениями на тему о вечных истинах, справедливости, красоте и т. п. Это—все отрыжки философского идеализма.

II. Историческое миросозерцание Жореса

Все это, понятно, не могло не отразиться на исторической концепции Жореса: вся она была насквозь проникнута тем же дуализмом, той же эклектикой. Впрочем, Жорес не только не скрывает этого, но он делает своим лозунгом это стремление примирить между собой противоположные начала. «Нельзя противополагать друг другу материалистическое и идеалистическое понимание истории: оба они сливаются в единую нераздельную концепцию» [1]), пишет он и тут же добавляет: «Рискуя вызвать в читателе недоумение сопоставлением этих великих имен, мы выражаем надежду, что Маркс, Мишле и Плутарх послужат источниками вдохновения для авторов этого скромного исторического труда» [2])...

[1]) Дискуссия Жореса и Лафарга в сб. „Истор. Матер." под ред. Семковского стр. 118.
[2]) Там же.

Действительно, с первого взгляда эти три имени, поставленные рядом, могут произвести несколько странное впечатление, но если вспомнить вышесказанное, тогда становится ясным, что мы имеем здесь, в конце концов, дело с известной персонификацией того эклектизма, который был так глубоко заложен во всем миросозерцании Жореса.

Если отбросить Плутарха, который фигурирует у Жореса только в качестве символа личного начала в историческом процессе, который олицетворяет собой то исключительное значение, которое он придает роли личности, как некоему самодовлеещему элементу, то придется признать, что исторический метод Жореса имеет два истока: железную диалектику Маркса и мистические глубины «нравственного сознания» Мишле. И когда вы читаете исторические работы Жореса, то иногда замечаете два потока: марксизма и мишлеанства, которые текут, не затрагивая друг друга—глубоко внизу проходят прозрачные воды изумительного марксистского анализа, а сверху несутся мутные волны мистической риторики Мишле.

Этот мистический идеализм не образует, и по самой сути дела не может образовать, какого-нибудь органического соединения с материалистической концепцией истории, ибо они слишком чужды друг другу, у них нет никакого сродства, выражаясь химически—в лучшем случае они могут плавать один поверх другого, не смешиваясь друг с другом, как масло по воде—темное масло мистики по прозрачной воде марксизма.

Это становится совершенно очевидным, когда Жорес начинает на наших глазах проделывать этот процесс механического перемешивания двух совершенно чуждых друг другу элементов... «Каково бы ни было,—пишет Жорес,—соотношение между экономическим и социальным строем и человеческою душою, даже и тогда, когда она предается самым смелым и бесплотным мечтам, она все же устремляется и за пределы человеческой среды, в бесконечную космическую среду. Соприкосновение со вселенною пробуждает в ней таинственные и глубокие силы той вечной и деятельной жизни, которая предшествовала человеческим обществам и будет существовать и после них» [1]).

В конце концов, если сорвать красивую внешнюю оболочку с этих слов, то за нею окажутся довольно-таки пошленький идеализм и самая банальная мистика. Если внимательно вчитаться в Жореса, то нетрудно убедиться в том, что этот идеализм, в котором все неясно и туманно, зачастую переходит просто в протест против «грубо-экономического и узко-материалистического подхода к человеческому духу» [2]).

В своем стремлении реабилитировать священные права его Жорес иногда утрачивает всякое чувство действительности, которое в других случаях ему так свойственно. Говоря о влиянии идей Лессинга на герцога Брауншвейгского, того самого, который впоследствии грозил разрушить до основания Париж, Жорес с наивностью пишет: «И кто знает, не давило ли его (герцога Брауншвейгского) воспоминание о великой Лессинговой идее (интернационализма) во время медленного и невеселого похода через разоренную Шампань» [3]). Это типичный образчик сантиментального идеализма Жореса: человеческий дух даже в телесной оболочке герц. Брауншвейгского остается верен себе.

Вот до каких крайних границ доходит иногда идеализм Жореса. Но хуже всего то, что он думает, будто такое понимание человеческого духа можно найти и у Маркса. «Прослеживая полумеханическую эволюцию экономических и социальных форм, мы всегда будем с отрадой констатировать это просвечивающее сквозь нее величие свободного духа, избавляемого

[1]) Там же, стр. 8.
[2]) Конвент, вып. I, стр. 54. В таком подходе Жорес обвиняет Меринга.
[3]) Конвент, в. II, стр. 55.

вечною вселенною даже и от зависимости от человечества. За это нас не могут упрекнуть и непримиримейшие из теоретиков-марксистов. У Маркса есть чудное место, где он говорит, что до сих пор над человеческими обществами господствовала необходимость, слепая эволюция экономических форм... Подлинная история человечества начинается лишь тогда, когда человек, избавившись, наконец, от тирании бессознательных сил, подчинит самое производство своему разуму и своей воле... Но Маркс не отрицает, конечно, что уже и во мраке бессознательного периода высокие умы возвышались до свободы: ими подготовляется и в них возвещает о себе человечество»[1]).

Что силится доказать Жорес? Тенденция его сводится к тому, чтобы утвердить абсолютную автономность человеческого духа. Социально-экономическая стихия и индивидуально-человеческий разум представляют собой два параллельных ряда, которые в общем и целом не сходятся и не влияют друг на друга. Понятно, что, как всякий эклектик, Жорес не высказывает с полной ясностью своей мысли, но тенденция его именно такова.

Для доказательства этого он очень остроумно использовывает глубокую мысль Маркса о том, что при капитализме экономическая стихия закабаляет себе человеческое сознание, а при коммунизме дело будет обстоять как раз наоборот. Но Жорес совершенно забывает, что если человеческий дух освободится от тирании экономики, то это вовсе не значит для Маркса, что он станет абсолютно автономным. Его развитие будет определяться тогда стихией природы, для борьбы с которой человек сможет мобилизовать все свои силы, включая и ту энергию, которая освободится в результате прекращения классовой борьбы.

Да и вообще для Маркса не существовало абсолютной свободы человеческого духа, ибо истинная свобода последнего заключается в том, чтобы он познал те силы, от которых он находится в зависимости. Даже величайший человеческий дух находится в зависимости от той общественной среды, из которой он вышел, и задача историка марксиста отнюдь не заключается в том, чтобы искать тех особенных законов, по которым развивался этот автономный человеческий интеллект, а в том, чтобы найти своеобразные формы этой связи между обществом и его сознанием. Только тогда, по мнению Маркса, можно понять «величие этого свободного духа». Жорес же решил эту проблему в чисто идеалистическом духе, и все попытки его приписать такое же решение Марксу ни на чем не основаны.

III. Был ли Жорес марксистом?

Может быть, после всего вышеизложенного покажется странной даже самая постановка такого вопроса. Правда, Жорес относится к Марксу с исключительной любовью и уважением; правда, он его считает непререкаемым авторитетом и даже, критикуя его, он говорит о нем с восхищением. Правда, соединяя Маркса с Мишле и Плутархом, Жорес старается доказать, что это нисколько не противоречит духу его.

Все это, однако, нисколько, как будто, не должно убедить нас, ибо марксизм принадлежит к числу тех концепций, которые можно или целиком принять, или целиком отвергнуть. Марксизм требует последовательности в максимальной степени, он представляет собой живой, цельный и внутренне связанный организм. Из этого полнокровного организма нельзя вырезать одних составных частей и заменить их другими, ибо это неминуемо должно было бы привести к обескровлению его и превращению в худосочную эклектическую мешанину.

---

[1]) Жорес. История Вел. Французской Революции. Т. I. стр. 8—9.

Это все, конечно, верно, и приходится констатировать, что тот «исторический синтез», который обещан Жоресом, выродился в конечном счете в механическую смесь только словесно связанных между собой элементов. Таким образом, мы приходим к выводу, что поскольку речь идет об общих основах исторического метода Жореса, они имеют очень мало общего с марксизмом.

Однако вопрос с марксизмом Жореса обстоит далеко не так просто, как это кажется с первого взгляда. Один известный русский историк сказал однажды очень остроумно, что, собственно говоря, марксизм это—признак об‘ективный. Иногда историк, который на словах об‘являет себя противником марксизма, на деле в конкретном историческом исследовании пользуется, сам того не сознавая, марксистским методом анализа и приходит довольно неожиданно для себя к марксистским выводам. Он несколько походит на того химика, который, работая над азотистыми веществами с целью нахождения какого-нибудь нового синтеза для удобрения, вдруг открывает сильнейшее взрывчатое вещество.

Жорес в своих общеисторических взглядах об‘ективно, безусловно, не является марксистом, несмотря на все свое честное суб‘ективное стремление быть таковым, хотя бы отчасти. Но когда он переходит к конкретному историческому анализу, когда вы читаете его огромную четырехтомную «Социалистическую историю французской революции», вы видите, как зачастую начинает бить живой источник марксистской мысли среди бесплодных равнин идеалистической риторики.

Я беру на себя смелость утверждать, что как по общим своим выводам о Великой Французской Революции, так и по оценке ее, Жорес нисколько не отходит от марксизма. Более того, можно сказать, что целые страницы и главы его огромного труда о революции наполнены превосходным, и по некоторым вопросам, непревзойденным по сей день, марксистским анализом. Марксизм Жореса, если так можно выразиться, стихийного порядка. Глубокий аналитический ум Жореса заставляет его, иногда наперекор его теоретическим взглядам, становиться на путь чисто материалистического понимания той или иной части революционного процесса; марксистская волна захлестывает Жореса.

Чтобы не быть голословным, я укажу на мастерской анализ причин революции 1789 года в первой главе I тома. Чисто по-марксистски Жорес производит двойной разрез всего общественного организма Франции накануне революции и исследует экономическую и социальную ткань его.

Какими широкими мазками и в то же время с какой скрупулезной точностью, я бы сказал даже мелочностью, обрисована торговая буржуазия крупных портовых городов! Также социологически правильно и конкретно поставлен диагноз о пролетариате. Привилегированные и буржуазия взяты под исторический микроскоп, показано расслоение внутри этих классов и этим проложен путь для будущих историков-марксистов.

Или если взять другой вопрос,—экономическое состояние Франции во время революции было почти впервые исследовано Жоресом, до него это была в значительной степени terra incognita. Он уделяет много места тем глубоким молекулярным процессам, которые происходили в экономической ткани Франции во время революции; в особенности детально он занимается анализом экономики времени Легислативы и Конвента. Уже один тот факт, что Жорес столько места отводит динамике экономической жизни, считая ее одним из важнейших факторов развития революции, показывает наличие у него верного марксистского инстинкта.

Такими же марксистски выдержанными являются 18 и 30 главы III тома, где Жорес анализирует вопрос о причинах, препятствовавших революционизированию Германии и Англии. Понятно, здесь надо считаться

со свойственной Жоресу склонностью переоценивать моменты морального порядка и с его тенденцией придавать идеологическим пружинам значение самостоятельного фактора, в то время как в действительности и то и другое может иметь только зависимое значение. Как образчик этого, можно привести его совершенно неправильную и преувеличенную оценку роли просвещенного абсолютизма Фридриха II и Иосифа II.

Понятно, что в дискуссии с Мерингом по этому вопросу прав последний, а не Жорес [1]). Но с другой стороны, как превосходны те страницы, где Жорес, анализируя виднейших идеологов германской буржуазии, показывает, как они в сущности были все бессильны, пассивны и политически ничтожны. Это общеизвестное положение наполняется под его пером жизнью.

Указывая причины, которые помешали французской революции найти свое естественное продолжение в Германии, Жорес пишет: «Помимо политической раздробленности Германии, бессилия, или, во всяком случае, экономической слабости ее буржуазии, двусмысленной политики ее государей одновременно и прогрессивной и ретроградной, помимо всего этого, необходимо еще считаться с длительным влиянием морального кризиса, вызванного самой реформацией и окончательно заглушившего революционный порыв. Это влияние было двояким. Если реформация и раскрепостила немецкую мысль, то она же послужила для страны и источником страшных междоусобиц, неся с собой моральное величие и материальное разорение. Чтобы не впасть окончательно в отчаяние, Германии оставалось целиком уйти в горделивое созерцание своей мысли. Ее внутренняя жизнь..., жизнь духа, должна была приобрести мировое значение в глазах человечества.

Вся ее действенная воля сосредоточивалась теперь в интеллектуальных дерзаниях. Но даже ее дерзания в области духа приобретали реформистский характер: они носили на себе отпечаток внутренней эволюции, а не разрыва со старым» [2]).

В этом отрывке Жорес-историк отражается, как в зеркале. Здесь видны все его сильные и слабые стороны. С одной стороны, фигурирует «жизнь духа» в качестве чуть ли не самодовлеющего фактора. С другой стороны, превосходная сводка всех причин незрелости Германии, итоги анализа, под которыми мог бы подписаться даже марксист.

Этому анализу ничем не уступает в смысле марксистской выдержанности обзор состояния Англии и в особенности страницы, посвященные рассмотрению тех причин, которые делали английский рабочий класс невосприимчивым к революционному току, шедшему из Франции. И опять-таки несмотря на то, что в вопросе о повышении заработной платы английских рабочих за этот период Жорес расходится с Марксом, в общем и целом он разрешает вопрос совершенно в духе последнего [3]).

Тут же дан сравнительно-исторический анализ Англии и Франции, при чем Жорес показывает, каким образом одни и те же классы, будучи поставлены в совершенно различную социально-экономическую обстановку, совершенно по-разному решают проблемы своей политической жизни [4]).

Такой же высокий интерес представляет собой материалистическая концепция аграрного законодательства Легислативы [5]), тонкий классовый анализ колониальной политики Жиронды [6]) и т. д., и т. д.

---

[1]) См. Конвент, русское изд., т. III, вып. II, стр. 26—28.
[2]) Конвент, т. III, стр. 36—37.
[3]) См. Конвент, т. III, стр. 194, 197.
[4]) Там же, стр. 177—179.
[5]) Жорес. Ист. Вел. Фр. Рев., т. II, стр. 20—29.
[6]) Там же, стр. 167, 190.

Эти примеры можно было бы умножить, но и указанного достаточно для того, чтобы убедиться в том, что Жорес, совершенно не понявший исторической методологии Маркса, интуитивно уловил, однако, дух марксистского исторического исследования и иногда удивительно удачно применял метод исторического материализма к исследованию конкретных проблем Великой Французской Революции.

IV. Суб'ективизм Жореса

Я являюсь решительным противником той точки зрения, которая причисляет Жореса к числу наиболее об'ективных и беспристрастных историков. В частности сторонником такого неправильного понимания Жореса является знаменитый Олар, который пишет о нем следующее: «Поскольку речь здесь идет о политике, партийном человеке и борце, я предпочитаю сейчас же заявить о его (Жореса. *С. К.*) беспристрастии. Оно изумительно, и никакой историк революции не приблизился к нему даже в отдаленной степени. Оно не вымучено, оно не является результатом усилия: этот благородный ум может видеть и судить прошлое без страсти и без ненависти даже тогда, когда он на этом прошлом строит свою политическую доктрину. Эта социалистическая история, это — настоящая история (cette histoire socialiste, c'est de l'histoire), история без эпитетов, история наиболее возвышенная и наиболее ясная» [1]).

Я полагаю, что Жореса следовало бы оградить от таких опасных комплиментов, тем более, что они не соответствуют действительности. Меня сейчас не занимает общий вопрос, поднятый Оларом о том, будто бы настоящей историей является только l'histoire sans épitètes, т.-е. попросту говоря буржуазная история, и что якобы под эту почетную рубрику может быть подведена и история Жореса. Но остается другое утверждение Олара, сводящееся к тому, что «этот благородный ум... может судить прошлое без страсти и без ненависти».

Мне кажется, что трудно придумать характеристику, которая более искажала бы исторический метод Жореса, чем эти слова Олара. Приходится удивляться тому, что Шарль Раппопорт в своей книге о Жоресе целиком соглашается с Оларом в этом вопросе и со своей стороны говорит об отсутствии «всякой узости взглядов и всякого пристрастия» [2]) у Жореса, считая это величайшим его достоинством.

Говорят, что в Жоресе соединяются каким-то странным образом политическое пристрастие с историческим беспристрастием. По крайней мере так формулирует тов. Лукин свою мысль в интересном предисловии к III тому «Социалистической истории французской Революции». «Наличность политических симпатий и антипатий,—пишет он,—не мешает, однако, Жоресу быть в высшей степени беспристрастным историком».

Исторический об'ективизм и беспристрастие—это вообще понятие очень условное, а в применении к Жоресу оно теряет всякий конкретный смысл. Меньше всего можно Жоресу приписать какое-то историческое безразличие. Здесь нужно отличать его об'ективность, вытекающую из правильной, исторической и классовой позиции, от об'ективности, как некоего свойства его исторического метода. Нужно отличать об'ективность от «об'ективизма», если можно так выразиться.

---

[1]) La Révolution Française (исторический журнал под редакцией Олара) 14 octobre, 1902, № 4. Сокращенное изложение этой рецензии имеется в журнале „Современный Мир" за 1909 г. № 9.

[2]) Charles Rappoport. Jean Jaurès, стр. 146.

Если выводы Жореса и его оценка Французской Революции в общем верны, то в этом отнюдь не следует усматривать результата его об'ективности; это является следствием того, что он пишет историю Революции с точки зрения пролетариата, т. е. того единственного класса, который только и может установить правильное ее понимание. Но Жоресу лично, как историку, «беспристрастие летописца» может быть меньше всего приписано.

Жорес в высшей степени суб ективен. Он совсем не стоит в стороне от изучаемых событий, он вовсе не является автоматом, фотографически отображающим исторические явления. Нет! Он живет в событиях, он кипит в котле революции, он вместе с парижским народом с воодушевлением громит Бастилию, с крестьянами уничтожает замки, с женщинами идет в Версаль, удерживает массы от сентябрьских убийств, участвует в свержении монархии, спорит с ораторам революционных собраний или аплодирует им, негодует и скорбит по поводу партийных разногласий, раз'едающих Революцию. Нет такого момента Революции, которому бы он не выказал своего одобрения или порицания.

Я хотел бы подчеркнуть, что Жорес суб'ективен в лучшем смысле этого слова. Он как бы сам является участником описываемого им исторического процесса. Когда он цитирует речь какого-нибудь оратора, (а к цитатам у него большая слабость), то он как бы сам находится в зале Конвента или на его трибунах, он приводит доводы за и против дебатируемого предмета, страстно убеждает других, иногда убеждает себя, выступает с риторическими тирадами, но меньше всего способен сохранить так называемое беспристрастие об'ективного историка: в его жилах течет огненный поток революционного пафоса. Может быть, именно поэтому никто другой кроме Жореса не дал почувствовать всего величия Конвента, этого величайшего революционного парламента в мировой истории.

Несомненно, что этот суб'ективизм Жореса об'ясняется тем обстоятельством, что он всю свою жизнь был ярким политическим борцом. Сам оратор, трибун, политик, глубоко партийный человек, Жорес переносил всю методологию, если так можно выразиться, активной текущей политической борьбы на историческое исследование. Несомненно, он этим вносил в свое изложение массу огня, блеска, жизни; в его описании вы чувствуете могучее пульсирование революционного организма, перед вами катится мощный поток революции и вы видите все ее глубокие подводные течения. В этом, несомненно, положительная сторона суб'ективизма Жореса, здесь сказывается сила его исключительного таланта, такого полнокровного и жизненного.

Но когда этот суб'ективизм проникает во все поры исторического исследования, когда научный анализ заменяется констатированием ошибок, совершенных теми или другими фракциями, партиями или отдельными революционерами, когда вместо историка перед нами выступает обвинитель или, наоборот, апологет — тогда мы в праве сказать, что рассмотрение динамики социальных сил подменяется исторической публицистикой.

В особенности ярко видно это отсутствие настоящего марксистского анализа на вопросе о генезисе революционных войн. Каковы были их причины? Кем они были вызваны? Действительное выяснение этого вопроса у Жореса отсутствует. Основная мысль его сводится к тому, что у Франции не было никакого интереса начинать войну в 1792 году и что если она ее начала, то только потому, что ее втянули в эту страшную бурю воинственные речи Жиронды, Бриссо, Верньо, Иснара и др. Все остальные партии Легислативы пошли за последней только потому, что революция переживала серьезный кризис, из которого надо было каким-нибудь путем выйти.

Со стороны Жиронды, полагает Жорес, было величайшей ошибкой думать, что достаточно возбуждающей дозы воинствующего национализма для

того, чтобы прошло то оцепенение, в которое впала нация. Он спорит и тщетно старается доказать Жиронде, что «можно было бы отделить революцию от войны» [1]). Жорес дискутирует, а не анализирует. Это становится совершенно очевидным, когда читаешь следующие его слова, написанные после того, как он приводит огненную воинственную речь Верньо: «Мне почти стыдно, что покажется, будто я, в качестве запоздалого комментатора, порицаю эти пламенные слова, повлекшие за собою пламенные события. К чему мне бежать за этою огненною колесницею, повторяя—берегитесь! Какой опасный демон увлекает вас? Ослепительная и ужасная колесница, колесница, несущая свободу и войну, свет и молнию, продолжает свой путь» [2]).

В этих словах каким-то странным образом сочетаются крайний суб'ективизм с покорным фатализмом. Однако роль этого последнего в исторических построениях Жореса очень незначительная, в данном случае он фигурирует во всяком случае больше в качестве риторической фигуры. Совершенно неправ Кудрин, который переоценивает фатализм Жореса, и уже во всяком случае фатализм ничего общего не имеет с марксизмом, как это пытается доказать Кудрин [3]).

Впрочем, так же далека от марксизма та суб'ективная трактовка исторических явлений, которую мы выше наблюдали у Жореса. С таким же неистовством нападает Жорес на жирондистов за то, что они форсировали войну с Францией, что было, по его мнению, опять-таки величайшей ошибкой. Он выступает в роли грозного обвинителя по отношению к Прюдому и его газете «Парижские Революции», к Бриссо и его газете «Французский Патриот» и к Керсену за то, что они ориентировались на революцию в Англии, не понимая ее совершенной невозможности [4]). Одним словом, и здесь вместо анализа, вскрывающего глубочайшие корни исторических явлений (в других местах он это умеет делать), у Жореса фигурирует теория ошибок и ответственности перед историей.

V. Отрицательные стороны суб'ективизма Жореса

Жорес очень любит строить разные догадки насчет того, что было бы, если бы та или иная общественно-политическая группа сделала не так, как произошло в действительности, а наоборот. Он сам признается в этой своей слабости: «Историку всегда можно противопоставить свои гипотезы. Ему можно сказать: вот ошибки людей, вот ошибки партии— и вообразить, что без этих ошибок события имели бы другое течение» [5]).

Понятно, гипотезы позволено строить всякому историку, но ими нельзя подменять анализа действительно существовавшего положения вещей. Ведь именно в этом заключается настоящая задача историка, а не в создании, а потом и решении каких-то уравнений, путем ли произвольного введения новых неизвестных величин или путем подмены уже известных величин неизвестными. Марксистской истории такие произвольные конструкции совершенно чужды. В такой же мере совершенно не историчны исследования Жореса, касающиеся так называемых исторических ошибок. Мало констатировать, что совершена та или другая ошибка, необходимо вскрыть ту сумму причин, которые ее вызвали. В чем социологический смысл этих так называемых исторических ошибок? Он заключается в том,

---

[1]) Жорес. Законодательное Собрание, стр. 115.

[2]) Там же, стр. 112.

[3]) Кудрин. Последние труды о происхождении современной Франции (Русское Богатство, 1902 г., № 2).

[4]) Жорес. Конвент, т. III, вып. II, стр. 256—269.

[5]) Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution Française. Ed. revue par Mathiez, t. VIII.

что на одной и той же экономической, социальной и политической базе теоретически возможны для одной и той же партийной группы разные тактические линии в той классовой борьбе, которую она ведет.

И вот историк, который имеет возможность наблюдать события с большей высоты и притом post factum, может констатировать, что с точки зрения дальнейшего развития событий та линия поведения, которая проводилась той или другой группой, была об'ективно ошибочной, ибо в условиях данной социально-экономической действительности была возможна другая тактическая линия, более правильная. Но на этой стадии историк не может остановиться. ибо он должен установить, какие обстоятельства привели к тому, что проводилась не правильная, а ошибочная тактика. Это самая важная задача историка-материалиста.

Главная беда жоресистского суб'ективизма и заключалась в том, что он слишком часто останавливается на первой стадии, не доходя до второй, благодаря чему и получалась такая картина, что он строил всякие совершенно бесплодные гипотезы о том, что было бы с историческим процессом, если бы та или иная ошибка не была сделана, но не выяснял реальных условий, сделавших возможным то или иное историческое действие.

Излагая, например, историю Национального Конвента, Жорес все время скорбит по поводу жестокой борьбы, которая происходила между жирондистами и якобинцами, при чем виновниками ее он считает эгоизм, честолюбие, самовлюбленность и нерешительность Жиронды. В то же время он указывает на ошибочность непримиримой тактики со стороны жирондистов и всячески уговаривает их примириться с якобинцами. Я не говорю уже о том, что здесь отсутствует всякая попытка действительно материалистического об'яснения партийной борьбы в Конвенте, но если даже признать ошибочность тактики Жиронды, то все-таки следует констатировать, что Жорес даже не дал себе труда вскрыть глубокие действительные причины такой ошибочной политики ее, ограничившись указанием на чисто психологические факторы, благодаря чему вся его схема получает сугубо произвольный и суб'ективный характер.

Такие наивные гипотезы строит Жорес и тогда, когда заходит речь о коварном поведении короля в первый этап революции (до выработки конституции). По этому поводу Жорес пишет: «Если бы король был добросовестен, если бы он без задних мыслей соблюдал конституцию и искренно стал на сторону революции, то через несколько месяцев он стал бы посредником между буржуазными партиями» [1]).

В другом месте, рассказывая об интригах Мирабо, ведшего опасную двойную игру и с конституцией и с королем, которого он хотел перетянуть на сторону революции, Жорес пишет: «Как бы то ни было мы не думаем, чтобы мы предавались ребяческой игре ума, задаваясь вопросом о том, что произошло бы и какой оборот приняла бы история в том случае, если бы Мирабо в самом деле убедил короля и увлек его за собою. Мне кажется, что он единственный из всех деятелей революции, вызывающий в уме гипотезу, способную на один момент уравновесить реальность... Если бы мечта Мирабо осуществилась, если бы Людовик XVI отнесся к революции с доверием и внушил ей доверие к себе, новая Франция не порвала бы с вековой традицией. Измена короля и вторжение чужеземцев не заставили бы революцию прибегнуть к крайним и насильственным мерам. А, главное, революция не оказалась бы вынужденной прибегнуть к громадному военному усилию, в конце концов приведшему к наполеоновской диктатуре» [2]).

---

[1]) Жорес. Учредительное собрание, стр. 264.
[2]) Ibid., стр. 284.

Я позволяю себе спросить: каков в конце концов смысл этих беспочвенных предположений? Разве они хоть в какой-нибудь степени уясняют динамику классовой борьбы во время Революции? Одним простым указанием на ошибки королевской власти или Жиронды нельзя разрешить вопроса о перипетиях борьбы враждебных социальных сил Революции, точно так же, как ничего нового не выясняют разные произвольные конструкции, которые любит строить Жорес и образчики которых были приведены выше.

Собственно говоря, скрытый смысл всех этих гипотез заключается в том, что историческому процессу хотят навязать чуждые ему и по существу своему неправильные схемы, схемы, вытекающие из общего идеалистического миросозерцания Жореса. Он хочет изучать историю не такой, как она есть, а такой, какой она должна быть с его точки зрения. Строя свои гипотезы и указывая на ошибку, Жорес стремится направить исторический процесс в желательное ему русло.

Этим руслом является, как уже указывалось выше, по существу говоря, идеалистическое понимание истории со всеми его выводами. Согласно этой концепции исторический процесс идет к совершенно определенной цели, он осуществляет известные задания, вложенные в него человеческим духом. «Происходит ли простая смена форм, или прогресс?» — спрашивает Жорес и сам себе отвечает: «на мой взгляд причина этого развития (общественность. *С. К.*) становится понятной, если признать значение тех основных психических сил, которые я отметил выше... Так как все движение истории является результатом основного противоречия между человеком, как таковым, и тем назначением, какое он получает в общественной организации, то вполне понятно, что историческое развитие имеет своей конечной целью такой строй общества, в котором человек займет положение, соответствующее его сущности... Таким образом мы видим в истории человечества не просто необходимый процесс развития, а развитие прогрессивное, имеющее разумный смысл» [1]).

Эта теория прогресса в самом чистом и неприкрашенном виде подменяет изучение реального исторического процесса каким-то воображаемым, который неизвестно каким способом развертывает заложенные в нем разумные начала справедливости права, красоты и других отвлеченных идей.

VI. Практическое значение истории

В связи с этой идеалистической теорией общественного развития находится и понимание Жоресом значения истории. Следует заметить, что Жорес подходит к истории с глубоко практической точки зрения и в этом сказываются социалист, демократ, народный трибун. Он не цеховой историк и не изучает науку ради науки. У Жореса есть совершенно определенное задание: «Мы намереваемся изложить с социалистической точки зрения для народа, для рабочих, для крестьян события, имевшие место с 1789 г. до конца XIX века», пишет он в введении к «Социалистической истории».

И Жорес не забывает этой своей первоначальной цели. На всем протяжении своей истории он в свойственном ему духе, часто прерывая изложение событий, как бы обращается к современным ему пролетариям и крестьянам с призывом: учитесь у истории! «Это—хороший урок для пролетариев,—поучительно пишет Жорес в одном месте,—не следует пренебрегать никакою деталью, никаким фактором, как бы ни было его влияние косвенно и отдаленно» [2]).

---

[1]) Дискуссия Жореса и Лафарга в сборнике „Ист. мат." под ред. Семковского, стр. 116, 118

[2]) Жорес. Учредительное собрание, стр. 122.

Говоря об убийствах, совершенных во время взятия Бастилии народом, Жорес восклицает в свойственном ему иногда сентиментально-риторическом духе: «И вы, пролетарии, помните, что жестокость представляет собой остаток рабства: ведь она доказывает, что мы еще не отрешились от варварства режима, основанного на притеснении» [1]),

Жорес формально правильно понимал практическое значение исторической науки, как одного из орудий в классовой борьбе рабочего класса и крестьянства, но благодаря своей идеалистической исходной точке он приходил к совершенно ложному пониманию значения истории по существу. В соответствии с общей своей точкой зрения Жорес все время толкует о нравственной ценности истории, он ищет в истории морального поучения совершенно, впрочем, в духе Мишле. Нравственная дидактика составляет основную цель изучения истории для большинства буржуазных французских историков, и поскольку Жорес не мог уйти из-под их влияния в своих обще-теоретических взглядах, постольку он и здесь продолжал ту же линию. Жорес правильно думал, что пролетариат должен учиться на истории прошлого, но учить-то он хотел его не тому, что нужно.

VII. Политическая пристрастность Жореса

Беспристрастие не принадлежало к числу особенностей исторического таланта Жореса. Наоборот, он, пожалуй, был одним из самых пристрастных историков.

Жорес никогда не был цеховым историком и в этом одна из сильных его сторон. Он живет в своем историческом труде, со страниц последнего глядит на вас живое и страстное лицо автора, который сплошь и рядом забывает про свою важную функцию историка и с горячностью старается убедить вас в правильности своей точки зрения и в неправоте тех исторических персонажей, действия которых являются об'ектом его анализа. Мнимое историческое безразличие буржуазных историков, за которым на самом деле скрывается апология капиталистического строя со всеми его отношениями и надстройками, заменяется у Жореса живой и страстной проповедью необходимости новых общественных форм и стремлением доказать на изучаемом материале неизбежность установления социалистического строя.

Недаром Жорес с известным задором назвал все это предприятие, редактором которого он состоял, «Социалистической историей Франции». В этом был вызов буржуазной исторической науке. И недаром целый ряд представителей последней с кислой миной говорили о пропагандистской цели работы Жореса. Даже сам Олар вынужден был признать, что он подошел к ней с известным предубеждением, но достоинства ее были, мол, так велики, что, как уже указывалось выше, он признал за историей Жореса научное значение. Правда—самый комплимент этот довольно двусмысленного характера, потому что Олар склонен признать Жореса историком только в той мере, в какой он перестает быть социалистом. «Эта социалистическая история, — пишет он о работе Жореса,—это настоящая история, история без эпитетов».

Но если Олар действительно так думает, тогда он совершенно неправильно оценил Жореса, как историка. Что Жорес был пристрастным историком, об этом писалось выше. Я беру на себя еще большую смелость утверждать, что Жорес был партийным историком в высшем смысле

---

[1]) Жорес. Учредительное собрание, стр. 209.

этого слова, в том смысле, что он был проповедником великой идеи своей партии—социализма.

Жорес принадлежит к числу наиболее целеустремленных историков. Он превосходно знает, чего он хочет, и когда он пишет свою историю, он ни на минуту не теряет из виду своей великой цели, подобно тому (если писать в стиле Жореса), как гребущий рыбак в темную ночь не теряет ни на минуту из виду огонька маяка.

Жорес вообще принадлежал к числу тех людей, которые могли отдать себя на всю жизнь служению одной идее, это был, если так можно выразиться, моноидейный человек. С того момента, как он об'явил себя социалистом, он был верным рыцарем социализма. Правда, социализм его был скорее этического и эмоционального порядка; правда, пути, которыми он хотел притти к его осуществлению, бывали иногда слишком извилисты и приводили в тупик но все-таки он держал высоко знамя его.

Было бы более чем странно, если бы этот идеал, которому он отдал себя всего, не нашел себе отражения в его истории. И действительно, внимательное чтение всех исторических работ Жореса приводит к следующему выводу: о чем бы он не писал, он повсюду искал элементов хотя бы зачаточных социалистических идей, он прослеживал корни современного пролетариата, как носителя этих идей; определяющим началом и конечным пунктом в его работе опять-таки служила та же идея.

Можно быть противником социализма и на этом основании притти к тому выводу, что социализм и история несовместимы, что нужно выбрать между первым или второй, но сказать, что Жорес постольку историк, поскольку он не является социалистом, это значит совершенно не понять одной из основных особенностей его, как историка.

VIII. Струя современности в истории Жореса

Жорес часто делает прорыв в современность, доказывая этим лишний раз, насколько он далек от бюрократизма ученой аристократии, для которой изучение истории является самоцелью. Для цехового историка считается величайшим теоретическим грехом делать из изучения прошлого базу для практики сегодняшнего дня. Выносить прошлое в сутолку настоящего, сделать его орудием борьбы борющегося класса—это значит превратить якобы абсолютно девственную в политическом отношении науку в один из рычагов политической борьбы, это значит совершить теоретическое грехопадение, это значит впасть в вульгаризацию.

Все это было абсолютно чуждо историческому методу Жореса. Та цель, которую он преследовал, создавая свою огромную «Социалистическую Историю Франции», сводилась к тому, чтобы найти корни настоящего в прошлом. Уже в предисловии Жорес ставит себе вопрос: «каким образом, благодаря каким усилиям людей и в силу какой эволюции вещей дорос пролетариат до той решающей роли, которую ему предстоит сыграть в ближайшем будущем, и какие кризисы ему пришлось пережить. Именно это мы и имеем в виду изложить... Завершая экономическое развитие, пролетариат освободит себя и станет человечеством. Поэтому необходимо, чтобы он понимал историю, экономическое развитие и сознавал величие человека» [1]).

Таким образом, задачи, которые ставил себе Жорес, начиная большой труд, редактором которого он состоял, за который он нес главную ответственность и значительную часть которого он сам написал, были созвучны современности и сугубо актуальны. Когда Жорес, заканчивая

---

[1]) Жорес. Учредительное собрание, стр. 7, 10—11.

этот труд, подводит в последнем XII томе итоги социального развития в XIX веке, то он опять-таки упирается в проблемы современности: вопрос о единстве социалистического движения во Франции, вопрос о сотрудничестве с буржуазией (мильеранизм) и т. д. [1]).

Однако, если эту интервенцию в современность еще можно оправдать, поскольку в нее упирается и самое исследование, то уже совершенно недопустимой с точки зрения беспристрастия буржуазного летописца является та бесцеремонность с которой Жорес, прерывая свое изложение событий Великой Революции, обращается к современности для аналогий, уроков, выводов и т. д. А между тем именно в этом кроется своеобразная сила Жореса - историка.

Заканчивая историю Конвента, Жорес пишет: «Я писал эту длинную историю Революции до 9 термидора в полном разгаре борьбы: борьбы против врагов социализма, Республики и демократии [2]), борьбы между самими социалистами за лучший метод действия [3]). И чем дальше я подвигался в моей работе под перекрестным огнем этой битвы, тем больше укреплялось во мне убеждение, что демократия—это большое завоевание для пролетариата» [4]). Таким образом, изучение Революции 1789 года дает Жоресу материал для его принципиальной позиции в начале XX века.

Или вот более мелкий, но не менее характерный штрих. Когда Жорес анализирует деятельность первых двух революционных собраний в области просвещения, то он сравнивает проект по народному образованию, представленный Кондорсе, с проектами современных ему мракобесов—иезуитов. По этому поводу он пишет: «Католические полемисты, пытающиеся ссылаться на Кондорсе для того, чтобы поддержать закон Фаллу [5]), делают философскую ошибку и в то же время совершают исторический подлог» [6]).

Исследуя первые симптомы закона о максимуме, Жорес ставит общий вопрос о соотношении между теориями «экономического либерализма» и «государственного вмешательства» и здесь опять не может удержаться от того, чтобы не выяснить позицию современных социалистов. «В том, что касается продовольствия,—пишет он,—опыт XIX века показал, что достаточно свободной торговли, чтобы обеспечить страну хлебом, и если социалисты требуют теперь, чтобы снабжение припасами было общественной функцией, то это не во избежание недостатка в продуктах, который отнюдь не угрожает, а по причинам другого порядка» [7]).

Впрочем, дело даже не в этих мелких фактах, которые можно было бы при желании во много раз увеличить, а в общем духе всех исторических работ Жореса. На них лежит печать боевого темперамента их автора, который подчас пользуется даже случаем свести счеты с противниками социализма на страницах исторического труда. Однако было бы неправильно думать, что в пылу задора Жорес модернизирует Французскую Революцию, забывая про условия места и времени. Он был слишком хорошим историком, чтобы не учитывать этих факторов. В качестве доказательства я бы мог привести следующий факт.

Жорес с огромным вниманием, можно сказать—микроскопически, прослеживает те элементы социализма, которые можно было уловить во Фран-

---

[1]) См. Conclusion. Le bilan sociale de XIX siecle в XII томе Histoire Socialiste.

[2]) Борьба против националистов во время дела Дрейфуса (прим. Матьеза, переиздавшего „Историю Франц. Револ.“ в 1923/24 г. г.

[3]) Борьба, вызванная вступлением Мильерана в кабинет Вальдека-Руссо (примеч. Матьеза).

[4]) Jaurès. Histoire Socialiste de la Révolution Française, Ed. revue par Mathiez, t. III p. 415.

[5]) Закон Фаллу, изданный в 1850 году, вводил во Франции клерикально-иезуитскую школу.

[6]) Жорес. Законодательное Собрание, стр. 283.

[7]) Жорес. Конвент, т. III, вып. I, стр. 269—270.

цузской Революции. В этом отношении Жоресу принадлежит даже часть одного открытия, о чем будет речь ниже. Но в то же время он неутомимо указывает на все то различие, которое существует между социализмом времени революции и современным. Он предостерегает всеми силами против смешения примитивного аграрного коммунизма, сохранившегося в виде исторического атавизма в общинном землепользовании, с современным социализмом, базирующимся на гигантской индустриализации всего мира.

Больше того, Жорес протестует против того, чтобы приписывать элементы социализма таким явлениям, в которых их нет. Так обстоит дело с так называемым аграрным законом, в котором нет ни грана социализма, но который буржуазия любила выдавать за продукт социализма. «Любопытная вещь!—пишет Жорес,—тем же самым призраком «аграрного закона» и «дележа», которым пользовались сто лет тому назад в борьбе с буржуазной революцией, пользуются теперь в борьбе с пролетарской. Нас, социалистов, считают в настоящее время сторонниками дележа и преемниками буржуазных революционеров, которым приписывалась идея дележа врагами революции. В борьбе с нами хотят убедить крестьян, что мы хотим произвести всеобщий раздел,—нелепый и ребяческий упрек, еще более нелепый теперь в применении к социалистам, чем сто лет тому назад, когда бросили его буржуазным революционерам... Едва ли нужно прибавлять, что социалисты не намерены дробить, расчленять огромные промышленные организмы; наоборот, они не хотят разветвлять на бесчисленные мелкие русла растущую силу великой реки... Мы не намерены разбивать великие кадры современной промышленности, но хотим установить в ней господство организованного труда» [1]).

Я привел все эту длинную цитату, ибо она чрезвычайно показательна для воинствующего Жореса, который защищает современный ему социализм от пошлых обвинений, выставляемых против него контр-революционной буржуазией. Было время, когда буржуазные революционеры сами должны были защищаться против такого обвинения.

Признавая все величие буржуазной революции, Жорес в то же время не упускает случая указать на ее ограниченность и постоянно рисует перед читателем огромные перспективы пролетарской революции, которая сметает все преграды, воздвигнутые «монополией частной собственности».

Такова—история Жореса. Рычагом прошлого Жорес часто поворачивает махину настоящего. Жорес—политический борец в первую голову, а уже потом – историк. Поэтому современность у него властно врывается через все щели исторического исследования. Отсюда его качества, но отсюда же его недостатки. Отсюда его свежесть, жизненность постановки всех исторических проблем, отсутствие цехового бюрократизма буржуазного ученого. Т. Раппопорт совершенно правильно отмечает, что Жорес был хорошим историком, потому что сам был политиком. «Своей политической деятельностью,—пишет он,—своим глубоким знанием людей и вещей, политики партий и их интимной жизни Жорес основательно подготовился для изучения и проникновения в революционную эпоху. Ничто не подготовляет лучше для понимания истории, как активная политическая жизнь. Нужно самому делать историю для того, чтобы проникнуть в сущность ее и видеть скрытые пружины... Жорес был одним из борцов социалистической партии, который был наиболее близок к жизни своей организации. Он знал все детали ее жизни. Благодаря этому он оказался в состоянии, учитывая различия места и времени, уловить вещи, недоступные для историков, которые исследуют прошлое по книгам и архивам» [2]).

---

1) Жорес, т. I, стр. 111.
2) Charles Rappoport. Jean Jaurès, p. 147.

IX. Оппортунизм Жореса

Со всем этим можно безусловно согласиться, но т. Раппопорт, который собственно не исследует Жореса, а воспевая его, забывает о том, что Жорес был не только политическим деятелем, но и деятелем совершенно определенных политических убеждений: он был социалистом, но в то же время ярко выраженным оппортунистом. Мог ли этот оппортунизм не отразиться на историческом методе и на исторических исследованиях Жореса? Нет, не мог. И именно потому, что Жорес так искусно вплетает современность в прошлое, именно поэтому в яркой ткани прошлого должны были оказаться нити махрового оппортунизма.

Жорес—историк-оппортунист. Он—певец соглашения, соглашения классов и партий. Кто его герои в Великой Французской Революции? Мирабо и Дантон. Оба представляли оппортунистическое начало в революции. Жорес очень увлекается Мирабо. Повидимому, его особенно привлекает в последнем его умеренность, соединенная с каким-то революционным пылом. Но больше всего Жорес хвалит Мирабо за то, что тот постоянно ищет путей примирения между старыми и новыми силами. Он даже прикрашивает совершенно открытый авантюризм и интриганство Мирабо, который на ряду с ролью вождя революционного центра Учредительного Собрания ведет тайные переговоры с двором и получает от него деньги. Он идеализирует наихудшие стороны Мирабо только потому, что тот «честно» пытался найти нити, связывающие старый и новый порядок. Дантона Жорес любит не только за его широкий ум, за его пламенный революционный темперамент, но и за его постоянные попытки найти пути примирения между борющимися силами. По существу и Мирабо, и Дантон—это были два гениальных соглашателя, игравших выдающуюся роль на двух различных стадиях революции. Жорес любил в них то, что ему было сродни,—их оппортунизм.

В совершенно откровенной форме эта черта Жореса проглядывает тогда, когда он характеризует известного Барера. Он характеризует его, как человека, который при всех переменах курса революции умел сохранить равновесие. И по этому поводу он пишет: «Итак, даже в равновесии, которое он сохранял, есть что-то возвышенное. Он не носил революцию в центре своего существа, как Дантон, но он умел точным расчетом сил найти основную линию и он к ней приспособлялся“ [1]). Эта апология оппортунистической ловкости Барера не делает особенной чести Жоресу. Независимо от правильности или неправильности характеристики Барера, она совершенно определенно характеризует самого Жореса.

Я уже отмечал выше теоретическое примиренчество Жореса. Он хочет создать сплав из исторического материализма Маркса, мистического пантеизма Мишле и героического индивидуализма Плутарха. Правда, у него получился не сплав, а плохо размешанная смесь, но от этого он не перестает быть своего рода теоретическим оппортунистом.

Не менее отчетливо вскрывается оппортунизм Жореса и тогда, когда он занимается конкретным анализом отдельных моментов исторического процесса. Он, например, очень внимательно останавливается на динамике борьбы между жирондистами и якобинцами на различных стадиях развития революции.

Я уже указывал выше, что Жорес вообще не любит стоять в стороне от изображаемых им событий, он всегда выступает в качестве заинтересованной стороны: или прокурором, или защитником. Но бывает иногда

---

[1]) Jaurès. His. Soc. de la Révol. Française. Ed. revue par Mathiez, t. VI, p. 277.

и так, что он играет роль исторического суперарбитра между разными партиями, классами или отдельными личностями.

Вот именно в такой роли Жорес и выступает, когда исследует проблему партийной борьбы во время революции и в частности вопрос о столкновениях между Жирондой и Монтаньярами. Основную беду революции он усматривает в том, что в ней не было единства мнений, он хотел бы примирить враждующие партии, сгладить острые углы, найти ту среднюю линию, на которой могли бы сойтись все борющиеся группы.

Сам партийный борец, который всю жизнь находился в сутолоке классовой борьбы, который наносил и получал удары, который иногда так тонко понимал всю механику классовой борьбы, Жорес иногда опускается до такой наивности, что требует «взаимной амнистии» враждующих классов и партий [1]).

Жорес постоянно обвиняет Жиронду в разжигании классовой борьбы, в том, что она ставит партийные интересы выше национальных, что она хочет раздавить своих противников. «Ей (Жиронде) было легко сгруппировать все силы,—пишет Жорес по поводу первых столкновений между Жирондой и якобинцами,—ускорить суд над королем, подготовить, путем соглашения всех революционеров между собой, демократическую и народную конституцию, где власть была бы подлинным отражением национальной воли... Эта же программа была задумана Дантоном, который совершенно определенно хотел ее осуществления. В сущности только от Жиронды зависело формулировать и выполнить ее. Она могла бы это сделать, если бы хоть на минутку стала выше своих партийных интересов, выше сведения счетов с врагами, тщеславия и интриг. Но она предпочла целиком отдаться во власть своих невероятно честолюбивых стремлений ради удовлетворения своей легкомысленной гордости, занялась мелочным сведением счетов с противниками, расходуя на клевету свои ораторские таланты. В этом на мой взгляд великое историческое преступление Жиронды, и во искупление его ей пришлось погибнуть, скомпрометировав в то же время революцию» [2]). И в другом месте он добавляет: «Она (Жиронда) вскрыла и растравила раны, которые следовало закрыть» [3]).

Что означает вся эта длинная тирада? Это есть попытка сконструировать концепцию партийной борьбы Жиронды и якобинцев, имевшей глубокие классовые корни, на моментах чисто-психического порядка. Понятно, что такое об'яснение чрезвычайно поверхностно, ибо все эти психические факторы сами подлежат об'яснению из более глубоких социальных моментов. Так же, как недостаточно для об'яснения сложнейших законов, по которым происходит движение планет, одной силы тяжести, так же для об'яснения проблем классовой борьбы недостаточным является привлечение таких факторов, как «легкомысленная гордость, сведение счетов и т. д.».

Но этого мало. Жорес ставит себе совершенно определенную задачу доказать, что для спасения революции все социальные силы, творившие ее, должны были отказаться от всякой борьбы друг с другом. Тут не знаешь, чему больше удивляться: теоретической наивности Жореса — историка, который иногда не понимает основных законов революционного процесса, или откровенному оппортунизму Жореса—политика, который хочет навязать соглашательскую практику современной ему эпохи политическим деятелям революции. «Ни возникавшие финансовые затруднения,—утверждает Жорес,—ни нараставшее расстройство экономического равновесия, ни роялистские заговоры, ни клерикальные происки не могли бы сломить и поко-

---

[1]) См. Жорес. Конвент, т. III, вып. I. стр. 94—95 и вообще VI главу.

[2]) Жорес. Нац. Конвент, т. III, в. I, стр. 280—281.

[3]) Там же, стр. 284.

лебать революции, если бы в ее недрах не произошло раскола, который обратился против нее самой» [1]). Эта совершенно произвольная и ни на чем не основанная гипотеза утверждает, что не будь классовой борьбы или если бы она была, по крайней мере, ослаблена, революция была бы спасена. Вместо того, чтобы вести анализ, который Жорес иногда умеет так тонко делать, он строит морализующие гипотезы, выдающие его с головой, как оппортуниста. Практический вывод, который надо сделать из рассуждений Жореса, может быть только таким: классовая борьба — это зло, нужно отказаться от нее. Это — оппортунизм чистейшей воды, ибо революционер должен иначе строить свое суждение: да, классовая борьба есть величайшее зло, но уничтожить ее можно только усиленным применением ее, только беспощадная классовая борьба пролетариата откроет путь для превращения последней в ее собственную противоположность.

X. Исторический стиль Жореса

В этом отношении Жорес в высшей степени своеобразен и индивидуален. Наиболее интересным является манера изложения Жореса. Повествование у него тянется беспрерывным, сплошным потоком на протяжении огромных 4 томов. Никаких дробных делений, только изредка встречаются вехи в виде глав. Это считают большим недостатком Жореса, и действительно такая сплошная масса печатного материала, не разгороженного и не классифицированного, делает очень трудным его преодоление в особенности для того читателя из рабочих и крестьян, для которых этот труд предназначался. Читатель сам должен взять на себя труд уловить те принципы и грани, по которым Жорес писал свой огромный труд.

Но зато читатель, овладевший Жоресом и его манерой письма, обнаружит ту изумительную внутреннюю последовательность, органическую спаянность, которая в высшей степени свойственна этому замечательному историку. Жорес рассказывает историю Великой Французской Революции, и перед вами проплывает гигантский поток событий во всей его калейдоскопической пестроте и в то же время в его естественной связи.

Жорес излагает историю революции не тематически, не по отдельным проблемам, а он стремится отобразить процесс непрерывно текущей действительности со всей ее внутренней логикой, со всей ее причинной взаимозависимостью. Именно поэтому Жорес в высшей степени динамичен и историчен. Жоресу не нужно остановить исторического процесса и, сосредоточив всю силу абстракции на том или ином участке революции, произвести скрупулезный анализ его в статическом состоянии. Нет! Жорес умеет анализировать революционный процесс в его непрерывном движении, не останавливая ни на одну минуту потока событий, он умеет в то же время отобразить его во всей его конкретности и внутренней сцепленности. Именно в этом лежит секрет очарования Жореса: он передает читателю картину революции во всей ее цельности и многогранности. Динамика и активность—эти высшие черты гения Жореса—находят себе полное отражение в его исторических работах: на 3.000 страницах «Социалистической Истории» перед вами несется непрерывный поток расплавленного металла революции.

Обыкновенно Жорес строит свое изложение так, что он берет какой-нибудь основной момент на данной стадии революции и вокруг него нанизывает все остальные события, стараясь в точности передать имманентную их последовательность. Например, он берет вопрос о войне или мире в начале 1792 года, когда эта проблема стояла перед революцией во всей

1) Жорес. Национальный Конвент, т. III, вып. I, стр. 277.

ее остроте, за исходный пункт и все остальные события этого периода излагает применительно к нему [1]. С первого взгляда вам кажется, что у Жореса нагромождены факты самого разного порядка без всякой внутренней последовательности. Но более внимательное чтение убеждает вас в том, что эти причудливо переплетенные факты на самом деле все приведены к одному знаменателю, они все истекают из одного источника. Жорес постепенно развертывает свою мысль и по мере ее усложнения он привлекает все новые материалы, документы, источники: он походит на полководца, который по мере того, как бой разгорается, вводит в него все новые и новые силы.

Литературный стиль Жореса во многом напоминает внешне обычную манеру письма всех французских историков (Мишле, Ламартин, Мадлен и др.). Но я бы не сказал, что Жорес пишет очень красиво или что он очень тщательно отделывает свои литературные труды; а между тем стилизация в такой мере свойственна некоторым французским историческим школам, что за деревьями стиля они перестают, в конце концов, замечать лес содержания. Мне кажется, что Жорес увлекает не красотой и отделкой своего стиля, а, если хотите, той мощной и стихийной силой чувства, которая бьет фонтаном во всехего произведениях. Правда, сплошь и рядом это у него переходит в риторику. Это общее несчастье многих французских историков не миновало и Жореса. Можно сказать даже, что именно потому, что Жорес был большим оратором, эта напыщенная риторика у него введена в еще больших дозах. Но нельзя отрицать и того, что на ряду с этим мы встречаем у Жореса страницы, полные искреннего революционного пафоса. Больше того, без преувеличения можно сказать, что Жорес больше всего и привлекает нас, потому что он понял пафос великой революционной эпохи, которую он описывает, и это придает особую мощь его изложению. Именно в этой силе, в этой спонтанности кроется то, что принято называть красотой стиля Жореса, а не в излишней литературной отделке, в тонкости обработки деталей и т. д.

Жорес пишет образами, при чем иногда эти образы удивительной силы и яркости. Очень трудно привести образцы этого замечательного свойства жоресовского таланта, потому что вырванная из контекста эта образность в значительной мере теряет в своей яркости. Тем не менее вот кое-что не из худшего: «Они хотели пышным и ревнивым цветком одиноко распуститься на вершине революции», пишет Жорес о жирондистах [2]. О той же Жиронде, которая хотела спастись из революционного Парижа на юг, чтобы там организовать сопротивление, Жорес пишет так: «Их (жирондистов) свобода остается пассивной под благодетельными лучами юга и засыпает там в своем ленивом самодовольстве. Эти люди залечивают свои раны, не получив их» [3]. «Человеческий ум в разгаре событий напоминает сырые дрова: много дыма и мало огня» [4], пишет Жорес по поводу борьбы жирондистов с Робеспьером накануне 10 августа.

А относительно борьбы направлений в рабочем движении в 1848 г. он замечает: «Та идейная форма, в которую должна отлиться рабочая энергия, еще не готова; теоретики препираются друг с другом из-за выливающегося из горнила расплавленного металла, а пока они ссорятся, реакция, во главе которой становится человек, произведший декабрьский государственный переворот, ломает все незаконченные литейные формы и охлаждает металл» [5].

---

[1] См. Жорес. Законодательное Собрание, т. II, гл. II—„Война или мир".
[2] Жорес. Ист. Нац. Конв., т. III, в. 1. стр. 91.
[3] Там же, стр. 118.
[4] Т. II, стр. 322.
[5] Жорес. Учредит. Собр., стр. 5.

Коллизия между революционным Парижем и пассивной Францией во время Коммуны 1871 года вызывает у него следующий образ: «Коммуна представляла собой как бы раскаленное докрасна острие, которому суждено было сломиться о сопротивление инертной глыбы» [1]).

Когда накануне казни короля отношения между Жирондой и якобинцами сильно обострились, Жорес пишет: «Что осталось от ловких политических комбинаций, что осталось даже от красноречия, когда все проблемы разрубались ножом гильотины? С этого момента нужны были ясные и острые, как этот нож, воли; и перед ловкостью смерти, символом, простой, грандиозной и брутальной политики, запутанный и неясный ум Жиронды наполовину сдался» [2]).

Я взял наугад несколько перлов из богатой сокровищницы Жореса. Его изложение насыщено образами. Его образы не случайны, они удивительно метки и в то же время чрезвычайно точны. Образность его стиля — это не нечто поверхностное, а нечто органически связанное с ним и одна из его отличительных черт.

XI. Двойственность Жореса

Мне кажется, что приведенный выше общий анализ исторического метода Жореса должен привести нас к тому выводу, что последний был полон различных и часто друг другу противоречащих моментов и тенденций. Первое противоречие: Маркс-Мишле. Оно отнюдь не было разрешено Жоресом (да и не могло, как выше указывалось, быть разрешено по самому существу дела) и вызвало к жизни постоянную борьбу противоположных и противоречащих элементов во всем его творчестве. С одной стороны, страницы, полные живого превосходного марксистского анализа, с другой стороны - какая-то слащавая романтика с большой дозой чувствительности и ложного пафоса. На одном полюсе: глубокое материалистическое исследование экономической структуры и динамики классовой борьбы революции во всей ее конкретности. На другом полюсе: совершенно произвольные конструкции, долженствующие изобразить революцию в том случае, когда она по совету Жореса свернула бы с своего действительного пути и пошла по более правильной дороге.

И, наконец, какое-то странное сочетание действительного революционного духа с настоящим стопроцентным оппортунизмом. На одной стороне революционер-социалист, который сделал целью своей жизни изменение существующего и стихией которого является действенность, активность. (Он не цеховый историк и смело игнорирует все условности буржуазной исторической науки).

На другой стороне, питомец Ecole Normale, который имеет еще в своем идейном багаже ряд предрассудков, в'евшихся в плоть его и кровь, в форме ли какой-то удивительной умеренности суждений, или в форме неискренней риторики и ложного пафоса или чего-нибудь в этом роде.

Эта двойственность наложила печать на весь облик Жореса, она не могла не отразиться на историческом его методе, она проникла во все поры его исследования даже при анализе отдельных моментов революции. Но об изображении Жоресом отдельных сторон революции речь пойдет ниже.

(Окончание в следующем номере).

---

[1]) Там же, стр. 6.

[2]) Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr. Edition Mathiez, t. VI, p. 264.

Ц. Фридлянд

Классовая борьба в июне—июле 1793 г. [150])

(Якобинцы против Ж.-П. Марата, Ж.-П. Марат против Жака Ру)

IV

Анализируя события июня—июля 1793 г., нам часто приходится оперировать понятием «собственность», как показателем буржуазной природы якобинской политики. Прежде чем перейти к разбору основных декретов Конвента за этот период, в первую очередь декретов об освобождении крестьян от остатков феодальной зависимости и о разделе общинных земель, следовало бы условиться, что понимать под этим социально-экономическим термином, столь распространенным в актах и документах Революции. Совершенно очевидно, что в первый период Революции борьба во имя капиталистической собственности отнюдь еще не носила антипролетарского характера, хотя и была программой буржуазии. Заявления Бриссо и Барнава против собственности, широко распространенное отрицательное отношение к институту собственности всей «школы Руссо», как и выступления подобного рода, скажем, Кондорсе, могут быть правильно поняты лишь под углом зрения борьбы со старыми формами феодальной собственности. Это было своеобразным протестом буржуазии против социально-экономических основ старого общества, но революционная борьба за новую организацию института собственности принимала часто характер почти «коммунистической» агитации против собственности вообще. Экономическая политика Учредительного и Законодательного собраний выполнила значительную часть буржуазных задач революции. Но особенностью законодательства первых лет революции была попытка «капитализировать» некоторые феодальные пережитки в стране. Работа феодального комитета по освобождению крестьян в 1790 г., в конце концов, имела в виду охранить интересы буржуазных землевладельцев и той части дворян, которая вступила на путь капитализации сельского хозяйства. Таков был смысл деления повинностей на выкупные и свободные от выкупа, таково было назначение законов, запрещающих крестьянству до выкупа самочинно ликвидировать феодальные повинности. Только компромисс дворянских и буржуазных представителей в Учредительном Собрании может нам об'яснить агрессивное поведение этого собрания в отношении крестьянства и в интересах имущих классов [151]).

При этих условиях понятие собственности теряет постепенно для буржуазии ее революционное содержание, оно становится мотивом охраны, как побеждающих новых социально-экономических отношений, так и сохранившегося старого, поскольку буржуазия сможет его капиталистически эксплоатировать. Распродажа национальных земель в интересах буржуазии,

---

150) См. „Историк-Марксист“ т. I.

151) Скажем декрет 18 июня 1790 г.; огромный, еще не изученный с этой точки зрения, материал дают P. Sagnac et P. Caron в публикации „Les comités des droits Féodaux et de Législation et l'abolition du Régime Seigneurial (1789—1793)

свобода торговли, уменьшение повинностей, при общем под'еме торговли и промышленности, открывают широчайшие возможности для буржуазии. Об'ективно идея об охране собственности теперь направлена на защиту новых форм собственности, еще не свободных от остатков феодализма.

Крайнее крыло демократии, ведя борьбу с остатками феодализма, все еще декламирует против собственности «вообще», против собственности рожденной, но окончательно еще не переродившейся в 1789—1791 г. г. Стоит только внимательно прочесть статью Марата об аграрной реформе, чтобы ясно увидеть, как борьба с феодальными пережитками диктует в 1791 г. «левому» якобинцу программу, идущую в разрез с интересами буржуазной собственности, и в то же время убедиться в том, что мысль автора проекта не может вырваться из плена капиталистических идей. В чем смысл проекта аграрной реформы Марата? Устранение чересполосицы путем обмена мелких земельных участков и раздела ферм на отдельные участки. Марат стремится к равномерному распределению земельных участков и продуктов земли, он стремится к тому, чтобы «лишить землевладельца права располагать своими земельными участками и сдавать их в аренду, сообразуясь с своими капризами». В этом чисто мелкобуржуазном проекте все утопично. «Скоро,—читаем мы у Марата,—удобства, доставляемые устранением чересполосицы, разведением садов, вкус к истинным наслаждениям, доставляемым природой, и зрелище, представляемое счастливыми деревнями, непременно вернет в них изобилие вместе с их богатыми владельцами. Скоро просвещенные люди не будут считать унижением для себя браться за плуг, и, благодаря свету, проливаемому его теорией с указаниями практики, в земледелии наступит беспредельный прогресс». Любопытно, что Марат предлагает в своем проекте способ улучшить положение батраков: увеличение количества землевладельцев уменьшит число земледельческих рабочих и, следовательно, увеличит их заработную плату. Рост числа мелких собственников, наконец, создаст избыток хлеба и послужит причиной тому, что «свобода торговли хлебом установится сама собой»... [152]). Для Марата ясно, что предварительным условием осуществления его проектов является радикальное уничтожение феодальной зависимости крестьян. Защищая мелкую собственность, он клеймит собственников «вообще». Марат имеет в виду при этом крупных собственников, эгоистов, которые мешают осуществлению его проекта, этой гарантии их собственного благополучия. В дальнейшем революция должна была осуществить, по мнению Марата, два проекта: отмену феодальных прав и обеспечение расцвета мелкой собственности.

Мы остановились на разборе проекта Марата, как характерного произведения, трактующего вопрос о собственности в период до 1793 года в духе якобинцев-демократов. Но победа якобинцев после 2 июня многое изменила. Их проекты потеряли свою социальную заостренность, и, решая вопрос о полной ликвидации феодальных отношений в деревне, якобинцы стремились теперь только оформить новые буржуазные отношения в их чистом виде. То, что характерно в политике якобинцев этой эпохи, это резко выраженная трезвая буржуазная мысль. Лишь постепенно, шаг за шагом, события снова вынуждают их вступить на путь социальных реформ, на путь реализации мелкобуржуазных проектов. Но об'яснение этому в дальнейшем следует искать в затруднениях правительства «осажденного города», в революционной обстановке Франции II года [153]).

---

[152]) „L'Ami du peuple" за 5 сентября 1791 г.

[153]) Этим мы отнюдь не хотим свести историю „эпохи террора" к обычному об'яснению о „военной необходимости". Взгляды Олара сыграли свою историческую роль, но марксизм предполагает социально-экономическую трактовку этой политической необходимости „осажденного города".

Законодательство о крестьянах июня—июля 1793 г. было в конце концов лишь осуществлением принципов, декларированных после революции 10 августа. Со всей категоричностью Законодательное Собрание 16 августа декретировало: «Феодальные и сеньориальные повинности всякого рода отменяются без вознаграждения, если они не являются вознаграждением за первоначальное жалование земельного участка». В этом смысле был составлен декрет 25 августа 1792 г. «Вообще все сеньориальные поборы, как феодальные, так и чиншевые, сохраненные или признанные прежними законами подлежащими выкупу, каковы бы ни были их род и их наименование, даже и те, которые могли бы быть пропущены в прежде изданных законах или в нынешнем декрете, равно как и всякие уплаты, пенсии и какие бы то ни были взносы натурой, их представляющие, отменяются безвозмездно, если не будет доказано, что они взимаются на основании первоначального пожалования земельных участков, при чем это основание может быть установлено лишь в том случае, если окажется, что оно ясно упомянуто в первоначальном акте, удостоверяющем пожалование земельного участка, уступку его во владение на началах чинша и чиншевого договора, при чем этот акт должен быть пред'явлен» [154]). Упомянутый выше декрет в своей принципиальной части, в трактовке вопросов свободы земельной собственности, совпадает с декретом 17—18 июля 1793 г., отличаясь от него в конечном счете лишь в практической части; декрет Конвента гласит: «1) Все бывшие сеньориальные повинности феодальные, оброчные права, как постоянные, так единовременные, не исключая тех, которые сохранены декретом от 25 августа прошлого года, отменяются без вознаграждения (это расширение—новость Ц. Ф.); 2) действия предыдущей статьи не распространяются на ренты и поступления, носящие характер не феодальный, а чисто поземельный» [155]). Расширяя количество повинностей, подлежащих безвозмездной отмене, Законодательное Собрание одновременно облегчило операцию выкупа остальных повинностей. Если мы вспомним при этом, что с августа 1792 г. по июль 1793 г. крестьянство самочинно осуществляло свои права, нам понятно будет, что события 2 июня лишь практически разрешили вопрос, в основном принципиально решенный в духе буржуазии еще 25 августа 1792 г. В чем было основное затруднение для Жиронды при разрешении этого вопроса? Ответ дают те возражения и претензии, которые поступили в Комитет тотчас после издания декрета в июле 1793 г. Мы обратим внимание на два заявления подобного рода. Одно из них— «Mèmoires pour le sieur Pinon sur l'application du decret»; здесь мы читаем, что, хотя новый закон построен на принципах свободы и равенства, он может повлечь за собой ряд печальных недоразумений и разорить граждан, честных патриотов—собственников [156]). Дело в том, что декрет 25 августа 1792 г. исключал из-под действия закона о безвозмездной отмене повинностей земли, приобретенные на договорных началах. Декрет 17 июля 1793 г. отменяет безвозмездно все феодальные повинности без всякого различия. Но в промежутке между изданием двух законов в руки патриотов перешел ряд «зависимых» земель, земель благородных. Сеньоры спешили их распродать, а частные лица, приобретавшие их, отнюдь не имели в виду титулы, украшающие эти земли... «Как быть теперь? Должны ли патриоты потерпеть убыток только потому, что они честно приобрели землю благородных», спрашивает автор протеста, который мы выше цитировали.

[154]) Текст декрета, представленный Майлем от имени феодального комитета 25 августа 1792 г.

[155]) См. Публикацию Sagnac et Caron, стр. 775.

[156]) P. Sagnac et P. Caron: „Les comités des droits Feódaux et de Législation et l'abolition du Régime Seigneurial", t. 2, § III. Exécution du décret du 17 juillet 1793 г., p. 798—800.

Мы видим, таким образом, что значение декрета 17/18 июля 1793 г. не только в том, что он окончательно и решительно ликвидирует феодальное прошлое, но и в том, что он задевает одновременно интересы буржуазии, которая в революции смогла воспользоваться этим прошлым. Конфликты якобинцев с отдельными группами буржуазии первое время после событий 2 июня развертываются по этой линии. Борьба Горы с Жирондой является отражением конфликта между всей массой буржуазного класса и особенно той части его, чьи интересы требовали полного устранения феодальных пережитков, что совпадало с интересами народных низов и буржуазии, которые в ходе революции укрепили свои материальные позиции. Последние естественно тяготели теперь к старой буржуазии, к ее верхам. Политически это означало сближение Жиронды и фельянов. Торжество социалистической программы Горы было пока торжеством интересов капиталистического общества.

Но возражения против декрета шли и по другой линии. В «Lettre du sieur Reverde Dol» мы читаем жалобу на то, что местные власти, составленные из старых адвокатов, сборщиков налогов и т. д., чинят препятствия в проведении декрета июля 1793 г. [157]). Донесения народных представителей в департаментах ближайших месяцев свидетельствуют о том, что проведение в жизнь декрета затянулось и что только благодаря вмешательству комиссаров Конвента уже осенью 1793 г. удалось во многих местах сжечь старые феодальные документы.

Основным, однако, затруднением для Конвента остается вопрос о «пределах» декрета. В протоколах Комитетов сохранился ряд заявлений местной администрации с настоятельной просьбой дать раз'яснение, что следует понимать под рентой и поступлениями, носящими «не феодальный, а чисто поземельный характер» [158]). Вопрос о том, как разрешали Комитеты Конвента все эти вопросы во II и III г. г., выходят за рамки статьи. Во всяком случае, сам декрет, как и первые инструкции о его осуществлении, ничего общего не имеет с аграрным проектом Марата и др. якобинцев до 2 июня.

Центральное место в деятельности Конвента за рассматриваемый период занимает декрет о разделе общинных земель. И в данном случае дело свелось лишь к декретированию того, что декларировано было после Революции 10 августа, и что разработано было еще в апреле 1793 года. При чем нет принципиальной разницы в постановке вопроса в эти три периода Революции. 10 августа Франсуа-де-Невшато заявил: «Существуют общинные имущества, которые не принадлежат никому, потому что они принадлежат всем: богатые присваивают их себе. Пора прекратить эту несправедливость и разделить эти имущества между беднейшими людьми». По предложению Мейля 25 августа 1792 г. от имени феодального Комитета решено было одновременно аннулировать все последствия закона 1669 г. о триаже. Мы знаем, какие затруднения встретило это предложение о разделе общинных земель. Франсуа-де-Невшато признался Конвенту, что Комитетам трудно решить этот вопрос, так как раздел встречает сопротивление со всех сторон. Камбону не легко удалось настоять на своем предложении: «Следует предписать обязательный равномерный раздел общинных земель между несчастными гражданами, не владеющими собственностью» [159]). Речь шла о поголовном разделе общинных земель.

Вопрос вторично стал на рассмотрение Конвента в апреле 1793 г. В докладе Фабра предложение Камбона снова было повторено [160]). Общий размер общинных земель им оценивался в 8 млн. арпанов, общей стоимостью

[157]) Ibid., p. 799.
[158]) Ibid.
[159]) Выступление в заседании 10 августа 1792 г.
[160]) Доклад Fabre de l'Hérault в заседании 8 апреля 1793 г.

в 600 млн. ливров, и всеобщий раздел земли сможет, по словам защитника проекта, осчастливить бедняков Франции. За раздел высказывались все и в том числе Марат на страницах «Друга Народа».

Декрет 10 июля объявлял раздел общинной земли факультативным [161]). Вместе с тем, законодатели позаботились об исключении из числа претендентов на участки земли б. помещиков [162]). Каждый житель деревни об'являлся собственником участка, хотя и предполагалось, что в течение 10 лет он не будет иметь права отчуждать свою землю; право на участки земли имели все французы, «если только они имеют право получить свою долю в общине». Декрет в достаточной мере обеспечил от раздела земли, имеющие общественное значение [163]). В этом случае Конвент пошел навстречу тем требованиям, которые выставлялись и в Комитете Торговли. Социальный смысл декрета прекрасно выражен в пункте 9 раздела IV: «так как целью этого закона является вовсе не нарушение мирного частного владения, а лишь уничтожение злоупотреблений феодальной власти и захватов, поэтому из действия предыдущих статей исключаются все пожалованные земли, полученные при принудительном вводе во владение за долги, полученные при разделе, и др. владения, полученные уже больше, чем 40 лет до 4 августа 1789 г. настоящими или прежними владельцами, но не добровольными покупателями или дарителями, прямыми наследниками, или наследниками, указанными в завещании относительно безоговорочно принадлежащего им ленного участка». Что раздел общинных земель был исключительно мероприятием по ликвидации феодальных пережитков, наилучшим образом подтверждают прения в связи с обсуждением декрета в Конвенте.

Подавляющее большинство Конвента отклонило, правда, предложение богатых о разделе общинных земель сообразно величине земельного налога, но, как торжественно заявил докладчик Комитета, «от нас далека мысль задеть священное право собственности, то право, которое общественный договор должен гарантировать цивилизованному человеку; мы это право уважаем, но мы не хотим сделать его поводом к несправедливости» [164]). Будет ли справедливостью лишить собственности всех, чтобы сделать владельцами некоторых? Все жители Коммуны имеют равное право на общинные земли, все должны иметь равное право на их раздел. Богатые утверждают, что в настоящий момент они имеют право пользоваться и наслаждаться всем, но бедные не должны навсегда остаться нищими. Основная задача — не допустить концентрации собственности в одних руках. Но докладчик Комитета снова и снова перед лицом Конвента отрицает, будто кто-либо посягает на собственность или ставит ей какие-либо пределы.

При обсуждении декрета о разделе общинных земель поставлен был также вопрос об оказании помощи нуждающимся. Это было как бы началом того социального законодательства, которое широко развернулось уже в июне—июле 1793 г. Какова же основная идея, лежащая в основе этого законодательства? При обсуждении закона 10 июля по этому вопросу было принято определенное решение.

Конвент до 2 июня отклонил предложение депутата Souhait, который протестовал против попытки разделить всю землю между крестьянами. По мнению Souhait, основная задача хорошего правительства — принять меры к уменьшению нищеты и предоставлению труда безработным гражданам. Но для этого необходимо оставить в резерве достаточный фонд земли [165]).

---

161) См. ст. 3, часть I декрета.
162) Ibid см. ст. 10, часть I декрета.
163) Ibid.. ст. 4—5, часть I декрета.
164) Из доклада Фабра от имени Комитета Об. Сп. 8 апреля; см. также Жорес, т. IV, стр. 1579.
165) „Le partage des biens communaux",—публикация G. Bourgin'a. стр. 705.

Это предложение было своеобразным лозунгом о «праве на труд» в конце XVIII в. Еще до 2 июня при обсуждении декрета член Конвента, гражданин Marin, депутат департамента Мон-Блан, предлагал раздел земли по семьям, сохраняя при этом обратную пропорциональность, т.-е. обладающие меньшим участком земли должны были получить больший участок и наоборот. При этом у занятых индустриальным трудом их собственность будет зачитываться по цене соответственно земельному участку [166]). Конвент отклонил и это предложение. Окончательно принятый декрет после 2 июня отнюдь не имел в виду мероприятий, гарантирующих материальное обеспечение для особо неимущих. Отклонив предложение о распределении земель пропорционально земельной собственности, отклонив проекты, обеспечивающие беднякам некоторые преимущества, Конвент стал на точку зрения формального равенства членов общин перед законом, оставив вопрос о распределении земли на разрешение свободной игры социальных сил и экономического развития Франции.

Мы выше цитировали постановление Генерального Совета Коммуны Парижа от 1 июня, как и петицию департамента Аррас, где требования народных масс получили свое яркое выражение: речь шла о том, чтобы после разоружения врагов революции были вооружены парижане, чтобы доходы от принудительного займа были использованы для помощи семьям патриотов и всех нуждающихся. Конвент начал тотчас свою деятельность в этом направлении. Как мы отмечали выше, Коммуна поставила вопрос об особом вознаграждании патриотов-рабочих и всех граждан, принимавших участие в событиях 31 мая — 2 июня. За отсутствием средств мера эта была только частично осуществлена. Целый ряд подобных же мероприятий был декретирован Коммуной в первые дни после 2 июня. Конвент превратил значительную часть этих постановлений в государственные декреты: был принят ряд постановлений о помощи инвалидам, нищим, старцам и т. д. Уже 28 июня по предложению Камба-Серреса Конвент заявил, что внебрачные дети будут поставлены особым декретом о наследовании [167]) в более благоприятное положение, чем до сих пор. Конвент также постановил, что за счет Республики в каждом из департаментов будет организован дом помощи для бедняков-инвалидов. Комитеты Воспитания и Общественного Призрения должны срочно представить Конвенту доклад о средствах осуществления этой меры, чтобы «немедленно облегчить во всех частях Республики человеческие страдания [168]).

28 июня был принят декрет о помощи детям и старикам. Первая статья декрета гласит: «Отцы и матери, живущие лишь трудом своих рук, имеют право на помощь нации во всех тех случаях, когда заработок их недостаточен для удовлетворения потребностей семьи». Статья третья гласит: в случае, если у живущего своим трудом рождается 3-й ребенок, родители имеют право на государственную помощь [169]). § 11 декрета 28 июня отдавал под покровительство Конвента оставленных детей. Конвент заявляет об обязанности нации заботиться об их моральном и физическом воспитании. Все оставленные дети носят отныне название «сирот», всякое иное их наименование абсолютно запрещено. Декрет 28 июня взял на себя также обязанность заботиться о женщинах в период их беременности. Раздел II того же декрета устанавливал государственную помощь нищим и старикам. «Старикам-нищим будет тотчас же оказана помощь, как только они достигнут возраста, когда они не смогут своим трудом зарабатывать себе средства к существованию. Помощь эта оказывается им на

---

166) Ibid, p. 716.
167) „Le Moniteur“, t. 17, p. 29.
168) Ibid., p. 35.
169) Ibid., p. 28, §§ XI—XII.

дому и в специальных богадельнях. Подобную же помощь Конвент решил оказывать и инвалидам и семьям защитников отечества.

У нас нет возможности в журнальной статье подвергнуть критическому рассмотрению все декреты Конвента о государственной помощи нуждающимся гражданам. Совершенно очевидно, что принцип подобной государственной помощи был провозглашен в столь всеоб'емлющей форме только после 2 июня. Это не значит, что в подобной постановке вопрос был совершенно чужд жирондистам и даже Учредительному Собранию. Но нет никакого сомнения, что до полной ликвидации феодального режима, следовательно, до окончательной победы мелкой буржуазии, не могло быть и речи об осуществлении подобного законодательства. Характерно в нем то, что речь идет здесь не о трудовой помощи: не «право на труд» провозглашено было Конвентом после 2 июня, а только «право на милостыню», предоставленную государством неимущим [170]). Вот почему, при всем огромном историческом значении декретов о поддержке детей, стариков, нищих, инвалидов, для характеристики якобинской политики после 2 июня важны не эти мероприятия. Гораздо большее значение имеет та экономическая политика Конвента, которую мы разбирали выше. Чтобы социальная сущность законодательства о бедных выступила еще яснее, огромный интерес для нас представляют события в Париже в конце июня 1793 г.

В столице начались теперь серьезные продовольственные беспорядки. 26 июня в Генеральном Совете Коммуны было сделано сообщение о том, что в гавани Saint Nicolas толпа пытается распродать произвольно реквизированное мыло по доступной цене. Члены Коммуны были глубоко убеждены в том, что волнения эти—результат активной деятельности агентов контрреволюции в столице, что в их интересах ожесточать собственников Франции. Вот почему Коммуна поспешила постановить, что личная свобода и собственность находятся под защитой закона и добрых граждан; что каждый гражданин должен взять на себя защиту этих прав или умереть на своем посту. Но несмотря на то, что 23 июня народ Парижа и представители Конвента дали торжественную клятву защищать свободу и собственность, враги, утверждает Генеральный Совет Коммуны, все же хотят начать братоубийственную войну в столице и делают все, чтобы усилить голод. Необходимо сделать все возможное для защиты революции. Коммуна постановляет: как только начнутся в секциях беспорядки, направленные против собственности, уполномоченные секции направляют туда всю имеющуюся в их распоряжении военную силу; они должны бить тревогу, будь то для защиты своей или соседней секции, и каждый гражданин-патриот обязан взяться за оружие. Постановление Генерального Совета Коммуны предполагает возможным поднять в случае необходимости общую тревогу в Париже и стянуть для борьбы с бунтовщиками всю имеющуюся в распоряжении муниципалитета военную силу [171]). Это было восстановлением военного закона, торжественно отмененного Конвентом 23 июня. Когда принята была конституция, Бильо-Варенн с трибуны Конвента торжественно заявил: «Теперь остается Конвенту освятить этот великий день популярным декретом: отменой военного закона. Последний может быть полезен только тиранам. В момент об'явления конституции этот кровавый закон должен исчезнуть. Сделайте так, чтобы сегодня о своих братских собраниях граждане говорили: «поле федерации не будет больше орошено кровью патриотов» [172]). Под гром аплодисментов предложение Бильо-Варенна

[170]) Эта милостыня рассматривается государством, как выполнение долга перед неимущими гражданами, но не имеет в виду трудовой помощи или мероприятий по ограничению или борьбе с нищетою.

[171]) „Le Moniteur“, t. 16, p. 754.

[172]) Ibid., p. 730.

было принято. Через три дня Коммуна фактически восстановила военный закон против народных беспорядков. То не был закон, который в тот же день Бильо-Варенн предложил в якобинском клубе превозгласить для борьбы против жирондистов и фельянов [173]). Это было об'явлением войны голодающим парижанам, тем самым, которым декрет 28 июня 1793 г. должен был помочь.

Продовольственные беспорядки в Париже становятся центром внимания Конвента и Коммуны. 27 июня депутат Конвента Taillefer сообщает о разгроме судов, нагруженных мылом. Он требует у Конвента принятия строгих мер, чтобы остановить насилие над собственностью. Это предложение поддержал Кутон. По его мнению, следует вернуть собственникам их потери, так как бунт в Париже имеет целью дискредитировать конституцию. К этому свелась и речь одного из наиболее радикальных депутатов Thurîot, который совершенно правильно вскрыл причины недовольства: высокие цены на хлеб и происки аристократии (богатых). Thurîot предложил установить максимум цен для всей Франции.

Вопрос о борьбе с беспорядками разрешался, однако, главным образом, в Генеральном Совете Коммуны. Утром 27 июня было собрано чрезвычайное заседание Генерального Совета, где подверглись детальному обсуждению меры полицейского воздействия на парижан. Решено было обратиться с особым раз'яснением к населению столицы. В вечернем заседании было постановлено: беспорядки имели место исключительно потому, что во-время не вмешалась военная сила. Специальная комиссия должна была выяснить причины волнений и принять меры на случай дальнейших беспорядков. В защиту решительных военных мероприятий выступил на этом заседании Шометт. Он предложил ознакомить департаменты с происходящими в столице событиями, выяснить их причины и виновников привлечь к суду для примерного наказания [174]). В том же заседании ряд секций заявил о своей готовности выступить на защиту собственности.

29 июня Herault de Séchelles от имени Комитета Общественного Спасения взял на себя неблагодарную задачу оправдать якобинскую политику перед лицом голодающих масс. Докладчик со всей категоричностью заявил, что продовольствия в стране достаточно, что оно только неправильно распределено, и что Конвент сделал и сделает все возможное, чтобы обеспечить Париж—эту колыбель свободы — хлебом. Но в конечном счете это дало лишь постановление об ассигновке 10 миллионов на предмет оказания помощи нуждающимся гражданам Франции.

Беспорядки продолжались несколько дней. 28 июня они стали особенно бурными. В заседании Коммуны депутация гражданок Парижа настаивала на продаже им мыла по 20 су за фунт. Но Совет Коммуны им категорически ответил: «Нет» [175]). В дело категорически вмешался Эбер. Он заявил делегации: «Мы клялись охранять собственность; мы лучше умрем на своем посту, чем допустим, чтобы над нею было совершено насилие. В Париже существует контрреволюционный заговор. Он состоит в том, чтобы сбить с пути добрых граждан... Хотят погубить Париж. Если будут грабить, никто ничего не будет ввозить больше в Париж. Когда зимой грабили сахар, вас предупреждали, что цены на этот предмет продовольствия поднимутся. Но этому тогда не верили. Если мы предадимся эксцессам, нет сомнения, контрреволюция победит, и вы будете иметь короля» [176]). Депутация женщин запротестовала. Эбер согласился, что они добрые гражданки, но предупредил их, что нищета и нужда не могут

[173]) „La Société des Jacobins", t. V, p. 271.
[174]) „Le Moniteur", t. 16, p. 761.
[175]) Ibid., t. 17, p. 2.
[176]) Ibid.

быть уничтожены в один день. Коммуна после бурного заседания вынесла следующее постановление: Генеральный Совет, верный клятве, которую он принес о защите собственности и личности граждан, ставит под защиту народа собственность, которую злая воля граждан желает подвергнуть грабежу [177]).

Мы отнюдь не предполагаем проследить шаг за шагом историю продовольственных затруднений в Париже в конце июня и начале июля 1793 г. Еще 11 июля в Коммуне сделано было сообщение о волнениях на улицах Saint-Denis и Lombarde. И снова Генеральный Совет постановляет принять решительные меры в борьбе с народными волнениями. Конвенту пришлось, таким образом, после победы якобинцев 31 мая—2 июня выступить не только в роли инициатора и проводника экономической политики буржуазии, но и взять на себя обязанность по борьбе с теми массами, которые дали им победу. Во всех основных вопросах социально-экономической политики якобинцам пришлось выступить с отчетливой экономической программой в интересах буржуазии, и понятно, почему им так легко удалось изолировать Жиронду, взять на себя защиту интересов революции, опираясь на народные массы и значительную часть деловой буржуазии. Чтобы закончить эту главу о политике якобинцев в июне—июле 1793 г., мы проанализируем в общих чертах борьбу за конституцию, что являлось центральной задачей Конвента в борьбе с Жирондой. По крайней мере, так представляли себе дело современники — якобинцы.

Мы пытались показать, что восстание 31 мая — 2 июня вызвало огромное смятение умов в стране. Донесения народных представителей свидетельствуют о том, что буржуазия опасалась, что победа якобинцев принесет с собой «аграрный закон», насилие над собственностью. Вот почему победители прежде всего заинтересованы были сообщить стране свою программу. Этой программой должна была быть к о н с т и т у ц и я. Но параллельно с обсуждением ее пришлось решать два связанных с нею вопроса: об отношении к существующим революционным властям, в том числе и Комитету Общественного Спасения, а также к восставшим департаментам. Решение этих двух вопросов должно было служить комментарием к правительственной программе. Как решили эти два вопроса якобинцы? Это мы должны выяснить прежде, чем приступить к анализу самой конституции под углом зрения задач, выдвинутых той конкретной обстановкой, когда она создавалась. 5 июня в Якобинском клубе вопрос о конституции встал в связи с обсуждением вопросов о революционных властях Парижа и восстанием администрации Марселя. Léonard Bourdon потребовал ареста последней и обновления всех властей, сочувствующих Жиронде [178]). Возражения сделаны были с двух сторон: с л е в а было сделано заявление о том, что все патриоты сражаются на фронтах и что подобное обновление передаст власть в руки врагов; с п р а в а Jean-Bon-Saint André утверждал, что в первичных собраниях господствуют люди еще более опасные, чем аристократы [179]). Поход был открыт, таким образом, против первичных собраний. И Terrasson в клубе заявил, что секции должны быть ограничены в своих правах. Народные общества должны выполнять лишь задачи просветительного характера [180]). Что же удивительного в том, что в якобинском клубе начали поход против революционных властей 31 мая—2 июня? Таков был смысл речи Dufourny

---

177) Ibid.

178) „La Société des jacobins“, t. V, p. 230.

179) Ibid.

180) Terrasson заявил в заседании 5 июля: „Народным обществам должна быть предоставлена инициатива в организации К. Об. Спасения... Необходимо, чтобы эти общества ограничились охраной конституционных властей и чтобы они ограничили себя этими пределами—их задача просвещать народ“.

в заседании 5 июня, констатировавшей их революционные заслуги в прошлом [181]). Но особенно ярко формулировал это требование Барер в своем докладе от имени Ком. Об. Спасения Конвенту [182]). Нам пришлось выше говорить об этом докладе в другой сязи [183]). Предложения Барера были направлены против Коммуны Парижа и заострены против крайней левой Конвента. Выступление Барера можно приписать не только его личной умеренности: его колебание в день восстания было в свое время отмечено еще Маратом [184]), как отличительная черта политики некоторой части якобинцев. Такова была политика К. Об. Спасения старого состава: он пытался занять промежуточную позицию между Жирондой и Горой. Эту позицию К. Об. Спасения сохранил до 10 июля.

Возражения Робеспьера Бареру отнюдь не были защитой революционных органов власти. Речь шла о сохранении авроритета уже существующих властей. «Поменьше перемен», таков был лозунг Робеспьера в это время [185]). Ту же позицию он занял при обсуждении вопроса о кандидатуре Beauharnais в министры. Beauharnais аристократ, этого достаточно, утверждал Робеспьер, чтобы высказаться против него, но Комитет не мог бы предложить без серьезных оснований этой меры. Робеспьер, по его собственным словам, раньше относился отрицательно к деятельности Комитета, но после зрелых рассуждений ему стало ясным, что его деятельность направлена в защиту Республики. «Не думайте, что я проповедую модерантизм, — заявил Робеспьер,— наоборот, я проповедую наиболее бдительный надзор» [186]).

Робеспьер был вождем правительства уже в июне—июле 1793 г., если не формально, то фактически. Осторожная, трезвая буржуазная политика Конвента была делом его рук. Внимательное чтение протоколов якобинского клуба нас в этом наилучшим образом убеждает. Вопрос о смене властей поднимали здесь неоднократно. В заседании 19 июня решено было настоять перед К. Общ. Спасения об удалении всех бывших аристократов из рядов местной администрации [187]). И снова в связи с этим всплыл вопрос об обновлении К. Об. Спасения. Те же жалобы повторены были в заседании 23 июня [188]). Клуб кордельеров опубликовал проект адреса Конвенту: «Изгнать благородных со всех гражданских и военных должностей. Никогда наши солдаты не пойдут к победе под руководством генералов, врагов свободы. Послушайте голос суверена. В то время, как дома богатых превращены в арсеналы и магазины продовольствия, народу недостает оружия и предмето в первой необходимости»!.. Клуб кордельеров требовал обновления властей, об'явления средств существования достоянием народа, смертной казни спекулянтам и организации революционной армии санкюлотов. Но под защитой Робеспьера К. Об. Спасения продолжал свою двусмысленную политику. 8 июля вопрос снова всплыл в якобинском клубе в связи с необходимым обновлением Комитета 10 июля. Какие требования пред'явить новому составу Комитета? Бурдон заявил: «Нам необходимы теперь революционеры, люди, которым без сомнений можно доверить судьбу революции» [189]). Шабо отметил растущую в рядах монтаньяров апатию изо дня в день, и поэтому будущий состав Комитета должен быть, по его словам, особенно тщательно подобран. Для него совершенно неприемлемы кандида-

[181]) Ibid., p. 229.
[182]) „Le Moniteur", t. 16, p. 583. Речь Барера от 6 июня.
[183]) „Историк-Марксист" № 1, стр. 82—83.
[184]) Ibid.
[185]) „Le Moniteur", t. 16, p. 583.
[186]) „La Société des Jacobins" t. V; см. стр. 267, а также заседание 10 июля.
[187]) Ibid., p. 267.
[188]) Ibid., p. 270—273.
[189]) Ibid., p. 291.

туры тех, кто, как Ramel, утверждают, что власть будет прочна лишь в руках богатых. Робеспьер, выступивший после Шабо, прежде всего обрушился на речь последнего. Против чего он возражал? «Смешивают эпохи; ныне говорят с этой трибуны так же, как будто мы были бы все еще в обстановке февраля» (1793 года) [190]). Отсюда вывод: поменьше радикальных перемен. Это же Робеспьер повторил в заседании 10 июля, когда Россиньоль потребовал ареста всех руководителей морского дела в Республике, в связи с посылкой для инспектирования тулонского порта гражданина Peuron'a. Обвинение против последнего касалось и Дантона, но решительное заявление Робеспьера положило конец спорам. «Я требую, чтобы фарс был окончен и заседание началось», бросил он с места в ответ Россиньолю и, оборвав его речь, нарисовал перед клубом всю сложность и непреодолимость препятствий по замене специалистов случайными людьми [191]).

Мы не будем останавливаться на анализе вопроса об образовании революционной армии, вопроса, который вызвал трения в среде якобинцев. Мишле прекрасно вскрыл содержание спора между теми, кто хотел создать вооруженную силу низов, и теми, кто больше всего опасался этого. Борьба шла из-за состава этой армии и за ее подчинение Коммуне или Конвенту. Во всех этих вопросах якобинцы держались совершенно отчетливой линии, линии ликвидации революционной ситуации [192]). Нам кажется в данном случае более целесообразным и более важным заняться вопросом об отношении победителей к побежденным: к арестованным депутатам и восставшим департаментам.

Вначале отношение к арестованным было чрезвычайно добродушным: они были подвергнуты лишь домашнему аресту под честное слово. Еще 16 июня Верньо смог свободно покинуть свое место заключения. Но после побега Петиона и Ланжюннэ, в заседании 24 июня, Конвент должен был решить окончательно вопрос об арестованных. Жирондисты даже не были окончательно изгнаны из Конвента, и Дюко энергично возражал против репрессивных мер.

М. Робеспьер в отчетливой и политически ясной формулировке выявил отношение якобинцев к этому вопросу. Он прежде всего потребовал категорического признания величия дней 31 мая—2 июня; он потребовал обуздания тех, кто в Конвенте продолжает политику арестованных депутатов Жиронды. Жирондисты виновны прежде всего в том, что они мешают Конвенту закончить и дать стране конституцию. Нет сомнения, что страна стремится к конституции, но не к власти Бриссо и Жансоннэ. «Вам говорят от имени департаментов; департаменты имеют, однако, только одно мнение. Администрация их, возможно, привязана к бунтовщикам, но народ с вами» [193]). Робеспьер требовал окончательного решения судьбы арестованных 26 июня.

25-го после того, как Друе сообщил о попытке Верньо подкупить свою охрану, Робеспьер снова решился в своей речи отделить страну и имущих от Жиронды. Он призывал не поддаваться провокации тех, кто желает гражданской войны; он настаивал продолжении законодательной деятельности в интересах успокоения Франции [194]).

Обе речи Робеспьера, 24 и 25 июня, представляют огромный исторический интерес. Они наилучшим образом вскрывают социальную сущ-

---

[190]) Замечательная по политической ясности речь Робеспьера в клубе 8 июля 1793 г. Ibid., p. 294—296.

[191]) Ibid., p. 297.

[192]) См. Michelet: „Histoire de la Rév. Française", t. VI, livre XI—Chapitre II, § III.

[193]) См. „Le Moniteur", t. 16, p. 738—739.

[194]) Ibid., p. 748.

ность якобинской политики после 2 июня, политики, имевшей в виду внести расслоение в ряды буржуазии, отделить и противопоставить Жиронду всей массе имущих в стране. Под углом зрения этой задачи Робеспьер рассматривал свое отношение к департаментам. Никакого примирения с бунтовщиками, мирные переговоры и мягкое отношение к обманутым ими массам. Бордо, Лимож, Тулон, Марсель, Ним, Гренобль, Лион восстали. Со всех сторон Конвент получал угрожающие резолюции и предупреждения; повсюду жирондисты вступали в союзе с аристократами, с фельянами. Восставшие искали возможности об'единиться с массами. В Марселе, тотчас после захвата власти, они заявили об организации комитета для регулирования цен; в Тулоне, как мы писали об этом выше, рабочие перешли на сторону Жиронды [195]). Бунтовщики, во всяком случае, их идеологи, не желали примирения. „Jurnal de Lyon" писал: «Якобинцы, кордельеры, монтаньяры, трепещите. Слишком долго вы держали нас порабощенными под невероятно позорным гнетом. Вы находитесь в состоянии перманентного возмущения. На каком основании присвоили вы себе верховную власть, в то время, как вся Франция требует вашего отзыва и суда над вами?..» [196]). Как должны были поступить в этой ситуации победители-якобинцы? Мнения расходились. Лакруа предлагал об'явить заложниками представителей восставших департаментов, являющихся в Конвент; он предлагал под угрозой смертной казни заставить сбежавших депутатов Жиронды вернуться в Париж [197]). Но Кутон занимал другую позицию. По его мнению, система заложников совершенно неприменима: она может озлобить восставших [198]). И для него вопрос об арестованных депутатах должен быть отделен от вопроса об обманутой массе граждане восставших департаментов. Повторяем, что вопрос этот был осложнен поведением жирондистского охвостья в Конвенте, для которого важно было перед лицом Франции дискредитировать 2 июня. Вот почему в заседании 13 июня нужна была блестящая речь Дантона, нужно было вмешательство ряда других депутатов, чтобы сорвать политику правых. В этом же заседании Конвент заявил: «Национальный Конвент декларирует, что в дни 31 мая 1, 2 и 3 июня Национальный Генеральный Совет Коммуны и народ Парижа сделали все возможное, чтобы спасти свободу, единство и нераздельность республики» [199]). Только в докладе Сен-Жюста об арестованных депутатах якобинцы смогли окончательно и свободно сформулировать свои обвинения против Жиронды [200]).

Доклад этот,—одно из блестящих произведений ораторского искусства Революции, вместе с тем лучший образец политического такта якобинцев. Сен-Жюст отметил прежде всего бесконечные волнения, которыми сопровождалась деятельность Конвента до 2 июня. Он затем указал на попытку углубить эти волнения распространением панических сведений об анархии, которая царит в Париже. Но в действительности эту анархию, по его словам, подготовляла Жиронда. Депутат Бюзо в Вандее наилучшим образом это доказывает теперь своей деятельностью. Якобинцам пришлось защищаться против заговора, пытающегося восстановить тиранию и старую конституцию.

---

195) См. начало страны в № 1 журнала, стр. 79.

196) „Histoire parlementaire", t. 28, p. 256—257. Здесь дан текст любопытной контрреволюционной афиши жирондистов против якобинцев: „Проснитесь, республиканцы,—читаем мы в этой афише,—забудьте о старом презрении буржуа, так как теперь они намерены вам помочь .. Буржуа, трудовое население (peuple industrieux), санкюлоты, об'единитесь, вооружитесь, организуйте священный союз, бросьте на время ваши занятия и не приступайте к ним, пока вы не уничтожите злодеев, клубов, секций и Национального Конвента".

197) „Le Moniteur", t. 16, p. 635.

198) Ibid., p. 639.

199) Ibid., p. 642.

200) „Histoire parlementaire", t. 28, p. 243—271.

Победители, отнюдь не желают мстить после победы. «Не все арестованные виновны; большая часть из них были введены в заблуждение, продолжал докладчик — «якобинцы всегда находились в Конвенте между двумя фракциями, малочисленными, но достаточно активными, чтобы сеять раздоры в Собрании». Виновна во всем фракция бриссотинцев, члены этой фракции являются скрытыми монархистами, но они же пользуются для целей пропаганды призраком террора. «Вот история Франции в продолжение года: все преступления об'единились воедино; только бедняк остался во власти уродства, нищеты и добродетели. Ваш принудительный заем в один миллиард—тайная причина многих движений и притворств» [201]). Но Республику можно лишь установить мудростью и мягкостью правительства. К этому стремятся якобинцы. И не они виноваты, если, несмотря на то, что короля нет, муссируют в стране семена мятежа, слухи об анархии, и в то же время агенты Бюзо сеют в столице, призывая к грабежу.

«Трепещите, граждане,—читаем мы в цитированной выше контрреволюционной афише,—разбойники возобновили свой заговор, они предупреждены одним из их соучастников, что в следующее воскресенье $^2/_3$ депутатов... и значительная часть буржуа должны быть уничтожены. Граждане, немедленно вооружайтесь! К оружию! К оружию! Славная секция Gardes-Françaises становится во главе; выступайте в поход против якобинцев, кордельеров, Коммуны, Конвента. Уничтожьте разбойников или все погибло! Контрреволюционеры пытались возложить на якобинцев ответственность за начинающуюся гражданскую войну в стране. Конвент должен поспешить с тем, чтобы положить конец подобным попыткам. Но не следует смешивать ошибок с преступлением. Закон лишь покарает главных преступников [202]).

Речь Сен-Жюста, таким образом, подводила итоги якобинской политике в июне—июле 93 года. Она наилучшим образом свидетельствовала о беспомощности так называемых идеологов «деловой буржуазии», жирондистов, и трезвой политике якобинцев, этих идеологов мелкой буржуазии. Исторически, по всем видимостям, борьба со всеми остатками феодализма более соответствовала интересам нарождающегося промышленного капитализма, чем попытка установить компромисс между буржуазными завоеваниями первых лет Революции и все еще значительными остатками прошлого. В экономической и социальной борьбе жирондисты оказались, таким образом, в союзе с благородными и буржуазной аристократией...

Якобинцы, обсуждая конституцию, думали тем самым завершить свою победу над Жирондой. Во всех донесениях К. Об. Спасения комиссары настаивали на принятии конституции, как единственного средства прекратить клевету и привлечь департаменты на сторону Конвента [203]). Эта мысль была прекрасно усвоена Робеспьером, она руководила им, когда 10 июня в якобинском клубе он заявил: «Конституция, вот ответ депутатов-патриотов, так как она дело Горы. Вот наш ответ всем клеветникам и бунтовщикам, которые обвиняют нас в том, что мы желаем анархии. Мы обвиняем их теперь в свою очередь...» [204]). Интриганы не желают ее признать, но мы об'явим им борьбу и соберем вокруг себя всех друзей революции. Раз'ясняя конституцию, мы можем привлечь департаменты на свою сторону. Такова основная задача, диктовавшая якобинцам необходимость спешно принять конституцию. Совершенно очевидно, что в дальнейшем, при столкновении социальных мотивов мелкой буржуазии с политическими соображениями успешной борьбы против Жиронды, побеждали последние, и это по-

---

201) Ibid., p. 248.
202) Ibid., p. 267.
203) См. цитированные донесения комиссаров в первой части нашего очерка.
204) „La Société des Jacobins", t. V, p. 246—248.

ложило свой отпечаток на знаменитую демократическую конституцию 1793 года.

10 июня 1793 года Hérault Séchelles от имени К. О. Спасения сделал доклад о конституции. Он отметил те основные задачи, которые стоят перед Конвентом в связи с обсуждением проекта: текст основного закона, способы его проведения в жизнь и характер тех учреждений, которые должны возглавить Францию [205]). Примирить все интересы—вот, собственно, та задача, которую поставили себе якобинцы. Им казалось, что они эту задачу выполнили, и, когда после длительных обсуждений и страстных дебатов текст конституции был окончательно принят, Барер от имени Комитета Общественного Спасения, при общем сочувствии Конвента, произнес ей восторженное приветствие. Речь шла о созыве первичных собраний для утверждения конституции. «Вот конституция, столь давно желанная, которая, как скрижали Моисея, не может сойти со святой Горы иначе, чем среди грома и молнии. Пусть не говорят, что она дело нескольких дней. В несколько дней собрали знания всех веков. Вот равенство распростерло свои благодеяния с потрясающей простотой; дальше гражданская и политическая свобода запечатлели свои права в энергичных и суровых выражениях. В другой части собственность,— благо не только тех, кто является собственниками, но и тех, кто не является ими, потому что каждый может и должен им стать,—установила свои границы и освятила эту основу всякого общества; собственность, которая при господстве законов мудрой республики является вознаграждением труда, экономии и добродетели, торжественно признана и гарантирована конституцией»... Кто может быть в оппозиции конституции? Чиновники, сбитые с толку или обманутые бунтовщиками? Но они не будут сопротивляться воле нации. Священники? Но представить им средства существования стало долгом общества. Фанатики? Но Конвент обеспечил свободу мнений и культов. Аристократы? Они будут раздавлены. Спекулянты? Они осуждены законом. Счастливые граждане? Но их счастье, их успехи связаны с прочностью правительства, что может быть только результатом хорошей конституции. Довольны должны быть и коммерсанты потому, что основной закон гарантирует им мир. Поденщики, земледельцы—все будут пользоваться плодами богатой республики, где торговля и промышленность будут развиты [206]). Так мыслили себе результаты конституции и ее роль якобинцы. Но отнюдь не все они были солидарны в своей оценке конституции. Выступление Шабо в якобинском клубе, мнение Ж. Ру свидетельствуют об отсутствии этого единодушия. Но прежде чем мы остановимся на оппозиции слева, обратим внимание на выступление справа. Кондорсе обрушился на проект конституции монтаньяров. Об этом произведении сообщил Конвенту от имени К. О. Безопасности Шабо [207]). Что возмущало философа Жиронды в проекте Горы? Прежде всего то, что он сделан был слишком быстро, без надлежащего обсуждения, в то время, как лучшая часть депутатов Конвента сидят в тюрьме. Кондорсе заявляет, что конституция защищает исключительно интересы богатых, но не санкюлотов. Это было демагогией со стороны жирондистов, но они прибегали к ней часто в июне—июле. В то время, как Робеспьеру (нам придется еще об этом говорить в другой связи) пришлось исправить свой старый проект конституции в сторону защиты буржуазных интересов, жирондисты предлагают ему изменить ее текст в интересах трудящихся против имущих. Но это нам лучшим образом подтверждает ту мысль,

[205]) „Le Moniteur", t. 16, p. 616—618.
[206]) Ibid., t. 17, p. 19—20.
[207]) Ibid., p. 79.

что вопрос о конституции был в это время в некоторой степени вопросом политических комбинаций.

Мы не хотим этим сказать, что только последнее руководило якобинцами, когда они настаивали на немедленном голосовании основного закона республики. Сыны XVIII в., якобинцы придавали огромное, решающее значение конституции. В этом отношении трудно найти разницу между поведением членов Учредительного Собрания и Конвента. Мы видим, как в речи Сен-Жюста о продовольственных затруднениях Франции еще в ноябре 1792 г. конституция является единственным средством улучшить экономическое положение страны [208]). Но при всем том в июне—июле 93 года победители видели в конституции также средство успокоения имущих классов, средство ознакомления всей страны с программой переворота. Вот почему вопрос о конституции фигурирует, как спасительное средство, одинаково, как в выступлениях якобинцев, так и в протестах Жиронды.

Любопытно в этом отношении поведение журналиста Прюдома. Он пострадал в дни восстания. Его арестовали, как сочувствующего Жиронде, и не без основания. Прюдом пытается теперь после освобождения скрыть свои жирондистские симпатии, но ему удается это с трудом. В ряде статей на страницах «Revolutions de Paris» Прюдом защищает проект новой конституции, высказывая пожелания, которые немногим отличаются от требований Кондорсе. Так, в статье «Sur la constitution presentée par le Comité de Salut public» он пишет, что «конституция не принесет вреда Франции», но она должна быть исправлена. Прежде всего по линии ослабления возможности д и к т а т у р ы. Необходима более правильная связь между исполнительной и законодательной властью. Прюдом жалуется на то, что в к о н с т и т у ц и и нет речи об уничтожении нищеты, о прогрессивном налоге, о воспитании народа [209]). Он снова возвращается к вопросу о конституции в статье «Marche des départements sur Paris» [210]). Прюдом зовет всех к миру и примирению с восставшими департаментами. Праздник федерации 10 августа 1793 г. должен напомнить 14 июля 1790 года. Задача правительства, пишет Прюдом, обеспечить счастье управляемых: «Не все граждане могут быть одинаково богатыми, но все должны быть счастливыми». Это долг Конвента, его обязанность перед народом Республики. Дело тут не в больницах, мастерских, домах призрения, а в х о р о ш е м з а к о н е...

Таковы были возражения против конституции справа, но они были поразительно похожи на то, что говорили слева. И когда Шабо в заседании якобинского клуба спросил у собравшихся, должно ли принимать с энтузиазмом проект конституции прежде, чем окончательно выяснен вопрос гарантирует ли основной закон счастье народу, ответом была дипломатичная речь Робеспьера [211]). Чего недостает конституционному акту?—спрашивал он. «В нем нехватает гарантий о хлебе для тех, кто его не имеет. В нем нет пунктов об изгнании нищеты из республики», отвечал он. Национальное Собрание дало стране конституцию, но тогда аристократия царствовала, нищета была уделом многих. Новая конституция не говорит о естественных правах человека, она не высказывается решительно за прогрессивный налог, и, наконец, конституция дала слишком много власти исполнительным органам, в то время, как гарантия свободы в гильотине. Что ответил Робеспьер

---

[208]) Речь идет о выступлении Сен-Жюста по продовольственному вопросу 29 ноября 1792 г. „Источник зла,—читаем мы в этой речи,—надо искать в плохой системе нашего хозяйства... Изобилие—плод хорошей администрации, а наша плоха".

[209]) „Révolutions de Paris", № 205 (38 de la Convention Nationale), за 8—15 июня Пп. М. и Эн.

[210]) Ibid., № 207.

[211]) „La Société des jacobins", t. V, p. 292—293.

Шабо? Он как бы согласился с ним. По его словам, конституция отнюдь не является законченным произведением. Робеспьер подтверждает, что в ней нехватает многих важных пунктов, но предлагает раз'яснить и дополнить основной закон Республики в воззвании к населению страны [212]). Для составления подобного адреса была составлена комиссия из Робеспьера, Jean-Bon-Saint-André и Шабо. Но первые два смогли его редактировать лишь в духе всей якобинской политики.

У нас нет возможности подробно проанализировать здесь этот замечательный документ.—конституцию 1793 года. Она никогда не была фактически основным законом Республики, но ее идейное влияние продолжалось десятилетия. Конституция 1793 года сыграла огромную роль в революционном движении Европы XIX в. Мы обратим здесь внимание лишь на отдельные пункты ее для дополнительной характеристики того, что мы писали в целом о якобинской политики июня—июля. Во многих пунктах проекты жирондистской и якобинской конституции совпадали: 1) решительное признание принципа народного суверенитета; 2) единство законодательной власти; 3) частое обновление народных представителей снизу доверху; 4) свобода мысли и слова; 5) равенство граждан перед законом. Но их различия были неменее значительны. Они шли прежде всего по линии организации революционной власти. Центр тяжести жирондистской конституции (проект Кондорсе)—в пунктах, гарантирующих свободу личности в обществе. Центр тяжести конституции Горы—в организации революционного правительства. Принятый Конвентом проект конституции был чужд в общем и целом учению о разделении властей, что в заседании 18 июня требовал ряд депутатов Конвента. «Ничто не служит так свободе,—заявил один из них,—как разделение властей, ничто не служит так деспотизму, как об'единение их в одних руках... Какое мне дело до того, называют ли носителя этой власти Национальным Конвентом или диктатором, если последствия их властвования одинаковы? Нас следует обеспечить от произвола того и другого» [213]). Эта-то мысль была чужда Горе. Когда по вопросу о сроке деятельности Конвента Робеспьер защищал ту мысль, что фиксировать срок его работы вредно, что это означает насилие над народным суверенитетом, он этим выразил свою общую мысль о конституции, как о революционном законе [214]).

Проект Горы отнюдь не отличался демократичностью жирондистского проекта. «Управлять народом через народ», такова была мысль Кондорсе. Вот почему принцип прямых выборов преобладал в его наброске основного закона. Для Робеспьера это было извращением демократической идеи: «я знаю только два вида существования для народа, заявил оратор,—он либо управляет сам собою, либо поручает заботу управления уполномоченным; мы, республиканские депутаты, хотим установить управление народа его уполномоченными, с возложением на них ответственности». Вот почему проект Горы отдавал выборы членов администрации в руки окружных и департаментских собраний. Более того, новая конституция вводила деление между «законом» и «декретом». Декретирование стало основным средством законодательствования. Еще Луи Блан отмечал эту особенность конституции 1793 года. По эго словам: «Урезки, сделанные конституцией 1793 года в прямом управлении народом через народ, сводились... к отмене почти всего управления целиком, ибо чего же нельзя было бы подвести под такие растяжимые статьи, как меры общей безопасности, непредвиденные расходы [125])»... В этом есть безусловно некоторое преувеличение, но правильно

212) Ibid., p. 295.
213) „Le Moniteur", t. 16, p. 687.
214) Ibid.. p. 655. или выступление Thuriot. p. 667.
215) Луи Блан—„История фр. революции", т. VIII. книга X, гл. 1.

то, что вокруг этого принципа развернулась в Конвенте борьба по каждому пункту проекта конституции. Особенно ожесточенные прения происходили вокруг вопроса о праве об'явления войны [216]). Один из депутатов Конвента потребовал помещения этого права в разряд законов, решение которых зависит от воли народа. Дюко возражал, он требовал в случае оборонительной войны сохранения этого права за исполнит. властью [217]). В конце концов, вопрос свелся к обсуждению характера якобинской внешней политики. Точку зрения сочувствующего арестованным депутатам депутата Дюко защищал Дантон. Он настаивал на праве правительства принимать меры защиты против нападающего врага без особой санкции народа. Правда, он в дальнейшем об'яснил, что имеет в виду лишь последующую ратификацию закона, но в целом идея разграничения оборонительной и наступательной войны была им сохранена и решение вопроса отдано в руки правительства [218]). Иную точку зрения защищали левые якобинцы. Thuriot настаивал, что при подобном решении вопроса исполнительная власть сможет затеять и наступательную войну. Только нация может решить этот вопрос [219]). Конвент вопросы о войне и налогах решил в пользу нации. Но и эти оба закона получили в окончательно принятом тексте конституции почти жирондистскую формулировку. Но об этом ниже.

Конституция 1793 года обеспечила влияние Парижа над всей Францией. Только этим можно об'яснить, почему «законопроект считается принятым и становится законом, если через сорок дней после его рассылки не поступит протеста из половины департаментов, с прибавкою еще одного сверх половины, от первичных сходов в каждом из них». Так разрешала Гора вопросы организации революционной власти, но именно поэтому она должна была быть особенно осторожной в формулировках пунктов, касающихся собственности. Общеизвестно, что в этом смысле проект конституции Робеспьера до 2 июня резко отличался от текста, принятого 24 июня 1793 года. Собственно, в данном случае, как и во многом другом, формулировки Горы совпадают с проектом Кондорсе [220]).

---

216) „Le Moniteur", p. 659—660.
217) Ibid., p. 659.
218) Ibid., p. 660, 661.
219) Idid., p. 659.
220) Сопоставим жирондистский и якобинский проекты конституции с окончательным текстом ее по основным вопросам:

Проект Робеспьера	Конституция 1793 г.	Проект Кондорсе
Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать частью имущество, обеспеченного за ними законом.	Право собственности есть принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, доходами, плодами своего труда и промысла.	Право собственности состоит в том, что человек волен располагать по своему усмотрению своим имуществом, своим капиталом и продуктами своего промысла.
Право собственности, подобно другим правам, ограничено обязанностью уважать права чужие. Оно не может наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности подобных.		Человеку не может быть воспрещен никакой род труда торговли и культуры; он может продавать, выделывать и развозить предметы всякого рода производства.
Всякое владение, всякая сделка, нарушающие этот принцип, незаконны и безнравственны по существу.	Промышленной деятельности граждан не может быть воспрещаем никакой род труда, культуры, торговли.	

В основном пункте в вопросе о собственности отступление Робеспьера в сторону проекта жирондистов очевидно и общеизвестно. Но именно это отступление бросает свет на все законодательство Конвента в июне—июле 1793 года.

Мы полагаем, что в заключение следует обратить внимание еще на один момент из истории конституции 1793 года. Речь идет о прениях по поводу следующего параграфа конституции: «Никто из граждан не свободен от почетной обязанности участвовать в общественных расходах». Левассер, этот радикальный якобинец, которому пришлось быть последним могиканом и чьи воспоминания служили для воспитания первых поколений якобинцев XIX века, заявил: «Я требую, чтобы соблюли в этом пункте те священные принципы, что нельзя требовать никаких приношений от тех, кто не имеет ничего, кроме необходимого, и чтобы налог взимался на основании прогрессии богатств». Предложение Левассера встретило категорические возражения со стороны якобинцев. Не помогла и горячая речь Дюко. Последний снова повторил аргументацию Левассера и прибавил: «Напрасно боятся, что это постановление разделит всех граждан на два класса: платящих и потому активных граждан и других, которые совсем не платят и которые являются пассивными гражданами». По словам Дюко, различие это может быть лишь делом закона или декрета. Тем более, что успехи индустрии могут способствовать быстрому переходу граждан из одной категории в другую [221]). Против подобной аргументировки и соответствующего ей предложения выступил Робеспьер. Он заявил: я тоже когда-то разделял заблуждения Дюко и даже как будтобы писал в этом духе. Но мне теперь ясно, что, если внести в конституцию особый пункт об освобождении бедных от платежа налогов, то это значит устранить их от общественного дела и установить аристократию богатств, которая тотчас же будет повсюду господствовать. Эта знать будет претендовать на первое место в государстве, а тем самым образуется особый класс пролетариев—илотов. Равенство и свобода тогда пропадут навсегда. Конституция должна включать в себя обязанность для всех граждан

Проект Робеспьера.	Конституция 1793 г.	Проект Кондорсе.
Для того, чтобы права народа были не призрачны, чтобы равенство не было химеричным, общество должно давать общественным должностным лицам жалованье и устроить так, чтобы граждане, живущие своим трудом, могли присутствовать в общественных собраниях, в которые призывает их закон, без ущерба для существования их и их семей. Люди всех стран братья, и различные народы по мере сил должны помогать один другому, как граждане одного и того же государства. Кто угнетает хотя бы одну только нацию, является врагом всех народов.	Французский народ есть естественный друг и союзник свободных народов. Он отнюдь не вмешивается в управление других народов. Он не допускает чтобы другие народы вмешивались в его управление.	

221) „Le Moniteur“, t. 16, p. 678—679.

платить налоги, и пусть бедняк платит обол, но он будет возвращен ему оказанием помощи со стороны государства [222]). Но Робеспьер пошел дальше,—он в этом же заседании предложил пересмотреть проект декларации прав в духе, которым проникнута была новая конституция, и предложение это было принято Таковы те краткие замечания, которые мы хотели сделать о конституции, чтобы дополнительно уяснить особенности классовой борьбы в июне—июле 1793 года, когда монтаньяры взяли на себя дело буржуазной политики против Жиронды, которая теперь демагогически щеголяла мелкобуржуазными принципами Горы [223]).

Содействовала ли политика монтаньяров видам Робеспьера, усмирению департаментов без гражданской войны? Подробно проанализировать ход борьбы с восставшими департаментами до полной победы Конвента не является задачей нашей статьи. В июне — июле 93 года некоторые результаты этих мероприятий дали себя чувствовать. Еще в донесении 21 июня в письмах из армий Брестского побережья несется клич: «Поспешите с завершением конституции, и все будет спасено!» [224]). Об этом также пишут комиссары Шарантского и Нижне-Шарантского департаментов: «Настроение народных обществ превосходно. Они уже устраивают прения или, вернее, готовятся принять с признательностью драгоценный дар конституции, принципы которой, ее краткость и ясность нравятся всем гражданам; но настала пора появиться на свет этому произведению во славу Конвента и внутреннего мира» [225]). Наконец, весть о принятой конституции дошла до сведения департаментов и армий. И уже 30 июня Фуше, один из представителей департамента Центра и Запада, восторженно пишет: «Революция 31 мая разгорячила все сердца и окрылила все надежды. У управителей, у управляемых, у всех граждан Обского департамента одно и то же чувство. Конституция есть тот луч света, который поразил все умы; она сразу переменила на единодушный хор похвал и преданности Горе те справедливые жалобы, которые поднимались со всех сторон против Национального Конвента. Секции собрались сегодня утром; конституционный акт был прочитан среди продолжительных аплодисментов и самых трогательных пожеланий по адресу всех тех, кто содействовал созданию этого простого и величественного памятника демократии и нравственным принципам; был предложен и принят адрес с поздравлениями и выражениями признательности. Народное общество, весьма многолюдное и проникнутое отличным настроением, переменило свое имя «Друзей свободы» на имя «Друзей конституции». Не трудно было при этом умилении всех душ сделать слышными голоса привета отечеству и найти руки для его защиты. Едва стал известен предмет моей миссии, как организовалась добровольная подписка; администраторы и судьи открыли собой подписной лист и большое число граждан, великодушных санкюлотов, поспешили последовать этому примеру. В немного дней мы бы легко создали батальон, если бы у нас не оказался недостаток в оружии. Все-таки вы можете серьезно рассчитывать на 400 храбрых защитников отечества, хорошо вооруженных и экипированных, и на весьма большое число занятых воен-

---

222) Ibid., p. 679.

223) Для оценки якобинской политики в момент составления конституции представляет интерес судьба проекта Мишеля Лепелетье, прочитанного в Конвенте Робеспьером 13 июля 1793 г. Сочувствие Робеспьера была вполне на стороне блестящих положений докладчика. Существовало как бы полное единодушие в этом вопросе между всеми группировками якобинцев. Правда, Дантон внес в дальнейшем в проект декрета существенную поправку: „Посещение домов общественного воспитания не будет обязательным“ (13 августа 1793 г.).

224) „Recueil des actes du Comitée de Salut Public avec la correspondence officielle des representants en mission“... publié par Aulard t. IV. Донесение комиссаров Мерлена, Жилле, Кавеньяка.

225) Ibid. Донесение 25 июня 1793 г. комиссаров Гимбершо, Бернара.

ным обучением. Уже 160 отправились для этой цели; все они поклялись вернуться к себе домой, лишь искоренив вандейских бандитов. Их клятвам можно верить: это настоящие республиканцы, не умеющие отступать перед роялистами» [226]). Безусловно, немало в этих донесениях следует отнести на долю казенного оптимизма, но в общем и целом они служат доказательством тому, что трезвая буржуазная политика Горы единственно способствовала поражению Жиронды.

V

В предшествующих главах мы в общих чертах выяснили характер социальных конфликтов во Франции до 2 июня, мы пытались затем более или менее подробно выяснить те классовые силы, которые влияли на Революцию после 2 июня, и, наконец, внимательно, шаг за шагом проследили деятельность якобинского правительства в июне—июле 1793 года. Мы тем самым уяснили себе позицию Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и всех тех, кто шел за ними. Нам предстоит в заключение заняться вопросом о позиции Марата в эту эпоху и о поведении так назыв. бешеных, Жака Ру, Варле, Леклерка. Последний вопрос представляет огромный интерес, но и не меньше трудностей. Прежде всего вопрос о «бешеных», мало разработан. То, что дает Жорес, Матьез, Бреш по этому вопросу, достаточно лишь для постановки вопроса, но не для окончательных выводов [227]). Мы отнюдь не думаем здесь разрешить этот вопрос: для этого необходимо было бы иметь доступ к архивам, но мы воспользуемся печатными первоисточниками, чтобы выяснить поведение «левых якобинцев», тех, кого называли маратистами и бешеными в июне—июле 1793 г. Наша основная задача в целом восстановить картину классовой борьбы в июне—июле 1793 г. Но при этом мы сможем осветить и биографию Ж.-П. Марата в последние шесть недель его жизни, мы сможем поднять занавес над вопросом о его взаимоотношениях с якобинцами. Вместе с тем мы уясним себе отношение Марата к Жаку Ру. Повторяем, что выполнить эту задачу целиком при данном состоянии социальной истории Революции нет никакой возможности. Можно сделать лишь в этом направлении некоторые попытки [228]).

Не следует ли, однако, предварительно сделать несколько замечаний о роли «дантонистов», этой фракции «буржуазной интеллигенции», следуя за схемой Кунова в эти шесть недель? Нужно сказать, что в это время «дантонисты» проявляли чрезвычайную пассивность. Дантона обвинили в якобинском клубе в саботаже Революции: он перестал посещать заседания клуба. В заседании 7 июня один из граждан об'явил о имеющихся серьезных подозрениях на счет поведения Дантона. «Этот депутат,—заявил оратор,—не столь революционен, каким он был. Он не приходит больше к якобинцам» [229]). Он даже покинул однажды клуб до окончания заседания, чтобы встретить генерала. К. Демулен выступил на защиту Дантона [230]). Последнему пришлось защищаться в заседании клуба от 14 июня, после его знаменитой речи в Конвенте в защиту последнего восстания. Дантон об'яснил

---

[226]) Ibid., Донесение из Труа.

[227]) J. Jaurés—„Histoire Socialiste“, t. IV. „La Convention“. Braesch — „La Commune du 10 âout 1792 г.“. В журнале A. Mathiez'a статьи: „Le Manifeste des Enragés“ („Annales Revolutionnaires“ за 1914 г., Juillet—Septembre). Письмо Жака Ру Марату (тоже за 1916 г.); блестящая статья—„Les Enragés et la lutte pour le maximum“,—богатейший биографический материал о Жаке Ру (тоже — 1917 г.). Заметка „Leclerce de Lyon et Jacques Roux“ (тоже, май—июнь 1917 г.).

[228]) Мы остаемся и в данном случае в рамках июня—июля 1793 г.

[229]) „La société des jacobins“, p. 233.

[230]) Ibid.

свое отсутствие перегруженностью работой в Конвенте и Комитетах [231]). Но совершенно очевидно, что здесь были мотивы и политического характера. По каким вопросам выступает Дантон в Конвенте после 2 июня? Исключительно по вопросу о защите права народа на восстание и для оправдания революции 2 июня. Он энергично защищал предложения, исходящие от якобинцев-робеспьеристов, но ни в одном вопросе не выставлял своей собственной программы. Таков смысл его речи в защиту открытого голосования [232]).

Для Дантона, этого трезвого политика буржуазии, события 31 мая—2 июня были актом самообороны революции. «Я утверждаю перед лицом всей Франции,—говорил он в заседании Конвента 13 июня,—что, если бы не прогремели пушки 31 мая, если бы не было этого восстания, заговорщики восторжествовали бы и стали диктовать нам законы». Он прибавил еще, что Комитеты имеют документы, из которых явствует, что еще до 31 мая «департаменты разослали циркуляр, приглашающий сплотиться против Конвента». И для него, как для Робеспьера, основным было требование конституции: «эта конституция является батареей, бьющей картечью по всем врагам свободы,—она беспощадно уничтожит их» [233]). И он пытался отделить администрацию восставших департаментов от их населения, и в первую очередь от имущей массы Юга Франции. Об этом свидетельствует его речь в Конвенте от 6 июля 1793 года: «Не следует клеветать на батальоны,—заявил он,—точно так же нельзя сказать, что бунтуют департаменты, вернее сказать, что их администраторы—ловкие плуты, которые хотят захватить в свои руки национальную власть» [234]).

Дантон смог избежать компрометации в эти дни. К. Демулену было это труднее. И только защитой якобинцев можно об'яснить, почему так легко сошла ему защита изменника, генерала Диллона, которого он защищал упорно и долго [235]). Во всяком случае, политика «дантонистов», этого жирондистского охвостья, в июне—июле 1793 года почти ничем не отличается от политики робеспьеристов. Значит ли это, что социально они были одним и тем же? События июня—июля не дают нам возможности окончательно решить этого вопроса. В данном случае для нас важно отметить совпадение политики мелко-буржуазной партии монтаньяров с политикой дантонистов, совпадение по линии реализации программы деловой буржуазии, той программы, которую не смогли выполнить жирондисты. В дальнейших событиях социальное расслоение во Франции выявило противоречия этих группировок, их классовую природу, но лишь детальным анализом конкретной ситуации можно в каждом отдельном случае установить, в какой мере схема Г. Кунова, к сожалению, пока общепризнанная в марксистской истории Великой Революции, верна.

Мы не можем здесь заняться этим вопросом [235]). Вернемся к основной задаче этой главы [236]). Выясним политику маратистов и бешеных в июне—июле 1793 года.

---

231) Ibid, p. 253.

232) „Le Moniteur", t. 16, p. 626—627.

233) Ibid., p. 639.

234) Ibid., t 17, p. 68.

235) „Histoire parlementaire", t. 28, p. 274—276.

236) Если социальная природа монтаньяров, как представителей мелкой буржуазии не подлежит сомнению, то дантонисты, как и жирондисты, были двумя фракциями одной и той же классовой группировки. Их расхождения были чисто тактического свойства. Они оставались активной силой революции до тех пор пока якобинцы-робеспьеристы защищали дело французской буржуазии, они заняли старые позиции жиронды, когда якобинцы вынуждены были вступить на путь мелкобуржуазной революционной политики. Спорный вопрос о дантонистах должен, конечно, быть предметом специального исследования, но приходится сожалеть, что ряд наших историков не считают необходимым критически отнестись к схеме Г. Кунова.

Марат был общепризнанным вождем революции 2 июня. Он был самой ненавистной фигурой для Жиронды и оставался таковой и после 2 июня. Восставшие департаменты прежде всего обвиняли Конвент в связи с Маратом. Мы отмечали это в связи с разбором донесения народных представителей из армии Брестского побережья. «Умы, повидимому, чрезвычайно расположены в пользу свободы и равенства читаем мы в одном донесении, но питают ненависть к Марату и вследствие весьма пагубной ошибки смешивают с ним всех членов, руководящих Горой, под тем предлогом, что они его сторонники» [237]). Обвинение в маратизме становилось угрожающим. Жирондисты усиленно муссировали слухи о кровожадности Марата, о его господстве в Конвенте. Об этом же докладывал Конвенту министр внутренних дел. Он заявил: в департаментах Нормандии и Бретани распространяют слухи о создании в Париже диктатуры Марата, Дантона и Робеспьера. Вот почему он дал строгий наказ правительственным агентам выяснить настроение умов и бороться против тех эксцессов, которые известны под названием маратизма [238]).

Робеспьер в свою очередь неоднократно подчеркивал огромное значение этой опасности и предлагал принять строгие меры для раз'яснения истинных целей революции.

Вопрос о Марате поднимали неоднократно и в Якобинском клубе. Основная задача политики, успокоение буржуазии, требовала внимательного отношения к обвинению якобинцев в маратизме. Следовало во время освободить себя от подобных обвинений. Шабо в заседании клуба сообщил о требованиях, пред'явленных ему администрацией восставшего департамента Haute Garonne: привлечь депутата Шабо к ответственности за то, что он об'явил Христа первым санкюлотом, открыл тюрьмы крестьянам, арестованным за непосещение мессы, за то, что он враг аристократов и бриссотинцев и, наконец, за то, что он апостол Марата и одновременно близкий друг Дантона и Робеспьера [239]).

Об опасениях якобинцев и об их стремлении освободиться от обвинений в маратизме, наконец, говорит отчет К. Об. Спасения, представленный Конвенту Комбоном перед окончательным обновлением его состава [240]). Мы помним ту борьбу, которая развернулась в Конвенте среди якобинцев, по вопросу о политике комитета. Мы помним, что Робеспьер высказался против его обновления, что Барер от имени Комитета Об. Спасения неоднократно защищал политику примирения с восставшими департаментами, политику полной и окончательной ликвидации революции. Все это вызывало серьезные нарекания с различных сторон и не без оснований. Комбон, отчитываясь перед Конвентом, имел в виду оправдаться в обвинении в модерантизме. Он заявил: «Ваших комиссаров называли маратистами, словом, выдуманным нашими врагами, чтобы отметить наиболее энергичных патриотов. Говорят, что все маратисты убийцы, и этим названием заклеймили всех представителей народа, чтобы парализовать их действия» [241]). Рисуя тот беспорядок, который царит в стране после 2 июня, и оставляя в тени то, что это было последствием революции, Комбон неоднократно возвращается к обвинению в маратизме. «Ваших комиссаров,— отмечает он,—называли дезорганизаторами, диктаторами, маратистами... Словом «Марат» все парализуется, ставят преграды форми-

---

237) „Récueil des acts...“, t. IV. Донесение комиссаров Жилле и Мерлена от 12 июня 1793 г.
238) „Le Moniteur“, t. 16, p. 663.
239) „La Société de Jacobins“, t. V, p. 275.
240) „Le Moniteur“, t. 17, p. 99.
241) Ibid.

рованию армий»[242]). Такое сознательно преувеличенное значение придавали победители-якобинцы имени «Друга Народа», чтобы оправдать политику примирения и успокоения, которую вел Комитет Общественного Спасения. И, чем более мрачную картину рисовал докладчик, тем более ясной становилась Конвенту задача борьбы с маратистами и «бешеными».

В исторической литературе, царит странное недоразумение. Нет сомнений в вопросе об использовании жирондистами жупела «маратизм» в борьбе с победителями 2 июня, а вместе с тем утверждают, что Марат в июне—июле был болен, что он не принимал активного участия в политической борьбе. Значит ли это, что угроза Маратом датирует только от предшествующей эпохи, еще со времени суда над «Другом Народа»? Нам кажется это неосновательным, как неосновательно и второе утверждение, будто политика Марата со дня 2 июня лишена смысла и может быть об'яснена лишь его болезнью.

Еще 1 июня, в заседании Генерального Совета Коммуны Марат изложил основы своей новой политики. Он заявил: «Пока народ является народом свободным и как свободный народ доверил свои интересы власти, им образованной, этот народ должен без возражений своим представителям уважать и исполнять их декреты, не мешать им в их решениях и помогать им в исполнении их обязанностей; но если эти представители народа обманывают его доверие, но если народу приходится часто печалиться на свою судьбу и если он убедился в ошибочности своего выбора, или, что те, кого он выбрал, подкуплены; если, одним словом, национальное представительство вместо того, чтобы спасти общественное дело, ставит его под угрозу, тогда, граждане, народ должен сам себя спасти. У него нет других средств спасения, чем собственная энергия.., Таков совет, какой я могу вам дать»[243]). В этом выступлении в день восстания все характерно для Марата: своеобразное понимание демократии, недоверчивое отношение ко всякому правительству и трезвая программа государственной деятельности. Победа в революции меняет радикально политику народа: вместо дезорганизаторской работы должна наступить пора строительства. Но до победы революции основной закон—благо народа, даже против избранного им народного представительства. Такова была демократия в момент своего расцвета.

Ошибочны были представления якобинцев о маратизме. Они били тревогу по поводу жирондистских обвинений якобинцев в маратизме раньше времени. Марат еще не начал своей агитации против Конвента.

«Друг народа» оставался пока верным своему заявлению 1 июня. И в день восстания, на завтра после победы, он готов был принести себя в жертву во имя победы революции. Когда ряд жирондистов, и в том числе Барбару, отказались от сложения своих полномочий, Марат заявил: «Это мне, постоянной жертве свободы, придется обречь себя на политическую смерть»[244]). Марат подал в отставку. Об этом он сообщил в письме к Конвенту 3 июня. «Граждане и товарищи! Не отказывая в уважении основаниям проекта вашего Комитета Общественного Спасения, склонного обратиться с приглашением к членам Конвента, которые являлись по сию пору вольной или невольной причиной разногласий в собрании и пагубных раздоров в различных департаментах, я всеми силами оспаривал этот проект, ибо, сохраняя за обвиняемыми, быть может, слишком преступными, почетное право показать пример великодушной преданности общественному

---

242) Ibid.
243) Ibid., t. 16, p. 542.
244) Ibid., p. 553.

благу, он делал их привлекательными в глазах нации, а между тем подобная честь должна принадлежать исключительно тем незапятнанным людям, которые безотчетно посвятили себя защите свободы, людям, сердце которых всегда пламенело священной любовью к отечеству, людям, которых враги революции непрестанно преследовали как дезорганизаторов анархистов, честолюбцев, кровопийц, жаждущих убийства и грабежа.

Может быть, мне, вечному мученику свободы, давно уже терзаемому клеветой, позволено ревниво относиться к этой чести. А потому я отклонил проект декрета вашего комитета, потребовал задержания членов, обличенных установленными властями Парижа, и предложил собственное свое отрешение на определенный срок. Горя нетерпением открыть глаза нации, обманутой насчет меня столькими наемными пасквилянтами, не желая больше слыть яблоком раздора и готовый пожертвовать всем для водворения мира, я отказываюсь от отправления своих депутатских полномочий до окончания суда над обвиняемыми народными представителями. Пусть не повторяются больше в недрах Конвента прискорбные сцены, которые так часто угнетали публику; пусть все члены принесут свои страсти в жертву своим обязанностям и пойдут большими шагами к славной цели, им поставленной; пусть дорогие мои товарищи монтаньяры покажут нации, что они еще не выполнили ее ожиданий, потому что злодеи тормозили все их усилия; пусть, наконец, возьмутся они за крупные мероприятия для поражения внешнего врага, для подавления врага внутреннего, для прекращения бедствий, отягчающих родину, для водворения мира и благоденствия, для упрочения свободы мудрыми законами, для установления царства правды, для процветания государства и обеспечения счастья французов [245])! Это письмо было как бы примирительным манифестом. И, хотя Марат не согласен был с трусливой политикой Комитета, пытающегося выгородить виновых депутатов жирондистов, он готов подчиниться его постановлениям, памятуя свою речь в Коммуне 1 июня. Как реагировали на эту отставку яокбинцы? Thuriot и Charlier протестовали против поведения Марата. «Я предлагаю, заявил Thuriot, – чтобы собрание декретировало, что обязанность каждого депутата — остаться на своем посту». В защиту Марата выступил Charles. Он вскрыл мотивы его отставки: Марата рассматривают, как чудище, им пугают департаменты, его отставка покажет Франции, кто виновник гражданской войны [246]). Руководили ли Маратом подобные мотивы, нам трудно решить, но что в первые дни Марат стремился к миру с якобинцами, в этом нет сомнений.

Но осталась ли политика самоотстранения от дел постоянной для Марата в июне—июле 1793 г.? Подобное впечатление мы выносим при чтении литературы. Даже Bougeart и Chevremont поддерживают эту версию. Но утверждение это построено на недоразумении. В заседании 17 июня, при поименном голосовании, обнаружено было отсутствие ряда депутатов, принят был декрет о преследовании отсутствующих без причины. Марат воспользовался подходящим моментом и решил заявить о своем возвращении в Конвент. «Стремление открыть глаза нации, заявил он, на клевету, поднятую против меня, заставило меня подать в отставку. Я доверился моим коллегам, депутатам Горы; в это время я писал председателю Конвента ряд писем, которые содержали ответ на все обвинения; они не были зачитаны. Я заявляю, что клевета, поднятая против меня, должна быть ликвидирована. Я об'являю, что сегодня, в эту же минуту, я беру обратно мою отставку. Я вступаю в испол-

245) „La correspondance de Marat“ recueillie et annoteé par Ch. Vellay, p. 259.

246) Готовность в отдельных случаях Марата занять примирительную позицию разрушает в тысячу первый раз легенду о „болезненном недоверии“ Марата.

нение моих обязанностей» (аплодисменты на трибунах и одной части залы) [247]). Мы придаем огромное значение этому эпизоду, который ускользнул из поля зрения биографов Марата. Он свидетельствует о том, что до дня своей смерти Марат внимательно относился к происходящей в Конвенте борьбе в то время, как отношение к нему якобинцев было сугубо недоверчивым. О его отношениях с Конвентом в этот период говорит письмо от 4 июня. Марат пишет: «Контрреволюция только что совершилась в Марселе, Лионе, Гренобле. Враги свободы не удовлетворились гибелью огромного числа патриотов, они бросили в темницу наиболее ревностных из тех, кто избежал смерти. Было бы верхом жестокости оставлять в оковах этих защитников свободы. Я требую, чтобы немедленно издан был декрет об их освобождении. Если мое право делать какое-либо предложение подлежит оспариванию вследствие моего добровольного временного отрешения от депутатских полномочий, то я прошу кого-либо из моих товарищей монтаньяров внести это предложение от моего имени» [248]). Марат продолжает говорить в тоне требований, но только в дальнейшем, в переписке с Конвентом, он развертывает свою политическую программу. Мы думаем приступить к ее анализу, чтобы выяснить конфликт между Маратом и якобинцами накануне его смерти.

Для выполнения этой задачи мы можем пользоваться источниками троякого рода: газетой Марата «Publiciste de la Republique française, ou Observations aux français par Marat, l'ami du peuple, député à la Convention»; «Письмами» Марата и, наконец, парламентскими отчетами. Мы не говорим о других источниках, которые могут дать косвенное представление о его позиции в последние недели.

Нам приходилось отмечать в другой связи выступление Марата в якобинском клубе 3 июня. Это было своеобразным ответом на старые жирондистские обвинения, повторяемые теперь против него якобинцами: 1) стремление к диктатуре, 2) призывы к грабежу, 3) требование роспуска Конвента. Марат возражал, что он имеет в виду не вождя, а руководителя, что таковым является Конвент, но что последний должен поспешить принятием конституции, фиксированием цен на предметы первой необходимости и защитой бедняков против тех богачей, которые не желают добровольно нести жертвы в интересах революции. При этом, заявил Марат, никто не думает нападать на собственность. Но какая собственность наиболее священна? Это существование человека. Мы желаем, чтобы уважали эту собственность и чтобы был дан хлеб всем несчастным. Эта социальная программа была затем им развита в большой статье: «Causes de l'avortement de la Revolution» [249]). Мы приведем эту статью полностью, чтобы читатель мог судить, правы ли мы, противопоставляя взгляды Марата на социальную политику победившей революции взглядам Робеспьера, который, как мы видели в дискуссии с Шабо, об'яснял почему он вынужден временно отказаться от формулировки в конституции экономических требований в интересах народных масс. «Нельзя больше скрывать,—читаем мы в статье Марата,—что все меры, принятые до сих пор Учредительным, Законодательным собранием и Конвентом в целях водворения свободы и консолидации, были необдуманными, напрасными и иллюзорными, поскольку они были добросовестными. Большинство их как будто стремилось нарочно увеличить количество злоупотреблений, продолжать угнетение, вызывать анархию, продовольственный кризис, нищету, голод, усталость народа от своей независимости, превратить его свободу в бремя, заставить его презирать революцию из-за беспорядков

247) „Le Moniteur“, t. 16, p. 671.
248) „La Correspondance...“, p. 261.
249) „Le Publiciste de la République Française“ № 211, 8 июня 1793 г.

и эксцессов, истощать его путем постоянной бдительности, усталости, нужды и недоедания; довести его до безнадежности путем голода и возвратить его к рабству посредством гражданской войны. Таково было положение вещей почти четыре года тому назад; таково оно и сегодня; таково оно останется и в будущем до тех пор, пока небу не будет угодно отнять у глупых возможность проявлять себя, лишить народ его безопасности и подарить ему дух разборчивости, отвагу положить конец своим страданиям, решимость в решениях. У любого народа, который не страдает манией различать разум от ярости, не найдется здравомыслящего человека, который бы не понял, что нельзя консолидировать революцию без того, чтобы одна партия не задавила другую. Только французам, очевидно, было суждено, чтобы они пытались разрушить все их политические учреждения и воздвигать новый порядок вещей, при посредстве единственной силы—философии: как будто возможно, чтобы самые повелительные страсти подчинялись голосу разума. Революция была начата против деспотизма властей и его придворных и привилегированных сословий. Было все просто, когда народ поднялся, чтобы прежде всего уничтожить этих сообщников деспотизма. Кто мог бы верить, что не только не были приняты против них хотя бы самые мелкие меры, но, наоборот, им было предоставлено руководство, направленное против них же восстанием? Кто мог бы верить, что эти сообщники старого режима не только не были отстранены от всякой работы, но, наоборот, народ их призвал для организации нового режима? Однако, все это случилось. С первых же дней революции народ-победитель им позволил надеть на себя буржуазную маску, присутствовать на всех собраниях, выставлять их любовь к свободе, говорить о равенстве и принимать участие во всех его решениях. Что я говорю? Обманутый тем, что они притворялись хорошими гражданами, он их сам поставил во главе своих учреждений, администрации, советов, батальонов, армии. И только после того, как он был сто раз обманут их коварством и стал жертвой их предательств, он понял, что агенты старого режима не могут стать агентами нового; что дворяне, солдафоны и попы будут всегда сообщниками роялизма, и народ, наконец, потребовал, чтобы они были отстранены от всякой работы то, что его лживые представители всегда отказывались декретировать. Еще и по сей день подлые дворяне находятся во главе армии Республики, бывшие лакеи командуют солдатами свободы, старые грабители государства руководят нашей администрацией, любители придирок составляют наши трибуналы, креатуры двора находятся в сенате. Эти-то заядлые враги революции в коалиции с попами, с капиталистами, финансистами, спекулянтами, крупными помещиками, торговцами предметов роскоши,—интриганы всякой масти, холуи и опричники не прекращают уже давно начатые ими махинации против отечества, стараясь губить его сыновей. В ожидании того момента, когда друзья свободы по всей Республике примут, наконец, против врагов, предателей отечества и заговорщиков жесткие меры, которые диктуются заботой об общем благе, необходимо, чтобы все честные граждане об'единились против них. Парижане должны дать пример; поэтому я приглашаю все секции собраться завтра на Марсовом поле для того, чтобы создать между собой и Горой святую федерацию, дать клятву в том, что будут поддерживать Республику единую и неделимую; в том, что не будут никогда отделяться от своих провинциальных братьев, в том, что будут защищать свободу до последнего издыхания».

Характерно для Марата это постоянное подчеркивание невыполненных революцией обещаний: материальное положение масс не улучшилось, беспорядок царствует, свобода не обеспечена. Марат, таким образом, подчеркивает то, что якобинцы пытались затушевать после 2 июня, концентрируя внимание масс на вопросах политики. Но друг народа идет дальше.

Он высмеивает попытку французов разрешить вопросы огромной политической важности силой одной философии. Он формулирует отчетливо сущность гражданской войны: одна партия должна уничтожить другую. Вот почему в практической части своей политической программы он выдвигает вопрос о немедленной и радикальной очистке правительственного аппарата сверху до самого низу от всех элементов контрреволюции и привилегированных, от всех тех, кто, прикрывшись скромным костюмом буржуа, готовит гибель революции. Но, как всегда, Марат дает социальный анализ контрреволюционной коалиции, выступающей против последствий 2 июня: враги революции в коалиции со священниками, капиталистами, финансистами, сторонниками ажиотажа, крупными собственниками, продавцами предметов роскоши и интриганами всякого рода... Мы увидим в дальнейшем, что в оценке социального состава контрреволюции Марат идет дальше т.-н. «бешеных», но нам уже теперь очевидно, что он в своей оценке конкретной ситуации говорит то, что скрывали якобинцы. Правда, пока еще Марат говорит о союзе народа и Горы...

Мы оставляем пока в стороне отдельные случаи вмешательства Марата в защиту тех или иных граждан, как доказательство мягкосердечия в последние дни его жизни. В конце концов для нас это не существенно. Мишле может в этом видеть доказательство пробуждения человечности в Марате накануне его смерти, вмешательство божьего промысла; Луи Блан может не считаться с этими фактами, желая сохранить до конца исторический образ Марата, этого мрачного жителя подвалов, мучимого революционной лихорадкой; Ж. Жорес может игнорировать эти факты, чтобы слить политику Марата с политикой эбертистов. Нам необходимо установить характерные черты политики Марата после победы 2 июня, той революции, которая была в известной степени делом его рук, но руководство которой попало в руки враждебной ему группы якобинских политиков — Барера и Робеспьера. Марат 2 июня требует включения в список осужденных депутатов Фермона и Валазе и освобождения Дюко, Lauthenas и Dussauex. По каким мотивам? Dussauex старик, болтун, который, по словам Марата, не опасен. Он не может быть вождем партии. Lauthenas слишком большое ничтожество, чтобы стоило о нем говорить. Дюко также не может рассматриваться, как руководитель контрреволюции, хотя он и высказывал ряд ошибочных взглядов. Марат настаивает поэтому только на аресте участников Дюмурье, клеветников и поносителей Парижа и Горы [250]). Вмешательство Марата в защиту тех или иных депутатов Жиронды интересно тем, что и здесь мы видим попытку изолировать лишь руководящую группу Жиронды с тем, чтобы в наименьшей степени потрясти Конвент и тем самым Францию. Если в области социально экономических требований «Друг Народа» тотчас развернул всю программу своих требований, постепенно сворачивая их в конце июня, к моменту выступления народных низов, то в области политической он начинает с минимума, с примирительных попыток, чтобы закончить новой кампанией против К. О. Спасения и медлительности якобинцев. 20 июня он обращается в якобинский клуб с новым об'яснением своего поведения. Клевета не прекращается. Марат вынужден защищаться все упорнее и упорнее. В заседании клуба 21 июня было оглашено новое письмо Марата[251]). Он жалуется в этом письме на попытки интриганов запугать якобинцев его именем, на двусмысленное отношение к нему последних. «Меня обличают в том, что я требовал вождя,—пишет он.—Для ревностного защитника свободы крайне неприятно раз-

250) „Le Monitieur“, t. 16, p. 554, 684.

251) „La Correspondance...“, p. 263. В издании „Писем“ Марата на русском языке сказано, что письмо это зачитывалось в клубе 21 июня. Это—ошибка перевода.

говаривать о мерах к общественному благу в присутствии остолопов, которые не понимают французского языка, или мошенников, которые не желают его понимать. Вот обстоятельство, вызвавшее этот нелепый донос.

31 мая в 8 часов вечера я принял в Конвенте депутатов нескольких парижских округов, которые спрашивали меня, что же делать. Как! — ответил я им, — вы целую ночь били в набат, вы целый день стояли с оружием в руках и вы не знаете, что делать! Мне нечего говорить сумасшедшим, — и с этими словами я ушел. Огорченный усилиями народа, совершенно бесплодными при отсутствии просвещенного и надежного совета, я вернулся в залу и с горечью в душе сказал нескольким монтаньярам: «Нет, невозможно народу спастись, если у него нет вождей!» — Как так? — воскликнул один из «государственных людей», слушавших меня, — ты требуешь вождя? — Скотина! — тут же ответил я, — в моих устах вождь не значит повелитель, никто больше меня не питает отвращения к повелителю, но в настоящую критическую минуту я хочу вождей, которые руководили бы действиями народа, чтобы он не делал ложных шагов и чтобы усилия его не были напрасны; ибо что такое сто тысяч людей, уже стоящих под ружьем, если у них нет вождей-руководителей» [252])?

Что поражает нас в этом письме, это чувство изолированности, которое возмущает Марата, изолированности в родной ему среде якобинцев. Все, что он в продолжение ряда лет делал для революции и свободы, не убедило его друзей-якобинцев. «Огорчение, мною испытываемое, — пишет Марат в своем письме клубу якобинцев, — перешло всякую степень возможности. Не слишком ли много бороться сразу со злобою врагов свободы и с ослеплением ее друзей» [253])? Но одновременно он не перестает бомбардировать Конвент своими практическими предложениями. Основная его задача — ликвидировать бунт в восставших департаментах. Мы видели уже, что в письме от 4 июня он требует от Конвента решительных мер для подавления восстания утверждая, что медлительность нанесла Конвенту не мало вреда. Simond не без основания напомнил в якобинском клубе 21 июня советы Марата: «Марат требовал много голов, чтобы обеспечить спасение Республики. Ему не хотели их дать; Конвент дал только голову короля. Хорошо! Что же было последствием этой тактики? То, что за сбережение этих голов пришлось пожертвовать жизнью 500.000 людей» [254]). Но Марат 18 июня, выступая в последний раз в Конвенте, поднял обвинение также против нескольких генералов: Ligonier, Duchatel, Вестермана. Он требовал также ареста Карра. Он был прав по отношению ко многим из них [255]). Но против этого требования выступил Робеспьер. Последний заявил: «Я поддерживаю предложение об отзыве комиссаров, которые находятся под подозрением, если не утверждать большего, что они обличены, в сношениях с бунтовщиками. Что касается предложенных мер против генералов, их можно решить не на трибуне, их следует раньше рассмотреть в Комитете» [256]). Это означало отложить репрессивные меры против виновных.

Но Марата в дни июня — июля отнюдь не занимают исключительно меры террора против правых. Он, например, предлагает в письме к Конвенту от 21 июня «безотлагательно вытребовать Шалье в Конвент не только для того, чтобы спасти его от жестокости лионских аристократов, но и для того, чтобы получить от него справки о причинах волнений в этом

[252]) Ibid.
[253]) Ibid.
[254]) „La Société“ ..., t. V, p. 269.
[255]) „Le Moniteur“, t. 16, p. 684.
[256]) Ibid.

городе»[257]). Предложения Марата были ответом на письмо прокурора Лионской коммуны Лосселя, который отмечал раздоры в рядах левой, в частности свои разногласия с Шалье[258]). К сожалению, нет возможности здесь достаточно внимательно проследить борьбу различных группировок в отдельных восставших городах[259]). Во всяком случае мы лишены возможности сделать это в данном очерке, не сможем даже упомянуть об имеющейся литературе по этому вопросу. Но нам важно отметить, что Марат искал причину восстания также в ошибках левых якобинцев Лиона. Он боится, чтобы эти ошибки не использованы были жирондистами, чтобы они не возглавили народное движение — «Я требую, пишет он в том же письме, чтобы перманентность округов отменена была во всей Республике. Эта перманентность является главной причиной несчастий, случившихся в недавнее время в нескольких крупных городах: ибо богачи, интриганы и зложелатели толпами бегают на заседания, становятся на них хозяевами и заставляют принимать самые гибельные для свободы постановления, в то время, как поденщики, рабочие, ремесленники, молочные торговцы, землепашцы, словом, вся масса обездоленных, принужденных работать для того, чтобы существовать, не могут участвовать в собраниях, чтобы подавлять преступные происки врагов свободы. Дней десять — двенадцать тому назад я предложил последнюю меру вашему Комитету Общественного Блага; он понял ее значение, обещал доклад; не могу об'яснить себе его молчания»[260]).

Больной Марат пять месяцев уже прикован к постели, но он не перестает вести упорную борьбу с модерантизмом. В статье «Moyen de parer aux dangers et de remedier aux malheurs de la patrie» он снова возвращается к вопросу о мерах спасения отечества. «Республику раздирают бедствия внешней и внутренней гражданской войны, ей угрожают нищета и голод. Но революция не погибнет, потому что возможности ее огромны, если только она сумеет воспользоваться ими. Самое опасное в нынешнем положении—это возмущение все новых и новых департаментов, восставших по примеру Кальвадоса. Чтобы спастись, следует принять против них решительные меры, об'яснить всей стране действительные причины восстания и, наконец, предоставить Франции проект новой конституции. Очевидно, пишет Марат, что основное зло — это гражданская война в стране. Бороться с врагами можно лишь путем вооружения всех добрых патриотов, решительного нападения на врагов и их немедленного уничтожения. Добро бунтовщиков должно быть разделено между участниками этой карательной экспедиции. И снова и снова: „обновите администрацию, изгоните генералов — предателей“[261])!

Но мысль Марата работает и в другом направлении. «Среди бедствий, которые сокрушают отечество, одна опасность угрожает ему больше всего в данный момент, и последствия непоправимы: это хищность спекулянтов и алчность. Хищники толкнут народ к пропасти, если Конвент не примет во время мер для понижения цен». «Чтобы ускорить возвращение старого порядка, возможно, достаточно будет, чтобы хитрые негодяи ему показали сравнительный тариф цен на хлеб во время деспотизма и революции». Таковы требования и предложения Марата за несколько дней до продовольственных беспорядков в Париже, о которых мы писали в предыдущей главе, за несколько дней до решительного выступления Жака Ру, против которого Марат начал свой поход. Прежде чем перейти к анализу его

---

257) „La correspondance“, .. p. 265

258) Ibid., примечание Vellay.

259) Некоторый интерес представляет новый материал в очерке L. Dubreuil — „Evreux au temps du fédéralisme“, в последних №№ журнала A. Aulard.

260) „La Correspondance“, p. 267.

261) См. письмо Марата от 2 июля 1793 г., ibid.

взглядов, а также к освещению исторического эпизода огромной важности, отметим только, что в статье о средствах спасения отечества Марат ставит вопрос о революционной диктатуре, чтобы патриотическая партия раздавила врагов революции. Он смеется над всякими попытками в обстановке гражданской войны вводить безграничную свободу.

Нам кажется целесообразным именно в этом месте приступить к краткой характеристике позиции «бешеных», чтобы затем, сопоставив ее с политикой Робеспьера и Марата, решить вопрос об их месте среди якобинцев и о взаимоотношении этих группировок между собою. Решающими будут для нас события конца июня и первых дней июля 93 года, спор вокруг вопроса о конституции и продовольственных беспорядках в Париже. Мы в общих чертах в предшествующей главе разобрали эти вопросы, теперь специально займемся ими для выяснения позиции Марата и его отношений с Жаком Ру, признанным вождем «бешеных».

В июне — июле 93 года представителями крайних в Париже выступали Варле, Леклерк и Жак Ру. Была ли их агитация общим делом? Об этом трудно судить. Леклерк позже, в сентябре 1793 года, это категорически отрицал. В своем журнале «L'ami du peuple» он писал: «Я заявляю публично, что я никогда не имел никаких сношений ни прямых, ни косвенных с Жаком Ру, что с первого июня я не видел его больше, чем два раза в продолжение часа, случайно в одном доме, куда он иногда заходил, и где я был часто. Вот вся истина по поводу этого обвинения» [262]). Но это не мешало им изолированно вести общую революционную работу в кварталах рабочих и ремесленников Парижа.

В первые дни июня Варле и Леклерк развили активную агитацию. О их выступлении в Генеральном Совете Коммуны и о том сопротивлении, которое они там встретили, нам приходилось говорить. Отметим в дополнение выступления Леклерка 1 июня в Якобинском клубе. Он заявил: «Я буду краток. Агония аристократов началась. Набат бьет . . . Коммуна восстала. Народ несется к Конвенту. Вы должны туда отправиться» [263]). В самом восстании не было разногласий между якобинцами и «бешеными». Они начались после восстания. Какие требования выставляли бешеные в первые дни? Нам трудно об этом судить. Но если считать показательным выступление Леклерка из Лиона в заседании Коммуны от 4 июня, то пока речь шла исключительно о мероприятиях террористического характера. Именно в этом смысле возражал ему Эбер: «Следует рассматривать, как mauvais citoyen, всякого, кто предложит пролитие крови» [264]). Мы не можем таким образом, по крайней мере, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, говорить о какой-либо особой социально-экономической программе бешеных в первые дни после 2 июня. Что разногласия между якобинцами и „бешеными“ не были значительны до середины июня, свидетельствует еще то обстоятельство, что Жак Ру был назначен 12 июня одним из редакторов «Бюллетеня Парижской Коммуны» [265]). В этом Бюллетене должны были печататься все важнейшие решения Коммуны и наиболее интересные материалы из департаментов, как и письма, адресованные Коммуне. В двадцатых числах июня подобное назначение уже было. немыслимо Мы, к сожалению, лишены возможности выяснить роль бешеных в продовольственных беспорядках конца июня: для этого у нас нет ни архивных, ни достаточных печатных материалов.

---

262) „Histoire parlementaire“, p. 345., „Annales Révolutionnaires“, mai — juin 1917— „Leclerc de Lyon et Jacques Roux“.

263) „La société des jacobins“, t. V, p. 222.

264) „Le Moniteur“, t. 16, p. 566.

265) Ibid, p. 630.

О Жаке Ру мы знаем только то, что дают нам скудные биографические материалы, опубликованные Брешем, Жоресом и Матьезом. Правда, статья последнего «Les enragés et la lutte pour le maximum» дает нам уже значительный материал, но далеко не исчерпывающий [266]).

Жак Ру родился в 1752 г. в зажиточной семье вторым из 12 детей. В дальнейшем, как преподавателю семинарии в Ангулеме по кафедре физики и философии, ему пришлось работать недолго. Однажды повар семинарии выстрелом убил одного из слушателей, когда последние протестовали против скверной пищи семинарии. Начальствующие лица и в том числе Ж. Ру были арестованы. Вскоре после этого начинаются его злоключения. К началу революции ему уже было 37 лет. Первое его публицистическое произведение относится к периоду взятия Бастилии [267]). Он превозносит в нем Людовика XVI, этого короля доброты, справедливости и мира. Вскоре в общине Saint Thomas начались аграрные беспорядки. Жака Ру обвинили в том, что он был их зачинщиком, что он здесь распространял опасное учение о том, что земля принадлежит всем равно и что не следует платить повинностей. Но обвинение это было построено на недоразумении, потому что за 15 дней до этого (29 апреля 1790 г.) Жак Ру покинул общину. В дальнейшем, если верить одному анонимному памфлету, он отправился в департамент Aude и 25 июля 1790 г. был назначен на должность кюре общины Massigni в дистрикте Carcassone. Жака Ру пытались здесь, по его словам, подкупить аристократы, но напрасно. Он разоблачил их и показал себя патриотом. Матьез утверждает, что им сделаны были попытки проверить эту историю, и оказалось, что Ж. Ру никогда не был в департаменте Aude, что община Massigni там и не значится. Он приходит к убеждению, что все это «геройство» выдумано Ж. Ру, чтобы придать себе вес в глазах санкюлотов. В начале 1791 г. он оказался в Париже и здесь случайно занял заметное место в рядах конституционного духовенства. О нем даже появилась заметка в «Revolutions de Paris», но все же Жак Ру не был еще общефранцузской или даже столичной знаменитостью. Его вторым произведением была речь «О средствах спасения Франции и свободы» (17 мая 1792 г.). Основная особенность этого произведения—бешеный терроризм, по словам Матьеза, превосходящий даже ожесточенность Марата. Жак Ру требовал разоружения подозрительных граждан, об'явления цены за головы эмигрантов, заговорщиков и тиранов, которые начали поход против свободы. Он требовал взять заложниками их жен и детей, сравнять с землей их дома... Такова была его политическая программа. Но не блестящей была и его социально-экономическая программа. «Требуйте, чтобы смертная казнь была введена против всех спекулянтов средствами существования,—читаем в одной из брошюр Жака Ру, против всех тех, кто торговлей деньгами дискредитирует наши ассигнаты, возвышает цены на хлеб и заставляет нас быстрыми шагами приближаться к контрреволюции». Жак Ру требует жестоких мер против подобных преступников, запрещения вывоза предметов первой необходимости из Франции. Жак Ру настаивает на том, чтобы правительство заставило крупных собственников продавать хлеб лишь на определенных рынках, и на организации во всех значительных городах магазинов, где цены на товары будут доступны малоимущему населению.

В этой программе нет ничего оригинального даже для той эпохи, и Матьез совершенно правильно отмечает, что подобные требования мы находим во множестве петиций того времени, которые представлялись Кон-

---

[266]) „Annales Révolutionnaire" за 1917 г., статья Матьеза.

[267]) „Le triomphe des braves parisiens sur les ennemis du bien public", par le Jaques Roux, prêtre du diocése d'Angoulême, apôtre et martyr de la Révolution", цит. у Mathiez'a.

венту после казни короля. И кажется странным, поэтому, категорическое утверждение Матьеза, что в своих социальных требованиях Ру шел дальше, чем Марат. Во всяком случае, приведенная цитата из брошюры Ру об этом не говорит.

Жак Ру выбрал своим центром секцию гравильеров. Его близкими соратниками были: выделывающий лимонад J.-B. Bouillant, башмачник Жан Бурбон, столяры V. Natte и J. J. Graillot, подмастерье-сапожник Sange и хирург N.-M. Michault, единственный интеллигент среди ремесленников и рабочих, его окружающих. Нужно сказать, что Жаку Ру, однако, не везло: он не смог пробраться ни в члены Конвента, ни в члены департаментского Совета. Поле его деятельности было все время ограничено одной – двумя секциями и в лучшем случае Коммуной. В декабре—январе 1793 года он развил довольно активную деятельность. И снова его агитация идет в обычном для якобинцев направлении: против деспотизма, модерантизма и спекуляции. Все еще нельзя утверждать, что один из этих мотивов преобладает в его деятельности. Деятельность Жака Ру развернулась в феврале—мае 1793 года. Нам пришлось говорить об этом в другой связи. Было бы чрезвычайно важно проанализировать его деятельность в это время, до революции 2 июня. Но отсутствие достаточных материалов, как и тема данного очерка, не дает нам возможности заняться здесь подробно вопросом о связи политических и экономических элементов в деятельности Жака Ру до изгнания Жиронды. Из письма его Марату мы узнаем, что Ру оказывал помощь Марату в его политической борьбе, что он находился в тесной связи с якобинцами и сам принимал активное участие во всех «днях» революции с 1791 года[268]). О своем участии в событиях 2 июня Жак Ру говорит определенно в письме к Марату: «Марат, ты не упрекал меня в фанатизме, а депутаты, осыпавшие меня оскорблениями, не упрекали меня в том, что я священник, 29 мая этого года, когда я в пламенной речи обрушился на заговор государственных людей и закончил ее следующими словами: «Депутаты Горы, мы заклинаем вас спасти отечество; если вы в состоянии это сделать и не хотите, то вы трусы и изменники; если же вы хотите и не можете, то заявите об этом; это во всяком случае будет нашей задачей. У нас имеется 100.000 человек для вашей защиты».

Таков был один из видных представителей той левой оппозиции, которая выступила против единодушно принятой конституции 25 июня 1793 года. Мы знаем, какое значение придавали ей якобинцы и в частности Робеспьер. Мы видели, что текст ее был фактически уступкой буржуазии, уступкой, которая может быть об'яснима лишь социально-политической обстановкой июня—июля 1793 года. Об этом писал спустя два с лишним десятилетия старый якобинец, а затем бабувист, Буонаротти. Он в «Заговоре равных» блестяще вскрывает противоречивость поведения якобинцев после изгнания Жиронды: «До падения жирондистской клики Робеспьер считал,—пишет он,—что управляемый ею Конвент не в состоянии дать хорошие законы; впрочем он думал, что в критических обстоятельствах того времени первой задачей представителей народа должно быть уничтожение многочисленных врагов, извне и извнутри угрожавших существованию республики; но видя, что жирондисты спешат легализировать свои аристократические принципы, он противопоставил их проектам свою Декларацию Прав, в которой его демократические намерения проявляются уже совершенно открыто. Сближая политические учения, заключавшиеся в этом произведении и в речах, произнесенных Робеспьером в последние годы его жизни, с его моральной чистотой, с его самопожертвованием,

---

[268]) В приложении к очерку мы даем два документа: статью Марата о Жаке Ру и письмо последнего к Марату.

с его мужеством, с его скромностью, с его редким бескорыстием, приходится воздать глубочайшее уважение столь высокой мудрости и можно только ненавидеть извращенность или оплакивать непонятное ослепление тех, кто замыслил и совершил убийство.

Однако конституция 1793 года, составленная вслед за восстанием 31 мая той партией Конвента, которую тогда называли Горой, не вполне отвечала пожеланиям друзей человечества. К сожалению, в ней находишь старые приводящие в отчаяние взгляды на право собственности. Впрочем, политические права граждан там ясно провозглашены и прочно гарантированы, всеобщее образование отнесено там к обязанностям общества; она легко допускает изменения в пользу народа, и пользование народа суверенитетом обеспечено в ней больше, чем где бы то ни было. Следует ли осторожность, проявленную в конституции, и скрытность депутатов, друзей равенства, относительно их взглядов на будущее приписать их благоразумной осмотрительности, требуемой враждебностью позиции возбужденных жирондистами богачей, или же все это об'ясняется влиянием эгоистов на совещаниях Национального Конвента?»[269]). В конце-концов споры между якобинцами и бешеными после 2 июня развернулись во всю ширь по вопросу о конституции.

23 июня у решетки Конвента от имени секции гравильяров Жак Ру напомнил, что 30 мая он, по полномочию 30.000 граждан, обещал поддержку Горе и от имени тех же граждан, об'единенных в клубе кордельеров, потребовал оглашения петиции[270]). Робеспьер немедленно вмешался. Он потребовал лишить его слова, потому что в день торжества конституции должно царить единство среди патриотов. Он не об'яснил мотивов, он намекнул, что у него есть достаточно для этого оснований, и Конвент лишил Ж. Ру слова. И в самом деле, в заседании 23 июня после того, как правая сторона Конвента отказалась принимать участие в голосовании конституции, единство Горы было особенно необходимо. Совершенно понятно, почему якобинцы устами Филиппо заявили: «К голосованию, председатель! Эта конституция Chef d'oeuvre, которая даже не допускает дискуссий». В этом же духе выступал Шометт. От имени парижского народа он заявил, что если спасение народа было до сих пор проблемой, оно перестало ею быть теперь, после принятия конституции. Шометт обращает внимание Конвента на тех, кто панически кричал против анархии и спекуляции, а теперь во имя мира, закона и собственности разжигает пламя гражданской войны в стране. Но их царство кончилось вместе с принятием конституции[271]). Каким диссонансом должна была врезаться речь Ж. Ру на заседании 23 июня! Она вызвала взрыв негодования и в заседании 25 июня.

От имени секции гравильяров, Бонн-Нувель и клуба кордельеров в заседании 25 июня был опубликован «Манифест бешеных». Документ этот был опубликован Матьезом [272]). Эпиграфом к нему служат слова Жака Ру: «Народ, я приветствую смерть во имя защиты твоих прав. Докажи мне твою признательность уважением к личности и собственности». Эпиграф этот бросает любопытный свет на содержание документа. Какова его основная мысль? «Свобода — не что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно изнурять голодом другой. Равенство — пустой призрак, когда богач, благодаря монополиям, пользуется правом жизни и смерти себе подобных. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день работает контрреволюция, устанавливая та-

[269]) „Гракх Бабеф, и заговор равных“— Ф. Буонаротти; цит. по русск. переводу, стр. 26.
[270]) „Le Moniteur, t. 16, p. 730.
[271]) Ibid., p. 729.
[272]) „Annales Révolutionnaires“—1914 г., „Le Manifeste des Enragés“.

кие цены на продукты, досягнуть до которых три четверти граждан могут только обливаясь слезами.

Лишь прекращением разбоя негоциантов, который необходимо отличать от торговли; только предоставлением продовольствия в пользование санкюлотов, вы притянете их на сторону революции и об'едините вокруг конституционных законов». Но это то же, о чем писал Марат в «Публицисте» в статье «Causes de l'avortement de la Revolution» (8 июня) [273]. Но в «Манифесте» Жак Ру подчеркнул также другое требование: «Заклинаем вас передать конституционной анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и изнурять граждан голодом». Любопытно, что это требование было выставлено в то же время Кондорсе и Прюдомом. Но это оригинальное требование отнюдь не означает, что Жак Ру посягает на собственность и даже торговлю. «Свобода торговли, читаем мы дальше. есть право толкования и предоставления пользования, но отнюдь не право препятствовать пользоваться и тиранить». Это—типичная якобинская формулировка, которой Марат блестяще пользуется в экономической и политической области (см. его статью в «Публицисте» от 8 июня). Отнюдь не оригинальна была также среди якобинцев мысль: «Неужели же собственность мошенника более священна, чем жизнь человека»? Поэтому-то Марат в вопросе о принудительном займе защищал равное обложение богатых, патриотов и контрреволюционеров.

В своем любопытном экономическом анализе «Манифест» Жак Ру делает то, что в известной степени пугало политического деятеля Марата: Жак Ру со всей отчетливостью сравнивает революцию с дореволюционным положением дел и показывает, что материально массам жилось тогда лучше. Он вместе с тем ополчается на попытки буржуазии экономически окрепнуть в ходе революции. «Вы овладеваете всеми земными благами: мануфактурами, морскими портами и всеми отраслями торговли, чтобы заставить друзей отечества умирать от голода, жажды и наготы и этим принудить их броситься в об'ятия деспотизма

...Не довольно разве, что ваши предшественники, по большей части оставившие о себе позорную память, завещали нам монархию, ажиотаж и войну, чтобы вы еще прибавили ко всему этому наготу, отчаяние, голод? Надо ли допускать, чтобы роялисты и умеренные под предлогом свободы торговли пожирали еще новые мануфактуры и собственность? Чтобы захватывали хлебные поля, леса и виноградники, даже кожу животных? Чтобы они, под покровительством закона, из раззолоченных чаш пили кровь и слезы граждан»? Центральной идеей «Манифеста», однако, остается попытка оговорить в конституции преследование спекуляции и ажиотажа. «Богачи-торговцы, по самому своему существу соучастники преступления и обыкновенно являющиеся соумышленниками королей, все еще продолжают злоупотреблять свободой торговли, чтобы угнетать народ; они неправильно истолковали ту статью Декларации Прав Человека, которая устанавливает принцип, разрешающий делать все, что не запрещено законом. Так декретируйте же в конституционном порядке, что ажиотаж, продажа денег и спекуляция пагубны для общества. Народ, который знает своих истинных друзей, так долго страдающий народ, увидит тогда, что вы сжалились над его долей, что вы серьезно хотите уврачевать его недуги; когда будет в конституционном акте ясный и точный закон против ажиотажа и спекуляции, он увидит, что интересы бедняка ближе к вашему сердцу, чем интересы богатых; он увидит, что среди вас нет более места для ростовщиков, арматоров и монополистов, он увидит, наконец, что вы не хотите контрреволюции».

[273]) „Le Publiciste de la R. F." № 211.

Каковы были те возражения, которые встретил Жак Ру среди крайне левых депутатов Конвента, Якобинского клуба, в секциях и прессе? Они не были принципиального свойства, речь шла исключительно о целесообразности подобных методов борьбы с богатыми. Вот что писал Эбер в своей газете «Пер-Дюшен»: «...Но эти ростовщики—где же они в самом деле? В Париже? Нет, чорт возьми, не здесь, а в крупных торговых городах! В Париже живут только мелкие торговцы. Миллионерам Бордо и Марселя в высокой степени наплевать, если разграбят одно из судов на Сене. Их склады и корабли ломятся от товаров. Чорт побери! Если бы Конвент всегда действовал так, как в настоящее время, если бы он терпел так долго в своей среде шайки пройдох, которые всегда подбрасывали ему под ноги камни, то он несомненно успел бы провести многие хорошие законы для защиты слабых против сильных, бедных против богатых. И мы уже пользовались бы плодами революции... Но теперешний момент не годится для того, чтобы осыпать клеветой патриотов: теперь необходимо прежде всего вести борьбу против батальонов Кальвадоса, Финистера и Жиронды и воздерживаться от эксцессов...»[274]). Эбер был одним из наиболее активных противников Жака Ру. Thuriot в Конвенте после оглашения «Манифеста» заявил, что это дело рук Кобурга, что Жак Ру, эмиссар Вандеи, он предложил... принять меры немедленного понижения цен на предметы первой необходимости[275]). Робеспьер был возмущен тем, что Жак Ру бросает на всех якобинцев тень обвинения в модерантизме, так как это угрожает им потерять доверие народа. Робеспьер обвинил Жака Ру в самозванстве, и Лежандр предложил проверить—действует ли он по чьему-либо полномочию [276]).

26 июня начались в Париже продовольственные беспорядки. Трудно установить, имеется ли какая-либо связь между агитацией «бешеных» и этими беспорядками. Ими не была затронута секция гравильеров. Но якобинцы сознательно муссировали эту связь. И 28 июня Робеспьер в якобинском клубе поставил со всей решительностью вопрос о «бешеных». Он заявил: «Все просвещенные граждане знают, что единственное средство сохранить республику — это укрепить единство, связь и братство граждан столицы». Враги народа делают все, чтобы разрушить это единство. «Самая демократическая из когда-либо существовавших конституций представлена на утверждение народа... И в это время человек, прикрывающийся личиной патриотизма, но намерения которого могут быть по меньшей мере подвергнуты сомнению, оскорбляет большинство Национального Конвента под предлогом того, что конституция не содержит законов против скупщиков, и выводит из этого, что она не подходит для того народа, для которого она создана.

Люди, которые любят народ, не стремясь, однако, постоянно об этом напоминать, и, те, которые, не хвастаясь этим, неизменно трудятся над его благополучием, будут весьма удивлены, узнав, что их детище антинародно и является скрытой аристократией!

Я утверждаю, что *единственными* врагами народа являются те, кто выступает с проповедями против Горы и против Конвента. Когда мы сделаемся бриссотинцами, мы, пожалуй, согласимся стать жертвами нашего отступничества; но до тех пор опасайтесь этих интриганов, которые под маской патриотизма стремятся ни к чему иному, как к тому, чтобы снова ввергнуть вас в ту пропасть, из которой вы только еще начинаете выбираться!

274) „Père Duchesne" № 252, цит. у Жореса—„La Convention", p. 1612.
275) Ibid.
276) Ibid.

Неужели вы верите в чистоту цели и законность стремлений этого священника, который в согласии с австрийцами, клевещет на лучших патриотов?» [277]).

Якобинцы перешли в наступление. Решено было поставить вопрос о бешеных в клубе кордельеров и в секции Жака Ру. Лежандр рассказывает каким образом клуб кордельеров решился поддержать Ру. Так как все добрые граждане на фронтах заняты в администрации,—заявил он,—клуб остался в руках случайных элементов. Пользуясь мягкостью Руссильона, председателя собрания, Жак Ру провел свое предложение. Лежандр вынужден был оправдываться от обвинений в модерантизме, он, которого поносили жирондисты. Оскорбленный оратор требует срочных мер. Любопытно, что Руссильон извинялся перед собранием клуба за то, что поддался настроению, утверждая, что его вынудили поцеловать Жака Ру. Он присоединяется теперь к предложению Лежандра [278]).

Но и Жак Ру не оставался пассивным. 27 июня он пришел с жалобами в клуб кордельеров. Он рассказал о том, что G. Bourdon, Лежандр, Collot d'Herbois обвиняли его на заседании Конвента в контрреволюции в то время, как трибуны встретили его речь аплодисментами. Гора протестовала, но клуб кордельеров санкционировал поведение Жака Ру. Леклерк выступил с обвинениями и против Дантона и Лежандра, которые по его мнению не были достаточно активны 31 мая и 2 июня. С большим трудом удалось отстоять Лежандра. Он был вызван для об'яснений в клуб [279]).

На защиту Жака Ру выступила теперь секция гравильеров. В отчете заседания секции, опубликованном Матьезом, мы читаем, что граждане были возмущены приемом, оказанным Конвентом Жаку Ру. Снова был зачитан «Манифест» и снова он был встречен громом аплодисментов. Решено было избрать представителей, снестись с секцией Бонн-Нувель и сообщить Конвенту о том, что Жак Ру является их истинным представителем. И только с большим трудом, после того, как решение Якобинского клуба единодушно отвергло тактику Жака Ру, благодаря давлению сверху, секции и клуб кордельеров вынуждены были изменить свою позицию. 30 июня на заседание клуба кордельеров явилась делегация Якобинского клуба в составе Collot d'Herbois, Робеспьера, Эбера и др. Эбер потребовал исключения Жака Ру и Леклерка. Последнего за то, что он был инициатором резни в Лионе. Предложение было принято. Клуб кордельеров постановил, что Гора блестяще послужила отечеству и что всякий, кто выступит против нее, должен рассматриваться, как враг нации и свободы [280]).

Отчет о своей победе был дан делегацией 1 июля в Якобинском клубе. Докладчиком выступил Collot d'Herbois. Основным мотивом его отчета было указание на восстановление чести Горы, на борьбу с террористическими крайностями. «С того момента,—заявил докладчик,—как пала голова Капета, Ру только и делает, что говорит о скупщиках. Я не знаю, что он нам скажет через три недели, но я надеюсь, что к этому времени карьера его кончится» [281]).

И в самом деле якобинцы сделали все, что могли, чтобы удалить Жака Ру с политической арены. 1 июля Генеральный Совет Коммуны, заслушав доклад о поведении Жака Ру, постановил: считать его взгляды антигражданскими и лишить его доверия. Он был лишен права редактировать Бюллетень Коммуны. Наконец, 4 июля секция гравильеров заявила о

[277]) „La Société des Jacobins", p. 277—279.
[278]) Ibid., p. 279—280.
[279]) „Histoire parlementaire", t. 28, p. 231; см. сообщение Матьеза: „La Manifeste des Enragés" („An. Rev.", 1914).
[280]) Ibid.
[281]) „La Société des Jacobins", p. 281—284.

своем присоединении к конституции [282]). Политическая карьера Жака Ру была фактически закончена, хотя он еще долго боролся с гегемоном—официальной якобинской властью.

Мы достаточно подробно изложили ход борьбы якобинцев и Жака Ру. Нам должно быть ясно, что даже тот частичный материал, который имеется в нашем распоряжении, убедительно говорит за то, что мы имеем здесь дело не с борьбою двух социально-политических программ, а со столкновением по вопросу о целесообразности немедленного проведения в жизнь тех или иных мероприятий. Идеи, высказанные Жаком Ру, являются лишь частью якобинской идеологии. В них нет ничего, что было бы им чуждо. Тактические разногласия об'яснимы, если мы вспомним, что социальный состав якобинцев был своеобразным об'единением части деловой буржуазии, мелкой буржуазии, ремесленников, рабочих и даже некоторых групп передовой буржуазной интеллигенции. Совершенно очевидно, что лишь по недоразумению некоторые историки говорят о коммунизме бешеных. Подобные взгляды понятны у П. Кропоткина. Нет также оснований причислять Жака Ру к какой-либо особой, вне якобинской коалиции стоящей, группе [283]). Бешеные являются лишь левым крылом якобинизма. Нам кажется также неосновательным утверждение, что бешеные (Ж. Ру) вообще не выставляли политических требований. В таком случае, как понять их категорические заявления в «Манифесте» о конституционных гарантиях в борьбе со спекулянтами? Ведь Жак Ру настаивал, и это было оригинальным в его взглядах, чтобы ограничение «свободной торговли» стало пунктом конституции. В якобинской коалиции, пестрой по своему социальному составу, были различные группы, единство их до 2 июня, тактическое расхождение после 2 июня и раскол в конце II года является процессом длительного развития. И только анализируя этот процесс, мы можем понять существо разногласий в рядах якобинской коалиции. В противном случае марксизм превращается в схему.

Мы можем теперь снова вернуться к деятельности Марата, чтобы с новой стороны, дополнительно, осветить тот вопрос, который мы подняли в связи с обсуждением конфликта между Жаком Ру и якобинцами.

Марат не переставал все эти дни направлять внимание К. Об. Спасения и Конвента в сторону основных политических задач. 2 июля он запрашивает Конвент: «О чем думает ваш К. Об. Спасения? Спит он или отказывается действовать»? [284]). Дело в том, что Комитеты медлили принять меры против администрации департамента Роны и Луары. Мероприятия комитетов опоздали, восстание началось. Теперь остается только мобилизовать добровольцев-патриотов соседних департаментов, чтобы немедленно обрушиться на врага, если хотят предупредить избиение сотен несчастных

---

282) „Le Moniteur", t. 17, p. 50. Совместно с секцией гравильеров выступила секция „Fraternitè".

283) На этой точке зрения стоят Я. Захер: „Очерки по истории бешеных" и С. Моносов: „Якобинский клуб". Их позицию не может укрепить и следующее положение Маркса, высказанное им в эпоху сороковых годов, когда марксизм только оформлялся: „Рев. движение, которое в 1789 г. началось в „Cercle sociale", на своем пути имело главными представителями Леклерка и Жака Ру. и, наконец, с восстанием Бабефа, несмотря на его поражение, коммунистические идеи развились, что дало возможность другу Бабефа, Буонаротти, после революции 1830 г. снова ввести их во Францию". Нельзя смешивать двух проблем: генезиса коммунистических идей от Cercle sociale до Бабефа и вопрос о месте Жака Ру среди якобинцев. Тем, кто отожествляют эти два вопроса, следовало бы доказать, что бабувизм стоит в стороне от якобинизма, как революционно-политической идеологии. Но Матьез убедительно доказал, что даже обычные утверждения об отрицательном отношении Г. Бабефа к Робеспьеру не могут иметь места. Маркс в приведенной выше цитате имеет в виду лишь вопрос о связи Cercle sociale и Бабефа, что отнюдь само по себе не решает вопроса о месте „бешеных" среди якобинцев.

284) „La Correspondance", p. 268.

граждан. Но Комитеты медлят. Марат опять наталкивается на глухую стену предубеждения. Он жалуется в «Публицисте»: «Я обратился к Конвенту с письмом, требуя об'явления мятежных Капетов вне закона и немедленного смещения Бирона и Кюстина, которые готовятся повторить роль Дюмурье; письмо это читалось лишь 5 числа. Конвент выслушал лишь то, что относилось к Капетам, и перешел к порядку дня, оставив без внимания остальное. Я мало озадачен этим; несомненно, письмо мое накануне сообщено было усыпителям Комитета Общественного Спасения (или, как говорят, общественной гибели), которые убедили нескольких трусов Конвента потребовать порядка дня. Во всяком случае верно, что Барер, Дельма, Матье, Рамель, Ногаре и т. д. покровительствуют Кюстину, Бирону, Вестерману, Мену и всем злоумышленникам из бывшей знати, которые, к несчастью, все еще стоят во главе наших армий» [285]). Письмо Конвенту, о котором пишет Марат, как и его статья в «Публицисте» о Жаке Ру, наилучшим образом вскрывают отличия в политической программе того и другого. О чем пишет Марат Конвенту 4 июля? Он напоминает о клевете, распространяемой в департаментах, будто Гора не свободна, будто она затеяла заговор в интересах Орлеанов. Он требует казни графа д'Артуа, Конде, герцогов Шартрского, Бурбонского, он требует удаления из армии генералов изменников.

И тем не менее Марат об'являет войну крайностям Жака Ру. Мы в приложении к нашему очерку даем статью Марата «Портрет Жака Ру» [286]) и ответ последнего Марату,—два документа огромной исторической важности,—чтобы читатель мог лучше разобраться в предмете спора двух представителей якобинской «левой» в революции. В чем обвиняет Марат Жака Ру? «Самым ужасным бичом, с которым нам приходится бороться для торжества свободы,—пишет он,—являются не аристократы, не роялисты, не контрреволюционеры, а экзальтированные ложные патриоты, которые под маской патриотизма вводят в заблуждение честных граждан и увлекают их на путь насилия, авантюр, смелых и злополучных действий». Это политическое обвинение выдвигали, однако, также якобинцы против Марата. В том-то и обнаружилась беспомощность «Друга Народа», что он вынужден был политической обстановкой, не желая продолжать умеренной, буржуазной политики якобинцев и одновременно отказываясь от союза с «бешеными», одной и той же рукой требовать сотен голов и возражать против экзальтированных патриотов. Программа Марата была программой Жака Ру, Леклерка, но учитель не нашел пока еще правильной линии поведения. Он должен был бы выполнить обязательство, торжественно данное 1 июня, поддерживать правительство якобинцев, но буржуазная политика последних, модерантизм К. Об. Спасения и большинства Конвента не давали ему возможности это сделать. Какие выводы сделал Марат?

Его не слушают в Конвенте. Он 5 июля пишет Thuriot, что вынужден будет отнести себя больным в Конвент, чтобы заставить выслушать себя [287]); он 12 июля пишет пламенную статью «Reveillons-nous, il est temps», но все бесполезно [288]). Новые и новые обвинения против генералов, Комитета Об. Спасения... «Мое несчастье,—заявляет он,—то, что мне приходится всегда быть Кассандрой революции». И, наконец, в последнем номере «Публициста», вышедшем уже после его убийства (14 июля), Марат выступает с обвинениями против Барера, а вместе с этим против значительной

---

[285]) „Le Publiciste“ № 233 — статья „Portrait de Jacques Roux, Boute-feu de la section des Gravilliers et de la Société des Cordeliers, chassé de ces assembles populaires, de même que ses confrêres Varlet et Leclerc, ses complices“.

[286]) См. стр. 201 и сл. этого тома.

[287]) „La Correspondance“... p. 275.

[288]) „Le Publiciste“, p. 240.

части якобинцев. Словом, он вынужден итти по пути, намеченному бешеными. Но он не желает итти по этому пути и, обрушившись на Жака Ру, Марат применяет в борьбе основательные и неосновательные обвинения. Жак Ру был прав, когда в письме с укором возражал Марату: «Марат для совершения революции всегда пользуется людьми с сильным характером... Когда больше в них он не нуждается, он их разбивает, как стакан... Будет совершенно естественно, что и я подвергнусь подобной участи». Накануне смерти Марата в борьбе с бешеными окончательно вскрыта была внутренняя противоречивость его политики, пределом которой была «священная собственность».

В всоем ответе Жак Ру опровергает личные нападки Марата. Они нас в данном случае мало интересуют. Что Жак Ру отнюдь не был кристально чистым человеком, что образ его имеет мало общего с суровыми, нравственно-опрятными сектантами эпохи реформации,—в этом переписка не оставляет сомнений[289]). Она подтверждает нам также то, что и Марат принадлежал к людям, которым интересы Революции разрешали все, вплоть до уничтожения своих друзей. Но для нас важнее политическое содержание письма, которое поможет нам разрешить вопрос о позиции «бешеных» в июне-июле 1793 г.

Жак Ру заявляет: «тебе, Марат, не пристало упрекать меня в том, что я ударился в крайности, что я делал всякие усилия, чтобы поднять шум, тебе, который писал, что нужно было воздвигнуть 800 виселиц для депутатов Учредительного Собрания и что нужно было отрубить 60.000 голов в начале Революции». Марат был политическим учителем и союзником бешеных. Так расценивали его последние. Читая письмо Жака Ру, видишь, какое огромное влияние на последнего имел Марат. «Правда, что я имею врагов в лице дворянства, священников, умеренных, купцов, интриганов, роялистов, федералистов, эгоистов, монополистов, банкиров, изменников, ложных патриотов 48 секций Парижа и Республики. Но, Марат, я аппелирую к твоему собственному опыту»... И в самом деле, вспомним хотя бы цитированную нами выше статью Марата от 8 июня: те же враги Революции перечислены Маратом. Жак Ру так же, как и Марат, видит причину бедствий в полумерах. Он с горечью заявляет, что Марат выдвигает против него все обвинения своих же врагов, и сожалеет, что ему придется отказаться от клички «маленький Марат».

«Неужели ты думаешь,—спрашивает Жак Ру Марата,—что конституция прочно укоренилась?» И отвечает на этот вопрос отрицательно. Но он и не думает звать к восстанию. Благоразумные люди должны разоблачить изменников: «надо, чтобы они не били в набат, призывая к восстанию, но чтобы раздался могучий голос разума и мудрости». Марат делал то же до конца дней своих. Между ними нет не только принципиальных разногласий, но и серьезных тактических споров. Беспомощность Марата, политический тупик, в который он попал в июне—июле 1793 года, об‘ясняет нам, почему он вынужден был выступить против Жака Ру. Повторилось то, что было в феврале 1793 года, когда его протест против знаменитой петиции 48 секций не помешал ему требовать смертной казни и расправы над торговцами.

Но любопытно, что Жак Ру с негодованием опровергает свое участие в ограблении крестьянами феодальных поместий в Конаке (1790 г.): он враг подобных самочинных действий. Жак Ру возмущен теми приемами, какими якобинцы добились его исключения из клуба кордельеров. Но даже в частном письме к Марату, где он мог бы развернуть свою политическую программу, по крайней мере, против якобинцев, мы читаем: «Я спокойно жду смерти,

---

289) Вслед за П. Кропоткиным эти взгляды защищают Я. Захер и С. Моносов.

мои враги все более будут удовлетворять свою жажду мести, я всегда буду говорить правду, и моей местью будет мое уважение к республиканской конституции». Таким образом, ни в «Манифесте», опубликованном 25 июня, ни в письме к Марату мы не находим у бешеных требований «социальной свободы», а лишь заостренную в некоторых пунктах якобинскую программу. Заострение это дало себя особенно чувствовать в июне—июле 1793 г., когда якобинцы были едины, когда осторожность и мудрое буржуазное законодательствование было содержанием их политики, когда даже Марат не решался и не смог всецело преодолеть сознания необходимости этого единства для революционной демократии. Поэтому-то так быстро потерпела поражение попытка Жака Ру повлиять на составление конституции; поэтому так легко было изолировать его, как и Марата, тем более, что первый сам не отдавал себе ясного отчета в глубине разногласий и недоумевал, почему Гора так единодушно и решительно ведет борьбу с ним.

События во вторую половину июля показали, что расчеты Робеспьера были построены на песке. Правда, политика модерантизма способствовала ослаблению сопротивления в некоторых департаментах, но она не смогла задержать процесса социального расслоения и экономической разрухи в Республике. Новые продовольственные беспорядки начались 11 июля. В заседании Генерального Совета Коммуны Шометт сообщил о беспорядках на улице Saint-Denis. Но пока еще речь шла о незначительных беспорядках. Дело свелось к бунту прачек: они требовали понижения цен на мыло [290]). Однако на этом беспорядки не кончались. Journal de la Montagne сообщает 23 июля о колоссальных очередях у булочных. Очереди эти превратились в клубы. Споры кончались кровопролитными стычками. На улице гравильеров в очереди был убит гражданин, защищавший купленный им хлеб, там задушили ребенка и т. д. Подобные же картины можно наблюдать и у дверей мясных лавок. Вместе с тем росла и спекуляция [291]). Конвент, наконец, принял 26 июля закон против спекулянтов. Это было торжеством значительной части идей бешеных, победой Жака Ру и Марата. Это был новый военный закон, наказующий смертной казнью всех барышников, т.-е. тех, «кто, из'емля из оборота предметы или припасы первой необходимости, портят их и держат их спрятанными в каком-либо месте, не выпуская их ежедневно и открыто в продажу, тех, кто сами уничтожают или добровольно допускают уничтожение с'естных припасов и предметов первой необходимости» [292]). Декрет 26 июля был достаточно широким толкованием экономической контрреволюции, и опубликование декрета в июне могло бы всецело удовлетворить Жака Ру.

В конце июля начали поступать особенно тяжкие известия с фронтов, из Вандеи. Якобинский клуб бушевал. Со всех сторон требовали предания суду изменников-генералов Богарне, Кюстина. Эбер постепенно приступает к исполнению роли Марата, а затем и бешеных. В якобинском клубе 23 июля он заявляет: «Необходимо отрешить и изгнать всех благородных, которые фигурируют в наших армиях, магистратуре, повсюду» [293]). Он советовал даже народу пойти к Конвенту и не уходить, пока требования его не будут выполнены. Эбер заявлял, что каждый согласится для себя избрать участь Марата... Робеспьер в политически определенных тонах поддержал его. Таким образом в вопросе об отношении к модерантизму в конце июля также начала меняться постепенно точка

[290]) „Le Moniteur", t. 17, p. 106.
[291]) „Histoire parlementaire", t. 28, p. 367 — 365.
[292]) Ibid., p. 367 — 371.
[293]) „La Société des Jacobins", p. 312 — 313.

зрения якобинцев. Приняты были почти все предложения Марата. Он был единственным прозорливым революционером, хотя и не обладал государственным умом Робеспьера.

Мы далеко не исчерпали всего материала и не осветили всех вопросов классовой борьбы в переходный период революции, в дни июня — июля 1793 г. Мы вынуждены будем оставить совершенно невыясненным вопрос об убийстве Марата. Вопрос этот требует самостоятельного исследования. Он безусловно углубил бы наше понимание событий. Здесь отметим только тот взрыв негодования, который был ответом на это убийство. Диссонансом оставалась позиция Робеспьера в отношении к Марату, враждебные заявления даже после его смерти. В заседании якобинского клуба 14 июля Chales об'явил о смерти Марата [294]). Аристократия,—заявил он,—ненавидела в Марате его упорство в борьбе с врагами народа. Он предложил Обществу Якобинцев взять на себя продолжение газеты Марата. Bentaboll отметил трудности этого дела и предложил редактором Фрерона, издателя газеты «L'orateur du peuple». Общество высказалось против предложений [295]). Возбуждение в клубе достигло, как сообщают протоколы, огромных размеров, Тогда вмешался Робеспьер. Он отбросил предложение о пантеизации Марата и предложил заняться лучше вопросами общественного спасения и уменьшения нищеты [296]). Что можно было ожидать при таком поведении якобинцев от воззвания, опубликованного Клубом по поводу смерти Друга Народа? Для редактирования воззвания была выбрана комиссия в составе Камилла Демулен, Робеспьера и трех других членов Общества. Отмечая заслуги Марата перед отечеством, воззвание оправдывает его— и делает это весьма грубо — в том, что ему пришлось исполнять роль сыщика при Республике. В воззвании буквально сказано следующее: «С Маратом в могилу сойдет, без сомнения, клевета и зависть. Единственно служба отечеству будет опорой его памяти в потомстве» [297]). Нам понятна теперь также ирония Дантона: Марат был охвачен революционной лихорадкой; он был прав, так как хорошо знал, на какие злодейства способны враги Революции. Его смерть принесла еще больше пользы делу свободы, нежели его жизнь, так как она показала, откуда нам грозят убийцы». Зло сказано! Но это характерно для отношения якобинцев к Марату.

После смерти Марата Жак Ру издавал журнал под названием «L'ombre de Marat». Он пытался продолжить дело Друга Народа, эксплоатируя его память. Якобинцы не могли допустить подобного укрепления престижа бешеных. Отсюда упорная борьба якобинцев в дальнейшем со всеми попытками бешеных продолжить дело Марата. Но вопросы эти выходят за пределы нашего очерка [298]).

В заключение попробуем кратко суммировать наши выводы. Июнь — июль 1793 г. — переходный период в истории революции. Среди якобинцев, этой своеобразной коалиции разнородных социальных группировок, бывшей более или менее единодушной до 2 июня, началось глубокое расслоение, первое время, однако, исключительно по линии определения революционной тактики республиканского правительства. Правое крыло и центр, во главе с Барером и Робеспьером, считали абсолютно необходимым вести трезвую буржуазную политику, осуществить то, что не смогла сделать для

---

294) Ibid., p. 301 — 304.
295) Ibid.
296). Ibid., 303.
297) Ibid., p. 315 — 317.
298) В заседании Якобинского клуба 5 августа 1793 г. Робеспьер выступил на защиту Дантона против Жака Ру и Лекрерка, аппелируя к тени Марата. „Неподкупный" в политической борьбе был достаточно гибок. „La Sociète", t. V, p. 330 — 331.

буржуазии Жиронда, охраняя собственность и подавляя вооруженной силой всякое посягательство на основы общества народных низов. «Левые» якобинцы отнюдь не были единодушны в оценке революционных задач. Коммуна Парижа в общем и целом поддерживала Робеспьера, но не порывала первое время и с крайне левым крылом. Такова была политика Шометта и частично Эбера. Последний больше всего склонялся в это время к защите взглядов Робеспьера. Марат занял особую позицию, по существу политически беспомощную. Он понимал глубокое отличие политической ситуации после 2 июня от предшествующей эпохи, но не мог до конца защищать большинства Конвента и якобинского клуба, защищать их модерантистской политики. Марат пытался реализовать программу революции 2 июня, выставляя «неурезанные лозунги». Он оставался типичным выразителем интересов союза мелкой буржуазии и ремесленного пролетариата Франции. Марат готов был даже некоторое время продолжать свой союз с крайне левым крылом, с бешеными. Вместе с тем в своих предложениях он немногим отличался от них. Бешеные, крайне левое крыло якобинской коалиции, по существу расходились с Маратом только в тактических вопросах. В политических вопросах они шли за Маратом, в социально-экономических повторяли его. Они говорили то, против чего возражал Робеспьер: их требования лишь тактически но не принципиально отличались от требований Марата. Только это и послужило причиной борьбы Марата и Жака Ру.

Разногласия в рядах якобинской коалиции были следствием своеобразного экономического и политического положения страны. В мае — июле страна переживала спекулятивный под'ем и отсюда обострение социальных противоречий; на фронтах внешних и внутренних положение становилось угрожающим.

Якобинская коалиция дала серьезную трещину. В конце июля, вместе с окончательным наступлением хозяйственного упадка страны и отчаянным положением на фронтах, расслоение в рядах якобинцев пошло дальше.

Гражданская война принимала угрожающие формы, внешняя опасность росла. Все это и придало в дальнейшем рев. правительству тот облик, который мы связываем с именем правительства террора, господства «плебейской диктатуры». Этим, однако, якобинская власть не была в июне — июле 1793 г.

Приложения

„Портрет Жака Ру“ [299])

Заговорщик из секции Гравильеров и Общества Кордельеров, изгнанный из этих народных собраний, также как и его сообщники Варлэ и Леклерк.

«Самым ужасным бичом, с которым нам приходится бороться для торжества свободы, являются не аристократы, не роялисты, не контрреволюционеры, а экзальтированные ложные патриоты, которые под маской патриотизма вводят в заблуждение честных граждан и увлекают их на путь насилия, авантюр, смелых и злополучных действий.

---

[299]) „La Publiciste“ № 233, 4 июля 1793 г. Перевод Е. А. Гуревич.

Не довольствуясь тем, что они стоят во главе своих секций, они суетятся с утра до вечера, чтобы проникнуть во все общества, повлиять на них и стать во главе их.

Таковы три беспокойных суб'екта, которые завладели секцией гравильеров и братским обществом, Обществом Кордельеров. Я имею в виду маленького Леклерка, Варлэ и аббата Реноди, так называемого Жака Ру.

Варлэ может быть только безмозглым интриганом, но маленький Леклерк, повидимому, ловкий мошенник. Я видел, как он в течение одной недели три раза менял костюм, чтобы изменить свою наружность и лучше обманывать. Говорят, что прежде чем поселиться в Париже и вводить в заблуждения народные собрания он был несколько месяцев послушником в Кобленце и что он является одним из главных зачинщиков беспорядков, вспыхнувших в Лионе несколько месяцев тому назад.

Что же касается аббата Реноди, то я могу говорить о нем определенно, я долгое время обходил его молчанием, потому что он слыл патриотом, что он часто шел по настоящему пути и что я принципиально считал нужным прикрывать ошибки патриотов. Должен прибавить еще, что я провел несколько дней в его квартире, когда меня с ожесточением преследовали Лафайетты, хотя он временно предложил мне убежище для того, чтобы иметь возможность хвастаться моим пребыванием у него. Благодарность заставляла меня молчать о его преступлениях. Но опасность, в которую ввергли общее дело его безумие и, быть может, его измена не позволяют мне ни минуты колебаться донести на него в общество друзей прав человека и требовать его исключения, так же как и его товарищей.

Вот перечень его преступлений: я слышал от него самого.

Руководимый корыстными целями, желанием произвести шум, он начал свою революционную карьеру подлогом, потому что он воспользовался известием об убийстве Жака Ру (священника в Исси, если память мне не изменяет), чтобы называться его именем, внушить больше интереса и заработать деньги, напечатав в свою пользу историю покушения, произведенного на личность этого честного священника. С этих пор он сохранил это имя; может быть, это было актом осторожности с его стороны, чтобы скрыть свое опороченное имя.

На третий день своего пребывания в его комнате я видел его в священническом облачении. Не знаю, стеснялся ли он меня, правда совершенно неосновательно, потому что я придерживаюсь правила никогда не смущать слабых духом, но он сказал мне: «Не подумайте, что я признаю религию; что она насквозь пропитана ложью, но сделал из нее свою профессию, и никто лучше меня не умеет разыгрывать комедию святости».

Эти слова привели меня в ужас. Я ограничился тем, что заметил ему, что для порядочного человека самое ужасное быть доведенным до такой крайности.

В тот же день он признался мне, что он случайно стал патриотом, что он не сожалеет о том, что он наделал много шума, и что он надеется, что это доставит ему епископат, как аббату Фоше.

На основании таких речей я составил себе определенное мнение об этом человеке, и я на следующий день распрощался с ним, не чувствуя себя в безопасности в его доме.

Я считал бы аббата Реноди только корыстным интриганом, решившим удариться в крайность и довести цинизм до размеров, выходящих из границ благоразумия, чтобы производить шум и привлекать внимание его сограждан, если бы следующая записка не показала мне, что так называемый Жак Ру человек очень опасный:

«Жак Ру известен в городе Ангулеме и его окрестностях как очень дурной человек. Несколько лет тому назад был издан декрет об его аресте по обвинению в убийстве; он был тогда учителем физики в семинарии вышеупомянутого города. Он с позором был изгнан из нескольких домов, в которые он вошел в качестве учителя, в особенности некоего господина Монлозье. Его гнусное поведение и его испорченные нравы послужили причиной того, что он не мог найти места. Он принужден был искать убежища в приходе Сент, где он получил место викария по рекомендации одного добродетельного человека. Но поведение его в этом городе также отличалось порочностью, он сеял раздоры во всех семействах, в которых он был принят или куда его призывал его сан; он ссорил отцов с сыновьями и мужей с женами; он даже осмелился преступно поднять руку на своего благодетеля, на того, кому он обязан был своим местом и своим существованием. Наконец на него пало подозрение в совершении, участии или по крайней мере в подстрекательстве нескольких таких же порочных суб'ектов, как он сам, к совершению уголовных преступлений, и он принужден был бежать. Все эти факты совершенно точны. Нет ни одного человека в этой местности, который не подтвердил бы низость этого безнравственного и беспринципного священника. Его преступления также хорошо известны, как и его имя».

Эта записка была адресована гражданину Колло д'Эрбуа гражданином Тессье—его старым товарищем в Женеве, который прожил один год в Ангулеме с Фьервиллем и где он знал человека, о котором идет речь; но, повторяю еще раз, нет ни одного человека в этой местности, который не подтвердил бы истинности фактов, содержащихся в этой записке.

На основании этих сведений Общество Друзей Прав Человека сочло опасным иметь в своей среде таких опасных интриганов; оно приняло благоразумное решение исключить Леклерка и аббата Реноди, отложив исключение Варлэ».

Письмо Жака Ру Марату[300])

«Ты напечатал в твоей газете, в № 233, что из корыстных целей и желания стать известным я начал свою революционную карьеру подлогом; что я воспользовался известием об убийстве Жака Ру, кюрэ из Иври, назвался его именем и скрыл свое собственное, которое было опорочено.

Вот мой ответ на эту клевету:

«Выписка из книги приходской церкви Caint Cibard de Pransac, ангулемской епархии. 23 августа 1752 года я, нижеподписавшийся, крестил Жака Ру, законного сына Грациана Ру и Маргариты Монсалар, родившегося третьего дня в местечке Пранзак. Крестным отцом был Жак Турет, его дед, а по его поручению его внук; крестной матерью Анна Монсалар, а по ее поручению Мария Монсалар, ее племянница, которые подписали эту справку: Жанна Дер, Мария Монсалар, Марке, кюре Пранзака.

Я, нижеподписавшийся кюре, удостоверяю верность с подлинником этой выписки, выданной в Пранзаке сего 13 марта 1786 г. Подписано: Турет, кюре Пранзака».

«Примечание. Вышеупомянутая выписка сделана с соблюдением всех формальностей и была записана 8 июля сего года в полицейском бюро округа Гравильеров».

---

300) Перевод Е. А. Гуревич. Письмо это напечатано было в журнале Матьеза за 1916 г.

Таким образом ты видишь, Марат, что, называясь Жаком Ру, я не присвоил себе ничьего имени.

Приписываемые тобою мне намерения также не заслуживают большого доверия.

Во-первых, Марат, на самом деле, ты искал моего знакомства. Ты, вероятно, помнишь, что месяцев пятнадцать тому назад ты прислал ко мне гражданина Фено, скульптора, чтобы попросить меня притти поговорить с тобой о важных делах. Ты жил тогда у трех сестер Геврар (Gevrard) в улице Сент-Оноре, № 243, против кафе Ришар, в доме Пеллетье. Я отправился к тебе на квартиру. Ты принял меня по-братски, без сомнения, потому, что ты нуждался во мне. Я сказал тебе, и ты знал уже об этом, что я священник; ты превозносил в моем присутствии мои гражданские доблести, ты дал мне письмо в клуб кордельеров, чтобы подтвердить, что ты действительно был автором газеты под заглавием Друг Народа, и чтобы предложить присоединившимся к нему обществам подписаться на издание ее за предыдущие годы. Я передал Робеспьеру и Шабо письма; имевшие целью заинтересовать общество якобинцев в распространении издания твоих сочинений. Через несколько дней ты спросил меня через того же самого Фено, могу ли я дать тебе приют на два дня. Я с удовольствием принял тебя и всех тех, которые приходили к г-ну Легро; это было тогда твое имя. Я в течение шести ночей спал на голых досках, я один занимался стряпней, я выносил даже твой ночной горшок, одним словом, я делал все для тебя, все, что истинный патриот может делать и что я сделал бы опять для своих преследователей и своих палачей, если бы они очутились в нужде. И в награду за мою преданность тебе, Марат, ты имел низость оставить на камине пятнадцать ливров ассигнациями, как будто кроме меня были другие слуги для прислуживания тебе, как будто я не был достаточно вознагражден удовольствием быть тебе полезным. Впрочем, ты знаешь, с каким негодованием я отказался от этой суммы, и я точно так же поступил бы, если бы ты предложил мне сто тысяч экю, потому что, приютив тебя у себя, я думал, что служу общественному делу... И что же! Марат, в награду за мою добродетель ты злоупотребил моим гостеприимством, не для того, чтобы сказать правду, а чтобы оклеветать меня.

Неправда, будто я говорил тебе о религии, что она насквозь пропитана ложью. Ты говорил со мною только о твоих произведениях, о твоих талантах, о твоих несчастьях, об услугах, которые ты оказал Революции, о предполагаемой тобою поездке в Англию... Я не раскрою здесь тайн, которые ты доверил мне, потому что только низкие и продажные души разоблачают слова друзей, сказанные в моменты сердечных излияний. Я скажу только, что, говоря об аббате Фоше, я заявил тебе, что он лицемер и роялист; и я не только не говорил, что и я подобно ему мог бы получить епископство за свой патриотизм, но я, наоборот, дал тебе понять, что я хочу отказаться от своего сана, жениться, устроить типографию и редактировать газету.

Будь последователен, Марат; никто никогда тебе не поверит, чтобы я был настолько глуп и сознался тебе, что я только случайно стал патриотом. Если бы я был настолько глуп и говорил такие вещи, то ты был бы виновен в трусости и в измене за то, что ты в течение пятнадцати месяцев не донес об этом. Любовь к отечеству должна была победить чувство благодарности, если когда-нибудь в сердце твоем было подобное тонкое чувство.

Тебе, Марат, не пристало упрекать меня в том, что я ударился в крайности, что я делал всякие усилия, чтобы поднять шум, тебе, который

писал, что нужно было воздвигнуть восемьсот виселиц для депутатов Учредительного Собрания и что нужно было отрубить шестьдесят тысяч голов в начале революции.

Ты говоришь, что я известен в городе Ангулеме и его окрестностях как очень дурной человек и что был издан декрет о моем аресте по обвинению в убийстве.

И против тебя, Марат, издано было несколько декретов... Тебя обвиняли в возбуждении народа к грабежу, к убийствам, к нарушению законов, тебя обвиняли в том, что ты был виновником дней 2 сентября и 25 февраля. Твое имя внушает ужас и отвращение всей Европе. Но разве ты поэтому виновен в приписываемых тебе злодеяниях?

Правда, лет пятнадцать тому назад я был замешан в неприятной истории:начальник семинарии очень плохо кормил учащихся. Он относился с уважением только к каноникам и к дворянам, несколько распутных молодых людей из города Ангулема, чтобы отомстить ему за его оскорбительное предпочтение, в течение трех месяцев разбивали окна в семинарии такими большими камнями, что сломали даже оконные рамы. Полицейские чиновники ничего не могли поделать с этими эксцессами: Андрей Элуа Ансель. повар этой семинарии, в три четверти двенадцатого ночи, когда преподаватели семинарии крепко спали, отправился сторожить с заряженным ружьем, чтобы прогнать злоумышленников, которые могли проникнуть через образовавшуюся в ограде дыру. Когда пять буянов стали усиленно бросать камни, упомянутый брат Ансель спустил курок своего ружья. Один из нападающих был ранен и на следующий день умер от ран. Постановлено было арестовать начальника семинарии, главного управляющего дома и секретаря. Я преподавал философию в этой семинарии и жил там; я был подвергнут аресту и препровожден в тюрьму духовного ведомства, но через полтора месяца после этого случая начальник, священники и я были освобождены по постановлению парламента и восстановлены в своих должностях. Вскоре после этого я стал читать экспериментальную физику в этой самой семинарии. Я занимал эту кафедру четыре года, но после этого я по расстройству здоровья не мог больше продолжать это утомительное занятие, я служил в епархии в качестве викария и исправляющего должность священника и никогда не оставил бы города, если бы новый епископ, который заменил прелата, бывшего свидетелем моих трудов, если бы Альбиньяк де-Кастельно (в настоящее время эмигрант и заговорщик) не обошел меня, отдав приход, на который я имел право претендовать в силу своих ученых степеней, человеку, не имевшему никакой ученой степени.

Но, Марат, если деликатность принудила меня оставить мою епархию, то знай, что я оставил ее с прекрасными аттестациями, без которых я не был бы принят в Сентонж, и, чтобы дать тебе доказательство твоего мошенничества, я прилагаю к сему копию письма, которое мой епископ написал тогда г-ну Монлозье:

«Ангулем, 5 мая 1786 г.

«Милостивый государь, я не отвечал раньше на письмо, которым Вы удостоили меня, чтобы иметь время искать и найти подходящего для вас священника в моей епархии. Притом мы вскоре здесь очутимся в таком же положении, как и епархия Сент, так как у нас имеется только такое число священников, которое необходимо для обслуживания приходов.

Однако желание доставить Вам удовольствие заставило меня преодолеть все трудности. Я посылаю Вам аббата Ру, который может

исполнять должность священника и викария в вашем приходе, так как он обладает всеми необходимыми для этого данными. Он сам передаст Вам мое письмо.

Честь имею пребывать и т. д.

Ph. Fr. епископ Ангулемский».

А, каково мое поведение у этого Монлонзье, ты увидишь из свидетельства, которое я здесь прилагаю, для подтверждения этого письма:

«Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что аббат Жак Ру прожил в моем приходе один год в качестве священника в замке Монлозье, что он отличался за это время бузупречным поведением и что своим поведением, соответствующим его духовному сану, он оказывал благотворное влияние на общество. В Сент-Радегонд, 17 мая 1788 г. Подписано Фруен, священник Сент-Радегонд; Коссон, старый протоиерей, Барбезье; Шатонеф, протоиерей Барбезье».

Заявление, что мое беспорядочное поведение и мои распутные нравы были причиной того, что я не мог найти места — низкая клевета. Знай, Марат, что при старом режиме епископы и викарии были беспощадны к лицам духовного звания, уличенным в беспутном поведении. И уж, конечно, если бы я был таким негодяем, как ты предполагаешь, то я не преподавал бы в продолжение шести лет философии в той же семинарии, я не занимал бы должности викария и исправляющего должность священника в двух смежных епархиях; мне не дали бы таких лестных аттестаций, которые я готов сообщить всем, кто этого пожелает. Если бы я был таким извергом, как ты говоришь, то епископ из Сент не доверил бы мне важных священнических функций, когда я ушел от Монлозье, и не дал бы мне прихода...

Одним словом, если бы я был таким негодяем, как ты утверждаешь, Марат, то мне пришлось бы иметь дело с полицией, меня привлекали бы к суду за дебош или нарушение семейного мира и спокойствия; пусть же мои враги приведут против меня хоть какой-нибудь акт подобного характера. Человек дурного поведения бывает обыкновенно по уши в долгах. Пусть же докажут, что я когда-нибудь получил требование об уплате долгов, или не уплатил своих долгов.

Правда, что я в течение тридцати лет всегда выступал против тирании, что я возмущался захватами дворянства, ханжеством старого духовенства; во многих своих трудах я не щадил кровопийц народа. Правда, я никогда не льстил сильным мира сего, я никогда не потакал их страстям и говорил им неприятные истины. Правда, что я всегда придерживался очень строгих принципов, что я доводил свою строгость до того, что исключил из своего класса философии неспособных, хотя родители с большим почетом принимали меня у себя. Правда, что моя любовь к справедливости создала мне непримиримых врагов, что число тех, которые хотели моей гибели, сильно увеличилось со времени Революции, с тех пор, как я повел Людовика Капета на эшафот, с тех пор, как я об'явил открытую войну скупщикам и спекулянтам, с тех пор, как я обвинил в нерадении и, может быть, в измене тех, которые, называя себя друзьями народа, однако допускали, чтобы его вырезывали и морили голодом. Правда, наконец, что я имею врагов в лице дворянства, священников, умеренных, купцов, интриганов, роялистов, федералистов, эгоистов, монополистов, банкиров, изменников, ложных патриотов сорока восьми секций Парижа и секций Республики. Но, Марат, я апеллирую к твоему собственному опыту: все эти оскорбления, вся та клевета, которыми меня осыпают, все эти усилия

погубить меня, разве они не свидетельствуют о том, что я не такой человек, который вступит в сделки с мошенниками, разве они не свидетельствуют о том, что душа моя чиста?

Наконец, Марат, ты обвиняешь меня в совершении, в участии или по крайней мере в подстрекательстве нескольких таких же негодяев, как я, к совершению уголовных преступлений, когда я должен был бежать.

Если эти факты вѐрны, почему не назовешь ты тех лиц, которые были орудием этих уголовных преступлений, и тех мест, где они были совершены? Без сомнения, если бы я подстрекал народ к эксцессам, против меня издано было бы несколько декретов. И я предлагаю тебе, Марат, назвать хоть один. Впрочем, Марат, я помогу тебе. Ты, может быть, хотел говорить о той Революции, которая произошла в 1790 г. в Конаке [301]). Так, если ты не знаешь об этих событиях, я могу сообщить тебе некоторые сведения о них.

В том приходе, где я был викарием, было поле в десять тысяч моргов, свободное от всяких феодальных повинностей. Жители этого места хотели, чтобы земля эта была обложена. Господин Мартен, фермер бывшего герцога Ришелье, и некоторые другие господа открыто выступили против этого акта справедливости. Господин Дюпати де-Белогард стрелял в мэра прихода Сен-Жорж. Когда распространилось известие о покушении на личность мэра, ударили в набат, и огромная толпа народа преследовала убийцу, но, не настигнув его, разорила его владения; но, Марат, я не принимал ни малейшего участия в этих событиях. Прошло уже две недели, как я ушел из этого прихода и обслуживал приход Амбльвиль [302]), где я заслужил такое уважение жителей, что они наметили меня на должность пастора, которого они только что лишились.

Конечно, если бы я был виновен, прокурорский надзор не преминул бы арестовать меня, и эти славные люди не дали бы мне столько доказательств своего доверия. Не скрою однако, что аристократы, пугалом которых я служил, распространяли обо мне низкую клевету; возможно даже, что если бы я бежал, они наделали бы мне неприятностей; но преследования—удел патриотов, они являются доказательством невинности и добродетели. Впрочем, я могу выставить один неопровержимый аргумент против клеветы злонамеренных людей, против тебя, Марат, оскорбляющего мой патриотизм, против всех тех, которые верят самым неопределенным донесениям. Найдется ли хоть один патриот, который сомневался бы в том, что я умер бы на эшафоте, если бы произошла контрреволюция? Я могу выставить против них другое, не менее грозное оружие, которое состоит в том, что если они считают меня виновным в тех преступлениях, в которых они меня обвиняют, то я требую, чтобы они донесли на меня в суд; если они этого не делают, то я заявляю, что они интриганы, мошенники и трусы; я заявляю, что они клеветники, изменники и губители свободы.

Что касается тебя, Марат, то ты бессовестно солгал, говоря, что я с позором был изгнан из многих домов, где я бывал в качестве учителя. Я занимал публичные кафедры, но я никогда не был преподавателем ни в одном частном доме. Ты бессовестно лжешь, Марат, утверждая, что в городе Сент я посеял раздор во всех семействах, в которых меня принимали, как друга, и куда меня призывал мой сан, и что я преступно поднял руку на своего благодетеля.

Я никогда не занимал никакой должности в городе Сент, я был там всего пять или шесть раз; самое долгое мое пребывание там не продол-

---

[301]) Вероятно, Saint Thomas de Conac, Charente Inferienre, arrondissement de Jonza (*Прим. Матьеза*).

[302]) Ambleville, Charente, arrondissement de Conac (*Прим. Матьеза*).

жалось более двенадцати часов; твой номер представляет, таким образом, сплошную ложь и ряд нелепостей, придуманных с исключительной целью повредить мне и придать пикантность газете. Здесь все надо сказать, Марат, я воздаю должное уважение твоим гражданским доблестям, но твое самолюбие страдало от того, что клуб кордельеров называл меня маленьким Маратом и что в Народном Доме меня так называли. Ты старался уничтожить меня, чтобы не иметь соперников и последователей. С другой стороны, приближается время выборов, ты боялся, чтобы народ не голосовал за меня, и ты старался сделать меня смешным, отвратительным, ненавистным всем тем, кто произносил мое имя с некоторым интересом; да что я говорю, ты имел жестокость сказать, что меня не зовут Жаком Ру. Впрочем, если для приобретения спокойствия надо отказаться от прозвища маленького Марата, то я отказываюсь от него. Я не откажусь ради этого от принципов свободы, которые я исповедал, от принципов, которые я буду защищать до последней капли крови. Прибавлю еще, что если я проявил мужество со времени Революции, то это было не потому, что мне хотелось пошуметь, как ты ядовито писал, а потому что я повиновался влечению своего сердца. Кровь у меня кипит, у меня горячее воображение, я хорошо знаю низость людей, я всегда терпел притеснения, подвергался клевете, преследованиям, я всегда видел, что отечество находится на краю гибели, я видел, что оно окружено изменниками, лицемерами, мошенниками. Возможно ли не выражать горячо своих чувств, имея перед глазами такую грозную картину; разве не модерантизм погубил общественное дело? Разве не полумеры ввергли французскую нацию в пропасть пороков и несчастий? И поэтому, когда я проявлял экзальтированный патриотизм, когда я употреблял напыщенные выражения, то за это меня не следовало обливать грязью, Марат. Оскорбления, которыми ты меня осыпаешь, служать только к моей чести. Существование пылких горячих душ, людей, которые раз'ясняют, увлекают и подчиняют людей, которые наэлектризовывают, движут общественным мнением, полезно для общего дела, это спасет его от застоя. И неужели ты думаешь Марат, что конституция прочно укоренилась? Разве ты думаешь, что народу нечего опасаться внутренних и внешних врагов? Или ты думаешь, что мы уже достигли той степени славы и благополучия, на которое мы имеем право? Конечно, нет! В таком случае необходимо, чтобы мужественные, энергичные и порядочные люди разоблачали изменников и почтительно напоминали законодателям об их обязанностях; надо, чтобы они не били в набат, призывая к восстанию, но чтобы раздался могучий голос разума и мудрости.

Я не стану отвечать на упрек, который ты, Марат, делаешь мне, что я был изгнан из клуба кордельеров. Ты знаешь, что за два дня до этого председатель по братски приветствовал меня от имени общества. Ты знаешь, что адрес представленный мной Национальному Конвенту и читанный мною уже вторично, был встречен громкими аплодисментами и что был издан декрет о напечатании и рассылке его братским обществам. Таким образом, мое исключение, начало которому положило твое письмо, было только результатом интриг и коварства. Это было делом скупщиков, преступления которых я разоблачил, эгоистов, жадность и гордость которых я задел, ложных патриотов, которые в Республике любят только состояние и почести, доставляемые ею; оно является делом тех, которые оставляют интересы народа и бьют отбой, когда они туго набили свои кошельки.

И каких только низких средств не употребляли, чтобы погубить меня в общественном мнении? Люди, заинтересованные в подавлении тех принципов, которые я изложил в знаменитом адресе, представленном мною за

несколько дней до этого в Конвент, приобрели силу в клубе кордельеров. Была назначена депутация из двенадцати членов, сорок человек, не принадлежавших к обществу, заняли места на скамьях.

Полицейские шпионы, мошенники и торговцы деньгами, вооруженные дубинами и по большей части пьяные, участвуют в прениях и голосуют, как члены клуба кордельеров, которые были в незначительном числе. Трибуны с трех часов были в значительной степени наполнены лицами, продавшимися заговорщикам.

Заседание начинается чтением письма Марата, который требует исключения нескольких членов. Один гражданин берет слово от имени депутации. Он заявляет, что установит спокойствие в обществе, но он разжигает войну. Он требует открытия дебатов по поводу адреса Жака Ру в клубе кордельеров, но Жаку Ру постоянно отказывают в слове. Одним словом. клуб кордельеров превращается в кабак; там пьют, едят, поют, играют. доносят, угрожают, избивают нескольких членов, их исключают, не выслушав их; женщины, мужчины, все исполняют свои роли. Гражданка Ультрик, жена Ультрика, петиционера (в то время адьютанта), имеет нахальство порицать желание секции гравильеров, и ей аплодируют после скандальной сцены, сцены, в которой обнаружились низости и вероломство вожаков, сцены напоминающей тот момент, когда Лафайет на Марсовом поле подавил общественное мнение резней, сцены, за которую клуб кордельеров должен краснеть до тех пор, пока будут произносить слово свободы, после очень сложной системы давления, после этого политического убийства, как можешь ты, Марат, упрекать меня в том, что я был исключен из народных собраний.

Да! истинные кордельеры отомстили за меня... они неодобрительно отнеслись к этому позорному заседанию, где были нарушены права человека. Несколько гражданок в порыве негодования разорвали свои членские билеты; некоторые члены сделали то же самое после этого; другие не захотели возобновить их. Общество разлагается со дня на день. Таким образом, Марат, мое исключение не только не является позором, но, наоборот, составляет славу, если принять во внимание, что я в течение четырех лет постоянно исповедывал принципы кордельеров, если принять во внимание, что я подвергался твоей ненависти, твоей мести только за то, что я требовал репрессивных мер против ажиотажа и против скупщиков, если принять во внимание, что причиной обрушившихся на меня несчастий является мое рвение и моя преданность общественному делу.

Я согласен, что я в своем адресе высказывал жестокие истины. Но разве право петиций есть только право льстить законодателям? Разве это только право прикрывать преступления? Разве это только право безропотно смотреть на голод и резню?

Одно из двух—или пожелания, которые я высказал в своем адресе справедливы, или нет В первом случае я не заслужил тех оскорблений, которыми меня осыпали; во втором случае несправедливо было преследовать меня с таким ожесточением и придавать такое значение заблуждениям; на адрес отвечают не преследованиями, а солидарными рассуждениями и хорошими законами. Марат, ты не упрекал меня в фанатизме, депутаты, осыпавшие меня оскорблениями, не упрекали меня в том что я священник, 29 мая этого года, когда я в пламенной речи обрушился на заговор государственных деятелей и закончил ее следующими словами: «Депутаты Горы, мы заклинаем Вас спасти отечество; если вы в состоянии это сделать и не хотите, то вы трусы и изменники; если же вы хотите, но не можете, то заявите об этом, это в таком случае

будет нашей задачей. У нас имеется сто тысяч вооруженных человек для вашей защиты» [303]).

Марат, для совершения революций всегда пользовались людьми с сильным характером... Когда в них больше не нуждаются, их разбивают, как стакан... Было совершенно естественно, Марат, что и я подвергся такой участи. Впрочем, когда я посвятил себя народному делу, я предвидел не только людскую неблагодарность, но и ожидал также всевозможных преследований... Я спокойно жду смерти, мои враги могут все более удовлетворять свою жажду мести, я всегда буду говорить правду, и моей местью будет мое уважение к республиканской конституции.

Примечание. Те, которые захотели бы приобресть адрес, представленный мною Национальному Конвенту от имени секции гравильеров, Bonne Nouvelle и клуба кордельеров, а также несколько других речей, произнесенных мною в различных церквах Парижа, особенно о средствах спасения Франции и свободы, могут получить экземпляры у меня дома, Rue Aumaire, № 120, монастырь Saint Nicolas des Champs. Я об'являю об издании в 1794 г., в третьем году Французской Республики, республиканского Альманаха.

Я нижеподписавшийся сим удостоверяю, что ответ Жака Ру Марату был напечатан до убийства Друга Народа.

Подписано: Кампенон.

---

303) Это было 27 мая, а не 29, как сказано в брошюре Жака Ру, когда секция гравильеров представила Конвенту адрес, в котором фигурируют эти слова. Текст можно найти в Archives Parlementaires 65, p. 389-90. Адрес подписан председателем Мартеном и секретарем Буассе, из секции гравильеров (Прим. Матьеза).

В О-ВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
ДОКЛАДЫ

Н. А. Рожков

К методологии истории промышленных предприятий

(Стенограмма доклада на заседании 9 апреля 1926 г.)

Заседание открывает т. М. Н. Покровский

М. Н. Покровский. — Товарищи, сегодняшним вечером мы открываем серию наших докладов специально научного характера, которые предназначаются для членов общества и тех из гостей, кто интересуется специально научными вопросами. Это, конечно, нисколько не мешает тому, что мы будем продолжать нашу работу в прежнем порядке. Как раньше, мы будем устраивать широкие собрания. Но для того, чтобы мы были настоящим научным обществом,—а мы им хотим быть и несомненно станем,—нам необходимо заниматься и специальными вопросами, которые сами по себе, по характеру своему не допускают открытия дверей аудитории слишком широко, не потому, чтобы тут была какая-нибудь тайна, секрет, а потому, что эти доклады, в высшей степени интересные и необходимые для нас, не представляют особого интереса для широкой публики, даже для учащейся молодежи, поскольку она не работает в семинариях исследовательского типа. Участников такого семинария мы будем допускать и даже приглашать сюда, но широкая публика была бы совершенно лишней. Не столько она была бы лишней, сколько мы были бы лишними для нее.

Первым докладом будет доклад т. Н. А. Рожкова на тему «К методологии истории промышленных предприятий». Нет надобности раз'яснять членам общества, насколько это капитально-важная тема. Она стоит на очереди давным давно. К темам этого рода все мы, московские, русские историки, подходили до первой русской революции, до 1905 г. Затем наступил довольно бурный период. Потом после бури — мертвый штиль, и в результате двигаться было невозможно. И вот мы дожили до седых волос, до 1926 г, когда наша мечта о восстановлении экономической истории России, конкретной, детальной, на основании богатейшего архивного материала, начинает осуществляться. Само собой разумеется, что монографическое изучение истории отдельных предприятий, хозяйств является совершенно необходимой составной частью этого процесса воссоздания нашей экономической истории. И сейчас мы познакомимся с некоторыми принципами изучения, основанными, сколько я знаю, на практике изучения одного из крупнейших и интереснейших предприятий. Слово имеет т. Рожков.

Н. А. Рожков. — Товарищи, я считаю, что и вообще и в особенности вследствие того, что сказано сейчас М. Н. Покровским, доказывать необходимость такого изучения и такой темы значило бы ломиться в открытые двери. Поэтому на этой стороне дела я останавливаться не буду, а укажу прежде всего на то, как я понимаю задачу своего доклада. Задачу я понимаю очень, если угодно, узко. Я хотел бы осмыслить свой опыт, и не только свой опыт, а опыт до известной степени коллективный

потому, что я работаю не один и притом большее количество времени посвящаю этой работе не я, а другие: 90-е годы изучает М. К. Пшеницына-Рожкова, а я только наблюдаю за всем, обобщаю, стараюсь помочь, и совокупными усилиями мы приходим к некоторым выводам.

На основании этого коллективного опыта надо разрешить такие вопросы: чего искать в материале по истории отдельных промышленных предприятий, как искать, что можно найти. Мне кажется практически в высшей степени важным, если бы на эти вопросы удалось более или менее удовлетворительно ответить, потому что приходится иметь дело с очень своеобразным бухгалтерским конторским материалом. Хорошо, если те, кто будет работать по изучению отдельных предприятий, наткнутся на материал не совсем такой, с каким приходится иметь дело нам, но во всяком случае без этого материала, конторского, бухгалтерского, никак обойтись нельзя. Этот материал самый важный, конечно, в вопросе об экономической организации предприятия и его функциях, о том, как оно действует. Переписка, если бы она нашлась,—она есть по истории других фабрик, даже в том архиве, в котором мы работаем,—очень важна, оживляет и дополняет этот материал. Но при всем том я считаю наиболее важным именно этот бухгалтерский материал, и притом он наиболее труден для изучения. В этом я полагаю центр тяжести своего сообщения. Я хочу помочь тем, кто стал бы над этим работать сейчас, в ближайшем, помочь потому, что в помощи они нуждаются. Когда начаты были работы, пришлось сразу несколько раз ошибиться, притом ошибиться так, что пришлось перерабатывать сделанную работу, как это всегда бывает, когда имеешь дело с новым материалом. Выходит так, что историк должен быть энциклопедистом, смотря по роду материала, с которым он имеет дело, в данном случае надо быть до некоторой степени бухгалтером, чтобы за бухгалтерскими фикциями вскрыть подлинную действительность. Как это сделать, я имею в виду сообщить в своем докладе.

Прежде всего я укажу на то, что материал по истории той фабрики, которой мы занимаемся, по истории Трехгорной Красно-Пресненской Мануфактуры, бывшей Прохоровской фабрики, начинается довольно рано. Первые данные относятся к 1829 г. Материал огромный. Я, например, подсчитал, сколько книг относится к 10-летию за 90-е годы,—оказалось—800. Конечно, здесь вопрос о хронологических рамках работы приобретает существенное значение. Насколько я ознакомился с этим материалом, — я знакомился сначала в выборочном порядке, — я увидел, что хронологически они распределяются на два больших отдела. Первый отдел— это предприятия торгово-капиталистического типа, когда фабрика была мануфактурой и когда она связана была путем домашней индустрии с кустарными промыслами. Второй момент, когда фабрика приобрела характер настоящего капиталистического предприятия, производственно-капиталистического, промышленно-капиталистического предприятия. В истории разных отдельных фабрик этот момент перелома наступил не в одно время. Что касается Трехгорной Мануфактуры, то она этот перелом пережила довольно поздно. По тому предварительному осмотру, который я произвел, перелом относится к 1859—60 г. Это видно из того, что в эти годы куплены четырехколерная набивная машина, травильная и складочная машины. Таким образом, окончательный перелом совершился накануне отмены крепостного права, и соответственно этой перемене бухгалтерские материалы меняются существенным образом. Если мы возьмем 30-е годы только, то за этот период сохранилось немного бухгалтерского материала, повидимому, он не полон, с большими утратами. Мы имеем сначала две книги: главную книгу и мемориал; позднее, со второй половины 30-х годов появляются касса и товарная книга; в 40 гг. прибавляются еще книги: журнал и счетная книга,

которых раньше не наблюдалось. В 50 г.г. появляются книга покупателей, материальная книга, а позднее, к переходу на совершенно развернутый процветающий промышленный капитализм, особенно в 90 г.г., ежегодно ведется 26 и больше бухгалтерских книг, бухгалтерские книги становятся все более многочисленными, более сложными. Приходится поэтому считаться с большими трудностями. Об этих трудностях я и буду говорить.

Само собой разумеется, что, кроме основного хронологического деления, каждому работающему надо будет более узко ограничить хронологическими рамками свое исследование. Я думаю, что целесообразнее всего здесь было бы выбор этих рамок определить той кон'юнктурой, которая существовала в русской фабричной промышленности после того, как она приняла настоящий капиталистический характер. Взять период, скажем, кризиса и депрессий, затем период под'ема. Такие хронологические рамки по этим моментам надо по-моему определить каждому работающему в общем коллективе, тогда это будет целесообразная работа. Возможны и более мелкие, дробные задания, 1—2 года.

Теперь я прежде всего остановлюсь на характеристике тех источников, которые относятся к истории фабрики, отдельного предприятия, имеющего еще характер торгово-капиталистический, т.-е., значит, в данном случае по отношению к Прохоровской фабрике 30—40—50 г.г. XIX века. В виду отрывочности сохранившегося материала и того, что он не пополняется перепиской, а является чисто бухгалтерским, здесь можно узнать далеко не все, что нужно было бы знать, но во всяком случае многое и очень интересное узнать можно. Я думаю, что прежде всего можно проследить из года в год, во всяком случае за каждые два—три года, рост производства на фабрике. Это первое, что можно получить на основании имеющего материала. Затем можно определить формы производства, т.-е. сколько производится товара на самой мануфактуре и сколько производится путем домашней индустрии мастерками. Дело в том, что в наших книгах 30—40—50 г.г., которые дошли от этой фабрики (я думаю, что и от многих других), можно наблюдать явление, которое отмечено в свое время по отношению к Иваново-Вознесенску и Шуе Туган-Барановским, что, в сущности говоря, фабричная мануфактура берет на себя только окончательную набойку и отбелку, окончательную обработку, а раздает много пряжи мелким мастеркам, которые в книгах поименно обозначены, при чем обозначено, сколько всего пряжи им роздано. Мы имеем здесь картину производства, известную в истории нашей фабрики и естественную в период торгового капитализма, получающую любопытное подтверждение по отношению к фабрике в крупном городе, в крупном центре, как Москва.

Затем материал наш дает возможность определить кредит в обе стороны, т.-е. кого кредитовала сама фабрика, и насколько и от кого она кредитовалась. Если на основании данных, имеющихся в литературе, можно в известной степени установить некоторую периодичность, смену под'ема, кризисов и депрессий в истории русской фабричной промышленности после того, как после 60 г.г. она приняла настоящий капиталистический характер, то в отношении первой половины XIX века это в значительной степени остается вопросом открытым. Материал, относящийся к Прохоровской фабрике, дает возможность сделать некоторые весьма важные в этом отношении наблюдения. Мне удалось обнаружить в 31—32 г.г. несомненные признаки такого кризиса. Вот какие признаки на это указывают: в то время суровый товар оказывается произведенным в меньшем количестве, чем в предыдущем году, на 20,8%, и параллельно этому увеличивается производство мастерков—оно увеличилось сравнительно с предыдущим годом в 7 раз. В эпоху кризиса на мануфактуре, очевидно, эксплоатируется гораздо больше кустарный труд, чем при под'еме, так что, если раньше получалось

впечатление, что работа мастерков—домашняя индустрия—почти совершенно отмирала, то в этом году мы наблюдаем как раз обратное явление. И я думаю, что это не единичное явление. В этом смысле, конечно, при дальнейшем изучении мы получим новые довольно любопытные выводы.

Можно учесть, далее, торговый оборот и его быстроту для того времени, когда в наших источниках имеется более обильный материал. Тут я применял разные методы. Прежде всего метод обычный, т.-е. надо вычислить действительное количество проданных товаров, сумму на которую проданы эти товары, и определить соответственно этому количество оборотов капитала. Можно прибегнуть и к более усовершенствованному способу, особенно по отношению к более позднему времени, к исчислению темпа оборота, который применяется в американской статистике. Здесь существует два способа, которые нужно обобщить. Во-первых, определение отношения ценности годичной реализации продукции к полному капиталу предприятия по годичному балансу. Это один способ, а с ним надо совместить и другой: определить отношение ценности годичной реализации продукции к остаткам материалов, полуфабрикатов и товаров.

Затем кое-что, но сравнительно немного, по крайней мере в те годы, которые я изучил, в 30 годах мы найдем о положении рабочих. Чрезвычайно характерным является применение на русской почве системы выжимания пота, выплата товарами из харчевого амбара, из харчевой лавки. Мастерки тоже эксплоатируются подобным образом. На этот счет можно сделать некоторые любопытные наблюдения.

Вот главные выводы, которые можно получить на основании материала. Значит, целый ряд вопросов, относящихся к организации фабрики, как предприятия, мы можем осветить при помощи нашего материала.

Теперь спрашивается, как с наибольшей экономией времени использовать те источники, которыми приходится пользоваться? Это самый, по-моему, основной практический вопрос. Здесь надо отметить, что основная книга, с которой надо начинать работу по каждому году, это так называемая главная книга главной конторы или фабричной конторы, как она потом стала называться. Это основная книга, и с нее надо начинать. Иначе сделаешь лишнюю работу, если возьмешь другую книгу потому, что в этой главной книге подведены главнейшие итоги, с которыми надо считаться. Разумеется, обращаться к главной книге можно только там, где она сохранилась, а есть некоторые годы, где ее нет, может быть, совсем не было, а вероятнее всего, она просто потеряна. В этих случаях приходится проделывать очень тяжелую работу.

Из главной книги до 60 годов мы знаем следующее: прежде всего, здесь значится вся приобретаемая из-за границы в Россию и выдаваемая на мануфактуру и мастеркам основная и уточная бумага, т.-е. пряжа, материал, полуфабрикат. Мануфактура Прохоровская не была прядильной, а была ткацкой, поэтому пряжа не производилась на ней. И затем, во-вторых, мы из главной книги можем узнать о размерах производства сурового товара и различных материй совершенно точно. В главной книге означено, сколько произведено товару всякого рода, какая мера, какая цена, какое количество. С течением времени содержание главной книги меняется, становится богаче. То, что выше сказано, относится к главной книге 30 годов. В 40 г.г. мы видим более богатое содержание. Из главной книги можно почерпнуть тогда сведения, касающиеся кредита, торговли из лавок, магазинов и на ярмарках.

Затем второй тип книг, с которым нужно считаться, это мемориал. Это беспорядочная черновая запись доходов и расходов, при чем эти расходы и доходы не отделены друг от друга, так что на одной странице рядом встречаются доходы и расходы: от такого-то получено, такому-то

выдано, заплачено столько-то, и т. д. Это сырой материал, черновая запись по дням доходов и расходов в одном месте, на одной стороне, вперемежку. Здесь, конечно, когда главной книги нет и других более общих книг не имеется, предстоит чрезвычайно кропотливая работа. Но даже когда имеется главная книга и другие, нельзя сказать, что мемориал следует игнорировать совершенно. Дело в том, что в мемориале есть любопытные частности, с которыми надо считаться. Напр., по отношению к 30 годам. Здесь мы встречаем вот какие дополнения. Оказывается, что мануфактура не только раздавала пряжу мастеркам для производства сурового товара, но она также раздавала готовый материал разного рода, произведенный на мануфактуре, для выделки другого рода мастеркам, тем, которые выделывали из материала те или другие изделия, напр., халаты, кашемировые шали, миткалевые платки, полубархатные жилеты, шлафоры (ночные костюмы). Все это указывает, что мануфактура не только эксплоатировала труд мастерков для того, чтобы они приготовляли полуфабрикаты, суровый товар, но эксплоатировали их еще для шитья разного рода изделий, которые получали очень широкий сбыт.

Затем здесь можно определить кредит на рынке товаров. Мы встречаем в мемориале перечень купцов, должников фабрики, с обозначением, из какого они города и на какую сумму задолжали. До 40 г. г. мемориал в этом отношении является единственным источником, а с 40 г. эти данные мы встречаем также в главной книге. К мемориалу нужно обращаться после главной книги, я это подчеркиваю. Если начать с мемориала, проделаешь много лишней работы.

Промежуточное положение между главной книгой и мемориалом занимает журнал, который не сразу появляется. Как я сказал, он появляется во второй половине 30 г. Журналом называется книга, которая представляет некоторую первоначальную обработку, систематизирование мемориала. Здесь есть месячный оборот, есть годовые итоги и т. д. Это до некоторой степени обобщающая книга, но не такая, как главная. Она представляет промежуточное звено между главной и мемориалом.

Наконец, есть еще по отношению к тому же периоду, когда фабрика была мануфактурой торгово-капиталистического типа, книга, которая появляется с 40 г.,—это главная торговой конторы и главная харчевого амбара. Первая специально говорит о торговом. Что касается второй книги,—главной харчевого амбара,—то она дает особенно ценные данные об эксплоатации рабочих. Я некоторые из данных приведу. Тут можно вычислить прибыль, которую фабрикант получал по отношению к разного рода товарам, продававшимся из харчевого амбара. Я определил, что в начале 40 г. на гречневой крупе фабрикант наживал 12%, на муке ржаной—20%, на соли—34% на постном масле—20%, на говядине—18%, на снетках—25%, на печеном хлебе—30%, на рыбе—32% и т. д. Как видите, прибыль очень солидная.

Таковы главные замечания, которые я имею сделать о периоде, который наиболее легко поддается изучению, о том времени, когда фабрика была мануфактурой, предприятием торгово-капиталистического периода. Но более труден вопрос о том, что можно узнать и как можно узнать из этого материала по отношению к фабрике производственно-капиталистического типа, к новой фабрике с механическими двигателями.

Прежде всего, что можно узнать? Здесь также можно узнать про рост оборота, темп оборачиваемости капитала, пользуясь теми же методами, как и в первый период. Затем, во-вторых, здесь можно определить дивиденд и прибыль, при чем дивиденд может быть довольно точно определен,—как он делился между акционерами, в какой мере участвовали в этом служащие предприятия, потому что управляющий был всегда пайщиком и получал, кроме большого жалованья и процента, тантьемы, еще

определенную прибыль, как акционер, определенный дивиденд. Все это можно довольно точно определить на основании имеющихся источников. Затем можно определить структуру капитала. Я считаю этот вопрос очень важным и поэтому подробно остановлюсь на том, как это делать на основании имеющегося материала. Затем кредит в обе стороны,—что должала фабрика и что должали фабрике, состояние торговли и рынка может быть также довольно точно определено на основани этих источников. Производительность труда может быть установлена на каждого рабочего потому, что данные здесь довольно обильные. Положение рабочих, заработная плата, квалификация, жилищный вопрос; есть сведения о рабочих спальнях, об их устройстве, о размерах, о количестве рабочих, живущих в них, и т. д. Встречается много бытовых мелочей, характерных и важных для положения рабочих. Напр., я упомяну о том, что рабочим выдавались книги священного писания с вычетом из заработной платы, конечно, покупка этих книг была обязательна. Затем чрезвычайно характерно здесь то, что в расходы по фабричному производству даже в 90 г. г., не говоря о более раннем времени, вплетаются личные расходы владельцев фабрики. Напр., были в Вене, купили там венское ландо (экипаж), это записано, как фабричный расход.

Теперь спрашивается, как и откуда узнать все то, о чем я говорю? Основное здесь опять-таки главная книга там, где она сохранилась, потому что там приведена общая сумма, итог всех счетов, который иначе пришлось бы считать самому работнику, а это потребовало бы, конечно, очень большого времени. Затем в главной мы находим годовые цифры разного назначения. Я хочу перечислить главные назначения для того, чтобы у вас было ясное представление, что может дать главная книга. Во-первых, стоимость всех строений фабрики, в том числе и вновь сооружавшихся. Во-вторых, общая стоимость машин и принадлежностей к ним, и затрата на приобретение машин с принадлежностями. В-третьих, общая стоимость фабричной движимости, всякого рода мебели и т. д., в том числе и вновь приобретенной, стоимость нефтяного бассейна, топлива и освещения. Затем стоимость материала, пряжи. С 1896 г. на фабрике заведено прядильное отделение, появляется своя пряжа. Стоимость красильных и химических материалов.

Все предыдущее, что я перечислил, я отношу к постоянному капиталу. Теперь переменный капитал,—жалованье и заработная плата рабочих. Затем главная книга дает характеристику производства следующим образом. Прежде всего, там есть счет сурового товара, а с 1896 г. и пряжи. Затем счет набивного товара. Далее идут данные в главной книге, которые касаются торговли и кредита. Во-первых, торговля лавок иногородних и местных, там освещается дебет и кредит; торговля харчевой лавки, счет кассы. Касса содержит в себе не все доходы и расходы, а только денежные. Затем счет полученных и выданных документов и учтенных векселей,—это дополнение к кассе для того, чтобы определить и кредит и расплату наличными. Затем в этой же главной книге находится целый ряд данных, касающихся распределения доходов. Прежде всего здесь счета банков, счета уплаты податей, штрафы с рабочих, дивиденд, прибыль и убыток. Но здесь надо помнить, что очень многое есть бухгалтерская фикция, которую приходится всячески раскрывать. Я об этом поговорю особо в дальнейшем изложении.

Вот данные, которые можно найти в главной книге. Теперь вторая, низшая ступень,—книга, к которой потом надо перейти после изучения главной книги,—ступень, которой не имеется до того времени, пока фабрика не стала капиталистической, это ресконтро. Это книга лицевых счетов, как ее определяет бухгалтерия. Это более подробное, реальное

содержание счетов главной книги с указанием точного времени получения и платежа в хронологическом порядке. Надо сказать, что ресконтро не единственная книга, которая находится в таком характерном, мной указанном вкратце отношении к главной книге. Есть целый ряд других книг, которые соответствуют по своему содержанию ресконтро и дополняют его. Значит ресконтро не по всем счетам детализирует содержание главной книги, но только в части счетов, для некоторых других вопросов эта детализация содержится в других книгах, другого названия, но по характеру соответствующих ресконтро. Это следующие книги. Во-первых, материальная книга, содержащая в себе сведения о приобретении и расходе красильных и химических материалов. Затем также книга под названием «суровый товар». Это значит: приход и расход сурового товара. Книга под названием «набивной товар» и, наконец, «касса», при чем касса двух типов. Во-первых, есть касса сырая, совершенно не обработанная, повседневная запись наличных доходов и расходов, и касса сводная, сводка, с которой надо начинать, раньше чем обращаться к изучению сырой кассы. Затем к этому типу книг (к типу ресконтро) относится книга под заглавием «фабричные расходы». Это—книга, содержащая в себе мелкие расходы на марки, похороны и т. д., не имеющая существенного значения. Затем книга под названием «кредиторы» тоже относится к типу ресконтро и книга под названием «дебиторы».

Третий тип—мемориал, самая сырая запись доходов и расходов. Сюда принадлежит также еще книга под названием «приемная материалов и принадлежностей и сурового товара». Все это сырье не нужно изучать, а только пользоваться этими книгами для справок и дополнений, но конечно придется изучать там, где нет ресконтро или главной книги, в случае утраты книг высшего типа.

Наконец, между третьим и вторым типом, между ресконтро и мемориалом, промежуточное место занимает журнал, помесячная и годовая сводка мемориала.

Теперь я хотел бы сделать несколько предостерегающих замечаний в отношении того, как надо искать. Я упоминал, что приходится до некоторой степени войти в подробности бухгалтерской техники для того, чтобы не ошибиться, чтобы не просчитать всех записей, которые имеются, чтобы в результате этого не получились в конце концов фиктивные цифры и итоги. Необходимо прежде всего раскрыть терминологию. Встречается прежде всего термин сконто, это счет, который трактует о скидках, сделанных с того или другого товара, счет скидок. Затем термин сторно. Это—термин. не всегда употребляющийся, ему соответствует иногда указание, что та или другая сумма счета сносится с этого счета на другой счет. Когда встречается сторно, нужно помнить, что сумма в данном счете не может считаться, а должна считаться в том счете, на который она перенесена, иначе вы можете сосчитать одну и ту же цифру 2 раза, получится неправильный итог, не соответствующий действительности.

Самое трудное, как показывает практика, это определение общего оборота, если мы не будем прибегать к американским методам, о которых я упоминал. Дело в том, что работа эта сложная, требует ряда проверок, сопоставлений, предположений. Мы думаем, что лучший способ определения этого оборота, если не прибегать к американским способам, это определение реальной затраты путем вычисления кассы, дебиторов и кредиторов.

Мне остается сделать некоторое общее заключение, указать на те перспективы, которые как будто бы открываются, если мы будем такую работу продолжать. Конечно, есть известные традиции, есть нечто завещанное нам предшествовавшей литературой, и мы это должны усвоить до конца и не утратить ничего, что есть ценного. Мы не противники хороших

традиций. Жорес в одной из речей правильно сказал на этот счет: «В сущности, революционер, социалист отличается от буржуа не тем, что не имеет традиции, а тем, что наследует пламя прошлого, а буржуазия его пепел». Мы должны унаследовать пламя и прибавить к нему свое. Я думаю, что это мы сделаем, при чем на первый план выдвигаются такие задачи, которые я наметил, и которыми мало занимались исследователи истории фабрики предшествующего времени, например, вопрос о количестве оборотов, вопрос о положении рабочих, вопрос о строении капитала. Они мало интересовали историков предшествующего времени. И эти вопросы осветить надлежащим образом можно, только изучая каждую отдельную фабрику. Я думаю, что если мы этими данными, которые дают наши источники, воспользуемся, перед нами откроются такие перспективы: мы получим историю капитализма и рабочего движения в углубленном виде в историко-материалистическом освещении, а не в том, какое давали исследователи прошлого. Мы получим историю фабрики, как экономической организации, и тогда история рабочего движения будет освещена новым светом, получит прочный хозяйственный фундамент.

Прения по докладу

т.т: Нечкина, Шестаков, Покровский, Зельцер, Ронин, Раковский, Айнзафт.

М. В. Нечкина. Я думаю, слушатели ценного и основанного на большой работе доклада тов. Рожкова остались совершенно неудовлетворенными, потому, что, если руководствоваться указанными в докладе документами, мы узнаем не фабрику, как таковую, а только небольшую часть ее жизни. Вникая в схему изучения, предложенную докладчиком, я думаю, что мы подходим к фабрике с чисто теоретико-экономической стороны. Фабрика взята статически. Нас познакомили с бухгалтерией, а не с историей фабрики. Были выделены два типа фабрик: фабрика, не ставшая капиталистической, и уже капиталистическая. Но эти два явления внутри себя не развиваются. Фабрика, прежде всего, явление социальное и историческое, но ни о той ни о другой стороне изучения докладчиком не было сказано ничего. Дело в том, что одни вопросы изучения диктует нам материал, а другие мы сами ему задаем. Поэтому от доклада, в заглавии которого есть понятие методологии, мы можем ожидать формулировки этих задаваемых материалу вопросов. Что такое фабрика? Как подойти к изучению фабрики, какие вопросы нужно поставить? Мы хотим знать, фабрику, как живое общественное явление, в котором сосредоточены противоречия, борются социальные силы. Мы в праве задать вопрос о личном составе рабочих фабрики, спросить, кто они были? Если крепостные, то какой процент был вольнонаемных рабочих? Каким образом, если это были крепостные, они попали к владельцу фабрики, в какой мере проник процесс капитализации в рамки крепостного хозяйства, выбрасывая родоначальников русского рабочего на рынок труда? Перед нами целый ряд и других важнейших вопросов: кто были владельцы этой фабрики, откуда они вышли, из какого слоя общества, что дало им возможность эту фабрику получить, что дало возможность продолжать дело? Поэтому, ставя вопрос о методологии изучения фабрики, нельзя ограничиваться теми материалами, которые приведены здесь; нужно привлечь побочные материалы, которые безусловно имеются. В моих руках случайно был материал, касавшийся фабрики 60-х годов. Он касается фабрики, принадлежавшей родственникам декабриста Оболенского. Когда декабрист вернулся из ссылки, он застал фабрику в периоде распада и вынужден был ее ликвидировать. Эта фабрика

занималась закупкой и набойкой холста. От князей Оболенских она перешла на глазах того же поколения к бывшему дворовому человеку самих Оболенских. На этом примере видно, как любопытно для социального анализа знать историю владельцев фабрики. Прослушав доклад тов. Рожкова, приходишь к выводу, что в изучении фабрики нельзя ограничиваться указанными докладчиком материалами. Какой же новый материал должен быть привлечен? Может быть, существует самый архив Прохоровых, архив имений, окружающих фабрику, архив по рабочему движению и другие. Надо изучать эту фабрику на фоне обширного архивного наследства, чтобы понять ее, как явление социальное, развивающееся исторически? Затем второй вывод: необходимо наметить систему вопросов, которую должен все время иметь исследователь перед собой, приступая к изучению фабрики. Оговорюсь, что доклад озаглавлен «к методологии» и т. д., и это дает самое широкое право брать любую часть вопросов темы, но мне кажется, было бы интереснее, в качестве введения к изучению крупнейшего явления, познакомиться с более широкой постановкой вопроса.

А. В. Шестаков. К той критике, которую дала т. Нечкина, я бы присоединился. Я хочу высказаться по другому вопросу, по вопросу вообще о состоянии фабричных архивов. Недавно мне пришлось, в качестве руководителя семинария, столкнуться со следующим явлением. Товарищи направились работать в архив на фабрику Цинделя, и в конце-концов оказалось, что наиболее ценные и существенные материалы просто с фабрики утащены, при чем директор фабрики т. Архангельский даже не знал, и все другие не знали, кто же взял их материалы. Все штрафные книги из‘яты, даже главной книги не имеется, и целый ряд наиболее важной переписки исчез. Говорят, пришел молодой человек, сказал, что нужны такие-то книги, ему все эти книги отдали, и эти книги неизвестно где находятся. Товарищи пробовали искать, я их посылал в Центроархив, чтобы они установили, где же эти книги. Архангельский говорил, что он теперь ни одного работника не пустит на фабрику, боится, что опять что-нибудь стащат. Получается такое положение, что с этими архивами дело обстоит не очень благополучно. Сейчас это принято к сведению, и на фабрике Цинделя свертывают архив, свернутые тюки лежат довольно долгое время и неизвестно куда будут отправлены. Им нет места, не знают, куда их направить. Это все вопросы по существу центроархивские, может быть, их нецелесообразно здесь поднимать, но при изучении отдельных предприятий с этим явлением приходится сталкиваться практически. Поэтому, может быть, т. докладчик и т. Покровский скажут, приняты ли меры к охране этих архивов и какой существует способ пользования архивными материалами, в особенности находящимися в частных руках, которые успели эти архивы захватить в личное пользованне.

М. Н. Покровский. Конечно, производить розыски исчезнувших в годы бури и натиска архивов (между прочим, бури и натиска на архивы, когда исчезали те или иные документы) было очень трудно. Нам, Центроархиву, везет в этом отношении. Нам удалось найти кое-какие пропавшие крупные архивы, напр., архив Куропаткина, архив Плеве и (теперь нечего скрывать) пропавшую всю половину дела декабристов (Южное Общество). Все это найдено и можно надеяться, что кое-что мы найдем по части фабричных архивов. Совершенно естественно, что наш Центроархив с его скромными штатными и денежными ресурсами не мог уследить ни за архивами отдельных предприятий, ни за архивами частных лиц. Мы могли спасти архивы крупных учреждений, в том числе имеющий большое экономическое значение архив с‘езда промышленников—там богатый материал.

Некоторые вопросы, которые ставит т. Нечкина—о рабочем движении, о составе рабочих—о них можно найти сведения в архивах фабричной

инспекции, которые у нас есть, есть секретная переписка, отчеты инспекции. Значит, кое-какие суррогаты имеются. Нам доставлена некоторая часть архивного материала ленинградских предприятий, в частностя Путиловского завода, охватывающего 125 лет. Эти материалы в относительном порядке, и работать можно, кое-что сохранилось. Но следить за архивом каждого предприятия было очень трудно. Пришел свой человек, внушающий доверие, ему сказали: «Возьмите документы, занимайтесь ими потому, что ученые когда еще доберутся». Они прекрасно знают, что ученых историков-коммунистов кот наплакал, им заниматься некогда. Истпарт начал работать только последние три—четыре года, а раньше был всяк сам себе Истпарт. А тут свой партийный человек интересуется и т. д. Мне приходилось наталкиваться на такого рода вещи до самого последнего времени. Ко мне пришла группа товарищей и заявила, что они собрали частным путем большое количество архивов фабзавкомов революционого времени и желают их разрабатывать. К счастью, эти архивы находились в рамках учреждения, в стенах которого мы находимся, они случайным образом попали в библиотеку Ком. Академии. Это благоприятная случайность. И тем не менее группе этих товарищей пришлось предоставить разработку этих архивов, собранных ими частным путем. Они брали архивы фабзавкомов, ценнейшие для истории революционного рабочего движения, и собрали их в отделе библиотеки Ком. Академии. Что же было делать? Запретить этим товарищам работать,—была бы в высшей степени курьезная вещь. Люди сами собрали материал, желают работать, а я им помешаю работать. Это приватная операция, не укладывающаяся ни в какие рамки. Такого рода операций в тот период было сколько угодно, и в значительной степени благодаря этому раструшены архивы отдельных предприятий. С этим ничего не поделаешь. Надо пользоваться всеми указаниями, чтобы по возможности восстановить нормальный порядок вещей, который теперь можно установить. Есть экономическая секция Центроархива, в ее руках имеется целое здание (бывшая синодальная типография), и там достаточно места, порядка и организации, чтобы сосредоточить там экономические архивы. В сущности говоря, Прохоровский архив должен попасть туда. Но я боюсь, что Прохоровская фабрика, которая легко отдавала отдельным товарищам, государственному учреждению не отдаст своего архива. Может быть, это и лучше, это вопрос другой.

Теперь я хотел бы сказать два слова по существу доклада, хотя, кажется, это уже сказано. А именно, что ставить можно только то, на что можно ответить. Нельзя требовать от архива, от бухгалтерских книг больше, чем историю данного предприятия, как такового, как известного экономического организма; задаваться вопросами по социальной истории на основании изучения бухгалтерских книг нельзя. Они могут ответить на это частично, в связи с целым рядом других документов. Представляет ли для нас интерес изучение предприятия, как такового, независимо от рабочего движения, от социальных изменений? По-моему, представляет громаднейший интерес. Вопрос собственно о зарождении у нас промышленного капитализма, который ставит т. Рожков в своих архивных изысканиях, это вопрос, на который серьезного, основанного на длительном изучении ответа мы до сих пор не имеем и более или менее произвольно ставим ту или другую дату, иногда, может быть, слишком рано, иногда, может быть, слишком поздно. Одни говорят, что он зародился в первой четверти XIX века, другие склонны относить его к пореформенной эпохе, относя все предшествующее к торговому капитализму. Это важный вопрос русской исторической методологии, вопрос, от которого зависит целый ряд выводов в чисто политической области.

Вот почему эти бухгалтерские книги для изучения предприятия, как такового, в особенности в связи с перепиской, дополняющей показания бухгалтерских книг,—чрезвычайно важная вещь. И не беда, что не получим ответа на вопрос о происхождении владельцев этой фабрики, о происхождении рабочих, которые там работали, и, может быть, даже о рабочих волнениях и движениях и т. д. Это другой вопрос, которым нужно заняться, но для которого у нас имеются другие источники. Мне думается, что такого рода монографическая задача имеет все основания за себя, и остается пожелать, чтобы было предпринято подобного рода обследование архивов предприятий не на одном примере Прохоровской мануфактуры, а на целом ряде образцов, чтобы была сознательно, планомерно выбрана известная группа предприятий в разных отраслях промышленности, как легкой, текстильной, так и тяжелой индустрии (для последней годится Ленинград с его предприятиями), и на них прослеживать это превращение торгового капитала в промышленный на конкретном материале. Такого рода история для нас чрезвычайно важна.

В заключение я должен сказать, что ВСНХ еще недавно, до последнего финансового кризиса, ставил вопрос об истории текстильной промышленности в России. Это было большое предприятие, которое должно было привлечь большое количество всякого рода работников. Я не знаю, продолжается ли это в таком масштабе, но знаю, что ВСНХ собирается издать историю русской промышленности за последние 20 лет, в связи с 10-летним юбилеем Октябрьской Революции. План этого издания рассчитан на 6—8 томов, имеются соответствующие средства, рабочая сила и пр. Имеется крупное начинание, с которым желательно было бы связать подобного рода начинания, о которых рассказывал т. Рожков. Кстати, о самом начинании. Как оно ставит работу, он ничего не рассказал. Я-то знаю, но большинство из присутствующих не знает, и потому очень желательно в заключительном слове докладчика услышать, как ведется работа.

Зельцер. Прежде всего я принадлежу к той группе, которая разрабатывает архив вместе с т. Рожковым. Сейчас я как раз работаю по 1841 г. и могу выяснить несколько интересных моментов. Прежде всего к этим интересным моментам принадлежит то, что фабрика ведет крупные торговые операции не только своими материалами, но также и другими. Она закупает у других фабрик различные товары и их перепродает и таким образом является торговым предприятием. С другой стороны, я хотел бы отметить, что, по крайней мере, для 40-х годов участие мастерков незначительно, работа на фабриках производится в преобладающей степени наемными рабочими. Еще характерный момент—это то, что рабочие ненаемные получают определенную заработную плату. Можно также установить несколько категорий рабочих. Прежде всего—годовые рабочие, которые работают постоянно, это ткачи-основщики. Им дается основа и выдается заработная плата за размотку бумаги и пряжи. Кроме этого, можно довольно точно вычислить, какие вспомогательные расходы несет фабрика. Но как раз за годы, которые я исследую, нельзя вычислить, какие расходы несет фабрака по сырью. Прибыль же можно вычислить не только за период 60-х и дальнейших г.г., но даже за эти годы. Здесь внутренние организационные отношения выявляются очень хорошо. Владельцы представляли собой как бы семейную «акционерную» группу. Между ними делится прибыль, и по проценту прибыли на каждого «акционера» можно вычислить сумму прибыли, которую получила фабрика за определенный год. Так, напр., имеются сведения, что такому-то владельцу дается 17% с общей прибыли и указана сумма выдачи.

Любопытные моменты выявляются и из быта рабочих. Так, напр., рабочим выдавали не только продукты из амбаров, но они пользовались и кухней. Некоторые черточки рабочего быта можно восстановить полностью. По имеющимся материалам можно установить также и распределение товаров на отдельных рынках, характер связи с ними, а также систему организации труда на фабрике. Фабрика не только давала сырой материал для шитья мастеркам, но и покупала изделия тех мастерков, которым не давала сырья; напр., покупала готовые халаты. «За халат заплочено 100 руб.», очевидно, уплочено не за шитье, а куплен готовый халат, специально для восточного рынка. По книгам видно, что большинство халатов продано на Ирбитской ярмарке, а фабрика работает для скупающих товар и перепродающих.

Теперь я хотел бы остановиться на том материале, который касается другой очень интересной фабрики. Это Николаевский судостроительный завод, теперь имени т. Марти.

Прежде всего, эта фабрика позволяет уяснить себе характер финансово-капиталистических, акционерных предприятий, затем позволяет установить широкий рынок сбыта, именно: напр., заграничный сбыт, заграничные заказы, между прочим, овладение балканским рынком, итальянским рынком и целым рядом других; затем характерную форму зависимости наших предприятий от участия заграничного капитала. Интересна конкретная борьба банков вокруг этого предприятия. Можно выяснить ряд вопросов, дающих возможность получить полное и характерное освещение теории финансового капитализма. Затем можно установить на этом предприятии очень характерную связь промышленников с правительством. На основе сохранившегося архива подобных заводов можно довольно хорошо установить историю рабочего движения на них. Тут имеется досье с приказами полицеймейстера и т. д. Все эти досье дают возможность установить историю рабочего движения. Если привлечь архив охранного отделения и департамента полиции, то мы получим богатые данные для истории рабочего движения, и проследим влияние роста предприятия на рабочее движение. Так как материал сохранился, то можно сделать интересные выводы, пользуясь отчетами акционерных компаний, материалом отделов ТНБ, касающееся продукции, коммерческого отдела, цен материалов, что может быть очень важно для истории предприятия в эпоху войны 1914 г. Историей промышленных предприятий надо заняться, но не только тех эпох, которые предлагал изучать т. Покровский, а и более близкой к нам эпохи, эпохи финансового капитализма.

М. Н. Покровский. Я не возражаю против того, чтобы распространить исследование на следующий период. Я брал вопрос в том об'еме, как брал его докладчик, остановившись на 90-х годах. В 90-х годах не было финансового капитализма, но, конечно, можно взять период и дальше.

Ронин. Я скажу по поводу структуры капитала. Чем больше встречаемся мы с акционерными предприятиями, тем все труднее становится нащупать действительные размеры капитала. Мы имеем дело с номинальным капиталом, имеем дело с оценкой имущества так, как она дается по данным предприятия. Широко известно, что эти данные являются намеренно преуменьшенными, так что получить действительные данные о размере постоянного капитала, вообще, по бухгалтерским книгам нельзя. Уже не говорю о том, что мы вообще не получим постоянного капитала в строгом смысле этого слова, мы получим только цены всего этого. Дальше, если возьмем первоначальную стоимость капитала и будем принимать во внимание все организационные и все амортизационные отчисления, то они выведены нарочно в преувеличенном виде, чтобы избегнуть больших налогов и обложений. Известно, как крупнейшие предприятия

утаивали фактический капитал. Так что делать из бухгалтерских записей какие-нибудь более, или менее точные выводы о строении капитала, по-моему, невозможно.

При изучении отдельных предприятий, как здесь правильно было отмечено, чрезвычайно важно помимо всяких бухгалтерских документов прибегать к переписке. Я хочу отметить одну сторону этих документов. Скажем, протоколы правления. Это документы чрезвычайно полные, из них узнаешь самые интересные в историческом смысле вещи. Например, взаимоотношения отдельных предприятий и промышленности в целом с властью. Это вопрос чрезвычайно интересный. По бухгалтерским книгам можно судить о них только косвенно, а в протоколах правления проскальзывают сведения, по которым, при некоторой проницательности, можно составить полную картину. В особенности это становится важным, когда имеешь дело с предприятиями позднейшей эпохи промышленного капитализма. Я хочу тут же указать, что большую помощь в этом деле может оказать периодическая пресса последних лет перед революцией. Там много преувеличений, но она направляет внимание в известную сторону и соответственно этому подыскиваешь ответ в истории данного предприятия и проверяешь слухи, которые нашли отклик в прессе. Я хочу отметить пикантную в историческом отношении вещь. Просматривая архивы 1912—1913 г.г., я нашел в протоколе правления такого рода оговорку: все наши постановления насчет цен, заготовки сырья и т. д. будут считаться действительными в случае, если война не помешает выполнению договоров. Чрезвычайно интересная штука. Таким образом, из этой истории можно извлечь чрезвычайно много широкого исторического материала, и надо только приветствовать, что мы по-настоящему взялись за фактическое обоснование нашей истории.

Раковский. Я хотел указать, что на Прохоровской фабрике находится месячная ведомость за последние 30 лет. В бухгалтерии почти на всех крупных предприятиях имеются такие специальные месячные ведомости. Мне пришлось с такой ведомостью познакомиться на фабрике Саввы Морозова. Тов. Рожков, видимо, знает материалы, напечатанные по вопросу о морозовской стачке. Эти материалы брались не из бухгалтерии, не из книг, а из этих ведомостей.

Мне кажется, далее, что т. Рожков не совсем правильно указал название самых бухгалтерских книг. Насколько мне известно, книга мемориал—это книга не для записей доходов и расходов, а исключительно для записи товарных оборотов. Ресконтро не является книгой, которая детализирует главную книгу. Это неверно, потому что ресконтро есть книга личных счетов. Мне приходилось интересоваться этим для истории рабочего движения. Для истории развития промышленности, пожалуй, не следовало бы ставить в свое поле зрения столько книг, сколько указал т. Рожков. Можно было бы взять за основание одну лишь главную книгу. Кстати я укажу, что т. Рожков несомненно прав, когда говорит, что данные бухгалтерии составляются для предпринимателей и не нуждаются в каких-нибудь особо тщательных проверках. Переходим к более узкому вопросу доклада о заработной плате — она не одинакова на разных мануфактурах, в частности на фабрике Морозова и на Прохоровской. Для ее определения вернее было бы взять рабочие книги, где записывалась выдача на каждые полмесяца.

Айнзафт. Я хотел указать, что фабрично-заводские архивы являются источником для изучения истории промышленности, но могут явиться источником также для изучения рабочего движения. Собирая материалы по истории профессионального движения, нам пришлось натолкнуться на целый ряд документов о рабочем движении, которые имеются в фабрично-заводских архивах. В том же архиве Морозовской фабрики были найдены документы о морозовской стачке, отчет правления общему собранию об

этой стачке. На Даниловской мануфактуре нашли материалы о крупной стачке в 1902 г. Там, кроме требований, имеется разговор с фабричной инспекцией по поводу обращения к ней администрации. В целом ряде других предприятий мы нашли ряд материалов, которые характеризуют предпринимательские организации. Но я лично считаю, что здесь мы имеем две самостоятельные проблемы. Нельзя, работая по фабрично-заводским архивам, одновременно изучать рабочее движение, как побочную проблему истории промышленности. Это должна быть особая проблема, которая требует особых материалов, фабрично-заводский архив для данного вопроса не является главным источником: главным источником является архив охранки, профессиональная печать и т. д. и т. д., а фабрично-заводские архивы—побочный источник, который помогает уяснить целый ряд моментов. А раз так, это должно быть задачей тех историков, которые занимаются историей рабочего движения. Я хотел подчеркнуть этот момент, так как о нем очень много говорили.

Заключительное слово тов. Рожкова.

Я не думал ни одной минуты отрицать, что есть много различных очень важных источников, относящихся к истории рабочего движения, к истории владельцев фабрик и т. д. Я не думал также ставить вопрос в таком об'еме,—изложить методологию истории крупной промышленности и крупных предприятий. Такая тема была бы уместна на лекциях в высших учебных заведениях или в семинариях с аспирантами, но не в ученом обществе. Моя задача была другая. Я хотел на основании конкретного архивного материала, который один только и был в нашем поле зрения, поделиться нашим опытом с теми, кто будет работать в будущем над этим материалом, или подобным материалом, облегчить их работу. Мне казалось, что это—ближайшая практическая задача, и в этом смысле мы вели переговоры с секретариатом общества, поэтому и озаглавлен был мой доклад «к методологии» и т. д. Здесь ставилась совершенно узкая, специальная задача. Мне казалось, что это жгучая задача в данный момент. В самом деле, история рабочего движения, история отдельных фабрикантов (насчет фабрикантов Прохоровых может дать много ценного материала та печатная история, о которой говорили, там можно видеть, кто они такие, для этого незачем ходить в архив)—это другие стороны дела. По-моему, по ним кое-что сделано, а экономическая история отдельных предприятий, конечно, не исследованный совсем вопрос. И мне казалось, что эта специальная задача должна особенно интересовать Общество Историриков-Марксистов потому, что мы только от историков-марксистов можем ожидать, что они возьмут на себя эту тяжелую работу, потому что у них есть историко-материалистический метод, который указывает на необходимость заняться этой стороной дела. Все остальное ценно, важно, это я не отрицаю, но моя специальная задача совершенно определенная и мне этим докладом хотелось подчеркнуть необходимость для историков-марксистов именно на эту чисто экономическую сторону дела обратить особое внимание. И вот я, прежде всего, должен сказать, что отнюдь не статика здесь была, а динамическая задача, задача развития, диалектического развития фабричной промышленности. Здесь мы имеем не статистический материал, а очень важный материал для динамики самого развития предприятия. Затем, что касается того, как ведутся занятия в нашем коллективе, все это зависит от того, сколько отдельные участники этих занятий могут предоставить этому времени. Специально для аспирантов я поставил, как минимальную задачу, ознакомление с одним годом каждому. А одна моя сотрудница разрабатывает целое десятилетие. Некоторые методологические указания я им дал, а затем хотел, чтобы они сами научились

практически разбираться в материале. Лучший способ научить человека плавать—это бросить в воду и спасти, если будет тонуть. Я и здесь поставил себе задачу спасать, если будут тонуть, но приучить к самостоятельной работе. Мне хотелось, чтобы товарищи попробовали себя на черновой архивной работе и внесли известную лепту в это дело. Тов. Зельцер принадлежит к числу таких работников. Я не желаю говорить больших комплементов в его присутствии, но он особенно подготовлен к этому делу. Я читал его работу, посвященную Николаевскому судостроительному заводу. Для него эта работа неновая, он перед вами дал очень конкретные и наглядные указания относительно результатов его работы. Мне остается сослаться на его выступление, чтобы показать, какие результаты получаются на первых шагах от этого опыта. Я думаю, что они довольно интересны. Должен сказать, что о положении рабочих (я это говорил в своем докладе), о многих сторонах положения рабочих, пожалуй, о всех сторонах, можно найти сведения в архивах, начиная с 70—80—90 г.г. Я оговорился, что отрывочность материалов более ранних десятилетий не дает точных данных, но оказывается 40 г. дают больше материала, чем 30. Думаю, что этот материал не даст ответа на вопрос: что такое были наемные рабочие, были ли они крепостные, уволенные на оброк, или вольные люди. По-моему, материал этого не освещает.

Теперь я хотел остановить ваше внимание вот на каком обстоятельстве: прежде всего на критике, на скептическом отношении к бухгалтерским материалам, которые высказал один из оппонентов. Я думаю, что это едва ли основательное замечание. Это не тот материал, который публиковался для всеобщего сведения, а материал для самих владельцев, для администрации фабрики. Конечно, это не значит, что нужно здесь обходиться без критики, критика нужна, особенно в вопросе о дивиденде, о прибылях. На этот счет, конечно, у нас есть все данные, все возможности. Я просто об этом не сказал, потому что это само собой разумеется. Тот же самый Прохоров получает дивиденд, но получает кроме того большое жалованье, как член правления. Это все нужно учесть при окончательном выводе, но все-таки приводимые материалы совершенно достоверны.

Я был бы рад, если бы в архивах были материалы более обильные и разнообразные, например, месячные ведомости, я их не встречал, может быть, они есть за последние 30 лет, но в 20—30 и 90 г.г., нет, может быть, дальше есть, но раньше нет. Что касается другого материала,—конечно, было бы очень желательно, если бы удалось его найти. Но я хотел бы подчеркнуть, что специальная задача наша—не история рабочего движения на Прохоровской фабрике. Признаюсь, то, что меня натолкнуло на изучение истории Прохоровской фабрики, это данные, которые имеются в истории рабочего движения, та роль которую сыграла Прохоровская фабрика в декабре 1905 г. Еще в январе 1905 г. она тащилась в хвосте московских фабрик, по поводу забастовки после 9 января. А в декабре вышло иное. Это меня заинтересовало. В чем дело? Этот вопрос ставится изучением рабочего движения на Прохоровской фабрике. Кое-какие материалы на этот счет у нас опубликованы, другие собраны и хранятся в московском Истпарте. Это, бесспорно, надо изучать. Но, конечно, не меньше надо изучать—и, по-моему, это является очень важным—чисто экономическую сторону предприятий. И на эту сторону я хотел обратить внимание. Я думаю, что много найдется охотников изучать историю рабочего движения на фабриках, но немного охотников найдется изучать сухой и трудный материал, касающийся фабрики, как предприятия, с экономической точки зрения. Мне хотелось подчеркнуть значение этого материала и высказать пожелание, чтобы все, кто питает интерес к этой работе, на эту работу пошли.

С. С. Кривцов

Место истории в программах общественно-экономических вузов

На очередь дня в нашей вузовской практике сейчас поставлен очень, по-моему, серьезный вопрос о постановке дела изучения истории. С историей, вообще, у нас происходили различные приключения. В свое время существовал историко-филологический факультет, который был закрыт. Вместо него был образован факультет общественных наук с отделением общественно-педагогическим, на котором, главным образом, изучалась история. Затем он был закрыт и вместо него был основан этнологический факультет с рядом подотделений, в частности историческим, где теперь сосредоточено изучение истории. В то же время, в нашей вузовской практике мы ставим определенную целевую установку, главным образом, на подготовку преподавателей школ 2-й ступени, рабфаков, техникумов и т. д. Но с историей получилось такое положение, что по существу у нас в школах первой и второй ступени истории как раз и не было, история заменялась, главным образом, обществоведением, был пресловутый комплексный метод, благодаря которому отдельных дисциплин не было, а нужно было изображать целостную систему общественной жизни, которую трудно было расчленить. Таким образом, изучение истории в вузе носило как бы «бесцельный» характер. Сейчас мы переживаем несколько иное положение. Вследствие факта основания этнологического факультета, где возрождается изучение истории, той практики, которую мы имеем во 2-м Университете, и главное тех определенных жизненных запросов, которые ясно и четко поставили необходимость преподавания истории в школе второй ступени, на рабфаке и других школах, перед нами ставится вопрос о том, как нам поставить преподавание истории в вузах таким образом, чтобы у нас выходили товарищи, которые могли бы ту сумму знаний и научных навыков по истории и историческим дисциплинам, которую они получили в вузах, применять в преподавании в школах второй ступени и других учебных заведениях. Когда мы подходим к делу постановки истории в вузе с такой точки зрения, тогда первым является вопрос: можно ли попросту взять и восстановить программу старого, прежнего историко-филологического факультета. Можно заранее сказать, что это будет неправильно. Когда я просматривал программу этнологического факультета, то у меня получилось впечатление, что это есть возрождение историко-филологического факультета. Там, напр., нет курса феодализма, как определенной общественно-экономической формации, а есть пресловутый старый термин: история средних веков. В отношении самого метода постановки изучения истории Греции, Рима, вообще истории античного мира, боюсь, что мы имеем простое пережевывание постановки старого историко-филологического факультета; с этим согласиться нельзя, я скажу дальше почему. С другой стороны, в нашей практике, во 2-м МГУ, на нашем общественно-экономическом отделении мы ставим определенную цель большей специализации. Мы собираемся проделать специализацию по политэкономии, по кругу дисциплин, охватывающих мар-

ксизм и ленинизм, по русской истории, по западной. Но в этом своем стремлении мы наталкиваемся на другой момент, именно на перегруженность педфаков педагогическими дисциплинами.

Первым четко стоит вопрос, что именно нужно преподавать? Когда это будет выяснено, тогда нужно поставить вопрос: как преподавать и какая должна быть целевая установка. Я думаю, что мы должны согласиться на том, что наша задача изучения истории, исторических дисциплин, сводится к тому, чтобы мы в нашей педагогической практике вузов или различных школ помогли учащимся разобраться в основных явлениях общественной жизни и движущих силах исторического процесса. Самое понятие «движущих сил» ясно выражено у Ленина, у старого Каутского и др. Поставив дело таким образом, мы сразу отчленим тот предел, руководствуясь рамками которого мы должны поставить дело изучения истории для массового студенчества. Конечно, нельзя стать на точку зрения, на которую подчас становится наше студенчество. Пример: в 1923/24 академическом году мы собирались во 2-м Московском Университете поставить изучение происхождения русского промышленного капитализма, начиная, примерно, с континентальной блокады, т.-е. с начала XIX столетия. Студенты крайне возмущались этим и говорили, что мы хотим заниматься древне-русской историей. Если встать на эту точку зрения, то, очевидно, современная история начинается с 1905 г., или даже с 1917 г., а быть может, даже только со вчерашнего дня. С этим, разумеется, нужно бороться. Но, с другой стороны, тот подход, который я замечаю на этнологическом факультете, где углубляются вглубь веков, также неправилен. Нашей задачей является познакомиться с борьбой общественных сил, с движущими силами исторического процесса нашего времени. С какого момента можно наблюдать зарождение нашей современной общественности, у нас социалистической а на западе умирающей, капиталистической? Ясное дело, что эта эпоха начинается с развития торгового капитала, с разложения феодализма. И наша новая европейская общественность ведет начало вовсе не от Рима или от Греции, а от феодального общества, возникшего на развалинах античного мира. Я думаю поэтому, что следует вести (повторяю для массового студенчества) наши занятия изучения истории, начиная с зарождения торгового капитала и разложения феодального общества. Почему я вообще указываю на то, что античным миром заниматься нет смысла? Нужно помнить указание Маркса в письме к Михайловскому (и в одном примечании в «Капитале»), что по существу античный мир не является типичным для развития хозяйственных и иных процессов современного общества. Наоборот, он является известным исключением. В письме к Михайловскому Маркс указывает на то, что по существу для любого общества вовсе не обязателен один и тот же цикл развития, и, как пример, приводит античный мир. Разложение феодального общества и развитие торгового капитала в Зап. Европе приводят к промышленному капитализму, чего именно в Римы не наблюдалось. В примечании к I тому «Капитала», полемизируя с Момсеном, Маркс прямо указывает, что тот не видит основной разницы между античным миром и современностью, которая заключается в том, что там все общество было основано на рабском труде, а современное капиталистическое общество основано на свободном труде. Отсюда-то и получается та совершенно неправильная искривленность в понимании античного мира, которая известна под именем модернизации древней истории. Возьмем Виппера и его историю Греции и Рима, которая является отображением тех взглядов, против которых как раз и возражал Маркс, которые начал Момсен, продолжал Пельман, Ферреро и друг. Мы должны ставить дело преподавания истории таким образом, что оканчивающие наши вузы должны уметь разбираться в игре общественных сил, тех, которые существуют сейчас, а для этого нужно изучить их генезис, развитие, и наметить генеральную линию развития. То-

гда каждый получивший историческое образование сможет быть «маленьким Колумбом» по своему уменью ставить исторический прогноз. Поставив так дело изучения истории, в результате получим целевую жизненную установку. Это один момент.

Второй момент: как изучать? Дело в том, что мы имеем два типа изучения истории, с которыми согласиться невозможно. Напр., у нас бывали семинарии такого типа: на протяжении одногодичного двухчасового семинария должно изучить время с 800 г. до 1789 г. Ясно, что при одногодичном изучении комплекса явлений, охватывающих тысячу лет, своеобразие тех или иных исторических явлений совершенно отпадает. Получалась скачка через века, только и всего; кроме вреда, это не приносит ничего. Совершенно естественно было поэтому стремление первого и второго московских университетов к углублению, к внимательному изучению отдельных отрезков исторического процесса. Но здесь при семинарском методе являлась большая опасность, которая сказывалась в практике за последние годы. Вследствие изучения отдельных отрезков исторического процесса выпадала общая связь и представление об общественном процессе в целом, даже представление об изменениях исторического процесса в конце концов отпадает, и остаются одни детали, одни конкретные факты. Как же выйти из этого затруднения; как избегнуть Сциллы, голой схемы, в первом случае и Харибды, единичного факта, во втором? Эта своеобразная задача может быть разрешена только с помощью марксистского диалектического метода. Иначе, мы можем брать либо один общий процесс (обычно по измышленной формуле)—это называлось прежде историей со всемирно-исторической точки зрения; тогда местные особенности сглаживались; либо оставались местные процессы, которые надо «живописать», и мы становились сторонниками описательного метода, то-есть скатывались к Маху, Риккерту и т. д. Нужно два эти момента сочетать. Без сочетания этих двух моментов мы далеко не пойдем. Без выявления основных движущих сил исторического процесса, взятого в целом во всемирно-историческом масштабе, мы частного процесса понять не можем, но, вместе с тем, не поняв частного процесса, мы не можем понять общей схемы. Это ведь проблема общего и единичного в диалектике. Я думаю, что здесь нужно будет в практике преподавания исторических дисциплин в вузах исходить из наличия этой двоякой задачи; без диалектического разрешения ее у нас будет или голая схема, или, с другой стороны, если мы станем на описательный путь, если будем заниматься изучением отдельных фабрик, которые выхвачены вне времени и пространства, получится отрыв от общего процесса.

Например, в некоторых программах, как известно, предполагалось начать изучение мирового рынка с изучения Сухаревки или Смоленского рынка,—это метод, не выдерживающий марксистской критики. Ведь цены на наш экспортный хлеб диктует не Смоленский рынок, а тот рынок, который пока нам не подведомственен. Надо сочетать два метода, и у нас будет совершенно правильная целевая установка, и в зависимости от нее мы сможем распланировать конкретный исторический материал. Я считаю, что мы должны заняться изучением движущих сил современного европейского, нашего (СССР), азиатского, американского, африканского общества. Это основная задача, с этой целевой установкой мы и должны подходить к распланированию материала. Самый материал должно комбинировать таким образом (я говорю об общественно-экономических вузах), чтобы итти по ступеням постепенного осложнения и овладения историческим методом.

Здесь переходим ко второй проблеме, которую часто забываем. Мне приходилось не раз расходиться со студентами вот на чем: они ощущают большой недостаток конкретных знаний, почему полагают, что университет в общей части семинарских занятий должен им дать недостающие системати-

ческие, фактические знания, которых, в силу отсутствия подготовки, им нехватает,—это совершенно неправильная точка зрения на семинарские занятия. Отсюда получилось такое положение: вместо углубленных занятий приходится сталкиваться с тем, что студенты просят указать минимум, что должны сами изучить, чтобы что-нибудь знать по каждому семинарию. Это совершенно неправильная постановка метода изучения истории в вузах потому, что вуз должен каждому студенту помочь усвоить методологию данного предмета. Поэтому нужно строить постановку преподавания таким образом, чтобы мы постепенно шли от более простых вопросов к более общим, более трудным, более сложным и т. д. Дальше, совершенно естественно, станет вопрос о прохождении занятий историей, которое будет занимать 4½ университетских года. Я говорю об известном соотношении между различными типами занятий, и в этом отношении важно правильное соотношение, без искусственного выпячивания односторонне только одного метода. У нас во 2-м МГУ было комбинирование лекций с семинарскими занятиями, и на основании опыта мы пришли к тому выводу, что без определенной увязки, которую делает профессор в виде заключительного или вступительного слова, мы продвинуться вперед не можем. В противном случае получаются отдельные островки обрывков фактов, но в какой связи они находятся между собою, у слушателей нет представления. У нас в прошлом году во втором университете было определенное стремление у студентов все преподавание перевести на рельсы семинарских занятий. Приходилось на каждого студента нагружать до 9—13 семинариев. Ясно, что никакой подлинной семинарской проработки не получалось. Отсюда совершенно естествен переход к комбинированной работе семинарских занятий и лекций.

Мы должны исходить из следующей целевой установки: познакомить наших будущих учителей с теми историческими процессами, которые привели к развитию тех современных форм жизни, которые наблюдаются у нас в СССР в результате уже совершившейся социалистической революции, и которые приводят к назреванию и медленному развертыванию социалистической революции на Западе. Без подхода к этим явлениям, без ориентировки на современность в таком широком масштабе исторические знания ни теоретического, ни практического значения иметь не могут. В этом отношении совершенно ясно, что у нас должна быть именно такая целевая установка, и в зависимости от этого мы должны распланировать материал.

Сперва несколько слов о самом методе проработки материала и как затем постепенно мы переходим к все большему и большему осложнению материала (речь идет о 2-м МГУ). На первом курсе должны быть лекции, сопровождаемые работой кружков, прорабатывающих курс; кружководами должны являться студенты старшего курса. Опыт кружковой проработки, который я проделал во втором университете, показал, что в результате кружковой проработки студенты получили достаточную теоретическую закалку, которая дает возможность работать далее, и ряд навыков элементарной научной работы. На втором курсе нужно переходить к такому типу семинариев, которые должны приучить к пользованию источником и к пониманию, что такое источник, как его толковать и т. д. На третьем курсе, обладая рядом фактических знаний, методом научного исследования, можно перейти к обычному семинарскому типу с задачей научиться под руководством пользованию научным методом; на четвертом курсе нужно ставить полуисследовательскую работу. К примеру: семинарий русской истории по архивным материалам, чтобы товарищи начали учиться разрабатывать богатейший материал, который имеется, для того, чтобы в результате этих семинариев полуисследовательского типа у нас выходило нечто вроде Inaugural-Dissertation, которые широко распространены в Германии. В связи с этим нам нужно ставить вопрос о ряде вспомогательных исторических дисциплин. В самом деле, если мы будем ограни-

чиваться только сообщением фактического материала, не сообщая того, как он интерпретировался, т.-е. если мы не будем ставить вопроса об историографии, если мы не будем ставить вопроса о методологии исторических знаний и если мы не будем ставить ряда практических дисциплин: археографии, источниковедения и т. д., то у нас в конце концов будут получаться такие приключения, какие у меня были в семинариях в этом году. Один товарищ считал, что всякая книжка, напечатанная 2—3 года тому назад, продолжает оставаться авторитетным источником. Поэтому он построил свой доклад о генезисе ревизионизма на известном предисловии Энгельса к «Борьбе классов во Франции 1848—50 г.г.»,—был приведен ряд мест оттуда относительно значения баррикадной борьбы. Когда же ему было указано, что у него не все выходит гладко, что он берет документы, коотрые были заведомо фальсифицированы Ц. К. германской с.-д. п., а нужно брать подлинник, опубликованный т. Д. Б. Рязановым в I т. Архива Маркса-Энгельса, он был поражен. Такова точка зрения очень многих товарищей, которые полагают, что всякое издание «Капитала» является источником, который совершенно неоспорим, будь то даже перевод Любимова в изд. Аскарханова. Раз написано «Маркс—Капитал», тем самым все сказано. С этим мы должны категорическим образом бороться. Надо научить товарищей критически относиться к материалу потому, что не нужно забывать того обстоятельства, что большинство наших учителей на местах будут заниматься научными работами, из их среды явятся работники по разработке местных архивов, истории местной промышленности, рабочего движения, аграрной истории, на основании работы которых мы соберем те материалы, которые нам помогут восполнить те пустоты, которые наблюдались, например, относительно 1905 г. Ведь только недавно открылось, что был Совет Крестьянских Депутатов в Тверской губ., руководимый нашей партией, совершенно не изучена Горловская республика и ряд других образований 1905 г. Как раз товарищи—наши выученики, питомцы наших вузов—должны приходить на места и быть работниками местных отделений Губархивов, Истпарта и т. д. и должны поднимать целину истории (по архивным материалам): по истории народного хозяйства, по истории аграрных отношений, по истории революционного движения в России, профессионального движения и т. д., и т. д. Вот почему мне думается, что надо всячески стараться дать им в рамках университетской практики определенную научную закалку. Нужно вспомнить одно выражение Пирогова (лично я за него держусь): «Сперва надо быть доктором, а уже потом лекарем»; т.-е., что всякий практический деятель должен получить теоретическую подготовку. Многие приключения последних лет, которые были в нашей школе 2-й ступени, имели своим источником то, что у нас очень часто шла борьба против теории, против научно-теоретического понимания. Теперь, переживши эту детскую болезнь роста нашей советской общественности, мы можем на основании этого горького опыта сказать, что без усвоения теории мы с места сдвинуться не сможем. Поэтому мы должны во всех наших университетских планах помнить то, что Ленин писал в «Что делать» относительно значения теории. Должно помнить также, что каждый, оканчивающий вуз, должен не только владеть марксизмом, как теорией, но и помнить вместе с тем, что марксизм является орудием для революционной деятельности. Если мы эту установку сделаем, тогда, в зависимости от этого, будет совершенно ясен тот конкретный материал, который будет привлекаться к нашему изучению.

Я думаю, что при такой целевой установке, если возьмем историю развития современного европейского и нашего русского общества, мы сможем разобраться в одной очень любопытной контроверзе, которая у нас была в марксистской литературе и которая как-то совершенно не была замечена. В первых же своих работах Ленин указывал на значение феодальных отноше-

ний у нас в России. Против этого термина, против самого употребления слова «феодализм» по отношению к России самым категорическим образом возражал Плеханов. В одном письме к В. И. Засулич (см. Лен. Сб. II, стр. 93) Плеханов писал: «Я помню, как в 1895 г. один товарищ старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе, я отвечал, что сходства в этом случае не больше, чем между «российским Вольтером» Сумароковым и настоящим французским Вольтером, но мои доводы едва ли убедили моего собеседника». Плеханов стоял на неверной точке зрения. Так же неверно методологически его примечание к «Людвигу Фейербаху», что происхождение крепостного права было вызвано нуждами государства и т. д., и т. п. Если мы с самого начала будем правильно представлять развитие современного общества, мы сможем понять и оценить основные ошибки Плеханова потому, что уже с того момента у Плеханова появляется основная теоретическая ошибка, приведшая его к оборончеству. Я думаю, что, если мы будем строить нашу работу при правильной установке на изучение генезиса развития современного европейского и русского общества, мы сможем в значительной мере продвинуться вперед в познании современности и тех движущих сил, которые произвели Октябрьскую революцию, Февральскую революцию и революцию 1905 г. У нас будет совершенно ясное и четкое представление о движущих силах исторического развития и тех взаимоотношений между классами, которые в новейшую эпоху в России наблюдаются.

Мне думается, что вся постановка исторических проблем должна приучить товарищей мыслить диалектически и представлять себе совершенно четко диалектику исторического процесса для того, чтобы у каждого из нас не получилось того просчета, который часто получается в противном случае. Я приведу только 2 примера из революции 1917 г. Вам известно, что в начале революции была определенная дискуссия между Лениным и другой группой большевиков. В ней Ленин указывал, что старая большевистская формула о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства изжита, что поэтому мы переходим к другому лозунгу, который вышел, вырос из первого: социалистическая диктатура пролетариата. Этот процесс, процесс диалектический, был многими не замечен потому, что они недостаточно усвоили положения определенной теоретической исторической школы. Или совсем недавняя полемика на 14-м Партсъезде. Суть вопроса в том, как в процессе диалектического развития нашей советской экономии элементы социалистического хозяйства оформились, как они диалектически врастали в старый хозяйственный уклад и как у нас получилось господство предприятий последовательно-социалистического типа. Точно так же здесь бралась одна сторона вопроса (метафизический подход—да-да, нет-нет, а не да и нет), и получились определенные политические выводы, которые привели к определенным политическим ошибкам.

Этот ряд примеров (их можно было бы умножить) может нам показать значение правильного изучения диалектики общественного развития. Сама диалектика общественного развития в определенный момент наиболее ярка, наиболее удобна для изучения. Давно было сказано, что в момент революционных сдвигов классы обнажают себя наиболее ясно. Вот почему в большинстве случаев мы ставим вопрос об изучении революционного движения, революционной эпохи, потому что в подобный момент мы имеем наиболее четко, кристально обнажившееся соотношение между общественными классами, которое позволяет установить диалектику общественного организма. И, наконец, параллельно нужно ввести изучение общественной идеологии, без познания которой мы не в состоянии вскрыть реальное содержание, которое за ней скрывается. Пример: если возьмем настроение деревни, там бывает рецидив народнических, в частности эсеровских настроений. Поэтому надо их знать, почему они были революционными, почему когда-то носили двой-

ственный характер, о чем в свое время против Струве писал Ленин, и почему они теперь реакционны.

При изучении тех явлений, которые привели к развитию современного европейского общества, в частности и СССР, давая параллельно теоретическое обоснование движущих сил европейского общества, русского общества (до 1917 г.) или нашего союзного общества, мы поможем созданию ясного и четкого представления об этих силах у каждого из слушателей, из участников нашего семинария. А это и является основной задачей вузовского преподавания. Тогда при дальнейшей педагогической работе каждый окончивший социально-экономический вуз будет в состоянии разобраться в том материале, который он будет преподавать своим ученикам, сможет научить их конкретному анализу исторических явлений и определенной их расстановке. Вот, по существу, та установка на материал, с одной стороны, с другой стороны,—на метод прохождения этого материала, которую, мне думается, нам нужно будет наметить в общих линиях. А уже затем в зависимости от конкретных заданий данного вуза мы сможем поставить вопрос о том, как изучать русскую, английскую историю и т. д. Здесь мы должны помнить то положение, которое в свое время высказал хорошо М. Н. Покровский в своей статье о Марксе. По его словам, Маркс в ряде исторических работ (статья М. Н. Покровского посвящена юбилею Маркса в 1918 г.) показал, как возможен эксперимент в истории. Как раз исторические работы Маркса были основаны, с одной стороны, на пристальном изучении прошлого, которое привело к 48 г., а затем на анализе той классовой борьбы, которая проявилась в революции 1848 г., что вместе и давало определенную линию развития и вытекающую отсюда тактику, т.-е. личный опыт. В результате получился такой исторический опыт, который имеет громадное значение для всех. И в самом деле. Три революции: революция 1905 г. и две революции 1917 г., которые мы пережили, ясно учат пониманию соотношения классов. Мы хорошо усвоили технику революции на основании нашего опыта, но эта техника стоит как большое задание для западно-европейских и восточных товарищей. Вот почему мы должны нашу русскую, западно-европейскую и восточную молодежь, которая попадет к нам в вузы, научить диалектике революционного действия, развития революции и т. д. Я думаю, что здесь мы должны с самого начала согласиться, что для нас интересен не кодекс Хамураби сам по себе, но гораздо интереснее проследить значение его для римского права; но даже этим мы ограничиться не можем. Если бы мы хотели заняться кодексом Хамураби, мы должны были бы углубиться в ту игру классовых сил, которая раскрывается перед нами специально в восточной деспотии, в результате чего и явился кодекс Хамураби. Любопытно отметить, что если у нас и есть в вузах история Востока, то только древнего (Ассирии, Вавилона и т. д.), и нет истории современного Востока. А думается, что современныйВосток (Китай, Индия, Турция) более важен как с политической, так и с иных точек зрения, чем древний Восток.

Подобно тому, как изучение химии начинается с изучения простейших элементов, и только затем переходят к синтетической химии, к химии различных неорганических или органических соединений, так же нужно строить и дело преподавания истории. Мы должны при изучении истории сперва вскрыть основные элементы общественной жизни, зачатки общественности, которые наблюдают на низких ступенях развития общества. Вот почему к чисто историческим дисциплинам мы должны присоединить те вопросы, которые связаны с доисторией и с историей первобытной культуры, с палеонтологией и этнологией. Строить новое общество, общество социалистическое, а потом коммунистическое без знания этих элементов человеческой культуры мы не можем. Затем мы должны брать родовое общество и далее феодальное общество, будь то Россия или западная Европа, потом совре-

менное капиталистическое общество, которое происходит из этого феодального общества, и, наконец, современнейшее общество, которое на наших глазах рождается из обломков и развалин старого капиталистического западно-европейского мира. Наконец, мы должны не забывать (и последние программы, которые приходилось просматривать, обращают внимание на это) отображение исторического процесса также и в литературных произведениях. Дело в том, что получается большой прорыв в смысле знания литературы (я говорю о художественной литературе), в смысле иллюстративного материала. Многие литературные произведения могут дать очень и очень большой материал для характеристики своей эпохи. «Война и Мир» Толстого дает нам материал не о войне 1812 г., а о быте и нравах барства 50—60-х г.г. прошлого века. Поэтому на 3—4 курсе должна быть введена история русской литературы. На первых порах приходится говорить о русской литературе, а когда будет поступать молодежь со знанием новых европейских языков, можно перейти и к западно-европейской литературе. Затем мы должны будем обратить внимание на то, чтобы изучение истории велось не с помощью переводов, а на подлинниках.

Наконец, мы должны заняться изучением диалектики изучения общественного развития, мы должны делать это, не впадая в голую абстракцию, но не должны впадать и в другую крайность—в описательный исторический метод, мы должны соблюдать диалектическое единство двух изолированных методов. Поэтому в ряду исторических дисциплин, которые мы должны поставить для изучения в вузах, мы должны поставить еще науку, которая, мне помнится, была в первоначальных программах 1918—19 г.г. и которая потом исчезла. Я говорю об истории мировоззрений. Нам надо представить, как шла историческая смена наивысших надстроечных форм. Я не говорю о том, что мы должны дать на основе конкретного материала, который проходит в истории, четкое и ясное представление об общей генеральной линии. Это даст теория исторического материализма. В данном случае мы должны дать общее и теоретическое обоснование нашего миросозерцания. Наконец, мы должны дать современное марксистское мировоззрение со всех точек зрения, охватывающееся понятием ленинизма. Об этих моментах я не буду говорить, это совершенно естественно. Вместе с тем нам следовало бы уточнить представление об истории партии. Если возьмем историю партии, то очень часто у нас история партии покрывает историю России, но это не одно и то же. Здесь нужно на фоне развития экономических отношений в России, на фоне политических столкновений классов дать сперва историю рабочего движения, затем дальнейшую стадию развития рабочего движения, соединенного с социализмом, т.-е. историю нашей партии. Таким образом мы бы получили тот комплекс явлений, изучение которых дало бы оканчивающим вузы, с одной стороны, определенную целевую установку, умение ориентироваться в сложной обстановке современности и передавать это своим ученикам, с другой стороны, мы должны дать определенные навыки научных методов изучения предмета. Я хорошо помню, как М. Н. Покровский на открытии Пролетарского университета в 1919 г. призывал товарищей (которые потом дали один из первых выпусков Свердловского университета) к тому, чтобы каждый из пролетариев студентов явился своего рода Колумбом, чтобы каждый из них открыл Америку; мне представляется, что это значит, что каждый из них должен быть маленьким научным работником. Пусть он не смущается, что Америки будет открывать давно открытые, или что они не будут такой большой частью света, как подлинная Америка. А важно и нужно, чтобы он умел действительно открывать и маленькие явления, умел комбинировать те факты и исторические данные, которые открываются в прошлом и в окружающей действительности. А это получится, если мы дадим историческую закалку, историческую школу нашим питомцам, которые будут оканчивать общественно-экономиче-

ские Вузы, если мы их научим правильному историческому методу. Они могут скатиться к струвизму, к вульгарному об'ективизму. С этим мы должны бороться. Мы не должны забывать того обстоятельства, что кроме об'ективного исторического момента существуют суб'ективные исторические моменты, т.-е. деятельность людей, в частности политических. Мы ставим перед собой задачу, которая может быть разрешена только диалектическим единством этих двух противоречий. Без разрешения диалектически этих двух противоречий мы будем уклоняться в одну сторону или в другую: либо попадем в сплошной об'ективизм, либо в сплошной суб'ективизм, скатывающийся в волюнтаризм и идеализм.

Если будем правильно производить анализ всех тех движущих сил, которые привели к развитию современного общества, в результате мы получим то, что наши питомцы, выходящие из вузов, в состоянии будут не только механически рассказывать о Парижской Коммуне, не только механически рассказать, что и как наблюдалось в 1905 г. вообще, но в состоянии своими знаниями, своим методом, оплодотворенными местным материалом, дать такую красочную, интересную картину, которая была в данной местности в 1905 г. Если посмотрите литературу, то увидите, что в отношении истории 1905 и 1917 г.г. еще много пробелов. Мы должны на это упирать и обратить большое внимание. Тогда из питомцев, которые выходят из вузов, мы получим большие кадры работников, которые сильно, массово двинут дело исторического знания у нас в Союзе. Я думаю, что без такого движения вперед исторического знания мы будем в конце концов топтаться на одном месте и в результате получится такое явление, какое сейчас мы имеем.

Сейчас при вступлении в вуз требуется знание конституции, экономической политики и затем политэкономии — 3 предметов. Никакой истории России не существует, истории Союза не существует, истории партии не существует. А в то же время, по словам товарищей-преподавателей, рабфаковцы перегружены историческим материалом. При отсутствии исторических знаний получаются диспропорциональность и неверное понимание значения того или другого фактора общественной жизни. Без правильной установки на историю, без правильной установки на историю общественной техники, мы попадаем в сплошной техницизм, который приводит к пресловутому районированию России, которое проделал при помощи математических выкладов проф. Александров, не учитывая естественно-географических условий, в результате чего план был отвергнут. Для того, чтобы бороться с подобным математизированием общественных явлений, необходимо еще до вузов дать определенную историческую затравку. В противном случае наши педагоги, которые будут преподавать на рабфаках, в школах второй ступени и других школах, иначе наша молодежь в вузах, будь то социально-экономические вузы, или втузы, будет во власти стихии сегодняшнего дня, а такой установкой мы далеко сдвинуться не сможем. Я помню, как М. Н. Покровский, на одном из первых заседаний общества Историков-Марксистов, указал на то, что его поражает, как у нас мало занимаются историей России, в то время как ленинизм, который занимает такое видное место, сплошь историчен. Вспомним спор Ленина и Плеханова о феодализме в России. Я думаю, что если мы дадим будущим школам второй ступени, или педтехникумам, или рабфакам педагогов, которые будут насыщены историческим мировоззрением, если им удастся передать это своим питомцам, они, поступив в социально-экономический вуз, во втуз, или в военное учебное заведение, этой исторической перспективы никогда не потеряют. А потеря исторической перспективы, по-моему, весьма чревата рядом политических ошибок, политических неправильностей, которые могут привести к роковым результатам. Поэтому я думаю, что нам нужно воспользоваться тем поворотом в пользу истории, который наблюдается, и закрепить положение истории, как нужной науки, и в

программу наших вузов поставить продуманный план. Я здесь делаю только абрис, набросок. Надо поставить задачу в дальнейшем, при конкретной разработке плана,—установить соотношения между об'емом изучения русской и западно-европейской истории, войдя в положение педагогов. В апреле, ежегодно, Главпрофобр в двухнедельный срок предлагает разработать новый план. Такой метод работы большим авторитетом не пользуется. За мою практику во 2-м МГУ прошло 7 планов за 4 года, и мы относимся к этому прохладно, думаем, что из этого ничего не выйдет. Поэтому одной из задач методической секции О-ва Историков-Марксистов является вопрос о составлении стандартного плана для исторического отделения будущего общественно-экономического высшего учебного заведения. Я здесь, повторяю, сделал только несколько наметок тех положений, которые при дальнейшем обсуждений в печати могут уточняться, и затем в результате дискуссии можно перейти к составлению конкретного плана и программ.

Л. П. Мамет

Преподавание истории в индустриально-технических вузах

В общественный минимум вузов входят два исторических курса: на I курсе— «История классовой борьбы в России и на Западе (XIX и XX в. в.) с вводной частью о материалистическом понимании истории» и на II курсе—«История ВКП и основы ленинизма в связи с историей революционного рабочего движения в России».

ГИЗ'ом издан «Сборник программ по общественному минимуму в Вузах», в котором приводятся программы и по интересующим нас курсам. Этот сборник рекомендован ГУС'ом лишь «в качестве справочного пособия». а примечание к программе по истории ВКП считает эту программу «ориентировочной». Так как вузы приняли этот сборник за основу и по нему работают, мы будем из него исходить.

Первый крупный недостаток, который бросается в глаза, это то, что программы для вузов ничем или почти ничем не отличаются от соответствующих программ для рабфаков—тот же охват материала, тот же об'ем и те же проблемы, подлежащие изучению. Основная литература для слушателей в той и другой программе рекомендуется одинаковая.

Чем вызвано это дублирование?

Если сравнить внимательно программы для вузов (и для рабфаков) с соответствующими программами для совпартшкол (см. «Программы для Совпартшкол II ст. по истории ВКП», издание Госиздата, и по истории классовой борьбы, изд. «Долой неграмотность»), то станет ясно, что они (программы для вузов) являются более или менее приближающейся копией совпартшкольских программ.

Бедой наших программ является то, что авторы их поступили по весьма распространенному в настоящее время рецепту—программы для совпартшкол «взяты за основу».

При этом не учтено, что целые задачи, удельный вес и роль истории на индустриально-техническом вузе совершенно иные, чем в совпартшколах.

Первым следствием из этого является несоответствие программ тому времени, которое отведено для истории учебными планами. Так, программа по истории классовой борьбы в совпартшколах рассчитана не менее чем на 280 учебных часов, на вузе мы имеем... 66 часов; на историю ВКП в совпартшколах отводится 300 часов, на вузе—54 часа.

В результате, либо материал, данный программой, полностью не прорабатывается, либо прорабатывается так поверхностно, что, пожалуй, лучше было бы совсем его не ставить.

Вторым следствием этого неправильного построения программ является ненужная и излишняя загрузка пролетарского студента.

Программы вуза повторяют программы рабфаков. По моим самым скромным подсчетам рабочий за 7 лет учебы (3 года на рабфаке и 4 года на вузе) не менее 5 раз изучает историю партии:

На 1-м году обучения «на рабфаке—в курсе политграмоты в отделе «Рабочее движение, социализм и революция в России» (см. «Программы для рабочих факультетов», книга I, 1924 г. стр. 12—14).

После этого студент получает передышку на год и на 3-м году рабфаковской учебы в курсе истории классовой борьбы снова изучает историю партии (см. «Программы для рабфаков», книга I, стр. 40—50).

По окончании рабфака студент переходит в вуз, где на втором курсе он опять вынужден взяться за историю партии. Помимо этого за 7 лет учебы студент-рабочий minimum раза 2 будет изучать историю партии в кружках сомообразования и партпросвещения.

И—что особенно нецелесообразно—это изучение идет все время по одним и тем же книгам, чуть ли не по одним и тем же страницам, с одним и тем же содержанием и охватом материала и все тем же сверхпожарным порядком (2—3 часа в неделю).

Пролетарского студента, и без того еле-еле дышащего от нагрузки, мы заставляем изучать по нескольку раз одно и то же, и притом изучать поверхностно. В результате у нашего студенчества вырабатываются удивительная историческая неграмотность, полнейшее отсутствие исторической перспективы и совершенное незнакомство даже с минимумом исторических фактов.

Мне пришлось присутствовать на докладе студента-активиста о революции 1905 г. Доклад был инструктивным для комсомольцев.

Докладчик развивал такую мысль: «До 1905 года нашей партии приходилось вести борьбу с экономизмом в лице группы «Освобождение Труда». Эту борьбу проводил Северный союз борьбы за освобождение рабочего народа».

Когда я выразил сомнения насчет экономизма группы «Освобождение Труда», товарищ меня успокоил тем, что во время войны Плеханов был изменником, а экономисты тоже были изменники. Значит, это одна компания.

Несколько слов о методах работы. Общественный минимум, при всей его важности, не является основным предметом в таких Вузах как МВТУ, МИИТ, Горная Академия и т. п. Думать о лабораторном изучении истории, как это имеет место в комвузах или совпартшколах, конечно, не приходится. Самыми распространенными методами являются поэтому лекции и семинарские занятия, и чаще всего—комбинация того и другого.

История в индустриально-технических вузах, как и весь общественный минимум, нуждается в реформе.

В первую очередь следует установить тот минимум исторических знаний, с которыми студент приходит в вуз тот минимум знаний, который он получает на рабфаке. Студент в стены вуза должен притти с определенным запасом исторических сведений, фактов, с определенной исторической перспективой. Эти знания должны даваться средней школой На этой базе можно уже в вузе «ввести в понимание русской революции и современной классовой борьбы в капиталистических странах, а с другой,—научить владеть методом исторического материализма и усвоить ленинское понимание революции» (из об'яснительной записки к программе по истории классовой борьбы для вузов).

Главное, программы для вузов должны быть составлены с установкой на те целевые задачи и на ту роль, которые принадлежат истории в индустриально-техническом вузе.

Уже после того, как настоящая статья была написана, вышло из печати официальное издание Главпрофобра—«Справочник для поступающих в высшие учебные заведения. Прием 1926 года».

К поступающим в индустр.-технич. вузы пред'являются требования по обществоведению по следующим разделам: 1. Основы советской конституции. 2. Экономическая политика сов. правительства. 3. Политэкономия.

По истории никаких требований не пред'является. Таким образом официально узаконено положение, что для поступления в вуз исторических знаний не нужно, и на долю вуза выпадает обучение тем элементарным сведениям, которые должна давать средняя школа. А рабфаковцы и впредь обречены «на повторение».

Необходимость пересмотра вопроса о преподавании истории становится более выпуклой.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ: М. В. Нечкина, И. Звавич, Е. А. Косминский, ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ: А. М. Васютинский, Шестаков. РЕЦЕНЗИИ: П. О. Горин, А. Н. Штраух, М. В. Нечкина, И. А. Рожков, Г. Б. Сандомирский, Ц. Фридлянд, П. Ф. Преображенский, Г. М. Пригоровский, Е. А. Косминский, А. З. Иоанниасиани, С. Л. Урсынович.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

СТОЛЕТИЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1825—1925 г.г.)

Подводить итоги юбилейной литературе восстания декабристов еще рано: юбилей в литературе запоздал. По обстоятельствам зависящим и независящим многие монографии, сборники материалов и статей, подчас популярные брошюры к самому юбилею не вышли и находятся в печати, иногда даже в процессе творчества. Но те шестьсот пятьдесят библиографических единиц, которые зарегистрировала уже юбилейная литература [1]), большое и, прибавим, неожиданное богатство, в котором необходимо разобраться. Размер моего очерка слишком мал для детального разбора каждой отдельной книги. Поставим этому очерку иную цель: д а т ь о б щ у ю картину юбилейной работы над декабристами, наметить бегло результаты ее по отдельным типам научного творчества. Конечно, это будет не окончательный, а, так сказать, постраничный итог. Через год перед нами перевернется еще несколько библиографических страниц, и наступит время конечных выводов о юбилее.

План этого очерка приблизительно согласован с логикой обычных этапов исторической работы—от источника к обобщению. Поэтому, в первую очередь, рассмотрим новые источники, опубликованные к юбилею восстания, затем исследования на основании документов, в число которых мы включим и монографии в виде отдельных книг, и статьи, разбросанные в разных журналах и сборниках. Третью группу составят общие обзоры декабризма, попытки дать новые общие концепции всего движения в целом. Четвертая группа—популярные очерки, брошюры, касающиеся как всего движения декабристов в целом, так и отдельных его вопросов. Педагогическая обработка восстания декабристов—пятая группа, в нее входят семинарии, хрестоматии, клубные обработки и пр. Библиография восстания—шестая группа. Об'ем работы не позволяет остановиться на художественном изображении декабрьского восстания.

Источники.

Архивы, хранящие в себе дела декабристов, долгое время были почти недоступны исследователю. Царское правительство изредка и с большим разбором допускало к ним историков. Документальная неосведомленность—причина бедности монографической разработки декабризма, многочисленных пробелов и ошибок в нашем представлении о нем.

Основной вклад юбилейной литературы в публикацию источников—монументальное издание Центрархива «Материалы по истории восстания декабристов» под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Как известно, основное документальное наследие декабристов—материал следствия и суда, который распадается на различные группы документов, например, на дела, касающиеся учреждения следственной комиссии, порядка ее делопроизводства, содержания арестованных декабристов и т. д. Основные группы—личные следственные дела членов Северного Общества, Южного Общества и Общества Соединенных Славян. Несмотря на то, что они не являются первыми по описи дел, составленной Павловым-Сильванским, Центрархив совершенно правильно решил начать издание именно с них, как с основных источников для изучения декабрьского восстания. К сожалению, к первому тому издания не приложено сообщения о его плане, но, вероятно, это будет сделано в следующих томах. Первый том содержит «следственные дела о преступниках, принадлежащих к Северному тайному Обществу», а именно дело кн. Трубецкого (№ 333), Рылеева (№ 334), кн. Оболенского (№ 335), Никиты Муравьева (№ 336), Каховского

---

[1]) Настоящая статья написана в феврале—марте 1926 г. и, естественно, захватила лишь вышедшую по март литературу. Благодарю Н. М. Ченцова, собравшего полную библиографию декабристов, за указания литературы для настоящего обзора. Юбилейная литература, не захваченная этим обзором, будет рецензирована в ближайших номерах „Историка-Марксиста“.

(№ 337), кн. Щепкина-Ростовского (№ 338), Александра Бестужева (№ 339) и Михаила Бестужева (№ 340). Полностью эти дела печатаются впервые по подлинникам с соблюдением орфографии. Нечего распространяться об огромной важности издания этих дел: она подробно выяснена М. Н. Покровским в предисловии к первому тому. Они дают возможность начать детальное исследование Северного Общества, выясняют внутреннюю борьбу течений, в нем зародившуюся, отношение северян к Южному Обществу, дают материал исследования о тактике восстания 14 декабря и некоторые штрихи отношений декабристов к солдатам и народным массам. Много новых проблем исследования, вызываемых этим томом материалов, формулированы М. Н. Покровским во вводной статье. Очень ценны исследования старого архивного работника А. Покровского «Следствие над декабристами» и «Следственные дела декабристов», приложенные к первому тому: в первой из них подробно излагается фактическая сторона организации следствия, во второй дается тщательное архивное описание помещенных в томе дел. В других томах, отчасти находящихся уже в наборе, будут изданы следующие по порядку личные дела членов Северного Общества, дела членов Южного Общества (П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина), первая часть дел Общества Соединенных Славян, куда войдут дела Петра и Андрея Борисовых, В. Бечасного, Я. Андреева, М. Спиридова и др. Особый том будет посвящен материалам по восстанию Черниговского полка, другой—«Русской Правде» Пестеля, точный, сверенный с подлинником текст которой появится впервые. Пока, кроме первого тома, из печати вышел лишь VIII том материалов—«Алфавит декабристов» под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, распадающийся на три части: первая—подлинный текст «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17 декабря 1825 года Следственною Комиссиею», составленного в 1827 г. А. Д. Боровковым, правителем дел Следственной Комиссии, для Николая I. Боровков, прекрасно знавший следственный материал, дал краткие сведения о каждом декабристе и о лицах, так или иначе затронутых делом. В «Алфавите» Боровкова, несмотря на его полноту, все же пропущены некоторые декабристы, связанные с восстанием Черниговского полка, и декабристы—члены Общества Военных Друзей: и те и другие судились не в Петербурге и не были так хорошо известны Боровкову. Поэтому издатели к полному тексту «Алфавита» присоединили в качестве приложения сведения об этих лицах и дополнения из дел III отделения, касающиеся Непенина, Горского, Галямина, Усовского, Луцкого и Поветкина. Третью часть VIII тома составляет ценнейший «указатель». Под этим скромным названием скрывается большая самостоятельная работа по первоисточникам: сведения Боровкова доведены лишь до момента суда включительно, указатель же, наряду с дополнениями к периоду, захватываемому Боровковым, дает подробные сведения о времени каторги или ссылки, доводя чаще всего до амнистии и смерти. Основной упрек, который можно сделать этому ценнейшему пособию для изучения декабристов, это несоблюдение орфографии подлинника. Кроме нарушения общего впечатления, это затрудняет справки по тексту Боровкова: видя новое правописание, не сразу догадаешься, что искать Белавина и Белозора надо после Быстрицкого. В указателе, несмотря на большую его точность, встречаются ошибки: иногда неверно указан год рождения декабриста и через это искажен его возраст: составители руководствовались годом, проставленным в формуляре, а не возрастом, который указывает в показаниях сам декабрист, между тем, доверять лучше последнему указанию, так как в формуляре возраст часто старше действительного для большего удобства записи малолетнего дворянина в лествицу чинов. Так, например, декабрист Лисовский, по формуляру и по «Указателю» Алфавита, родился в 1799 году, в действительности же ему к моменту следствия (1826 год) шел 23-й год; того же возраста к моменту следствия был декабрист Громнитский, а по «Указателю» он родился в 1798 году. Таких примеров несколько. И. Сухинов был сослан в Зерентуйский, а не Заратуйский рудник; А. Фурман был членом не Южного Общества, а Общества Соединенных Славян, а А. Шахирев к моменту следствия уже не был поручиком Черниговского полка. Декабристы Трусов и Троцкий в «Алфавите» пропущены. Жаль, что в предисловии редакторов классификация декабристов по служебному положению выдается за «сословный или классовый состав» (стр. 14): выделение рубрики «военных», «гражданских чиновников» и т. д. классовой принадлежности не характеризует. Но все эти мелкие недочеты не уничтожают огромного значения VIII тома материалов для всех исследователей декабризма.

Много новых материалов впервые опубликовано в сборнике всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев «Декабристы». Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. М. 1925. Группа документов, ка-

сающихся восстания Черниговского полка, содержит бумаги командира Кременчугского пехотного полка полковника П. А. Набокова и донесения на имя начальника 25 пехотной дивизии ген.-лейт. Ф. Г. Гогеля. Б. Модзалевский публикует интересное донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов, приписываемое им перу С. И. Висковетого, одного из агентов управляющего III отделения М. Я. Фон-Фока. Проблема отношения современного общества к декабристам приобретает особую важность в теперешнем направлении их изучения: среда, окружавшая декабристов, и ее отклик на восстание не менее интересны, чем сами его участники, поэтому все документы, освещающие этот вопрос, особо ценны. Тут же опубликована записка М. Я. Фон-Фока о «Донесении Следственной Комиссии», составленном Д. Н. Блудовым. В отделе «Отзвуки декабрьских событий 1825 года в Новороссии» опубликованы Ю. Г. Оксманом новые документы о поимке декабриста И. И. Сухинова, бежавшего с поля столкновения восставшего Черниговского полка с правительственными войсками, письмо мещанина В. И. Сухачева, организатора тайного общества Независимых в Одессе в начале 20 годов, к гр. М. С. Воронцову, несколько писем декабриста И. Ринкевича и новые документы о А. А. Бестужеве. В отделе «Каторга и поселение» Б. Л. Модзалевский опубликовал донесения сенатора князя Б. А. Куракина о декабристах на пути в Сибирь и неизвестный еще отрывок из дневника бар. В. И. Штейнгеля о переходе декабристов из Читы в Петровский Завод. В отделе «Писания и письма декабристов» помещены три письма В. К. Кюхельбекера к Е. П. Оболенскому периода 1839—1841 года, письмо члена Южного Общества С. Г. Краснокутского,—но не единственное дошедшее до нас письмо этого декабриста,—как уверяет Оксман, относящееся к 1840 г. и рисующее совершенно сломленного ссылкой, болезнью и нуждой человека; там же С. Шестериковым опубликована записка Г. С. Батенькова о Сперанском, написанная им по просьбе молодого профессора-юриста Казанского университета, С. В. Пахмана, собиравшегося писать биографию Сперанского, она относится к 1854 г., дополняет небогатые документальные данные об отношениях декабристов и Сперанского. Замечания декабриста бар. В. И. Штейнгеля на воспоминания Е. П. Оболенского о Рылееве, написанные первым в 1851 г. в Петербурге, ценным, как свидетельство лица, близко знавшего Рылеева, и исправляют много фактических неточностей положения Оболенского. В статье Ю. Оксмана «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок» приведено интересное для характеристики декабриста письмо его (1882) к гр. Н. Г. Игнатьеву, тогдашнему министру внутренних дел, с просьбой о разрешении опубликовать полный текст «Записок» без цензурных из'ятий. Письма Ф. Ф. Вадковского к Е. П. Оболенскому (1839—1840), А. Якубовича к О. А. Лепарскому (1838) и Е. П. Оболенского к Кашкиным (1825 и 1858—1864 годов) помещены там же.

Издательство «Былое» выпустило юбилейный сборник «Бунт декабристов» (п. ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева, Лнгр.). В нем опубликованы материалы из архива Юшневского (В. М. Базилевичем), рапорт деж. генерала 2 армии ген.-майора Байкова главнокомандующему гр. Витгенштейну (от 7 сент. 1826 г.) с массой деталей об аресте П. И. Пестеля (публикация А. В. Шебалова), интересный человеческий документ—переписка С. Г. Волконского с женою и с тестем по поводу решения М. Н. Волконской следовать за мужем в Сибирь (публикация Б. Л. Модзалевского), письма М. А. и Н. А. Бестужевых с Петровского Завода (публикация И. Троцкого)—важный документ литературных мнений того времени—и письмо А. О. Корниловича из Петропавловской крепости (публ. А. Г. Грум-Гржимайло).

Юбилейные номера исторических журналов опубликовали много ценных документов. В «Былом» (№ 5 (33), 1925) интересны документы из архива К. Ф. Рылеева, публикуемые Б. Л. Модзалевским, И. В. Измайловым, П. Н. Корелиным—письма к матери, семейные бумаги, письма Е. И. Малютиной к Рылееву; они дают много ценного для характеристики обстановки, окружавшей декабриста, его материального положения и настроений, а роман его с Малютиной неожиданно изменяет обычное представление о нем, как о любящем муже и отце. Не так интересно письмо М. Ф. Орлова к кн. Н. Б. Юсупову с предложением продать последнему имение (опубликовано Н. П. Кашиным). Несравненен материал М. Шкапской—«Семинарист о событиях 14 декабря»,—отрывки из дневника обывателя—семинариста Владимирской на Клязьме семинарии за 1826 г. Много новых документов сообщено в отделе «Декабристы на каторге и в ссылке». М. К. Азадовский печатает под заглавием «Загадочный документ» письмо некоего Ивана Бушуева, хранящееся в Читинском краевом музее имени А. К. Кузнецова; оно было замуровано в стене Акатуевского рудника и найдено в 1883 при постройке новой тюрьмы; Азадовский полагает, что этот документ—письмо к И. И. Сухинову с предупреждением о наказании кнутом и клеймении, которые грозили ему за организацию заговора в Зерентуйском руднике. Но не вполне убедительный ком-

ментарий, не об'ясняющий, между прочим, почему письмо найдено в Акатуе, оставляет вопрос открытым. Там же даны письма А. А. Бестужева из Якутска к его братьям Петру и Павлу и А. И. Вегелина, новые данные о высылке Д. И. Завалишина из Читы. Историко-революционный вестник «Каторга и ссылка» начал публикацию документов до юбилейного номера, поместив, например, письмо И. И. Горбачевского к Н. П. Оболенской (сообщ. Б. Е. Сыроечковский), характеризующее отношение декабристов к крестьянской реформе 1861 года в № 1/14 за 1925 г. В юбилейном же номере журнала (№ 8 (21), 1925) преобладают статьи, о которых будет сказано ниже, но в отделе «Из далекой старины» сообщается в выдержках много интересных архивных мелочей, рисующих настроения современного декабристам общества: тут и преступление рабочего Н. Рогожкина, дерзновенно рассказывавшего в 1826 году на ситцевой фабрике Посылина о событиях 14 декабря, и признание пьяного губернского секретаря Константина Викентьева о его приверженности Константину (1826 г.) и «нелепые слухи о революции», распускавшиеся дьячком села Вязем Василием Николаевым и гостем его, отпущенным на волю дворовым человеком (1826), рассказы унтера Медведева и рядового Куртикова (1826), выдержка из письма англичанина Ален Стевендона (1827), полагающего, что знакомство с российским деспотизмом—лучшее «лекарство против безрассудного торизма» и т. д. Юбилейный номер «Красного Архива» запоздал и до сих пор не вышел из печати, но в нем будут публикации исключительной ценности: «Государственный Завет» П. И. Пестеля, политико-экономический трактат того же декабриста «Принципы политической экономии» (1817—1819 г.г.), проливающий неожиданный свет на экономические воззрения Пестеля, новые документы о восстании Черниговского полка, богатый материал о заговоре И. И. Сухинова в Зерентуйском руднике, доселе темном и неисследованном.

Много неопубликованных документов в сибирских юбилейных изданиях. В сборнике «Сибирь и декабристы» под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева и Б. К. Кубалова (изд. Иркутского Губисполкома, 1925) первое место по значению принадлежит коллекции писем декабристов, собранной Б. Г. Кубаловым, много сделавшим для изучения сибирского периода их жизни. В коллекции—письма Н. Анненкова, П. и А. Беляевых, М. Бестужева, П. Борисова, Ф. Вадковского, А. Веденяпина, П. Громницкого. К. Игельстрома, В. Колесникова, С. Краснокутского, М. Лунина, П. Муханова. Е. Оболенского, М. Спиридова, И. Шимкова и А. Якубовича. Опубликованный материал—лишь часть собранного Б. Г. Кубаловым. Чрезвычайно важна публикация описи дел о декабристах, находящихся в Иркутском Губернском Архивном Бюро; основная масса этих дел взята из архива генерал-губернатора Восточной Сибири и архива Нерчинской каторги. Опись составлена Б. Г. Кубаловым и остается только пожелать, чтобы описи других хранилищ, содержащих документы о декабристах, как можно скорее увидели свет, без этого невозможна планомерная работа изучения декабрьского восстания. В этом же сборнике А. Азадовским сообщены любопытные замечания бар. Штейнгеля на статьи о Сибири в Энциклопедическом лексиконе, адресованные декабристом в редакцию «Северной Пчелы»; этот документ характеризует наблюдательность Штейнгеля и знакомство его с Сибирью.

В сборнике Забайкальского Отдела Государственного Географического О-ва и Читинского Госуд. Областного музея «Декабристы в Забайкалье» под ред. А. В. Харчевникова (Чита, 1925) опубликовано письмо А. Поджио к А. Фролову, переписанное М. Волконской, материалы из архива Петровского Завода, документы о высылке Д. Завалишина из Читы, опись книг декабристов, хранящихся в Читинском музее.

Исключительной ценности материал о сибирском периоде собран в книге «Декабристы на поселении» из архива Якушкиных, приготовленный к печати и комментированный внуком декабриста Е. Якушкиным (изд. М. и С. Сабашниковых, 1926), он содержит интереснейшее большое письмо Е. И. Якушкина к жене из Сибири в 1855 г., где описываются встречи с декабристами, обширную переписку декабристов (письма Волконского, Пущина, Вадковского, Оболенского, Басаргина, Якушкина, Бобрищева-Пушкина) и тетрадку петрашевца Ф. Г. Толя с записями рассказов декабристов. Эти документы важны не только для историка сибирского периода жизни декабристов, но и для каждого исследователя их эпохи в целом: там есть сведения о восстании 14 декабря, о Пестеле, Лукине, Сперанском. Аракчееве, Пушкине. Комментарий такого знатока, как Е. Е. Якушкин незаменим. К сборнику приложено краткое описание архива Якушкиных, выполненное С. В. Бахрушиным.

Одной из первых вестниц юбилея была работа С. Я. Штрайха, где собраны писания И. И. Пущина—Записки о Пушкине и письма из Сибири. Эта работа была приготовлена уже в 1918 г., но увидела свет лишь теперь, в издательстве Всесоюзного Общества б. политкаторжан и ссыльно-поселенцев (М. 1925). Основное в ней—записки Пущина о Пушкине; использованы письма Пущина, хранящиеся в Пушкин-

ском Доме, собрание писем, принадлежащее К. Я. Гроту. Документам предпослан обширный биографический очерк Пущина, составленный Штрайхом.

Важно, что к юбилею переизданы некоторые мемуары, чрезвычайно ценные, как источник для изучения декабризма и давно ставшие библиографической редкостью. Укажем на 7-е дополненное и исправленное издание «Записок» И. Д. Якушкина (К-во «Современные Проблемы». Н. А. Столяр, Москва, 1926. Б-ка декабристов); в издании восстановлены цензурные пропуски издания 1905 г., рукопись проверена Е. Е. Якушкиным, внуком декабриста, по подлиннику, даны пояснения некоторых мест. Очень ценны приложения—сводка показаний Якушкина, сделанная по следственному делу А. Д. Боровковым, письмо Якушкина к Николаю I (из дела Муханова) и записка Н. Д. Фонвизиной к Якушкину, относящаяся, вероятно, к 1830 году. Большое значение этого издания увеличивается сверкой текста и восстановлением пропусков,—оно станет незаменимым источником для изучения идеологии декабризма вообще и в частности—Северного Общества. Так же важно переиздание записок и писем декабриста И. И. Горбачевского (под ред. Б. Е. Сыроечковского, Кн-во «Современные Проблемы» Н. А. Столяр, Москва, 1925 г.). Первое издание 1916 г. давно стало редкостью, а огромная важность этих записок, как источника, признана всеми. Это—единственный мемуарный источник для изучения Общества Соединенных Славян, наименее освещенного течения декабризма. Чрезвычайно ценны приложенные к запискам многочисленные письма Горбачевского, некоторые из них опубликовываются впервые. Очерк о И. И. Сухинове, входивший в первое издание «Записок», во второе не вошел, так как редактор признал его принадлежащим перу декабриста бар. В. Соловьева, а не Горбачевского.

Кое-что из новых, еще неопубликованных материалов имеется в хрестоматии К. Раткевич «Первые борцы против самодержавия» (Изд-во «Прибой» Лнгр. 1925), о которой речь пойдет ниже. В ней встречаются документы, извлеченные, главным образом, из копий акад. Дубровина, хранящихся в рукописн. отделении библиотеки Академии Наук. Будут опубликованы новые документы и в «Хрестоматии», составленной Ю. Г. Оксманом (изд. Центрархива), пока еще не появившейся в печати.

Необходимо упомянуть о двух источниках, изданных за рубежом: дипломатическая переписка иностранных послов с их дворами (французским, австрийским)—незаменимый источник для изучения политики Николая I в вопросе декабристов по отношению к иностранным державам, и письма родителей и сестры П. И. Пестеля к их соседям по имению Колечицким и отрывок из дневника Колечицкой, по которым можно восстановить быт семьи Пестеля. Все это опубликовано по-французски в журнале „Le Monde Slave" 1925 декабр. кн., 1926 январ. и февральск.). На русском языке та же переписка семьи Пестеля опубликована в журнале «Воля России» 1925, XII (в статье А. Ремизова «Россия в письменах. Живая жизнь. Письма Пестелей 1824—27»).

Предвосхищая выводы всего обзора юбилейной литературы, скажем сейчас, что большое количество вновь опубликованных документов о декабристах и переиздание некоторых старых—самый важный результат юбилея. Документы касаются самых различных сторон: они освещают и корни движения и идеологию декабристских обществ, дают много нового об обстановке, окружавшей декабристов, дополняют биографический материал. После знакомства с юбилейной литературой документов, обогащается и изменяется обычное представление о вождях декабристов—П. И. Пестеле, К. Ф. Рылееве, С. Трубецком, Е. П. Оболенском. Масса нового, главным образом, эпистолярного материала дано о сибирском периоде жизни декабристов. В новом свете предстает перед нами окружавшее декабристов общество, и мелкие сведения об отношении к ним разных лиц—от крестьянина Николая Рогожкина до Владимирского семинариста—слагаются в общую картину, дающую ответ на вопрос—были ли декабристы в свое время одиноки или нет? Нельзя указать буквально ни одной области декабризма без новых документов, а, следовательно, и ни одного труда о декабристах до юбилея, который сейчас не устарел бы всецело или отчасти. Пожалуй, только монументальный труд В. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» до сих пор не потерял своего значения.

Исследования—монографии, статьи

Экономика эпохи декабристов исследована в двух статьях. Б. Д. Греков посвятил ей прекрасную работу «Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов» («Бунт декабристов». Изд. «Былое» 1925); в ней дан анализ развивающихся промышленно-капиталистических отношений в оболочке отживающего крепостничества на основе изучения большого количества конкретного материала,—например, имения декабриста Лунина. К сожалению, об'ем статьи не дал автору возможности подробно развить некоторые ценные мысли,—например, о разнице хозяйственных типов северных и южных имений той поры, о процессах

крестьянской и дворянской дифференциации. Необходимо, чтобы автор дал более обширное исследование на ту же тему. Н. Л. Рубинштейн в статье «Экономическое развитие России в начале XIX века, как основа движения декабристов» («Каторга и ссылка», № 8(21), 1925) высказывает парадоксальную мысль, что молодой русский капитализм вырастает из крестьянской мастерской XVIII века и декабристы в своей программе отражают интересы именно этого развития, интересы русского «крестьянского капитализма». Интересные, но маловероятные домыслы Рубинштейна изложены им почти аподиктически, с недостаточным аппаратом доказательств, поэтому полемика с ним чрезмерно облегчена. Будем ждать более подробного изложения его мыслей для возможности их последовательной критики.

Работ, исследующих идеологию декабристов в целом, чрезвычайно много, но все они относятся к типу газетных статей, которых мы не можем касаться в общем обзоре. Наиболее крупные из журнальных статей этого типа—работы проф. А. Е. Преснякова «Мотивы реальной политики в движении декабристов» («Бунт декабристов», Лнгр., 1925) и «Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов» («Каторга и ссылка» № 8 (21), 1925). В обеих подчеркивается тесная связь декабристов с окружающей их действительностью, продиктовавшей им программу их политических требований, обе живо написаны, но по существу нового не дают. К тому же разряду относится статья М. Муравьева «Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты», интересная по избранной теме, но чего-либо нового в понимание идеологии декабристов не вносящая («Тайные общества в России в начале XIX столетия, сборник материалов, статей и воспоминаний». изд. Всесоюзн. О-ва политкаторжан, М. 1926). Е. Тарле дал блестящую статью «Военная революция на западе Европы и декабристы» («Каторга и ссылка», № 8 (21) 1925), где выясняет влияние на декабристов испанской революции 1820 г.—эта тема давно назрела.

Есть работы, посвященные Северному Обществу. Два исследователя положили много труда для восстановления фактической ткани событий восстания 14 декабря на Сенатской пощади—Е. Пресняков в статье «Восстание декабристов» («Былое» № 5(33), 1925) и Е. Сказин в очерке «14 декабря 1825 г.», («Каторга и ссылка» № 8 (21), 1925 [1]). Детали выводов у обоих авторов не совпали, различны и общие концепции восстания: у Преснякова—понимание восстания, как классового явления по существу, на широком фоне современных общественных отношений; Сказин же—во власти либеральной концепции декабризма; несмотря на усилия дать марксистское толкование, ему не удалось связать его с эпохой, он ушел в исследование фактических деталей и тактики восстания, своеобразно им понимаемой, но по причине малого об'ема работы это своеобразие понимания не вполне раскрыто. В монографии Е. Преснякова «14 декабря» (изд. Центрархива), печатание которой заканчивается, будет дана широкая картина северного восстания и подробный анализ его причин. Н. В. Егоров в книжке «Моряки-декабристы» (Редакционно-издательский отдел В.-Морских сил РККФ. Л. 1925) использует кое-какие ценные неопубликованные материалы об участии матросов в декабрьском восстании. Две интересные работы посвящены выдающимся членам Северного Общества—С. Трубецкому и П. Каховскому. Н. Ф. Лавров в статье «Диктатор 14-го декабря» преследует цель реабилитации С. Трубецкого и, тщательно собрав документальный материал, выясняет его огромную роль в Северном Обществе; поведение же «диктатора» во время восстания об'ясняет тем, что Трубецкой видел, что заранее им выработанный план восстания не проводится в жизнь. Статья хорошо написана, но все ли моменты поведения Трубецкого так важны, как кажется автору? Стоит ли посвящать несколько страниц вопросу, стоял ли Трубецкой на коленях перед Николаем I или нет. Б. Л. Модзалевский исследует неожиданный человеческий документ, до нас дошедший, в книжке «Роман декабриста Каховского, казненного 13 июля 1826 г.» (Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР, Госиздат, Ленинград, 1926); письма Софьи Мих. Салтыковой, в которую Каховский был влюблен, к подруге открывают нам совершенно новую сторону жизни декабриста, правда, только одну сторону.

К сожалению, о Южном Обществе декабристов не дано ни одной общей работы. и оно вновь остается в тени, хотя необходимость его изучения давно назрела. Большинство статей, ему посвященных, касаются отдельных эпизодов или личностей. И. Троцкий дал статью «Ликвидация Тульчинской управы Южного Общества» («Былое», № 5 (33) 1925), в которой подробно рассказывает, отчасти пользуясь неопубликованными материалами, о доносе Майбороды. Я. Д. Баум дает ничего не дающую статейку «Бердичевский еврей Давыдко Лошак и полковник Пестель», («Каторга и ссылка» № 8 (21) 1925). основная мысль которой та, что, собственно, до тайного общества Давыдко никакого касания не имел. Специаль-

[1]) Более подробно изложены его выводы в брошюре „Восстание 14 декабря 1825 года“. Московский Рабочий, М.-Л. 1925 г.

но восстанию Черниговского полка посвящена пока только одна статья (М. Нечкина—«Восстание Черниговского полка», «Кат. и ссылка» № 8 (21) 1925), уже возбудившая полемику в печати; М. Нечкина анализирует внутреннюю жизнь восстания, подчеркивает в нем огромную роль членов общества Соединенных Славян и полагает, что в восстании была внутренняя борьба между славянами и С. Муравьевым. Только одна статья имеет темой личную характеристику члена Южного Общества. М. Муравьев написал любопытный биографический очерк Артамона Муравьева («Декабрист Артамон Захарович Муравьев», сборник «Тайные общества в России в начале XIX столетия» М. 1926). В центре статьи—более чем спорное утверждение, что Арт. Муравьев покушался на жизнь имп. Александра I, покушение это не удалось, что повлияло на дальнейшее поведение декабриста, которое все-таки остается поведением изменника, несмотря на все старания автора. Жаль, что личные следственные дела Арт. Муравьева и ротмистра Семичева, а также Бестужева-Рюмина и Сергея Муравьева остались автору неизвестны: они во многом изменили бы его точку зрения.

Обществу Соединенных Славян пока посвящена лишь статья М. В. Нечкиной («Общество Соединенных Славян» в журнале «Историк-Марксист», № 1, 1926). Скоро выйдет из печати монография того же автора на ту же тему. По выводам автора—славяне представляют собой совершенно самостоятельную струю среди декабристов; они—предшественники русских революционеров-разночинцев, с своеобразной идеологией, отчасти имеющей польское происхождение, и с горячей преданностью революции. Подчеркивается их отличие от Южного Общества декабристов, с которым они слились. Работа выполнена на основании почти неисследованных ранее архивных материалов.

Лишь одна статья отчасти посвящена следствию и суду над декабристами, и то взятым с довольно неожиданной точки зрения; И. Покровский выясняет «расходы государственного казначейства на «декабристов», начиная с первых арестов и кончая Сибирью, но, к сожалению, не подводит итогов, и я не могу удивить читателя обзора общей сводной цифрой этих расходов

Зато повезло Сибири. Общая статья дана С. Я. Штрайхом «Декабристы на каторге и в ссылке» («Каторга и ссылка», № 8 (21), 1925). Она не дает ничего нового, но общая сводка-схема о пребывании декабристов в Сибири литературе нужна. Самое же ценное по этому вопросу дано сибиряками, горячо откликнувшимися на юбилей. На первом месте тут стоят тщательные работы Б. Г. Кубалова, не пожалевшего времени на кропотливейшие архивные изыскания. Его сборник «Декабристы в Восточной Сибири» (изд. Иркутского Губ. Арх. Бюро 1925) основан преимущественно на неопубликованном ранее материале сибирских архивов. Он содержит статьи о декабристах в Иркутске и на ближайших к нему заводах и в Якутской области, исследует вопрос об отношениях декабристов и крестьян Восточной Сибири и о полузабытых, к сожалению, историками декабризма, членах Общества Военных Друзей на каторге и поселении, о декабристах и амнистии, о Лунине и забытом декабристе А. Н. Луцком. Столь же ценен сборник «Сибирь и декабристы» под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева и Б. Г. Кубалова (изд. Иркутского Губисполкома, 1925), где опубликованы важные документы, о которых шла речь в первом разделе нашего обзора. Из его статей наиболее интересны статьи Б. И. Кубалова (об отношениях декабристов и крестьян, см. предыд. сборник), молодой исследовательницы Веры Дербиной «Декабрист Веденяпин (Апполон) в Сибири», Ф. Кудрявцева «Первый декабрист В. Ф. Раевский в Олонках» и М. Азадовского «Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири»[1]). Все они основаны на неопубликованном архивном материале. Сибиряки разыскали много могил декабристов, записали живое предание о них от старожил. К чести сибиряков надо прибавить, что они сумели издать сборники к юбилею, не в обиду будь сказано нашим центральным «европейским» издательствам, которые закончат свою юбилейную программу, вероятно, года через два. Статьи сибирского сборника «Декабристы в Забайкалье» под ред. А. В. Харчевникова (Чита, 1925) менее ценны, чем предыдущих сборников, но сослужат службу будущему исследователю сибирского периода жизни декабристов,—наиболее интересна в нем статья А. Эпова «Декабристы в Забайкалье». Необходимо еще указать III том 2-й вып. Ежегодника Музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске—«Декабристы в Минусинском округе» (Минусинск, 1925), где помещены статьи В. А. Вотин - Быстрянского «Политическая ссылка в Минусинске» и две статьи А. Н. Косованова «Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова» и «Новые страницы из жизни минусинских декабристов», все они основаны на неизвестном еще материале. Книжка д-ра Беляевского «Декабристы в Забайкалье» (Сретенск, 1926) основана на материале, уже опубликованном ранее. Неожиданна тема работы С. Я. Штрайха «Провокация среди де-

---

[1]) Той же теме посвящена небольшая работа М. Азадовского „Н. Бестужев—этнограф". ВСОРГО, 1925.

кабристов. Самозванец Медокс на Петровском заводе». (По неизданным материалам. Из-во «Московский Рабочий», 1925). В ней рассказана история авантюриста Медокса, выдумавшего несуществовавший заговор среди декабристов в Сибири и некоторое время обманывавшего Николая и III отделение. Собственно «провокации» в этой книжке никакой нет. Декабристов вся эта история очень мало характеризует, любопытна сама личность Медокса. Собственно, к рассказам о сибирской жизни декабристов относится и книжка О. Булановой (изд. «Кат. и ссылка», 1925), в основном известная ранее юбилея, «Роман декабриста», где рассказана история отношений декабриста Ивашева и его жены ур. Le Dantu. книга эта интересна лишь как история одной семьи, характеризует отчасти быт декабристов. Женам декабристов посвящена прочувствованная статья В. Н. Фигнер «Жены декабристов» («Каторга и ссылка», № 8 (21) 1925) и работа С. Чернова «Жены декабристов в Благодатске» (сборник «Тайные общества...» М., 1926), чего-либо нового они не дают, основаны на известном материале. Неправильна и не доказана мысль С. Чернова, что М. Н. Волконская была «сплавлена мужниною семьей в Сибирь».

Отрадно отметить, что юбилей дал много работ об обществе эпохи декабристов, об отношении различных социальных слоев к восстанию. С этой точки зрения эпоху подготовки восстания характеризует С. Чернов. В его блестящей статье «Из истории солдатских настроений в начале 20 годов» («Бунт декабристов», Лнгр., 1926) собран и умело исследован богатый архивный материал о настроениях солдатской массы в связи с волнениями Семеновского полка, глубоко ее захватившими. В. Петров и Б. Кубалов в двух различных по выводам статьях исследуют «Тайное общество», открытое в Астрахани в 1822 г., главным деятелем которого был А. Л. Кучевский (сборник «Тайные Общества...» М., 1926). Спор идет о том, можно ли причислить это общество к движению декабристов. Кубалов стоит на той точке зрения, что не будь оно открыто раньше, мы имели бы астраханских декабристов. К. В. Кудряшов изучает «Народную молву о декабрьских событиях. 1826 г.». («Бунт декабристов», 1926) привлекая неисследованные архивные материалы, автор приходит к правильному и ценному выводу, что слухи о декабристах в среде дворовых, крепостных и рядовых солдат питались надеждой на «волю». Обширнее и богаче материал у В. Генцовой-Берниковой в ее работе «Крестьянские волнения 1826 года (по материалам военно-исторической секции Центроархива, сборник «Тайные общества» М. 1926). Хорошая статья М. Балабанова «Народные массы и движение декабристов» (Красная Новь, кн. 3 1926) дает тщательную сводку уже опубликованного ранее материала. Две работы посвящены откликам Западной Европы на восстание декабристов. Прекрасный анализ И. Звавича в статье «Восстание 14 декабря и английское общественное мнение» (Печать и Революция 1925, кн. 8), где прослежено даже колебание курса русских ценных бумаг под влиянием декабрьских событий. Много ждешь от тонкого исследователя А. Н. Шебунина, но статья «Движение декабристов в освещении иностранной публицистики» («Бунт декабристов» Лнгр. 1926) неожиданно разочаровывает: он просто пересказывает беседы Николая I с Лафэрронэ (франц. послом), статьи Journal des Débats, работу Ancelot „Six mois en Russie" (изд. 1827), „Revelations of Russia" и т. д. Не дано никакого анализа, а утверждение «оценка событий находится в полной зависимости от общего мировоззрения и отношения к России в частности у каждого писателя» (стр. 310) совершенно ничего не дает.

Есть специальные работы о поэтах-декабристах—Н. Гудзий дает о них сводную статью—«Поэты-декабристы». Есть и более специальные—например, А. Г. Цейтлин «Творческий путь Рылеева» (Бунт декабристов. 1926) и Ив. Розанов «Декабристы-поэты. Атеист А. П. Барятинский» (Кр. Новь, 1926, № 3). Статья Н. Л. Бродского «Декабристы в русской художественной литературе» («Кат. и ссылка», № 8/21, 1925) дает прекрасную картину отношения к декабристам русских писателей и поэтов. П. М. Алексеев в статье «Немецкая поэзия о декабристах» («Бунт декабристов», 1926) изучает поэму Шамиссо о Рылееве и Бестужеве «Die Verbannten », подражающую Войнаровскому. П. Филипович написал книгу «Шевченко і декабристи» (Держ. Вид. Украины, 1926), Л. Г. Гофман—статью «Декабристы и Достоевский (сборник. «Тайные общества...» М. 1926), М. Цявловский работал над темой «Л. Н. Толстой и декабристы» (там же, ср. отдельную брошюру: Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизд. отрывки из романа. Вступит. статья М. Цявловского. М. 1925).

Историография декабризма изучена лишь в одной работе «Декабристы перед судом истории» (1925), принадлежащей Р. Я. Гессену. В этой большой работе изучена история декабристов после их смерти—в русской научной, публицистической и художественной литературе. Работа интересна, но основной упрек, который можно ей сделать—это власть над автором «легенды о декабристах».

Покойная Л. Рейснер и Г. Чулков дали отдельные портреты—характеристики декабристов. Портреты бар. Штейнгеля и

П. Каховского, очерченные Л. Рейснер, изумительно сильны: оба декабриста живьем взяты с окружающей их средой и их личные драмы предстают перед нами с большой убедительностью (Кр. Новь, 1926, кн. 11), но облик С. П. Трубецкого («Известия» от 1 янв. 1926) очень неубедителен: он резко отрицателен, Трубецкой—барин, предающий революцию за чашку утреннего шоколада,—но почему? ведь он мог выйти из общества а не вышел, ведь он оставался его членом и деятельным членом? Ответа нет. Г. Чулков собрал свои статьи о декабристах в сборнике «Мятежники 1825 года» (Изд-во «Современные проблемы», 1925). Там помещены статьи о Пестеле, Муравьеве-Апостоле, Бестужеве-Рюмине, Каховском, Лунине и др. Но книга неубедительна и фальшива. Все декабристы—на одно лицо, все они—оторванные от жизни мечтатели, погибающие от неправославия, безжизненные тени без среды и действительности, их окружавшей.

Общие концепции

М. Н. Покровский был первым ученым, давшим анализ классового существа декабристов. Он первый изучил их экономические корни, указал и раскрасил «легенду о декабристах», сложившуюся в прошлом веке и не умершую ныне. Им была разбита обычная схема движения декабристов, в центре которой было Северное Общество и день 14 декабря на Сенатской площади, и выдвинута новая, в которой главное место занимает Южное Общество с П. Пестелем, Соединенные Славяне и восстание Черниговского полка. Она нашла себе широкое признание: все популярные брошюры и основная масса специальных статей, вышедших к юбилею, взяли ее за основу своего изложения. В том немногом, что дал М. Н. Покровский к юбилею, налицо дальнейшее развитие его мыслей. С указания на экономические корни и классовую суть декабризма начинаются все его юбилейные статьи. Постепенное буржуазное перерождение крепостной России первой четверти XIX века—основа всего движения, но это положение надо раскрыть. Требования М. Н. Покровского к этому «раскрытию» очень высоки: «Теперешняя молодежь», говорит он, «склонна доводить классовый анализ «декабризма» почти до утрировки и видеть в восстании русских дворян против русского царя простое отражение интересов крупного прогрессивного землевладения,—не более» (Известия, 1/I, 1926). Статьи, данные им к юбилею имеют общий, руководящий характер. Статья, помещенная в «Известиях» —«14 декабря 1825» (от 1 янв. 1926 г.) значительно шире своего заглавия: самому 14 декабря уделено в ней мало места, основная же тема—это общая классовая схема декабризма и связь декабристов с массами. Основная мысль статьи, помещенной в «Правде (30/XII 1925)—соотношение значений Северного, Южного Обществ и Общества Соединенных Славян; вывод—большая значительность двух последних: «Что Южное Общество было серьезнее Северного, не подлежит сомнению. В Петербурге заговор в настоящем смысле этого слова сложился, можно сказать, перед самым выступлением. Раньше была рыхлая организация без определенного плана и определенной цели, жившая случайными слухами о том, что делалось на юге... На юге годами велась серьезная конспиративная работа... И, главное, на юге был крупнейший, по существу дела единственный идеолог всего движения—Пестель». В этой статье М. Н. Покровский пользуется еще неопубликованными документами, например, политико-экономическим трактатом Пестеля и следственными делами членов общества Соединенных Славян.

Предисловия М. Н. Покровского к новому изданию речи Г. В. Плеханова на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 «14 декабря 1825 года» (ГИЗ. М.-Л. 1926 и А. И. Герцена «Русский заговор 1825» (Гиз. М.-Л. 1926) говорят о «легенде о декабристах». Произведения А. Герцена и Г. Плеханова, по его мнению,—образчики этой легенды. «Не удержавшись в пределах строгой исторической прозы, Герцен дал художественно-убедительный, психологически правдивый образ—самый правдивый изо всего, что создала революционная легенда 14 декабря». «...Речь Плеханова навсегда останется одним из самых совершенных образчиков того, что было названо «революционной легендой декабристов». Покровский напоминает обстановку, в которой произнесена речь Плеханова, и выясняет, почему последний сознательно не дал в ней классового анализа декабрьского движения.

Статья М. Н. Покровского «Два вооруженных восстания» (1825—1905) (Под знаменем марксизма 1925, № 12) имеет своей задачей сравнение 1825 и 1905 года.

Новой концепции декабризма юбилей не выдвинул. От схемы М. Н. Покровского, принятой на большинстве юбилейных исследований и брошюр, имеются некоторые отклонения, частичные расхождения с ней (напр., в статье Н. Л. Рубинштейна «Экономическое развитие России» (Каторга и ссылка, № 8 (21) 1925), но в целом она остается общепризнанной, новых схем нет.

Работы М. Н. Покровского о декабристах собраны в одну книжку, которая скоро выйдет из печати (изд. Центрархива).

Популярные брошюры

Популяризировать гораздо труднее, чем писать монографию. Надо не только владеть исследовательскими навыками и не только ориентироваться в источниках, необходимо еще прекрасно овладеть литературой, критически ее проработать. Затем,—и это особенно трудно,—надо суметь это понятно, живо и интересно передать. Ответственность автора монографии гораздо менее ответственности автора популяризации: читатель монографии сумеет заметить ошибку, отметить пробел, иное дело—читатель популярной брошюры. Ошибка популяризатора, тысячи раз усвоенная и преломленная занимающимся самообразованием рабочим, крестьянином, красноармейцем, рабфаковцем,—это уже не ошибка, а преступление.

Если кто-либо искренне разделяющий эти мысли, приступит к чтению той груды листовок и брошюр, которую оставил нам юбилей декабристов, он поистине ужаснется. Читать эти страницы очень тяжело. Нигде халтура не свила себе такого прочного гнезда, как в популяризации всякого рода.

Брошюры к юбилею вышли в большом числе. Кажется, они и до сих пор продолжают поступать на рынок. Они пришли первыми вестниками юбилея и, вероятно, уйдут последними [1]). Это раннее появление обусловило одну их особенность: все новые издания источников, документов и весь статейно-монографический материал прошел мимо них. Они отражают состояние предшествовавшей историографии декабризма в своей структуре. Среди этой массы брошюр есть разные типы. Некоторые носят общий подзаголовок «популярный очерк» (Е. Коц., Проф. Н. Н. Фирсов), есть ряд брошюр, не носящих никакого пояснения о своем типе на титульном листе и, вероятно, относящиеся к первому типу (В. Лебедев, С. Штрайх, Н. Ашукин). Работа А. И. Городцова предназначена «для широкого круга читателей», в первую очередь для рабочих и крестьянского актива. Брошюра Малиновской предназначена для детей и юношества (сразу?). План всех популяризаций, в сущности, один: сначала, экономические предпосылки, затем Союз Спасения, Союз Благоденства, Северное и Южное Общество, следствие и суд. Не всегда встречается еще Общество Соединенных Славян и Сибирь. Огромное количество фактических ошибок—это первое, что бросается в глаза при знакомство с этой литературой. Искажаются и неправильно излагаются не только даты места и имена, но дается и неверное освещение событиям: устанавливается, например, что движение декабристов имело истоком своим «стремление к выгоде крупных помещиков» (Иоффе, 44), декабристы в своем восстании, оказывается, «шли на смерть, не рассчитывая на победу», что в корне, неверно (I в., 42), Никита Муравьев, якобы, представлял собою взгляды, господствовавшие в Северном Обществе,—неверно: северяне не были об'единены одной политической программой (I в., стр. 30), декабриста С. Н. Тютчева не было.—был А. И. Тютчев (Штрайх, стр. 9), стычки с правительственными войсками у восставшего Черниговского полка не было,—восставшие думали, что навстречу им идут дружественные войска и не сделали ни одного выстрела (Н. Н. Фирсов, 73; Ашукин, 41), Соединенные Славяне никогда не были ни бывшими гвардейцами, ни славянофилами (Войтоловский, 19, 21) и т. д. Чересчур утомительно продолжать это перечисление. Более существенны композиционные недостатки брошюр. Иначе и быть не могло: они отражают в большинстве случаев недостатки до-юбилейной монографической литературы, концентрировавшей свое внимание на 14 декабря и на Северном Обществе. Авторы брошюр, следуя чаще всего М. Н. Покровскому, говорят о большей важности восстания Черниговского полка по сравнению с 14 декабря и о значительности общества Соединенных Славян. Но этот взгляд их на композиции брошюр не отражается: неразработанность двух последних во-

---

[1]) Основное ядро популярных брошюр, вышедших к юбилею.

Н. М. Дружинин. Кто были декабристы и за что они боролись? Дешевая библиотека журнала „Каторга и ссылка“ № 15—19. Из-во Всесоюзн. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М. 1925.

А. И. Городцов. 1825 год (14 декабря). Ленгиз. 1925.

З. Г. Иоффе. Декабристы. Изд. Ленингр. Губ. Сов. Проф. Союзов.

Л. Войтоловский. Декабристы. 1825—14 декабря—1925. Гиз 1926.

С. Я. Штрайх. Заговор и восстание декабристов 1825—1925. „Огонек“. М. 1925.

Проф. Н. Н. Фирсов. „Герои 14 декабря“. Популярный очерк. Социально-психологическая характеристика. Из-во „Былое“ 1926.

Вл. Лебедев. Восстание декабристов. Под ред. А. В. Шестакова. „Новая Москва“ 1926.

Н. Ашукин. Декабристы. История восстания 14 декабря 1825 года. Из-во „Красная Новь“. М. 1924.

Е. Коц. Декабристы. (Популярный очерк. Из-во „Прибой“ Лнгр. 1925).

Б. Грекулов. Первое вооруженное восстание против царизма. Из-во „Знание“ М. 1925.

Г. Н. Добрускина - Михайлова. Декабристы. Р. н/Д. Дон. О-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1925.

П. Шуйский. Декабристы. Екатеринослав. 1925.

Малиновская. Декабристы. 1925.

просов сказывается на том, что и южному восстанию и славянами уделяется чаще всего по нескольку строк, иногда они совсем опускаются.

Брошюра И. Городцова уделяет этим вопросам наиболее внимания, но почему то носит все-таки подзаголовок «14 декабря». Надо же наконец, отвыкнуть от легендарного представления о декабристах и возвратить Южному Обществу и славянам принадлежащее им по праву место в движении. Стиль брошюр часто вызывает недоумения: «Промышленность еще только начала разворачивать свои первые лепестки, капиталы и капиталисты только начинали зарождаться (sic!)» (Иоффе, стр. 4), декабристы «своею кровью открыли новую страницу» (там же, 45). Много недоразумений с иллюстрациями: Малиновская, например, подбирала портреты, очевидно совершенно механически, почему-то большей частью северян, пояснений к ним не дала, поместила портрет славянина П. Ф. Выгодовского, а о славянах в тексте не обмолвилась ни словом. Ашукин очевидно выдает портрет М. А. Бестужева за портрет М. П. Бестужева-Рюмина (стр. 40). Из всей брошюрной литературы выделяется совершенно не похожая на ее основную массу, прекрасная книжка Н. М. Дружинина: «Кто были декабристы и за что они боролись». Знакомство с литературой, продуманный план и легкий и ясный слог дают возможность рекомендовать ее читателю, желающему получить общее знакомство с декабристами. У нее есть некоторые недостатки—она уделяет мало внимания восстанию Черниговского полка и соединенным славянам, совершенно пропускает сибирский период жизни декабристов. Можно пожелать новых ее изданий, и, вероятно, в них будут исправлены указанные недостатки. Наряду с этой работой можно поставить тщательную работу А. И. Городцова. С марксистской точки зрения его концепция более выдержана, чем в брошюре Дружинина, знакомство с литературой несомненно, но изложение трудновато для среднего читателя.

Есть брошюры, посвященные отдельным декабристам [1]). Работа А. Н. Шебунина скорее относится к разряду исследований, чем популяризаций, она очень тщательна и интересна, но несколько идеализирует Н. Тургенева, вероятно, автору знакомы не все документы. Общее качество остальных брошюр—почти полное отсутствие анализа. Преобладает простой рассказ об известных фактах. Поэтому личность отдельных декабристов отрывается от среды и эпохи. После чтения большинства из них остается вопрос: почему же все-таки Муравьев-Апостол или Пестель или кто другой стал революционером, декабристом? Ответа нет. Хороша брошюра Алексеева о Николае, но после юбилейного издания новых документов она должна быть во многом дополнена.

Педагогическая обработка декабризма

К юбилею вышло большое количество хрестоматий о декабристах. Назовем из них следующие работы: М. М. Клевенский «Декабристы. Хрестоматия» (Гиз. М.-Л. 1926), К. Раткевич «Первые борцы против самодержавия. Отрывки из воспоминаний, конституционных проектов и показаний декабристов» («Прибой» Лнгр. 1925), Штрайх «О пяти повешенных». М. 1926, Он же «Декабристы 1825—1925, сборник статей и материалов». Мол. Гвардия. 1925. В. А. Алгасов «Декабризм и декабристы 1825—1925. Хрестоматия» (Госиздат Украины. 1925). «Декабристы». Материалы и документы. Под ред. и с примечаниями М. Мебеля. Харьков. 1926. Все книги подобного типа построены приблизительно по одному образцу: вводная статья, отрывки из материалов следствия, воззваний, писем, обычно расположенных по рубрикам: начальная организация обществ, Северное Общество, Южное Общество и общество Соединенных Славян, следствие и суд и т. д. Одни хрестоматии дают только материал источников, другие добавляют к нему выдержки из исследований о декабристах (Штрайх, Декабристы). В смысле подбора материала наиболее удачны работы К. Раткевич и М. Мебеля.

Но всем хрестоматиям можно сделать один очень серьезный упрек. Они—работы педагогического характера; предназначены для школы II ступени, подчас и для Вуз'а. В низших учебных заведениях происходят поиски нового метода, даю-

[1]) Ю. Конарский (Мошинский). Вожди декабристов. Новая Москва 1926.

А. Н. Шебунин. — Николай Иванович Тургенев. Декабристы 1825 — 1925. М. Гиз. 1925.

М. Клевенский. К. Ф. Рылеев. Гиз. М.—Л. 1925. Биографическая б-ка.

С. Иваницкий. Вождь декабристов П. И. Пестель. Госиздат. Лнгр. 1926.

М. Клевенский. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Из-во Всесоюзн. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1925. Дешевая б-ка „Каторга и ссылка" № 38—39.

С. Я. Штрайх. Декабрист К. Ф. Рылеев. М. 1925. Тоже № 32.

С. Я. Штрайх. Декабрист П. Г. Каховский. Из-во Всесоюзн. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселен. М. 1925. Тоже № 30—31.

В. П. Алексеев. Николай I и декабристы. Тоже № 49.

С. Я. Штрайх. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин. Тоже № 34.

щего возможность самостоятельной работы учащегося. Всякий преподаватель знает как остра нужда в пособии нового типа, на наших глазах порождается этот новый тип—рабочая книга. Но ко всем этим требованиям хрестоматии по декабризму совершенно глухи. Они изданы для школы, но им почему-то до школы нет дела. Вероятно, их составляли не преподаватели. Клей и ножницы участвовали в их составлении гораздо больше, чем педагогическая мысль. В них недопустимо слаб комментарий, остается без об'яснений масса непонятных слов, руководящих вопросов к документам не поставлено, учащийся совершенно лишен указаний, что именно должен он из документа извлечь, как должен его читать, чтобы добыть нужные сведения. Поэтому рекомендовать современной школе, по совести, какую-либо из этих книг нельзя: это все с методической стороны недоделанные работы.

«Семинарий по декабризму» М. В. Нечкиной и Е. В. Сказина (Прометей 1925) преследует иную цель: это—пособие для исследовательского семинария. Он содержит свыше ста тем по декабристам, к каждой теме указаны основные вопросы и литература. Замысел вопросника—указать студенту, приступающему к самостоятельному исследованию, еще неразрешенную сторону изучаемого вопроса и втянуть его, таким образом, в исследовательскую работу. «Семинарий» издан под ред. и с предисловием В. И. Невского.

Заслуживает внимания работа Т. Лозинской «Декабристы. Экскурсия. Под ред. Н. А. Кузнецова и К. В. Ползиковой-Рубец» (Лнгр. 1925). Это—руководство для проведения в Ленинграде экскурсии на тему о декабристах—сначала на Сенатской площади, затем в Музее Революции. Жаль, что экскурсия не продолжена в Петропавловскую крепость. Необходимо издать такие же пособия и для других тем. Издание, к сожалению, небрежно, даже оглавление отсутствует.

Библиография

Исчерпывающая библиография декабристов, составленная Н. М. Ченцовым (под ред. Н. К. Пиксанова. Изд. Центроархива) сдана в печать, но еще не вышла. Работа выполнена с большой тщательностью и представляет собою первую в руской литературе попытку исчерпывающей библиографии специального вопроса. Самой ранней библиографической юбилейной работой является указатель «К библиографии восстания 14 декабря 1825 года». Е. В. Сказина. (Вестник Коммун. Академии, 1925, кн. X). Он не претендует на полноту, но очень ценен: составитель зарегистрировал 418 библиографических номеров, относящихся к декабрьскому восстанию на Сенатской площади. До выхода в свет полной библиографии декабристов, исследователю поможет систематический указатель русской литературы о них Вл. Селиванова (изд. Всесоюзн. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев М. 1925); в нем указано свыше 1590 библиографических номеров. То же можно сказать о полезной работе С. Вознесенского «Библиографические материалы для словаря декабристов» (Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде. Серия II. Материалы по истории русской науки, литературы и общественности, Лнгр. 1926), она представляет собою попытку собрать имеющийся в русской печати материал о каждом декабристе в отдельности.

Столетний юбилей восстания декабристов не пропал даром. Он вызвал обширную и разнообразную литературу. Основное богатство, приобретенное нами от юбилея—новые документы. Они пущены в оборот не только специальными изданиями источников, но и отдельными работами - исследованиями. Конечно, издано далеко не все, что можно издать, но план монументального издания Центроархива широк, и можно надеяться, что в будущем будет издано основное — материалы следственного дела. Специальные исследования редко превосходят размер журнальной статьи. Но в нашей общей исследовательской работе мы не успели отразить наших же собственных научных интересов. Почти все согласны, что в центре интереса к декабристскому движению стоит Южное Общество, велик интерес к Пестелю, бесспорен интерес к отношению современного декабристам общества к их движению. Но у нас нет монографий ни о Южном Обществе, ни о Пестеле, ни об окружавшем декабристов Обществе. Но бесспорно одно: большинство работ о декабристах, изданных до юбилея, после юбилея устарело. Юбилейная литература изменила все старые постановки вопроса, опротестовала многие выводы и наметила большое количество новых проблем. Она передвинула центры внимания, подчеркнула значение многих забытых или полузабытых декабристов, изменила наши взгляды на роль вождей движения. Популяризировать как следует движение декабристов мы не сумели и дали неподготовленному читателю много поспешного, непроверенного и прямо неверного; исключения из этого общего положения указаны в обзоре. Творческая логика исторического исследования часто трагически расходится с юбилейной литературой: хрестоматии и брошюры, по сути дела необходимо связанные с монографиями, рождаемые ими, появляются на свет раньше своих отцов, основывают свои выводы на устаревших работах. Ви-

ною этому—стихийность юбилейного издательства и творчества. Хорошей хрестоматии, приспособленной к нуждам современной школы, мы не дали, небрежно отнеслись к учащемуся и его запросам. О библиографии вопроса будем окончательно судить после выхода обещанных книг.

Итак, несмотря на многое ценное, что дал юбилей, в нем видна индивидуалистическая замкнутость нашей научной работы, отсутствие согласованности и общего плана. В большинстве случаев, налицо обособленность исследователя от популяризатора. Все это надо изжить. Другим организационным уроком юбилея является наш промах во времени: основная масса наиболее интересной литературы выходит после юбилея, монографии запаздывают, источники задерживаются, и обычный повышенный интерес к событию в юбилейную пору у читателя пропадает неиспользованным. Все эти уроки надо запомнить для следующих юбилеев.

М. В. Нечкина.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

I

Настоящий обзор менее всего претендует на полноту. Послевоенные условия вызвали появление в печати такого большого количества работ и материалов по внешней политике, что обозрение всей или даже большей части литературы, касающейся этой области и относящейся к такой стране, как Великобритания, представляет собою задачу невыполнимую. Хотя дипломатия, как отмечает один из авторов цитируемой ниже Кембриджской истории британской внешней политики, и представляет собою искусство, мало доступное британцам, а история внешней политики—отрасль исторической науки, мало популярная среди английских историков, послевоенная Англия разделила в отношении литературы по внешней политике участь других стран. Под влиянием мировой войны и последовавших за нею событий, появилось огромное количество мемуаров, исследований, исторических материалов, и т. п.

В настоящем обзоре мы оставляем в стороне вопросы, связанные с внешней политикой Великобритании эпохи войны и эпохи, войне непосредственно предшествующей. По этой причине нам не придется иметь дело с мемуарами бывших политических деятелей Британии. В огромном большинстве, их основным признаком является то, что они почти ничего не дают, или дают крайне мало для уяснения истории внешней политики Великобритании. Стоит сослаться хотя бы на мемуары Грея и Асквита.

Заслуживает внимания другой факт. Побочным следствием интереса к вопросам внешней политики в результате войны явилось открытие огромного количества архивных материалов. Не будет преувеличением сказать, что самый большой толчок в отношении открытия архивов государственных учреждений, занимавшихся внешними сношениями, был дан октябрьской революцией, провозгласившей отказ от тайной дипломатии. Опубликование русских дипломатических документов, связанных с историей подготовки мировой войны, вызвало живейший отклик на Западе, и в частности в Англии. За октябрьской революцией в России последовала ноябрьская революция в Германии, подарившая историкам внешних отношений монументальное немецкое издание «Политика европейских правительств» (Die Grosse Politik der europäischen Kabinette).

В Англии Рабочая партия формально включила в свою программу не только отказ от тайной дипломатии, но и открытие архивов министерства иностранных дел (Foreign Office) для целей научного исследования вплоть до начала мировой войны.

В 1914 году был напечатан указатель имеющихся в английском государственном хранилище архивов (Publik Record Office) переписки и документов министерства иностранных дел. Указатель заканчивался 1838 годом [1]). Повидимому, к началу войны имелась возможность, хотя и под присмотром чиновников архива, использовать для занятий переписку английского министерства иностранных дел и за несколько последующих лет—именно до 1854 года. В четвертом томе своей «Истории России при Николае I» Шиман отмечает, что в феврале 1914 года ему было оказано администрацией Public Record Office содействие по исследованию переписки английского министерства иностранных дел за период 1840—1855 (вероятно, до 1854 г.), переписки, которая до того не была никем другим использована [2]). С тех пор возможности изучения английской внешней политики были значительно расширены. К 1924 году были официально открыты архивы Foreign Office до 1854 года, при чем за годы 1838—1854 г.г. в Public Record Office имеется рукописный, но очень хороший

---

[1]) Public Record Office. Listes and Indexes. N. XLI (1914). Foreign Office.

[2]) Th. Schiemann. Geschichte Ruslands unter dem Kaiser Nikolaus I. Band IV. Berlin 1919. S. XI.

ною этому—стихийность юбилейного издательства и творчества. Хорошей хрестоматии, приспособленной к нуждам современной школы, мы не дали, небрежно отнеслись к учащемуся и его запросам. О библиографии вопроса будем окончательно судить после выхода обещанных книг.

Итак, несмотря на многое ценное, что дал юбилей, в нем видна индивидуалистическая замкнутость нашей научной работы, отсутствие согласованности и общего плана. В большинстве случаев, налицо обособленность исследователя от популяризатора. Все это надо изжить. Другим организационным уроком юбилея является наш промах во времени: основная масса наиболее интересной литературы выходит **после** юбилея, монографии запаздывают, источники задерживаются, и обычный повышенный интерес к событию в юбилейную пору у читателя пропадает неиспользованным. Все эти уроки надо запомнить для следующих юбилеев.

М. В. Нечкина.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

I

Настоящий обзор менее всего претендует на полноту. Послевоенные условия вызвали появление в печати такого большого количества работ и материалов по внешней политике, что обозрение всей или даже большей части литературы, касающейся этой области и относящейся к такой стране, как Великобритания, представляет собою задачу невыполнимую. Хотя дипломатия, как отмечает один из авторов цитируемой ниже Кембриджской истории британской внешней политики, и представляет собою искусство, мало доступное британцам, а история внешней политики—отрасль исторической науки, мало популярная среди английских историков, песлевоенная Англия разделила в отношении литературы по внешней политике участь других стран. Под влиянием мировой войны и последовавших за нею событий, появилось огромное количество мемуаров, исследований, исторических материалов, и т. п.

В настоящем обзоре мы оставляем в стороне вопросы, связанные с внешней политикой Великобритании эпохи войны и эпохи, войне непосредственно предшествующей. По этой причине нам не придется иметь дело с мемуарами бывших политических деятелей Британии. В огромном большинстве, их основным признаком является то, что они почти ничего не дают, или дают крайне мало для уяснения истории внешней политики Великобритании. Стоит сослаться хотя бы на мемуары Грея и Асквита.

Заслуживает внимания другой факт. Побочным следствием интереса к вопросам внешней политики в результате войны явилось открытие огромного количества архивных материалов. Не будет преувеличением сказать, что самый большой толчок в отношении открытия архивов государственных учреждений, занимавшихся внешними сношениями, был дан октябрьской революцией, провозгласившей отказ от тайной дипломатии. Опубликование русских дипломатических документов, связанных с историей подготовки мировой войны, вызвало живейший отклик на Западе, и в частности в Англии. За октябрьской революцией в России последовала ноябрьская революция в Германии, подарившая историкам внешних отношений монументальное немецкое издание «Политика европейских правительств» (Die Grosse Politik der europäischen Kabinette).

В Англии Рабочая партия формально включила в свою программу не только отказ от тайной дипломатии, но и открытие архивов министерства иностранных дел (Foreign Office) для целей научного исследования вплоть до начала мировой войны.

В 1914 году был напечатан указатель имеющихся в английском государственном хранилище архивов (Publik Record Office) переписки и документов министерства иностранных дел. Указатель заканчивался 1838 годом [1]). Повидимому, к началу войны имелась возможность, хотя и под присмотром чиновников архива, использовать для занятий переписку английского министерства иностранных дел и за несколько последующих лет—именно до 1854 года. В четвертом томе своей «Истории России при Николае I» Шиман отмечает, что в феврале 1914 года ему было оказано администрацией Public Record Office содействие по исследованию переписки английского министерства иностранных дел за период 1840—1855 (вероятно, до 1854 г.), переписки, которая до того не была никем другим использована [2]). С тех пор возможности изучения английской внешней политики были значительно расширены. К 1924 году были официально открыты архивы Foreign Office до 1854 года, при чем за годы 1838—1854 г.г. в Public Record Office имеется рукописный, но очень хороший

[1]) Public Record Office. Listes and Indexes. N. XLI (1914). Foreign Office.

[2]) Th. Schiemann. Geschichte Ruslands unter dem Kaiser Nikolaus I. Band IV. Berlin 1919. S. XI.

указатель. Во время пребывания у власти Рабочего правительства в 1924 году, было дано обещание ускорить работу по приведению в порядок дальнейшей части дипломатической переписки. Это обещание было затем подтверждено Чемберленом, министром иностранных дел в правительстве Болдуина.

В опубликованном в начале 1925 года указателе к документам [1]), хранящимся в Public Record Office, мы находим указание на то, что к концу 1924 года была открыта для исследователей дипломатическая переписка до 1860 года, а в ноябре 1925 года была допущена и работа над перепиской министерства иностранных дел вплоть до 1878 года, за некоторыми, впрочем, исключениями. Для консервативной Англии такой шаг вперед представляется поистине удивительным. Некоторые, официальные, историки допускаются к работе и над новейшим материалом (до 1914 года) с особого благословения Foreign Office. Над перепиской до 1878 года имеют право работать все „bona fide" исследователи, которым дано разрешение английским министерством иностранных дел после специального о том ходатайства через соответствующее посольство (в том случае, если это иностранцы).

В настоящее время официальные историки подготовляют многотомное издание документов по истории британской внешней политики перед войной, наподобие германской „Die GrossePolitki", или, вернее, в противовес этому немецкому изданию; издание ведется под редакцией профессоров Гуча и Темперлея; первый том должен появиться в свет в текущем году.

После войны в Англии образовалось также и новое учреждение, специально посвятившее свои занятия исследованию международных отношений—British Institute of International Affairs. Институт издал шеститомную историю мирной конференции в Париже под редакцией упомянутого выше историка Темперлея [2]), равно как и составленные другим английским историком Тойнби исторические обзоры международных отношений после мирной конференции [3]) и за период 1920—23 г.г. [4]). Оба обзора носят справочный характер и отражают официозную точку зрения.

[1]) M. Giusetti. A Guide to the Manuscripts preserved in the Public Record Office. Vol. II, p. 82.

[2]) H. Temperley. A history of the Peace Conference at Paris. 6 vols. 1920—1923.

[3]) Arnold Toynbee. Survey of International Affairs. London. 1925. Oxf. Un. Press., pp. XVI + 526.

[4]) Arnold Toynbee. The World after the Peace Conference. London. Oxf. Un. Press. 1925, pp. II + 91.

II

Самым крупным событием в литературе по истории британской внешней политики следует признать издание в 1922—23 г.г. трехтомной Кембриджской истории британской внешней политики под редакцией Уорда (Sir A. Ward) и упомянутого уже нами выше Гуча (G. P. Gooch [1]) Все, кому приходилось заниматься вопросами средневековой и новой истории в английском освещении, знакомы с монументальной Кембриджской историей нового времени в двенадцати томах и Кембриджской средневековой историей (издание еще не закончено; вышли первые четыре тома). Издание после войны, на ряду с Кембриджской Историей Древнего Мира и Кембриджской Историей Индии, Кембриджской Истории Британской Внешней Политики, как бы санкционировало значение истории внешней политики, как исторической дисциплины. Исключительно краткий срок, в который было закончено издание «Кембриджской Истории Британской Внешней Политики» (всего 2 года) свидетельствует как о том большом интересе, который имеется к истории британской внешней политики, так и о том, что работа по подготовке этого издания велась английскими историками уже ранее.

Кембриджская история представляет собою поистине энциклопедию истории британской внешней политики за последние полтораста лет и является суммарным изложением того, что сделано английскими историками в этой области. В одном отношении Кембриджская история британской внешней политики непохожа на предшествовавшие ей издания Кембриджских историков. Все статьи были написаны «исключительно историками, принадлежащими к британскому подданству по праву рождения» [2]). В факте рождения на британской территории, повидимому, усматривается если не доказательство, то, во всяком случае, известная гарантия британского патриотизма. Для Кембриджской истории нового времени и истории средних веков, издававшихся до войны, эта гарантия не представлялась необходимой. Но теперь наступили другие времена.

«Кембриджская история задумана в виде связного изложения британской внешней политики и последовательного определения ее роли в политической истории Великобритании и британской империи, и в политической истории всего мира». «Редакция, читаем мы далее в предисло-

[1]) The Cambridge History of British Foreign Policy (1783—1919). Cambr. Un. Press. Volume I (1783—1815) 1922: pp. XIII + 628. Volume II (1815—1866) 1923: pp. XVIII + 688. Volume III (1866—1919) 1923. pp. XIX + 664.

[2]) Стр. V предисловия.

вии, «стремилась сочетать строгую приверженность к исторической правде, в тех случаях, когда таковую можно установить с национальной точки зрения—другими словами, с признанным уважением интересов, а более всего национальной чести Великобритании. В нашей работе мы не отступим перед оправданием британской внешней политики в ее стремлении к последовательности, которую в иных отношениях отрицают за нею ее критики, саркастически признавая ее в других».

В этой откровенности редакции «Кембриджской Истории» есть свои преимущества; читатель знает, чего ему ждать от этого монументального издания; эти ожидания вполне оправдываются при чтении его.

Отправной точкой своего изложения авторы кембриджской истории делают 1783 год, первый год появления у власти Питта. Изложение событий внешней политики до 1783 года со времен норманнского завоевания дано в обширном предисловии одного из редакторов—Уорда. Выбор 1783 года представляется вполне оправдываемым: подписание договоров в Париже и Версале 1783 года окончательно санкционировало отделение Соединенных Штатов от Англии и положило начало новым приемам и новой ориентации внешней и колониальной политики Британии. Значение урока, полученного в Штатах, было настолько велико, что о нем не забыли и по сей день.

Дальнейшее изложение делится на шесть книг (три тома). Первая книга (первый том) охватывает период с 1783 по 1815 год и состоит из 4 глав: «Первые 10 лет правления Питта» (Дж. Клэпэм); «Борьба с революционной Францией» (Дж. Роз); «Умиротворение Европы» (К. Вебстер); «Война с Америкой и Гентский трактат» (К. Вебстер). Второй том состоит из двух книг, второй и третьей (1815—48 и 1848—1866), и заключает следующие главы-статьи: «Великобритания и континентальный Союз» (Алисон Филипс); «Внешняя политика Каннинга» (Г. Темперлей); «Бельгия» (Дж. Омонд); «Ближний Восток и Франция: 1829—1847» (Р. Мoват); «Индия и Дальний Восток» (Г. Мориарти); «Соединенные Штаты и развитие колоний: 1815—46» (А. Ньютон); «Европейские революции и их последствия» (Ф. Герншоу); «Крымская война и союз с Францией» (В. Реддавей); «Индия и Дальний Восток» (статья вторая—Ф. Бэклера); «Франко-итальянская война, Сирия и Польша» (Р. Рейд); «Переговоры с германским таможенным союзом»» (Дж. Клэпэм); «Торговый Договор с Францией 1860 года» (Е. Бенианс); «Англо-американские отношения во время гражд. войны между Сев. и Южн. Штатами» (А. Ньютон); «Шлезвиг-Голштинский вопрос: 1852—1866» (А. Уорд); «Греция и Ионические о-ва» (А. Уорд). Наконец, третий том состоит из трех книг (1866—86, 1886—1907 и 1907—19), которые в свою очередь содержат следующие главы: «Нейтралитет в делах континента: 1866—1814» (К. Кретвелль); «Морская политика и претензии Америки в деле крейсера «Алабама» (Дж. Монморенси); «Наступление и отступление: 1874—1885» (В. Даусон); «Британский империализм в старом и новом свете 1885—99» (В. Даусон); «Бурская война и международное положение 1899—1902» (В. Чироль); «Соглашения и договоры в континентальной Европе» (Г. Гуч); «Тройственный союз и тройственное соглашение» (Г. Гуч) и «Эпилог: война и мир 1914—19» (Г. Гуч). Отдельно следует поставить главу об организации английского министерства иностранных дел, написанную для третьего тома Алдж. Сесилем.

Деление на книги далеко не всегда оправдано обстоятельствами. Но это не так важно; гораздо более важным является то, что, начиная с середины второго тома, авторы оказываются вынужденными отступить от принятого ими ранее хронологического описания событий внешней политики Великобритании и переходят к исследованию ее в отдельных направлениях. Но и этот принцип выдерживается не полностью, и в начале третьего тома авторы вновь возвращаются к старой системе. Повторений, однако, насколько нам удалось проследить, очень мало, и прекрасно составленные в конце каждого тома указатели, облегчают пользование кембриджской историей для справок.

Характер интересов Англии в отдельных вопросах международной политики не всегда освещался авторами кембриджской истории с достаточной ясностью. Авторы статей в подавляющем большинстве не ищут об'яснения основных тенденций британской внешней политики в экономическом положении и развитии Англии. В большинстве случаев мы имеем лишь тщательное и точное изложение фактов в их хронологической или тематической исследовательности. Патриотическая точка зрения сводится в основном к выявлению строгой непрерывности целей (continuity) британской политики, несмотря на смену консервативных и либеральных правительств. Строго научного об'яснения классовых интересов и их конфликтов во внешней политике Великобритании мы в «Кембриджской Истории» не найдем; авторы ее оперируют всегда с понятием «Великобритании», как суб'екта внешней политики, не уясняя, какой класс, или группа, стоит за данным актом внешней политики.

О связи английской внешней и торговой политики в «Кембриджской Истории»

почти нет речи; во втором томе как бы случайно затерялись две статьи Клэпэма и Бенианса о торговых договорах с германским Zollverein и Францией (1860 года). Цели и приемы торговой политики Великобритании в XIX веке, сочетания «свободы торговли и империализма» (по выражению Schultze-Gaevernitz'а) остаются вне рассмотрения наших авторов.

Первый и второй том в общем следует считать более ценными с научной точки зрения, нежели третий, так как последний в большей своей части основан на опубликованных источниках, и архивные материалы, к которым доступа за период 1866—1919 г. еще не было, для него не использованы. Зато из отдельных статей для интересующихся историей британской внешней политики большой интерес представляет статья Алдж. Сесиля в третьем томе об организации как министерства иностранных дел, так равно и дипломатической и консульской службы. Ни в каком, может быть, другом отношении так точно не выявляется классовая сущность государственной организации Великобритании, как в устройстве ее правительственных учреждений вообще, и министерства иностранных дел в частности. Нигде, ни в одном другом учреждении, не была так сильно в составе высшего чиновничества представлена аристократия; нигде так прочно, как в министерстве иностранных дел, не поддерживалась, до самого последнего времени, королевская прерогатива в назначении высших чинов министерства, нигде привилегии рождения не играли такой роли, как при прохождении служебной лестницы в министерстве иностранных дел. Капиталистическая Англия продолжала сохранять аппарат Foreign Office'а, подходивший скорее для аристократической, нежели для буржуазной монархии. И даже в настоящее время, когда аристократия в Англии доживает свои последние дни, отнюдь не случайно то, что около 92% чиновников министерства иностранных дел, согласно формулярным спискам, окончили Итонский колледж. являющийся одним из старейших и наиболее аристократических колледжей Англии.

Если статья Альдж. Сесиля путем исследования формы ведения внешней политики помогает уяснению ее социального содержания, хотя бы косвенным образом, нельзя того же сказать об остальных статьях рассматриваемого нами издания. Возьмем хотя бы статьи второго ее редактора, Гуча: «Континентальные соглашения: 1902—1907» и «Тройственный Союз и Тройственное Соглашение» (в третьем томе). В этих статьях-главах мы находим не столько анализ сущности, сколько описание характера участия Англии в международной политике начала XX в. Описывая, например, начало англо-русского сближения. Гуч не старается проследить причины, толкавшие капиталистическую Англию на сближение с царской Россией, а останавливается лишь на отдельных моментах этого сближения. Гуч не дает оценки двойственной политики Англии по отношению к Николаевской России после революции 1905 года: с одной стороны, стремления использовать русское самодержавие в качестве союзника в борьбе с Германией, и стремления использовать Россию, как об'ект приложения капитала, об'ект эксплоатации, с другой. Для первого желательна была европеизация государственного аппарата, поддержка русской буржуазии и ее конституционных стремлений—ибо в этом Англия видела залог военно-экономического развития России. Для второй цели—приложения английского капитала—усиление русской буржуазии было явно невыгодным; русская буржуазия была союзником неверным и возможным конкурентом как на внутреннем рынке, так и на Востоке. Два момента особенно ярко иллюстрируют двойственность английской политики по отношению к царской России: 1905—1906 г.г. и 1916—1917 г.г. Английские банки приняли участие в международном займе 1906 года, содействуя этим подавлению революции и укреплению царского правительства. Либеральный премьер Кемпбелль-Баннерман счел необходимым со свойственным британской внешней политике лицемерием приветствовать в парламенте Думу словами: «Дума умерла; да здравствует Дума»! Но, как отмечает в своей статье Гуч, «переговоры между двумя правительствами (русским и английским) продолжались без внимания к событиям внутренней политики в России». В 1916—1917 г.г. положение требовало иного; английской буржуазии было ясно, что поддержка царского правительства была совершенно напрасной и даже вредной, поскольку задачей текущего момента в условиях войны было рациональное использование людской силы России против Германии. Поэтому Англия поставила свою ставку на другую карту: русская буржуазия должна была в февральской революции довести войну «до победного конца». Всем памятна роль Бьюкенена, английского посла в Петербурге в годы войны.

При всех указанных недостатках кембриджская история остается совершенно незаменимой при изучении внешней политики Британии по обилию заключающегося в ней материала. Прекрасные библиографические указатели, приложенные в конце каждого тома и относящиеся к каждой главе, дают возможность читателю пользоваться кембриджской историей в качестве основы для дальнейших научных изысканий. В иных случаях, русский читатель пожалеет только, что

библиографические сведения недостаточно полны, так как составители отсылают читателя к библиографическим указателям «Кембриджской истории нового времени», которой в наших советских условиях может не оказаться под рукой одновременно с «Кембриджской историей британской внешней политики».

В первых двух томах «Кембриджской Истории» впервые опубликованы некоторые документы. Из них отметим впервые напечатанный полностью во втором томе меморандум Кэстльри от 5-го мая 1820 года [1]). В этом меморандуме Кэстльри провозглашает принцип невмешательства во внутренние дела тех стран, где произошла или может произойти национал-либеральная революция. С момента составления этого меморандума Англия окончательно отходит от своих континентальных союзников—Священного Союза и Франции, и на пять лет влияние Англии в европейских делах значительно слабеет. Затем уже на долю Каннинга падает восстановить значение Англии в европейском концерте. Меморандум 5-го мая 1820 года имеет, таким образом, значение в качестве вехи в истории международной политики после Венского конгресса.

III

Несомненно, что обилие иностранной научной литературы, относящейся к истории периода после Венского конгресса, об'ясняется отголосками современной нам эпохи. Стремление авторов найти в истории международных отношений десятых и двадцатых годов прошлого столетия ноты, созвучные нашему времени, бросается в глаза при чтении работ К. Вебстера о «Внешней политике Кестльри (1815—1822)» [2]) и Г. Темперлея о «Внешней политике Каннинга (1822—27)» [3]). Обе работы носят монографический характер и основаны на изучении архивных материалов большинства европейских архивов. Автору первой работы, Вебстеру, известны, кроме английских архивов Recorde office венские, берлинские, парижские и русские архивы министерств иностранных дел. Темперлею, повидимому, русские архивы неизвестны, но в его распоряжении были некоторые русские неопубликованные ранее архивные материалы, в частности дневник жены русского посла в Лондоне при Каннинге Ливена.

Сравнивая обе работы, можно сказать, что книга Вебстера отличается большею содержательностью, но автору недостает литературного таланта, который, напротив, в избытке имеется у другого автора (Темперлея) и делает работу последнего, несмотря на ее обширные размеры, значительно более удобочитаемой. Оба автора работали в своей области очень долго: книга Вебстера является результатом пятнадцатилетних изысканий, прерванных лишь на время войны, а книга Темперлея подводит итог его работам по Каннингу, из которых написанная им биография Каннинга вышла еще в 1905 году. Если, таким образом, достоинством обеих работ является зрелость суждений авторов и тщательность в проработке материала, то некоторым минусом является отсутствие новизны в сообщаемых авторами сведениях, так как большая часть обеих книг в той или иной форме уже появлялась в печати в виде статей в английских и американских научных журналах.

Мы указали уже выше, что обоих авторов привлекают в истории внешней политики десятых и двадцатых годов прошлого столетия аналогичные, или кажущиеся им аналогичными с современностью, события, положения и принципы. Так, Вебстер, посвящающий свое исследование внешней политики Кестльри, преимущественно анализу «эксперимента Кестльри вести дипломатические сношения путем международных конгрессов (diplomacy by conference) превращает Кестльри в родоначальника идеи Лиги Наций. Конгрессы, по мнению Вебстера, были изобретены Кестльри, но созданные этим «опытом» проблемы были чересчур сложны для того времени. После смерти Кестльри, утверждает Вебстер, цели созданного им союза и конгрессов изменились, и, вследствие происков самодержавных монархий континента, превратились в орудие реакции.

Вебстер ставит себе, таким образом, трудную задачу — реабилитировать Кестльри в свете новых архивных документов от обвинений в реакционности, и сделать его предшественником Вильсона и других основоположников Лиги Наций и «дипломатии конгрессов» новейшего времени. Задача эта трудна особенно потому, что не только последующие поколения, но и современники, совершенно иначе оценивали Кестльри: вспомним хотя бы отношение к Кестльри Байрона.

Вебстеру удается полнее определить значение Кестльри в руководстве европейской политикой 1815—20 г.г., хотя в заключительный период жизни Кестльри 1820—22 г.г. Вебстер это значение переоценивает. Кестльри, указывает Вебстер, склонялся, как и Меттерних, к социальному консерватизму; ему чужды были мысли о демократии и прогрессе. Но и Кестльри и Ришелье в то время «пред-

---

[1]) Т. II, стр. 622—633.

[2]) C. K. Webster. The Foreign Policy of Castlereagh. London. Bell and Sons. 1925. Pp. XIV + 598.

[3]) Harold Temperley. The Foreign Policy of Canning. London. Bell and Sons. 1925. Pp. XXIV ± 636.

ставляли лишь меньшинство своих соотечественников» [1]). Внешняя политика дореформенной Англии, особенно Англии эпохи 1815—22 годов (и значительно менее при Каннинге) диктовалась интересами земельной аристократии. Но земельная аристократия, достигнув победы над Наполеоновской Францией, оказалась на деле в худшем положении, чем была во время войны. Это прекрасно понял Байрон; обращаясь к лэндлордам, этим «пасынкам Альбиона», он говорит: «Зачем разбили Вы трон Бонапарта»...

«Он много царств разрушил, но взамен
«Он ведь упрочил стойкость Ваших цен,
«Расширив то, чем каждый лорд живет,—
«Аграрную алхимию, доход...
«На троне он полезней был вдвойне;
«Богатства гибли, всюду кровь текла,—
«Так что ж: в расплате Галлия была;
«Был дорог хлеб, и каждый фермер в срок
«Платил долги, проценты и оброк» [2]).

Защита Вебстером Кестльри от обвинения в участии и содействии подавлению революционного (национал-либерального) движения в Европе мало убедительна. Возводить же в особую заслугу Кестльри то, что он сохранял дружественный нейтралитет во время австрийской интервенции в Италии и, стремясь к локализации греческого восстания, отказывался все же возводить в принцип интервенцию как средство борьбы с революцией.—никоим образом нельзя. Ведь и Меттерних до того, как за революцией в Испании не последовала революция в Италии, бывшая непосредственной угрозой Австрии, также «по принципиальным соображениям» высказывался против русского проекта интервенции в Испании. Но и Кестльри, и Меттернихом руководили при этом лишь опасения возможного усиления России, и без того приобревшей исключительное влияние на европейские дела в 1815—25 г.г. Ни Кестльри, ни Меттерних не сочувствовали национал-либеральному движению в Испании. В то же время они остерегались похода двухсоттысячной русской армии через всю Европу для усмирения взбунтовавшейся Испании. Это противодействие Кестльри и Меттерниха легко понять, если вспомнить слова Билибина из «Войны и мира» „le plavoslavnoie est terrible pour le pillage“—о разрушительном действии русских армий. О походе русских союзников в Европу хорошо еще помнили помещики Австрии и Польши.

Темперлей, автор работы о внешней политике Каннинга, имел перед собою более благодарную задачу; избранный им герой значительно более подходит для исторической стилизации и значительно ближе

[1]) Вебстер, стр. 496—497.
[2]) Байрон, „Бронзовый век“.

по духу современной внешней политике Англии. Темперлей справедливо отмечает, что с пришествием Каннинга к власти, в британской внешней политике наметились новые черты. «Он предоставил коммерсантам, журналистам и представителям масс больше веса и значения во внешней политике, чем до тех пор» [1]). Справедливо также указание Темперлея на то, что самым важным достижением Каннинга было признание южно-американских республик, бывших испанских колоний. Установление нормальных отношений с южноамериканскими республиками было в двадцатых годах особенно важным для торгово-промышленной буржуазии. Торговля с Южной Америкой была прежде недоступна для английских торговцев вследствие испанского законодательства, обеспечивавшего монополию торговли с колониями за метрополией.

Внесение Каннингом в дипломатию двадцатых годов новых методов было оригинально и смело; он с успехом использовал общественное мнение буржуазии не только в Англии, но и в других странах в пользу Англии. Опубликование им для парламента и печати некоторых дипломатических документов казалось возмутительным Меттерниху, который, после смерти Каннинга, заметил: «Этот человек один был целой революцией» [2]).

Нельзя, поэтому, как это делает Темперлей, серьезно относиться к заявлениям Каннинга о том, что «политика невмешательства является подлинно консервативной политикой, а политика интервенции—отступлением от установившихся традиций». Цитируя Гоббинса, т. Троцкий в своей книге «Куда идет Англия», указывает: «Англия поддерживала конституционное движение в других странах лишь постольку, поскольку это выгодно было для ее торговых и иных интересов; в противном случае, как говорит неподражаемый Гоббинс, «из этого правила бывают исключения» [3]). Эти слова можно целиком применить к эпохе Каннинга. Политика последнего по отношению к Испании диктовалась исключительно торговыми интересами Англии. Из дипломатической переписки английского посла в Мадриде А'Кура с Каннингом ясно видно, что революционному правительству Испании приходилось прибегать к самым заманчивым для Англии обещаниям, вроде заключения благоприятного торгового договора и компенсации английских коммерсантов за убытки, понесенные ими в результате конфискации их товаров в обход

[1]) Темперлей, стр. 472.
[2]) О политике Каннинга в отношении публикации дипломатических документов, см. Темперлей в Cambr. Hist. Journ., n. 2, pp. 164—169.
[3]) Л. Троцкий, „Куда идет Англия“, стр. 28.

испанских законов, отправленных в колонии, чтобы обеспечить «симпатию» Каннинга. Однако, в конце концов симпатии Каннинга помогли очень мало, и Англия в период борьбы испанского правительства кортесов с Францией оставалась лишь зрительницей событий, дружественно нейтральной по отношению к обеим сторонам.

Использование новых архивных материалов и, в частности, дневника княгини Ливен, дает Темперлею возможность написать интересный очерк распадения Священного Союза, который в эпоху Каннинга, в отличие от Союза эпохи 1815—20 г.г., Темперлей называет Neo - Holy - Alliance (Новый Священный Союз). Темперлей считает, что вначале Священный Союз не имел никакого практического значения и воплощал лишь неопределенные мистические идеи Александра I, которым нехотя потворствовал Меттерних, опасавшийся военных сил России. После 1820 года в опытных руках Меттерниха, Священный Союз сделался аппаратом для подавления революционного движения и приобрел значение, которого прежде, по мнению Темперлея, он не имел. Но Каннингу удается отдалить Александра от Австрии; результатом дипломатической кампании, в которой наиболее значительное участие принимают Каннинг и княгиня Ливен, является протокол 4 апреля 1826 года, знаменующий собою начало англо-русского сближения [1]).

В истолковании Священного Союза Темперлей, по нашему мнению, грешит излишним усложнением фактов. Нет никакой необходимости прибегать к делению истории Священного Союза на период мистический и период реакционный. Скорее можно говорить о том, что истинное значение Священного Союза начало определяться не сразу, но уже значительно раньше 1820 года его реакционный характер был ясен. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть хотя бы речи вигов в английском парламенте.

IV

Для последней части своей работы Темперлей использует в значительной мере дневник княгини Ливен, который затем был опубликован им в виде отдельного тома со своим предисловием и раз'яснениями [2]). Княгиня Ливен играла значительную роль в европейской политике, начиная с Венского конгресса, до революции 1848 года, и особенно в 1825—28 г.г. В 1825 году на нее было возложено Александром ответственное поручение подготовить атмосферу для англо-русского сближения. Дневник Ливен дает много нового для истории взаимоотношений между королем и министерством Ливерпуля—Каннинга и для истории внешней политики и даже для бытовой истории начала прошлого столетия. Примечания и раз'яснения Темперлея, за редким исключением, вроде, например, неожиданного сравнения отношений межу кн. Ливен и ее мужем с отношениями между Анной Карениной и ее мужем [1]), можно считать вполне удовлетворительными.

Лишь одно обстоятельство вселяет в читателя недоумение; это происхождение того списка дневника, которым пользовался редактор. На этот законный вопрос предисловие дает неудовлетворительный ответ. Мы узнаем, что «в 1923 году список дневника (1825—30 г.г.) вместе с записями 1814 года, сделанный лицом, имевшим к дневнику доступ, попал в мои руки... С тех пор список был сверен с оригиналом, с разрешения русского большевистского правительства, и были сделаны списки других важных политических заметок Ливен» [2]). Не говоря уже о том, что тон автора предисловия по отношению к Народному Комиссариату Иностранных Дел, разрешившему снять копию с дневника, совершенно недопустим (Russian bolshevik government), он не указывает, кто было лицо, доставившее ему список дневника, находившегося в библиотеке бывшего императора.

Нам остается упомянуть еще о нескольких работах по истории английской внешней политики. Краткие размеры обзора не позволяют нам останавливаться подробнее на отдельных изданиях.

Американская работа, изданная университетом штата Иова о «дипломатических отношениях Англии и четверного союза (России, Австрии, Пруссии, Франции) 1815—30» основана только на данных опубликованных источников, да и то далеко не всех [3]). Автор работы. М. Бойс. несмотря на незначительные размеры исследования и явно недостаточную проработку материала, обнаруживает значительную уверенность и подчас даже резкость суждений. Читатель устает от принятой автором формы изложения в виде тезисов; М. Бойс не склонна доказывать, и ей

[1]) Этот эпизод изложен Темперлеем в его статье в „English Historical Review" Jan. 1924.

[2]) The Unpublished Diary and political sketches of Princess Lieven. Edited with elucidations (?!) by H. Temperley. London. 1925. Pp. 282.

[1]) Дневник Ливен, стр. 19—приведена целая цитата из романа Толстого, которая, по мнению Темперлея, должна изображать семейные отношения Ливенов (!!).

[2]) Дневник Ливен, стр. 12.

[3]) University of Iowa Studies. Vol. VII N. I. Myrna Boyce. The Diplomatic Relations of England with the Quadruple Alliance 1815—1830. 1918. Iowa. P. 76.

остается лишь утверждать. После работ Вебстера и Темперлея о книжке М. Бойс не приходится говорить серьезно, но все же стоит отметить попытку американской исследовательницы сопоставить внешнюю политику Англии в 1815—30 г.г. не только с торговыми интересами Англии, но и с финансовым положением страны, не позволявшим ей вести войну.

Истории англо-американских дипломатических отношений с момента отделения Соед. Штатов до 1914 года посвящена работа Р. Мовата [1]). В пределах одного тома автор имел возможность дать лишь сжатое хронологическое описание важнейших фактов в истории англо-американских отношений за 130 лет. Главный его тезис—невозможность войны между Англией и Соединенными Штатами в будущем—остается недоказанным, и вообще не доказуем, хотя автор и убеждает читателя в противном. Во всяком случае из истории англо-американских отношений, которую более или менее добросовестно излагает автор, справедливость этого тезиса должна быть подвергнута сомнению. Автор не доказал того, что возможность конфликта между Соед. Штатами и Англией исключена в будущем, или уменьшилась в течение последнего столетия.

Р. Мoват несколько загромождает свое изложение повествованием о происхождении и социальных связях каждого из английских представителей в Штатах и американских представителей в Англии. Все это, может быть, и интересно, но дает очень мало для уяснения природы дипломатических отношений между обоими государствами и относится скорее к бытовей истории английского и американского «общества».

Известный интерес в качестве справочника представляет сводная работа французского историка Новиона о «Внешней и внутренней политике Англии в 1900—14 г.г.» [1]). Автор не задается целью «открыть что-либо», но ему удается дать общий очерк внутреннего и внешнего политического положения Англии в начале XX века. Приложенный к книге подробный библиографический указатель составлен в значительной мере случайно, но все же он может быть полезен в качестве дополнения к библиографии третьего тома «Кембриджской Истории» в отношении иностранной (не английской) литературы.

И. Звавич.

1) R. Mowat. The Diplomatic Relations of Great Britain and the United States. London. Arnold. 1925. Pp. XI + 350.

1) François Novion. L'Angleterre et sa politique étrangère et intérieure (1900—1914). Paris. Alcan. 1924. Pp. VIII + 460.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ

В современной историографии история английской деревни занимает менее видное место, чем история английской промышленности, торговли и колониальной державы. Но и здесь ставится ряд интереснейших социологических проблем, нашедших блестящее отражение в современной исторической литературе. Здесь создалась классическая картина средневекового феодального поместья—«манора». Здесь особенно отчетливо выступает линия разложения поместного строя под влиянием развития торгового капитала. Здесь мы имеем наиболее яркий пример законченного аграрного развития в смысле окончательного поглощения крестьянской собственности крупным замлевладением. Здесь мы встречаем, наконец, любопытные попытки возродить это исчезнувшее крестьянство. Ряд крупных имен украшает историографию вопроса; на почетном месте стоит имя Маркса. Широко известны труды Роджерса, Сибома, Виноградова, Мэтланда, Эшли, М. Ковалевского, Петрушевского, Савина, Граната, Рэ, Госбаха, Леви... Этот список легко увеличить во много раз. Как мы видим, он пестрит именами русских ученых. Все же в аграрной истории Англии остается немало темных мест. Я не говорю уже о темных и спорных вопросах раннего развития, которые едва ли когда-нибудь выйдут из сферы гипотез. Я не имею также в виду совершенной неразработанности некоторых хронологических периодов: ведь мы н и ч е г о не знаем об аграрном развитии Англии в XV в е к е—а в этот период пали главные основы феодальной поместной системы; мы п о ч т и н и ч е г о не знаем об английской деревне XVII века—века великой английской революции—и все наши попытки воссоздать роль деревни в этой революции опираются на крайне скудный материал. Но и в тех областях, где прошла работа крупных специалистов, где, казалось, были сделаны крупные и прочные завоевания, ставятся новые проблемы, привлекаются новые материалы, заставляющие заново пересмотреть все основные вопросы английской аграрной истории. Мне хочется дать краткий обзор тех проблем, которые поставлены в этой области новой английской литературой (примерно с начала войны). Мой очерк распадется на две части—средние века (до XVI в.) и новое время (XVI—XX в.в.).

остается лишь утверждать. После работ Вебстера и Темперлея о книжке М. Бойс не приходится говорить серьезно, но все же стоит отметить попытку американской исследовательницы сопоставить внешнюю политику Англии в 1815—30 г.г. не только с торговыми интересами Англии, но и с финансовым положением страны, не позволявшим ей вести войну.

Истории англо-американских дипломатических отношений с момента отделения Соед. Штатов до 1914 года посвящена работа Р. Мовата [1]). В пределах одного тома автор имел возможность дать лишь сжатое хронологическое описание важнейших фактов в истории англо-американских отношений за 130 лет. Главный его тезис—невозможность войны между Англией и Соединенными Штатами в будущем—остается недоказанным, и вообще не доказуем, хотя автор и убеждает читателя в противном. Во всяком случае из истории англо-американских отношений, которую более или менее добросовестно излагает автор, справедливость этого тезиса должна быть подвергнута сомнению. Автор не доказал того, что возможность конфликта между Соед. Штатами и Англией исключена в будущем, или уменьшилась в течение последнего столетия.

Р. Моват несколько загромождает свое изложение повествованием о происхождении и социальных связях каждого из английских представителей в Штатах и американских представителей в Англии. Все это, может быть, и интересно, но дает очень мало для уяснения природы дипломатических отношений между обоими государствами и относится скорее к бытовей истории английского и американского «общества».

Известный интерес в качестве справочника представляет сводная работа французского историка Новиона о «Внешней и внутренней политике Англии в 1900—14 г.г.»[1]). Автор не задается целью «открыть что-либо», но ему удается дать общий очерк внутреннего и внешнего политического положения Англии в начале XX века. Приложенный к книге подробный библиографический указатель составлен в значительной мере случайно, но все же он может быть полезен в качестве дополнения к библиографии третьего тома «Кембриджской Истории» в отношении иностранной (не английской) литературы.

И. Звавич.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ

В современной историографии история английской деревни занимает менее видное место, чем история английской промышленности, торговли и колониальной державы. Но и здесь ставится ряд интереснейших социологических проблем, нашедших блестящее отражение в современной исторической литературе. Здесь создалась классическая картина средневекового феодального поместья—«манора». Здесь особенно отчетливо выступает линия разложения поместного строя под влиянием развития торгового капитала. Здесь мы имеем наиболее яркий пример законченного аграрного развития в смысле окончательного поглощения крестьянской собственности крупным замлевладением. Здесь мы встречаем, наконец, любопытные попытки возродить это исчезнувшее крестьянство. Ряд крупных имен украшает историографию вопроса; на почетном месте стоит имя Маркса. Широко известны труды Роджерса, Сибома, Виноградова, Мэтланда, Эшли, М. Ковалевского, Петрушевского, Савина, Граната, Рэ, Госбаха, Леви... Этот список легко увеличить во много раз. Как мы видим, он пестрит именами русских ученых. Все же в аграрной истории Англии остается немало темных мест. Я не говорю уже о темных и спорных вопросах раннего развития, которые едва ли когда-нибудь выйдут из сферы гипотез. Я не имею также в виду совершенной неразработанности некоторых хронологических периодов: ведь мы ничего не знаем об аграрном развитии Англии в XV веке—а в этот период пали главные основы феодальной поместной системы; мы почти ничего не знаем об английской деревне XVII века—века великой английской революции—и все наши попытки воссоздать роль деревни в этой революции опираются на крайне скудный материал. Но и в тех областях, где прошла работа крупных специалистов, где, казалось, были сделаны крупные и прочные завоевания, ставятся новые проблемы, привлекаются новые материалы, заставляющие заново пересмотреть все основные вопросы английской аграрной истории. Мне хочется дать краткий обзор тех проблем, которые поставлены в этой области новой английской литературой (примерно с начала войны). Мой очерк распадется на две части—средние века (до XVI в.) и новое время (XVI—XX в.в.).

---

[1]) R. Mowat. The Diplomatic Relations of Great Britain and the United States. London. Arnold. 1925. Pp. XI + 350.

[1]) François Novion. L'Angleterre et sa politique étrangère et intérieure (1900—1914). Paris. Alcan. 1924. Pp. VIII + 460.

1. Средние века

Через два года после появления классической книги Виноградова о вилланстве в Англии [1]), давшей необычайно яркий и четкий образ английского феодального поместья—«манора», самый блестящий из английских историков-юристов—Мэтланд—выразил сомнение в том, что уже приспело время говорить о маноре в целом [2]). Мэтланду казалось, что в этой области еще слишком мало собрано материала, и что всяким обобщениям должна предшествовать монографическая разработка истории отдельных маноров. Мэтланд сам дал превосходный образец такой монографии в цитированной только-что «Истории одного Кембриджширского манора»—Уильбертона (Wilburton). Указанный Мэтландом путь дал ряд интересных и важных достижений. Важнейшими из них являются монографии Балларда о маноре Вудстоке [3]), мисс Давенпорт о маноре Форнсетте [4]), Н. А. Савина о манорах Уиндаме [5]), East Dereham и East Hendred [6]). Монографическая разработка поставила проблемы аграрного развития несравненно конкретнее, чем они ставились раньше; заставляла обратить внимание на ряд явлений, которые отбрасывались, как не типические, в трудах общего характера. Она не остановила и общей постановки проблем аграрной истории Англии. «Книга Страшного Суда и то, что было до нее» Мэтланда, «Восстание Уота Тайлера» Петрушевского, «Средневековое поместье в Англии» Виноградова [8]), его же «Английское общество в XI веке» [9]), «Конец вилланства в Англии» Пэджа [10]), «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии» Граната—всё это крупные и ценные попытки осветить основные проблемы аграрной истории средневековой Англии. За последние 10—12 лет в трактовке этих общих вопросов произошел весьма существенный сдвиг. Если еще недавно в исследованиях общего характера Англия трактовалась как нечто целое, и допускалось существование некоего «английского поместья», характерного для всей Англии, то новые труды подчеркивают географические особенности в аграрном развитии; в дальнейшем это стремление приводит к попыткам районировать средневековую Англию, разбить ее на экономическо-географические зоны. Все больше и больше проводится требование точного научного метода; с этим связывается привлечение массового и критически проверенного материала и широкое применение статистических приемов. Развитие историографии английской деревни за последние 40 лет представляет своего рода триаду: 1) сначала (хронологически это не совсем точно) труды общего характера, старающиеся на основании широкого круга источников, относящихся к разным зонам и эпохам, дать общие характеристики; 2) специальные монографии, стремящиеся дать точную и конкретную картину развития отдельных поместий; 3) опять труды обобщающего характера, но отправляющиеся от местных особенностей и старающиеся на статистической основе дать цельную, но дифференцированную картину аграрного строя или развития. Я дам обзор крупнейших (по их значению) работ за последние 12 лет. Каждая из них ставит проблему основного значения.

Очень характерной для новых приемов исследования является книга американского ученого Грэя о системах земледелия в Англии (H. L. Gray. English Field. Systems 1915). Грэй ставит два ряда вопросов: 1) Какие системы земледелия были распространены в Англии? Каковы были районы их распространения? 2) более трудный вопрос—каково их происхождение? Какова их филиация? Представляют ли они совершенно особые виды, внесенные разными племенами, или же развиваются из одной первоначальной системы? Грэй справедливо отмечает ту необычайную легковесность, какой отличаются все прежние ответы на эти вопросы. Все исследователи отмечают господство или трехпольной системы (Нассе, Сибом), или двухпольной (Роджерс) или обеих (Виноградов). Мейцен в своей знаменитой работе [1]) основывается главным образом на блестящем очерке Сибома [2]). А Сибом основывается на поверхностно и неверно изученном плане одного поместья (Hitchin) в начале XIX века (1816); через 3—4 неясных источника Сибом перетаскивает всю эту систему в англо-саксонский период. Виноградов очень легко скользит по данному вопросу: «Всем известно, пишет он, что преобладала трех-

[1]) Villainage in England. 1892.

[2]) Maitland. The history of a Cambridgshire manor Englisch Historical Review, July, 1894, 417.

[3]) Ballard. Woodstock Manor in the XIII century. Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, 1908.

[4]) F. G. Davenport. The economic development of a Norfolk manor. 1906.

[5]) История одного восточного манора (Сборник в честь М. К. Любавского).

[6]) История двух маноров. Журн. Мин. Нар. Просв. 1916 г.

[7]) Domesday Book and beyond 1897.

[8]) Сначала появилось по-английски: „The Grewth of the Manor“. 1905.

[9]) English Society in the eleventh century 1908.

[10]) Page. End of villainage in England.

[1]) Siedelung und Agrarwesen. 1895.

[2]) English village Community, 1883, стр. 1—16.

полка; была широко распространена и двухполка; более сложные системы развиваются не ранее XIV века». Но дело обстояло гораздо сложнее.

Грэй работает, подобно Сибому, в ретроспективном направлении; но он привлекает несравненно более обильный и достоверный материал. Отправляясь от актов об огораживаниях (Inclosure acts) и переговоров об огораживаниях (Inclosure awards) XVIII—XIX в.в., он идет через описи Тюдоровской эпохи к документам XII—XIII в.в.; порой ему удается провести свое расследование до англо-саксонской эпохи. Грэй различает три основных системы земледелия, которым соответствуют три географических зоны. Различие между двух- и трехпольной системой он не считает существенным: обе они лежат в одной зоне и представляют собой не столько две разных системы, сколько два варианта, при чем можно подметить, как двухпольная система переходит в трехпольную. Областью распространения этих систем является большая часть Англии, кроме крайнего севера, запада и востока. На севере и западе господствует система, близко напоминающая ту, которую наблюдатели конца XVII в. застали еще в Шотландии. Для нее характерна культура исключительно яровых хлебов. Все поля делились на две части—внутренние поля (infields), составлявшие в среднем около 1/5 всей пахотной земли, и внешние поля (outfields). Первая часть обрабатывается под ячмень или овес ежегодно, без пара, при помощи удобрения. На второй части каждая из полос обрабатывается (под овес) несколько лет подряд, до истощения, а потом на несколько лет запускается под пар. Для этой системы так же как и для двух- и трехпольной характерна чересполосность, вызываемая разделами земли между родичами по сложной классовой системе. Совсем иная система господствовала в восточных и юго-восточных графствах Англии, всего отчетливей в Кенте. Здесь очень рано встречаются более интенсивные системы земледелия, с усиленным применением удобрения. Уже в XIV веке в Кенте многие земли не знают пара. В противоположность типичному наделу двух- или трехпольной системы, надел восточной системы (ingum) не состоял первоначально из разбросанных по разным полям полос, а представлял компактный участок. Чересплосность явилась результатом деления между наследниками и об'единения разных частей в одних руках. Первоначальные наделы, очертания и собственные имена которых отчетливо выступают и в более поздние времена, обычно имеют форму, более или менее приближающуюся к прямоугольникам. Эта система выступает в несколько модифицированном виде в восточно-английских графствах (Норфок, Сеффок). Переходные формы наблюдаются в области нижней Темзы. Грэй считает двух- и трехпольную систему германской, внесенной англо-саксонскими завоевателями. Северную и западную он считает исконно-кельтской, а восточную—римской, видоизмененной в северной части датским влиянием.

Любопытную попытку внести принцип районирования в изучение аграрной истории средневековой Англии дает работа другого американца, Граса, о развитии английского хлебного рынка (N. S. B. Gras. The development of the English corn market, 1915). Хлебная торговля развивается в Англии уже в XII веке, а с XIII она делается определяющим принципом аграрного развития. Поместье приспособляет свою организацию к производству на сбыт. Этим процессом захвачено и крестьянство через посредство скупщиков хлеба. С начала XIII века ясен и заграничный вывоз. Грас устанавливает для XIII века значительный рост хлебных цен и значительное повышение производительности земледелия. Время XIII—XV в.в. было эпохой развития местного рынка. По среднему уровню хлебных цен Грас разделяет Англию на 15 географических районов. Эти районы можно разделять на две группы—районы низких цен и районы высоких цен. К последним принадлежат главным образом северные графства, где производство хлебов было недостаточно. Районы низких цен лежат в производящей территории Северны, верхней Темзы и Аузы. Высокие цены наблюдаются также в некоторых производящих районах, где имелся повышенный спрос на хлеб для местного рынка или для вывоза. Материал Граса (так же, как и материал Грэя) при всей своей обширности все еще недостаточен для окончательного разрешения вопроса и требует осторожной критической проверки. Но проделанная ими работа по районированию английского средневекового сельского хозяйства, несомненно, является крупнейшим почином и, при возможных ошибках в частностях, дает в общем верный путь к правильной постановке основных вопросов аграрного развития. Метод районирования и массовых подсчетов применен Грэем в его статье о «Коммутации барщин в Англии перед Черной Смертью» (H. L. Gray. The Commutation of Villein Services in England before the Black Death. English Historical Review, 1914). Но эта статья, при несомненной ценности проделанной Грэем работы, показательна для тех опасностей, которые создаются недостаточно ясной постановкой вопросов даже при применении точнейших методов исторического исследования. Еще недавно на Черную Смерть (великую чуму 1348—9 г.г.) смотрели, как на поворотный момент в истории

аграрного развития Англии, хотя и расходились в оценке ее результатов. Особенно резко эта точка зрения выступает у Роджерса, в его известной «Истории земледелия и цен» [1]) и «Истории труда и заработной платы» [2]). Перед Черной Смертью, по мнению Роджерса, английские крепостные успели уже заменить большую часть своих барщинных работ денежными платежами. Барское хозяйство стало опираться преимущественно на наемных рабочих. Черная Смерть вызвала резкое уменьшение числа рабочих рук и рост заработной платы. Помещики пробовали противодействовать этому росту путем рабочего законодательства, и, потерпев неудачу, сделали попытку возвратиться к барщинным порядкам, что и вызвало знаменитое восстание Уота Тайлера в 1381 г. В конце концов помещикам пришлось отказаться от попыток вести свое хозяйство, и они стали сдавать барскую землю в аренду или переходить на ней к скотоводческому хозяйству, что в последнем счете привело к окончательной ликвидации барщинных и крепостных порядков. Суждение Роджерса о замене барщинных работ денежными платежами (коммутации) перед Черной Смертью основывается на ничтожном цифровом материале. Американец Пэдж в своей работе о «Конце вилланства в Англии» (End of villainage in England, 1900) сделал попытку более точного учета. По мнению Пэджа, коммутация не только не закончилась ко времени Черной Смерти, но едва только началась. Анализируя документы, касающиеся 81 поместья за период 1325—1350 г.г., Пэдж показал, что только в 6 из них барщина была окончательно заменена платежами, и в 9 заменена в большей части. В 22 крепостные выполняли около половины барщинных работ, а в 44 они выполняли все или почти все работы. Анализируя источники за период между 1355 и 1380, Пэдж не нашел никаких следов феодальной реакции. Наоборот, коммутация сделала за это время большие успехи. Из 126 изученных Пэджем поместий 40 совсем заменили барщину денежными платежами, 39—почти. В 25 осталась половина барщин, и лишь в 22 они сохранились почти целиком. Этот быстрый рост коммутации после Черной Смерти Пэдж об'ясняет тем, что помещикам было трудно заставить работать виланов, стремившихся уйти на заработки в виду повысившейся платы. Помещикам приходилось переходить на оброчную систему, хотя бы и с потерей. Работа Пэджа, основанная на изучении солидного количества источников, удерживала за собой поле до 1914 г. [1]), когда появилась статья Грэя о коммутации вилланских повинностей. Грэй привлек новый, мало исследованный материал, и притом в таком огромном количестве, которое далеко оставило за собой те десятки поместий, которые были изучены Пэджем. Им были изучены данные для более, чем 900 поместий. Он пользовался так называемыми Inquisitiones post Mortem (расследования, производившиеся после смерти непосредственных вассалов короля относительно их имуществ, доходы которых временно поступали в руки короля, пока он не передавал их законным наследникам или опекунам). Грэй изучил 521 такое расследование за период 1333—1342 г.г. Кроме того, им были изучены приказчичьи отчеты для владений 9 епископских кафедр, а также описи владений монастырей, секуляризированных в 1325 г., и относящиеся к 1338 г. описи владений госпитальеров. Справедливо упрекая Пэджа в том, что его материал целиком относится к южной половине Англии, Грэй берет источники, относящиеся к разным областям, и ведет свое изучение по отдельным графствам. В основу своих выкладок он кладет соотношение между барщиной и денежными платежами держателей. Результаты его подсчетов таковы: в северных и северо-западных графствах Англии почти совсем не видно барщин. Лучше сохранились барщины в юго-восточной половине страны, при чем тяжесть их возрастает по направлению к юго-востоку [2]); всего тяжелее они в Норфоке, Сеффоке, Эссексе, Гертфордшире, Сессексе. Для этих областей теория Пэджа применима; но для Англии в целом приходится в значительной мере вернуться ко взглядам Роджерса. При этом приходится отметить любопытный факт, что коммутация дальше всего зашла в областях наиболее экономически отсталых, а барщина всего лучше сохранилась в наиболее развитых. Подсчеты Грэя, несомненно, ставят вопрос о коммутации на совершенно новые рельсы; но полученные им цифры имеют совсем не тот смысл, который в них вкладывал автор. Ему казалось, что во всех тех случаях, где он встречал отсутствие барщин или преобладание денежных платежей над барщинами, он имел дело с коммутацией, с состоявшейся заменой барщин денежными платежами. Он исходил в данном случае от

---

[1]) A history of Agriculture and Prices in England, I, 1866.

[2]) Six centuries of work and wages. 1886.

[1]) Некоторое возвращение к теории Роджерса о феодальной реакции и подкрепление этой теории новым фактическим материалом находим в книге Петрушевского „Восстание Уота Тайлера". Там же дан подробный анализ литературы вопроса.

[2]) Исключение представляет Кент, где не наблюдается барщин. Но развитие Кента всегда шло особым путем.

представления о безусловном преобладании барщинной системы во всей Англии в XII—XIII в.в. Но это представление (получившее классическое выражение в трудах Сибома и Виноградова) не подверглось еще цифровой проверке и особенно спорно в применении к северной и северо-западной Англии (и Сибом и Виноградов работали почти исключительно над южно-английским материалом). Рисуя, повидимому, довольно верно соотношение между барщинной и оброчной системами во второй четверти XIV века, работа Грэя еще ничего не говорит о процессе коммутации; для этого надо было бы сравнить его цифры с цифрами, взятыми из более ранней эпохи. Пишущий эти строки работал в Лондонском Публичном Архиве над Inquistiones post Mortem 40-х, 50-х и 60-х годов XIII века. Его выводы близко сошлись с выводами Грэя: барщина почти отсутствовала на севере и северо-западе Англии и всего сильнее она была развита в тех же восточных графствах, которые отмечены у Грэя. Повидимому, в северных и северно-западных графствах Англии барщинная система никогда не получала сколько-нибудь значительного развития; поэтому говорить о происшедшем здесь процессе коммутации еще не приходится. Зато отчетливо намечается иная связь между фактами: барщинная система всего сильнее развивается в областях, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство, рассчитанное на рынок; она слабо намечена в областях экономически отсталых и скотоводческих. Этот вывод заставляет пересмотреть общепринятую концепцию, связывавшую барщинную систему с господством натурального хозяйства, а коммутацию с развитием рынка и денежного хозяйства. В связи с работой Граса, отметившего также влияние рынка на деревенский уклад средневековой Англии, вышеприведенные соображения толкают на полный пересмотр общепринятых представлений о происхождении и характере крепостного и барщинного «феодального» поместья, получивших классическое выражение в трудах Виноградова. Вопрос о влиянии Черной Смерти на развитие английских аграрных порядков поставлен на новый путь в работе мисс Леветт (A. E. Levett. The Black Death on the estates of the see of Winchester. Oxford Studies. V. 1916). Уже и раньше раздавались голоса, предостерегавшие от преувеличения значения Черной Смерти. Среди них были авторитетные голоса Виноградова, Джонсона [1]). Ливетт подвергла тщательному изучению приказчичьи отчеты поместий епископства Винчестерского за 1346—1356 и отчасти за 1376—1381 г.г. С точки зрения научной техники, это образцовая работа, как по осторожной и критической постановке вопросов, так и по мастерскому овладению материалом и по ясности и обоснованности выводов. Леветт приходит к заключению, что Черная Смерть не оказала длительного влияния на аграрные порядки в изученных ею поместьях. Есть следы преходящего расстройства хозяйственной жизни, но за ними следует быстрое и полное восстановление. Никаких уклонений отмечавшихся ранее путей развития Черная Смерть не вызвала. Не видно усиленного роста коммутации (этот процесс начался еще до 1208 г. и закончился лишь в 1455). Не было и попыток усилить барщинные повинности вилланов; не видно и роста аренды. Все те перемены, которые с течением времени привели к разрушению манориальной системы, начались задолго до Черной Смерти и не были ею ускорены. Леветт оговаривается, что ее выводы имеют силу лишь для изученных ею поместий (главным образом в Гампшире). Повидимому, не всюду Черная Смерть имела одинаковые результаты. Но во всяком случае мнение тех, кто предостерегал от преувеличения влияния случайных причин на аграрное развитие, получило в работе Леветт весьма авторитетное подтверждение.

Необходимость считаться при изучении аграрной истории с местными особенностями очень настойчиво подчеркивается исследованиями Стентона (F. M. Stenton. Types of manorial structure in the northern Danelaw. Oxford Studies, II. Его же издание источников — Documents illustrative of the Social and Economic History of the Danelaw. British Academy. Records of the Social and economic history of England and Wales.V. См. так же его статью Danes in England history, окт. 1920). Стентон изучает область датской колонизации, т. наз. Денло (Danelaw) главным образом графства Дерби, Лестершир, Ноттингемшир, Линконшир и Йоркшир. В этой области долго сохранялись местные особенности, ведущие свое начало еще от времен датской коммутации IX века. Здесь сохранилось своеобразное областное деление, особая аграрная терминология, скандинавские местные названия. До самого конца средневековья, поместья датской полосы мало походили на южно-английские «маноры». Бесчисленные поместья раннего норманнского периода состояли из держаний, разбросанных по очень большим пространствам и связанных с центром уплатой обычных взносов и, может быть, посещением курии. Тяжелых барщинных повинностей не несло даже несвободное население. Свободное крестьянство составляет здесь весьма значительный процент населения (местами до 60%). Это—прямой результат датской

[1]) A. Johnson. The Disappearance of the Small Landowner. 1909, стр. 17 и след.

военной колонизации. Масса свободного крестьянства, т. наз. сокмены,—это поселенцы из числа рядовых воинов датского войска, группирующиеся в разных степенях зависимости вокруг людей высокого происхождения. Несвободное крестьянство создалось отчасти из туземного населения, отчасти из датских поселенцев, по тем или другим причинам утративших свободу. Но свободное крестьянство, как основа социального строя, и неполное развитие манориальной системы являются характерной особенностью датской полосы.

Для понимания аграрного строя северной и северо-западной Англии (а их своеобразие достаточно выясняется из обоих вышеприведенных трудов Грэя) существенным является знакомство с кельтскими порядками, уцелевшими здесь, повидимому, еще с древнейших времен. Эти старинные кельтские порядки очень отчетливо выступают в Уэльсе в эпоху завоевания ею англичанами. Британской академией издана под редакцией Виноградова и Моргана опись сеньерии Денби (в северном Уэльсе) в 1334 (Survey of the honour of Denbigh, 1334, ed. by P. Vinogradoff and F. Morgan, 1914), изданию предпослано обстоятельное предисловие, являющееся весьма ценным исследованием. Опись позволяет проследить целый ряд напластованных одна на другую стадий поместного развития: 1) родовую общину, 2) растущую рядом с ней земельную соседскую общину, 3) зачатки феодализации и образования поместья в связи с ростом власти местных вождей, 4) поместный строй, создаваемый завоевателями-англичанами на конфискованных землях. Многое из того, что дает источник для методов хозяйства и особенно земледелия в северном Уэльсе, для повинностей свободного и несвободного населения и особенно для перехода натуральных взносов в денежные, минуя барщинную систему, может дать ключ к уразумению своеобразных порядков северной и северо-западной Англии.

Новые исследования совершенно изменили те взгляды на аграрное развитие средневековой Англии, которые установились с начала 90-х годов. Теперь уже нет места для прежних простых, ясных и симметричных формул. Приходится скинуть со счетов такие привычные представления, как «натуральное хозяйство». С большой осторожностью приходится говорить о господстве поместного (манориального) строя, барщинной системы, о коммутации, о влиянии Черной Смерти. К новым характеристикам приходится подходить путем кропотливых подсчетов, путем осторожного выделения местных особенностей. Но в осложненном материале, среди обломков разрушенных теорий, начинают вырисовываться линии для нового построения аграрной истории Англии—и, может быть, вообще аграрной истории средневековья. На очереди стоит большое обобщающее исследование, которое заменило бы классическое, но уже устарелое «Средневековое поместье в Англии» Виноградова.

Е. А. Косминский

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

ОБЗОР ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ЗА 1925 И ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ 1926 г.

Исторические статьи и притом видных историков помещаются, кроме специальных журналов, которые мы будем рассматривать особо, и в так называемых „толстых“ литературах, предназначенных для широкой публики.

Среди них первое место следует уделить Revue de Deux Mondes, журналу, отражающему взгляды буржуазии, журналу академиков, генералов, крупных чиновников, бывших и настоящих политических тузов и сиятельных русских эмигрантов. Кроме исторических эпизодов типа политической повествовательной истории, базирующейся на психологическом анализе дипломатических документов или мемуаров (Hano Paux, Du Consulat à l'Empire; La politique intérieur sous le I Empire, mars-août 1925), полупублицистики того же типа (Maurice Paléologue, Un grand réalité Cavour), там более года тянулась длинная повествовательно-хулительная статья известного реакционного архивиста Ленотра о Робеспьере (Lenôtre. Le mysticisme révolutionnaire Robespierre et „la mere de Dieu“); далеко не окончены еще мало-интересные мемуары известного лидера клерикально-консервативной буржуазии 70-х годов герцога де-Бротля, и в этом году начались печатанием мемуары Р. Пуанкарэ под пышным заглавием: Au Service de la France. Наиболее интересным являются записки о перевороте 1851 г. самого герцога де Морни (La genèse d'un coup d'Etat 2 déc—1 avr 1851. 1925), с свойственным этому авантюристу откровенным цинизмом описывающие подготовку и выполнение переворота, организация которого благодаря почти одновременному появлению переписки графа О'Флао, окончательно теперь выяснена.

Другие литературные ежемесячники большей частью довольствуются или историческими статьями к моменту или

военной колонизации. Масса свободного крестьянства, т. наз. сокмены,—это поселенцы из числа рядовых воинов датского войска, группирующиеся в разных степенях зависимости вокруг людей высокого происхождения. Несвободное крестьянство создалось отчасти из туземного населения, отчасти из датских поселенцев, по тем или другим причинам утративших свободу. Но свободное крестьянство, как основа социального строя, и неполное развитие манориальной системы являются характерной особенностью датской полосы.

Для понимания аграрного строя северной и северо-западной Англии (а их своеобразие достаточно выясняется из обоих вышеприведенных трудов Грэя) существенным является знакомство с кельтскими порядками, уцелевшими здесь, повидимому, еще с древнейших времен. Эти старинные кельтские порядки очень отчетливо выступают в Уэльсе в эпоху завоевания ею англичанами. Британской академией издана под редакцией Виноградова и Моргана опись сеньерии Денби (в северном Уэльсе) в 1334 (Survey of the honour of Denbigh, 1334, ed. by P. Vinogradoff and F. Morgan, 1914), изданию предпослано обстоятельное предисловие, являющееся весьма ценным исследованием. Опись позволяет проследить целый ряд напластованных одна на другую стадий поместного развития: 1) родовую общину, 2) растущую рядом с ней земельную соседскую общину, 3) зачатки феодализации и образования поместья в связи с ростом власти местных вождей, 4) поместный строй, создаваемый завоевателями-англичанами на конфискованных землях. Многое из того, что дает источник для методов хозяйства и особенно земледелия в северном Уэльсе, для повинностей свободного и несвободного населения и особенно для перехода натуральных взносов в денежные, минуя барщинную систему, может дать ключ к уразумению своеобразных порядков северной и северо-западной Англии.

Новые исследования совершенно изменили те взгляды на аграрное развитие средневековой Англии, которые установились с начала 90-х годов. Теперь уже нет места для прежних простых, ясных и симметричных формул. Приходится скинуть со счетов такие привычные представления, как «натуральное хозяйство». С большой осторожностью приходится говорить о господстве поместного (манориального) строя, барщинной системы, о коммутации, о влиянии Черной Смерти. К новым характеристикам приходится подходить путем кропотливых подсчетов, путем осторожного выделения местных особенностей. Но в осложненном материале, среди обломков разрушенных теорий, начинают вырисовываться линии для нового построения аграрной истории Англии—и, может быть, вообще аграрной истории средневековья. На очереди стоит большое обобщающее исследование, которое заменило бы классическое, но уже устарелое «Средневековое поместье в Англии» Виноградова.

Е. А. Косминский

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

ОБЗОР ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ЗА 1925 И ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ 1926 г.

Исторические статьи и притом видных историков помещаются, кроме специальных журналов, которые мы будем рассматривать особо, и в так называемых „толстых" литературах, предназначенных для широкой публики.

Среди них первое место следует уделить Revue de Deux Mondes, журналу, отражающему взгляды буржуазии, журналу академиков, генералов, крупных чиновников, бывших и настоящих политических тузов и сиятельных русских эмигрантов. Кроме исторических эпизодов типа политической повествовательной истории, базирующейся на психологическом анализе дипломатических документов или мемуаров (Hano Paux, Du Consulat à l'Empire; La politique intérieur sous le I Empire, mars-août 1925), полупублицистики того же типа (Maurice Paléologue, Un grand réalité Cavour), там более года тянулась длинная повествовательно-хулительная статья известного реакционного архивиста Ленотра о Робеспьере (Lenôtre. Le mysticisme révolutionnaire Robespierre et „la mere de Dieu"); далеко не окончены еще мало-интересные мемуары известного лидера клерикально-консервативной буржуазии 70-х годов герцога де-Бротля, и в этом году начались печатанием мемуары Р. Пуанкарэ под пышным заглавием: Au Service de la France. Наиболее интересным являются записки о перевороте 1851 г. самого герцога де Морни (La genèse d'un coup d'Etat 2 déc—1 avr 1851. 1925), с свойственным этому авантюристу откровенным цинизмом описывающие подготовку и выполнение переворота, организация которого благодаря почти одновременному появлению переписки графа О'Флао, окончательно теперь выяснена.

Другие литературные ежемесячники большей частью довольствуются или историческими статьями к моменту или

изложением сенсационных недавно вышедших книг и мемуаров (см., например, клерикально-консервативный Correspondant 25/V 1925. M. Caudel, изложение англ. книги The secret of the coup d' Etat an unpublished corresрondance of Prince L. Napoleon, Morny, Flahault and others 1848—1852).

Если редкая книга этих ежемесячников обходится без враждебных статей по адресу СССР, то неотвязчивая мысль о разрыве царско-французского альянса и неуплачиваемых долгах не оставляет французских историков и тогда, когда они пишут в специальном журнале.

Анализирует ли маститый Henry Hauser, знаток XVII века и колониальной истории, торговлю Франции и состояние французской валюты в XVII в. по „образцовому негоцианту"—тогдашнему крупному торговому дельцу—Совари, он особенно подчеркивает отрицательные черты московского рынка (Revue d'Histoire économique et sociale 1925 № 1. H. Hauser, Le parfait négociant de Jacques Savary).

Не может забыть неудачу своего письма, обращенного в 1917 г. „к гражданам свободной России", столь же маститый А. Олар (заметка по поводу смерти художника Виллета в Révolution Française 1926 № 1).

Но всех превзошел злобностью и злопыхательством некий Миркин-Гецевич, именующий себя бывшим „приват-доцентом Петроградского Университета". Статья его „Декларации прав: Французская и Советская" (Révolution Française 1925, № 4) своей необоснованностью и невежественностью в истории Франц. революции вызвала резкую отповедь даже в среде французских историков.

Приступая к обзору французских исторических журналов, приходится предпослать несколько общих замечаний.—Литература эта абсолютно не марксистская, типа старой повествовательной „прагматической" истории, и с точки зрения марксиста-историка любая статья вызовет серьезные возражения и по своей архитектонике и по методу анализа исторических фактов. Обзор не ставит своей целью подробного исторического разбора, ограничивается общими критическими замечаниями и суммированием ценного архивного материала, приводимого в рецензируемых статьях.

Особое место среди исторической литературы истекшего года следует уделить юбилейной литературе о Сен-Симоне и сен-симонизме.

Столетие со дня смерти С.-Симона было отмечено специальным юбилейным № 2 Revue d'Histoire économique et sociale 1925 г., где рядом с оригинальными статьями помещены были и некоторые интересные документы.

На первом месте следует поставить письмо С.-Симона, посланное министру вн. д. в эпоху „Ста дней" (Lettre inédite de Saint-Simon sur l'organisation du droit public). С.-Симон предлагает Наполеону кодификацию нового государственного права для того, чтобы дать Европе доктрину позитивной политики, основанной на демократии, как она существует в Англии и какую, по мнению С.-Симона, Наполеон желает установить во Франции.

Рядом с этим либерализмом С. Симона интересны зародыши идей „нового христианства". Письмо, разумеется, осталось без ответа.

Автор недавнего большого труда о С.-Симоне Максим Леруа дал большую статью о земельных спекуляциях С.-Симона (M. Leroy. Les spéculations foncières de Saint-Simon et ses querelles d'affaires avec son associé le comte de Redern). Уже в 1792 г. компания спекулянтов с С.-Симоном и графом Редерном во главе закупила громадное количество земель в департаменте du Nord, de la Somme, du Pas de Calais, приносивших 84183 фр. ар. платы деньгами, 6952 меры хлеба, не считая десятины и других оброчных платежей. В 1793 г. доход с земель (общей стоимостью 3 220,074 фр.) составлял 182811 фр. Отбыв тюремное заключение, С.-Симон вновь с жаром закупает землю в 1794—5 г. Всего закуплено было около 5.000 journaux (дней работы) большими кусками и маленькими клочками. Леруа старается всячески выявить „благородство" С.-Симона по отношению к его компаньону и доказать, что последний мошеннически обсчитал С.-Симона при ликвидации предприятия. Он почти не касается интереснейших для нас аграрных отношений этого периода, деталей скупки и реализации доходов с приобретенных сиятельнейшими спекулянтами национальных имуществ.

Вновь перепечатываемые воспоминания о С.-Симоне Леона Галеви (L. Halévy. Souvenirs de Saint-Simon) знакомят с простыми и скромным существованием его в последние годы жизни.

Речь министра народного просвещения де-Монзи в Сорбонне на торжественном юбилейном празднестве (Saint-Simon et l'instruction publique) не вносит ничего нового и любопытна только дикой параллелью: „С.-Симон принадлежал к лучшему дворянству, как граф Гобино(!!) или как... Вл. Ульянов" (sic!!). Столь же мало дают статьи М. Тибер, „О социальной роли искусства по С.-Симону" и А. Сэ—„Понятие о социальных классах у сен-симонистов" (Marguerite Thibert, Le rôle sociale de l'art d'après Saint-Simon; H. Sée. Le notion des classes sociales chez Saint-Simonies).

Несколько более интересна опубликованная Ж. Бурженом докладная записка отца Анфантена о колонизации Алжира, тесно примыкающая к изданной им книге на ту же тему (Mémoire sur la rélation nouvelle que la colonisation d' Algérie peut et doit établir entre la France et la Suisse ces états allemandes du Rhin et la Belgique). Отдавшийся на службу банковому капиталу Анфантен пропагандирует органи-

зацию эмиграции в Алжир, где Франция призвана „управлять и распоряжаться".

Лучше представлены работы по изучению отдельных сен-симонистов и примыкающих к ним. Известный своим крупным трудом о Флоре Тристан Пюэк дал содержательную и краткую характеристику ее отношений с сен-симонистами (J. L. Puech. Flora Tristan et le Saint-Simonisme). Флора Тристан (бабушка знаменитого художника Гогена) лишь отчасти примыкала к сен-симонизму, но расходилась с ним по рабочему вопросу, резко критикуя его взгляды, пропагандируя об'единение всех рабочих организаций в „рабочий союз", и особенное внимание уделяла положению работниц.

Подлинной сен-симонистке Полине Ролан посвящает свой этюд М. Тибер (M. Thibert, Pauline Roland. Revue de la Révolution 1848. juin—septembre, 1925). Сначала она была пылкой последовательницей Анфантена, стремившейся безоговорочно провести в жизнь идеи Менильмонтанской общины, потом, под сильным влиянием П. Леру во время революции 1848 г., она выявила себя горячей поборницей женского избирательного права и демократической республики и приняла участие в организации союза братских ассоциаций работниц, проникнутых идеей мютюализма; во время реакций 50-х годов [1]) она сделалась жертвой репрессий.

В том же журнале (№ 4) проф. Пикар дает подробный очерк жизни и деятельности малоизвестного сен-симониста д-ра Анжа Гепена (Pikard, Un Saint-Simonien demokrate. Le dokteur Ange Guépin).

Выросший в республиканской семье, убежденный буржуазный республиканец правого крыла, профессор химии и политической экономии Нантского университета, Гепен принимал деятельное участие в революциях 1830—48 г. г., остался верен своим убеждениям и при II империи был плодовитым писателем и неплохим памфлетистом.

Сен-симонисты, по словам Пикара, считали его книги „Трактат о социальной экономии" и „Философия социализма", вышедшие в 50-х годах (!!), одними из лучших популяризаций школы. На самом же деле Гепен типичный эклектик, пытающийся примирить физиологию и теологию, сливающий воедино элементы христианского социализма, фурьеризма, сен-симонизма, щедро заимствующий от Леру, Рейно, Кабе, Прудона. Последним примечательным вкладом в литературу о Сен-Симоне является небольшая заметка проффесора Матьеза об аресте Сен-Симона (A. Mathiez, L'arrestation de Saint-Simon. Annales Historiques de la Révolution, 1925 novembre—decembre). Работая в архивах, он случайно нашел в досье гебертиста Бономе (Bonhommet) протокол ареста гражданина Бонома, бывшего Сен-Симона (Сен-Симон в начале революции переменил свою аристократическую фамилию на плебейскую — „Bonhomme"). Сен-Симон был, как выясняет Матьез, арестован по ошибке вместо бельгийского банкира Симона (дело де-Ботуа Прольи и кучки банкиров, спекулянтов и авантюристов, связанных с процессом дантонистов). Руководивший арестом якобинец Desfieux, близкий к Прольи и другим „рыцарям индустрии", искусно направил арест на Сен-Симона, спасая свою голову, но отвел грозу лишь на время. Сен-Симон просидел в тюрьме с 19 ноября 1793 по 9 октября 1794. Революционное правительство имело все основания изолировать его: один из первых дворян, переменивших свою фамилию, участник рев. движения в Париже, быть может, знавший Бабефа, в то же время видный спекулянт, потом завсегдатай салонов, авантюристов и спекулянтов, как некий же маркиз Шамигранд, наконец, компаньон прусского посланника саксонца фон-Редерна, гражданин Боном должен был внушать большие подозрения.

В общем следует признать, что юбилей Сен-Симона не обогатил исследованиями французскую историческую литературу.

Главное внимание французских историков, конечно, сосредоточивается на Великой Французской революции по преимуществу, затем на эпохе 1848 года, первой и второй империи; почти не уделялось до сих пор внимания Парижской Коммуне 1871 года.

С особенным усердием разрабатывается экономическая история Великой Французской революции. Первое место занимает неутомимый А. Матьез и журнал робеспьеристского общества Annales Historiques de la Révolution française.

Он сообщает ценные данные об энергичной экономической политике 1793—94 г. г., направленной к преодолению голода и под'ему сельского хозяйства (A. Matiez. La révolution et les subsistances. La lutte contre la famine en l'an II. A. H., janvier — fevrier 1925); к сожалению, останавливаясь на мероприятиях правительственных органов, он вовсе не освещает отношения к ним населения; рассказывает о деятельности специальных комиссаров по борьбе со спекулянтами (A. M-z, La répression de l'accoparement, mais—juin—там же), выясняя, что применение суровых мер было парализовано деятельностью доброй половины Конвента („болото" и дантонисты). Мало дает статья о гебертизме, вследствие противоречивых суждений о причинах его падения (A. M. La révolution et les Subsistances. La répression de l'Hébertisme, septembre octobre, там же). Особенно интересны архивные данные об из'ятии ценной церковной утвари во время революции (M.-z, L'argenterie des églises,

---

[1]) Любопытна ее идея завоевать сперва для социалистических ассоциаций деревню, откуда они должны распространиться в город.

en l'an II, novembre-decembre. там же), несомненно, они нуждаются в специальной монографии по этому вопросу, уточняющему изучение дехристианизации.

В статье о продовольственных ограничениях 1794 он определяет инициативную роль секций и отдельных гор. ревкомов по проведению однообразной выпечки хлеба, установлению прод. карточек, муниципализации продснабжения (M-z. Les restrictions alimentaires en l'an II. Revue d'Histoire économique et social. 1926, № 1).

Наконец. он подводит итоги экономполитики Конвента накануне падения Робеспьера. Сравнивая эконом-политику конвента с НЭП'ом после подавления кронштадтского восстания, Матьез, на основании некоторых законодательных мероприятий Конвента. полагает, что Конвент в это время стремился к потребительному коммунизму (kommunisme des Subsistances),—утверждение. нуждающееся в точном и подробном анализе экономической и социальной кон'юнктуры (M-z, Le troisième maximum—Germinal — Thermidor de l'an II — A. H. 1926, mars-avril).

Проф. А. Олар с патриотической горечью рассказывает историю льготного погашения американских долгов Франции после освободительной войны (статья вышла из открытого письма Олара к сенатору Бора (A. Aulard, La dette americanie envers la France sous Louis XVI et sous la Revolution, Rév. Française, 1925, avril—mai.—juin.

Столь же интересным, как и статьи проф. Матьеза. если не более, вышли статьи, вероятно, лучшего сейчас знатока эконом. истории Франции Ж. Лефевра, представившего богатый материал по истории временной национализации внешней торговли в ее последовательных фазах: здесь мы найдем много данных для уяснения мелкобуржуазного характера эконом-политики Конвента (G. Lefebvre. Le commerce extérieur en l'an II. La Revolution Française. 1925, avril—mai—juin. juillet—août—septembre [1]).

Вторая работа Лефевра — богатая содержанием монография по истории каменноугольных копей Литтри в эпоху революции, дает много интересных фактов по истории рабочего класса, взаимоотношениях рабочих и крестьян, стабилизации валюты (G. Lefebvre. Les mines de Littry—1774—1793; VIII. An. Hist. 1926. janv—fevr: mars—avril).

О борьбе политических партий, гражданской войне, организации рев. диктатуры дают материалы: проф. Матьез, который в связи с изучением начала террора в департаменте Кот д'Ор устанавливает два периода террора перед Конвентом (A. M-z. L'arrestation des Suspect en Côte d'Or pendant la crise de la premiere invasion — août — oct. 1792. A. H., mars — avril 1925). Он же сообщает, как организовали комиссары Конвента революционную диктатуру в департаментах, используя делегатов первичных собраний, явившихся на вел. федерацию 1 Vabr. 1793 г. (A. M-z, Le pouvoir des commissaires du 10 août 1793. A. H. janv.—fevr. 1926).

Г. Лоран, рассказывая о деятельности революционного комиссара Конвента Ф. Рюля в Реймсе, останавливается с особым вниманием на том, как был всенародно разбит молотком знаменитый флакончик, якобы присланный с неба со святым миром для коронования французских королей, и как найдены были остатки этого мира при реставрации Бурбонов (G. Laurant. Le conventionnel Kühl à Reims. La destruction de la Saint Ampoule A. H. 1926 mars, avril).

Кершай по обширным архивным материалам пытается безуспешно анализировать причины Вандейской войны (Kerichau, L'ésprit public dans l'Ouest. A. H. 1925 sept—oct; nov—dec.).

Зато Г. Мартен, разбирая начало Вандейской войны, приходит к заключению, что инсургенты первые поставили террор в порядок дня и главным подстрекателем явилось неприсягнувшее духовенство (G. Martin, Les blancs à Machecoul. R. Française 1925 janv.-fevr.-mars.).

Л. Дюбрейль описывает шатания буржуазии города Эвре на юге Франции между жирондистами и монтаньярами, мало уделяя внимания деятельности рев. обществ, особенно, о-ва санкюлотов (L. Dubreuilt. Evreux au temps du fédéralisme. Там же. juillet.-sept.; oct.-dec. 1925.

Ж. Мишон попытался дать сводку выступлений в защиту французской революции оппозиции в английском парламенте. Статья интересно задумана, но совершенно неверно озаглавлена и написана исключительно по кратким информациям Moniteur'a (G. Michon, Le jacobinisme dans les debats du Parlement anglais 1793—94. A. H. juillet-août 1925).

А. Матьез усердно продолжает свой давно начатый обвинительный акт против Дантона, дантонистов и „темных людей" революции, уличая Дантона и Делакруа в личном обогащении во время пребывания в Бельгии (M. F. Danton, Delacroix et le pillage de Belgiques, A. H. yuillet-aout 1925), освещая закулисные интриги проходимца и австрийского агента Проли (Vouchet Proly, A. H., janv.-fevr. 1925); перепечатывая письмо в клерикальную газету La Kroix графа Le Coulteulk de Caumont, который сообщает на основании фамильных архивов об участии банкиров его предков в попытке испанского уполномоченного графа Окариза спасти Людовика XVI, подкупив депутатов Конвента (Les tentatives de corruption de l'Espagne pour sauver Louis. A. H. mars—avril 1926).

Вопрос о духовенстве и революции разрабатывается и буржуазными республиканцами и клерикалами-реакционерами.

---

[1]) См. статью т. Фридлянда в № 1 нашего журнала.

Так Леви-Шнейдер дал интересный очерк борьбы французского епископата за автономию во время революции („епископское галликанство"), но без экономического и социального обоснования (Levy-Schneider, L'Autonomie administrative de l'episcopat français à la fin de l'Ancien régime—Revue Historique, janv.-fevr 1926).

Ф. Брюно описывает историю попытки заменить латинский язык богослужения французским (F. Brunot, Le culte catholique en français sous la Révolution. A. H. juillet-août, sept.—oct. 1925).

А. Матьез сообщает яркие данные о разложении французского духовенства революцией на основании покаянных записок из архива кардинала Капрары (A. M—z. Les prêtres révolutinnaires devant le kardinal Caprara. A. H. 1926 janvier—fevr.).

По изучению идеологии буржуазии XVIII века интересна лишь статья Саньяка о Даламбере и Бюффоне (Ph. Sagnac. Les conflits, de la Science et de la religion un XVIII s. Dalembert et Buffon. La Rev. Française 1925 janvier, fevrier, mars), в которой он отмечает, как осторожно французские эволюционисты старались обойти столкновения с теологией и даже примирить свою доктрину с богом и учением о сотворении мира, провидении и первопричине.

Бабувизму посвящает скудную статью свою (окончание) потомок старого монтаньяра, участвовавшего в заговоре равных, Жавог, стараясь доказать прикосновенность Барраса к делу Гренельского лагеря (G. Javogue, L'affaire du camp de Grenelle; 23-24 fructidor IV—29 Sept. 1796 — A. H. janv—fev. 1925).

Из документов отметим:

А. Сэ публикует ценные архивные документы о крестьянском движении в нижнем Мэне (июль 1789), сопровождая их краткой комментирующей статьей (дело о нападении на замок Отрив). Видную роль в нападении играли представители торговой буржуазии; арестованные крестьяне через год были освобождены национальной милицией Шато-Гонтье (H. Seé, Les troubles agraires dans le Bas—Maine en juillet de 1789. A. H. nov.—dec. 1925).

Д-р Робье сообщает со своими комментариями переписку современника Вел. Французской революции чиновника Жерара—Тимофея Деневера, которая содержит несколько интересных данных об июльских днях 1789 г. и особенно относительно стоимости жизни в Париже 1794—96 (D-r de Robier, La rév. française, vue par un auvergnat. Correspondance de Gerard Timothé Denevers).

Особое место занимает клерикальный исторический журнал Revué des questions historiques, ставящий себе целью работать во славу католической церкви и на гибель и всяческое осуждение революции. Леклерк в большой статье дает очерк провинциальных федераций в 1790 г.—мало изученных еще первоначальных организаций буржуазии; статья безнадежно испорчена явно контрреволюционным недоброжелательством (R. de Q. H. 1926 janvier. Dom Leclerc, Les fédérations provinciales en 1790). Еще более контрреволюционно повествование Блиара о хождении по мытарствам эмиграции одного попа (P. Bliard. Pendant l'emigration, d'après une correspondance inédite R. de Q. H. 1926 avril).

Так называемую „наполеоновскую" эпоху" обслуживает специальный журнал, ранее называвшийся Etudes Napoléoniennes, а с 1926 г. — „Наполеон и его век" или просто „Наполеон" (Napoléon et son siècle. Etudes sur l'histoire et l'art du XIX s.)

В передовой статье главный редактор журнала Э. Дрио знакомит с задачами журнала, безгранично восхваляя Наполеона и бонапартизм, как политическую систему. Для него еще вопрос,—„кто выражает лучше демократию—власть одного или тысячи представителей народа, наполеоновская система или парламентаризм". Такого же почти панегирика удостаивается и Наполеон III. Словом, если судить по этой статье, мы имеем исторический орган, соответствующий чаяниям империалистической французской буржуазии с бонопартистским уклоном. Из анонса, подписанного тем же Э. Дрио, в одном из последних номеров за 1925 г. узнаем, что журнал организовал торжественное празднование столетия смерти Наполеона при содействии правительства и предполагает еще юбилей — столетия смерти Поля Бонапарта (1927), уже образован греческий комитет столетия смерти римского короля (1932) и столетия возвращения „праха" в 1940!!

Но содержание статей не всегда соответствует этим лозунгам редактора.

Если проф. Э. Дрио захлебывается от восторга перед французской политикой в Египте (E. Driault, La rénaissance de l'Egypte), Ру восхваляет мусульманскую политику Бонапарта (F. Charles Roux, La politique musulmane de Bonaparte Napoleon, 1925 № 1), то серьезную статью непримиримого республиканца дал Ф. Саньяк о начале наполеоновской империи, статью, интересную цифровыми данными о плебисците в армии (Ph. Sagnac. L'avenement de Bonaparte á l'empire, №№ 2—3 1925).

Вовсе бессодержательна статья Пэнго о первом итальянском королевстве (A. Pingaud. Le premier royame d'Italie, №№ 5, 6. 1925); основательно по архивным данным П. Виар устанавливает губительные следствия континентальной блокады для торговли, промышленности и с.-хозяйства в Иль-и-Вилен (Paul Viard. Les consequences économiques du Blocus Continental en Ille-et-Vilain, Napoleon 1926 № 1; обстоятельно знакомит французских читателей с экономической политикой Наполеона, на основании архивных данных (уже использованных в известном труде на русском языке), наш ученый проф. Евг. Тарле (E. Tarlé, Napoleon et les inte-

rets économiqus de la France, Napoleon 1926 № 2). Документы: письмо графа Лакеза о жизни на о-ве Св. Елены, перехваченное австрийской полицией (Napoléon 1926 № 1), и дело о высадке Мюрата на Корсике (Napoléon 1926 № 6) мало интересны.

История революции 1848 г. обслуживается специальным журналом La Révolution de 1848.

Из многочисленных статей наметим: Г. Вотье (G. Vauthier), который описывает плачевный опыт организации одного из первых фаланстеров в Кондэ-на-Вегре: неумелость, непрактичность буржуазных идеалистов, соединенные с крайним чисто интеллигентским прекраснодушием, привели к краху всего предприятия (R. de 1848 №№ 21—22).

Леви-Шнейдер в связи с недавно изданными воспоминаниями одного лионского буржуа (Иосифа Бертье) дает историю развившейся из компаньонажа рабочей организации в Лионе „Voraces", уделяя особенное внимание той крупной роли, которую играла в Лионе эта организация в начале революции 1848 г.; недостаток углубленного социального анализа Voraces не позволяет автору уяснить причины ее крушения (Lévy Schneider. Le journal d'un bourgeois de Lyon et la question des Voraces, R. de 48 № 23).

Весьма ценным материалом для анализа бланкизма являются опубликованные Зеваэсом (с его комментариями) четыре письма О. Бланки (A. Zévaès. Pages inédites de Blanqui 1848—1852. R. de 48 septembre 1925), которые точно определяют отношение Бланки к событиям и политическим партиям февральской революции. Первое написано в Венсенской тюрьме 1848 и представляет избирательный манифест по поводу дополнительных выборов в Нацсобрание. Бланки обращается к коммерсантам и собственникам(!) и призывает их к соединению с народом (!). Спустя два месяца состоялся банкет так называемых рабочих-социалистов; заочно выбранный председателем, Бланки прислал об'емистый тост-речь, в которой дал убийственную критику тактики молодой Горы, клеймя ее измену народу („Расстреливайте, господа, но не клевещите").

Еще более ценен третий памфлет (L' avis au peuple), присланный с о. Бельгия на банкет „равных", устроенный политэмигрантами в Лондоне 24 февр. 1851 г. В пламенных выражениях Бланки не только сурово обличает изменническую политику временного правительства, но и намечает тактику пролетарской революции: разоружение буржуазии, вооружение рабочих, ломка старого правительственного аппарата, активизм. Все сильно, энергично, огненно [1]).

[1]) См. приложение к этому обзору.

Весьма знаменательной является статья в солидном Revue Historique Ж. Буржена, редактора вышедшего еще в 1924 г. первого тома протоколов Парижской Коммуны (на днях выходит II), полагающая начало критическому изучению источников истории Коммуны, интересная не только материалами, разграничивающими деятельность центрального комитета 20 округов, центрального комитета национальной гвардии, но и обещающая сравнительно-исторический анализ „аналогичных формаций, как советы депутатов в русской и германской революциях", подчеркивающая поразительную аналогию идеологии с русскими советами 1905—17 г.г. Пора! [1]) (G. Bourgin. La commune de Paris et le comité central—1871. R. H. 1925 sept-oct).

А. М. Васютинский.

Приложение

К народу (Avis au peuple)

Какой подводный камень грозит республике завтрашнего дня? Тот, о который разбилась республика вчерашнего дня: плачевная популярность буржуа, переодетых в трибуны.

Ледрю-Роллен, Луи Блан, Ламартин, Флокон, Кремье, Мари, Гарнье Пажее, Альбер, Дюпон, Араго, Марра.

Зловещий список, имена которого кровавыми чертами написаны на камнях улиц демократической Европы.

Временное правительство убило революцию, и на его голову должна пасть тяжесть стольких бедствий, кровь стольких тысяч жертв.

Реакция лишь выполняет свое ремесло, удушая демократию, а преступники—те изменники, которых взял себе в вожди доверчивый народ и которые предали народ реакции.

Жалкое правительство! Несмотря на предупреждения, несмотря на просьбы, оно запускает (lanse) налогом в 45 сентимов, который поднимает доведенные до отчаяния деревни!.. Измена! Оно сохраняет королевские штабы, королевские суды, королевское законодательство... Измена!..

Оно бросается на парижских рабочих 6 апреля, сажает в тюрьму лиможских 26-го, расстреливает картечью руанских 27-го. Оно освобождает из оков их палачей, оно издевается, устраивает облавы, клевещет на истинных республиканцев. Измена! Измена!

На нем, на нем одном лежит вся ответственность за те несчастия, которые уничтожили республику.

О, это великие преступники! И преступники все те, в которых народ, ослепленный фразами, думал видеть свой меч и свой щит, те, кого он с энтузиазмом провозглашал арбитрами своих судеб.

[1]) См. отзыв т. Вайнштейна в I томе нашего журнала, стр. 300 и сл.

Несчастье нам, если в день грядущего торжества забывчивая снисходительность масс вернет к власти тех людей, у которых мандатом—преступление. Еще один раз, и с революцией было бы покончено!

Пусть у рабочих будет беспрерывно перед глазами этот список проклятых имен; и если одно, да, одно из них, появится когда-либо среди правительства, созданного восстанием, пусть они все крикнут в один голос: измена!..

Речи, клятвы, программы были бы попрежнему лишь плутней и ложью. Те же жонглеры вернулись бы разыгрывать старый фокус с тем же самым мешком. Они были бы первым звеном новой цепи самых яростных реакций.

Анафема и месть им, если они посмеют явиться вновь; стыд и позор слабоумной толпе, которая вновь попадет в их силки!

Но не довольно отогнать от Городской Думы (Hôtel de Ville) февральских фокусников: нужно обезопасить себя от новых предателей.

Предателем было бы правительство, которое, поднятое на пролетарском щите, не произвело бы немедленно:

1) обезоружения буржуазной гвардии,
2) вооружения и организации национальной милиции из всех рабочих.

Конечно, нужно будет принять много и других мер; но эти—прежде всего; они гарантия всего остального, единственный залог безопасности для народа. Ни одного ружья в руки буржуазии, или нет спасения!

Различные доктрины, которые оспаривают друг друга сочувствие масс, смогут когда-нибудь осуществить свои посулы улучшения и благосостояния лишь при условии не отдавать добычу за тень.

Но они приведут лишь к печальному обороту, если народ, в крайнем увлечении теориями, пренебрежет единственным практическим элементом успеха: силой!

Вооружение, организация—вот решительные орудия прогресса, серьезное средство покончить с угнетением и нищетой.

У кого железо—у того хлеб; пред штыками падают ниц; безоружные сборища сметают.

Франция, ощетинившаяся вооруженными рабочими,—это восшествие на трон социализма (l'avènement du socialisme). Пред пролетариатом, опершимся на ружья, препятствия, сопротивления, невозможность—все изчезнет.

Но для пролетариата, который позволяет себя забавлять уличными процессиями, посадками деревьев свободы, адвокатскими фразами, будет сперва святая водичка, потом оскорбления... в конце концов картечь! Всегда картечь! Пусть народ выбирает.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ВЕСНЫ 1926 г.

«Пролетарская Революция» № 49 и 50. **«Красный Архив»**. т. XIII, **«Каторга и Ссылка»** № 1 (22), 2 (23) и 3 (24), **«Былое»** № 6 (34)—1925 г. и № 1 (35)—1926 г.

В рецензируемых книжках «Пролетарской революции» достаточно материала, относящегося к эпохам февральской и октябрьской революции. Первая освещена в воспоминаниях А. Петренко—о событиях в Томске, И. Сорокина—в Херсоне, Т. Борисова—в Калмыцкой степи. Последний останавливается также и на периоде октябрьской революции и после нее, но все эти статьи-воспоминания носят характер простого перечисления фактов, как и большая работа В. Лейкиной «Октябрь по России», являющаяся просто хроникой событий по районам. С. Пионтковский, критикуя материалы по истории октябрьской революции, вполне правильно замечает, что «мы до сих пор не имеем ни систематического изучения хода октябрьской революции, ни систематического издания и опубликования материалов». «Пролетарская Революция» в этом отношении может быть грешнее других изданий исторического характера, так как в распоряжении этого журнала несомненно больше всякого рода средств и возможностей. Системы в подборе статей, в их оценке, мы не находим пока и в остальном материале разбираемых книжек. Из статей, освещающих события после октября 1917 г., наиболее ценны статьи В. Эльцина—«Крестьянское движение в Сибири в период Колчака», и А. Метелева—«Падение Архангельска». Статьей в настоящем смысле этого слова может быть названа только первая. Автор достаточно серьезно проработал источники, ознакомился не только с внешней фактической стороной событий, но попытался на анализе экономических структур отдельных районов показать различные стороны до сих пор мало изученного движения сибирского крестьянства. К сожалению, автор слишком «схематизировал» материал и построил свою статью как-то «механистически». Живая картина исторической действительности превратилась в «абрисы», в наспех набросанные линии рисунка и от этого работа сильно пострадала. Над ней следовало бы еще поработать. Автор, нам кажется, сумел бы тогда показать в достаточной степени ярко лицо революционной сибирской деревни. Работа А. Метелева об Архангельске—очень красочна, написана просто и ясно, но в ней нет того аналитического подхода к событиям, который и определяет в конечном счете достоинство произведения.

Особо следует отметить ст. А. Шляпникова «Июньское наступление». В ней сказывается политическое чутье историка к документам, есть определенная «красная» линия, есть установка, хотя и недостаточно «актуальная»: доказывать, в специальном историческом журнале, на всем известных фактах, что меньшевики—«соглашатели и оборонцы», как-то похоже «на открытие давно открытой Америки». Нельзя согласиться с автором и по поводу его социологических концепций на счет царизма и буржуазии и признать правильным его заявления, что царизм во время войны только и стремился к тому, чтобы «упрочить свое положение, пользуясь военным режимом». У А. Шляпникова всюду сквозит: «надклассовая природа царизма», противопоставление царизма буржуазии. Совершенно неубедительна его категоричность на счет того, что «буржуазия рассматривала мартовскую революцию как проявление национального гнева против «неумелой» военной политики царизма» и т. д. Автор несколько непропорционально расширил первую часть о настроении армии перед июньским наступлением, а самому наступлению отвел слишком мало места. Невыявлено им также распространение «Окопной Правды» и вообще слабо освещена работа и влияние большевиков на армию. В общем же ст. А. Шляпникова дает ценнейший материал. По другим моментам пролетарской революции в первую очередь заслуживает внимания «Письмо Н. Ленина ученикам Каприйской школы» с предисловием Н. А. Семашко, характеризующее борьбу В. И. с группой «Вперед», и ст. Лившица «Партийная школа в Болонье (1910—1911 г.г.)» с предисловием А. В. Луначарского, пытающегося несколько смягчить свои тогдашние расхождения с В. И. Лениным. Он их мягко называет «полурасколом», аттестуя «впередовцев» импрессионистами и т. д. 1905 г. так же нашел освещение в очень яркой статье т. Пече «Боевые дружины в Латвии в 1905 г.», М. Семенова—«1905 г. в Саратовской губ.», С. Гусева—«Одесса в 1905 г.» и др. Пятому году отведено большое место в библиографии и в отделе «мелких заметок».

Некоторый принципиальный интерес имеют опубликованые в № 50 «П. Р.» письма Г. Петровского, А. Шляпникова и Е. Ярославского на тему «О февральской революции в Якутске», в которых освещается факт принятия т. Петровским поста комиссара временного правительства в Якутске и его неверные политические действия в этот период времени.

XIII т. «Красного Архива» дает интересный материал по декабристам. В общем предисловии к статьям и материалам М. Н. Покровский пишет: «Шестидесятые годы были бы немыслимы без героического под'ема двадцатых годов, как немыслима была бы русская буржуазная революция 1905 г. без «Народной Воли»... Намеки на народовольчество просвечивают уже на левом крыле декабризма».

Разбирая трактат П. И. Пестеля «Практические начала политической экономии», впервые подготовленный к печати с критическими замечаниями С. С. Мильманом, М. Н. Покровский подчеркивает, что первым учителем Пестеля был Сисмонди, от которого он диалектически подошел к революции, тогда как русское народничество сделало обратный ход «от революции к Сисмонди».

Помещенная в рецензируемом томе «Записка Н. И. Тургенева» решительно развенчивает этого «героя» эпопеи декабристов. «Записка Тургенева, говорит М. Н. Покровский, дискредитирует «либеральную легенду» декабристов больше, чем это могли бы сделать писания дюжины критиков».

В. Сыроечковским собраны все раскиданные по разным архивным делам показания участников южного восстания декабристов, и это дает яркую картину того «хождения» восставших солдат Черниговского полка, по поводу которого М. Н. Покровский ядовито замечает, что «южане «проходили» восстание, так же как их собратья на севере «простояли» его, так и не перейдя к активным военным операциям».

Кроме указанных, в книжке помещены материалы «К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным», о «Заговоре в Зерентуйском руднике», о «М. Ф. Орлове и 14 декабря» и др. Интересен документ в «Записной книжке архивиста», приводимый С. Мильманом,— «Конституция Государственный Завет» П. И. Пестеля, представляющий собой краткое изложение одного из вариантов его «Русской Правды», написанной под его диктовку Бестужевым-Рюминым для передачи «Соединенным Славянам».

«Каторга и Ссылка» в трех первых №№ за 1926 г. дает массу самого разнообразного материала по истории русского революционного движения, начиная с декабристов и кончая 1905 г., но центром всех трех книг все же является эпоха народничества. Партии «Народная Воля» целиком посвящен № 3, в связи с 45-летием казни Александра II.

Народовольческая секция О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев работает, повидимому, энергичней других. Старые ветераны «Народной Воли», несмотря на свои седины, работают усиленно и плодотворно. Их воспоминания, статьи и заметки полны весенней свежести после грозовых бурь и читаются с живейшим интересом. Они написаны немного старомодно, с излишней перегрузкой имен и незначительных фактов. Однако, ведь, для

историка революционной борьбы незаметные детали, мелочи, могут дать подчас ценнейший материал для анализа, выводов, обобщений. Нельзя забывать, что все сообщения, заметки и статьи последних «могикан» тщательно ими сообща обсуждаются, проверяются и подаются читателю проработанными часто целой группой сотрудников «Каторги и Ссылки». К ним нам следует подходить, конечно, с несколько иной мерой, иными требованиями, чем, скажем, к «Пролетарской Революции». Они дают все, что имеют, дают нашему поколению «пережитое» в дни юности, выношенное на каторге, в казематах царистского режима. Большего «историзма» в их работах мы получить не можем. Все же некоторая система и упорядоченность в работе у них имеется и можно лишь пожелать дальнейшего ее развития на страницах нашего собрата.

«Каторга и Ссылка» не ограничивается только мемуарами, и в ряде статей мы находим и нужную нам, историкам, «проработку» материалов, должное и интересное освещение фактов. Так, в № 1 помещена ценная статья Б. Козьмина «П. Н. Ткачев и народничество» со свежим новым материалом. Мы вполне присоединяемся к ее основным выводам о неправильности причисления П. Н. Ткачева к народникам, о его принципиальных расхождениях с современниками из народнического лагеря и по вопросу об особых путях социального развития России, и об удельном весе для революции «трудового крестьянства», и об особом положении с.-х. пролетариата. П. Н. Ткачев не идеализировал общины, не считал, что «народные идеалы» заключают в себе коммунистические идеалы.

Следует особо выделить воспоминания Н. Ростова о «Южном военно-техническом бюро при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.», дающие любопытную характеристику «левого» меньшевизма, захваченного революцией 1905 г. и перешедшего к большевистским методам борьбы путем подготовки технических средств для вооруженного восстания—организации мастерской бомб.

Из документов, опубликованных в № 1 журнала, интересен приведенный Н. Л. Рубинштейном текст «Присяги» крестьян, инспирированный польскими помещиками в восстании 1831 г. Ценные штрихи из революции 1905 г. находим в воспоминаниях бывшего военного губернатора Забайкальской обл. ген. В. И. Холщевникова «Чита в 1905 г.», напечатанных в том же № 1 «Каторга и Ссылка».

«Былое» переживает тяжелые дни. № 1 за 1926 г. вышел в сокращенном формате «из-за недостатка бумаги» и с «большим запозданием». Материал двух последних №№ до чрезвычайности пестрый, сплошная «окрошка». № 6 начинается с записки декабриста фон-Бриггера «Происхождение Павла I», потом идут сообщение об аресте декабриста Г. С. Батенькова, письма М. И. Семевского о Каракозовском процессе, о нигилистах в 1871 г. в Саратове, о мнимом письме Исп. К-та «Народной Воли» и т. д. Дальше С. Я. Елпатьевский разводит жидкую водицу воспоминаний об уфимском периоде своей жизни (80-е годы), В. Гиляровский дает бытовой материал о московских газетах той же эпохи и т. д. Несколько заинтересовывает коротенькое воспоминание В. Б. Водовозова о встречах с Ал. Ульяновым, братом В. И. Ленина, а затем идет скучное описание роли проф. А. И. Лутугина в организации Союза Союзов в 1905 г., воспоминания А. Барта об артиллерийском снабжении в войну 1914—17 г. Впрочем, А. Барт все же интереснее, чем автор статьи о Латугине. Книжка заканчивается описанием, как «рассыпался» аппарат Временного Правительства в дни октябрьского переворота, и о том, какие белогвардейские газеты выходили на юге России в 1918—1920 г. Для любителей—приложение: исторический роман А. П. Чапыгина «Разин Степан».

В таком же «историко-хронологическом» порядке подан материал и в № 1 за 1926 г., но уже без исторического романа.

На какой круг читателей рассчитывает этот журнал, сказать затруднительно. Научная ценность материалов, им публикуемых, весьма относительна. Обработка материалов, оценка, анализ их, комментарии к ним и т. д. у авторов за редким исключением отсутствуют. Они скорее сбиваются на «анекдот», на пикантность и живость изложения, гонятся просто за фактом, как таковым. Все это в результате так похоже на подкрашенный в розовато-революционный цвет былой «Исторический Вестник». Чувствуется, что редакция «Былого» оторвана от жизни, не понимает, что советский читатель исторических журналов—студент, рабфаковец, просто интересующийся историей—из такого журнала уже вырос. Таким образом «ущербление» формата журнала, опоздания и пр. совсем не из-за недостатка бумаги. Это последнее есть не причина, а следствие его общего худосочия. Если под давлением режима экономии ему суждено умереть, вряд ли найдется много охотников плакать над его «трупом».

А. Шестаков.

РЕЦЕНЗИИ

Н РОЖКОВ. Русская история в сравнительно - историческом освещении. Том XII. Изд. «Книга». 1926 г. 396 стр. Ц. 3 р.

Этой книгой, посвященной новейшей истории, автор заканчивает свою многотомную работу. Как и в предшествующих томах, он не ограничивается историей России, а делает попытку сравнительно-исторического изучения. «Центром тяжести своего изложения,—пишет автор в заключении,—он сделал русскую историю, а история других стран привлекалась лишь для сравнения с нею».

Незачем доказывать, что самую мысль о сравнительно-историческом изучении можно только приветствовать; французская пословица—«вещи познаются путем сравнения»—применима и к истории. Но перед автором стояли серьезные препятствия: дать новейшую историю России и отрешиться от суб'ективизма при оценке событий, в которых сам автор подчас являлся активным участником.

Стоя перед такими трудностями, созданными об'ективными условиями, чрезвычайно не легко избежать ошибок и промахов. И вполне понятно, что Н. А. Рожков не всегда их благополучно обошел. В настоящей рецензии мы не будем касаться общей методологии Н. А. Рожкова, поскольку она выявляется при знакомстве со всеми XII томами его истории, общей его характеристики исторического развития России, его вывода о неизбежности реакции после революции и т. д. В этой рецензии мы коснемся только общей характеристики Н. А. Рожковым истории России в XX веке, изучению которой посвящен XII том.

В области сравнительного изучения истории России и Запада Н. А. Рожков, до известной степени, пионер, и в этом уже громадная заслуга автора. Но насколько удалось ему справиться с поставленной задачей? Мы оставляем в стороне напрашивающееся указание, что сравнительное изучение истории XX века не может вестись вне связи с историей Америки и стран Востока. Но и в ограниченных рамках, поставленных Н. А. Рожковым, сравнительное изучение у него приобретает характер не органического, а механического соединения двух вполне самостоятельных очерков, из которых один (только одна глава около 80 страниц) посвящен истории Запада. В нем, правда, автору удалось дать краткий очерк истории европейских стран новейшего периода, установив об'ективную неизбежность замены в них капиталистических форм хозяйства—социалистическими. Но при этом изложение истории Запада дано вне связи с историей России.

Обратимся, однако, к главной задаче книги: изложению истории России XX века.

Изложение новейшей истории России автор ведет с революции 1905 года, как известно, открывшей для нее новую страницу. Тут невольно привлекает внимание диспропорция материала, уделенного различным моментам революции. Напр., много места уделено Гапону и Булыгинской думе и слабо освещен вопрос о Советах. О декабрьском восстании и ноябрьском периоде говорится вскользь, зато октябрьская забастовка привлекла особое внимание автора. Такое несоразмерное привлечение материала, как мы увидим, находится в прямой связи с оценкой автором различных этапов революции.

Декабрьское вооруженное восстание 1905 года явилось кульминационным пунктом развития революции. Оно явилось новым достижением рабочих масс и уроком не только для русского, но и международного пролетариата. Оно доказало недостаточность старых форм рабочего движения, выяснило, что всеобщая стачка бессильна привести к конечной победе революции, поскольку она не переходит в вооруженное восстание и не приводит к захвату власти. Правда, восстание 1905 года окончилось поражением. Силы царизма организационно и технически оказались значительнее сил пролетариата. Но это нисколько не умаляет значения декабря 1905 г. Как остроумно заметил М. Н. Покровский на одном из заседаний о-ва историков-марксистов, «декабрь 1905 года был для русского пролетариата тем переломленным носом, без которого хорошим боксером не сделаешься». Благодаря декабрьскому вооруженному восстанию, пролетариат оказался победителем в 1917 году.

Как же оценивает декабрьские события Н. А. Рожков? «Во всяком случае,—пишет он,—восстание на Пресне показало, что к повстанческому настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отсталые (курсив наш. П. Г.) рабочие, как только в них пробуждается политическое сознание. Это конечно, понятно: им поистине нечего терять, кроме цепей» (96 стр.).

Но действительно ли Пресня доказывает это? Из кого состояли пресненские боевые дружины? Судебное следствие по прохоровскому делу в корне подрывает утверждение Н. А. Рожкова. И из прохоровских рабочих активное участие принимали наиболее квалифицированные, наиболее порвавшие связь с деревней. наиболее поддававшиеся партийному влиянию слои рабочих. Для того, чтобы

подкрепить свое на песке построенное, положение, Н. А. Рожкову пришлось совсем умолчать о роли в восстании дружин Белорусско-Балтийской дороги, Шмитовской фабрики. Миусского трамвайного парка, отрядов дружинников, сошедшихся на Пресню со всех районов Москвы, и представлявших из себя как раз цвет социал-демократических организаций, и таких боевых организаций, как «кавказская дружина», «Волчья Сотня»— разные ученические отряды. При том же, бросая свое утверждение, он совсем не принял во внимание провинцию, а рассмотрение состава участников Горловского, Александровского, Ростовского на-Дону и т. д., восстаний очень помогло бы Н. А. Рожкову ответить на вопрос, какие слои рабочих воспринимали лозунг вооруженной борьбы и принимали участие в вооруженном восстании.

Но недооценка декабря у Н. А. Рожкова совсем не случайна, а стоит в полном согласии с оценкой всего революционного периода. По мнению автора, октябрьская забастовка 1905 года явилась кульминационной точкой в развитии революции. Это взгляд не новый. Как и у Плеханова, он вытекает из недооценки роли пролетариата в первой революции и из признания первенствующей роли за буржуазией. Говоря о наступившем после октябрьской забастовки «отрезвлении» в земствах и о торжестве октябризма, автор пишет, что «*широкая социальная база, на которой происходила революция, несомненно исчезла* (курсив наш. П. Г.), за революцию продолжали стоять только пролетариат и буржуазные демократы в городах и крестьянство в деревнях» (стр. 75).

Но когда же земства или крупная буржуазия являлись базой революции? Это еще можно было с натяжкой утверждать до появления точных сведений о характере их переговоров с правительством. Теперь очевидно, что указанные общественные слои предавали революцию на всем ее протяжении. После октября только резче выявилось это их значение, но отсюда очень далеко до вывода, что сузилась *широкая социальная база, на которой происходила революция*. Роль буржуазии в первой революции была ясна для большевиков задолго до октябрьской забастовки, и странно, двадцать лет спустя и имея опыт двух революций, заявлять, как это делает Н. А. Рожков, что в октябре 1905 года, в момент всеобщей стачки «учредительный с'езд конституционно-демократической партии выразил ей (всеобщей стачке. П. Г.) сочувствие; на нем был произнесен панегирик революционной энергии и героизму рабочего класса» (стр. 72). Напомним этот «панегирик» кадетов, нашедший свое выражение в принятой с'ездом резолюции о всеобщей стачке. Высказывая ей платоническое сочувствие, кадеты тотчас же делали оговорку, что «конституционно-демократическая партия, предоставляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение» (т.-е. вооруженное восстание, П. Г.). Трудно в такой резолюции искать подтверждения «революционности» русской буржуазии и в этот период.

Эта неправильная оценка роли буржуазии в русской революции, в связи с умалением роли пролетариата, и привела Н. А. Рожкова к об'ективно неправильному взгляду на место и значение октябрьской забастовки и декабрьского восстания — этих узловых моментов революции, и заставила его отнести к моменту высшего развития революции... борьбу вокруг проекта Булыгинской думы.

Из других характеристик движения 1905 года обращает на себя внимание довольно странное заявление, что «деревенское босячество было участником только грабежей» (стр. 82). Следует отметить также желание до известной степени реабилитировать Гапона, непонимание гапоновщины, как движения отсталых рабочих слоев, связанных еще с деревней и т. д.

Мы не останавливались бы так долго на оценке Н. А. Рожковым октябрьской забастовки и декабрьского восстания— этих узловых моментов революции, выявивших сотношение в ней классовых сил, если бы неправильное понимание их не отразилось на оценке дальнейшего периода.

Переходя к годам реакции, Н. А. Рожков, в связи с неправильным пониманием характера революции 1905 г., рассматривает эту эпоху, как борьбу общественных сил с царизмом за создание «культурного капитализма». К сожалению, Н. А. Рожков, пользуясь этой, необычайной для марксиста терминологией —хищнический и культурный капитализм,—не дает научного определения этих понятий. Подобная классификация форм капиталистического развития носит весьма отвлеченный характер и затушевывает основные этапы капитализма, характеризующиеся различной структурой капитала и различием его функций. Менее всего эта терминология может быть принята в условиях русской действительности, где формы «культурного» и «хищнического» капитализма тесно переплетаются на всем протяжении истории. Изучение русского капитализма, отличавшегося известным своеобразием, должно вестись под углом зрения соотношения роли иностранного и туземного капитала. Иначе останется непонятным, почему Россия, наиболее молодая капиталистическая страна, первая пробила социалистическую брешь в мировой капиталистической системе и успешно ведет борь-

бу за социалистическое строительство. К сожалению, этот момент у Н. А. Рожкова освещен слабо. Изучение экономического развития и классовой борьбы в XX веке он ведет под углом зрения борьбы за культурный капитализм.

«Промышленный капитализм в 1907—14 годах в России оставался попрежнему некультурным.—пишет Н. А. Рожков,—хотя действительность того времени неуклонно напоминала о необходимости и неотложности перехода именно к культурно-производственному капитализму» (стр. 164). «Экономический базис, таким образом,—пишет автор в другом месте,—характеризуется для всей эпохи реакции, как капиталистическая отсталость, малокультурность, недоразвитость, незавершенность капитализма сельскохозяйственного, промышленного и финансового» (стр. 169). Свое положение автор пытается подкрепить цифровыми материалами из книг Дена «Каменноугольная и железо-делательная промышленность», и Ванага «Финансовый капитал в России накануне мировой войны». Пользуясь данными о добыче угля, чугуна, производстве хлопка, и сопоставляя вычисленные в пределах десятилетий (1890—1900 и 1905—14 г.г.) проценты увеличения производства, Н. А. Рожков приходит к выводу, что капиталистическое развитие в XX в. шло слабее, чем в конце XIX в. Прежде всего, необходимо отметить неправильность подобных сравнений. Напр., Н. А. Рожков пишет: «Производство каменного угля в первое из этих десятилетий увеличилось более чем вдвое, а во второе только вдвое»; картина развития однако принимает другой характер при сопоставлении абсолютных цифр. Так в 1890 г. кам. угля добывалось 367.2 мил. пуд., в 1900 г.—1.003 мил. пуд. в 1905 г.—1.140.8 мил. пуд., а в 1912 г. добыто 2.213,8 мил. п.; относительный темп по десятилетиям, правда, меньше (и он вообще будет уменьшаться при подобных вычислениях). но в то время, как последнее десятилетие конца XIX в. (а это был ведь очень бурный период развития) дает увеличение в абсолютных цифрах на 632 млн. пуд.. XX в. (1905—1912 г.г.) дает абсолютное увеличение на 1,073 мил. пуд., т.-е. вдвое более. Аналогичную картину мы смогли бы наблюдать и в других отраслях производства. Если бы при этом Н. А. Рожков попытался сравнить развитие русского и западно-европейского капитализма в XX веке, то неизбежно установил бы две отличительные особенности: с р а в н и т е л ь н о б ы с т р ы й т е м п р а з в и т и я и с и л ь н у ю к о н ц е н т р а ц и ю р у с с к о й п р о м ы ш л е н н о с т и. При этом любопытно отметить, что этим процессам русского капитализма сильно мешали крепостнические пережитки в русской деревне, бывшей главным потребителем значительной части русской промышленной продукции. Новый бурный промышленный под'ем 1910—14 г.г. вносил существенные изменения и в технику, и в структуру русского капитализма. Период промышленного под'ема 1910—14 г.г., характеризующийся быстрым ростом акционерных капиталов (сумма акционерного капитала возросла с 56 мил. в 1907 г. до 240 мил. в 1913 г.), и дал возможность развитию высоко-концентрированной промышленности. Напр., продукция чугуна доменных заводов-гигантов (с производством свыше 10 мил. пуд.) в 1909 г. составляла 17,2% всего производства чугуна, в 1913 г. поднялась до 53%. Высокая концентрация промышленности, как известно, вела к органическому изменению, и банковый финансовый капитал становился дирижером. «Знакомство с развитием русского капитализма—пишет тов. Ванаг, цифрами которого пользовался и Н. А. Рожков,—в эпоху XIX и начала XX в. устанавливает, что капиталистическая конкуренция сменяется капиталистической монополией лишь в период после революции 1905 года. Эта капиталистическая монополия выросла на основе концентрации производства, усилившейся в период глубокого кризиса промышленной системы России в первое десятилетие XX века. Свое окончательное оформление русский капиталистический монополизм получает при сращивании промышленного капитала с банковым, широко пустившим корни в 1906—12 г.г.» [1]). Вот эти изменения и в технике и организации промышленности, а на ряду с этим и в создании сплоченного ядра русского пролетариата, и привели к социалистической революции 1917 года. Рассуждения же Н. А. Рожкова о хищническом и культурном капитализме скрыли от него этот основной фактор развития русского капитализма. Если сюда добавить, что притоку капиталов мы в значительной мере обязаны Западной Европе, то легко найти ключ к пониманию международного характера нашей революции, слабости русской буржуазии, ее худосочия и реакционности.

Империалистическая война 1914—1917 годов вскрыла гнойник капитализма и послужила ближайшей и непосредственной причиной революции 1917 года, имевшей под собой глубокое социальное основание. Как мы видели, неверное понимание автором роли пролетариата в революции 1905 год, а впоследствии недооценка момента концентрации русской промышленности перед войной 1914—17 г.г.. и не дали возможности Н. А. Рожкову вскрыть подлинный характер революции, и напрасно вы будете искать у него оценок

[1]) Н. Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Изд. 1925 г., стр. 26.

революции 1917 года, как революции социалистической. Если из работы Н. А. Рожкова с очевидной убедительностью выступает неизбежность замены западноевропейского капитализма социалистическими формами хозяйства, то для России социалистическое хозяйство находится под вопросом. Всюду, где требуется выяснение октябрьской революции, как социалистической, Н. А. Рожков, подменяет термин социалистического хозяйства выражением «самостоятельное или культурное хозяйство». Приведем пару примеров. «Февральская революция 1917 года,—пишет Н. А. Рожков,—явилась результатом сочетания воинственно-империалистических тенденций капиталистической буржуазии, разочарованной военными поражениями, и сознания массами народа тяжести войны, бестоварья и дороговизны. Буржуазия, правда, думала не столько о революции, сколько о дворцовом перевороте и встречала здесь поддержку в иностранной дипломатии, но трудящиеся массы, особенно рабочие и солдаты завели дело дальше, чем того хотела буржуазия. З д е с ь с к а з а л а с ь о б ' е к т и в н а я н е о б х о д и м о с т ь к у л ь т у р н о г о и с а м о с т о я т е л ь н о г о х о з я й с т в а в с т р а н е» (стр. 343) ?! (курсив наш. П. Г.). Культурного капиталистического или социалистического хозяйства?—об этом автор молчит. Или в другом месте: «Эта революция диктовалась об'ективной необходимостью создать в России культурное и самостоятельное народное хозяйство» (стр. 392). Такая подмена термина «социалистическое хозяйство» словами «культурное и самостоятельное хозяйство» встречается повсюду. И оно, повидимому, не случайно.

Как известно, носителем и творцом социализма является пролетариат. Его удельный вес в общественной жизни определяет собою социалистическое строительство. Социалистичен ли русский пролетариат и способен ли он к выполнению социалистических задач? Социалистический характер, который «вдруг» приняла октябрьская революция, автор об'ясняет слабостью квалифицированного слоя рабочих (вследствие технической отсталости русского капитализма), не играющего руководящей роли в русском рабочем движении. В рабочем движении руководил рабочий-массовик. А, по мнению автора, политическое сознание его примитивно, и вопросы социализма он решает просто. «Русский рабочий, пишет Н. А. Рожков, в массе никогда не проводил резкой грани между программой минимум и программой максимум. Мне пришлось много обращаться с широкими рабочими массами в Петербурге и Москве в 1905—1908 г.г., а позднее в Сибири в 1910—17 г.г, и я вынес глубокое убеждение. что это так. Рабочие не раз заявляли: «если у нас сил хватит, мы возьмем и фабрики и заводы», «только бы нашим детям хватило хлеба, молока и масла,—мы фабрики возьмем». Так встречались все речи о необходимости об'ективной подготовки социалистической революции, достижении высокого уровня развития производительных сил, высоко-развитой техники» (стр. 287).

Вряд ли кого-либо убедят личные впечатления автора, а тем более там, где слово за совершившимися фактами. Верно, что массовик господствовал в русском рабочем дижении, но это господство об'ясняется высокой концентрацией русской промышленности, в значительной мере нивелировавшей рабочий класс и уничтожавшей цеховые настроения. Но в тысячу раз неверно, что к проблеме социализма русский рабочий-массовик относился так просто. Социалистичность русского рабочего-массовика шлифовалась в партийной лаборатории и подготовляла сознательных борцов за социализм, а не только бунтарско-социалистически настроенных. Этой партийной закалкой в значительной степени об'ясняется также непрекращающаяся тяжелая борьба, которую ведет русский рабочий за социализм. Социалистический характер октябрьской забастовки логически вытекал из всего предыдущего развития России в XIX и XX в.в.

Отсутствие четкости в определении характера октябрьской революции и роли в ней пролетариата сказывается и в дальнейшем изложении автором эпохи военного коммунизма и эпохи нэпа.

Поскольку эти вопросы освещены достаточно полно в литературе, мы ограничимся только общими замечаниями. Нам кажутся недостаточными освещение эпохи военного коммунизма, как борьбы вокруг продналога и продразверстки, и тем более характеристика эпохи военного коммунизма, как «преходящего зла».

Еще любопытнее оценка нэпа. Говоря о причинах, вызвавших переход к нэпу, Н. А. Рожков пишет: «В народном хозяйстве это (переход к нэпу, П. Г.) означало переход к государственному капитализму при сохранении отчасти и капитализма частного. чтобы этим способом восстановить хозяйство и пойти далее вперед к социализму» (345 стр.); а на следующей странице мы узнаем, что коллективные хозяйства и кооперация—также госкапитализм (см. также стр. 315. 394). Здесь комментарии излишни!

В своих замечаниях о работе Н. А. Рожкова мы остановились только на основных вопросах его работы, представляющих узловые моменты истории России в XX в. Мы оставили в стороне другие, также получившие неверное освещение автора и подчас не лишенные суб'ективного подхода, вопросы, как, наприм., характеристика кадетов, как земледельческой буржуазии (стр. 273), признание IV думы буржуаз-

ной (стр. 273), толкование краха столыпинской политики (стр. 159), увлечение автора при изложении материала об учредительном собрании (стр. 306), (которому посвящено две страницы в то время, как III с'езду Советов—5 строчек, а IV с'езду Советов—6 строчек) и т. д. Отметим только, что корни неправильных трактовок этих вопросов у автора в значительной мере кроются в недостаточной оценке и понимании классового соотношения сил.

Вышедшая работа Н. А. Рожкова хотя и выявляет значительные сдвиги во взглядах автора на развитие России в XX и его желание подойти к революционному марксизму, однако обнаруживает, что Н. А. Рожков находится на тяжелом пути к нему.

П. О. Горин.

ВИКТОРОВ. В. Крестьянские движения XVII—XVIII в. в. Сборник документов и материалов с примечаниями. Изд. Ком. Унив-та им. Свердлова. М. 1926. Стр. XXX+269. Ц. 2 р. 50 к.

На нашем книжном рынке имеется не мало сборников и хрестоматий по истории революционных движений в России, появившихся на свет в результате укоренения в практике современной школы исследовательского метода обучения. Но в соответствии с преимущественной ориентировкой программ на современность или ближайшее историческое прошлое почти все эти пособия оставляли вне поля своего зрения ранние народные движения эпохи крепостного хозяйства. Таким образом сборник т. Викторова восполняет чувствительный пробел в учебной литературе сегодняшнего дня. Критикуя ниже книгу т. Викторова, мы не будем забывать заслуги автора, как пионера в новой области работы, и учтем трудности, связанные со всяким научно-педагогическим почином.

Рецензируемая книга распадается на 3 части: 1) собственно собрание документов и материалов, 2) общее вступление составителя и, наконец, 3) авторские примечания к текстам. В виду принципиальной неравноценности этих частей книги, рассмотрим их в последовательном порядке.

Нельзя не признать совершенно правильным основной принцип построения сборника: изображение крестьянских движений на фоне экономического развития России и классовых отношений данной эпохи. Но распределение материала по разделам книги встречает некоторые возражения. Так, например, при чрезвычайной скудости памятников «смутного времени» с излишней полнотой представлены «проекты» петровского времени. Подбор «демонстративного» материала т. Викторовым следует признать вполне удачным. Особенно свежи и интересны памятники пугачевского движения, взятые составителем из собрания Центрархива, недавно подготовленного к печати. Остальные документы заимствованы из печатных сборников, давно вошедших в академический обиход.

Материал сборника группируется вокруг трех важнейших казацко-крестьянских движений XVII—XVIII в. в.: крестьянской революции «смутного времени», разиновщины и пугачевщины. Введением к движению Болотникова и Тушинского Вора служит актовый и литературный материал XVI века—первого этапа развития денежного хоз-ва и связанного с ним экономического кризиса. Язык актов этого времени, как показывает опыт, трудно понимается нашими студентами, поэтому т. Викторов вполне основательно сопроводил документы переводом на современный язык. К будущему изданию книги необходимо внимательно проредактировать этот перевод. В нем встречаются досадные обмолвки, порой совершенно искажающие смысл подлинника. Так, например, «посельские» (стр. 4) в переводе значатся вместо «прикащиков» «крестьянами», отчего последние оказываются в противоестественной социальной близости с князьями, боярами и др. крупными землевладельцами, эксплоатирующими труд крестьян-арендаторов. В пункте «Уставной Грамоты» Соловецкого монастыря о продаже жребия монастырским крестьянином в подлиннике нет речи о штрафе и т. д. и т. п. Необходимо особо оговорить опечатку в дате боярского приговора 1 февраля о беглых крестьянах (вместо 1601 надо 1606 г.).

Переходим к «Предисловию» и «примечаниям». Предисловие — краткий очерк русской истории за три века—по нашему мнению составляет самое уязвимое место в работе т. Викторова. Представляя собой в целом довольно поверхностное и некритическое изложение работ М. Н. Покровского, оно становится совсем неприемлемым в тех немногих местах, где автор пытается отклониться от своего образца. Сверх того оно изобилует обмолвками и неясностями.

Возьмем только на выдержку несколько примеров. Вопреки мнению т. Викторова, указ 1597 г. не ограничивал «права перехода крестьян» (стр. IX). Суждение т. Викторова о «земском соборе», как о «показателе роста влияния торгового капитала» (стр. XV), никак не вяжется с утверждением автора (на той же стр.), что «в первой половине... XVII в. наблюдается некоторый рецидив натурального хозяйства и феодальных отношений». Получается, примерно, такая схема: земский собор, символизирующий мощь торгового капитала, действует в период реставрации феодальных отношений и прекращает свое существование как раз

ной (стр. 273), толкование краха столыпинской политики (стр. 159), увлечение автора при изложении материала об учредительном собрании (стр. 306), (которому посвящено две страницы в то время, как III с'езду Советов—5 строчек, а IV с'езду Советов—6 строчек) и т. д. Отметим только, что корни неправильных трактовок этих вопросов у автора в значительной мере кроются в недостаточной оценке и понимании классового соотношения сил.

Вышедшая работа Н. А. Рожкова хотя и выявляет значительные сдвиги во взглядах автора на развитие России в XX и его желание подойти к революционному марксизму, однако обнаруживает, что Н. А. Рожков находится на тяжелом пути к нему.

П. О. Горин.

ВИКТОРОВ. В. Крестьянские движения XVII—XVIII в. в. Сборник документов и материалов с примечаниями. Изд. Ком. Унив-та им. Свердлова. М. 1926. Стр. XXX+269. Ц. 2 р. 50 к.

На нашем книжном рынке имеется не мало сборников и хрестоматий по истории революционных движений в России, появившихся на свет в результате укоренения в практике современной школы исследовательского метода обучения. Но в соответствии с преимущественной ориентировкой программ на современность или ближайшее историческое прошлое почти все эти пособия оставляли вне поля своего зрения ранние народные движения эпохи крепостного хозяйства. Таким образом сборник т. Викторова восполняет чувствительный пробел в учебной литературе сегодняшнего дня. Критикуя ниже книгу т. Викторова, мы не будем забывать заслуги автора, как пионера в новой области работы, и учтем трудности, связанные со всяким научно-педагогическим почином.

Рецензируемая книга распадается на 3 части: 1) собственно собрание документов и материалов, 2) общее вступление составителя и, наконец, 3) авторские примечания к текстам. В виду принципиальной неравноценности этих частей книги, рассмотрим их в последовательном порядке.

Нельзя не признать совершенно правильным основной принцип построения сборника: изображение крестьянских движений на фоне экономического развития России и классовых отношений данной эпохи. Но распределение материала по разделам книги встречает некоторые возражения. Так, например, при чрезвычайной скудости памятников «смутного времени» с излишней полнотой представлены «проекты» петровского времени. Подбор «демонстративного» материала т. Викторовым следует признать вполне удачным. Особенно свежи и интересны памятники пугачевского движения, взятые составителем из собрания Центрархива, недавно подготовленного к печати. Остальные документы заимствованы из печатных сборников, давно вошедших в академический обиход.

Материал сборника группируется вокруг трех важнейших казацко-крестьянских движений XVII—XVIII в. в.: крестьянской революции «смутного времени», разиновщины и пугачевщины. Введением к движению Болотникова и Тушинского Вора служит актовый и литературный материал XVI века—первого этапа развития денежного хоз-ва и связанного с ним экономического кризиса. Язык актов этого времени, как показывает опыт, трудно понимается нашими студентами, поэтому т. Викторов вполне основательно сопроводил документы переводом на современный язык. К будущему изданию книги необходимо внимательно проредактировать этот перевод. В нем встречаются досадные обмолвки, порой совершенно искажающие смысл подлинника. Так, например, «посельские» (стр. 4) в переводе значатся вместо «прикащиков» «крестьянами», отчего последние оказываются в противоестественной социальной близости с князьями, боярами и др. крупными землевладельцами, эксплоатирующими труд крестьян-арендаторов. В пункте «Уставной Грамоты» Соловецкого монастыря о продаже жребия монастырским крестьянином в подлиннике нет речи о штрафе и т. д. и т. п. Необходимо особо оговорить опечатку в дате боярского приговора 1 февраля о беглых крестьянах (вместо 1601 надо 1606 г.).

Переходим к «Предисловию» и «примечаниям». Предисловие — краткий очерк русской истории за три века—по нашему мнению составляет самое уязвимое место в работе т. Викторова. Представляя собой в целом довольно поверхностное и некритическое изложение работ М. Н. Покровского, оно становится совсем неприемлемым в тех немногих местах, где автор пытается отклониться от своего образца. Сверх того оно изобилует обмолвками и неясностями.

Возьмем только на выдержку несколько примеров. Вопреки мнению т. Викторова, указ 1597 г. не ограничивал «права перехода крестьян» (стр. IX). Суждение т. Викторова о «земском соборе», как о «показателе роста влияния торгового капитала» (стр. XV), никак не вяжется с утверждением автора (на той же стр.), что «в первой половине... XVII в. наблюдается некоторый рецидив натурального хозяйства и феодальных отношений». Получается, примерно, такая схема: земский собор, символизирующий мощь торгового капитала, действует в период реставрации феодальных отношений и прекращает свое существование как раз

тогда, когда, по словам автора, натуральное хозяйство под натиском торгового капитала начинает быстро разлагаться (стр. XVI). Концепция феодальной реставрации, заимствованная автором у М. Н. Покровского, ничего не выигрывает от таких «поправок». На стр. XVI мы встречаемся с таким формально нелогичным и неправильным по существу рассуждением: «Закрепощение крестьянства во второй половине [1]) (XVII в. А. Ш.) идет еще более быстрыми шагами... и требования челобитий (дворян о полном закрепощении крестьян. А. Ш.) находят свое разрешение в статье Соборного Уложения 1849 г. (!) об отмене урочных лет». На стр. XXIII российская империя Екатерины II названа «Московой» и точно для симметрии этому анахронизму на стр. XII князь Пожарский выступает на борьбу с Польшей «за об'единение московского княжества» (!). На той же XXIII стр. попадается такое странное замечание о внешней торговле России в XVIII веке: «Несмотря на значительную сумму вывоза (русского. А. Ш.), вывозилось все-таки сырье или полуфабрикат—промышленные по тому времени Голландия и Англия постоянно представляли угрозу захвата рынка», т.-е. промышленные страны всегда были готовы отбить рынок сбыта у страны, производящей сырье. С экспроприацией крестьянства дело тоже обстоит не совсем благополучно: на стр. XVI она заканчивается в XVII в., а на стр. XXIV она продолжена до второй половины XVIII и первой половины XIX века. В заключение приведем обобщающее рассуждение автора, которое, на наш взгляд, жестоко грешит против марксистского метода. Т. Викторов, желая «реабилитировать» крестьянские движения XVII—XVIIII в.в. от обвинения их в «об'ективной» (т.-е. экономической) реакционности, попадает в следующий заколдованный круг: 1) крестьянские восстания направлены «против крепостнических отношений», поэтому «в случае своего успеха они... могли бы создать условия для развития торгово-капиталистических отношений»,но 2) «интересы (русского. А. Ш.) торгового капитала гораздо крепче. чем в Западной Европе, сплетались с крепостным хозяйством», поэтому крестьянские восстания, не имея во главе руководящего класса (буржуазии. А. Ш.) в итоге кончались ничем» (стр. VI—VII). Автор не замечает, что первое утверждение в сочетании со вторым становится совершенно бессодержательным. Если торговый капитализм в России XVIII в. успешно развивался в недрах крепостного хозяйства и торговая буржуазия по этой самой причине не была заинтересована в казенной ломке производственных отношений, а крестьянство, по справедливому замечанию автора, вообще неспособно к самостоятельной революционной роли, то какой смысл ставить самый вопрос о «возможных» результатах об'ективно невозможной революции?

[1]) Разрядка везде моя. А. Ш.

Польза об'яснительных примечаний к тексту (по существу неоспоримая), к сожалению, понижается в виду значительного количества вкравшихся сюда ошибок. Напр., в п. 6 должно быть серебро «издельное», а не «издольное»; целиком неверно определение понятий «пожилого» (в п. 14) и «повоза» (в п. 16).

Пора подвести итог. Книга т. Викторова, как сказано, отвечает давно назревшей потребности, и на первое время она, несомненно, способна удовлетворить эту потребность. Преподаватели и студенты сумеют широко использовать все ценное, что дает читателю книга т. Викторова, оставив в стороне те довольно многочисленные lapsus'ы, которые мы склонны отнести за счет слишком поспешной работы автора.

А. Н. Штраух.

Т. ОСЬМИНСКИЙ. Развитие капитализма в России в 1-ой половине XIX века и крестьянская реформа 1861 года. Материалы для работы по лабораторно-исследовательскому методу с методическим введением. (Ленинград. Губполитпросвет. Хрестоматия по обществоведению для школ взрослых. Вып. 10). Изд. Ц. К. Ж. Д. «Гудок». М.-Л. 1925 г. 60 страниц. Цена 35 коп.

Современная школа испытывает острую нужду в учебнике нового типа. Об этом знают все учащиеся и все педагоги. Нужно пособие, приспособленное к новым методическим требованиям. Поэтому титульный лист работы Т. Осьминского с заманчивым обещанием дать материал для работы по лабораторно-исследовательскому методу да еще методическое введение внушают самые радостные надежды.

Но они сейчас же разлетаются, как дым, как только переворачиваете титульный лист. В книге нет ни исследования, ни методики. Введение, правда, есть, но не методическое. В нем сказано несколько слов о значении изучения крестьянской реформы, проведена очень поверхностная параллель между дифференциацией советской и капиталистической деревни и выделены две основные темы изучения: «1. Развитие капитализма в России в 1-ой половине XIX в. (ход и причины развития, столкновение с крепостным правом, классовые противоречия и т. д., т.-е. экономические и социальные предпосылки реформы). II. Крестьянская реформа 1861 г. (ход, содержание и ее ближайшие последствия)». Вот и все. Но каким методом на-

тогда, когда, по словам автора, натуральное хозяйство под натиском торгового капитала начинает быстро разлагаться (стр. XVI). Концепция феодальной реставрации, заимствованная автором у М. Н. Покровского, ничего не выигрывает от таких «поправок». На стр. XVI мы встречаемся с таким формально нелогичным и неправильным по существу рассуждением: «Закрепощение крестьянства во второй половине [1]) (XVII в. А. Ш.) идет еще более быстрыми шагами... и требования челобитий (дворян о полном закрепощении крестьян. А. Ш.) находят свое разрешение в статье Соборного Уложения 1849 г. (!) об отмене урочных лет». На стр. XXIII российская империя Екатерины II названа «Москвой» и точно для симметрии этому анахронизму на стр. XII князь Пожарский выступает на борьбу с Польшей «за об'единение московского княжества» (!). На той же XXIII стр. попадается такое странное замечание о внешней торговле России в XVIII веке: «Несмотря на значительную сумму вывоза (русского. А. Ш.), вывозилось все-таки сырье или полуфабрикат—промышленные по тому времени Голландия и Англия постоянно представляли угрозу захвата рынка», т.-е. промышленные страны всегда были готовы отбить рынок сбыта у страны, производящей сырье. С экспроприацией крестьянства дело тоже обстоит не совсем благополучно: на стр. XVI она заканчивается в XVII в., а на стр. XXIV она продолжена до второй половины XVIII и первой половины XIX века. В заключение приведем обобщающее рассуждение автора, которое, на наш взгляд, жестоко грешит против марксистского метода. Т. Викторов, желая «реабилитировать» крестьянские движения XVII—XVIIII в.в. от обвинения их в «об'ективной» (т.-е. экономической) реакционности, попадает в следующий заколдованный круг: 1) крестьянские восстания направлены «против крепостнических отношений», поэтому «в случае своего успеха они... могли бы создать условия для развития торгово-капиталистических отношений»,но 2) «интересы (русского. А. Ш.) торгового капитала гораздо крепче. чем в Западной Европе, сплетались с крепостным хозяйством», поэтому крестьянские восстания, не имея во главе руководящего класса (буржуазии. А. Ш.) в итоге кончались ничем» (стр. VI—VII). Автор не замечает, что первое утверждение в сочетании со вторым становится совершенно бессодержательным. Если торговый капитализм в России XVIII в. успешно развивался в недрах крепостного хозяйства и торговая буржуазия по этой самой причине не была заинтересована в казенной ломке производственных отношений, а крестьянство, по справедливому замечанию автора, вообще неспособно к самостоятельной революционной роли, то какой смысл ставить самый вопрос о «возможных» результатах об'ективно невозможной революции?

Польза об'яснительных примечаний к тексту (по существу неоспоримая), к сожалению, понижается в виду значительного количества вкравшихся сюда ошибок. Напр., в п. 6 должно быть серебро «издельное», а не «издольное»; целиком неверно определение понятий «пожилого» (в п. 14) и «повоза» (в п. 16).

Пора подвести итог. Книга т. Викторова, как сказано, отвечает давно назревшей потребности, и на первое время она, несомненно, способна удовлетворить эту потребность. Преподаватели и студенты сумеют широко использовать все ценное, что дает читателю книга т. Викторова, оставив в стороне те довольно многочисленные lapsus'ы, которые мы склонны отнести за счет слишком поспешной работы автора.

А. Н. Штраух.

Т. ОСЬМИНСКИЙ. Развитие капитализма в России в 1-ой половине XIX века и крестьянская реформа 1861 года. Материалы для работы по лабораторно-исследовательскому методу с методическим введением. (Ленинград. Губполитпросвет. Хрестоматия по обществоведению для школ взрослых. Вып. 10). Изд. Ц. К. Ж. Д. «Гудок». М.-Л. 1925 г. 60 страниц. Цена 35 коп.

Современная школа испытывает острую нужду в учебнике нового типа. Об этом знают все учащиеся и все педагоги. Нужно пособие, приспособленное к новым методическим требованиям. Поэтому титульный лист работы Т. Осьминского с заманчивым обещанием дать материал для работы по лабораторно-исследовательскому методу да еще методическое введение внушают самые радостные надежды.

Но они сейчас же разлетаются, как дым, как только переворачиваете титульный лист. В книге нет ни исследования, ни методики. Введение, правда, есть, но не методическое. В нем сказано несколько слов о значении изучения крестьянской реформы, проведена очень поверхностная параллель между дифференциацией советской и капиталистической деревни и выделены две основные темы изучения: «1. Развитие капитализма в России в 1-ой половине XIX в. (ход и причины развития, столкновение с крепостным правом, классовые противоречия и т. д., т.-е. экономические и социальные предпосылки реформы). II. Крестьянская реформа 1861 г. (ход, содержание и ее ближайшие последствия)». Вот и все. Но каким методом на-

---

[1]) Разрядка везде моя. А. Ш.

до проработать предлагаемый далее материал, что должен делать учащийся с последующими пятьюдесятью восемью выдержками из работ М. Н. Покровского, Лященко, Рожкова, Игнатович? «Методическое» введение об этом не говорит ни слова.

Первой теме предшествуют три страницы рассуждений составителя, озаглавленные «Развитие капитализма в России в 1-ой половине XIX века и крепостное право». Текст заглавию не соответствует, ибо первой половине указанного века посвящено всего несколько строк, а крепостному праву две фразы (стр. 7). Это—спешные черновые заметки преподавателя, набросанные накануне урока, даже не перечитанные внимательно и подчас просто неверные. Порой поспешность и невразумительность этого черновика доходит до анекдотичности: вот первые,—заметьте, первые,—вводящие в тему строки, долженствующие убедить учащегося в «значении» капитализма: «Развитие капитализма для каждой страны имеет громадное значение. Капитализм и переворачивает все сложившиеся столетиями и тысячелетиями (sic) порядки и отношения. Перед ним падают китайские стены, прорубаются окна из России в Европу, исчезают китайские косы и русские бороды, за которые в прежнее время шли на смерть. И все это потому, что капитализм меняет экономические отношения, а экономика—фундамент всей прочей социальной, политической и идеологической надстройки». Убедительно? Далее оказывается, что население России к началу XIX века сильно возросло и «в результате—быстрый рост хлебных цен». Много хлеба потребляла русская армия, и помещики занимались винокурением; вывод отсюда—«с внутренним рынком для продуктов сельского хозяйства все обстояло благополучно» и Россия «все больше делилась на две половины (!)—северную и южную и центральную (т.-е. на три половины? М. Н.)». «Промышленный капитализм начал развиваться в России позже торгового», утверждает составитель, не боясь естественного вопроса, рождаемого нелепой структурой фразы,—а в какой стране он стал развиваться раньше торгового? Столь же поверхностно, непродуманно, безответственно бросается: «Новый расцвет крупной промышленности начинается в России с первых лет XIX в. Он был вызван отсутствием конкуренции (?)»—и все, никаких дальнейших пояснений. Вероятно, исследований, из которых взяты последующие 58 выдержек, составитель не читал: он буквально ограбил хрестоматию С. Вознесенского «Экономическое развитие и классовая борьба в России XIX и XX вв.» (Петр. 1924), часто даже не оговаривая принадлежности той или иной выдержки Огановскому или Игнатович, а прямо для простоты ставя «С. Вознесенский». Но обилие цитат «из Вознесенского», вероятно, смущало самого составителя, а не только читателя, невольно раздумывающего на тему, как легко из одной книги вырезать другую,—поэтому выдержки, явно взятые «из Вознесенского», часто указания сего «источника» не содержат (отрывки №№ 5, 6, 7, 8, 9, 15 и др.). Составитель дал выдержкам заглавия, иногда в корне неправильные: так, таблица цифр, характеризующих уменьшение числа помещичьих крестьян, названа «вымиранием» крестьян (стр. 19), хотя «вымирания» цифры совершенно не доказывают. Второй теме, самой реформе, также предпослано вводное рассуждение составителя, и, кроме того, вся книга, заканчивается «Заключительной беседой». Методически непонятно, какие цели преследует в ней автор: «беседы» тут никакой нет, так как тут представлены рассуждения лишь одной стороны—составителя, ее беглость и поверхностность ни учащимся не дадут заключения темы, ни преподавателю руководящих мыслей.

Учащийся, работающий по лабораторно-исследовательскому методу, должен знать очень точно, что он должен из пособия извлечь и как извлечь. Одно дело усваивать текст, составляя его конспект или тезисы, другое—прорабатывать ряд цифр, составлять на основании их диаграмму. Для направления внимания учащегося на определенные стороны, на определенные выводы, необходимы контрольные вопросы: и на рабфаке и в комвузе, не говоря о предшествующих ступенях, студенты учатся читать книгу, и это ученье надо правильно поставить. Всякий преподаватель знает, как много затруднений на пути проработки учащимся цифровых данных—что делать с цифрами, как к ним подойти, что из них взять, какой вывод сделать. В пособии Осьминского масса текстов для усвоения и много цифр. Но нет ни контрольных вопросов, ни указаний, что делать с цифрами. Самостоятельность учащегося совершенно не поощряется. Изредка цифровые столбцы снабжаются совершенно ненужными примечаниями, напр., отрывки № 6, 11, 15. Эти примечания, между прочим—перифраз примечаний хрестоматии Вознесенского: дан ряд чисел, а сбоку вывод: за такие-то годы число крепостных уменьшилось на 300 слишком тысяч... Зачем? Ведь это видит любой грамотный, смотрящий на цифры. Поставьте вопрос, укажите ряд цифр, который надо сравнивать с другим рядом—и перед учащимся самостоятельная задача. Но ничего этого в хрестоматии Осьминского нет.

Наконец, критика работы Осьминского приводит нас к общему, принципиальному возражению. Много ли смысла громоздить

отрывочек одного исследования на отрывочке другого? Двадцать семь строчек Струве, шестнадцать Иванюкова, четырнадцать Туган-Барановского... Ведь к этой мозаике выдержек современную школу привело острое безкнижие, отсутствие подходящих пособий. Ничего принципиального тут нет. И ничего «исследовательского» в чтении этих отрывков тоже нет. Не пора ли от утомляющей и бесцельной мозаики текстов перейти к толковому связному изложению основных выводов исследований, нужных школе? Кажется, пора. А для «исследования» надо учащемуся дать исторический документ с соответствующими руководящими неопытного исследователя вопросами. Кстати, в «исследовательском» руководстве Осьминского из 58 отрывков как будто только один документ—отрывок из манифеста 19 февр. 1861 г.

«Библиографический указатель» (стр. 58) составлен поспешно и безграмотно: нет указания на годы издания, даются такие указания, по которым книгу не найдешь, напр. «Хрестоматия классовой борьбы», ч. I—и все. Какая, где издана, кто составил? Указаний нет. Нет указания томов курса А. Корнилова и работы Семевского, неизвестно какое издание рекомендуется.

Единственное достоинство книги Осьминского—это резкость бьющих в глаза недостатокв: может быть, хоть на таких примерах мы научимся составлять нужные для нашей школы пособия.

М. В. Нечкина.

П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ. Жизнь и быт петербургской фабрики 1704—1914 г.г. Издание Ленинградского Губернского Совета Профессиональных Союзов. 1925. Ц. 1 р. 50 к.

Разработка разных сторон истории отдельных фабрик и заводов в СССР, как и в других странах, составляет одну из ближайших и важнейших задач времени. История рабочего движения, жизни и быта рабочих, фабрик как экономической организации—все это вопросы, ищущие и требующие ряда исследователей, которые на основании старых—изданных и в особенности неизданных—архивных материалов дали бы ряд специальных работ.

«Жизнь и быт петербургской фабрики» П. Н. Столпянского, конечно, дает коекакой небезынтересный фактический материал, извлеченный почти исключительно из старой прессы и старых книг. Но прежде всего необходимо отметить, что автор почти совершенно не использовал архивного материала,—имеются только единичные на него ссылки, и извлечения из архивов сделаны очень неважные и не из тех архивов, которые здесь особенно важны, т.-е. не из архивов отдельных фабрик. Затем в книжке не мало поспешных выводов и замечаний, не оправданных или недостаточно оправданных приводимыми фактами. Так, нельзя согласиться с тем, что чуть ли не каждое казенное ведомство при Петре I устраивало свой кирпичный завод (стр. 15—16), что в XVIII в. были в Петербурге ремесленные, главным образом, заведения (стр. 61), тогда как на деле существовали по преимуществу мануфактуры (см. стр. 60) и т. д. Слабо изображены, напр., организации производства и кредита на фабриках XVIII в. (см., напр., стр. 31), лишь попутно, не придавая этому надлежащего значения, автор кое-где (напр., на стр. 35) отмечает переход от ручного труда к паровым двигателям, напрасно он также сопоставляет только денежную, а не реальную, заработную плату в Петербурге и Лондоне (стр. 57). Много в книге лишнего и неважного. С другой стороны, автору неизвестны некоторые важные факты, касающиеся истории петербургских фабрик, уже установленные в литературе: так, напр., он не знает, что первая новая хлопчатобумажная фабрика с паровым двигателем была основана в Петербурге в 1805 г. на Выборгской стороне (см. об этом в книге Ляхова «Развитие экономических и социальных отношений при Александре I»).

В общем заглавие «Жизнь и быт петербургской фабрики», поскольку может итти речь даже только о материалах, далеко не оправдывается содержанием книги. В данном случае можно гоорить только о некоторых фактах и чертах из истории петербургской фабрики.

Н. А. Рожков.

ЦЕНТРОАРХИВ. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского. Том I. Госиздат. Ленинград. 1926. Стр. XXIV+300. Ц. 3 р. 20 к.

Уже первый том намеченного издания документов, рисующих дипломатическую деятельность самодержавного русского правительства накануне и во время самой войны 1914—1918 г.г., позволяет предугадать, что это издание явится ценнейшим вкладом в историю последнего периода царской России. Достоинство этого исключительно важного издания заключается в том, что оно—при помощи сухих, официальных документов — ярко вскрывает перед глазами массового читателя всю «хитрую механику» дипломатических взаимоотношений, приведших к мировой войне. Издатели, таким образом, одновременно достигают двух целей: систематизируя переписку царских дипломатов, «представительствовавших» Россию в различных странах, с министерством иностранных дел, они делают со-

лидный вклад в нашу научно-историческую литературу, облегчая работу тех ученых исследователей, которые еще долго будут разбираться в вопросе о «виновниках войны»; с другой стороны,—они дают не только удобочитаемый, но и крайне увлекательный, по своему еще животрепещущему интересу, материал для массового читателя. Только при помощи таких изданий мы сможем, действительно, сделать наши архивы открытыми для широких масс. Фразу о том, что «революция открыла архивы всем», у нас любят повторять часто, но при этом забывают иногда, что это—только половина задачи. Ученый исследователь у нас, действительно, имеет полнейший доступ к тому, что еще недавно было под строжайшим запретом. Но для того, чтобы широкие массы могли воспользоваться этим величайшим завоеванием революции, нужно сделать архивные материалы доступными для них по изложению и по систематизации их. Какая огромная и благодарная задача раскрывается перед людьми науки, какая любознательная, многомиллионная аудитория ждет необходимой обработки архивных материалов, которая одна только и может дать ей фактический доступ к сокровищам, хранящимся в наших архивах!

Именно этой цели вполне отвечает рецензируемая книга. Уже одно—блестяще написанное—предисловие М. Н. Покровского вводит массового читателя в круг исторических событий, отображенных в собрании документов. Неудержимое устремление царской дипломатии к завладению «Константинопольской губернией», настойчивое желание играть роль гегемона на Балканах и распоряжаться совсем по-хозяйски в Болгарии и Сербии, поочередно то стравливая, то сближая эти две страны между собой и шантажируя то одну, то другую обещанием своей великодушной помощи, горькое разочарование Болгарии в ее «освободительнице», до сих пор не распутанный македонский клубок, попытки подкупить то Болгарию, то Сербию «кусочками» Македонии, столь же шантажное вмешательство в греко-болгарские, греко-турецкие, болгаро-турецкие и румыно-болгарские споры, бесконечные интриги в Румынии и Италии, сводившиеся к систематическому вовлечению обеих этих стран в мировую войну на стороне Антанты,—таков, вкратце, круг этих событий.

Какая поразительная галлерея самонадеянных, самовлюбленных, крайне почтительных в донесениях «его высокопревосходительству господину министру иностранных дел» или «его величеству государю императору» и необычайно дерзких в переписке или в разговорах с представителями «малых народов», весьма малодаровитых и, в огромном большинстве своем, крайне-невежественных чиновников выступает перед нами на страницах опубликованных документов! Да и чего другого можно было ожидать от этих людей, исходным пунктом миросозерцания которых была вера в величие и непоколебимую силу царской России, неразрывно связанная с презрением общественного мнения и воли широких масс не только в своей стране, но и за рубежом? М. Н. Покровский приводит в своей вступительной статье характернейший образчик того тона, который был усвоен царской дипломатией по отношению даже таких стран, как Италия. В своем циркулярном письме, относительно возможности участия Италии в войне на стороне союзников, министр иностранных дел Сазонов пишет, что «Италия могла бы быть допущена к совместным с державами действиям против Турции только при условии одновременного деятельного участия в войне против Австро-Венгрии» [1]). И Николай Романов спешил одобрить подобные документы своей пресловутой лаконической отметкой «Хорошо»!

«Хорошо - то — хорошо», — но история показала, как мало хорошего получилось для царской России в результате мудрой дипломатической деятельности этих господ, представлявшей смесь неслыханного высокомерия по отношению к «малым народам» и самого низменного—даже с профессионально-дипломатической точки зрения—шантажа и коварства. Господин Сазонов от высокомилостивого «допущения» Италии к войне легко переходил к самому мелкому шантажу в отношении ее.

Бездарность большинства наших дипломатических представителей проявлялась, главным образом, в их прогнозах—даже на самый ближайший период времени. В старину шутники любили говаривать: «Если хочешь иметь успех в своих делах, советуйся с женщиной. Выслушай внимательно все, что она тебе скажет, и поступай как раз наоборот». Успехи царской дипломатии, несомненно, были бы велики, если бы в тогдашнем Петербурге применяли тот же рецепт по отношению к донесениям наших послов и посланников. «Болгария не осмелится пойти против царской России»,—эта мысль красной нитью проходит через все почтительные «рапорты» нашего посланника в Болгарии, Савинского, вплоть до того момента, когда ему приходится укладывать свои чемоданы и вручать отзывную грамоту. Другой посланник—в Бухаресте—г-н Поклевский-

---

[1]) Замечательно что подобное же выражение употребляет в отношении Болгарии г. Савинский (стр. 79: «...Ограничиваюсь раз'яснением того, насколько... было бы необходимым, чтобы болгары попросили нас о допущении их к совместным действиям против Турции». Г. С.

Козелл (кстати,—этот господин, кажется, до сих пор имеет наглость разыгрывать русского посланника в Румынии!) ни на минуту не подозревает, что ловкий Братиану просто издевается над ним и обходит его, как последнего простофилю! Много поучительного дает, вообще, сопоставление царских «Голиафов» от дипломатии с маленькими балканскими «Давидами», часто выходившими блестящими победителями из дипломатических боев с Поклевскими, Савинскими и проч. Удивительную «дальновидность» проявил, между прочим, наш посол в Константинополе Гирс, котрый 8/VIII (н. ст.) 1914 г. поверил великому визирю, что тот «никоим образом «Гебена» и «Бреслау» через Дарданеллы не пропустит», а также непоколебимо верил все время в «искренность» Энвер-паши.

Всех подобных фактов не перечесть! Но огромное достоинство рецензируемого собрания документов заключается в том, что оно дает выпуклую картину бездарности царской дипломатии на фоне соответствующего окружения: крайней развращенности, продажности и бесконечного плутовства, превосходящего всякую мыслимую грань цинизма,—характеризующих дипломатию наших «союзников». Так, Извольский в своем донесении (от 11/VIII н. ст. 1914 г.) сообщает, что Думерг в разговоре с ним высказался в том духе, что нужно парализовать подозрение Турции насчет возможного захвата Константинополя русскими. Думерг сказал, что «было бы весьма желательно, чтобы мы ее (Турцию) успокоили на этот счет, например, предложивши ей гарантировать целость ее владений. По мнению Думерга (курс. наш. Г. С.),—это не мешало бы нам при ликвидации войны разрешить, согласно нашим видам, вопрос о проливах»...

По-истине, самый невзыскательный и несклонный к крепким полемическим выражениям читатель, ознакомившись с подобными перлами, скажет о союзной коалиции, что это был «союз от'явленных простофиль с прожженными плутами». Равным образом, бесподобным является заключение «экономиста» Гирса о том, что передача Турции всех германских концессий в М. Азии «нисколько не нарушила бы наших экономических интересов». Из контекста ясно видно, что это глубокомысленное заключение ему было подсказано «искренним» великим визирем и т. д.

Крайне любопытной представляется та торговля «великими принципами славянского братства», которая, вперемежку с грубыми угрозами, должна была воздействовать на решение Болгарии. Много подобных перлов читатель найдет в циркулярах Сазонова: «Мы хотим верить, что, памятуя (?) лучшие заветы своей истории, Болгария им не изменит и решительно заявить о своем намерении теперь же вступить с нами в переговоры о согласованности наших взаимных видов» (3/VII н. ст. 1914 г.). 5-го же августа, вдохновленный начальственным циркуляром, г. Савинский внушает Радославову, «как выгодно будет Болгарии чувствовать себя безупречной перед Россией в момент, когда мы будем решать судьбу балканских государств» (курс. наш. Г. С.).

Таких перлов можно было бы привести бесконечное число, но это вывело бы нас за рамки рецензии. Отсылая читателя к интереснейшей книге, выпущенной Центрархивом, мы считаем нужным вкратце отметить, что исследователи, работающие над вопросом о причинах возникновения войны, найдут в ней много ценных свидетельств о прямом вмешательстве крупного западноевропейского (гл. образом, английского) капитала в задачи царской дипломатии на Балканах (готовность англ. пр-ва оказать финансовую поддержку балканскому блоку,—если бы он осуществился—ст. 70 и мн. др. Кстати, как это близко напоминает недавние попытки образования «Балканского Локарно»!).

С нетерпением каждый, ознакомившийся с I томом собрания, будет ждать появления следующих, в которых прямое давление западного капитала на царскую дипломатию будет отображено с еще большей яркостью. «Работа» царской дипломатии на Балканах, накануне мировой войны, освещена в выпущенном томе с максимальной полнотой и доступностью для каждого читателя. Именно так, как это сделал Центрархив, нужно «раскрывать» наши архивы перед массами...

Г. Б. Сандомирский.

В. КОЖЕВНИКОВ. Великая крестьянская война в Германии. Социально-историческая библиотека. ГИЗ. М.-Л. 1925. Стр. 135+VIII.

Э. БАУМГАРТНЕР. Великая крестьянская война (1525). Перевод с немецкого. С предисл. П. Стучка. Изд. «Прометей». М. 1925. Стр. 259+VIII.

Четыре столетия не вычеркнули из памяти человечества событий крестьянской революции XVI века в Германии. Русская революция и борьба крестьянства за свое освобождение на Востоке делают изучение крестьянской истории особенно важным. И сравнительно совсем еще недавно, в половине XIX в., в Китае движение «тайпингов» повторило почти до мелочей картину социальной борьбы XVI ст. в Германии. В наше время на Востоке, где капитализм очищает почву для революции, где он уже много сделал для рождения своих могильщиков, все же не изжиты еще архаиче-

ские черты прошлого, помноженные на варварство эпохи империализма. Поэтому-то мы с интересом встречаем каждую книжку, посвященную крестьянской революции в прошлом.

В краткой рецензии трудно дать подробную оценку книгам. Мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Книжка В. Кожевникова появилась в печати еще 20 лет тому назад, в эпоху первой революции. Она исчезла, по многим причинам, с рынка и только теперь снова сделалась доступной читателю. Это научно-популярный очерк, в основу которого положены книги Циммермана, Энгельса и Бебеля. Книга написана живо, обобщения даны на основе значительного фактического материала. Словом, она представляет собою безусловно ценную работу для массового читателя. Введение и первая глава в книге Кожевникова должны дать читателю представление о причинах войны. Автор с этой целью рассказывает историю германского крестьянства, начиная с 330 г., до нашего летоисчисления. Трудно, конечно, достаточно удовлетворительно на нескольких страницах выполнить эту задачу. Вот почему очерк о причинах войны 1525 г. сводится, в конце концов, к общим фразам и повторению Энгельса. А у читателя неизбежно при чтении этой главы встает вопрос: почему крестьянская революция началась в Германии? Остаются также совершенно невыясненными и экономические причины поражения крестьян. Нет ли здесь связи между капиталистическим развитием и социальными требованиями крестьянства, которые часто шли дальше возможного в условиях нарождающегося буржуазного общества? Ответа на этот вопрос читатель не получит, и ему приходится ограничиться следующими об'яснениями: плохая военная организация; сепаратизм крестьян; доверчивость к княжескому слову; изолированность крестьян в их борьбе. Это во всяком случае недостаточные для марксиста об'яснения. Даже от научно-популярного очерка мы имеем право требовать более внимательного анализа политики отдельных крестьянских групп. Этого мы не найдем у Кожевникова: он толкует крестьянство, как единое целое, и не достаточно уделяет внимания вопросу о связи крестьянского и городского движения. Но при всем этом книжка Кожевникова остается ценным пособием. И поэтому следует пожелать, чтобы в следующем издании предисловие дало бы ответ на те вопросы, которые оно ставит, не ограничилось бы рецензированием и тем заполнило бы пробелы самой книги.

Книга Баумгартнера—попытка дать исследование о крестьянской войне—в то же время она остается популярной книгой. Автор, австрийский с.-д., использовал богатый печатный материал публикаций по истории войны 1925 г., но в своих выводах отнюдь не дает оригинальной оценки событий. Правда, мы теперь имеем возможность внести лишь частичные поправки к работам Циммермана и Энгельса, но и этого Баумгартнер не выполнил. Однако, к этой книге мы можем пред'явить гораздо более повышенные требования, чем к книге Кожевникова. А между тем ей недостает теоретической ясности в постановке вопросов. Чем была крестьянская война в XVI ст.? Ведь, несомненно, она была проявлением происходившей тогда буржуазной революции. Задача историка вскрыть социально значение событий 1525 г., как одной из революций буржуазного общества. Но как поступает Баумгартнер? Я беру гл. о «Двенадцати тезисах». По поводу тезиса 3-го: «Об отмене крепостничества», автор рассказывает нам о страданиях крестьян, но не отмечает, как крестьяне трактуют понятие власти: «Не то, чтобы мы хотели быть безусловно свободными, читаем мы в тезисах, не желали иметь никакой власти, этому нас бог не учит». Излагая подробно тезис 4-й, автор возмущается эксплоатацией крестьянства, но не вскрывает социального значения анализируемого тезиса, в котором крестьянство отказывается посягнуть на право бесплатного пользования водой, «для которой владельцы могут доказать достаточными письменными документами, что воду купили без умысла». Остается не освещенным тезис 7-й, где крестьяне настаивают на договорном характере земельных отношений.

Еще более характерным для автора является трактовка знаменитых постановлений в Гейльбронне. В тени оставлено все классовое содержание документа: требование безопасности передвижений для купцов, устранения пошлин и проездных денег: «так много развелось пошлин у духовных и светских князей, графов, господ, рыцарей, дворян, прелатов и городов, что через это затруднены все купеческие сделки и простой человек покупает тем дороже розничный товар.» Обойден молчанием даже 12-й пункт постановлений, гласивший, «чтобы компании, подобные компаниям Фуггеров, Гехштетеров, Вельзеров и т. п., были отменены...», чтобы были также запрещены вексельные сделки... Совершенно очевидно, что все это бросает интереснейший свет на социальную борьбу XVI ст., но об этом у Баумгартнера—ни слова. Неудивительно, что, об'ясняя причины поражения крестьянской революции, он повторяет то же, что и Кожевников. Он только еще более беспомощен в оценке связи городского движения и сельского, роли отдельных групп крестьянства, роли пролетариата в этой борьбе. Мы оставляем в стороне ряд

специфических с.-д. трактовок вопросов революционной тактики и классовой борьбы. Исследование Баумгартнера отнюдь не прибавляет ничего нового для подтверждения блестящего положения К. Маркса и Энгельса о прогрессивности освободительного движения крестьян в союзе с восставшим городом, против исторически обанкротившегося утверждения Ф. Лассаля о реакционности крестьянской революции 1525 г.

Ц. Фридлянд.

Г. П. ГУЧ. История современной Европы. Сокращенный перевод с английского Ю. Соловьева и Н. Ждановой. Предисловие Ф. Ротштейна. Госуд. Изд. 1925. Ленинград. Стр. 291.

Усиленное внимание, обращенное за последнее время на изучение новейшей истории, вызывает усиленную потребность в соответствующей литературе. Удовлетворение этой потребности становится тем более настоятельным, что в русской литературе не имеется сколько-нибудь удовлетворительного изложения истории последнего пятидесятилетия, если не считать эклектичных методологически, водянистых по изложению и устаревших по материалу последних томов кареевской «Истории Западной Европы». Перевод труда английского историка Гуча «History of modern Europe» мог бы восполнить этот досадный пробел, правда, с целым рядом оговорок. Эти оговорки прежде всего касаются самого содержания работы Гуча, ее метода и того материала, на котором она построена. Самое содержание «Истории современной Европы» значительно уже своего заглавия—Гуч исключительно занят международной историей Европы за период 1878—1919 г.г. Конечно, понять события международной истории и дать их сколько-нибудь удовлетворительный анализ можно только в связи с историей внутренней, и поэтому Гуч попросту обрекает себя на прагматическое изложение событий в данных хронологических рамках. Таким образом, содержание книги в значительной степени определяет и метод ее написания. Поэтому Гуч не только далек от материалистического понимания истории—он вообще не дает причинного трактования событий, если не считать за таковое установление поверхностной прагматической связи. Мы находим у него почти что голую прагматику, приправленную критическими замечаниями либерального профессора. Тем не менее, международная история последнего времени получила в наше время столь важное и необходимое значение, что и хорошее прагматическое изложение ее событий приносит значительную пользу. Достоинство прагматического изложения и тем более международной истории последних лет в значительной степени зависит от свежести того материала, на котором оно базируется. Здесь Гучу надо воздать должное—он чрезвычайно полно использовал опубликованные документы, как-то: дипломатическую переписку, мемуарную литературу вплоть до конца 1922 г. Правда, весь этот материал берется Гучем довольно некритически и даже такой мутный источник, как мемуары Экардштейна, цитируется им весьма охотно. Недостаток гучеcкого изложения сводится, следовательно, к тому, что в нем не использована вся та масса новых источников по международной политике, которая появилась с 1923 г., а, между тем, как раз целый ряд документов первостепенной важности относится к тому периоду международной истории, в котором Гуч специализировался (главы по антагонистической политике Антанты и тройственного союза в Cambridge history of Britich foreign policy написаны как раз им). В особенности следует пожалеть, что Гуч не мог использовать фундаментальное издание германского министерства иностранных дел — Die grosse Politik der europäishen Kabinette, в момент написания книги ему было известно лишь 6 томов из ныне имеющихся 29 (Ф. Ротштейн в своем предисловии почему-то предполагает, что 7). Нельзя сказать, что Гуч был вполне без вины в этом отношении—книга трижды переиздавалась в Англии и в последний раз в 1925 г., когда уже можно было внести целый ряд коррективов в изложение таких основных узлов дипломатической борьбы, как мароккская политика и аннексия Боснии и Герцеговины. Если все эти оговорки применимы к английскому тексту Гуча, то у русского издания сюда присоединяется еще одна, и очень немаловажная. Не столь важно, что в русском переводе опущены три заключительные главы книги Гуча, трактующие о мировой войне и заключении мира—это наиболее слабая и даже бледная часть книги, несмотря на то, что Гуч вообще отличается большой живостью изложения, а странным является следующее обстоятельство. Предисловие к русскому изданию написано Ф. Ротштейном, который, однако, не назван редактором перевода, хотя в своем предисловии и замечает: «Редакция сочла... уместным опустить в переводе всю заключительную часть труда Гуча...». Вопрос же о том, кто редактировал перевод, является весьма существенным хотя бы потому, что настоящего перевода книги Гуча мы просто не имеем. Правда, перевод называется «сокращенным», но к чему относится этот эпитет, к отсечению ли трех последних глав или к тем манипуляциям, которые произведены над самим переводом, читатель не узнает, а, между тем,

«обработка» Гуча в русском переводе такова, что лучше было бы, если бы редактор был назван. Мы находим не только выпуск целых страниц, иногда довольно существенных, но и пересказ некоторых страниц в нескольких строчках. Всегда ли этот пересказ удачен, показывает следующий пример: на стр. 462—466 английского текста Гуч повествует о борьбе французской и немецкой тяжелой индустрии в Марокко и замечает, что никакого соглашения не было достигнуто вплоть до агадирского кризиса; русские переводчики не только опустили эти страницы, но изложили их как раз наоборот—по Гучу из попыток экономического соглашения ничего не вышло, а по переводчикам план этот был разработан, но «был сорван резким ухудшением во взаимоотношениях обеих стран» (стр. 248 русск. изд.). Вместо нескольких страниц—несколько строк, да вдобавок неверно передающих мысль автора. Правда, это исключение—обычно, «сокращение» перевода состоит в замене живого изложения Гуча кратким и сухим пересказом, но всего примечательнее, что эти выпуски и пересказы столь часты, что перевод и сличению поддается с трудом. В очень существенных по своему содержанию X, XIII и XIV главах (англо-французское соглашение, англо-германское соперничество, Агадир) такие пропуски попадаются почти на каждой второй странице и далеко не все из них являются вполне оправданными. Думается, что книга Гуча все же не так плоха и не так перегружена ненужными подробностями, чтобы ее следовало так изменить в переводе. В том виде, как она дана русскому читателю, книга Гуча может быть смело названа не сокращенной, а просто искромсанной.

П. Ф. Преображенский.

Ф. РОТШТЕЙН. Захват и закабаление Египта. Гиз. 1925. Стр. 308.

Колониальное расширение европейских держав за последнее пятидесятилетие европейской истории представляет собою одну из самых интересных тем для современного историка. У этой темы, крайне обширной и трудной для выполнения во всей целостности, имеются особо привлекательные, можно сказать, узловые сюжеты, и к этим последним, бесспорно, принадлежит аннексионистская политика Англии в Египте. В русской исторической литературе нет сколько-нибудь обстоятельной монографии, посвященной египетскому вопросу, и книга Ф. Ротштейна в значительной степени заполняет этот досадный пробел. В своей наиболее значительной части, работа Ф. Ротштейна является переводом появившегося в 1910 г. на английском языке труда названного автора. Этот труд был ответом на появившуюся в 1908 г. апологию английского захвата, написанную лордом Кромером, который был одним из главных деятелей английской политики в Египте. Эта полемическая установка и состояние источников во время написания английского оригинала предопределило характер работы Ф. Ротштейна. Главной задачей лорда Кромера было показать благодетельный характер английского хозяйничания в Египте, которое якобы повело к повышению благосостояния египетского населения и к замене азиатских форм произвола более совершенными европейскими методами управления. При помощи тонкого и остроумного анализа парламентских отчетов, сообщений прессы, донесений агентов европейских правительств, отчетов различных комиссий, работавших в Египте, Ф. Ротштейн весьма убедительно показывает, что апология сиятельного лорда является во многих своих частях дутой, что работа благодетельных колонизаторов проходила в несравненно более выгодных условиях, чем работа предшествовавших им египетских реформаторов, а главное, что упорядочение египетских финансов было куплено иногда такой дорогой ценой, как уничтожением некоторых ценных отраслей египетского хозяйства. Благо египетского народонаселения и распространение европейской цивилизации по Кромеру в дешифровке Ф. Ротштейна оказывается благом европейского капитала—английского, в первую очередь, и расширением сфер его эксплоататорской деятельности.

«Анти-Кромерианская» позиция автора придала книге особую цельность, но в то же время несколько затемнила характеристику Египта, как об'екта колониального соперничества между великими державами. Значение Египта, как предмета спора между Англией и Францией, как своеобразного козыря в сложной дипломатической игре Бисмарка, осталось в книге Ф. Ротштейна как бы скрытым на заднем плане. Правда, некоторая доля вины здесь падает и на состояние самих источников, еще не имевшихся в таком изобилии в момент появления английского издания, но теперь можно подосадовать, что автор не внес соответствующих коррективов в русский текст. Несколько особняком стоят в книге четыре последних главы, трактующие английскую политику в Египте с начала мировой войны до 1924 г. Надо признать, что, несмотря на очень неблагоприятные условия работы в смысле трудностей, связанных с получением документального материала, автору удалось скомпановать довольно выразительную картину английской политики в Египте в течение мировой войны, а также охарактеризовать поведение прогрессивной египетской буржуазии в ее борьбе с английскими правителями. Здесь следует отметить два чрезвычайно интерес-

ных факта: во-первых, поведение рабочего правительства Макдональда в египетском вопросе—лидер рабочей партии просто продолжал линию своих консервативных предшественников; а затем—бессилие даже наиболее радикально настроенной части египетской буржуазии добиться сколько-нибудь реальной автономии без поддержки со стороны масс египетского революционного пролетариата. Констатирование этого последнего факта ярко освещает возможности национального движения в странах Ближнего Востока и служит ясной иллюстрацией тому положению, что эмансипация колониальных рабов европейского капитала может быть достигнута только на почве развития революционного движения как и в самих колониях, так и на самом европейском материке.

П. Ф. Преображенский.

П. ДАРМШТЕТТЕР. История раздела Африки. (1870—1919 г.г.). Перев. с нем. Н. Качкачева. ГИЗ. (год не указан). Стр. 179.

Книга П. Дармштеттера, несомненно, принадлежит к числу самых удачных работ, появившихся в «Библиотеке международной политики». Африканский континент пережил особо характерную судьбу в эпоху европейского империализма, так как раздел не только, главным образом, падает на эту эпоху, но и связывается с целым рядом империалистических конфликтов—как, например, Египет, Фашода, Марокко, Триполи. Правда, задачи автора сравнительно несложны—он дает главным образом прагматическую историю дележа Африки, не стремясь вникнуть в движущие силы европейского колонизаторства, но эта прагматика складывается у него в весьма последовательную картину, для создания которой он довольно тщательно использовал имевшиеся в его распоряжении источники. Эта картина нуждается в коррективах лишь в тех своих частях, где публикации последних годов в области международной политики дали существенно новый и свежий материал, это относится, главным образом, к таким основным моментам колониальных конфликтов, как марокский вопрос, где появление соответствующих томов немецкой „Die grosse Politik“, воспоминаний Пуанкарэ как бы обязывает к новому изложению этой проблемы. Более важным упущением автора является то обстоятельство, что он стыдливо проходит мимо всей внутренней истории европейской колонизации. Подвиги англичан в Египте, Бенине, Униоро, бельгийцев в Конго, его собственных соотечественников в стране Гереро совершенно не входят в поле зрения П. Дармштеттера. Наоборот, колониальная политика кажется ему истинным уделом европейских государств; с нескрываемым сочувствием смотрит на деятельность главнейших представителей колониального Sturm und Drang'a. Эта колонизаторская восторженность Дармштеттера тем более примечательна, что сам он является представителем побежденной, послеверсальской Германии, для которой колониальная политика пока находится в блестящем прошлом. Но для Дармштеттера это прошлое является еще очень живым: «Немецкий народ (?!) не может и не хочет на долгое время отказаться от своей доли участия в заокеанском владении»,--гордо заявляет он в конце своего исследования. Подобные заявления в достаточной степени характеризуют позицию исследователя: Дармштеттер относится к числу тех германских политиков, для которых получение хотя какого-нибудь колониального мандата является одной из основных целей их политических устремлений, и, с этой точки зрения, он принадлежит к тем германским современным политикам и публицистам, которые за последнее время начали почти дословно повторять мотивы колониальных публицистов 70—80 г.г., всячески доказывая, наподобие известного Фабри, что для перенаселенной Германии нужны области для испомещения избыточного населения. Это отношение к черному континенту, как к чистому об'екту колониальной эксплоатации, может вызвать даже некоторое удивление, так как и хорошо знакомые с внутренними обстоятельствами африканского материка немецкие исследователи, как Фробелиус, и даже английские специалисты по вопросу об африканских туземцах, как Дэдлей Кидд, с особой энергией начали указывать на то, что кроме проблемы о самой Африке существует еще проблема об ее населении, которая в свою очередь упирается в сложный и колючий вопрос о взаимоотношениях белой и черной рас. В этом отношении Дармштеттер еще достаточно старомоден и не обладает той долей проницательности, которая характеризует других апологетов колонизаторской миссии Германии, которые, подобно Хаусхоферу, принимают в расчет и все растущее значение национального туземного движения. До некоторой степени это об'ясняется тем малым интересом, который был им проявлен к внутренней истории африканской колонизации, но, во всяком случае современность обязывает, и то устремление в область колониальной политики, которое Дармштеттер навязывает современной Германии, нуждалось бы в несколько более новых рецептах и обоснованиях, а главное, должно было бы принять во внимание предостерегающие слова Фробелиуса. „Afrika ist erwacht. Wir haben es geweckt“ [1]).

П. Ф. Преображенский.

---

[1]) Африка проснулась. Мы ее разбудили.

Проф. И. И. КУЛИШЕР. Очерк экономической истории древней Греции. Ленинград, 1925, стр. 239. Ц. 1 р. 85 к.

Вопреки названию («Очерк экономической истории»), читатель не найдет здесь истории народного хозяйства древней Греции. Работа построена не исторически, а систематически, это подробное собрание материала, классифицированного по отдельным рубрикам: «Территория и население», «рабство», «сельское хозяйство», «аграрный строй», «промыслы», «характер и формы греческой промышленности» и т. д. Правда, некоторые из отдельных глав построены исторически, но далеко не все, и в результате у читателя вряд ли сможет получиться общая историческая перспектива. Кроме того, почти совершенно игнорируется эллинистический период, о чем особенно приходится пожалеть, так как здесь как раз накопилось за последнее время много нового материала, нуждающегося в разработке и систематизации. Точнее было бы поэтому озаглавить работу—«очерк экономического быта классической Греции», и при такой постановке темы книга будет несомненно прочтена с большим интересом и пользой: автор умело подбирает наиболее важный материал и излагает его в доступной и подчас даже яркой форме. К сожалению, в тех случаях, когда автор высказывает свое отношение к некоторым спорным вопросам экономической истории Греции, с ним трудно согласиться. Находясь под сильным влиянием работ Бюхера— Beiträge zur grieschischen Wirtschaftsgeschichte (ожесточенная антикритика, направленная, главным образом, против Белоха и Эд. Мейера, правильная в некоторых деталях, но неприемлемая в целом), автор чрезвычайно туго расценивает результаты экономического развития Греции. Не говоря уже об отрицании высоко развитых форм промышленности, автор склонен отрицать и сколько-нибудь значительное развитие торговли: «если не считать Афин и еще двух—трех городов, то Греция являлась страной сельскохозяйственной, имела ремесло, работавшее для местного сбыта,— ...но в товарообмене с другими странами, кроме подвоза хлеба в неурожайные годы, мало нуждалась» (стр. 203). Если, конечно, нужно с большой осторожностью говорить об афинских «фабриках», то, с другой стороны, вряд ли может быть правильным изображать древнюю Грецию, как замкнутый сельскохозяйственный кантон.

Из технических недостатков нужно отметить некоторую небрежность и подчас даже ошибочность в передаче собственных имен и терминов: «Сардес» вместо Сарды (стр. 24), «амфамиоты» (стр. 37), «Халкис» вм. обычного Халкида (стр. 47), «Арголис» (Арголида, стр. 127), «Кописское озеро» (стр. 126), которое на стр. 194 названо «Копайским», «дипиллонский» (стр. 137); «Пропонтис» (Пропонтида—древнее название Мраморного моря) фигурирует на стр. 207 как название города.

Г. М. Пригоровский.

Н. ГРАЦИАНСКИЙ. Западная Европа в средние века. Источники по социально-экономической истории. (История в источниках. Пособие для практических занятий). ГИЗ. 1925. Стр. 92. Цена 85 к.

Одна из лучших книжек серии, уже нашедшей широкое признание и на страницах критической литературы и в школьной практике. Книжка посвящена исключительно раннему средневековью (что не мешало бы оговорить и в заглавии). Даны источники по хозяйственному быту древних германцев (Цезарь, Тацит, «Правды»); по формулам меровингской и каролингской эпох, сборным актам и капитуляриям, намечен процесс роста крупной собственности. Формулы, капитулярии и хроники дают материал для характеристики положения рабов, их освобождения, кабалы, насильственного лишения свободы, коммендации. Отрывками из формул и капитуляриев бегло обрисован трудный вопрос о марке и мелкой земельной собственности. Большое поместье каролингской эпохи охарактеризовано полным переводом Capitulare de villis, большим отрывком из Brevium exempla, отрывками из Полиптиха аббата Ирминона и из разных капитуляриев IX века. Несколько скуден и однообразен материал, рисующий натурально-хозяйственные порядки. В связи с новыми течениями исторической мысли хотелось бы больше материала по свободной деревне средневековья и по явлениям, не укладывающимся в натурально-хозяйственную характеристику. Составитель умело справился с нелегкой задачей—на 92 страницах дать материал для характеристики основных процессов в социально-экономическом развитии раннего средневековья. Взятый из широкого круга источников, материал тщательно подобран, достачно сжат. Прекрасно выполнен перевод очень трудных для передачи текстов; язык точен, ясен, в меру архаизирован. Можно пожалеть о крайней краткости комментария и о полном отсутствии библиогр. указаний.

Е. А. Косминский.

Е. В. ОЛОВЯНИШНИКОВА. Западная Европа в средние века. (XII—XIV в. в.). (История в источниках. Пособие для практических занятий). ГИЗ. 1926. Стр. 110. Ц. 1 р. 10 к.

Составитель задается целью «представить источники, характеризующие основные процессы социального и политического развития западно-европейского общества во вторую половину средних веков». В виду ограниченных размеров книжки эти процессы характеризуются на примере Франции, где они, по мнению составителя, протекали «особенно ярко и отчетливо». Но составитель не выполняет и этой, значительно с'уженной по сравнению с заглавием программы Наиболее «основным» процессом социального развития Европы мы привыкли считать ее аграрное развитие. Но о нем мы ничего не найдем в предлагаемых источниках. Французская деревня средних веков охарактеризована лишь Жакерией; но Жакерия непонятна вне общих условий развития французской деревни, а те источники, которые рисуют Жакерию, нисколько не затрагивают этих условий и не вдвигают крестьянского восстания в историческую связь. В конце концов источники по истории Жакерии дают чисто внешние отрывочные материалы, главным образом относительно жестокостей обеих сторон. Крайняя преувеличенность враждебных жакам хроник в изображении их жестокостей давно разоблачена французской историографией. Почему-то составитель не счел нужным упомянуть об этом обстоятельстве, отнимающем цену у значительной части приведенного материала. Хорошо зато представлена история городов. Здесь даны отрывки из парижской Книги Ремесл, материалы по борьбе французских городов с сеньерами, хартии вольностей Лорриса, Бомона, Руана и Лана. Не приходится говорить и об «основных процессах» политического развития: политическая история представлена лишь эпизодом, правда, очень крупным, а именно революцией 1356—1358 г. При недостатке места надо бы соблюдать строжайшую экономию в выборе материала, а несомненно, в приведенном материале хроник (да и других источников) есть немало такого, чего учащиеся не смогут использовать. Пользование таким мутным источником, как хроники, требует значительно большего комментария: на всю Жакерию дано лишь 4 примечания. Отсутствуют всякие библиографические указания. Не давая, таким образом, сколько-нибудь систематического подбора источников по истории позднего средневековья (задача, кстати сказать, совершенно неразрешимая на 110 стр.), сборник имеет, несомненно, большую педагогическую ценность, как пособие при проработке отдельных частных тем (цеховые порядки в Париже, французские города, революция 1356—1358 г.г.). Перевод трудных текстов вполне надежен. Все переводы сделаны составителем самостоятельно.

Е. А. Косминский.

БОРЬБА ЗА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ И ШКОЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ. Сборник под ред. С. Н. Дзюбинского и Б. Н. Жаворонкова. Коопер. изд. «Мир». М. 1925. Стр. 134. Ц. 1 р. 20 к.

Конечно никакой борьбы здесь нет. Сборник состоит из четырех статей, частью обзоров, касающихся программ и методов работы по обществоведению, частью отчетов, рисующих опыт школ Киева и Перми.

Задачей сборника является установление принципиальных позиций в вопросах метода работы в виде подытоживающих обобщений и учета опыта во всесоюзном масштабе. Совершенно очевидно, что это задача исключительной ответственности, положительное разрешение которой мыслимо лишь при обязательном сотрудничестве практических работников, при условии целесообразного использования опытных достижений и всестороннего пристального изучения методологических и методических проблем.

Руководящие соображения дает статья Б. Жаворонкова «Борьба за новые программы по обществоведению»: она идет первой и трактует о «борьбе».

По уверению автора, оказывается, что вокруг трудовой школы кипела и продолжала кипеть жестокая борьба. В качестве сторон в этой борьбе выступают сторонники старой и сторонники новой школы. Что более всего поражает в этой борьбе— отсутствие на первых порах сторонника «настоящей» трудовой школы. Сторонники «новой школы», по наблюдениям Жаворонкова, оказываются чистейшими «приверженцами иллюстративной школы, школы действия или так называемой свободной школы» (стр. 5).

Большинство учительства пошло за сторонниками школы действия (стр. 6). Таким образом в недрах Наркомпроса шла подтачивающая работа разрушителей устоев...

Более того, сам Наркомпрос оказывается в роли активного пособника напористых заговорщиков.

В результате этого необычайного происшествия появились программы—страшно выговорить—по истории культуры 1920 г. и программы по той же истории семилетней трудовой школы 1921 г. Программы 1921 года «оказались перегруженными и приспособленными для школ, организованных по-старому (стр. 6). Впрочем, не только эти программы повин-

ны в уклоне в старую (т.-е. дореволюционную) школу, но в этом повинны все программы. Даже программы ГУС'а (весна 1925 г.), и те, оказывается, только более или менее приближаются к задачам трудовой школы, чем все появившиеся раньше» (стр. 6).

Конечно, если уж так серьезно обстоит дело, то автор почитает для себя необходимым и важным проследить борьбу за трудовую школу и выяснить тенденцию (!) этой борьбы, ибо оказывается, по Жаворонкову, «сторонники старого цепко держатся за старую школу, за ее старые обломки, пытаясь всеми мерами, под разными флагами протащить это старое» (куда?—А. И., стр. 9).

Проследим вместе с автором за этими сторонниками и уясним «тенденцию» борьбы.

Первый такой сторонник—А. Луначарский. В чем его грехопадение?

Оказывается, 31 января 1920 г. (поверим Жаворонкову. А. И.) А. Луначарский произнес речь в комиссии для выработки программ по истории при Научно-Методологическом подотделе. Он «нарисовал» те цели, которые необходимо ставить преподаванию истории. По его мнению (цитируем по Жаворонкову), «преподавание истории должно было подготовить в Университет, дать общую картину культурной истории человечества, помочь овладеть марксистскими методами и частными методами работы в области общественных наук, наконец, оно должно было дать эстетическое развитие путем эмоциональных переживаний и психологического изучения истории» (стр. 9). По Жаворонкову следует, что А. В. Луначарский остается на позициях старой школы, ибо «тенденция борьбы» устанавливает, что «старым оставалась целевая установка подготовить интеллигента (страшное слово!—А. И.), дать знания (то же!) для поступления в университет. Старым оставались принципы и система построения программы. Она строилась систематически и хронологически... Преподавать ее предлагалось лучшими методами старой школы» (стр. 10).

Вот такая бесмысленная проповедь о вреде «знаний», такое пренебрежительное отношение к усвоению фактичского материала, как известно,—действительно, отрыжка старого и ведет к понижению качественного уровня новых кадров наших учащихся. Несомненно подобные выступления, почитающиеся авторами в «тенденции борьбы» за радикальное новаторство, ведут к дезорганизации школьного преподавания, к укреплению общеобразовательной безграмотности. Напомним этим «ревнителям просвещения» слова тов. Г. Пятакова, сказанные по другому поводу, но уместные и здесь:

«Нам нужны технические кадры весьма высокой квалификации, обладающие большим солидным запасом знаний и обладающие хорошей технической выучкой и надлежащими навыками к работе» [1]).

Марксистское построение истории не удовлетворило сторонников трудовой школы (кто они?—А. И.), так как оно давало «только знания, но не уменье эти знания применять к делу» (стр. 10). Совершенно непонятно! Что значит применять к делу зания? Ну хотя бы знания истории «Заговора равных»? Что это за «дело»? Неужели подобный «словесный радикализм» может служить аргументом против преподавания истории, конечно, в марксистском построении?

Что мы имеем дело с безнадежной «словесностью», это видно из следующих поверхностных утверждений: «Для марксиста история—это развитие производительных сил, производственных отношений и надстройки» (стр. 10). «Познание закономерности исторического процесса не гарантирует, что закономерность развития современности будет понята» (стр 11). «Наиболее консервативным элементом и мало понимающим современность оказались историки» (стр. 11) и пр.

Жаворонков по простоте душевной и с институтской наивностью полагает, что нет другой об'ективной беспристрастной науки, кроме открывающейся при изучении производственного процесса! Конечно, подобная «установка» в исторической науке превращает Жаворонкова в самого кровожадного «пожирателя» истории. Долой историю! Обществоведение вместо истории!

Тщетно стали бы мы уяснять понимание автором сущности и содержания обществоведения. Оказывается: в «первом случае (из текста никак не выяснить, что это за «случаи». — А. И.)—исторический процесс в его конкретном содержании для выяснения его закономерности; во втором случае—анализ данного общественного образования для сравнения с былым, чтобы вести борьбу с этим последним» (стр. 13). Совершенно непонятно. Можно только догадаться. что в «тенденции борьбы» обществоведение дает анализ современности с походом в прошлое, для борьбы с этим прошлым, а история выясняет закономерность исторического процесса. Но почему тогда ее не нужно?

С «былым»? Было и быльем поросло! И как организовать эту борьбу? Ну, допустим, изучили крепостное хозяйство. С чем или с кем прикажете бороться? Ведь это «сущая ересь»! И затем, какое может быть сравнение с «былым», когда этого «былого» что называется ни в зуб?

---

[1]) „Правда“ № 40 (3269), четв. 18/II—1926 г.

Одна из програм совершенно разумно предлагает «рабочий подход к историческому материалу в виде самостоятельного изучения и проработки учащимися источников и пособий, в которых отразился бы научный метод». Такой подход автор статьи считает, конечно, неприемлемым. «В большинстве програм, пишет Жаворонков (программы, само собой разумеется, редактировались и издавались Наркомпросом и его органами. А. И.), мы видели историю культуры ради приобретения научных знаний и научных методов работы, т.-е. целью этих программ являлось подготовить интеллигентов, и только... Исторический курс пытались строить по-марксистски и пытались дать знания марксистские, т.-е. пытались готовить или советского чиновника или интеллигента» (стр. 24).

Я не сомневаюсь, что автор статьи после этого утверждения почел себя решительным сторонником самых радикальных и революционных мероприятий. Нам не нужны ни интеллигенты, окончившие советские университеты, нам не нужны «советские чиновники». Все само собой устроится! «В настоящее время, уверяет Жаворонков, опять, наверное в последний раз, зашевелились историки[1]), в надежде, что история будет восстановлена в своих правах. Повод к этому им дает программа ГУС'а, где мы не имеем полного упразднения истории, где даются большие исторические экскурсы в XIX век. Однако, напрасные надежды. Если они вчитаются в программу, то они увидят к своему ужасу (?), что в ней нет даже великой французской революции, а уже античностью и не пахнет, они убедятся, что она совсем не возвращает нас к истории» (стр. 27).

Таковы рассуждения одного из «пожирателей» истории, правда, не отличающиеся ни особой убедительностью, ни достаточной исторической и обществоведческой грамотностью. Конечно, можно было бы пройти мимо подобных выступлений, можно было бы совершенно игнорировать их, памятуя, что «ветер воет, караван проходит». Но нам надобно было остановить внимание читателя на этом документе, чтобы продемонстрировать исключительную отсталость нашей школы в историческом образовании. Совершенно очевидно, что вне этого образования немыслима общеобразовательная школа, что историческая безграмотность чревата самыми тяжелыми последствиями и прежде всего социальной близорукостью и политической куриной слепотой. Недаром история, как предмет преподавания, занимает такое видное место в системе «народного» образования буржуазных государств. Что и говорить—наша история переворачивает вверх дном буржуазную историю, ставя ее на собственные ноги.

Вполне понятна и законна была в свое время реакция против школьной истории, той традиционной истории, которая дышала веянием идей Иловайских, Григмунтов, а позднее Милюковых и Кизеветтеров. Она, правда, продолжала очень стойко гнездиться в после-октябрьской школе, преимущественно и дольше в трудшколах II ст. С другой стороны, эта реакция об'яснялась условиями гражданской войны. В годины тягчайших борений советского государства против наседающей буржуазии историческое изучение естественно отодвигалось на задний план.

Необходимо было со всей настойчивостью отвлечь внимание учащегося от исторических трясин, и приковать его к актуальным проблемам, возникавшим в процессе развертывающейся гражданской войны. Надо было не столько изучать, сколько осознать, прочувствовать современность, воодушевиться, как участнику, грандиозной борьбой пролетариата за свое освобождение.

Ныне, при условии нашей стабилизации, при развертывании промышленности, в условиях расширенного воспроизводства основного капитала промышленности—историческое образование делается основой общего образования, готовящего гражданина нашей Республики, понимающего историческую неизбежность совершающихся событий и ориентирующегося в перспективных прогнозах.

Надо полагать, что вопросы исторического образования не в далеком будущем сделаются предметом оживленных методологических изысканий.

А. З. Иоаннисиани.

Steen Bergman. Vulkane, Bären und Nomaden Reisen und Erlebnisse in wilden Kamtschatka. 4⁰. XII + 280 стр. + 2 карты. с 154 рис. и фотогр. Изд. Stecker und Schröder. Stuttgart. 1926.

Книга Стена Бергмана представляет воспоминания участника шведской экспедиции, посетившей Камчатку в 1920—1922 г.г. Обильный ботанический, зоологический, этнографический и археологический материал, добытый этой экспедицией еще разрабатывается, и Стен Бергман собственно опубликовал только свои личные впечатления о посещенной им стране и условиях жизни ее жителей. Тем не менее, его книга не лишена, по крайней мере для этнографа, историка и экономиста, известного интереса, в особенности, если сопоставить ее с имеющейся на русском языке за последнее полустолетие немногочисленной литературой о Камчатке, этой богатейшей, но еще мало нам известной окраине нашего Союза. Страна бы-

[1]) Подчеркнуто мною. А. И.

стро экономически развивается, сравнительно, во всяком случае, с ее недавним прошлым. В одном Усть-Камчатске,—где в середине прошлого века, во времена исследователя камчатского края К. Дитмара (см. Дитмар: «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—55 г.г.», русск. пер., изд. 1901 г.), было только несколько летних рыбачьих шалашей, — Бергман застал 4 первостепенных рыбно-консервных завода с тысячами рабочих. По юго-западному же берегу Камчатки—от реки Озерной-Курильской до Большерецка и далее к Северу—таких заводов несколько десятков. Конечно, есть еще много диких мест, настоящих медвежьих углов. Встречаются по зап. берегу и на севере и номады—ламуты, и коряки,—и тех и других Бергман посетил,—но и они, под влиянием непрестанных торговых сношений с американцами и японцами, утратили многое из своей прежней примитивности.

Этнографический состав населения тоже за последние 15 лет (если взять данные т. н. экспедиции Рябушинского, изд. в 1912 г. и до сих пор считающиеся новейшим материалом о камчатском крае) сильно изменился: сюда массой хлынул на рыбный промысел, в полном смысле слова, интернациональный пролетариат. Теперь на Камчатке коренные жители составляют уже меньшинство. Среди новых вселенцев доминируют китайцы, корейцы, японцы. Встречаются и вновь прибывшие русские рабочие из Владивостока, есть выходцы из Америки и европейских стран. К сожалению, на ряду с этим сюда проникло много крупных и мелких капиталистических хищников. В частности, в книге Бергмана очерчена деятельность на Камчатке пресловутой меховой кампании Олафа Свенсона, закабалившей все население центральной части страны своими «торговыми» операциями. Вообще, как ни расположен Бергман лично к капиталистическим «культуртрегерам», в особенности если они его земляки, из книги его довольно ясно встает вся та беззастенчивая эксплоатация природных богатств страны и ее населения, которой подвергался со стороны иностранных капиталистов, главным образом, американцев, и особенно японцев, злосчастный полуостров в 1920—1922 г.г., в годы японской интервенции. Теперь, с установлением здсь в 1923 г. окончательно Советской власти, это, впрочем, отходит уже в прошлое.

Бергман посетил Камчатку в самый разгар тут гражданской войны и засилья японских интервентов. Это делает его книгу особенно интересной, т. к. данный период в истории северо-восточн. окраин Д. Востока почти не затронут в имеющейся у нас литературе, даже по гражданской войне в Сибири. Любопытна приводимая в рецензируемой книге сравнительная характеристика белой и красной армий, даваемая как никак свидетелем из буржуазного лагеря. Несмотря на всю свою первоначальную принципиальную враждебность к Советской власти, шведский ученый не может не признать, что при более близком знакомстве последняя произвела на него и поддержкой, оказываемой его научным исследованиям, и защитой населения от грабежа со стороны интервентов очень благоприятное впечатление. Напротив, белые сразу же отшатнули его от себя своим безнадежным авантюризмом и разнузданностью. В книге описывается ряд насилий белых солдат в Петропавловске, гл. городе полуострова. Однажды население целой улицы сбежалось в дом шведской миссии, думая найти защиту под иностранным флагом от неистовств белых войск.

В книге Бергмана можно найти также несколько указаний на поразительную распоясанность на Камчатке в 1920—1922 г.г. японских интервентов. Японцы заводят на русской территории свои радио, их офицеры раз'езжают, как у себя дома, по стране, делая с'емки и заставляя население предоставлять им транспорт; их вооруженные концессии стремятся стать в полном смысле слова государством в государстве; японские крейсера, вопреки международным правилам, делают промеры у самых камчатских берегов; крейсер «Нитака», в увлечении таким «исследовательским пылом», даже наскочил на рифы и перевернулся, и т. д.

В общем книгу Бергмана мы считаем представляющей некоторый интерес, как сырой материал для истории наших дальне-восточных окраин за последние годы.

В качестве отдельного очерка в книге помещена статья д-ра Хультена о его поездке в 1922 г. в южную часть Камчатки, приводящая некоторые археологические данные о пределах расселения здесь племени айно.

С. Л. Урсынович.

ХРОНИКА

В обществе историков-марксистов.

В связи с летними каникулами в вузах и научных учреждениях в обществе также проводится летний перерыв, в течение которого ведется только текущая работа и намечен к изданию второй номер журнала «Историк-Марксист».

Подводя итог годовой работы общества, следует отметить сравнительно большие достижения в его деятельности, тем более, что работать подчас приходилось в очень неблагоприятных условиях. Особенно тяжела была организация журнала «Историк-Марксист», выход которого совпал с общим тяжелым кризисом издательского дела. При таких условиях издание научного журнала нередко встречало скептическое отношение и среди членов общества, опасавшихся, что журнал явится несвоевременным и утопическим предприятием кроме тяжелого издательского кризиса еще и вследствие общей слабости исторической мысли в СССР. Издание первого номера, весьма горячо встреченного печатью, единодушно отметившею большую потребность в подобном журнале, рассеяли этот пессимизм. Выход же второго и подготовка к печати третьего номера журнала «Историк-Марксист», безусловно является иллюстрацией развития исторической мысли в СССР. Многочисленные статьи, поступающие в редакцию, правда, больше исследовательского, чем общеметодологического характера по вопросам истории, лучше всего говорят, что марксистская историческая наука в СССР быстро развивается. При этом условии и редакция сможет действительно сделать журнал «Историк-Марксист» руководящим журналом каждого историка-марксиста. Это условие—развитие исторической мысли в СССР—пожалуй, может послужить основанием к преодолению трудностей и со стороны издательской и материальной.

В области же организационной за зимний период в обществе проведена крупная работа по об'единению исторических марксистских сил. Бесспорно можно сказать, что историки-марксисты гор. Москвы действительно об'единены в свою организацию. Кроме того, наблюдается приток членов и из других городов СССР.

Благодаря широкому об'единению марксистских исторических сил, стала возможно и дифференциация работ общества. Прежние формы работы, когда общество существовало как единое целое, не дробясь на секции, уже не удовлетворяет задачам общества. В настоящее время общество разбито на секции: методическую, истории Запада, истории России и ВКП, истории общественных форм. истории Востока. На заседании Совета утверждены врем. бюро секций в составе: методическая—т.т. Кривцов, Максимовский, Срогович, Мамет и Мильман, истории России и ВКП—т.т. Покровский, Кнорин, Ярославский, Горин, Дубровский, Слепков и Шестаков; истории Запада: т.т. Лукин, Моносов, Красный, Куниский и Фридлянд. Утверждение бюро секции по истории Востока отложено до осени.

Советом общества поручено бюро секций за летний период разработать план своих годовых работ. В основу работ секций кладутся методическое руководство и разработка исторических проблем по данным отраслям исторического знания, с обращением главного внимания на разработку актуальных и спорных вопросов истории. Для этих целей секции заслушивают доклады, организуют диспуты, следят за постановкой своих отделов в журнале «Историк-Марксист» и т. д. В плане работ секции намерены особое внимание обратить на издание популярной исторической литературы, в которой ощущается острая потребность на книжном рынке, заполняемом нередко всякого рода халтурными работами. Общество ставит своей целью решительную борьбу с книжной халтурой, приносящей огромный вред нашему читателю. Огромное внимание секциям придется уделить и на постановку своих отделов в библиографическом отделе журнала «Историк-Марксист». Начиная с третьего номера журнала, в отделе библиографии будут даваться систематические обзоры выходящей исторической литературы и критические разборы работ, заслуживающих того или иного внимания.

Кроме узко секционных работ в будущем году намечены также и широкие публичные заседания, посвященные разбору основных проблем исторического знания или тем или иным юбилейным датам, имеющим огромный интерес и среди лиц, не принадлежащих к «историкам-профессионалам». Так, в текущем году

намечено открытое публичное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти М. А. Бакунина.

В своих работах будущего года общество особое внимание уделит вопросам подготовки Х-летнего юбилея Октябрьской революции. Осенью намечен доклад М. Н. Покровского «Задачи изучения Октябрьской революции», и в ближайших номерах журнала предположено дать статьи по вопросам изучения Октябрьской революции. Ряд членов общества ведет работу по разработке и изучению Октябрьской революции и кроме того члены общества примут участие в издании популярной литературы к Х-летию Октября. Работа общества ведется в контакте с комиссией по Х-летию Октябрьской революции, созданной при ЦК ВКП(б).

Г.

В исторической комиссии И. С. С.

Институтом Советского Строительства в начале текущего года выделена историческая комиссия, ставящая своей целью собирание и научную разработку материалов по истории советского строительства. В настоящее время в работах комиссии главное внимание обращено на подготовку и издание материалов к Х-летию Октябрьской революции. К Х-летию Октября Институтом Советского Строительства утверждены четыре основные работы: П. О. Горина—Организация и строительство советов в 1917 году; С. А. Пионтковского—Советы Р. Д. в период II—V Всероссийских с'ездов С. Р. Д.; В. П. Антонова-Саратовского—Советы Р. Д. в эпоху военного коммунизма и А. В. Шестакова — Советы Крестьянских Депутатов в 1917—20 г.г. В работах преимущественно будут даны систематически собранные документы по истории советского строительства с вводными руководящими статьями.

Работа Исторической Комиссии И. С. С. протекает в тесной связи с комиссиями Наркоматов, также занятыми подготовкой к Х-летию Октябрьской революции, для чего в историческую комиссию И. С. С. входят представители Наркомвнудел, Нарком Р. К. И. и Ц. К. К., Наркомздрава и др. Планы работ Наркоматов предварительно рассматриваются в исторической комиссии, благодаря чему устранится параллелизм и представляется возможным более тщательная научная обработка издаваемых материалов. С осени в порядке работ исторической комиссии лежит установление связи с местными организациями занятыми подготовкой к десятилетию Октября.

В порядке работ комиссии стоит также вопрос об организации музея советского строительства, ставящего своей целью демонстрацию работ Соввласти за десять лет. Потребность в таком музее весьма огромна. Работа исторической комиссии, однако, в значительной мере осложняется скудостью материальных средств, находящихся в ее распоряжении. С установлением же нового бюджетного года есть все основания надеяться, что как работа исторической комиссии, так и организация музея советского строительства будут располагать твердой материальной базой.

Ответственный редактор А. В. Шестаков